

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИРЯ

ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова

The Journal is published
by Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал издается
Институтом славяноведения
Российской академии наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief
F. B. Uspenskij

Главный редактор
Ф. Б. Успенский

The Editorial Board

R. N. Krivko (*Austria*); I. Hristova-Shomova, A. Nikolov (*Bulgaria*);
M. Mihaljević, M. Kapović (*Croatia*);
V. Čermák (*Czech Republic*);
R. Marti, B. Wiemer (*Germany*);
A. Zoltán (*Hungary*); M. Garzaniti (*Italy*); J. Schaeken (*Netherlands*);
E. I. Kislova, S. L. Nikolaev, M. M. Makartsev, P. R. Minlos, A. M. Moldovan, D. G. Polonski,
T. V. Rozhdestvenskaia, A. D. Shmelev, A. A. Turilov, B. A. Uspenskij, Rev. Michael Zheltov (*Russia*); J. Grković-Major, T. Subotin-Golubović (*Serbia*);
R. Romanchuk, A. Timberlake, W. Veder, A. Zholkovsky (*USA*)

P. Н. Кривко (*Австрия*); А. Николов, И. Христова-Шомова (*Болгария*);
А. Золтан (*Венгрия*); Б. Вимер, Р. Марти (*Германия*); М. Гардзанити (*Италия*); Й. Схакен (*Нидерланды*);
свящ. Михаил Желтов, Е. И. Кислова, М. М. Макарцев, Ф. Р. Минлос, А. М. Молдован,
С. Л. Николаев, Д. Г. Полонский, Т. Вс. Рождественская, А. А. Турилов,
Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев (*Россия*); Я. Грекович-Мейджор,
Т. Суботин-Голубович (*Сербия*); А. Жолковский, Р. Романчук,
А. Тимберлейк, У. Федер (*США*);
М. Михалевич, М. Капович (*Хорватия*); В. Чермак (*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 11

Nº 2

Moscow

2022

Москва

p-ISSN 2304-0785
e-ISSN 2305-6754
DOI 10.31168/2305-6754

Свидетельство о государственной
регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-68309 от 30.12.2016

Supported by:
Open Journal Systems
<http://pkp.sfu.ca/ojs/>

SHERPA/RoMEO blue journal

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
Минобрнауки РФ

Included in / Журнал включен в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Russian Science Citation Index

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>

Academic Editors

F. B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Vinogradov Russian Language Institute of the RAS,
Moscow
E. I. Kislova, HSE University, Moscow

Научная редакция

Ф. Б. Успенский (главный редактор),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва

R. Marti, Saarland University, Saarbrücken
D. G. Polonski, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow
M. N. Saenko, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow

Е. И. Кислова, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики», Москва
Р. Марти, Университет земли Саар, Саарбрюкен
Д. Г. Полонский, Институт славяноведения РАН,
Москва
М. Н. Саенко, Институт славяноведения
РАН, Москва

Managing Editors

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, A. K. Polivanova,
M. M. Makartsev, R. Marti, D. G. Polonski,
M. N. Saenko, A. E. Soboleva

Редакторы выпуска

А. О. Бурцева, Е. И. Кислова, А. К. Поливанова,
М. М. Макарцев, Р. Марти, Д. Г. Полонский,
М. Н. Саенко, А. Е. Соболева

Technical Copy Editors

A. O. Burtseva, Z. A. Chervonnaya, U. V. Kononova,
K. V. Sarycheva, A. A. Troitskaya, M. S. Yakovleva

Технические редакторы

А. О. Бурцева, Ю. В. Кононова, К. В. Сарычева,
А. А. Троицкая, З. А. Червонная, М. С. Яковлева

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, M. S. Yakovleva

Литературные редакторы, корректоры

(русский язык) А. О. Бурцева, Е. И. Кислова,
М. С. Яковлева

English Language Copy Editors, Proofreaders

N. S. Berseneva

Литературные редакторы, корректоры (английский язык) Н. С. Берсенева

Layout Editor

M. N. Tolstaya

Верстка М. Н. Толстая

Design (2012)

I. N. Ermolaev

Дизайн (2012)

И. Н. Ермолов

Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 11. № 2. — Москва: Институт
славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2022. — 390 с.

Номер издан при поддержке Фонда инновационных научно-образовательных программ
“Современное Естествознание” и “Лаборатории ненужных вещей”.

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons “Attribution-NoDerivatives”
4.0 Беспрецедентная / Journal content is licensed under a Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2022

© Authors, 2022

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents / Содержание

Статьи / Articles

- 7 Й. Комендова (Оломоуц). Необычные природные явления в древнерусской и чешской историографии XII–XIII веков в сравнительной перспективе
 J. Komendová (Olomouc). *Extraordinary Natural Phenomena in Old Rus' and Czech Historiography of the 12th–13th Century in a Comparative Perspective*
- 28 П. С. Стефанович (Москва). Летописное сообщение 1136 г. и становление новгородской независимости
 P. S. Stefanovich (Moscow). *The Chronicle Entry of 1136 and the Formation of the Novgorod Sovereignty*
- 53 А. Ю. Виноградов (Москва). Роль архиепископа Нибонта в новгородских событиях 1136 г.
 A. Yu. Vinogradov (Moscow). *The Role of Archbishop Nifont in the Novgorod Events of 1136*
- 68 М. Цибранска-Костова (София). Вечните теми на православието: Патриарх Евтимиий и Евтимиий Зигавин за иконоборството (езикови аспекти)
 M. Tsibranska-Kostova (Sofia). *The Eternal Topics of Orthodoxy: Patriarch Euthymios and Euthymios Zigabenos about Iconoclasm (Linguistic Aspects)*
 М. Цибранска-Костова (София). Вечные темы православия: Патриарх Евфимий и Евфимий Зигабен об иконоборстве (языковые аспекты)
- 92 М. В. Корогодина (Москва). Толковый Апостол Александра Солтана
 M. V. Korogodina (Moscow). *The Apostle with Commentaries of Alexander Soltan*
- 125 К. Ю. Лаппо-Данилевский (С.-Петербург). Андрей Тейльс — писатель, который все-таки существовал
 K. Yu. Lappo-Danilevskii (St. Petersburg). *Andrei Aleksandrovich Teils, a Writer Who Nonetheless Existed*
- 149 А. I. Černyi (Москве). Sündenvergebung oder spirituelle Führung? Transformation des Begriffs „duhovník“ in der russischen Sprache des 19
 A. I. Černyi (Moscow). *Absolution of Sins or Spiritual Guidance? Transformation of the Concept of duhovník in the Russian Language of the 19th Century*
 А. И. Черный (Москва). Отпущение грехов или духовное руководство? Трансформация понятия «духовник» в русском языке XIX века
- 168 А. В. Вдовин (Москва). Крестьянские речь и голоса в «Записках охотника» И. С. Тургенева и прозе о крестьянах до отмены крепостного права
 A. V. Vdovin (Moscow). *Peasant Speech in Ivan Turgenev's "A Sportsman's Sketches" and Russian Fiction Before the Emancipation*
- 187 А. В. Сысоева (С.-Петербург). Через политические обвинения к социалистическому реализму: обсуждение повести А. М. Дмитриева «Есть — вести корабль»
 A. V. Sysoeva (St. Petersburg). *Through Political Accusations to Socialist Realism: Discussion of A. M. Dmitriev's Novel "Aye to Steer the Boat"*

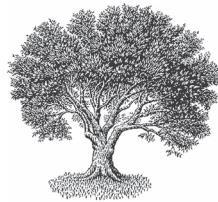
- 209 И. С. Пекунова (Москва). Отроду не видано, сроду не слыхано, а на роду написано. Особенности развития существительных подвижного акцентного типа в славянских идиомах
 I. S. Pekunova (Moscow). Ótrodu ne vidano, srodu ne slykhano, a na rodú napisano. *Features of the Development of Mobile Accent Type Nouns in Slavic Idioms*
- 244 Б. Карапејовски (Скопје). Развојот на постпозитивниот морфолошки член во македонскиот јазик како експонент на генеричната референција
 Б. Карапејовски (Скопье). Развитие постпозитивного артикля как показатель генерической референции в македонском языке
 B. Karapejovski (Skopje). *The Development of the Postpositive Morphological Article in Macedonian as an Exponent of Generic Reference*
- 264 А. М. Введенский (С.-Петербург). Сыновья Всеслава Брячиславича. Стратегия и порядок имянаречения
 A. M. Vvedenskiy (St. Petersburg). *Vseslav Bryachislavich's Sons. Strategy and the Order of Name-giving*
- 278 К. Ю. Ерусалимский (Москва). Имена московитов: ономастика российских эмигрантов в Речи Посполитой во второй половине XVI — начале XVII века
 K. Yu. Erusalimskiy (Moscow). *The Names of the Muscovites: Onomastics of the Russian Emigration in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16th—Early 17th Centuries*
- 317 А. Г. Авдеев, А. Ф. Литвина, О. Н. Радеева, Ф. Б. Успенский (Москва). Светская христианская двуименность в эпитафиях Московской Руси (округ трех неопубликованных надписей XVI—XVII вв.)
 A. G. Avdeev, A. F. Litvina, O. N. Radeeva, F. B. Uspenskij (Moscow). *Secular Christian Dual Naming in the Epitaphs of Moscow Rus (around Three Unpublished Inscriptions of the 16th-17th Centuries)*

Полемика / Discussions

- 347 S. Torres Prieto (Segovia). *Origins of the Byliny: A Working Hypothesis*
 С. Торрес Прието (Сеговия). Истоки былин: рабочая гипотеза

Рецензии / Reviews

- 368 Д. М. Цыганов (Москва). «Надо, чтоб каждый в Союзе читал...»: Читатель как институция советской культуры
 [Рец.: *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Volume 3*. Edited by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Milano: Università degli Studi di Milano, 2020]
 D. M. Tsyganov (Moscow). “In the Union, Everyone Should Read...”: Reader as an Institution of the Soviet Culture
 [Rev. of: *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Volume 3*. Edited by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Milano: Università degli Studi di Milano, 2020]

Необычные природные явления в древнерусской и чешской историографии XII–XIII веков в сравнительной перспективе*

Йитка Комендова

Университет им. Палацкого,
Оломоуц, Чехия

Extraordinary Natural Phenomena in Old Rus' and Czech Historiography of the 12th–13th Century in a Comparative Perspective

Jitka Komendová

Palacký University,
Olomouc, Czech Republic

Резюме

В статье исследуется способ отражения необычных природных явлений (таких как исключительные астрономические или метеорологические феномены, стихийные бедствия и т. д.) в восточнославянских летописях и чешской историографии XII–XIII вв. Анализ сообщений данного типа показывает, что существуют фундаментальные различия в частотности

* This study is a result of the research funded by the Czech Science Foundation as the project GA ČR nr. 20-10163S „The Earliest Chronical Writing from Medieval Russia: Authorial Subject, Genre and Methods“.

Цитирование: Комендова Й. Необычные природные явления в древнерусской и чешской историографии XII–XIII вв. в сравнительной перспективе // Slověne. 2022. Vol. 11, № 2. С. 7–27.
Citation: Komendová J. (2022) Extraordinary Natural Phenomena in Old Rus' and Czech Historiography of the 12th–13th Century in a Comparative Perspective. *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 7–27.
DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.1

записи подобных сведений и их интерпретации в зависимости от местной традиции и историографического жанра. В историографии Венгрии и Польши этим темам уделяется минимальное внимание. Чешские средневековые историографические работы, напротив, не только содержат множество данных об астрономических и метеорологических явлениях, но также отражают широкий спектр взглядов на смысл записи необычных природных феноменов. Способ отражения природных явлений обусловлен как общим замыслом произведения, так и индивидуальным интересом конкретного автора. В древнерусских историографических текстах доминирует убеждение, что необычные астрономические и метеорологические феномены представляют собой один из кодов, с помощью которых Бог общается с человечеством. Таким образом, их тщательная фиксация служила инструментом для понимания моральных качеств людей, смысла истории, взаимоотношений между человеческим сообществом и Богом. В восточнославянской и чешской средневековой историографии запись необычных природных явлений укрепляет хронологическую структуру нарратии, поскольку обе историографические традиции опираются на абсолютную хронологию как на основной принцип построения повествования. В то время как в чешской историографии записи об исключительных природных явлениях в первую очередь указывают на взаимосвязь между прошлым и настоящим, на Руси необычные природные явления понимались как своего рода зримая, наглядная связь между прошлым, настоящим и будущим.

Ключевые слова

природные явления, астрономия, метеорология, восточнославянское летописание, средневековое историописание Центральной Европы, средневековая Русь

Abstract

The study aims to determine the way in which the extraordinary natural phenomena, including exceptional astronomical or meteorological ones, natural disasters, etc., are reflected in East Slavic and Czech historiography of the 12th and 13th centuries. The analysis of such reports shows that there are fundamental differences in the frequency of these reports and their interpretation depending on the local tradition and the historical genre. While minimal attention is paid to these topics in historical records of Hungary and Poland, historiographical works of medieval Bohemia not only capture a wealth of data on astronomical and meteorological phenomena, but also reflect a diverse range of attitudes to the meaning of recording extraordinary natural phenomena. The way of reflection of these phenomena was given both by the overall intention of the work and by the individual interest of a particular author. The oldest historiographical texts of Old Rus' shared a strong belief that extraordinary astronomical and meteorological phenomena represent one of the codes by which God communicates with mankind. The recording of such phenomena therefore served as a tool to understand the moral qualities of the human race, the meaning of history, the relationship between man and God. In East Slavic and Czech medieval historiography, the recording of extraordinary natural phenomena strengthens the chronological structure of interpretation, as both

of these historiographical traditions emphasize absolute chronology as the basic principle of narration. While in Czech historiography the records of exceptional natural phenomena indicate the relationship between the present and the past, Old Russian chronicles understand extraordinary natural phenomena as a kind of visible, illustrative link between the past, present and future.

Keywords

natural phenomena, astronomy, meteorology, East Slavic historiography, Central European historiography, medieval Rus

Сообщения о небывалых природных явлениях, стихийных бедствиях, исключительных астрономических или метеорологических феноменах содержатся в ряде исторических источников европейского Средневековья. Историографы того времени записывали данные о солнечных и лунных затмениях, кометах, планетах или метеоритах, напоминавших наблюдателям огненных змеев. Особое внимание вызывали оптические атмосферные явления — ореолы (гало) или полярное сияние. Отдельный комплекс сообщений включает в себя сведения о наводнениях, штормах, граде, грозах в необычное время года и экстремальных перепадах температур, повредивших или полностью уничтоживших урожай, что вело за собой резкий рост цен на продовольствие или даже голод. Источники также фиксируют данные о землетрясениях. Появляются и сообщения о таких уникальных явлениях, как затмение, связанное с извержением вулкана, или «кровавый дождь». Сведения такого типа сегодня изучаются историками, специалистами в области естественных наук, исследователями, работающими в междисциплинарной области культурно-ориентированной исторической климатологии или же изучающими взаимодействие человека и климата в исторической перспективе¹.

¹ Сообщения о необычных природных явлениях в чешских историографических текстах исследуются через призму различных гуманитарных и естественных наук. С точки зрения естественных наук см.: [Link 1961: 559–571; Link 1962: 297–391; Setvák, Šálek, Munzar 2003: 589–605; Brázil et al. 2012: 193–204]; с точки зрения исторической науки: [Bláhová 1992: 831–850]; с филологической точки зрения: [Kociánová 2007: 118–139]. Анализ всех астрономических сообщений древнерусских летописей дает [Святский 1915]. Во 2-м издании [Святский 2007] приведен наиболее полный каталог астрономических сведений в русских летописях, составленный редактором книги М. Л. Городецким. Летописные сведения о климатических аномалиях, их влиянии на продовольственное обеспечение Новгорода и связанных с этим кризисах рассматриваются через призму междисциплинарного подхода (к сожалению, без знания русскоязычной литературы) исследовательницей Хели Хухтамаа [Huhtamaa 2015: 562–590]. Перечень сообщений древнерусских, центральноевропейских и западноевропейских источников об экстремальных погодных колебаниях в

Важно исследовать не только фактическую основу подобной информации в средневековых историографических источниках, но и то, каким образом описываются эти явления, в какой контекст они встроены, как они интерпретируются и почему авторы считают важным включать данные такого рода в картину истории своей страны. Таким образом, анализ необычных природных явлений в средневековой историографии открывает перед нами комплексный процесс работы средневекового историографа (начиная с принципов отбора информации и выбора жанра исторического произведения и заканчивая его представлениями о сути историографического труда и самого смысла истории). Понимание этих вопросов может помочь найти ответ на, казалось бы, тривиальную, но на самом деле весьма сложную и многогранную проблему определения функций средневековых исторических произведений.

Сообщения об исключительных астрономических и метеорологических явлениях встречаются во всех древнерусских летописях, но их частотность и подробность отличается. Тимофей Гимон провел количественный анализ содержания древнейших историографических произведений средневековой Руси и подсчитал, что сообщения о необычных природных явлениях составляют около 10 % информации, в то время как тексты о политических событиях и военных действиях составляют более половины всего содержания летописей. С количественной точки зрения сообщения об экстремальных природных явлениях в летописях примерно сопоставимы с информацией о событиях в княжеской семье, строительстве храмов или смене церковных иерархов [Guimon 2021, 371–381]².

Наиболее слабо представлены сообщения о природных явлениях в Киевской летописи, что связано с интересом этого текста к подвигам князей и жизни княжеской семьи. Напротив, необычайная частота таких сведений в Новгородской первой летописи (НПЛ) обусловлена тем, что в этом памятнике в целом проявляется меньший интерес к военно-политическим событиям, почти до минимума сводятся известия о княжеской семье и — по сравнению с другими летописями — в гораздо

Средние века приводит [Бараш 1989]. К сожалению, можно назвать довольно поверхностным отрывок, посвященный русским летописям XI–XIII столетий в работе [Борисенков, Пасецкий 1983]. Новые исследования данной темы историками и литературоведами цитируются далее в тексте. Однако ни в случае древнерусских летописей, ни для историографии Центрально-Восточной Европы не был проведен всесторонний анализ, подобный тому, который был сделан для раннесредневековой историографии Латинской Европы в книге [Wozniak 2019].

² Поэтому в принципе верно утверждение Урсулы Бибер, которая без опоры на статистический анализ утверждает, что самая большая группа записей в летописях состоит из отчетов о военных конфликтах, будь то внутренние сражения или нападения извне, а вторая по величине группа — это фиксирование чрезвычайных природных явлений и вызванных ими катастроф [Bieber 2018: 72].

большой степени представлена внутренняя жизнь города. Поэтому летописцы системно отслеживают погодные колебания и стихийные бедствия, оказывавшие значительное влияние на производство продуктов питания и цены, а следовательно, и на общее качество жизни новгородцев [НПЛ, л. 11об.–12об., 23, 23об.–24, 37, 81–81об.]. В XIII в. в новгородской летописи стало меньше упоминаний о природных явлениях, а если они фиксировались, то в них преобладала моралистическая трактовка, так как они служили поводом для размышлений летописца о сущности божественной кары и милости [НПЛ, л. 110, 151].

НПЛ, описывая экстремальные проявления голода³, даже сообщает о случаях каннибализма или о собаках, поедающих младенцев и трупы на улицах, которые не успели похоронить [НПЛ, л. 12, 30об., 81об., 111об.]. Мотив антропофагии, усиливающий впечатление от упоминаний о страшных последствиях погодных колебаний или стихийных бедствий, неоднократно встречается в античной и европейской средневековой литературе, именно поэтому Т. Возняк включил его в число характерных топосов, сопровождающих сообщения о стихийных бедствиях в европейской историографии [Wozniak 2019: 731–739]. Хотя в летописях Древней Руси упоминание об антропофагии во время голода тоже имеет характер топоса, это не означает, что мы можем считать такие отрывки чисто литературными. На самом деле мы сталкиваемся здесь с вопросом, который сопровождает изучение средневековых топосов в целом: является ли это в той или иной конкретной ситуации исключительно литературным образом, независимым от реальности, или же топос – это фиксированная литературная форма, отражающая явления, которые существовали в реальности?

Степень точности записи отдельных наблюдений в восточнославянских летописях варьируется от наиболее подробных наблюдений, которые можно проверить с помощью современного естественно-научного инструментария, до относительно сухих замечаний, которые, тем не менее, понятны по содержанию. Только одно сообщение из Повести временных лет настолько фантастично, что вызывало скептическое удивление уже у современников, поэтому летописец счел необходимым подкрепить свою интерпретацию облаков, из которых на Севере сыплются детеныши белок и оленей, неоспоримым авторитетом — и добавил в текст отсылку к Хронографу, где можно найти сведения о подобных явлениях [ПСРЛ, I, л. 104].

³ Несмотря на тенденциозность интерпретации данных, ценным является анализ сообщений древнерусских летописей о голодных годах и их климатических и социально-политических причинах, с учетом аналогичных сведений из стран Балтии и Центральной Европы, проведенный в работах [Пашутко 1964: 61–94] или [Idem 2011: 265–317].

Аксиологическая интерпретация стихийных бедствий, исключительных небесных феноменов и место этих явлений в мировосприятии средневековых летописцев уже стали объектом научных исследований⁴. Стихийные бедствия различного рода (включая и экстремальные климатические явления, и вызванные ими голод, эпидемии среди людей и скота) всегда рассматривались как проявление Божьей воли. Идея о том, что Бог посыпает беды «за грехи наши», красной нитью проходит через все летописи, призывая людей к покаянию и исправлению, причем летописцы не пытаются уточнить природу самих гревов [Лаушкин 1998: 26–58]⁵. Хотя создатели древнейших летописей сосредоточились исключительно на природных явлениях восточноевропейского пространства, в Галицко-Волынскую летопись однажды попали сведения с очень отдаленной территории. При этом основа интерпретации точно такая же, как и при описании стихийных бедствий, постигших Русь:

начаша повѣдат[и], аже в[ъ] нѣмцех[ъ] вышед[ъ] море и потопило землю гнѣвом[ъ] Б[о]жіим[ъ] – боле ѿ тисач[ъ] д[оу]шь потончло, а ц[ъ]рквей кама-
ных[ъ] ѕ и ѧ проч[е] древаных[ъ] [МРН II/XVI, 539–540].

Стихийное бедствие может быть не только наказанием, но и предвестником будущих событий и явлений. Таким образом, оно имеет связь как с прошлым, так и с будущим человечества. В Киевской летописи в связи с землетрясением 1195 г. игумены объясняют людям, охваченным ужасом, что «Бѣль проавилъ есть показа силоу свою за грѣхи наша да бѣхом са штала ѿ злаго поути своего». В то же время они интерпретируют землетрясение как знамение будущего кровопролития и сражений на Русской земле, которое, как добавляет летописец, исполнилось [ПСРЛ, 2, л. 238].

В то время как стихийные бедствия трактовались как прямое воздействие карающей руки Бога, исключительные астрономические или оптические атмосферные явления воспринимались как знаки, с помощью которых Бог предупреждает грешное человечество, призывает его покаяться. В то же время подобные явления могут сообщить о том, что произойдет в будущем:

⁴ Наиболее полное исследование этого вопроса провели [Лаушкин 1998: 26–58] и [Мушар 2017: 7–25]. Ср. также: [Шайкин 2002: 105–109]. С точки зрения стилистики и эстетики летописных текстов описание необычных природных явлений исследует [Пауткин 2003: 145–174].

⁵ В Византии идея о том, что стихийные бедствия являются проявлением божьего гнева, была настолько сильна, что в христианских хрониках VI в. слова землетрясение (*σεισμός*) и гнев Божий (*θεομηνία*) функционировали как синонимы — ср.: [Meier 2003: 47].

В си же времена быē знаменье на западѣ звѣзда превелика лучъ имущи акы кровавы въсходащи с вечера по заходѣ солнечнѣмъ и пребыѣ за 3 дни . Се же проявляше не на добро посемь бо быша оусобицѣ много и нашествие поганыхъ нѣ Русскую землю си бо звѣзда бѣ акты кровава проявляющи крови пролитье [ПСРЛ, 1, л. 55об.].

Точно так же Киевская летопись в записи 1161 г. дает необычайно выразительное описание лунного затмения, сопровождающегося множеством красочных эффектов. Согласно памятнику, старые люди говорили, что это плохой знак, так как он предвещает смерть князя — причем предзнаменование исполнилось [ПСРЛ, 2, л. 184об.].

ПВЛ дает развернутое толкование природы небесных знамений, их связи со злом или добром и ссылается на ряд параллелей, подчерпнутых из авторитетных источников [ПСРЛ, 1, л. 55об., ср.: Мушар 2017: 21–22]. Небесные знамения могли не только быть предвестниками зла, но и предшествовать радостным событиям. В ПВЛ до 1102 г. описывается целая серия небесных явлений, которые оказались предвестниками добра [ПСРЛ, 1, л. 93]. Если же знамение предвещало зло, можно было предотвратить негативные последствия с помощью молитвы и даже обратить их к хорошему итогу [ПСРЛ, 1, л. 93].

За известиями о солнечном затмении очень часто следует информация о смерти какого-либо члена семьи Рюриковичей [Лаушкин 1998: 45]. В случае с солнечным затмением, предвещающим в 1113 г. смерть князя Святополка Изяславича, эта связь четко выражена:

бысть знаменье въ слїцѣ . проявляше Стopolчю смрть . по семь бо приспѣ празникъ пасхи . и празноваша . и по празницѣ разболися кназъ . а преставися благовѣрный кназъ Михайлъ зовемыи Стopolкъ . мѣца априла . въ . 81 . дй [ПСРЛ, 2, л. 102об.]

Более сложным вопросом является соотнесение этих сообщений с другими летописными сведениями. Чаще всего в летописях находим простую передачу информации, без указаний на взаимосвязь событий [ПСРЛ, 2, л. 105об.]. Остается неясным, можем ли мы считать такое включение информации преднамеренным выстраиванием причинно-следственной связи. Необходимо принимать во внимание строгую дискретность текста и учитывать способ создания летописей. Как отметил А. Лаушкин [1998: 45], отдельная, последовательно передаваемая информация не обязательно возникала в прямой последовательности и авторы могли не рассматривать ее как связанную по смыслу. Однако можно предположить, что в сознании читателя, воспринимавшего записи уже как непрерывный текст, вне зависимости от процесса возникновения текста или непосредственного авторского замысла, информа-

ция, подававшаяся последовательно, связывалась в единое смысловое целое, тем более что иногда все-таки такая связь обозначалась летописцем эксплицитно.

Идея о том, что необычные астрономические явления предвещают смерть исключительного человека, имеет древнюю литературную традицию. В средневековой христианской культуре, несомненно, сильный отклик нашла связь солнечного затмения с распятием Христа⁶. Т. Возняк находит в западноевропейской историографии VI–XI вв. четыре десятка подобных случаев и прослеживает историю этого топоса в европейской письменности со времен античности. В рассмотренных им источниках смерть монархов, пап или архиепископов связана не только с солнечными или лунными затмениями. Чаще в этой роли выступают кометы⁷, есть также сообщения о смерти, связанных с информацией о метеоритных потоках или полярных сияниях [Wozniak 2019: 720–725].

В то же время в древнерусских летописях преимущественно представлена связь смерти Рюриковичей или высших церковных иерархов именно с солнечными или лунными затмениями. Мы можем воспринимать это как специфический взгляд древнерусских книжников на связь исключительных астрономических явлений с человеческой историей.

Латинская литература Западной Европы заимствовала этот топос из античной литературы [Wozniak 2019: 720]. Тем не менее нельзя исключить и роль глубоко архаичных представлений о связи правителя и солнца, которые присущи традиционным культурам разных эпох и территорий. Смерть правителя воспринималась как нарушение всего миропорядка, угроза хаоса.

Жители Древней Руси также переживали моменты, когда исключительные астрономические или метеорологические явления вызывали ощущение, что не только рушится существующий порядок, но и грядет Апокалипсис, который положит конец истории человечества. В 1230 г. киевляне наблюдали целую серию необычайных природных явлений: 14 мая случилось солнечное затмение, сопровождавшееся оптическими явлениями в атмосфере («столпове черлени, зелени, синии») и огненным облаком, которое прошло над городом, не причинив ущерба, а затем упало в реку Днепр⁸. Свидетели этих явлений впадали

⁶ В Мф 27: 45–54 говорится о солнечном затмении и землетрясении, в Мк 15: 33–38 сообщается только о солнечном затмении.

⁷ Ф. Мушар [2017: 24] находит аналогичный пример также в французской историографии эпохи классического средневековья.

⁸ Д. О. Святский [2007: 54] отвергает интерпретацию «огненного облака» как астрономического явления (например, солнечной короны) и считает, что это было метеорологическое явление. По вопросу библейских и апокрифических коннотаций «огненного облака» см.: [Лаушкин 1998: 57].

в отчаяние, горько плакали, целовались на прощание со своими близкими и молились Богу, ожидая конца своей жизни [ПСРЛ, 1, л. 157]. Впечатляющий характер этих явлений, несомненно, усиливался тем фактом, что общество уже было встревожено землетрясением, которое произошло 3 мая и ощущалось от Новгорода до Киева⁹, а также экстремальными скачками погоды. Несколько засушливых лет сменились холодной и чрезвычайно дождливой погодой¹⁰, весной в течение трех месяцев, не переставая, шли дожди, что вызвало неурожай, дороговизну и голод.

Три десятилетия спустя Галицко-Волынская летопись сообщает об ужасе, который испытали люди, ожидавшие страшных последствий кометы:

В та ж[е] лѣта явися свѣзды на вѣстоцѣ хвостатаа образом[ы] страшныи[мъ] испоющающи wt[ъ] себе лоуча велики. Си же свѣзды нарищащеся «власатая», wt[ъ] виденїа же сеа свѣзды страхъ обѣа вса ч[е]л[овѣ]вки и оужась, хитрец[и] же смотрив[ъ]шие, тако рекоша, иже матеж[ъ] велиky бждет[ъ] въ земли, но Б[ог]ъ сп[а]сет[ъ] своею волею...

Затем летописец лаконично завершает тему кометы как знамения:

и не быѣ ничегож[е] [МРН, II/XVI, 452–453].

Сообщения о событиях 1230 г. или комете 1264 г. показывают, что идея о необычных природных явлениях как о божественных знамениях была присуща не только кругу ученых монахов, создавших древнейшие историографические тексты, но и широким слоям общества. Очевидны усилия книжников направить эти эмоции в нужное русло, опровергнуть ложные идеи (например, о том, что солнце съедается во время затмения¹¹ [ПСРЛ, 1, л. 55об.]) и интерпретировать их в духе христианского вероучения. Летописцы различают неопределенный страх и ужас населения («все люди» [ПСРЛ, 2, л. 237об.–238; МРН II/XVI, 453], ложные толкования «неразумных» [ПСРЛ, 1, л. 55об.] и усилия авторитетных членов общества («старые люди» [ПСРЛ, 2, л. 184об.], «мудрые люди» МРН II/XVI, 453, «благословенные игумены» [ПСРЛ, 2, л. 237об.–238]), направленные на верное толкование увиденного и предсказание будущих событий.

⁹ Лаврентьевская летопись описывает землетрясение во Владимире и Киеве [ПСРЛ, 1, л. 157], НПЛ также содержит запись о землетрясении в Новгороде [НПЛ, л. 109об.].

¹⁰ Подробную информацию о погодных колебаниях в отдельные годы XIII в. в Западной, Центральной и Восточной Европе см.: [Бараш 1989].

¹¹ Представление о том, что солнце во время затмения кем-то съедается, широко распространено среди самых разнообразных культур разных времен и разных континентов, что свидетельствует о его глубокой архаичности.

Летописи высказывают о причинах стихийных бедствий, т. е. о человеческих грехах, которые спровоцировали гнев Божий, туманно, и совершенно умалчивают они о том, реагировало ли общество на эти толкования, и если да, то каким образом. Западноевропейские книжники раннего Средневековья описывают посты, коллективную молитву или процесии как инструменты для предотвращения бедствий. В Византии в VI в. несколько серьезных стихийных бедствий, сопровождавшихся экзальтацией, вызванной апокалиптическими ожиданиями, привели не только к конкретным коллективным действиям (например, распространились покаянные процесии), но даже к фундаментальной трансформации духовной жизни и форм религиозной практики (в первую очередь явно возросло значение культа Богоматери [Meier 2003: 45–64]). Летописцы Древней Руси скорее сообщали о будущих событиях, которые должны были затронуть страну в целом, нежели о том, отмечена ли в обществе любая форма рефлексии и попытка найти выход в какой-либо форме религиозно-нравственного возрождения.

Сравнение сообщений о необычных природных явлениях в восточнославянских летописях с отражением этих тем в историографии Центрально-Восточной Европы позволяет выяснить, насколько форма этих записей в обоих культурных кругах определялась общими интерпретационными рамками, основанными на библейской традиции, особенно на Откровении Иоанна Богослова [Откр 6:13; 8:10; 9:1], и насколько специфична интерпретация и работа с информацией такого рода в историографии Древней Руси.

«Чешская хроника» Козьмы Пражского иногда заимствует строгие отчеты о необычных природных явлениях из Продолжения хроники Регино Прюмского. Позже, когда чешский хронист описывает события, близкие ему по времени, информация такого рода приобретает как частотность, так и обширность, например, наводнение 1118 г. становится темой для целой главы [MGH NS/II, 219]. Из того, как Козьма сообщает о комете или солнечном затмении и последующей эпидемии среди крупного рогатого скота, массовой гибели пчел и уничтожении зерна, очевидно, что он видит связь между этими явлениями [MGH NS/II, 233], но в хронике нет никаких общих рассуждений о значении небесных знамений или о трансцендентных связях стихийных бедствий. Данный подход к астрономическим и метеорологическим явлениям характерен и для чешских историографов следующих двух столетий.

Первый продолжатель Козьмы, традиционно именуемый Каноником Вышеградским, выделяется среди других хронистов своим интенсивным интересом к астрономическим явлениям. Его астрономические и метеорологические наблюдения весьма разнообразны, они включают

солнечные пятна, солнечные затмения, лунные затмения, планеты, метеоры, оптические явления в атмосфере (гало, облако вулканической пыли, полярные сияния), и в основном они поддаются проверке современными научными данными. Особенно усердно и точно на протяжении ряда лет он следит за Юпитером, Венерой и Марсом, которые автор называет общим термином «звезда Люцифер»¹². Ф. Линк доказал, что Первый продолжатель Козьмы должен был годами вести записи своих астрономических наблюдений, которые затем использовал при написании хроники [Link 1961: 559–571]. Хотя у него не было университетского образования, которое позволило бы ему понять суть наблюдавших явлений или уточнить терминологию [Kociánová 2007: 128, 132], и в Праге того времени, вероятно, не было астрологов, с которыми он мог бы обсудить свои эмпирические исследования, его записи все же вызывают уважение своей точностью [Link 1961: 570].

Этот факт важен и потому, что он ставит под вопрос прямолинейное восприятие синхронных анналов как текстов, содержащих более точную информацию о природных явлениях, чем *ex post* создаваемые историографические труды.

Летопись Сазавского монаха, Градиштенско-Опатовицкие анналы и Второе продолжение Козьмы также содержат множество ценных сообщений об астрономических и метеорологических явлениях, стихийных бедствиях и гибели урожая из-за неблагоприятных температур¹³. Однако никто из создателей этих текстов не уделял такого внимания наблюдению и фиксированию небесных явлений, как Вышеградский каноник. Их астрономические отчеты довольно отрывочны, и хронистов гораздо больше интересуют те природные явления, которые непосредственно повлияли на урожай, а следовательно, и на общие условия жизни населения страны.

В летописях будущие события могут трактоваться как предвестники надежды и предсказания положительных событий. Создатель «Повествования о злых временах после смерти Пржемысла Отакара II» сообщил о появлении радуги дивной красоты и сияющей звезды,

¹² Хотя традиционно название «Люцифер» используется только для Венеры на утреннем небе, Каноник Вышеградский использует его для разных планет. Ср. «stella quae Lucifer vocatur» [FRB II, 224] «secunda, quae Lucifer dicebatur... tertia, quae priori anno visa fuerat...» [FRB II, 228], «novus Lucifer ortus est, sed dissimilis varietatibus praecedenti Lucifero, quem ante memoravi...» [FRB II, 234].

¹³ Подробное перечисление и характеристику сообщений о природных явлениях в историографии эпохи Пржемысловичей приводит [Bláhová 1992, 831–850]. Есть в чешской историографии XII–XIII вв. и авторы, которые вообще не затрагивают тему природных явлений, например, авторы Летописи Винценция и Ярлоха (или же Милевской летописи), не входящей в традицию Продолжателей Козьмы.

которые вселяли надежду на лучшее будущее в сердца жителей Чешской земли; мудрые ученые мужи, опираясь на эти знаки, предсказали приход Вацлава II, наследника Чешского королевства [FRB II, 365–366].

Однако такие представления редко встречаются в чешских историографических работах. В частности, Вышеградский каноник часто использует термин «*signum*», но он, как доказала Б. Коцианова, не указывает на божье знамение, предзнаменование, послание, а в принципе работает как синоним слова «*monstrum*», то есть используется в значении «чудесное, необычное явление» [Kociánová 2007: 128]:

В 1138 году от воплощения Господня, 26 февраля, видели, как некое знамение наподобие змеи пролетело после захода солнца через всю Чехию в направлении запада; когда оно внезапно исчезло, то оставило после себя кровавые знаки. На протяжении праздника Пасхи, 11 апреля, на небе в северной части появились кровавые знаки наподобие колонн; они разделились на две части и казалось, будто они то сходятся, то расходятся¹⁴.

Здесь, как и в большинстве других сообщений о природных явлениях, интерес выражается к самому феномену, а не к его символическим значениям.

Ни разу чешские анатомисты и летописцы не связывают стихийные бедствия или необычайные астрономические явления с божественной карой «за грехи наши». Как указывает Т. Возняк, латинская историография, следуя теологии карающего Бога, использовала топос стихийных бедствий как форму Божьего гнева, но только в связи с врагами, которых Бог таким образом наказывает за насилие над христианами. Если катастрофа затрагивала христианское общество, средневековые историки искали другие формулы интерпретации [Wozniak 2019: 730]. В этом смысле толкование событий книжниками Древней Руси принципиально отличается.

Средневековые чешские историографы никогда не описывают всплески эсхатологических настроений, возникших под влиянием исключительных природных явлений, которые были бы сопоставимы с апокалиптической паникой, зафиксированной в Киеве в 1230 г. Также нет в их трудах упоминания о том, что чешские книжники каким-либо образом пытались исправить представления необразованных людей, tolkya значение небесных явлений, как об этом неоднократно говорят восточнославянские летописи.

¹⁴ «Anno dominicae incarnationis 1138, IV Kal. Martii quoddam signum ad modum serpentis post occasum solis per totam Bohemiam volare ad occidentalem plagam visum est, ipsumque subito evanescens, signa quasi rubea post se reliquit. Infra festum paschae V Idus Maii in aquilonali plaga rubea signa in coelo in modum columnarum apparuerunt, quae in duas partes divisa, quasi certantia modo concurrere, modo refugere videbantur» [FRB II: 228]. Русский перевод цитируется по: [Каноник].

Информация о погодных колебаниях служит не доказательством карающей руки Бога, а информацией об условиях жизни жителей страны в данный год. В отличие от НПЛ, фиксировавшей только сообщения о экстремальной погоде, в результате которой возникала нехватка продовольствия или даже голод, чешские хронисты и анналисты также фиксируют положительную информацию о богатом урожае или нейтральную информацию:

В этом же году был очень большой урожай как озимых, так и яровых; [он бы был бы еще больше], если бы ему во многих местах не повредил град. Меду было много в равнинных местностях, в лесистых же меньше¹⁵.

Аналогичным образом, во Втором продолжении Козьмы мы читаем:

Вино удивительной крепости уродилось по всей Чехии¹⁶.

Зима была умеренная, не слишком суровая, но и не тёплая¹⁷.

Исключительные астрономические явления вызывают чувство смирения перед божественным величием, не вызывая оцепенения и ужаса:

Я рекомендую прочесть это и современникам, и потомкам главным образом для того, чтобы те, кто менее усерден, знали, что появилась новая звезда; и если они заметят это с неутомимым рвением, то научатся прославлять Бога, удивительного и славного в своих дела, и вместе с тем будут молиться, чтобы Он соизволил так устроить все, что сотворил здраво, чтобы они, восхваляя во всем Его всемогущество, заслужили получить от него обещанные дары спасения. Ибо все это — дела того, о ком известный автор говорит: «Многочисленные звезды, чьи имена, знамения, мощь, пути, места, времена ты один только и знаешь»¹⁸.

¹⁵ MGH SS, NS/II: 225: «Eodem anno maxima fuit ubertas tam autumno quam vere seminatis in frugibus, nisi quod grando locis nocuit in pluribus; mel autem in campestribus fuit habunde, in silvestribus locis minime». Русский перевод цитируется по: [Чешская хроника].

¹⁶ FRB II: 296: «Vinum miri valoris provinit in toto Bohemia». Русский перевод цитируется по: [Продложение].

¹⁷ FRB II: 289: «Hiems temperata fuit, nec nimis aspera neque lenis». Русский перевод цитируется по: [Пражские анналы].

¹⁸ FRB, II: 224–225: «Hoc ideo maxime tam modernis quam posteris recitandum praenoto, quatenus qui minus studiosi sunt, novam stellam apparuisse neverint, si quo vero id ipsum pervigili studio notaverint, neverint deum mirabilem in operibus suis et gloriosum praedicare, simulque orent, ut cuncta, quae visibiliter operatur, sic ordinare dignetur, quatenus in omnibus omnipotentiam eis laudantes, promissae ab eo salutis dona percipere mereantur. Ipsum enim haec opera sunt, de quo ille egregius autor dicit: Qui stellas numeras, quarum tu nomina solus, Signa, potestates, cursus, loca, tempora nostril». Русский перевод цитируется по: [Каноник].

Если мы немного выйдем за хронологические рамки нашей работы, то обнаружим в Хронике Франтишека Пражского, созданной в середине XIV в., еще более ярко выраженный интерес к небесным явлениям и стремление понять их. Хронист дает исчерпывающую интерпретацию природы солнечных и лунных затмений, а также объяснение сущности Солнца и Луны. Хотя солнечное затмение на протяжении всего Средневековья имело негативные коннотации и было связано с ожиданием трагических событий, Франтишек Пражский считает, что знание природы приводит к размышлению «о величии и силе Творца в природе и о действии небесных тел», которое должно вести к восхвалению Бога [FRB, NS, I: 169–170].

Таким образом, Франтишек Пражский развивает принцип, который мы находим у Вышеградского каноника по поводу наблюдения планет: эмпирическое изучение природы в первую очередь укрепляет почитание Творца. Позже в «Гуситской хронике» Вавржинец из Бржезовой противопоставляет свое понимание небесного явления идеям необразованных людей [FRB, V: 540]. Однако речь уже не идет о противопоставлении необъяснимого ужаса простого народа и рассудительного отношения священнослужителей, которые дают толкование значения небесного знамения, как это было в древнерусских летописях. Здесь хронист, выпускник университета, способный точно обозначить наблюданное явление научным термином, а также понимающий его физическую сущность, противостоит епископам, прелатам и другим, которые видят в небесном явлении божественное знамение [Kociánová 2007, 132]. Таким образом, тема экстраординарных астрономических и метеорологических явлений перестает быть частью человеческой истории. Фиксация этих явлений могла постепенно эмансирироваться, приобрести самостоятельное значение, т. е. переставала служить инструментом для понимания истории и, таким образом, выходила за рамки исторического сознания создателей хроник.

Польские и венгерские источники гораздо более скupы на сообщения о необычных природных явлениях по сравнению с древнейшими летописями Руси и чешской историографией эпохи Пржемысловичей.

«*Gesta Hungarorum*» («Деяния венгров») – это интерпретация древнего прошлого, от которого авторов отделяют многие столетия, поэтому сообщения об исключительных явлениях не только не могли быть записаны, но даже не имели бы смысла в контексте их интерпретации [SRH I: 14–117]. Также Шимон из Кезы в «*Gesta Hunnorum et Hungarorum*» («Деяния гуннов и венгров») никак не отражает исключительные природные явления [SRH I: 140–194].

Польские анналы XIII в. сообщают об исключительных небесных явлениях или стихийных бедствиях в максимально лаконичной фор-

ме [MPH II: 806, 808, 815]. Для Галла Анонима, автора «Хроники и деяний князей или правителей польских» (*«Chronica et gesta ducum sive principum Polonorum»*), информация такого рода не важна [MPH NS/II]. Точно так же она не представляет интереса для Винцентия Кадлубека [MPH NS/XI], поскольку он пишет не хронологическую историю страны или историю средневекового народа/нации, но воспринимает историографическую работу в первую очередь как моралистический трактат, дающий наставление читателям об истинных добродетелях через образы из прошлого.

Сопоставление сведений об экстраординарных природных явлениях в довольно разнообразном корпусе историографических работ стран Центрально-Восточной Европы и Руси позволяет нам предполагать, что на количество и объем этих сообщений оказывают влияние местная историографическая традиция, жанр и функции конкретного исторического текста, а также личный интерес конкретного автора.

В анналах лаконичные сообщения о том или ином природном явлении фиксируются либо изолированно, либо с очень краткой интерпретацией их последствий или значения. Именно так они появляются, например, в чешской или польской анналистике. В обширных записях летописей и хроник вопрос о последствиях и значении подобных явлений усложняется. Спектр значений данного вида информации шире и во многом зависит от намерений конкретного автора.

На основе изучения латинской историографии XII–XIII вв. Милене Вегманн выделила несколько различных причин, по которым можно было сообщать о природных явлениях: они фиксировались как предупреждение или ради предотвращения будущих бедствий, включались в религиозные интерпретационные рамки, служили нравственными уроками, отражали интерес к природе или пробуждали надежду на предсказание будущего [Wegmann 2005: 129–146]. Однако важная функция этих сообщений, не отмеченная М. Вегманн, относится к сознанию времени. Данные об исключительных природных явлениях, необычных урожаях или неурожаях хранятся в коллективной памяти общества в течение очень долгого времени и служат своеобразной временной шкалой. Представляя эти данные, хронист помещает события «великой истории» в историческое сознание всего общества и связывает в коллективном сознании читателей хронологическую линию своего произведения с течением времени.

Поэтому упоминания о памятных природных явлениях встречаются в основном в историографических текстах, которые строят повествование на основе хронологической оси с абсолютной датировкой. С другой стороны, исторические произведения, задуманные без строгой хронологической линии в качестве основного структурирующего

элемента текста («Gesta Polonorum» Галла Анонима, Хроника Винцентия Кадлубека или «Gesta Hungarorum», «Gesta Hunnorum et Hungagorum» Шимона из Кезы, Галицко-Волынская летопись), либо вообще не дают информации о природных явлениях, либо строят на ее основе определенный микросюжет или усиливают драматичность повествования. Например, информация о чрезвычайно дождливой погоде и наводнениях, постигших Восточную Европу в 1229–1231 гг., не интересует создателя Галицко-Волынской летописи сама по себе, но включается в интерпретацию похода венгерского короля Белы IV на Галич. Таким образом усиливается драматизм изображения военного конфликта, ему придается символический смысл, а ссылка на отрывок о реке Скирт из хроники Иоанна Малалы также задает литературные рамки. Все это приводит читателя к непоколебимому осознанию того, чья борьба справедлива и, следовательно, на чьей стороне Бог¹⁹.

Хотя летописцы Древней Руси допускали возможность экстраординарных природных явлений как добрых предзнаменований, негативные послания и образы различных форм божественной кары «за грехи наши» настолько распространены, что летописи создают впечатление «непрерывного сообщения о бедствиях» [Bieber 2018: 72]. Стихийные бедствия и катастрофы, предвосхищаемые необычайными небесными явлениями, постоянно повторяются в различных формах, поскольку человечество упорствует в грехе. Напротив, в чешской историографии исключительные астрономические явления не обязательно вызывали ужас и сознание греховности человечества, но, напротив, могли вызывать прямой интерес к сути данного природного явления, сопровождаемый чувством восхищенного удивления творением Божиим.

Если в древнейших летописях Руси в связи с необычайными природными явлениями ярко выражена тема предупреждения или прямого наказания за грехи людей, доходящая до ожиданий грядущего конца света, то в центральноевропейской книжности даже в самых драматических ситуациях мы не находим апокалиптических настроений. Таким образом, метеорологические аномалии и необычные астрономические явления не служат отражением провиденциальной концепции истории.

---

¹⁹ Въшед[ъ]ши же ему в горы оугор[ъ]скыя, посла на н[ъ] Б[ог]ъ архагг[е]ла Михаила шт[ъ]творити хлаби н[ъ]б[е]с[ъ]и[ъ]ныа — конем[ъ] же потопающим[ъ] и самъм[ъ] възбѣгающим[ъ] на высокаа мѣста, ономоу ж[е] юдинако оустремив[ъ] шюса пріати град[ъ] и землю. Данилови же молащоса Б[ог]оу: «Избави их[ъ] Б[ог]ъ шт[ъ] ржкы сил[ъ]нѣых[ъ]. [...] Данил[ъ] же привед[е] к собѣ лахы и полов[ъ]ци Котаневы . а оу корола бауху половци бѣговар[ъ]сови. Б[ог]ъ попоусти на на раноу фараишновоу. [...] Напад[ъ]шим[ъ] же на на гражанум[ъ], мнвиши въпадаха в рѣкѣ, ини же оубѣни быша, ини же иззвени быша, ини же изоимани быша, ико инде гл[аголе]ть, Скытъ рѣка слѣд[ъ] игоузы гра / гражаномъ тако и Днѣстъ злоу игоузы сыгра/ оугршм[ъ] [МРН II/XVI: 149, 152].

Историографические труды средневековой Чехии отражают довольно широкий спектр отношений к фиксации необычных природных явлений: от отсутствия интереса до глубоких эмпирических наблюдений Каноника Вышеградского, от строгой, лаконичной информации до размышлений о величии Бога и необходимости изучать его творение. Если затрагивается тема небесных явлений как знамений, то она выражается только лаконично, без библейских и других древних аналогий и без стремления дать моралистическую трактовку происходящего.

В летописях Древней Руси появляются частные различия в выборе конкретных природных явлений для фиксирования и в интенсивности интереса отдельных летописцев к этим фактам, тем не менее в древнейших историографических текстах отсутствует эмпирический интерес, сравнимый с интересом Каноника Вышеградского. Напротив, четко прослеживается убежденность в том, что необычные астрономические и метеорологические явления представляют собой один из кодов, с помощью которого Бог осуществляет коммуникацию с человечеством. Поэтому их тщательная запись служит инструментом для понимания моральных качеств рода человеческого, сути истории, взаимоотношений человеческого сообщества и Бога. Исключительные природные явления на Руси воспринимались как своего рода зrimая, наглядная связь между прошлым, настоящим и будущим: этими знаками Бог дает человечеству понять, что их прошлые и нынешние действия напрямую влияют на то, каким будет будущее. Необычайное небесное явление показывает людям момент, когда они все еще могут изменить свою судьбу, отречься от своих ошибок и встать на путь добра. Если же они этого не сделают, их ждет будущее, полное боли и страданий. В первой половине XIII в., в напряженное время всевозможных бедствий, видение ближайшего будущего приняло апокалиптический характер. Но даже если летописец интерпретирует событий в эсхатологических рамках, морально-дидактический ethos этих отрывков в текстах разных времен, авторов и регионов вполне отчетлив, и мы можем рассматривать его как общепринятую позицию создателей древнерусских летописей.

Библиография

Интернет-ресурсы

Каноник

Каноник Вышеградский. Продолжение Козьмы Пражского (http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Cont_Viss_Cosma_Prag/frametext.htm).

Пражские анналы

Пражские анналы. Часть I (http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Pragensium/frametext1.htm).

Продолжение

Продолжение Козьмы Пражского Пражских каноников (http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Cont_canonic_Prag/frametext.htm).

Чешская хроника

Козьма Пражский. Чешская хроника. Книга 3 (<https://www.vostlit.info/Texts/rus/Cosmas/framekniga3.htm>).

Источники

НПЛ

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, А. Н. Насонов, ред., Москва, Ленинград, 1950.

ПСРЛ, 1

Полное собрание русских летописей, 1, Ленинград, 1926–1928.

ПСРЛ, 2

Полное собрание русских летописей, 2, С.-Петербург, 1908.

FRB II

Fontes rerum Bohemicarum, J. Emmer, ed., II, Praha, 1874–1875.

FRB, NS, t. I

Fontes rerum Bohemicarum, Series nova, I, J. Zachová, ed., Praha, 1998.

FRB V

Fontes rerum Bohemicarum, V. J. Goll, ed., Praha, 1893.

MGH, SS, NS/II

Cosmae Pragensis Chronica Boemorum, B. Bretholz, ed., *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores rerum Germanicarum*, Nova series, II, Berlin, 1923.

MPH II

Monumenta Poloniae Historica – Pomniki Dziejowe Polski, II, A. Bielowski, ed., Warszawa, 1961.

MPH NS/II

Anonima tzw. Galla Kronika czyli dzieje książąt i władców polskich, *Monumenta Poloniae Historica*, Series nova, II, K. Maleczyński, ed., Kraków, 1952.

MPH NS/XI

Mistrza Wincentego zwanego Kadłubkiem Kronika Polska, M. Plezia, ed., Kraków 1994.

MPH NS/XVI

Chronica Galiciano-voliniana (Chronica Romanoviciana), D. Dąbrowski, A. Jusupović, eds., *Monumenta Poloniae Historica*, II, XVI, Kraków, Warszawa, 2017.

SRH I

Scriptores rerum Hungaricarum, I, Budapest, 1937.

Литература

Бараш 1989

Бараш С. И., *История неурожаев и погоды в Европе (по XVI в. н. э.)*, Ленинград, 1989.

Борисенков, Пасецкий 1983

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М., *Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв.*, Ленинград, 1983.

Лаушкин 2009

Лаушкин А. В., *Массовые бедствия и мотив коллективной ответственности за грехи в древнерусском летописании XI–XIII вв.*, А. А. Горский, И. Е. Тришкан, ред., *Особенности российского исторического процесса*, Москва, 2009, 62–67.

— 1998

Лаушкин А. В., Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв., *Русское средневековье*, 1, 1998, 26–58.

Мушар 2017

Мушар Ф., «Небо как открытая книга»: небесные знамения в древнерусском летописании (домонгольский период), *Ruthenica*, Київ, 2017, 14, 7–25.

Пауткин 2003

Пауткин А. А., *Древнерусские летописи XI–XIII вв.: Вопросы поэтики*, Москва, 2003.

Пашуто 1964

Пашуто В. Т., Голодные годы в Древней Руси, *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*, 1964, 61–94.

— 2011

Пашуто В. Т., *Русь. Прибалтика. Панство. Избранные статьи*, Москва, 2011.

Святский 2015

Святский Д. О., *Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения*, Москва, 1915.

Святский 2007

Святский Д. О., *Астрономия Древней Руси*, Москва, 2007.

Шайкин 2002

Шайкин А. А., «Сица знаменья не на добро», *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 9, 2002, 105–109. Bieber 2018

Bieber 2018

Bieber U., Katastrophen und Seuchen in altrussischen Chroniken, Ch. Rohr, U. Bieber, K. Zeppelzauer-Wachauer, eds., *Krisen, Kriege, Katastrophen. Zum Umgang mit Angst und Bedrohung im Mittelalter*, Heidelberg, 2018, 57–75.

Bláhová 1992

Bláhová M., Natur und Naturerscheinungen. Ihre Zusammenhänge in der böhmischen Geschichtsschreibung der Přemyslidenezeit, A. Zimmermann, ed., *Mensch und Natur im Mittelalter*, 2, Berlin, 1992, 831–850.

Brázdil et al. 2012

Brázdil R., Chromá K., Dobrovolný P., Černoch Z., The tornado history of the Czech Lands, AD 1119–2010, *Atmospheric Research*, 118, 2012, 193–204.

Guimon 2021

Guimon T. V., *Historical writing of Early Rus (c. 1000–c. 1400) in a comparative perspective*, Leiden, Boston, 2021.

Huhtamaa 2015

Huhtamaa H., Climatic anomalies, food systems, and subsistence crises in medieval Novgorod and Ladoga, *Scandinavian Journal of History*, 40, 2015, 562–590.

Kociánová 2007

Kociánová B., Draco vel hasta vel columna. Pojmenování atmosférických jevů v bohemických latinských středověkých pramenech, Z. Silagová, H. Šedinová, P. Kitzel, eds., *Donum magistrae: ad honorem Dana Martíková*, Praha, 2007, 118–139.

Link 1961

Link F., Astronomické zprávy v kronice Vyšehradského kanovníka, *Československý časopis historický*, 9, 1961, 559–571.

Link 1962

Link F., Observations et catalogue des aurores boréales apparues en Occident de 626 à 1600, *Geofysikální sborník*, 173, 1962, 297–391.

Meier 2003

- Meier M., Zur Wahrnehmung und Deutung von Naturkatastrophen im 6. Jahrhundert n. Chr., D. Groh, M. Kempe, F. Mauelshagen, eds., *Naturkatastrophen. Beiträge zu ihrer Deutung, Wahrnehmung und Darstellung in Text und Bild von der Antike bis ins 20. Jahrhundert*, Thübingen, 2003, 45–64.

Setvák et al. 2003

- Setvák M., Šálek M., Munzar J., Tornadoes within the Czech Republic: From Early Medieval Chronicles to the «Internet Society», *Atmospheric Research*, 67, 2003, 589–605.

Wegmann 2005

- Wegmann M., *Naturwahrnehmung im Mittelalter im Spiegel der lateinischen Historiographie des 12. und 13. Jahrhunderts*, Bern, 2005.

Wozniak 2019

- Wozniak T., *Naturereignisse im frühen Mittelalter: Das Zeugnis der Geschichtsschreibung vom 6. bis 11. Jahrhundert*, Berlin, 2019.

References

- Barash S. I., *Istoriia neurozhaev i pogody v Evrope* (po XVI v. n. e.), Leningrad, 1989.
- Bieber U., Katastrophen und Seuchen in altrussischen Chroniken, Ch. Rohr, U. Bieber, K. Zeppezauer-Wachauer, eds., *Krisen, Kriege, Katastrophen. Zum Umgang mit Angst und Bedrohung im Mittelalter*, Heidelberg, 2018, 57–75.
- Bláhová M., Natur und Naturerscheinungen. Ihre Zusammenhänge in der böhmischen Geschichtsschreibung der Přemyslidenzzeit, A. Zimmermann, ed., *Mensch und Natur im Mittelalter*, 2, Berlin, 1992, 831–850.
- Borisenkov E. P., Pasetskii V. M., *Ekstremal'nye prirodnye iavleniya v russkikh letopisiakh XI–XVII vv.*, Leningrad, 1983.
- Brázdil R., Chromá K., Dobrovolský P., Černoch Z., The tornado history of the Czech Lands, AD 1119–2010, *Atmospheric Research*, 118, 2012, 193–204.
- Guimon T. V., *Historical writing of Early Rus' (c. 1000–c. 1400) in a comparative perspective*, Leiden, Boston, 2021.
- Huhtamaa H., Climatic anomalies, food systems, and subsistence crises in medieval Novgorod and Ladoga, *Scandinavian Journal of History*, 40, 2015, 562–590.
- Kociánová B., *Draco vel hasta vel columna. Pojmenování atmosférických jevů v bohemických latinských středověkých pramech*, Z. Silagová, H. Šedinová, P. Kitzel, eds., *Donum magistrorum: ad honorem Dana Martínková*, Praha, 2007, 118–139.
- Laushkin A. V., Massovye bedstviia i motiv kollektivnoi otvetstvennosti za grekhi v drevnerusskom letopisaniy XI–XIII vv., A. A. Gorskii, I. E. Trishkan, eds., *Osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsesssa*, Moscow, 2009, 62–67.
- Laushkin A. V., Stikhiinye bedstviia i prirodnye znamenija v predstavleniakh drevnerusskikh letopistsev XI–XIII vv., *Russkoe srednevekov'e*, 1, 1998, 26–58.
- Link F., Astronomické zprávy v kronice Vyšehradského kanovníka, *Československý časopis historický*, 9, 1961, 559–571.
- Link F., Observations et catalogue des aurores boréales apparuées en Occident de 626 à 1600, *Geofyzikální sborník*, 173, 1962, 297–391.
- Meier M., Zur Wahrnehmung und Deutung von Naturkatastrophen im 6. Jahrhundert n. Chr., D. Groh, M. Kempe, F. Mauelshagen, eds., *Naturkatastrophen. Beiträge zu ihrer Deutung, Wahrnehmung und Darstellung in Text und Bild von der Antike bis ins 20. Jahrhundert*, Thübingen, 2003, 45–64.
- Mushar F., «Nebo kak otkrytaia kniga»: nebesnye znamenija v drevnerusskom letopisanii (domongol'skii period), *Ruthenica*, Kyiv, 2017, 14, 7–25.
- Pautkin A. A., *Drevnerusskie letopisi XI–XII vv.: Voprosy poetiki*, Moscow, 2003.
- Pashuto V. T., Golodnye gody v Drevnei Rusi, *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*, 1964, 61–94.
- Pashuto V. T., *Rus'*. Pribaltika. Papstvo. Izbrannye stat'i, Moscow, 2011.
- Setvák M., Šálek M., Munzar J., Tornadoes within the Czech Republic: From Early Medieval Chronicles to the «Internet Society», *Atmospheric Research*, 67, 2003, 589–605.
- Schaikin A. A., «Sitsa znamen'ia ne na dobro», *Drevniaia Rus'*. Voprosy medievistiki, 9, 2002, 105–109.
- Sviatskii D. O., *Astronomicheskie iavleniya v russkikh letopisiakh s nauchno-kriticheskoi tochki zreniya*, Moscow, 1915.
- Sviatskii D. O., *Astronomiia Drevnei Rusi*, Moscow, 2007.
- Wegmann M., *Naturwahrnehmung im Mittelalter im Spiegel der lateinischen Historiographie des 12. und 13. Jahrhunderts*, Bern, 2005.
- Wozniak T., *Naturereignisse im frühen Mittelalter: Das Zeugnis der Geschichtsschreibung vom 6. bis 11. Jahrhundert*, Berlin, 2019.

Doc. Mgr. **Jitka Komendová**, Ph.D.

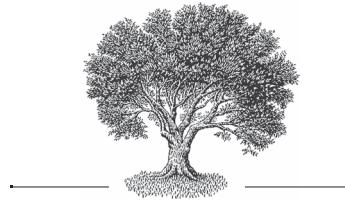
Filozofická fakulta Univerzity Palackého, docent na katedře slavistiky

Křížkovského 10

77180 Olomouc

Česká Republika / Czech Republic

jitka.komendova@seznam.cz

Летописное сообщение 1136 г. и становление новгородской независимости

Петр Сергеевич
Степанович

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

The Chronicle Entry of 1136 and the Formation of the Novgorod Sovereignty

Petr S. Stefanovich

HSE University,
Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Автор статьи подробно анализирует сообщение Новгородской 1-й летописи 1136 г. В летописи описывается, как новгородцы, собравшись на вече, изгнали князя Всеволода, брата тогдашнего киевского князя, и пригласили князя Святослава из конкурирующего клана черниговских Рюриковичей. Автор приходит к выводу, что летописное сообщение писали два автора — один летописец, который работал еще при князе Всеволоде, и его преемник, который продолжил новгородскую летопись уже под покровительством новгородского епископа Нифонта. Текстологический анализ известия позволяет уточнить некоторые факты, важные с исторической точки зрения. Автор присоединяется к тем историкам, которые считают перемену князей, состоявшуюся в 1136 г., важным шагом на пути формирования

Цитирование: Степанович П. С. Летописное сообщение 1136 г. и становление новгородской независимости // Slovène. 2022. Vol. 11, № 2. С. 28–52.

Citation: Stefanovich P. S. (2022) The Chronicle Entry of 1136 and the Formation of the Novgorod Sovereignty. *Slovène*, Vol. 11, № 2, p. 28–52.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.11.2.2

республиканского строя в Новгороде. Он показывает вместе с тем, что разрыв с Киевом оказался сложной и болезненной процедурой для новгородцев. Важную роль в событиях 1136 г. сыграл епископ Нифонт.

Ключевые слова

Русь, средневековый Новгород, новгородская летопись, политическая организация

Abstract

The author of the article gives a detailed analysis of the entry of 1136 of the Novgorod First Chronicle. The chronicle describes how the Novgorodians assembled for a *veche* and made a crucial political decision—they banished the prince Vsevolod, brother of the ruling Kievan prince, and invited the prince Svyatoslav, who belonged to the competing clan of the Chernigov Riurikids. The author concludes that the entry was composed by two chroniclers—one who had worked under the Vsevolod's rule, and the other one who continued working on the chronicle under the patronage of the Novgorod bishop Nifont since 1136. Based on the textual critics, the author explains several historical facts anew. He joins the opinion that the substitution of the princes in 1136 was indeed a milestone in formation of the republican system in medieval Novgorod. However, he shows that the break of Novgorod from Kiev turned out to be a complicated and painful experience. Bishop Nifont played a crucial role in the events of 1136 in Novgorod.

Keywords

medieval Novgorod, Chronicle of Novgorod, political system of pre-Mongol Rus'

В 1136 г. из Новгорода был изгнан князь Всеволод Мстиславич, правивший там с 1117 г., и вместо него новгородцы пригласили князя Святослава Ольговича. Многие историки придают большое значение этой смене власти, имея в виду становление республиканского строя независимости в Новгороде. Когда-то М. С. Грушевский, а вслед за ним Б. Д. Греков говорили даже о «революции» применительно к событиям 1136 г. [Грушевский 1905/1992: 138; Греков 1929: 13]¹, а другие авторы — о «перевороте» в политической организации Новгородской земли [Лихачев 1948: 240].

Сегодня вряд ли кто-то будет говорить о революции или перевороте. Большинство историков согласятся с В. Л. Яниным, который считал, что республиканские институты формировались постепенно в течение

¹ М. С. Грушевский первым охарактеризовал события 1136 г. в Новгороде как «революцию». Б. Д. Греков, на которого обычно ссылаются в литературе по этому поводу, лишь использовал уже предложенное определение (не ссылаясь на Грушевского).

веков, начиная с конца XI в. [Янин 2003]. Фактически «институционализация» вечевого строя продолжалась вплоть до падения новгородской независимости в конце XV в. [Лукин 2014]. Некоторые историки вообще сомневаются в том, что в 1136 г. произошло нечто выдающееся, превосходящее по значению обычный конфликт между новгородской общиной и князем, без которого она все равно не могла обойтись [Толочко 2001].

Но это последнее мнение выглядит крайностью. Во всяком случае, одно обстоятельство в политическом плане выделяло смену князей в 1136 г. в череде подобных событий в истории Новгорода (насколько мы можем судить о них из сохранившихся источников). Принимая решение об изгнании одного князя и призывае другого (решение, принятое на вече и не в каких-то экстремальных условиях — военных и т. п.), новгородцы впервые изменили принципу, по которому городом правил либо киевский князь, либо его ставленник (как правило, сын, выступавший наместником отца). До 1136 г. в летописи зафиксированы случаи, когда новгородцы не принимали одних князей и требовали других (например, в правление Святополка Изяславича в Киеве в 1095 г. они не стали принимать Давыда Святославича, а позднее не хотели расставаться с Мстиславом, сыном Владимира Мономаха, тогдашнего князя Переяславского [ПСРЛ 1: 229, 276; НПЛ 1950: 470]), но при этом сама связь с Киевом не подвергалась сомнению, и о своих князьях Новгород так или иначе договаривался с киевским князем. В 1136 г. в город был приглашен князь из черниговских Ольговичей, в тот момент противостоявших киевскому князю Ярополку, сыну Владимира Мономаха. С Ярополком новгородцы никак не согласовывали это приглашение и оказались с ним в конфликте. После этого они стали приглашать князей из нескольких разных ветвей/кланов Рюриковичей. Это обстоятельство признают, например, такие разные исследователи, как В. Л. Янин и И. Я. Фроянов: первый отмечает «торжество принципа “вольности в князьях”» после изгнания Всеволода [Янин 2003: 136], второй считает, что именно после разрыва «зависимости от Киева» «новгородский князь стал всеселом республиканским органом власти» [Фроянов 1995: 338].

С изменениями в принципах или векторах новгородской политики около или после 1136 г. исследователи связывают разностороннюю деятельность правящего новгородского архиерея — епископа, затем архиепископа Ниофона (1130/31–1156 гг.). Он принимал активное участие в политической жизни, и именно в 1130-е гг. при его непосредственном участии оформился ряд важных документов, которые регулировали отношения церковной и светской организаций в Новгороде

[Печников 2017]. Некоторые исследователи предполагают, что на это время приходится смена центра летописания в Новгороде — находившееся под контролем князя ведение летописи переходит к архиерею, т. е. в Софийский дом. Д. С. Лихачев относил оформление «Софийского временника» как новгородской владычной летописи непосредственно к 1136 г. [Лихачев 1948: 177–180]. А. А. Гиппиус видит признаки, указывающие на рубеж в манере летописных записей, в статье Новгородской 1-й летописи (далее — Н1Л) за 6640 (1132) г. [Гиппиус 2006: 206–210]. Опираясь на наблюдения А. А. Шахматова [Шахматов 1908/2002: 137–8], предполагают, что при Нифонте летописание вел новгородский писатель Кирик, ср. также [Гимон 2005: 331]. Недавно, правда, была выдвинута гипотеза, что до 1136 г. летописание велось не при князе, а в новгородском Антониевом монастыре [Печников 2016: 202–205], но она пока недостаточно развита, и в любом случае сам факт некой цензуры в новгородской летописи в 1130-е гг. не ставится под сомнение.

В данной статье предлагается новый взгляд именно на летописное сообщение 1136 г. Текст кажется мне сложнее по составу и происхождению, чем обычно считают. Отталкиваясь от текстологических наблюдений, я вношу корректизы в принятые трактовки сообщения, связывая его появление со сменой центра летописания в Новгороде в 1130-е гг. На этой основелагаются исторические комментарии к политическим событиям 1136 г. в Новгороде.

Текстология

Статья 6644 (1136) г. выглядит в Н1Л следующим образом. В Синодальном списке (Н1Л старшего извода) текст сохранился полнее (списки Н1Л младшего извода отразили слегка сокращенный и приглаженный текст) [НПЛ 1950: 24, 209]². Привожу эту редакцию по публикации А. Н. Насонова³, разбивая текст на смысловые фрагменты и корректируя пунктуацию:

² Иные летописи, кроме Н1Л, в данном случае иррелеванты. Все они представляют текст статьи 1136 г. так или иначе обработанный. В некоторых поздних летописях, например, Никоновской, текст целенаправленно изменялся и амплифицировался [Лукин 2022: 125–128].

³ Сверка с фотокопией (по публикации [НПЛс 1964: 38–40], а также по копии, доступной на сайте: <https://catalog.shm.ru/entity/ОBJECT/164811?query=786&index=4>), подтверждает точность публикации А. Н. Насонова. Нужно только уточнить, что слово «стго», данное в рукописи в сокращенном виде с титлом (трижды), правильнее восстановить не как «святого» (как у Насонова), а «святаго».

В лѣто 6644 индикта лѣта 14 новгородцы призваша пльсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всѣволода, и въсадиша въ епископль дворъ съ женою и съ дѣтьми и съ тѣщою мѣсяця маия въ 28. И стражье стрежаху день и нощь съ оружиемъ, 30 мужъ на день. И сѣде 2 мѣсяца. И пустиша из города июля въ 15, а Володимира, сына его, прияша.

А се вины его творяху. 1 Не блюдетъ смердъ. 2 Чему хотель еси сести Переяславли. Зе Ехаль еси съ пѣлку переди всѣхъ. А на то много. На початыи велевъ ны рече къ Всѣволоду приступити, а пакы отступити велить.

Не пустиша его, донелѣже инъ князь приде.

Тъгда же съгорѣ церкы святаго Вѣскресения манастырь.

Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговицъ ис Цернигова от брата Всеводка мѣсяця июля въ 19, прежде 14 каланда августа въ недѣлю на сборъ святыя Еуфимие въ 3 часъ дне, а луне небеснѣ въ 19 день.

Томъ же лѣте, наставыши индикта 15, убиша Гюргя Жирославиця и съ моста съѣргоша мѣсяця сентября.

Въ то же лѣто святиша церковь святаго Николы великыемъ священiemъ въ 5 декабря.

Въ то же лѣто оженися Святославъ Олговицъ Новегородъ, и вѣнчаясь своими попы у святого Николы, а Ниѳонт его не вѣнчая, ни попомъ на сватбу, ни церенцемъ дастъ, глаголя: не достоить ея пояти.

Въ то же лѣто стрѣлиша князя милостьници Всѣволожи, нѣ живъ бысть.

Если посмотреть на текст с формально-текстологической точки зрения, прежде всего бросаются в глаза специфические хронологические указания, которые в предшествующих годовых статьях Н1Л отсутствуют. Во-первых, приводятся указания на индикты. Во-вторых, дата прибытия в город Святослава приводится с необычными подробностями. Еще Шахматов связал эту особенность с Кириком, который увлекался хронологическими вычислениями и написал особое «Учение о числах». А. А. Гиппиус, опираясь на текстологические и лингвистические аргументы, показал, что новгородская владычная летопись велась как анналы летописцами, работавшими последовательно, как правило, в годы правления каждого следующего архиерея на новгородской кафедре. Он согласен, что хронологические указания в статье 6644 г. и в ряде последующих годовых статей являются одной из характерных черт работы Кирика, который вполне мог вести летопись в период святительства Ниѳонта [Гиппиус 1997: 41].

Но до сих пор исследователи не обращали внимания на другую особенность этой годовой статьи — смысловую сбивчивость рассказа в первой ее части, повествующей о том, что происходило с Всеводом и его семьей, а также разрыв между этим рассказом и сообщением о прибытии в Новгород Святослава.

На мой взгляд, логику нарратива явно нарушает перечисление «вин» Всеволода, после которого бессвязной и малоосмысленной «повисает» последняя фраза перед сообщением о пожаре Воскресенской церкви: «не пустиша его, донелѣже инъ князь приде» («не пустили его, пока не пришел другой князь»). Взятая сама по себе, эта фраза непонятна: к кому относятся слова «не пустиша его» — к Всеволоду или к его сыну Владимиру? Лишь соединяя ее с фразой до перечисления «вин» («и пустиша из города июля въ 15, а Владимира, сына его, прияша»), можно все-таки понять, что речь идет о Владимире, которого «прияша» и «не пустиша» после того, как 15 июля «пустиша из города» его отца Всеволода.

Восстанавливая таким образом последовательность событий и рассказа о них, нельзя не удивиться странной формулировке «донелѣже инъ князь приде». Сообщается, что Владимир находился в городе, пока не пришел Святослав — «инъ князь». Но эти слова совершенно диссонируют с торжественным заявлением о том же самом факте, приходе нового князя, которое помещено почти сразу ниже (только после сообщения о пожаре): «приде Новугороду князь Святославъ Олговицъ [...]» и т. д. Складывается впечатление, что фразу «не пустиша его, донелѣже инъ князь приде» и сообщение о приходе Святослава с пространной датировкой писали два разных автора: для первого черниговский князь был просто некий «другой» князь, даже имя которого необязательно указывать, для второго — законный и желанный правитель, приход которого нужно особенно отметить.

Можно также задаться вопросом, в каком времени стоит глагол «приде» в словах «донелѣже инъ князь приде». Формально это может быть глагол 3 л. ед. ч. либо в аористе, либо в настоящем времени (=придеть). В первом случае надо думать, что автор этой фразы писал тогда, когда Святослав («инъ князь») уже пришел. Форма же настоящего времени может свидетельствовать о том, что автор писал тогда, когда князь *еще не* пришел — т. е. в какой-то момент между 15 и 19 июля. В первом случае отчужденно-равнодушное отношение автора текста к новому князю, контрастирующее с последующим сообщением о приходе Святослава, просто очевидно. Во втором случае этот контраст не так ясен, но зато можно определить, что автор писал еще до прихода нового князя.

Как бы то ни было с глаголом «приде», эти наблюдения в целом ведут к заключению: в статье 6644 г. отразилось творчество двух разных летописцев. «Двуслойность» текста статьи и объясняет сбивчивость повествования, и соответствует тезису о смене княжеского контроля над летописанием владычным. Первым автором, очевидно, надо счи-

тать летописца Всеволода, который работал вплоть до ухода своего покровителя. Вторым был летописец, трудившийся уже под эгидой Софийского дома, — это был Кирик или другой книжник того же круга новгородских интеллектуалов (далее буду говорить о Кирике как предположительном авторе), и он описывал события 1136 г. *ex post*⁴.

Первый слой текста надо видеть, собственно, в рассказе об уходе Всеволода, который начинался с характерных слов об изгнании новгородцами «князя **своего**», а заканчивался словами о приходе «другого князя» («*донелѣже инъ князь приде*»). Возможно, к этому слою принадлежит и приписка о пожаре Воскресенской церкви «*тогда же*». Но все дальнейшие сообщения свидетельствуют о взгляде нового владычного летописца, фиксирующего появление нового князя и блистающего точной (иногда до экстравагантности) хронологией. Указание об индикте в самом начале статьи, конечно, тоже принадлежит ему — очевидно, начатая одним автором годовая статья была «оформлена» как целое его преемником. Вставным надо считать пассаж с обвинениями Всеволода, который разорвал связный текст и который был введен глаголом в имперфекте («творяху»), в то время как весь рассказ выдержан в аористе: «призваша», «всадиша», «седе», «прияша» и т. д. (за исключением лишь указания на охрану запертой княжеской семьи: «стрежаху», что объясняется, очевидно, продолжительностью действия — два месяца). Этот первоначальный текст говорил о судьбе князя и его сына уже спустя некоторое время после того, как обвинения были предъявлены на майском вечевом собрании, с которого и началась вся история.

Первоначальную запись Всеволодова летописца можно реконструировать примерно так:

[...] новгородцы призваша пльсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всѣволода, и въсадиша въ епископль дворъ съ женою и съ дѣтьми и съ тѣщою мѣсяця майя въ 28. И стражье стрежаху день и нощь съ оружиемъ, 30 мужъ на день. И сѣде 2 мѣсяця. И пустиша из города июля въ 15, а Володимира, сына его, прияша. [И] не пустиша его, донелѣже инъ князь приде...

Текст в таком виде ясен и логичен. Не вполне точным выглядит замечание, что Всеволод сидел под арестом 2 месяца (с 28 мая до 15 июля

⁴ Строго говоря, с формальной точки зрения можно также допускать, что писали не два разных автора, а писал один автор, но сильно изменивший и манеру повествования, и свое отношение к князьям. Это предположение, однако, усложняет без надобности реконструкцию событий и процесса ведения летописи (о чем см. ниже), но, главное, ничего не меняет в сути дела — писали ли два разных автора или один «переродившийся», важно, что в летописном нарративе присутствует сбой, причиной которого были политические трансформации.

прошло не 60, а только 49 дней), но неточность можно объяснить либо ошибкой в дате 28 мая⁵, либо преувеличением летописца, сочувствуявшему «своему» князю. Можно также допустить, что слова «не пустиша его» (выделены курсивом) были добавлены вторым летописцем-редактором, который вставил фрагмент с «винами» Всеволода. Без этих слов смысл текста становится таким, что выдает руку человека, писавшего еще до прихода Святослава, а значит, использовавшего глагол «приде» в настоящем времени.

Вывод, что в статье 6644 г. присутствуют следы работы двух разных летописцев, может, на мой взгляд, решить вопрос, оставленный открытым Гиппиусом, который по ряду формальных признаков зафиксировал текстуальные «швы» в Н1Л, отразившие смену авторов новгородской владычной летописи. Согласно его наблюдениям, некоторые признаки, характерные для манеры Нифонтова летописца (Кирика), обнаруживаются не только в статье 6644 г., но и в более ранней статье 6640 (1132) г., в которой говорилось о неудачной попытке Всеволода в окончательности в Переяславле (южном) и его возвращении в Новгород. Исследователь заключил, что «шов» между летописцами Всеволода и Нифонта пролегает именно в статье 6640 г., а значит, 1132-м годом можно было бы тогда датировать переход контроля над летописанием от князя к епископу. Вместе с тем он не настаивает на этой датировке, допуская, что неоднородность текста в статье 6640 г. может объясняться и позднейшей редактурой софийского летописца, приступившего к работе только в 1136 г. (как думал Д. С. Лихачев) [Гиппиус 1997: 41–42; Idem 2006: 206–207, 209–210, 215].

Не ставя под сомнения ни общую концепцию Гиппиуса, ни его заключение о ряде инновационных лингвистических и стилистических черт в статье 6640 г., надо вместе с тем заметить, что в статьях 6641–6643 гг., согласно его же «атласу дистрибуции формальных признаков» в новгородской летописи, подобные черты выражены очень слабо (ср. более осторожные оценки исследователя по этому поводу в публикации 2006 г. по сравнению с публикацией 1997 г.: [Гиппиус 1997: 41–42] vs [Idem 2006: 196–200 и приложения к статье]). Более того, с точки зрения содержания и расстановки смысловых акцентов, эти статьи выдают руку летописца, для которого важнее всего были именно деяния князя Всеволода Мстиславича и который в целом сочувствовал ему. Например, в статье 6641 (1133) г. в сообщении о строительстве церквей в Новгороде специально отмечено: «при князи Всеволоде»; в рассказе о войне

---

⁵ Возможно, вследствие изначальной неточности автора, а может быть, из-за палеографической ошибки, например: первоначальная запись цифрию Ѵ превратилась в Ѵ и т. п.

новгородцев с суздальцами под 6642 (1134) г. о Всеволоде говорится как предводителе первых, а целью войны выставлено желание Всеволода утвердить в Суздальской земле его брата Изяслава («ходи Всѣволодъ съ новгородьци, хотя брата своего посадити в Суждали»); итоги войны изложены нейтрально (хотя против войны был митрополит и, видимо, пригласивший его в Новгород Нифонт, и она закончилась неудачно для Новгорода), причем ничего плохого о князе и его действиях не сказано; в статье 6643 (1135) г. говорится о совместной Всеволода с Нифонтом закладке церкви Богородицы на Торгу. В целом и формально, и содержательно статьи 6641–6643 (1133–1135) гг. примыкают к блоку «до-нифонтовых» записей, сходны с манерой первого летописца в статье 6644 г. (оставившего запись об изгнании Всеволода) и расходятся со стилем второго летописца этой статьи (Кирика).

Из этого следует, что тот «шов», который обнаружил Гиппиус в статье 6640 (1132) г., правильнее было бы объяснять именно позднейшей редактурой софийского летописца, который дополнил и скорректировал статью 6644 г. в свете новой политической ситуации, сложившейся после прихода Святослава. Этот летописец (Кирик) получил летопись, доведенную до событий, связанных с изгнанием Всеволода в 1136 г., и внес изменения в нее в связи именно с этими событиями. Статьи 6641–6643 (1133–1135) гг. он, видимо, если и правил, то незначительно, но зато дополнил сообщение об изгнании Всеволода в 1136 г. заявлением новгородского веча о «винах» Всеволода, а статью 6640 (1132) г. — описанием метаний Всеволода между Переяславлем и Новгородом. Дополнения Кирика в статье 6640 г. хорошо выделяются специфическими лингвистическими и стилистическими признаками. Гиппиус отметил эти признаки — следуя ему, выделяю их в тексте годовой статье подчеркиванием [НПЛ 1950: 22–23; Гиппиус 2006: 206]:

Въ лѣто 6640. Прѣставися Мъстиславъ Кыевъ, Володимириць, априля въ 14; а Яроплькъ седе на столѣ, брат Мъстиславъ. Въ се же лѣто ходи Всѣволодъ въ Русь Переяславлю, повелениемъ Яропльцемъ, а целовавъ крестъ къ новгородцемъ, яко «хощо у васъ умерети». И рече Гюрги и Андрѣи: «се Яроплькъ, брат наю, по смерти своеи хощеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему»; и выгониста и ис Переяславля. И приде опять Новугороду; и бысть въстань велика въ людяхъ; и придоша пльсковици и ладожане Новугороду, и выгониша князя Всѣволода из города; и паки съдумавъше, въспятиша и Устьяхъ; а Мираславу даша посадыця въ Пльске, а Рагуилови въ городѣ.

Как показал Гиппиус, специфическое употребление союза *яко*, ввод прямой речи и написание имени *Всеволод* через *e* (а не через *ъ* — ять) выделяют подчеркнутый текст как отличный от манеры Всеволодова

летописца, автора статей до 1132 г. (к этому скорее склоняется Гиппиус) или до 1136 г. (как полагал Лихачев и как кажется более вероятным мне). На мой взгляд, этот текст легко выделяется как вставной фрагмент – достаточно обратить внимание на употребление глаголов движения, описывающих действия Всеволода: «Въ се же лѣто ходи Всѣволодъ въ Русь Переяславлю, повелениемъ Яропѣльцемъ [...] и приде опять Новугороду [...]» и т. д. Вставлено было объяснение, почему Всеволод уходил из Новгорода в Переяславль и почему вернулся, встретив отпор своих дядьев Юрия и Андрея Владимировичей. Весь этот эпизод политической биографии Всеволода был явной неудачей (особенно если учитывать, что в конце концов его едва не «выгониша» из Новгорода), и вполне понятно, что в первоначальном тексте, написанном его летописцем, компрометирующие князя факты должны были замалчиваться.

Выделяемая таким образом вставка очень похожа на вставной фрагмент с перечислением «вин» Всеволода в статье 6644 (1136) г.: и здесь, и там вводятся чужие слова прямой речью, и здесь, и там смысл дополнений сводится к тому, чтобы объяснить неправильное – с новгородской точки зрения – поведение Всеволода. Более того, одна из «вин», указанная второй в списке в статье 6644 г., прямо соотносится с тем, о чем идет речь во фрагменте, вставленном в статье 6640 г.: желание Всеволода «сесть» (вокняжиться) в Переяславле. Это стремление выставлено проступком («виной») в заявлении новгородского веча в 1136 г., и оно же осуждается в статье 6640 г. как нарушение некоего старого договора (крестоцелования) с новгородцами.

В заключение раздела статьи, посвященного текстологическим вопросам, замечу, что сам по себе механизм редактуры *ex post* находит близкие аналогии в истории новгородского владычного летописания⁶. Тот же Гиппиус показал, как летописец, перенявшый работу над летописанием после смерти архиепископа Мартирия в 1199 г. и возведения на кафедру Митрофана, внес значительные изменения в статьи 6704–6707 (1196–1199) гг., написанные при Мартирии [Гиппиус 1997: 24–28; Idem 2006: 203]. Правка была обусловлена тоже во многом сменой общественно-политической ситуации в Новгороде. Гиппиус предполагает, что при редактуре заменялись последние тетради или листы одной рукописи – «официального экземпляра» владычной летописи. Ничто не мешает допустить, что такого же рода замену предпринял Кирик, продолживший новгородское летописание в 1136 г. Но возможно также, что он просто поместил вставные фрагменты в статьи 6640 и 6644 гг. на полях той рукописи, которая ему досталась от предшественника.

⁶ О « дальних » аналогиях здесь не говорю, но примеры позднейшей редактуры в тех или иных летописных традициях средневековой Руси многочисленны.

Обращает на себя внимание тот факт, что объем обеих выделяемых вставок очень близок: 33 слова и 156 знаков в статье 6640 г. vs 35 и 163, соответственно, под 6644 г. Возможно, это свидетельствует о том, что чисто технически вставки осуществлялись каким-то похожим способом, который был обусловлен тем, что писцу приходилось работать с переданной ему рукописью⁷.

Исторический комментарий

Вскрытие двуслойности статьи 6640 г. позволяет уточнить некоторые детали в исторической интерпретации событий, описанных в статье.

1. Прежде всего прокомментировать следует перечисление «вин», которое вставил Кирик в сообщение об изгнании Всеволода. Вне сомнения, это пересказ или даже цитирование тех претензий, которые были сформулированы на новгородском вече в мае 1136 г. в адрес князя.

А. Н. Насонов в публикации Н1Л во фразе «На початыи велевъ ны рече къ Всѣволоду приступити, а пакы отступити велить» выделил слово «рече» запятыми, понимая, очевидно, его как указание на передачу неких чужих слов в смысле «дескать», «мол». При таком понимании выходит, что пересказывается, собственно, вечевая речь или даже грамота, — т. е. это слово надо переводить: «как говорилось /сказано [в речи / грамоте]».

Впрочем, синтаксис этой фразы можно трактовать по-разному, в зависимости от понимания именно слова «рече». С лингвистической точки зрения, в принципе, возможно, что глагол «рече» связан с причастием «велевъ» и описываются указания князя: «велевъ ны рече» = «приказывая нам, сказал». Теоретически «рече» можно трактовать и как форму глагола во 2 л. аориста («ты сказал»), и тогда это — обращение вечников к князю. Но такая интерпретация противоречит тому, что вторая часть фразы сформулирована в третьем лице ((он) «отступити велить») и что другие глаголы в обращениях к князю стоят в перфекте (в формулировке второй и третьей «вин»: «хотел еси», «ехал еси»). В любом случае, как бы ни понимать слово «рече», ясно, что словами «а се вины его творяху» вводится прямая речь новгородцев.

В Н1Л находится близкая аналогия такого рода прямой речи вечников⁸. В статье 6778 (1270) г. повествуется о конфликте новгородцев с князем Ярославом Ярославичем и упоминается, что вече в Новгороде

⁷ Наблюдение об объеме предполагаемых вставок высказали при обсуждении доклада с изложением некоторых выводов этой статьи С. М. Михеев и Д. А. Доброльский. Благодарю их за это и за некоторые другие замечания.

⁸ На эту аналогию указал А. А. Гиппиус на конференции в 2019 г. при обсуждении моего доклада, который лег в основу данной статьи. За это указание, а также за некоторые другие подсказки, я ему весьма признателен.

(очевидно, на Торгу) происходило без князя, «а къ князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его [...]» [НПЛ 1950: 88, 319]. В этом случае летописец процитировал соответствующую «грамоту». Писали ли грамоту князю в 1136 г. или устно предъявили обвинения князю, вызванному на вече (и тут же его и повязали), мы не знаем, но летописец сформулировал их, что называется, как по писаному. Если понимать «рече» в смысле «как говорилось/сказано», надо думать, что Кирик просто цитировал грамоту.

Заслуживает внимания также перечисление «всей вины» Ярослава сразу после процитированных слов в статье 6778 г. — цитирую по изданию Насонова с его пунктуацией:

[...] чemu еси отъяль Волховъ гоголными ловци, а поле отъяль еси заячими ловци, чemu взяль еси Олексинъ двор Морткинича, чemu поималъ еси серебро на Микифоръ Манускиничи и на Романъ Болдыжевичи и на Варфоломъи, а иное, чemu выводишь от нас иноземца, которий у насъ живуть», а того много вины его, «а ныне, княже, не можемъ терпѣти твоего насилья, поѣди от насъ, а мы собѣ князя промыслимъ».

В данном случае не так важны конкретные обвинения Ярослава, сколько слова, прерывающие их список и очень напоминающие фразу в перечислении вин Всеволода: «а того много вины его» (6778) —ср.: «а на то много» (6644). Аналогия позволяет объяснить смысл этой фразы в статье 6644 г., всегда вызывавшей недоумение историков. Большинство из них включали слова «а на то много» в вечевую речь (следуя расстановке кавычек и знаков препинания в публикации Насонова, который эту фразу в тексте статьи 6644 г. не выделил из закавыченной речи, в отличие от похожей фразы в статье 6778 г.), но при пересказе претензий вече к Всеволоду их просто опускали, ср., например [Петров 2003: 125–126]. Лишь немногие пытались как-то объяснить слова «а на то много», но явно неудачно. Например, М. Н. Тихомиров — единственный, кто вообще перевел на современный русский язык известие об изгнании Всеволода, — дает такой перевод третьей «вины» Всеволода: «ехал ты с боя впереди всех; а потому много погибших [...]» [Тихомиров 1955: 192]. Что заставило Тихомирова думать о погибших, остается только гадать; он сам ничего не объяснил.

На мой взгляд, слова «а на то много» надо понимать как замечание, заключавшее перечисление трех «вин» Всеволода (они обозначены цифрами в летописном тексте — 1, 2, 3) и вводившее заключительную фразу с еще одной отдельной «виной»: «на початыи велевъ ны рече къ Всѣволоду приступити, а пакы отступити велить». Такой заключительно-переходный характер имела фраза «а того много вины его» в статье 6770 г. И в том, и в другом случае это вполне могли быть слова самих вечников, а не летописца. Смысл обеих фраз был примерно одинаков,

только в статье 6644 г. вместо «того» (в смысле *итого, таким образом*) говорилось «на то», а главное, формулировка была более краткой: слово «вины» было опущено, хотя подразумевалось. Союз *на* должен пониматься в смысле *сверх, более*. Перевод слов «а на то много» должен быть примерно такой: «а сверх/более того много [его вины еще]». И вот какая *еще* провинность была за Всеволодом, говорилось далее: «на початыи велевъ...» и т. д.

Теоретически возможно понимание текста, предполагающее связь слов «а на то много» со словами «на початыи», которыми в издании Насонова начинается следующая фраза⁹. Такое понимание оправдывается, прежде всего, тем, что выражение «на початыи» в качестве самостоятельного оборота не имеет аналогий в древнерусских источниках, а также положением энклитики «ны», которая должна стоять после первого слова фразы. Действительно, в сохранившихся памятниках древнерусской письменности известно только выражение с существительным — «на початыи», и авторы «Словаря древнерусского языка» даже предположили, что в Н1Л ошибка и что первоначальным в тексте было именно это выражение [Словарь 2004: 396]. Однако, если не предполагать такой ошибки и ориентироваться на положение слова «ны», получающаяся фраза «а на то много на початыи» трудно поддается объяснению. Не будучи лингвистом, мне трудно выносить однозначное решение в этом вопросе, но кажется проще интерпретировать выражение «на початыи» как гапакс, понимая его как подобное по смыслу и морфологии современному русскому слову «впервые». В пользу этого варианта говорит и то, что в списках Н1Л младшего извода и в других летописях выражение «а на то много» так или иначе изменялось, но выражение «на початыи» везде сохранялось и понималось, очевидно, именно как часть следующей фразы в смысле «в начале».

2. Последняя «вины» Всеволода (четвертая по общему счету) была не просто «дополнительной» [Петров 2003: 126]. Этой «вины» было «много», т. е. это была большая, значительная провинность, и оказалась она в конце списка, с одной стороны, по принципу *last but not least*, а с другой — по принципу хронологической последовательности. В отличие от трех других провинностей она относилась к совсем недавнему прошлому. Первая «вины» («не блюдет смердъ») подытоживала деятельность князя за несколько (или даже много) лет; вторая (уход в Переяславль) относилась к событиям 1132 г.; третья (битва на Ждане горе) — к январю 1135 г. Четвертая вина, таким образом, должна была иметь в виду события второй половины 1135 — начала 1136 г., когда нов-

⁹ Такую мысль высказал Гиппиус при обсуждении предварительного варианта данной статьи.

городцы дважды посыпали посольства в южную Русь, наблюдая противоборство киевского князя Ярополка Владимировича (дяди Всеволода) и черниговского князя Всеволода Ольговича (старшего брата того Святослава, который пришел в Новгород в июле 1136 г.). Об этих посольствах говорит Н1Л под 6643 г., и летописец явно придавал им большое значение [НПЛ 1950: 23–24].

Можно даже думать, что именно эта последняя «вина» Всеволода и была ключевой. Соглашаясь с Т. Л. Вилкул, что все это перечисление «вин» должно оцениваться с учетом «особенностей риторики того времени» [Вилкул 2009: 294], следует видеть в нем скорее некие придиরки и припоминания прошлых промахов, на которые вполне можно было бы закрыть глаза, если бы в тот конкретный момент князь устраивал новгородцев. Однако как раз в начале 1136 г. сложилась такая ситуация, когда политические силы, стоявшие за Всеволодом, оказались ослаблены, и было бы вполне понятно и даже естественно, что новгородцы начали переговоры о союзе с силами противоборствующими.

Речь идет о конфликте киевского князя Ярополка, ставленником которого фактически был Всеволод Мстиславич, с черниговским князем Всеволодом (см. подробнее об этом конфликте в контексте княжеских отношений 1130-х гг. [Грушевский 1905/1992: 134–135; Кучкин 1996: 38–40]). Две «горячие» фазы конфликта – летом 1135 г. (битва на Супое 8 августа) и зимой 1135–1136 гг. (осада черниговцами Киева) – закончились мирным договором 12 января 1136 г. [ПСРЛ 2: 299]. Условия договора нам не известны, но они, безусловно, были выгодны для Всеволода черниговского. Вполне вероятно, что как раз во время конфликта Всеволод Мстиславич проявил нерешительность, надо ли вступать в союз с Всеволодом Ольговичем или нет (об этом и говорится в «четвертой вине»: «къ Всѣволоду приступити, а пакы отступити»), и вполне вероятно, итоговый договор каким-то образом затрагивал и Новгород. По-видимому, второе посольство новгородцев в южную Русь зимой 1135–1136 гг. уже начало переговоры с Всеволодом черниговским о возможном переходе под его покровительство, т. е. присылке от него князя (такая догадка напрашивается, и она неоднократно высказывалась историками, ср., например: [Толочко 2001: 401; Печников 2017: 244]). Новгородцы, объявляя на вече об изгнании Всеволода Мстиславича, конечно, должны уже были быть уверены, что их поддержит черниговский князь. Просто так изгнать «своего князя», разорвав союз с Ярополком киевским, и остаться вообще без князя они не могли.

Таким образом, коренной причиной изгнания было именно противостояние между Киевом и Черниговом, а точнее успехи Всеволода черниговского. Всеволод Мстиславич оказался заложником борьбы на

юге, не смог проявить самостоятельность, мобилизовать силы союзных ему князей и вел политику колеблющуюся и нерешительную. Это его и сгубило. Все остальное в речи новгородцев было лишь дополнительными аргументами.

3. То, что изгнание Всеволода Мстиславича требовало тщательной подготовки и не было каким-то спонтанным и в то же время «заурядным» [Толочко 2001: 401] решением вечевой демократии, доказывается целым рядом обстоятельств в череде событий в Новгороде в 1136 г. и в последующие годы. Это была мера, вне всякого сомнения, крайняя, сложная в практическом исполнении и не вполне предсказуемая по последствиям.

Совсем неслучайным представляется тот факт, что на вече, принявшее решение об изгнании «своего князя», новгородцы «призываха пльсковиче и ладожаны». До этого об участии жителей Пскова и Ладоги в вече в Н1Л говорилось только в связи с событиями 1132 г., когда новгородцы впервые попытались изгнать Всеволода. Очевидно, расширенный состав вече объяснялся важностью вопроса, стоявшего на повестке дня. Собрать такой состав вече требовало и определенных усилий, и времени. Причем те, кто занимался организацией этого дела, должны были действовать втайне от князя и его людей, чтобы они не успели подготовиться к народному собранию или предотвратить его.

О сложностях, с которыми столкнулись новгородцы, говорят их действия после веча. Арест и задержание князя и его семьи на полтора–два месяца объяснялись, прежде всего, необходимостью обеспечить мирную передачу власти и избежать войны между Всеволодом Мстиславичем и тем из черниговских князей, кто должен был стать его преемником. Такой конфликт был вполне вероятен ввиду наличия сторонников Всеволода в Новгороде и противостояния между Ярополком и Всеволодом Ольговичем в южной Руси. Кроме того, новгородцы, видимо, были не до конца уверены, что из Чернигова действительно кто-то придет. Хотя, вероятно, со Всеволодом Ольговичем были достигнуты предварительные договоренности, отправка его ставленника в Новгород уже после вечевого решения заняла некоторое время: полтора или два месяца – это срок больший, чем требовалось на поездку послов из Новгорода в Чернигов и затем возвращения их с князем (для такой поездки туда-обратно нужно было не более 3–4 недель). Видимо, имели место еще какие-то переговоры, а может быть, и колебания.

Сторожить Всеволода Мстиславича и его семью должны были 30 человек «с оружием» – весьма внушительный отряд по тогдашним меркам. Задача этих людей была двоякой: важно было не только не позволить князю убежать, а его сторонникам вызволить его, но, с дру-

гой стороны, и обеспечить безопасность его самого, а также его жены и тещи, которые представляли черниговский дом (теща Всеволода была женой постригшегося в монашество черниговского князя Святослава-Святоши Давыдовича, двоюродного брата Всеволода и Святослава Ольговичей, см. [НПЛ 1950: 19; Домбровский 2015: 110–112]). Во избежание конфликтов с теми или другими родственниками Всеволода Мстиславича новгородцы должны были вывести его и его семью из Новгорода целыми и невредимыми.

Чтобы не допустить столкновения Всеволода Мстиславича, запертого в Новгороде, и уже подходившего к городу Святослава Ольговича, новгородцы придумали следующую операцию. Они выпустили Всеволода, но «прияша» его малолетнего сына Владимира (тот не мог быть старше 11 лет, а скорее всего, был гораздо младше [Домбровский 2015: 210]). Высказывалось мнение, что это «приятие» было формальным актом вокняжения, т. е. новгородцы приняли Владимира как своего князя. Например, В. Л. Янин полагал, что вокняжение Владимира организовали сторонники Всеволода [Янин 2003: 104]. И. Я. Фроянов писал, что в этом акте оказались некие «языческие представления» о недопустимости пустующего княжеского стола из-за наделения фигуры князя магическими свойствами [Фроянов 1995: 335]. На самом деле, глагол «прияша» надо понимать в смысле «задержали, арестовали» (о таком смысле глагола *приятии* см. в работах П. В. Петрухина и Гиппиуса, написанных в ходе дискуссии об одной берестяной грамоте XII или начала XIII в. [Гиппиус 2015: 118–121; Петрухин 2019: 60–63]). Когда новгородцы узнали, что Святослав уже подошел, они удалили из города Всеволода, оставив в заложниках только его малолетнего сына. Несколько дней Святослав пережидал, чтобы торжественно въехать в город в воскресенье. 19 июля он вошел в Новгород¹⁰. Владимира, видимо, отпустили вскоре, убедившись, что больше нет опасности столкновения двух князей.

---

¹⁰ Точность датировки давно уже подтверждена в литературе, хотя до сих пор отмечали только совпадение даты и дня недели (19 июля, воскресенье) и точное указание Кирика на день по лунному календарю. Не обращали внимания на особенное церковное празднование в этот день — совместную память св. Евфимии Всехвальной и св. отцов IV Вселенского Собора. Согласно Студийскому уставу, этот праздник должен был отмечаться в первое воскресенье после памяти самой св. Евфимии 11 июля. Однако, как гласит специальное примечание в списке Устава, созданном в Новгороде около 1170 г. (ГИМ, Синод. 330), если 16 июля приходилось на четверг (т. е. 11 июля выпадало на субботу), то эту совместную память следовало служить «в приходящую неделю», т. е. в воскресенье, следующее за 16-м, — 19 июля [Пентковский 2001: 353]. В 1136 г. 11 и 16 июля выпали как раз, соответственно, на субботу и четверг, поэтому память св. Евфимии и св. отцов праздновали именно в воскресенье 19 июля. Естественно, эта особенность церковного календаря должна была броситься в глаза и запомниться современникам, и указание Кирика на праздник 19 июля нельзя считать случайностью. Ср. также: [Лосева 2001: 380, 385; Лукашевич 2008: 466].

Вся эта процедура смены власти оказывается, таким образом, весьма непростой. Но даже вроде бы успешно завершившись, она не гарантировала политической стабильности в Новгороде. Летописная статья 6644 г. заканчивается сообщением о покушении на Святослава «милостников Всеиволожих», а в 1137 г. в Новгороде, как известно, разгорелся внутренний конфликт и произошел разрыв с Псковом, где закрепился изгнанный Всеиволод Мстиславич. Летописец специально отмечает, что новгородцы оказались в политической изоляции: «и не бе мира съ ними (псковичами. — П. С.), ни съ сужъдальци, ни съ смольняны, ни съ полоцяны, ни съ кыяны» [НПЛ 1950: 25]. В 1138 г. из Новгорода был изгнан уже Святослав, причем и ему самому, и его жене тоже пришлось посидеть под арестом. Как написал летописец, новгородцы задерживали их, «ждуще оправы Яропълку съ Всеиволодкомъ» [НПЛ 1950: 25], — т. е. ожидая разрешения очередной усобицы между киевским князем и черниговским. Святослав, как новгородский князь, попал точно в такую же ситуацию, как и Всеиволод Мстиславич, оказавшись в зависимости от выяснения отношений между сильнейшими князьями Руси в Поднепровье.

В следующие несколько лет князья часто менялись в Новгороде, и практически каждая перемена проходила с внутренними «мятежами», конфликтами с киевскими и другими князьями, арестами новгородских князей в Новгороде (в частности, использовался опять и «епископль двор», например, в 1142 г. там держали Ростислава, сына Юрия Долгорукого) и т. п. Лишь под 6662 (1154) г. летопись сообщает об изгнаниях и приеме князей по вечевым решениям, не упоминая о каких-либо волнениях, конфликтах и силовых действиях (с той или иной стороны). Характерно, что при описании событий этого года в летописи впервые появляется выражение, которое позднее станет формульным указанием на изгнание князя — «новгородци показаша путь» [НПЛ 1950: 29]. К этому времени процедура смены князей по решению новгородского веча становится относительно привычной и безболезненной или «заурядной», как выражался П. П. Толочко. Конечно, и в дальнейшем сохранялся некий конфликтный потенциал в самом принципе выбора новгородцами князей и колебаниях их между той или иной ветвью Рюриковичей, что регулярно вызывало волнения в городе или силовые действия по отношениям к князьям или с их стороны. Но все-таки этот принцип стал общепризнанным, а нормой — смена князей, которая подразумевала мирную передачу власти (по крайней мере, в идеале).

4. Отдельного комментария заслуживает оценка роли епископа Нифонта в событиях 1136 г. В литературе его обычно выставляют сторонником Всеиволода Мстиславича [Греков 1929: 17; Тихомиров 1955:

190; Dimnik 1994: 338–341]. Главным аргументом при этом служит сообщение в той же статье 6644 (1136) г., что владыка запретил новгородскому духовенству служить на свадьбе Святослава Ольговича и тому пришлось венчаться «своими попы». Неприязнь к Святославу, которая якобы отразилась в этих действиях Нифона, позволяет исследователям предполагать его симпатии по отношению к Всеволоду.

Между тем само по себе это сообщение не обнаруживает никакого политического контекста, а формулировка, вложенная в уста Нифона летописцем, заставляет предполагать скорее чисто церковно-канонические причины запрета (близкое родство брачующихся и т. п.) [Литвина, Успенский 2013]. Поскольку ничего неизвестно о жене Святослава, об этих причинах можно только гадать, но анализ всей деятельности Нифона за период его святительства в Новгороде не позволяет говорить о том, что у него были какие-либо особые отношения — симпатии либо антипатии — или к Всеволоду Мстиславичу, или к Святославу Ольговичу, или к кому-то из других князей, княживших в Новгороде. В целом, он «держал себя достаточно независимо», отстаивая церковные интересы, а в политических вопросах «разделял позицию большинства новгородцев» [Печников 2017: 271–272].

В конфликте новгородцев и Всеволода Мстиславича Нифон явно был на стороне первых. Незадолго до изгнания Всеволода, зимой 1135–1136 гг., епископ, как сообщает летопись, ездил в южную Русь с новгородскими «лучшими мужи» [НПЛ 1950: 24]. Хотя Нифон вообще поддерживал тесный контакт с тогдашним митрополитом Киевским Михаилом и у него могли быть свои причины для поездки в Киев, но, как говорилось выше, есть все основания подозревать, что это новгородское посольство уже начало переговоры с Всеволодом черниговским о переходе под его покровительство. Нифон не мог не знать об этих переговорах, а может быть, даже и принимал в них участие. Неслучайным в этой связи представляется тот факт, что после вечевого решения об изгнании Всеволода Мстиславича его самого и его семью «всадиша в епископль двор».

Исследователи редко задавались вопросом, почему князя заключили именно в усадьбу владыки (очевидно, в кремле около Софийского собора). Недавно на этот вопрос попытался ответить М. В. Печников и пришел к выводу, что в этом факте отразилось «складывание патроната новгородцев над епископской кафедрой» [Печников 2017: 249–250]. Действительно, умаление власти князя, начавшееся в Новгороде с конца XI в., означало расширение полномочий веча и городских магistratov, в том числе, вероятно, и в отношении кафедры. Вместе с тем вся деятельность Нифона, а также те официальные документы,

которые были записаны в период его святительства и дошли до нас в том или ином виде (Церковный устав Всеволода, Устав Святослава о десятине, жалованные грамоты Всеволода и Изяслава и др.), — все это свидетельствует как раз не об уменьшении власти и авторитета владыки, а об их расширении и подъеме, хотя он при этом должен был брать на себя некие общегородские должностные функции (это, собственно, признает и сам Печников). Заключение Всеволода и его семьи именно в епископском «дворе» не могло состояться без согласия самого Нифонта, который вернулся в Новгород с юга 4 февраля 1136 г. (как сказано в летописи) и, судя по всему, весь мартовский 6644-й год оставался в городе.

Заключение князя в усадьбе Нифонта говорит, конечно, о том, что владыка был согласен и с самим решением веча об изгнании Всеволода и вообще был участником всего этого политического «переворота». Но не надо думать, что он действовал как приверженец какой-то боярской «партии», отстаивая некую политическую линию против Всеволода, или выступал просто тюремщиком. Епископ, в сущности, выполнял важную общественную функцию ради «общего блага» городской общины — он брал на себя охрану и в то же время защиту князя и его семьи, неся ответственность за их безопасность. Как говорилось выше, благополучно вывести из города Всеволода и не допустить столкновения князей и их сторонников — это было в интересах новгородцев, которые через вечевое решение хотели провести легитимную (с их точки зрения) смену власти. В этом смысле Нифонт выступал от имени веча и как исполнитель его воли — т. е. выступал как магистрат, выполняя служебно-должностные функции.

Позиция епископа объясняет те общие перспективу и тональность, в которых выдержаны летописные статьи Кирика, открывавшие новый — владычный — этап истории новгородского летописания. Сам факт, что Кирик, перенимая эстафету летописания от своего предшественника, княжеского летописца, нашел необходимым внести вставку, цитирующую вечевой приговор с обвинениями против князя, говорит о том, что он считал и само веча, и его приговор важными, определяющими политическую жизнь Новгорода. Некая «сюжетная повествовательность» присутствовала и у Всеволодова летописца [Конявская 2013: 82–83], но Кирик делает ее уже характерной чертой владычной летописи, выстраивая ведущие сюжеты именно вокруг веча, а точнее — его важнейших решений, касавшихся отношений городской общины с князьями Рюриковичами и владыками. Как оказалось, такая перспектива была выбрана чрезвычайно удачно: она сохранилась во владычной летописи фактически до самого ее прекращения в условиях падения

новгородской независимости. Летописец архиерейской канцелярии писал не с узко церковных позиций и интересов (что вообще-то вполне можно было бы ожидать для эпохи первой половины XII в.), а как представитель одного из важнейших должностных лиц новгородской республики и в то же время персоны, воплощавшей духовно-символический идеал ее независимости, — владыки. Многое указывает на то, что такие роль и статус новгородского святителя сформировались в своей основе именно в правление Нифонта, в том числе в ходе и в результате событий 1136 г.

Заключение

Главным результатом исследования, представленного в данной работе, являются вскрытие неоднородности статьи 6644 (1136) г. в Н1Л и новая интерпретация рассказа об изгнании князя Всеволода Мстиславича. На мой взгляд, первая часть этой статьи, до сообщения о приходе в Новгород князя Святослава Ольговича, была написана летописцем, который работал под патронатом Всеволода Мстиславича. В 1136 г., как предположил Лихачев, вслед за изгнанием князя произошел переход контроля над летописанием — оно стало вестись в архиерейской канцелярии. И новый летописец — а им был, вероятно, известный новгородский книжник Кирик — закончил статью 6644 г., а в первую часть, написанную его предшественником, сделал вставку: вечевой приговор с перечислением «вин» Всеволода перед новгородцами. Весьма вероятно, что он при этом просто цитировал грамоту, оформленную на вече и обращенную к князю. Лингвистические данные и содержательный анализ летописи позволяют предположить, что Кирик сделал еще одну вставку в текст летописи, переданной ему в 1136 г., — рассказ об уходе Всеволода из Новгорода в Переяславль-Русский в 1132 г. (статья 6640 г.). Это сообщение должно было пояснить вторую «вину» князя во вставке в статье 6644 г. («чему хотел еси сести Переяславли»).

Цель интерполяции вечевого приговора 1136 г. была прежде всего в том, чтобы если не оправдать, то, по крайней мере, объяснить действия новгородцев. Совершенно очевидно, что эти действия вызывали вопросы или даже осуждение не только со стороны изгнанного князя, но и других современников событий, считавших власть Рюриковичей законной и даже божданной (об идее богоустановленности княжеской власти в домонгольской Руси см. [Стефанович в печати]). За правлением Всеволода в Новгороде стояли и традиция, освященная временем, и договор с киевским князем, формально «старейшим» на Руси. Нарушая и традиции, и договоренности, новгородцы должны были, с одной стороны, иметь веские основания для перемен, с другой — осуществить

задуманную смену власти максимально гладко. Новгородцы уже пытались свергнуть Всеволода с новгородского престола в 1132 г., но тогда эта попытка не удалась.

Решающей причиной для изгнания Всеволода Мстиславича в 1136 г. было усиление черниговского князя Всеволода Ольговича, заключившего в январе этого года выгодный для себя договор с Ярополком киевским. Может быть, новый князь (Святослав Ольгович) пошел на какие-то уступки в соотношении властей княжеской, вечевой и архиерейской в Новгороде. Так или иначе, выгоды «переворота» 1136 г. для новгородцев оказались, видимо, не сразу. Риски, связанные с ним, были велики. Один из них возник сразу после решения веча об изгнании Всеволода — риск столкновения изгнанного князя с новым. Осознавая опасность, новгородцы тщательно подготовили и осуществили смену князей, доверив охрану Всеволода и его семьи епископу, а затем взяв его малолетнего сына заложником. Позднее процедуру смены князей на новгородском столе пришлось еще не раз «обкатывать» и «оттачивать», прежде чем она стала нормой.

Кирик отражал позицию епископа Нифонта — сочувственную вечу как главному органу Новгородской земли. Это — показатель изменившегося к 1130-м гг. баланса политических сил в Новгороде: епископ стал более независимым от князя и в то же время встроенным в городское управление, представляя выразителем интересов общины. На мой взгляд, очень вероятной выглядит догадка Б. Д. Грекова, что владыка получил в распоряжение значительный комплекс земель, который ранее предназначался для князя и его людей, а теперь должен был обеспечивать относительную независимость кафедры [Греков 1929: 20]. Впрочем, эта догадка нуждается в обосновании исследованием ряда документов, связанных с отношениями светской и церковной властей в Новгороде и восходящих к периоду святительства Нифонта. В любом случае, летописание, которое стало вестись в канцелярии новгородского владыки, получило отчетливый проновгородский характер — в том смысле, что решения новгородской общины в принципе принимались как легитимные и определяющие политический процесс (при всех возможных расхождениях в симпатиях и антипатиях к тем или иным фигурам и сторонам этого процесса). Легитимизация действий новгородского веча в 1136 г., изгнавшего одного князя и по своему усмотрению пригласившего другого, — вот основной смысл работы Кирика, начинавшего владычное летописание с правки текста своего предшественника.

Приложение

Перевод на русский язык первой части статьи 6644 г. с описанием, как новгородцы изгнали князя Всеволода

В лѣто 6644 индикта лѣта 14 новгородцы призваша пльсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всѣволода, и въсадиша въ епископль дворъ съ женою и съ дѣтьми и съ тѣщею мѣсяця майя въ 28. И стражье стрежаху день и нощь съ оружиемъ, 30 мужъ на день. И сѣде 2 мѣсяця. И пустиша из города июля въ 15, а Володимира, сына его, прияша.

[А се вины его творяху. 1 Не блюдетъ смердъ. 2 Чему хотель еси сести Переяславли. Зе Ехаль еси съ пѣлку переди всѣхъ. А на то много. На початыи велевъ ны, рече, къ Всѣволоду приступити, а пакы отступити велить.]

Не пустиша его, донелѣже инъ князь приде.

В 6644 году, четырнадцатом году индикта, новгородцы призвали пско-вичей и ладожан и решили изгнать своего князя Всеволода. И посадили [его] с женою, детьми и с тещею в епископский двор 28 мая. И стражи охраняли [их] денно и нощно с оружием — 30 человек каждый день. И сидел 2 месяца. И выпустили [его] из города 15 июля, а Владимира, сына его, задержали —

[А говорили о таких его провинностях: 1 «не заботится о смердах», 2 «зачем ты хотел сесть в Переяславле?», 3 «ты ушел с поля битвы прежде всех». А кроме того много [его вины]: «сначала велел нам», как говорилось, «заключить союз с Всеволодом, а потом отступить [от него] велит!】

--- [и] не отпустили его, --- пока не пришел (придет?) другой князь¹¹.

Библиография

Вилкул 2009

Вилкул Т. Л., *Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв.*, Москва, 2009.

Гимон 2005

Гимон Т. В., Как велась новгородская погодная летопись в XII в.?, *Древнейшие государства Восточной Европы: 2003*, Москва, 2005, 316–352.

Гиппиус 1997

Гиппиус А. А., К истории сложения текста Новгородской первой летописи, *Новгородский исторический сборник*, 6 [16], С.-Петербург, 1997, 3–72.

— 2006

Гиппиус А. А., Новгородская владычна летопись и ее авторы XII–XIV вв. (История и структура текста в лингвистическом освещении), *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005*, Москва, 2006, 114–251.

¹¹ Слова «а на то много на початыи велевъ ны рече къ Всѣволоду приступити» допускают и иные варианты перевода — см. выше в статье их обсуждение. Слова «не пустиша его» выделяются курсивом как, возможно, принадлежавшие также к вставке летописца-редактора (Кирика).

— 2015

Гиппиус А. А., Еще раз о новгородской берестяной грамоте № 724, *Slověne*, 2015, 4, 1, 111–127.

Греков 1929

Греков Б. Д., Революция в Новгороде Великом в XII веке, *Ученые записки Института истории РАН* ИИ, 4, Москва, 1929, 13–21.

Грушевский 1905/1992

Грушевський М. С., *Історія України-Руси*, II, Київ, 1992 (репринт 2-го изд.: 1905 г.)

Домбровский 2015

Домбровский Д., *Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.)*, С.-Петербург, 2015.

Конявская 2013

Конявская Е. Л., Нарратив в Новгородской I летописи (первая половина XII в.), *Духовно-нравственные основы памятников письменности: традиции и перспективы (Кусковские чтения – 2013)*, Москва, 2013, 81–88.

Кучкин 1996

Кучкин В. А., Юрий Долгорукий, *Вопросы истории*, 1996, 1, 35–56.

Литвина, Успенский 2013

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «Не достоить ея пояти»: почему Новгородский епископ Нифонт не хотел венчать Святослава Ольговича?, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2013, 3(53), 79–80.

Лихачев 1948

Лихачев Д. С., «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г., *Исторические записки*, 25, 1948, 240–265.

Лосева 2001

Лосева О. В., *Русские месяцесловы XI–XIV веков*, Москва, 2001.

Лукашевич 2008

Лукашевич А. А., Евфимия Всехвальная: Гимнография, *Православная энциклопедия*, XVII, Москва, 2008, 466.

Лукин 2014

Лукин П. В., *Новгородское вече*, Москва, 2014.

— 2022

Лукин П. В., *Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя*, С.-Петербург, 2022.

НПЛ 1950

Насонов А. Н., ред. и предисл., *Новгородская первая летопись старшего и младшего извода*, Москва, Ленинград, 1950.

НПЛс 1964

Новгородская харантайная летопись, М. Н. Тихомиров, изд., Москва, 1964.

Пентковский 2001

Пентковский А. М., *Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси*, Москва, 2001.

Петров 2003

Петров А. В., *От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада)*, С.-Петербург, 2003.

Петрухин 2019

Петрухин П. В., Где и когда собирал дань новгородец Савва?, *Slověne*, 2019, 8, 1, 55–108.

Печников 2016

Печников М. В., Новгородская епископия в конце XI – 1-й трети XII в.: Печерские постриженники на Севере Руси и начало эпохи политических преобразований, *Вестник церковной истории*, 2016, 3/4 (43/44), 165–213.

— 2017

Печников М. В., Новгородский святитель Нифонт, княжеская власть и Киевская митрополия (30–50-е гг. XII в.), *Вестник церковной истории*, 2017, 3/4(47/48), 237–278.

ПСРЛ 1

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, Ленинград, 1926.

— 2

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, С.-Петербург, 1908.

Словарь 2004

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), том VII (поклепанъ – пращоуръ), Москва, 2004.

Степанович в печати

Stefanovich P. S., *The concept of the divine mandate of state power in pre-Mongol Rus'* (in print).

Тихомиров 1955

Тихомиров М. Н., *Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв.*, Москва, 1955.

Толочко 2001

Толочко П. П., «Революция» 1136 г. и княжеская власть в Новгороде, *Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой*, Т. Н. Джаксон, Г. В. Глазыриной, И. Г. Коноваловой, С. Л. Никольского, В. Я. Петрухина, ред., Москва, 2001, 400–406.

Фроянов 1995

Фроянов И. Я., *Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы*, Москва, С.-Петербург, 1995.

Шахматов 1908/2002

Шахматов А. А., Разыскания о древнейших русских летописных сводах, Idem, *История русского летописания*, 1/1, С.-Петербург, 2002 (1-е изд.: 1908 г.).

Янин 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, Москва, 2003.

Dimnik 1994

Dimnik M., *The Dynasty of Chernigov 1054–1146*, Toronto, 1994.

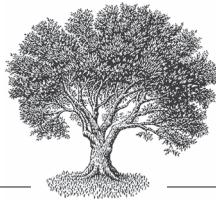
References

-
- Dimnik M., *The Dynasty of Chernigov 1054–1146*, Toronto, 1994.
- Frojanov I. Ia., *Drevniaia Rus'. Opyt issledovaniia istorii sotsial'noi i politicheskoi bor'by*, Moscow, St. Petersburg, 1995.
- Dombrovsky D., *Genealogiia Mstislavichei. Pervee pokoleniiia (do nachala XIV v.)*, St. Petersburg, 2015.
- Gippius A. A., K istorii slozheniiia teksta Novgorodskoi pervoi letopisi, *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 6 [16], St. Petersburg, 1997, 3–72.
- Gippius A. A., Novgorodskaiia vladychnaia letopis' i ee avtory XII–XIV vv. (Istoriia i struktura teksta v lingvisticheskem osveshchenii), *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka*. 2004–2005, Moscow, 2006, 114–251.
- Gippius A. A., Once Again on the Novgorod Birchbark Letter No. 724, *Slověne*, 2015, 4, 1, 111–127.
- Grekov B. D., Revoliutsiiia v Novgorode Velikom v XII veke, *Uchenye zapiski Instituta istorii RANION*, 4, Moscow, 1929, 13–21.
- Guimon T. V., Kak velas' novgorodskaiia pogodnaia letopis' v XII v.?, *The Earliest States of Eastern Europe. 2003: Imaginary Realities in Antique and Medieval Texts*, Moscow, 2005, 316–352.
- Koniavskaiia E. L., Narrativ v Novgorodskoi I letopisi (pervaia polovina XII v.), *Dukhovno-nravnostnye iazykovye i istoricheskie issledovaniia*, 2012, 1, 1–22.

- stvennye osnovy pamiatnikov pis'mennosti: traditsii i perspektivy (Kuskovskie chtenia – 2013)*, Moscow, 2013, 81–88.
- Kuchkin V. A., Iurii Dolgorukii, *Voprosy Istorii*, 1996, 1, 35–56.
- Likhachev D. S., «Sofiiskii vremennik» i novgorodskii politicheskii perevorot 1136 g., *Istoricheskie zapiski*, 25, 1948, 240–265.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., «Ne dostoit' eia poiat'i»: pochemu Novgorodskii episkop Nifont ne khotel venchat' Sviatoslava Ol'govicha?, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2013, 3(53), 79–80.
- Loseva O. V., *Russkie mesiaceslovy XI–XIV vekov*, Moscow, 2001.
- Lukin P. V., *Novgorod i Venetsiia: sravnitel'no-istoricheskie ocherki stanovleniya respublikanskogo stroia*, St. Petersburg, 2022.
- Lukin P. V., *Novgorodskoe veche*, Moscow, 2014.
- Nasonov A. N., ed., *Novgorodskaya pervaia letopis' starshego i mladshego izvoda*, Moscow, Lenigrad, 1950.
- Novgorodskaya kharateinaia letopis', M. N. Tikhomirov, eds., Moscow, 1964.
- Pechnikov M. V., Novgorodskaya episkopiia v kontse XI – 1-i treti XII v.: Pecherskie postrizhenniki na Severe Rusi i nachalo epokhi politicheskikh preobrazovanii, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2016, 3/4 (43/44), 165–213.
- Pechnikov M. V., Novgorodskii sviatitel' Nifont, kniazheskaia vlast' i Kievskaya mitropolia (30–50-e gg. XII v.), *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2017, 3/4(47/48), 237–278.
- Pentkovsky A. M., *Tipikon patriarcha Alekseia Studita v Vizantii i na Rusi*, Moscow, 2001.
- Petrov A. V., *Ot iazychestva k sviatoi Rusi: Novgorodskie usobity: K izucheniiu drevnerusskogo vechevogo uklada*, St. Petersburg, 2003.
- Petrushin P. V., Where and When did the Novgorodian Savva Gather the Tribute, *Slověne*, 2019, 8, 1, 55–108.
- Tikhomirov M. N., *Krest'ianskie i gorodskie vosstaniia na Rusi XI–XIII vv.*, Moscow, 1955.
- Tolochko P. P., «Revolutsia» 1136 g. i kniazheskaia vlast' v Novgorode, Norna u istochnika Sud'b: Sbornik statei v chest' Eleny Aleksandrovny Mel'nikovoi, T. N. Dzhakson, G. V. Glazyrina, I. G. Konovalova, S. L. Nikolsky, V. Ya. Petrukhin, eds., Moscow, 2001, 400–406.
- Vilkul T. L., *Liudi i kniaz' v drevnerusskikh letopisiakh serediny XI–XIII vv.*, Moscow, 2009.
- Yanin V. L., *Novgorodskie posadniki*, 2nd edition, Moscow, 2003.

Петр Сергеевич Степанович, доктор исторических наук, профессор РАН профессор школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН 105066, Москва, ул. Старая Басманская 21/4 Россия / Russia petr.stefanovich@mail.ru

Received March 15, 2022

Роль архиепископа Нифонта в новгородских событиях 1136 г.*

Андрей Юрьевич
Виноградов

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»,
Москва, Россия

The role of Archbishop Nifont in the Novgorod events of 1136

Andrey Yu. Vinogradov

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме¹

В статье анализируется роль новгородского архиепископа Нифонта в новгородских событиях 1136 г. Доказывается идентификация освященной им церкви святого Николы с Николо-Дворищенским собором и разбирается значение этого акта для нового князя Святослава Ольговича. Анализ отказа Нифонта венчать брак этого князя показывает, что причиной тому были канонические проблемы с предыдущим браком у него и/или его супруги, однако позиция архиепископа не была непримиримой, что позволило этой свадьбе состояться. Хорошие отношения между Нифонтом и Святославом Ольговичем подтверждаются и новой взаимовыгодной уставной грамотой, которую предлагается датировать мартом-августом 1137 г. Наконец, анализируется указание на их взаимную любовь в статье Киевской летописи под

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Границы светского и церковного в Средние века и раннее Новое время: Русь и Западная Европа», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

Цитирование: Виноградов А. Ю. Роль архиепископа Нифонта в новгородских событиях 1136 г. // Slovène. 2022. Vol. 11, № 2. С. 53–67.

Citation: Vinogradov A. Yu. (2022) The role of Archbishop Nifont in the Novgorod events of 1136. *Slovène*, Vol. 11, № 2, p. 53–67.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.11.2.3

1156 г. и показывается, что в мотивировке этой приязни пропущено слово «не» в выражении «бѣ бо Стославъ съль [не] без него Новѣгородѣ», что позволяет развить уже выдвигавшуюся гипотезу о роли Нифонта в призвании Святослава в Новгород. Вероятно, архиепископ познакомился с ним во время своего посольства к киевлянам и черниговцам зимой 1135–1136 г., когда уже ярко проявилось недовольство новгородцев своим князем Всеволодом.

Ключевые слова

средневековый Новгород, русские летописи, Новгородская архиепископия, каноническое право, церковное строительство, правовые акты

Abstract

The article analyzes the role of the Archbishop Nifont in the Novgorod events of 1136. The identification of the church of St. Nicholas, consecrated by him, with the Nikolo-Dvorishchensky Cathedral is proved, and the significance of this act for the new Prince Svyatoslav Olgovich is estimated. The article analyzes Nifont's refusal to marry Svyatoslav, showing that the reason for this lay in canonical problems with his and/or his wife's previous marriage, but also that the archbishop's position was not irreconcilable, which allowed this wedding to take place. Good relations between Nifont and Svyatoslav are also confirmed by a mutually beneficial ecclesiastical charter, which is proposed to be dated March-August 1137. Finally, an indication of their mutual amiability is analyzed in the entry of the Kiev Chronicle under 1156, and it is shown that the word "not" is lost in the motivation of this affection in the expression "because Svyatoslav did sit [not] without him in Novgorod," which allows to develop the already put forward hypothesis about Nifont's role in the invitation of Svyatoslav to Novgorod. Probably, the archbishop met him during his ambassadorial visit to Kiev and Chernigov in the winter of 1135–1136, when the discontent of the Novgorodians with their Prince Vsevolod was already clearly manifested.

Keywords

medieval Novgorod, Russian chronicles, Novgorod archdiocese, canon law, church building activity, legal acts

Обширная научная литература о новгородских событиях 1136 г.¹ обычно обходит вниманием вопрос о роли в них новгородского архиепископа. Причиной этому, конечно, единственный наш источник информации о них² – Новгородская владычная летопись: если во второй части ее статьи 6644 г. церковная тематика упоминается неоднократно³, то в

¹ Библ. см. в статье П. С. Стефановича в настоящем томе.

² Киевская летопись ограничивается очень скучным сообщением [ПСРЛ, 2: 300]: въгнаша Новгородчи . кнзл своего Всеволода . Мъстиславича . из Новагорода. а Стослава Олговича . ouведоша к собѣ.

³ Тъда же съг҃рь церкви святого Въскресения манастьрь. Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговичъ ис Цернигова, от брата Всеволodka, мѣсяця июля въ 19, прежде 14 каланда августа, въ недѣлю, на сборь святыя Еуфимию, въ 3 час дне, а луне небеснѣи въ 19 день. Томъ же лѣтѣ, наставъши

первой части, при описании событий переворота, ни разу не упоминается даже местный иерарх⁴, которым в тот момент был влиятельнейший Нифонт. Но, как нам кажется, исследователи просто не заметили важный источник, который может пролить новый свет на роль архиепископа Нифонта в событиях 1136 г.

Некрологи арх. Нифонта. Текст этот связан с новгородским архиепископом напрямую — речь идет о его «некрологе». Как известно, Нифонт, единственный из русских иерархов домонгольского периода, удостоился двух «некрологов», приуроченных летописцами к его кончине в апреле 1156 г. в Киеве, куда он направился встречать нового, «каноничного» митрополита Константина I.

В Новгородской владычной летописи рассказ о его смерти — явно новгородский по своему происхождению⁵ — представляет собой попытку оправдать архиепископа в распространявшихся через слухи обвинениях в том, что он использовал свою поездку в Киев для ограбления Св. Софии Новгородской и бегства в Константинополь. В ответ на эти обвинения летописец — друг архиепископа Кирик [Гиппиус 1997] — подчеркивает деятельность Нифонта по строительству и украшению храмов Новгородской земли⁶. Неясно, было ли это обвинение Нифонта со стороны неких, точнее не указанных, новгородцев обычным слухом, направленным на дискредитацию оппонента, или его упоминание в контексте рассказа о поездке к новому митрополиту Константину I в Киев предполагает, что оно выдвигалось официально, хотя и не было рассмотрено ввиду смерти Нифонта еще до приезда митрополита. Как бы то ни было, в «некрологе» Новгородской владычной летописи

индикта 15, убиша Гюргя Жирославица и съ моста съвѣроша, мѣсяця сентября. Въ то же лѣто святыша церковь святого Николы велиkyмъ священiemъ, въ 5 декабря. Въ то же лѣто оженися Святославъ Олговичъ Новгородѣ, и вѣнчаясь своими попы у святого Николы; а Нифонт его не вѣнца, ни попомъ на сватбу, ни церенемъ дастъ, глаголя: «не достоинъ ея пояти». Въ то же лѣто стрѣлиша князя милостъници Вѣвложи, нъ живъ бысть [ПСРЛ, 3: 24] (в других летописях Новгородско-Софийской группы существенных разнотечений нет).

⁴ Кроме упоминания епископского двора, где новгородцы заточили Всеволода, в чем можно усматривать политические симпатии Нифонта (см. статью П. С. Стефановича в настоящем томе). Тут, однако, следует отметить, что это было стандартное место для заточения политических оппонентов в Новгороде,ср.: [ПСРЛ, 3: 26, 51].

⁵ Мъню бо, яко не хотя богъ, по грѣхомъ нашимъ, дати намъ на утеху гроба его, отведе и Кыеву, и тамо прѣставися [ПСРЛ, 3: 29].

⁶ Той же весне прѣставися архепископъ Нифонтъ, априля въ 21: шиль бяше Киеву противу митрополита; ини же мнози глаголаху, яко, полуивъ святую Софию, пошъль Цесарограду; и много глаголаху на нь, нъ собе на грѣхъ. О семъ бы разумети комуждо насъ: который епископъ тако украси святую Софию, притворы испыса, кивотъ створи и всю извѣнь украси; а Пльскове святого Спаса церковь създа камяну, другую въ Ладозѣ святого Клиmentа [ПСРЛ, 3: 29].

Нифонт представляется исключительно как церковный, а не политический деятель.

В Киевской летописи «некролог» Нифонта также завершает долгую повесть — о его кончине в Печерском монастыре, призванную показать тесную связь влиятельного новгородского архиепископа с этой обителью [ПСРЛ, 2: 483–484]. Возможно, авторитет Нифонта, борца за «каноническую чистоту» и авторитетного знатока церковных правил, нужен был Печерской обители, следовавшей Студийскому уставу, в ее борьбе против дисциплинарных новаций, которые стали распространяться на Руси как раз со второй трети XII в., хотя реальное отношение к ним Нифонта было более сложным [Виноградов, Желтов 2018а: 118–139]. Рассказ киевского летописца о борьбе Нифонта с Изяславом Мстиславичем и Клином Смолятичем против «неканоничного» поставления последнего в митрополиты⁷ заканчивается такими словами:

любоvъ же имѣста съ Стославомъ . съ Сѣлговичомъ . бѣ бо Стославъ сѣль без него Новѣгородѣ [ПСРЛ, 2: 484]⁸.

Никто из исследователей почему-то не отметил странный смысл этой фразы: отчего у Святослава Ольговича должна была быть «любоvь»⁹ с Нифонтом, когда он сел в Новгороде без его согласия или благословения [Толочко 1992: 146]? У Святослава и Нифонта действительно был конфликт в 1136–1137 гг., но он касался не вокняжения, а брака Святослава (см. ниже) — в любом случае, такое столкновение вряд ли могло быть причиной любви между архиепископом и князем. Сложно увидеть здесь и похвалу крайнему смирению Нифонта, который любил даже своих врагов, так как мы знаем о реальном его сотрудничестве со Святославом вскоре после вокняжения последнего в Новгороде (см. ниже).

Последнее обстоятельство препятствует и одному из четырех возможных вариантов реконструкции текста фразы путем восстановления пропавшей частицы «не»: «любоvъ же [не] имѣста съ Стославомъ . съ

⁷ то бо Нифонть . епѣть бы поборникъ всеи Рускои земли . бысъ бо ревнивъ но бжѣственѣмъ егоже Климъ понуживаще служити съ собою . wh же . ему тако моловашеть . нѣси прияла блгъсповленіи w стѣ Софѣ . и w стѣ великаго собра . и w патриарха тѣм же не могу съ тобою служити . ни въспоминати тебе въ стѣи службѣ но помина патриарха . whому же мучашюса с нимъ и наоучашю на нь Изаслава . и своих поборники . не може ему оуспѣти . ничтоже . патриархъ же присла к нему грамоты блажа и . и причитаю къ стѣмъ его . wh же боле . крѣплашеть послушива грамоту патриаршъ [ПСРЛ, 2: 484].

⁸ Никаких существенных разнотений в списках Киевской летописи здесь нет.

⁹ Здесь слово «любоvь» имеет, по всей видимости, свой первый, прямой смысл — «любоvь, хорошее отношение», что может быть и между князем и иерархом (ср. «Володимеръ же такъ есть любъзнивъ . любово имѣа к митрополитомъ . і къ епископомъ» [ПСРЛ, 2: 238]), а не значение «договор», как в упоминание «люби» того же Святослава Ольговича с полочанами в 1151 г. или с другими князьями в 1159 г. [ПСРЛ, 2: 445, 490].

Сёлговичом . бѣ бо Стославъ сѣль без него Новѣгородѣ». Кроме того, до конца XII в. ниоткуда не известно об участии иерарха в процессе или чине настолования новгородского князя, да и то позднее оно не было обязательным [Виноградов 2022]. Наконец, данная фраза стоит после длинного описания конфликта Нифонта с киевским князем Изяславом Мстиславичем и потому должна сообщать о противоположных отношениях архиепископа со Святославом Ольговичем, на что указывает и частица «же» (ввиду отсутствия общепринятой стратификации Киевской летописи мы оставляем здесь за скобками вопрос об отношении киевского летописца к Святославу Ольговичу).

Таким образом, частицу «не» следует восстанавливать не в главном, а придаточном предложении. Слова о любви Нифонта и Святослава предполагают, что архиепископ прямо участвовал в вокняжении Святослава в Новгороде, тем паче, что их «любовь» отношениями после 1136–1137 гг. объяснить напрямую не удается¹⁰ – более того, в 1140 г. Нифонт, выполняя, правда, волю новгородцев, даже требовал сместить Святослава Ольговича с новгородского княжения¹¹. При выборе между вариантами «бѣ бо Стославъ [не] сѣль без него Новѣгородѣ» и «[не] бѣ бо Стославъ сѣль без него Новѣгородѣ» летописный узус вроде бы говорит в пользу последнего¹². Кроме того, такой вариант легко объяснил бы и выпадение частицы «не», за которой следуют еще два двухбуквенных слова. Однако оба этих варианта порождают проблемы со смыслом фразы, так как условное значение («ведь Святослав не сел бы без него в Новгороде») требовало частицы «бы»¹³. Остается вариант «бѣ бо Стославъ сѣль не без него Новѣгородѣ»: на первый взгляд, в древнерусской литературе выражение «не без» употребляется только при абстрактных существительных («не без памяти», «не без ума» и т. п.) [НКРЯ, История Иудейской войны Иосифа Флавия (XI–XIII вв.) и др.]¹⁴, однако искомое сочетание «не без него» все же обнаруживается,

¹⁰ Разве что в 1149 г. они оба выступают против Изяслава Мстиславича [ПСРЛ, 3: 28], однако действия Нифонта касаются его церковной политики, а действия Святослава – княжеских дел. Кроме того, в 1159 г. в Чернигов, где правил Святослав, бежал «каноничный» митрополит Константин I [ПСРЛ, 1: 349], в пользу которого Нифонт отказывался признавать Клима Смолятича, однако это было уже после смерти новгородского владыки.

¹¹ и прислаша Новгородци епѣпа съ моужи своими къ Всеволодоу . рекоуче дай намъ сѣть твои . а Стослава брата твоего не хочемъ [ПСРЛ, 1: 308; 2: 307].

¹² Ср, например, «не бахоуть бо добрѣ смалиса с ковоуи» [ПСРЛ, 2: 642]. Благодарю за консультацию А. А. Пичхадзе и Д. В. Сичинаву.

¹³ Такие выражения, как «не бо есмы безъ грѣха» [Розанов 1912: 12] здесь не подходит, так как глагол «быти» использован тут не самостоятельно, а в составе плюсквамперфекта.

¹⁴ См.: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?mode=old_rus&text=lexgramm&sort=gr_created&lang=ru&doc_url=alexandria.

например, в списках Пространной редакции «Русской правды» [Греков 1940: 162, 291, 314, 360, 388]. Выпадение же «не» может быть объяснено смешением с соседним «него».

Венчание Святослава Ольговича. Итак, летописец говорит о том, что Святослав Ольгович сел на новгородский стол не без участия Нифонта. Вряд ли здесь он подразумевает второе венчание Святослава в Новгороде 25 декабря 1139 г., не особо ему желанное: новгородцы вынуждены были призвать его в кризисной ситуации (конфликт с Юрием Долгоруким из-за бегства его сына Ростислава из города), и он приезжает теперь туда с задержкой и ненадолго [ПСРЛ, 3: 25–26]. Намного вероятней, что речь идет о первом венчании Святослава в 1136 г., где, как оказывается, архиепископ сыграл ключевую роль, по крайней мере, в приглашении этого князя вместо Всеволода Мстиславича. Этому предположению, на первый взгляд, противоречит вышеупомянутый конфликт того же года, когда Нифонт отказался и венчать Святослава Ольговича, и пустить своих священников и монахов на свадьбу князя, что означало бы его легитимацию (согласно 7-му правилу Неокесарийского собора, священник не должен даже присутствовать на свадебном пире у второбрачного). В результате Святослав был вынужден венчаться «своими попы» в княжеском Николо-Дворищенском соборе¹⁵.

Вопрос о причинах неприятия Нифонтом брака Святослава в 1136 г. вызывал бурные дискуссии среди исследователей. Не так давно А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский [Успенский, Литвина 2010: 55; 2013: 79–80; 2014: 94] справедливо раскритиковали предположение о недостаточной знатности жены князя: иерарх мог надзирать только за соблюдением канонов, но не за «чистотой» династических браков. Авторы верно указали на то, что слова Нифонта «не достоин ея постриги» представляют собой цитату из речи Иоанна Крестителя (Мф 14, 4), и увидели за этим запрет на близкородственный брак. Однако обличение Иоанна Предтечи относилось не к родству Иродиады с Иродом Антипией, так как она к этому моменту уже была замужем за своим

xml%7Cvolhyrian.xml%7Ckirik.xml%7Cgalician.xml%7Cavgraamij.xml%7Candrey.
xml%7Cleontij.xml%7Cizbornik.xml%7Cflavius.xml%7Ckiev.xml%7Cnograd_first.
xml%7Cpvl.xml%7Cturovskij_bespechnyj.xml%7Cakyr.xml%7Cilia.xml%7Cserapion.
xml%7Cturovskij_chud%7Cmelissa.xml%7Czhidovin.xml%7Crus_pravda.
xml%7Cturovskij_chernoriz.xml%7Czatochenik.xml%7Cstudite.xml%7Csuzdal.
xml%7Cantony.xml%7Cdaniel.xml%7Cnikola.xml&nodia=0&parent1=0&level1=0&l
ex1=не&parent2=0&level2=0&min2=1&max2=1&lexi2=без

¹⁵ Въ то же лѣто оженися Святославъ Олговицъ Новгородѣ, и вѣньцѧся своими попы у святого Николы; а Нифонт его не вѣньцѧ, ни попомъ на сватбу, ни церенцемъ дастъ, глаголя: не достоинъ ея пости [ПСРЛ, 3: 24].

дядей Иродом Филиппом¹⁶ (что было обычно для династии Ирода), а к тому, что у обоих были живы супруги, к разводу с которыми не было достаточного основания. Более того, в известных нам для средневизантийского периода случаях отказа первоиерарха венчать монарха (для Древней Руси другие такие случаи вроде бы неизвестны) причиной тому была не близкородственная связь, а проблемы с предыдущими браками: у императора Константина VI в 795–796 гг. — отсутствие канонических оснований к разводу с первой женой [Афиногенов 2015], у Льва VI в 898 г. — открытая любовная связь с невестой до свадьбы при живой жене, а в 905–907 гг. — желание сочетаться четвертым, юридически недопустимым браком [Луховицкий, Попов 2015], у Константина IX в 1042 г. — не одобряемый Церковью третий брак и для него, и для супруги [Попов 2015]. Поэтому и в случае брака Святослава Ольговича более реальным кажется наличие канонического препятствия, связанного с предыдущим браком у него или супруги, тем паче, что князю в 1136 г. шел уже тридцатый год [Пчелов 2004: 71–72] и отсутствие у него к такому возрасту жены было бы скорее аномалией.

Во всех этих случаях просматривается прямая параллель с браком Святослава Ольговича, который, как и вышеупомянутые монархи, был вынужден призывать для венчания собственного (дворцового) священника. Важно, однако, что во всех этих случаях отказ иерарха венчать брак монарха приводил не к радикальному разрыву между ними, а, наоборот, к компромиссу. Патриарх Тарасий, отрицая законность второго брака Константина VI, не подверг никакому каноническому наказанию ни его, ни венчавшего его священника, что вызывало негодование монахов-ригористов и породило знаменитую «михианскую схизму». Антоний Кавлей низложил священника, обвенчавшего Льва VI с его любовницей Зоей Заутцей, но их дочь Анна была признана законной. Точно так же Николай Мистик, не признавая действительности четвертого венчания Льва VI и низложив венчавшего его священника, сам крестил родившегося от этого брака сына. При венчании Константина IX Мономаха и Зои патриарх Алексей Студит, «хотя сам не возложил руки на венчающихся, обнял их, уже сочетавшихся браком и обвенчанных», как повествует Михаил Пселл в своей «Хронографии» (6, 20). Итак, во всех этих случаях первоиерарх соглашался на негласную легитимацию брака, который не мог совершить собственными руками. Упоминание летописцем под 1156 г. «любви» Нифонта и Святослава,

¹⁶ Существует версия, что Филипп был женат на Саломее, которая, впрочем, тоже была его близкой родственицей — дочерью его сводного брата Ирода II и его племянницы Иродиады. Авторы утверждают, что Филипп был убит Иродом Антипой, однако на самом деле о его судьбе после развода ничего не известно [Wilker 2007: 22–30].

а также их дальнейшие взаимоотношения показывают, что конфликт зимы 1136–1137 гг. относительно княжеского брака был также решен и архиепископ не пошел на радикальные шаги вроде отлучения князя от причастия или запрета ему входить в Св. Софию.

Освящение Св. Николы. Некоторое подтверждение нашему предположению дает и анализ свидетельства об освящении церкви св. Николы из того же летописного известия. Сложность здесь представляет соотношение княжеского венчания «у святого Николы» с известием «святыша церковь святого Николы великымъ священиемъ», которое стоит в летописи прямо перед этим. В науке высказывалось несколько точек зрения на отождествление освященного в 1136 г. храма. Ф. Б. Успенский и А. Ф. Литвина считают, что это был храм, построенный Святославом-Николаем летом 1136 г. — очевидно, деревянный [Успенский, Литвина 2014: 94], однако эта церковь ни с какой нам известной не отождествляется. Ряд исследователей [Мурьянов 1972: 222; Гимон 2003: 332] отождествляет эту церковь святого Николы с одноименным храмом на Яковлевой улице, заложенным Рожнетом в 1135 г.¹⁷ С точки зрения Т. В. Гимона, строительство храма за два сезона указывает на то, что он был каменным, однако следует отметить, что с 1117 г. в новгородском летописании каменный характер церкви при упоминании ее закладки всегда уточняется (как для Успения на Торгу в предыдущей фразе), в то время как деревянный храм называется просто «церковь». Кроме того, строительство каменного храма частным лицом (неким Рожнетом) для Новгорода этого времени неизвестно, равно как и одновременное возведение двух каменных церквей. Действительно, исследователи обычно считают этот храм деревянным [Янин 2009: 525], так что его освящение в 1136 г. маловероятно, поскольку для деревянных церквей в летописании этого времени не указываются как закладка, так и завершение.

Наконец, существует точка зрения, что речь здесь идет об освящении княжеского Николо-Дворищенского собора, где и был заключен проблемный брак Святослава в том же году [Царевская 2002: 10; Лифшиц et al. 2004: 433]. Однако в таком случае встает вопрос, почему княжеский собор, заложенный еще в 1113 г. [ПСРЛ, 2: 276–277; III: 20], был освящен только через 23 года. Другие крупные каменные храмы Новгорода первой трети XII в., в том числе княжеские, были воздвигнуты и освящены намного быстрее (собор Антониева монастыря — за 1117–1119 гг., Св. Иоанн на Опоках — за 1127–1130 гг. [ПСРЛ, 3: 21–22]).

¹⁷ Въ то же лѣто заложи церковь камяну святыя Богородица на Търговищи Всѣволодъ, Новгородѣ, съ архепископъмъ Нифонтомъ. Томъ же лѣтѣ и Рожнетъ заложи церковь святого Николы на Якопи улицы [ПСРЛ, 3: 23].

Более того, анализ строительных материалов и техники указывает на возведение соборов Антониева и Юрьева монастырей той же артелью, что строила храм на Ярославовом дворище [Иоаннисян 2008], который она закончила, соответственно, еще к 1117 г.¹⁸, — даже если после этого и производилась роспись собора, она не могла занять двадцать лет. Что Николо-Дворищенский собор не освящался так долго из-за задержки с украшением фресками, ставит под сомнение и факт росписи собора Антониева монастыря через шесть лет после его окончания [ПСРЛ, 3: 21, 22]. Нельзя объяснить такую задержку и длительным нежеланием Нифонта освящать княжеский собор Всеволода из-за некоего конфликта, потому что еще в 1135 г. они вместе закладывали храм Успения на Торгу [ПСРЛ, 3: 20]. Что же касается молчания Новгородской владычной летописи о завершении или освящении Николо-Дворищенского собора ок. 1117 г., то оно неудивительно, так как об окончании постройки храмов упоминается в ней только с 1119 г.¹⁹, когда погодные записи стали вести летописец Всеволода (с 1115 г.) [Гимон 2003: 329].

С другой стороны, под 1136 г. в обоих летописных известиях, про освящение церкви и про венчание Святослава, использованы аналогичные обозначения храма: «церковь святого Николы» и «святой Никола», безо всякого уточнения (в отличие от упоминания Николы на Яковлевой улице под 1135 г.), что говорит скорее об их тождестве. В таком случае освящение собора почти через 20 лет после его завершения могло быть только его переосвящением, единственными поводами для которого были либо ниспровержение престола (в данном случае маловероятное), либо его снятие для подъема пола или украшения алтаря [Виноградов 2023]. Действительно, как мы видели выше, храм вполне мог функционировать какое-то время без фресковой декорации (собор Антониева монастыря). Более того, в Николо-Дворищенском соборе (как и в других новгородских храмах этого времени [Гладенко et al. 1964: 189–190]) были открыты остатки монохромной раскраски интерьера охрой с имитацией кладки [Лифшиц et al. 2004: 451], которая в византийской традиции предваряла полную роспись храма [Brubaker 2004] и которая в Св. Софии Новгородской и соборе Антониева монастыря предшествовала фресковой декорации [Лифшиц et al. 2004: 237, 540–541]. Следовательно, и в Николо-Дворищенском соборе фресковая роспись интерьера не была, по всей видимости, первоначальной, так

¹⁸ Вся ее деятельность реконструируется приблизительно следующим образом:
1103–? — Благовещение на Городище, 2-я половина 1100-х — начало 1100-х гг. — несколько неизвестных памятников, 1113–1114 — Николо-Дворищенский собор,
1115–1116 — Св. Феодор Тирон, 1117–1119 — собор Антониева монастыря,
1119–? — собор Юрьева монастыря.

¹⁹ Томъ же лѣтъ испысаша божницею Антонову [ПСРЛ, 3: 22].

что именно с ней, затронувшей в том числе и алтарь [Ibid.: 463–479], следует связывать освящение 1136 г.

Тут следует обратить внимание и на само сообщение об освящении храма, которое подчеркивает именно роль иерарха и которое для Новгородской владычной летописи этого времени исключительно: в ее части, написанной Кириком, оно известно еще только для экстраординарного освящения Нифонтом церкви Богородицы в Суздале в 1148 г. [ПСРЛ, 3: 28]. Напомним, что это была политическая акция, направленная против «неканоничного» митрополита Клима Смолятича: в чужой епархии Нифонт освятил храм Богородицы, а также антиминс для церкви св. Георгия (который был обнаружен, что примечательно, именно в Николо-Дворищенском соборе [Виноградов, Желтов 2018б: 46]). Наконец, сам термин «великое священие» (впервые встречающийся именно здесь [Виноградов 2020: 47]) обозначает повторное освящение храма после работ по его ремонту или декорации²⁰.

Выражение «святиша» можно понимать и как описание действия новгородцев (ср. [ПСРЛ, 3: 63]), и как совместный акт князя и архиепископа — (ср. выше, о закладке Успения на Торгу). Но Святослав приехал в Новгород только 19 июля, за четыре с половиной месяца до освящения собора, за которые тот явно не успели бы целиком расписать. Поэтому, очевидно, роспись была начата еще при Всеволоде, а Святослав лишь воспользовался выгодной для себя ситуацией.

Итак, если 5 декабря 1136 г. Нифонт освятил все же Николо-Дворищенский собор, то это было явно на руку князю накануне его свадьбы, так как позволяло провести венчание в центре города, а не на отдаленном Городище. В любом случае, освящение храма св. Николая Нифонтом 5 декабря, накануне его престольного праздника, было связано с князем, ведь то был и день именин Святослава-Николая.

Уставная грамота. На согласие между Нифонтом и новым князем указывает еще одно обстоятельство. Уже давно отмечалось, что Новгородская архиепископия получила большую выгоду от вокняжения Святослава, который почти сразу дал ей новую уставную грамоту как по просьбе Нифонта, так и в своих интересах, ибо у него самого была нужда в церковной десятине²¹. Теперь вместо десятины от вир и продаж

²⁰ Статья на эту тему готовится нами к печати совместно со свящ. Михаилом Желтым.

²¹ Зде в Новегороде, что есть десятина от даний, обретох уряжено прежде мене бывъшими князи. Только от вир и продаж десятины зърел, олико дни в руце княжи и в клеть его. Нужа же бяше пискупу, нужа же князю в томъ, в десятой части божии. Того деяя уставил есь святой Софи, ать емльеть пискуп за десятину от вир и продаж 100 гривен новых кун, иже выдаваеть домажиричъ из Онега. Аче не будет полна ста у домажирича, а осмъдесят выдасть, а дополнок възметь 20 гривен у князя ис клети [ДРКУ: 148].

она получала твердые 100 гривен с погостов в Заволочье, причем в случае недостачи этих денег князь должен был восполнить сумму из своей «клети».

Устав датирован 6645 годом от сотворения мира и 15-м индиктом, что обычно считают по византийской эре и относят к сентябрю 1136 – августу 1137 г. по Р.Х. [ДРКУ: 147]. Однако в новгородском летописании этого времени, которое в это время вел Кирик (см. выше), четко различаются мартовский год и сентябрьский индикт: так, убийство Юрия Жирославича, случившееся в сентябре 1136 г., датировано 6644 г. от сотворения мира, но 15-м индиктом [ПСРЛ, 3: 24]. Поэтому 6645 г. в Уставе, даже если его составлял архиепископский клирик, должен быть, по всей вероятности, также мартовским²² и, в комбинации с 15-м индиктом, соответствовать марта – августу 1137 г.²³ А это означает, что выгодный для архиепископии Устав был дан Святославом Ольговичем уже после брачного конфликта зимы 1136–1137 гг. и что раздора между князем и Нифонтом весной – летом 1137 г. не было – текст документа подчеркивает, что они действовали в согласии: «Нужа же бяше пискупу, нужа же князю». Более того, дарование Устава, по просьбе архиепископа, могло быть шагом князя навстречу иерарху ради легитимации его брака.

Выводы. Резюмируя разобранные нами события, можно констатировать, что у Нифонта со Святославом Ольговичем был один конфликт (запрет новгородским клирикам венчать князя зимой 1136–1137 гг.), не приведший, однако, к печальным последствиям, одно совместное и взаимовыгодное предприятие (составление уставной грамоты, вероятно, весной – летом 1137 г.) и один акт, связанный с князем (освящение церкви св. Николы 5 декабря 1136 г., накануне княжеских именин). Поскольку ничего более об их взаимоотношениях нам неизвестно, то, учитывая прямую связь упоминания их «любви» с вокняжением Святослава, следует предположить, что Нифонт принял деятельное участие в приглашении этого князя в Новгород. Более того, реконструкция слов летописца о том, что Святослав сел в Новгороде не без участия Нифонта, указывает на архиепископа как на возможного инициатора или исполнителя его приглашения. С другой стороны, еще в 1135 г. никакого открытого конфликта у Нифонта со Всеволодом не было, с чем согласуется и молчание летописи об участии архиепископа в его изгнании в 1136 г.

²² Правда, в смоленской жалованной записи Ростислава Мстиславича 1150 г. [ДРКУ: 146] год сентябрьский или ультрамартовский.

²³ 1137 г. грамоту датируют А. А. Зимин [1953: 116] и М. Н. Тихомиров [1955: 200], но без обоснования датировки – вероятно, просто исходя из обычной схемы пересчета дат для византийского сентябрьского года (–5508).

В чем бы ни заключалась роль Нифонта в призвании Святослава, слова его некролога в Киевской летописи указывают на нечто большее, чем на простое посредничество между князем и новгородцами. И здесь встает еще один вопрос: как на новгородском столе внезапно и очень даже «революционно» оказался князь из черниговских Рюриковичей (что подчеркнуто летописью²⁴), не близкий родственник великого князя (как Всеволод Мстиславич) и к тому же малоизвестный (не упоминается в летописях до этого момента)? Исследователи²⁵ неоднократно указывали на политическую роль Нифонта, который зимой 1135–1136 гг. ходил с новгородским посольством в Южную Русь, где примирил враждовавших киевлян и черниговцев [ПСРЛ, 2: 297] и откуда вернулся 4 февраля [ПСРЛ, 3: 23–24], т. е. накануне роковых майских событий. В такой роли архиепископа нет ничего удивительного: вспомним, что Нифонт возглавлял и новгородское посольство в 1154 г., приглашавшее на княжение Мстислава Юрьевича [ПСРЛ, 3: 29].

Добавим, что это было не первое посольство новгородцев к черниговцам в рамках данного конфликта: ранее в том же году к ним ходил посадник Мирослав [ПСРЛ, 3: 23]. И хотя он не смог добиться мира между киевлянами и черниговцами, но вполне мог начать поиски нового князя для Новгорода вместо Всеволода, который вызывал особое недовольство новгородцев после предшествовавшей этому битвы на Жданей горе и которого новгородцы уже пытались свергнуть в 1132 г. Вероятно, в рамках второго новгородского посольства Нифонт и познакомился со Святославом Ольговичем зимой 1135–1136 г., когда недовольство новгородцев Всеволодом стало уже явным, а в июне того же года, когда встал вопрос о новом князе, предложил кандидатуру Святослава, молодого, не связанного близко с киевским князем и еще мало известного (следовательно же, и, вероятно, более податливого). Более того, каналы церковной связи могли помочь отправить посольство за Святославом вне поле зрения Всеволода и его сторонников, не ожидавших приезда черниговского князя²⁶. Такое предположение прояснило бы роль Нифонта в новгородском конфликте 1136 г. и причину его особой «любви» со Святославом Ольговичем.

Библиография

Афиногенов 2015

Афиногенов Д. Е., Константин VI, ПЭ, 37, Москва, 2015, 45–47.

²⁴ Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговицъ ис Цернигова, от брата Всеволодка [ПСРЛ, 3: 24].

²⁵ См. статью П. С. Стефановича в настоящем томе.

²⁶ См. статью П. С. Стефановича в настоящем томе.

Виноградов 2020

Виноградов А. Ю., Освящения храмов в письменной традиции Византии и Руси (сер. IX – первая половина XIII в.), *Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто*, 32: *Сравнительные исследования социокультурных практик*, Москва, 2020, 45–50.

— 2022

Виноградов А. Ю., Религиозный аспект церемонии венчания в домонгольской Руси, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2 (88), 2022, 5–16.

— 2023

Виноградов А. Ю., О дате строительства и украшения Св. Софии Киевской, *Лазаревские чтения. 2021 г.*, Москва, 2023 (в печати).

Виноградов, Желтов 2018а

Виноградов А. Ю., Желтов М., свящ., «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х годов об отмене поста в праздничные дни, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3(73), 2018, 118–139.

— 2018б

Виноградов А. Ю., Желтов М., свящ., Правовые акты Русской митрополии при Константине I (1156–1159 гг.), *У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко*, Москва, 2018, 35–56.

Гимон 2003

Гимон Т. В., Закономерности в освещении новгородскими летописцами XI–XIII вв. фактов церковного строительства, *Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 год*, Москва, 2003, 326–345.

Гиппиус 1997

Гиппиус А. А., К истории сложения текста Новгородской первой летописи. Спорные вопросы текстологии НПЛ, *Новгородский исторический сборник*, 6, 1997, 3–72.

Гладенко et al. 1964

Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М., Архитектура Новгорода в свете последних исследований, *Новгород. К 1100-летию города*, М. Н. Тихомиров, ред., Москва, 1964, 183–263.

Греков 1940

Правда Русская, Б. Д. Греков, ред., Москва, 1940.

ДРКУ

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв., Л. В. Черепнин, отв. ред.; Я. Н. Щапов, подг. изд., Москва, 1976.

Зимин 1953

Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв., А. А. Зимин, сост. (= Памятники русского права, 2), Москва, 1953.

Иоаннисян 2008

Иоаннисян О. М., Собор Иоанна Предтечи в Пскове и его место в архитектуре Руси XII в., *Древнерусское искусство. Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи*, Москва, 2008, 9–22.

Лифшиц et al. 2004

Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю., *Монументальная живопись Великого Новгорода: Конец XI – первая четверть XII века*, С.-Петербург, 2004.

Луховицкий, Попов 2015

Луховицкий Л. В., Попов И. Н., Лев VI Философ, ПЭ, 40, Москва, 2015, 298–305.

Мурьянов 1972

Мурьянов М. Ф., *Русско-византийские церковные противоречия в конце XI в.. Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе*, Москва, 1972, 216–224.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>).

Попов 2015

Попов И. Н., Константин IX Мономах, ПЭ, 37, Москва, 2015, 57–62.

ПСРЛ

Полное собрание русских летописей, С.-Петербург, Москва, 1841–2004.

Пчелов 2004

Пчелов Е. В., Генеалогия семьи Юрия Долгорукого, *Ruthenica*, 3, 2004, 68–79.

ПЭ

Православная энциклопедия, 1–66–, Москва, 2000–2022–.

Розанов 1912

Розанов С. П., *Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему*, С.-Петербург, 1912.

Тихомиров 1955

Тихомиров М. Н., *Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв.*, Москва, 1955.

Толочко 1992

Толочко А. П., *Князь в Киевской Руси: власть, собственность, идеология*, Киев, 1992.

Успенский, Литвина 2010

Успенский Ф. Б., Литвина А. Ф., *Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века*, Москва, 2010.

— 2013

Успенский Ф. Б., Литвина А. Ф., «Не достоин ея пояти»: Почему новгородский епископ Нифонт не хотел венчать Святослава Ольговича?, *Древняя Русь. Вопросы средневековья*, 3, 2013, 79–80.

— 2014

Успенский Ф. Б., Литвина А. Ф., Случалось ли князьям домонгольского времени брать в жены близких свойственниц? Политические выгоды, церковные запреты, прецедент, *Факты и знаки: Исследования по семиотике истории*, 3, 2014, 72–105.

Царевская 2002

Царевская Т. Ю., *Никольский собор на Ярославовом дворище в Новгороде*, Москва, 2002.

Янин 1984

Российское законодательство X–XX веков, 1: *Законодательство Древней Руси*, В. Л. Янин, отв. ред., Москва, 1984.

— 2009

Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь, В. Л. Янин, отв. ред., С.-Петербург, 2009.

Brubaker 2004

Brubaker L., Aniconic decoration in the Christian world (6th–11th century): East and West, *Cristianità d'Occidente e cristianità d'Oriente (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo*, 51, Spoleto, 2004, 573–590.

Wilker 2007

Wilker J., *Für Rom und Jerusalem. Die herodianische Dynastie im 1. Jahrhundert n. Chr.*, Frankfurt am Main, 2007.

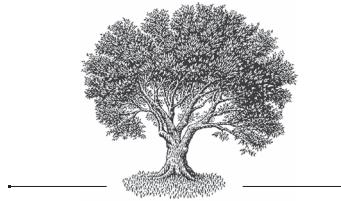

References

- Afinogenov D. E., Konstantin VI, *Pravoslavnaya entsiklopedia*, 37, Moscow, 2015, 45–47.
- Brubaker L., Aniconic decoration in the Christian world (6th–11th century): East and West, *Cristianità d'Occidente e cristianità d'Oriente (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo*, 51, Spoleto, 2004, 573–590.
- Gippius A. A., K istorii slozhenii teksta Novgorodskoi pervoi letopisi. Spornye voprosy tekstopiologii NPL, *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 6, 1997, 3–72.
- Gladenko T. V., Krasnorech'ev L. E., Schtender G. M., Shuliak L. M., Arkhitektura Novgoroda v svete poslednikh issledovanii, M. N. Tikhomirov, ed., *Novgorod. K 1100-letiiu goroda*, Moscow, 1964, 183–263.
- Grekov B. D. et al., eds., *Pravda Russkaia*, Moscow, 1940.
- Guimon T. V., *Zakonomernosti v osveshchenii novgorodskimi letopistsami XI–XIII vv. faktov tserkovnogo stroitel'stva. The Earliest States of Eastern Europe. 2000: Problems of Source Studies*, Moscow, 2003, 326–345.
- Ionnisan O. M., Church of St. John the Baptist in Pskov and its Place in Russian 12th-century Architecture, *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaia zhizn' Pskova i iskusstvo pozdneviziantskoi epokhi*, Moscow, 2008, 9–22.
- Lifshits L. I., Sarabianov V. D., Tsarevskaya T. Yu., *Monumental'naia zhivopis' Velikogo Novgoroda: Konets XI – pervaia chetvert' XII veka*, St. Petersburg, 2004.
- Lukhovitskiy L. V., Popov I. N., Lev VI Filosof, *Pravoslavnaya entsiklopedia*, 40, Moscow, 2015, 298–305.
- Mur'ianov M. F., Russko-viziantskie tserkovnye protivorechiia v kontse XI v., *Feodal'naia Rossiia vo vsemirno-istoricheskem protsesse*, Moscow, 1972, 216–224.
- Pchelov E. V., Genealogiia sem'i Iuriia Dolgorukogo, *Ruthenica*, 3, 2004, 68–79.
- Popov I. N., Konstantin IX Monomakh, *Pravoslavnaya entsiklopedia*, 37, Moscow, 2015, 57–62.
- Tikhomirov M. N., *Krest'ianskie i gorodskie voss-taniiia na Rusi XI–XIII vv.*, Moscow, 1955.
- Tolochko O. P., *Kniaz' v Kievskoi Rusi: vlast', sob-stvennost', ideologiya*, Kyiv, 1992.
- Tsarevskaya T. Yu., *Nikol'skii sobor na Jaroslavovom dvorishche v Novgorode*, Moscow, 2002.
- Uspenskij F. B., Litvina A. F., «Ne dostoit' eia poiati»: Pochemu novgorodskii episkop Nifont ne khotel venchat' Sviatoslava Ol'govicha? *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2013, 3, 79–80.
- Uspenskij F. B., Litvina A. F., Sluchalos' li kniaz'-iam domongol'skogo vremeni brat' v zheny blizkikh sovistvennits? Politicheskie vygody, tserkovnye zapretы, pretsedent, *Fakty i znaki: Issledovaniia po semiotike istorii*, 3, 2014, 72–105.
- Uspenskij F. B., Litvina A. F., *Traektorii traditsii: Glavy iz istorii dinastii i tserkvi na Rusi kontsa XI – nachala XIII veka*, Moscow, 2010.
- Vinogradov A. Yu., Consecration of church in the literary tradition of Byzantium and Old Rus' (mid-11th–mid-13th century), *Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Readings in Memory of V. T. Pashuto*, 32: *Comparative Studies in Socio-Cultural Practices*, Moscow, 2020, 45–50.
- Vinogradov A. Yu., Religioznyi aspekt tseremonii voknizheniia v domongol'skoi Rusi, *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2 (88), 2022, 5–16.
- Vinogradov A. Yu., Zheltov M., priest, “The First Heresy in Russia”: Russian Disputes of the 1160-s on the Abolition of Fasting on Holidays, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 3(73), 2018, 118–139.
- Vinogradov A. Yu., Zheltov M., priest, The Legal acts of the Russian Metropolitanate under Constantine I (1156–1159), *U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdisciplinarnykh putiakh. Iubileiniy sbornik v chest' Aleksandra Vasil'evicha Nazarenko*, Moscow, 2018, 35–56.
- Wilker J., *Für Rom und Jerusalem. Die herodianische Dynastie im 1. Jahrhundert n. Chr.*, Frankfurt am Main, 2007.
- Yanin V. L., ed., *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. 1: Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi*, Moscow, 1984.
- Yanin V. L., ed., *Veliki Novgorod. Istorija i kul'tura IX–XVII vekov. Entsiklopedicheskii slovar'*, St. Petersburg, 2009.
- Zimin A. A., ed., *Pamiatniki prava feodal'no-razdrobленnoi Rusi XII–XV vv. (= Pamiatniki russkogo prava, 2)*, Moscow, 1953.

Андрей Юрьевич Виноградов, кандидат исторических наук,
доктор филологических наук
профессор факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12
Россия / Russia
auvinogradov@hse.ru

Received March 15, 2022

Вечните теми на православието: Патриарх Евтимий и Евтимий Зигавин за иконоборството (езикови аспекти)*

Марияна Цибранска-Костова

Институт за български език БАН,
София, България

Вечные темы православия: Патриарх Евфимий и Евфимий Зигабен об иконоборчестве (языковые аспекты)

Марияна Цибранска-Костова

Институт болгарского языка БАН,
София, Болгария

Резюме

Авторът си поставя за цел да анализира езиковото изражение на иконоборството, отразено в „Похвалното слово за Йоан Поливотски“ от Патриарх Евтимий и титула Катà εἰκονομάχων от славянския превод на „Паноплия Догматика“ на Евтимий Зигавин. Двата източника се отличават със специфични черти за всеки от тях, което изключва възможността за търсене на пряка езиково-текстологична сътносимост, но позволява да се говори за обща тематична рамка и общи езикови тенденции. Творбата на Патриарх Евтимий се стреми да постигне морално-политическо единство пред

* Авторката изразява благодарност за финансовата подкрепа на Българската академия на науките по двустранно споразумение за безвъзмездни средства между БАН и Румънската академия.

Цитиране: Цибранска-Костова М. (2022) Вечните теми на православието: Патриарх Евтимий и Евтимий Зигавин за иконоборството (езикови аспекти). *Slovène*, Vol. 11, № 2, p. 68–91.

Citation: Tsibranska-Kostova M. (2022) The Eternal Topics of Orthodoxy: Patriarch Euthymios and Euthymios Zigabenos about Iconoclasm (Linguistic Aspects). *Slovène*, Vol. 11, № 2, p. 68–91.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.24

османската заплаха за Балканите. Преводът на „Паноплията“ в началото на XV в. е духовен отговор на атонското монашество в същия исторически момент. Актуализацията на темата за иконоборството именно през втората половина на XIV в. — началото на XV в. не е случайна. Книжовното наследство на православието винаги е било всеоръжение в отстояването на духовните ценности и фактор в консолидацията между народ, владетел и религия в превратни исторически моменти. За доказване на тази теза се правят лексикални сравнения в лексикона срещу иконоборството от двете творби по ключови семантични полета: наименования на иконоборците, семантичните редове икона-идол; думи термини, сложни думи и др. Като приложение се издава наборният текст на единствения запазен препис от титула за иконоборците в славянски превод по ръкопис *Ms. Slav. BAR 296* от Библиотеката на Румънската академия.

Ключови думи

иконоборство, Похвално слово за Йоан Поливотски, Паноплия Догматика

Резюме

Целью статьи является анализ лингвистического выражения иконоборчества, отраженного в «Слове похвальном Иоанну Поливотскому» Патриарха Евфимия и в титуле *Κατὰ εἰκονομάχον* из славянского перевода «Паноплии догматики» Евфимия Зигабена. Для каждого из двух источников характерны особенности, что исключает возможность поиска прямой лингвистикстологической корреляции, но позволяет говорить об общих тематических рамках и общих лингвистических тенденциях. Слово Патриарха Евфимия направлено на достижение морального и политического единства перед лицом Османской угрозы Балканам. Перевод Паноплии в начале XV века — это духовный отклик афонского монашества того же исторического момента. Актуализация темы иконоборчества во второй половине XIV — начале XV века не случайна. Литературное наследие православия всегда было орудием защиты духовных ценностей и фактором консолидации людей, правителя и религии в сложные исторические моменты. Для подтверждения этого тезиса делаются лексические сравнения в лексиконе против иконоборчества двух произведений, сгруппированные по ключевым семантическим полям: названия икона-идол; слова-термины, сложные слова и т. д. В качестве приложения публикуется единственная сохранившаяся копия титула иконоборцев в славянском переводе из рукописи *Ms. Slav. BAR 296* в библиотеке Румынской академии.

Ключевые слова

иконоборчество, Слово похвальное Иоанну Поливотскому, Паноплия Догматика

Тринадесетте оригинални произведения, излезли под перото на Патриарх Евтимий, са всепризнати исторически и лингвистични извори, независимо от ограничителните жанрови стандарти, които налагат аги-

ографията и ораторската проза. Известно е, че две от тези произведения се отличават със своя антиеретически дискурс – „Житието на Иларион Мъгленски и Похвалното слово за Йоан Поливотски“. В съответствие с това именно в тези творби се срещат най-важните конфесионално-религиозни термини за ереси, характерни в цялост за Евтимиевото творчество. Така в „Житието“ се говори основно за ересите на манихеите, богомилите и арменците монофизити (възможно е да са били павликини, с които мъгленският архиепископ се е сблъскал в своя диоцез в западните владения на Византийската империя при управлението на Мануил I Комнин 1143–1180). Съответстващите производни термини са αρμένι, αρμένιας, βογομίλιας, μανιχαϊστ [РПЕ, 1: 35, 352], към които от „Второто послание към Никодим Тисмански“ се добавя единствената употреба на съчетанието (κύπλα) κει маласианскή ересь, което разглежда масалианството като неканонично отклонение в монашеска среда [Ibid.: 349; Цибранска-Костова 2019: 279]. В „Похвалното слово за Йоан Поливотски“ основна тема е антииконоборческият патос на творбата [Иванова 1982; Хубанчев 1993; Кенанов 1995: 85–116].

Тук си поставям за цел да анализирам езиковото изражение на иконоборството, отразено в двата източника:

1. „Похвалното слово за Йоан Поливотски“ (нататък *ПсЙП*) според изданието на Е. Калужняцки [Kałużniacki 1901: 181–202; преиздадено в Съчинения 2010: 208–222]. Творбата на Патриарх Евтимий е известна само по две молдавски свидетелства, преписани по нормите на Търновската книжовна школа [СБЛ 1982: 337, превод на новобългарски от Кл. Иванова на 150–164; Патриарх Евтимий 1990: 148–165, 279–283; дигитализация на текста по ръкопис № 106 от манастира Нямц, 1439 г., дело на монаха Гавриил Урих, на сайта на Cyrilometodiana: <https://histdict.uni-sofia.bg/textcorpus/show/doc240>].

2. Титулът Κατὰ εἰκονομάχων от Втората книга на Πανοπλία δογματική на Евтимий Зигавин (нататък *ПД*), създадена между 1104–1118 г. [титулът е номериран като 22. у Migne 1865, 130: 1164–1174 и 23. у Berke 2011: 32, 18–29]. Славянският му превод е запазен в единствен препис в ръкопис *Ms. Slav. BAR 296* от Библиотеката на Румънската академия в Букурещ. Ръкописът се датира от първата четвърт на XV в. (1410–1420) и е писан на Атон. Съдържа само титулите от Втората книга на Паноплията с променена номинация и непълен състав, тъй като завършва с титула за масалианите без край. Интересуващият ни титул се назовава τῆτλων на иконоборце, л. 267б–271а [за ръкописа Яцимирский 1905: 445–446; Panaitescu 1959: 395–396; Васильев et al. 1980: 56; Mircea 2005: 64].

Допълнителна задача е да се установи има ли пряка връзка между двата източника в интерпретацията на темата, което би позволило да се

добавят езикови данни към дискусионния въпрос за времето и мястото на поява на цялостния превод на *ПД* в славянски контекст. Изказано е предположение, че е възможно Патриарх Евтимий да е извършил превод на някаква част от тази византийска енциклопедия на ересите; по предварителни проучвания се допуска синтактична и лексикална близост между творбите на Патриарх Евтимий и превода на *ПД* [Иванова 1987: 105]. Предвид популярността на темата за богомилите в средновековна България и на Балканите за пример се посочва именно този титул, но някои съвременни изследвания не подкрепят мнението, че той е бил преведен по-рано, откъснат от състава на Втората книга на Паноплията [Волски 2013: 74]. В началото на XV в. школата на Евтимий Търновски продължава да захранва книжовните традиции на Славянския юг, във влашките земи, Молдова, Сърбия, Атон и има своите продължители и последователи в средите на книжовниците, емигрирали в тези земи. Трансферът на книжовноезикови модели и културни ценности от Търново в различни посоки е доказано явление. Затова всяко сравнително изследване между конкретни извори би спомогнало за натрупване на допълнителни факти по спорните въпроси.

Изложените аспекти на изследването се опират на още няколко важни съображения. *На първо място*, идеино-езиковата интерпретация на иконоборството има продължителна традиция преди епохата на възникване на двата анализирани текста. Известно е, че България приема официално християнството 20 г. след края на иконоборческия период, продължил от 726 до 843 г. В първите преводи на византийските жития, докатинската и хронографската проза, антиеретическите творби и др. то вече има ореола на ерес с корени в малоазийските идеини движения, придобила официален държавен характер в политиката на Лъв III Исавър (717–741) и Константин V Копроним (съуправник 720–740; император от 741 до 775) [ODB 1991, 2: 975–977; Сенина 2015: 102–114; обобщено за гръцките извори в CBI 2021: 191–260]. Осъдено е като такава на Седмия вселенски (Втория Никейски) събор от 787 г. [Коев 2011: 247–258]. Една от най-важните причини именно иконоборството да стане мерило за ерес, да е в основата на цял цивилизиационен процес и на него да се уподобяват други, често съвсем различни в генезиса си ереси, е окончателната победа над него през 843 г., когато на 11 март, в Първата неделя на Великия пост, се провъзгласява триумфът на иконочеството и се обявява празникът Тържество на православието и на светите икони. Този празник започва да олицетворява всички аспекти на православната идентичност и борбата с всяко еретическо отклонение [Flusin 2010: 5–7; Сенина 2015: 114–128]. *На второ място*, актуализацията на темата за иконоборството именно през втората половина на

XIV в., когато опасността за Балканите от завоевателните походи на османските турци става все по-реална, никак не е случайна. Книжовното наследство на православието винаги е било всеоръжение в отстояването на духовните ценности и фактор в консолидацията между народ, владетел и религия в превратни исторически моменти. Канонизираният от Константинополската патриаршия светец Йоан Поливотски става небесен покровител на Търновград още през 1205 г., когато след победата над кръстоносците при Одрин цар Калоян пренася неговите мощи от завладения Месинопол в Гърция в престолнината Търновград. Небесното покровителство е начин за измолване на Божията благодат върху верния на Бога народ на българите, техния свещен град и държавността, която той олицетворява. През XIV в. напомнянето за светостта е и начин за съхранение на историческата памет [Boeck 2015]. ПД, от своя страна, е антиеретическа енциклопедия, която дава доктрически и морално-философски отговори на въпросите за чистотата на вярата. А както правилно се изразява А. Хубанчев, именно през XIV в. „отхвърлянето на иконопочитанието най-вече е непосредствен политически и мирогледен израз на нарастващото влияние и насилиствено насажддане на исламската религия. Налице е остра религиозно-философска полемика срещу ересите и сектите вътре в самите балкански държави и във Византия“ [Хубанчев 1993: 107]. *На трето място*, източници за двата сравнявани текста са някои от най-важните византийски съчинения срещу иконоборството; те добиват нов живот чрез тях, оформя се обща идеяна основа помежду им.

Според досегашните изследвания основен източник за *ПсИП* е византийското проложно житие на Йоан Поливотски, но директно чрез него или допълнително са използвани: **1. Житието на Стефан Нови Изповедник** (†757) – един от първите мъченици в защита на иконите; **2. Повест за възстановяване на иконопочитанието**, която присъства в много славянски сборници и спада към четивата за Първата неделя на Великия пост. Паралелите с *ПсИП*, приведени от Д. Кенанов, са неоспорими [Кенанов 1995: 103–106]; **3. Части от Слово за светите и почитани икони до всеки християнин и до цар Константин Кавалин, както и до всички еретици** на св. Йоан Дамаскин (ок. 650–754), Καβαλληνος – друго прозвище на Константин Копроним [гр. текст в Migne 1864, 95: 310–345; СВИ 2021: 240–242]. То се издава като 25. глава в печатния църковнославянски Съборник със 71 слова от 1647 г. [Соборник 1647]. Иконофилската насока на *ПсИП* е разработена основно в три композиционни епизода: речта на св. Йоан при встъпването му на архиерейски престол в Поливот; диспута с цар Лъв III; беседата с царските сановници Димитър и Михаил.

Титулът срещу иконоборците у Зигавин се състои от 31 параграфа и още в неговото оглавление се изброяват източниците: актите на Събора в Никея от 787 г. и тримата авторитети – константинополските патриарси Герман († 733) и Никифор († 828) и св. Теодор Студит († 826). Последният е най-често цитиран с перифрази или директни цитати от Трите слова срещу иконоборците, особено *Antirrheticus III* в четири глави [Migne 1903, 99: 389–436; Феодор Студит 2011: 288–323; CBI 2021: 244–246]. Особеност на славянския превод е, че той следва изложението според оригинала до параграф 27., но пропуска 23. 28–30. Параграф 23. 28 представлява изобличение на вярата в елинските божества Посейдон, Афродита, Артемида и др., а 23. 29–30 носят наслов *τοῦ Δαμασκηνοῦ κεφάλαιον κε'* [Migne 1865, 130: 1171–1174; Berke 2011: 26–28]. Това е откъс от главата *Περὶ εἰκόνων*, която се помещава в съчинението на Йоан Дамаскин „Точно изложение на православната вяра“ [Kotter 1973: 206–208; Иоан Дамаскин 2008: 145–146, книга 4, глава 16; предстоящо ново двуезично гръцко-българско издание в третия том на поредицата *Извор на знанието*, Христов, Риболов 2019: 14]. Последният 31. параграф е назован *'Ετέρου, ὑπόγειον*. Титулът срещу иконоборците е сред най-кратките в *ПД*, но поставя ясни граници между ересите от миналото и тези, които са най-актуални в идейната програма на император Алексий I Комнин (1081–1118) и неговия верен еззегет Зигавин, а именно арменци, павликяни, масалиани и особено богомили [Rigo 2009: 25].

От така направения кратък преглед следва, че различните жанрови особености не предполагат идентични източници, а само тематична близост между двата текста. *ПСИП* притежава наративни особености, между които летописната вставка за Лъв Исаакър; в *ПД* летописни и наративни отпратки няма, отсъстват ключови примери, като този за св. Убрус от Едеса – първото неръкотворно изображение на Иисус, а именно това е един от най-разпознаваемите аргументи на Йоан Дамаскин за разликата между икона и идол. Поради отсъствието на целия пасаж в славянския превод на *ПД* аналогия не може да се направи. Пропуските в титул 19. на славянската *ПД* могат да се дължат на комплексни фактори: от пропуск в самия конкретен гръцки препис, по който е превеждано¹, до съзнателен избор на богословски, а не на по-популярните наративно-легендарни аргументи. При всички случаи пропускът не е поради

¹ Категорично потвърден извод е, че преписвачът на *Ms. Slav. BAR 296* е и преводач на Втората книга [обобщено у Гагова 2010]. Той оставя множество бележки, една от които свидетелства, че на Атон, където е работил, е разполагал поне с два гръцки преписа на *ПД*. Единият е имал множество пропуски и му се е наложило да се снабди с втори от манастира Ватопед, за да ги попълни, сравни бележката на преписвача: и възмъ изъ Ватопеда тъйкък книги л. 193б; другаде ясно се говори за липси в първия гръцки източник: дамаскино лиуаше въ извѣдѣ прѣвомъ гръцкомъ л. 148а.

загуба на листове в *Ms. Slav. BAR 296* и титулът срещу иконоборците е запазен в неговата цялост.

Историческият контекст на възникване на двета текста и тематичната близост между тях обуславят възможността за лексикални сравнения в лексикона срещу иконоборството. Това може да се направи чрез анализ на репрезентантите в ключови семантични полета (разбирали като съвкупност от лексикални единици, обединени от общо значение и разкриващи понятийно или функционално сходство, от своя страна поделящи се на редове, гнезда и друг тип обединения [Апресян 1974]). Новоизлезлите два тома от РПЕ значително подпомагат обобщението, що се отнася до творбата на Патриарх Евтимий. Специализирани лексикални анализи на *ПД* досега не са правени, тъй като все още не са разрешени предходните изследователски задачи по изданието и популярзирането на преписа от *Ms. Slav. BAR 296*. В следващите редове се анализира релевантна лексика, извлечена от приложения наборен текст на 19. титул от славянската *ПД*.

А) *Терминологични наименования на иконоборците*. Като цяло преводните съответствия в славянската книжнина следват двета основни термина, които още през VIII в. се налагат във византийските източници [Lampe 1961: 410]. Известни иконофили, като патриарх Герман Константинополски, Теодор Студит и Йоан Дамаскин, допринасят за въвеждането на доминиращите понятия εἰκονοχλάστης и εἰκονομάχος. Те се превеждат чрез калкиране: иконоразбиеца, иконоразбиец, иконоразбитељ, иконоборец и др. Пъrvите три са повсеместни в Ефремовската кръмчая от XI–XII в., която документира старобългарския превод от X в. на Номоканона от 14 титула без тълкувания в неговата Фотиева редакция [Максимович 2010: 397]. В *ПД* се използва само иконоборци, аналогично на пълния превес на термина εἰκονομάχοι в гръцкия оригинал. Една типична особеност на *ПД* е търсенето на съзнателната връзка между различните ереси на догматическо и терминологично равнище. Така по повод на двете природи на Христос, човешката и божествената, се прави аналогия със сектата на теопасхитите, по същество сходни с монофизитите и сирийските яковити, тъй като приписват кръстните страдания на Божествената природа на Христос: ἡ ὥνῳ ὑπὸ ἐπωτραστῆνῃ, се же иконооборец 271а (по 3. слово срещу иконоборците на св. Теодор Студит, гл. 1., параграф 33. [Феодор Студит 2011]). Според тринитарната доктрина описуема е само човешката природа на Христос, докато божествената е неописуема. Два други контекстови термина са в основата на полемиката за разликата между поклонение и служба, която иконоборците не разбират правилно. По този повод звуци предупреждението в какво биха се превърнали неосъзнаващите разликата: ίακο δα не τιθωσλαγн-

теле н' веџославжнтеle възмннм се (хтисматолатраi хаi єлолатраi; латреia е върховното служение на божественото и св. Троица, а не на вешта или материалното, то е обожание и почитание [Тенекеджиев 1988]). Следователно и двата композита в *ПД* имат снижаваща семантика.

Термини липсват в *ПСИП* в съзвучие с достоверността на историческия наратив, който поставя поливотския архиепастир в центъра на най-ранните събития от историята на иконоборството. Разгръщат се обаче метафорични съчетания за представянето му като ерес. В съзвучие с високия тон на ораторската проза се изброяват библейски алегории и символични уподобявания. В увода се говори най-общо за тъмата на ересите и отхвърлянето им чрез истинността на благочестивите доктрини: иже въ тъмъ ереси и злославни велънї; ѩсѫдѹ ереси нечистыи ѩгнанїе 138а. Метафоричните колокации и образните сравнения въвеждат в типичната опозиция между православие и ереси, в която ересите са множество пълчища, защото в основата си са прояви на легионите бесове на Дявола: еретицъска пълъкы 138б; нж тъмами низложившомъ съпруштивнии ереси и пълъкы 139а; въсъчъский еретицъский вѣтъ твора єж ненавѣтнж 141б. В края на жизнения си път героят успява да опази своето паство от всяко еретическо отклонение и да предупреди околните епископати за възникналата злобъснж ересь 146а. Следователно от общо название за всяко отклонение от канона на вярата понятието за ерес постепенно се свежда до иконоборството чрез контекстови метафори. Други факти подкрепят именно „иконофилската насока на творбата“ [Кенанов 1995: 95]. Това е ритуалът на поклонение на честните икони при встъпването в архиерейство, в което съобразно православната доктрина почитанието се поднася на иконите, сравни овично поклоненїе къ стъмъ икѡнамъ сътворъ 140а. Публично произнесената реч на Йоан Поливотски също се смята за идеологическа платформа на иконопочитанието.

Б) *Семантичните редове икона – идол*. В *ПСИП* се разгръща богата гама от съчетания около двата субстантива. Терминът икона се среща общо 15 пъти в различни творби на Патриарх Евтимий [РПЕ, 1: 286]. Съгласно точните наблюдения на А. Хубанчев той се разграничава от образъ [Хубанчев 1993: 114–115]. В контекста на *ПСИП* образъ се отнася по-често към Иисус Христос, който може да бъде изображен на икона, защото според Посланието на ап. Павел до колосяни (Кол 1:15) Христос е „образ на невидимия Бог, роден преди всяка твар“ и изображението на невидимото е възможно поради въплъщението на Сина Божи [Библия 1982: 1450; Хубанчев 1993: 113]. Примерите са разпръснати в различни композиционни части на творбата: покланенїем сѧ ѿбраӡѹ га нашего іс Ѹа написанномѹ на икѡнѣ 141а в речта при хиротонията; весь своеого лица ѿбраӡѹ на немъ изъюбрази нѣ ли се побѣє аще и нефѣкотворено 145а в разка-

за за цар Авгар и св. Убрус; като изражение на висша святост контекстово образъ се отнася и до основополагащите изобразителни символи на християнството – въсъкому шебразу животворящаго кръта; и шебразъ ѝ на звреа и тога мтре и въсъб того стхъ ѩ цркве ѩимеши 142а в увещанието на влъхвите към император Лъв III. В Йоан-Дамаскиновата теория образът е „подобие на първообраза“ и посредник между материята и духа; отново в духа на тълкуванията на св. Йоан Дамаскин чрез „духовното око“ и съзерцанието може да се достигне отвъд материалната обвивка, до вътрешното съдържание [Тенекеджиев 1988]. Епитетите към иконите са изцяло в парадигмата на благочестието – сватиѧ и чистниѧ. В съзвучие с тематиката на творбата именно в *ПсИП* е налице еднократната употреба на относителното прилагателно иконыъ [РПЕ, 1: 287], при това в емблематичното съчетание иконыъ поклонениe 141б, срещу което повежда „люта бран“ Лъв III. Други съчетания също предават духа на историческото противопоставяне: говори се за ѩатгє чтныи иквиъ 146а, а в наставлението на св. Йоан към императора лексемата икона е вплетена в православното разбиране за иконата като подобие – бгомжноe бш на иквиа побїe 143б.

Вторият член на опозицията в *ПсИП* се представя основно от лексемата идолъ и веднъж от синонима кумиъ [РПЕ, 1: 270, 330]. По брой словоупотреби и в конкретната творба, и в цялостното творчество на Патриарх Евтимий репрезентантите превишават предходната група. Това е така поради изначалната борба на християнството с езичеството, на фона на която изпъкват мъченическите подвизи на много от Евтимиевите герои. Но в *ПсИП* идолопоклонничеството е амбивалентна тема, доколкото е обект на догматически интерпретации и взаимни обвинения от страна на двата противодействащи лагера. Затова не е случаен фактът, че именно в тази творба еднократно се появяват съчетанието идоломъ поклонъници (яко идшлъмъ покланъници си нарица 142а), с което се описва отношението на Лъв III към патриарх Герман и целия църковен чин, и композитът идолослуъжител [Ibid.: 270]. Известна е неканоничната аргументация на иконоборците срещу изображенията и смесването на понятията икона-идол. Тя е подложена на отрицание в речта на низвергнатия патриарх Герман Константинополски пред Лъв Исавър в защита на иконите: с появата на Христос беъ въсъти въсъко идшлъкое слуъжене же и покланънъ бы 142а. Намесва се и мотивът за паметта посредством иконата, за светите примери и вечния живот на вярата. В други съчетания чрез една и съща ключова дума се разгръща антиподната теза на иконоборците, например на на иквиа побїe се противопоставя идолско подобїe 144а в речта на двамата царски пратеници (перифраза на Псал.113:16). Позовавайки се на втората Божа заповед (Изх. 20:4), Лъв III отъждес-

ствява икони и идоли: сего ради южнъмъ и юстроугати повелѣхомъ въсъко побѣе въ црквѣ и стѣна ѹко идѡлское побѣе сѫщє 143а. Страстната защита на поливотския архиепископ е догматико-философско изложение според каноничната христология за същността на иконата като пълтско подобие на Иисус, неединосъщно с прототипа на Божественото, но описано на материален носител като споменатите дъски и стени поради богоизбранието, и за езическите идоли като ръкотворни предмети от злато, сребро или материални субстанции от видимия природен свят: не идѡлъмъ мы покланѧемъ сѧ, ниже идѡлы на дъска и стѣна пишемъ, нѣ Ѹа и ба нашего побѣе начертаваѣ пълтское а не бестъвное 144а.

Богословското съдържание на титул 19. в славянския превод на ПД позволява да се очертаят много по-сложни и разнообразни преводачески подходи в стремежа представителите в семантическите редове да получат адекватна терминологизация. Най-честото съответствие на ключовия гръцки термин *εἰκών* е образъ, включително в колокативни подчертавания на светостта: образъ Христъ, *εἰκών* Христо; покланѧемъ ѿбразъ, Ѹсъ покланѧемъ є 268б [Berke 2011: 20]. Образът е изображение то в сложната му христологична концепция за подобие спрямо първообраза и начин за доближаване до Бога. Икона – *εἰκών* формира преводаческа двойка в 11 случая и освен че назовава конкретните икони на Христос, Божията майка или св. Троица, насочва към видимото и вещественото в изображението, поради което в някои изрази се свързва контекстово с глаголи за сетивни възприятия или за човешки действия: „Елико често икони зреят се. толико нже си є зрещен въздвижът се 269б (зърѣти — *όράω*); илко дрѣвъ праудно єюже нѣкогда иконъ съжѣгамъ 270б (съжѣгти — *χατακαίω*). Епитетите към иконите отново са двете догматически определения сватъ, *ἄγιος*; чистынь, *σεπτός*. Само в един случай *εἰκών* се превежда със зракъ в началото на титула и повече преводачът не прибягва до тази лексема: зракъ є побѣе начъ ѿбразнаго 267б [Ibid.: 18]. В контекста на изложението това поставя лексемата зракъ по-близо до образъ ‘изображение, нагледната, видимата представа за нещо’, отколкото до икона ‘веществено произведение на религиозната живопис, обект на поклонение’. Няколко пъти *εἰκών* се превежда с подобие: побѣе глѣт се ѿже побѣнъ 267б, *εἰκών* лѣгътат, *παρὰ* тѣ єоиленат [Ibid.]. Други преводни съответствия на ключови термини излизат от най-разпространения преводачески модел. По веднъж преводачът създава двойките образъ — *παράδειγμα* и пръвообразъ — *εἰκών*². Образъ срещу *τύπος* е по-скоро техни-

² Пръвообразъ ёво чистъ, на пръвощерданое въходътъ 268а е възможна преводаческа свръхстарателност при предаване на цитата от св. Василий Велики „И тїс еиконъ тїмъ єпти тѣ првотоупон діафіяно [Berke 2011:19], в полза на което говори фактът, че пръвообразъ е единствен случай на субстантив композит при повсеместна употреба на субстантивирано прилагателно. Правилното би

ческо заместване ‘тип, вид, форма, начертание’, сравни кρήτα ὁρθός ω̄βραζъ ѿ дѣоӣ дѣвѣсъ съвѣкплиѧю̄ще 270б [τὸν τοῦ σταυροῦ τύπον ἐκ δύο ξύλων συνάπτοντες Berke 2011: 23]. Следователно гр. термин εἰκὼν в ПД се подлага на преводаческа синонимия, славянското съответствие οβραζъ придобива семантическа поливалентност.

Втората група репрезентанти се отличава с по-ниска честота на употреба, защото целта на титула е докато иконите в духа на „теорията на образа“ на светите отци, докато в *ПсИП* същността на идола е вплетена в аргументацията за светостта на иконата чрез полемично противопоставяне. Този извод се подкрепя от статистическите данни, че в титул 19. са употребени два пъти истоуканъ 269а, 271а – τό ἵνδαλμα, τό εῖδωλον [Berke 2011: 20, 29] и три пъти идолъ 271а – εῖδολα в мн. число [Ibid.: 29]. Четири от употребите са концентрирани в последния параграф, чиято идентификация засега не ми е известна, нито е коментирана в достъпната ми литература върху ПД³. Прави впечатление, че на принципа на родово–видовите отношения между лексемите е използвана стариинната дума истоуканъ (по произход страдателно причастие, тук като съществително, за да се спази симетрията с гръцкия текст), еднокоренна с известното прилагателно-причастие истоуканъ от глаголическия Синайски псалтир [СтБР 1999, 1: 684]. Впоследствие сродни лексеми се налагат в преводи на Преславската книжовна школа: истоуканъ е статуя на езическо божество в тесен смисъл, т. е. видово спрямо родовото понятие идол; истоукати ‘вая, режа, изсичам статуя’ [Милтенов 2006: 543].

В) *Иконопочитание срещу иконоборство в терминологията на докатите*. Този параграф ще започнем с много по-богатия понятиен апарат на ПД. В азбучна последователност привеждаме следните подборни репрезентанти: вѣцъ – ὕλη; вѣцописание – ὄλογραφία; видъ – онтологично εἶδος, като ‘външен вид, форма, характерни признания’, ἰδέα; внедртвримъ – εἰδοποιούμενον; виновъние – αἴτιον; въобразялънъ – εἰκονιζόμενον; въплъти сѧ – σαρκόω; въстъпълѣти ‘вдигам нагоре, въздигам, отнесено към иконите’ – ἀναστέλλω; иноподражателънъ – ἄλλο μιμητικός; иноистъствънъи – ἄλλο φυσικός; ликъ – ἔχτυπωμα ‘фигура, отпечатък, нещо изобразено, отпечатано, изрязано’; начелообразънъи – ἀρχέτυπον; начъртание – μορφή, χαραχτήρ; подобие – ὅμοιώμα, ὅμοιωσις; подражание – μίμησις; подражателънъ – μιμητικός; поклонъние – προσκύνησις; приобъщение ‘отношение между първообраз и образ’ – σχέσις; приону-

следвало да е οβραζъ. Вж. „честта, отдавана на образа, минава върху първообраза, и който се покланя на иконата, покланя се на съществото на изобразения на нея“ по установлението на Седмия вселенски събор [Денев 1987]. На 269б е повторено правилно: честь ѿбрада на първообрадное въсходнть.

3 Идентификацията на пасажа не е предмет на това изследване.

дъбление – ἀπείκασμα ‘representation, like, copy’ [LS 1996: 182]; прнчастие ‘отношение между първообраз и образ’ – σχέσις; пръвобрзное – ἀρχέτυπον, пртотипон; различие – διαφορά; своесъставънъ – ἴδιουπόστατος; сложъба – λατρεία; съставъ – ὑπόστασις; съставънъ – ὑπόστατος; същество – οὐσία; тъждъство – ταύτοτης; тълесовидънъ – σωματοειδής; цъловане – ὕσπασμα; човѣческое – ἀνθρώπινον; чистъ – τιμή; юсъство – φύσις; юдиновидънъ – ἴδιωματός; юдиноименитъ – ὅμωνυμιхός.

Въз основа на експериментите примери се открояват няколко тенденции:

1. *Термиини думи.* В титула са налице основни онтологични термиини в християнството, като видъ, подобие, същество, тъждъство, юсъство и др. Те се намират в понятийно-философска взаимозависимост, доколкото съществен аргумент в спора с иконоборците е изясняването на тринитарния догмат за същността на единната и неделима св. Троица (триединния Бог – един по същество и троичен по лица; оттук навсякъде същество – οὐσία) и за двете природи на Христос (оттук навсякъде юсъство – φύσις). Много характерно за 19. титул от славянския превод на ПД е последователното превеждане на ключовия термин ὑπόστασις само със съставъ, т. е. рязко се разграничават същество – οὐσία и съставъ – ὑπόστασις, независимо че са известни славянски преводи, в които двете съответствия за два различни гръцки термина се припокриват и преплитат по значение [Христова-Шомова 2016: 103, 114]. Отсъстват други, ярко разпознаваеми лексеми за ὑπόστασις, например οὐποτασъ у Йоан Екзарх или съвѣстъ в Симеоновия изборник [СтБР 2009, 2: 865; Илиева 2013: 350; Христов, Христова 2013: 29; Тотоманова, Христов 2019: 233]. Изборът на съставъ съответства на православното разбиране за ипостасните свойства, конституиращите елементи на трите лица; срещу се в класическия старобългарски корпус, особено в Супрасълския сборник, и се използва синонимно още от Йоан Екзарх [СтБР 2009, 2: 865; Илиева 2013: 350]. Събраният материал от И. Христова-Шомова за преводите на двета термина οὐσία и ὑπόστασις доказва, че същество и съставъ представляват старобългарско преводаческо наследство, творчески възпроизведен в нови преводи от XIV в. (първият в търновския превод на Стишния пролог, Германовия сборник; вторият в атонската редакция на Апостола и др. [Христова-Шомова 2016: 100, 114]).

2. *Термиини сложни думи.* Преобладаващият начин за създаването им е калкирането. Структурни калки в славянския превод на титула срещу иконоборците са изброените по-горе венчописание, вндотворимъ, начелообраъзное, пръвобрзное, своесъставънъ, тълесовидънъ, юдиновидънъ, юдиноименитъ. В примерите юдиновидънъ – ἴδιωματός, юдиноименитъ – ὅμωνυμιхός прави впечатление на юдинъ – срещу различни

формообразуващи гръцки компоненти, различни от модела юдино-*μονο-* [Илиева 2013: 358; Тотоманова, Христов 2019: 245]. В семантичен план всички са термини от православната теория за изображението. Към тях се добавят термини с по-ширака референция, като тринитарният благодѣтъ 270б – *χάρις* или мариоложкият Богоматерь 268б – *Θεομήτωρ* [Berke 2011: 20, 23]. За богословското съдържание на титула основополагащи са термините *архетип* и *прототип*. Наблюдават се следните съотношения: субстантивираното прилагателно *началообразънъ* превежда 16 пъти *ἀρχέτυπον*; субстантивираното прилагателно *пъвообразънъ* превежда 4 пъти *ἀρχέτυπον* и 4 пъти *прототъпънъ*. Връзката между изображение (икона) и пъвообраз (прототип, архетип) следва изложение то на св. Теодор Студит в началото на четвъртата част на Третото слово. Той изяснява метафизическата им същност в духа на неоплатонизма и възможността за съзерцание на Лика Божи чрез иконата поради уподобяването [Гросси 1907, 2: 182]. Светият отец обяснява, че образ и пъвообраз съставляват едно по свойственото на всяко от тях (ипостасно) подобие, но не и по същество. Христологичната онтогенеза е отразена в принципа, че в образа се изразява Пъвообразът и в иконата се почита поклонението Христово, Архетипът. В последния параграф разликата между идолопоклонство и иконопочитание се изразява конотационно в опозицията на двата термина *прототип* и *архетип*: скрънныи ъбо һдшль *пъвообразна лъжна* – чистныи же һкои һстнна *начелообразна* 271а.

3. *Субстантивация на прилагателни и причастия в сп. р.* Субстантивацията е чест езиков начин за изразяване на сложни богословски понятия и се развива още в началния етап на формиране на старобългарската философска терминология. Както сочи Т. Илиева, субстантивите в сп. р. превеждат абстрактни съществителни или субстантивирани причастия и прилагателни в гръцки, като така се постига „есенциализация на дадено качество в абстрактно понятие за съответния признак“ [Илиева 2020: 84]. Към примерите за този процес от предходните параграфи следва да се добавят особено характерните *виновнъ* 267б – *αἰτιον* и *повиннъ* 268б – *αἰτιατόν*, при положение че нито веднъж не е употребена думата *вина* ‘причина, основание’, изначен тринитарен термин, свойство на Отеца, причината за всичко. Тук термините са вплетени в теорията на свещените образи, прототипът е причината за изобразена форма, основанието за нейното съществуване: *Черазъ прнчестїе һ-матъ къ пъвообразном8. һ виновнаго іё, повиннъ* 268б. Други примери за субстантивация са видимои 268б – *брóμενον*; *въобразялемои* 267б – *ёнтикоумéнон*; *човѣчъскои* 270б – *ѧндрóπион* и др.;

4. *Еднокоренни терминологични групи.* Повечето семантични гнезда се формират около именни репрезентанти, например съставъ, съставънъ,

несъставънъ или юстъство, юстъствънъ, неюстъствънъ, но има и терминологични групи с предикати, например покланяти са, покланяюмъ, непокланяюмъ, поклонение или начрътати, начрътание (веднъж въчрътание 268б – χαραχτήρ), начрътваюмъ. Група формират изъобразити, въобразити, производното мин. страд. причастие въобразяюмъ 267б, 268б, 269а и др. срещу ἐντυπόω, εἰκονίζω, ἐναποσφραγίζω и производният девербатив възъображене 268б – ἐκτύπωμα [Berke 2011: 18–20]. Те допълват липсващи лексемни регистрации и семантични нюанси в посока към осмыслиянето на изобразяването като представа в съзнанието, чрез която видимите знаци се съотнасят към невидимия първообраз; изобразява се не същността, природата, а ипостасата: не юстъвънъ съставъ въобразява се 268б.

5. *Префигиране на глаголи.* Глаголната префиксация и полипрефиксация е отличителна черта на целия превод на Втората книга на ПД и следва да се проучи самостоятелно като възможна системна черта на атонски преводачески кръг (ценни наблюдения по друг повод у [Тасева 2021]). Преводачът и преписвач често се самокоригира при превеждането на предлози и съюзи, пример за което дава и настоящият титул. Това свидетелства за особеното внимание към точността на вербалния знак, елемент от исихацката парадигма за словото. Тук ще се ограничим с един ключов в семантичен план пример за глаголно префигиране: въписовати са 269а със съответник διαγράφομαι; описовати са 268а, 270б, 270б, 271а – περιγράφομαι; писати са 270б – γράφομαι; написовати са 270б – γράφομαι; съописовати са 271а – συμπεριγράφομαι [Berke 2011: 24]. Всички те предават тринитарния догмат за изобразимостта на Иисус Христос по плът. Според Теодор Студит неописуемостта е свойство на Бога, божеството е необятно и неописуемо, безпределно, безгранично и няма външен образ, но благодарение на въплъщението на Сина Божи в човек става съединение на неописуемото с описаното, „затова Господ Иисус Христос се изобразява на иконите и невидимият свят става видим“. Светият отец заключава: „Христос не би бил Христос, ако не може да бъде изобразим на икона“ [Денев 1987].

В *ПсИП* полемиката с иконоборството се разгръща не само в догматически, но и в нравствено-философски аспект на изобличение към конкретни личности и съответно апология на благочестието. Това се постига чрез типичната за творбата концентрация на композити с първи компонент зълъ-, отнесени до императора иконоборец и ереста: зълобъсновати са, зълобъсънъ, зълочъстивъ, зълочъстънъ, още душетаънънъ, мъногохумънъ; подобна конотация се подчертава и чрез компаратива лоукавънъшии за Лъв III. В опозиция спрямо тях са група композити от най-висок ранг в тринитарната доктрина и Христовото домострои-

телство: идеята за благото и благодатта — благовѣстити, благодать, благораждати, благочестивъ, добродѣтель; термини от доктриналото вероопределение синоположение, животворящъ, юдинородънъ, юдиносѫщънъ. В контекста на основната тема присъства комплекс от термини за същността на свещените изображения, които правят ярко разпознаваема иконофилската защита. Сред тях се открояват особено две семантични гнезда около поклонението на честните и свети икони и изображението като подобие на човешката природа на Христос: поклонити сѧ, поклонение (обичайно), покланяние; подобие — в атрибутивни съчетания богоизображене, неръждане, пълътско. Към концептуалния кръг на изображението се причисляват още следните термини и колокации: изъобразити, живописати въ оумѣ, написати на иконахъ, начертавати, писати подобия; бѣстъвно, неописано, недовѣдомо божество и др. За творбата на Патриарх Евтимий са характерни и такива съчетания, които кореспондират с историческия наратив, като всяка църковна остроугата красота, красити църковна и др.

Всичко изложено дотук дава основание за следните заключения:

1. Двата източника по темата за иконоборството се отличават със специфични черти за всеки от тях, което изключва възможността за търсене на пряка езиково-текстологична съотносимост, но позволява да се говори за обща тематична рамка и общи езикови тенденции, реализирани по различен начин във всяка творба. В *ПсИП* се съдържат основни постановки, свързани с богословската аргументация на иконопочитанието според жанровите изисквания на житийната и ораторската проза и с ярка контекстуализация — в драматичния исторически момент пред османската заплаха „да се постигне морално-политическо единство“, а църковните доктрини за иконопочитанието да станат „действен призив за защита на род, Православие и Отечество“ [Хубанчев 1993: 106].

2. Титулът в *ПД* е назован от своя автор ἐπιτομή τις ἡχριθωμένη (съхранение нѣкое нѣсканно) и цели изясняването на православното разбиране за изображението в контекста на изобличението на всички ереси, особено христологичните и дуалистичните, при отчитане на историческата или онтологичната зависимост между тях. Преводът на *ПД* в началото на XV в. е най-висок образец на средновековната преводна еретиология и се опира на престижни книжовни традиции. Той е духовен отговор на атонското монашество в актуалния исторически момент за Балканите, заплашени от османската инвазия. По този пункт титулът има пряка кореспонденция с творбата на Патриарх Евтимий. Иконофилската полемика е синтезирано доктрическо изложение. Подходящи за нея са обобщената философска терминология и изборът на утвърден в практиката набор от лексеми, тъй като предходни изслед-

вания доказват, че „през големия книжовен разцвет на Балканите през XIV–XV в. вече има утвърдена терминология за много от понятията“ [Христова-Шомова 2016: 103].

Терминологията в славянския превод на *ПД* следва да се проучва целенасочено и подробно. Тук публикуваме 19. титул от ръкопис *Ms. Slav. BAR 296* като предварително условие за това.

ПРИЛОЖЕНИЕ⁴

BAR 296, 267б–271а

Тїтлѡ. Г҃. на ńконофорце. събралие нѣкое ńѣнсканно. ю дѣѧтелыи седмаго събора. ń ю ńже гѣмана ń нїкїфора патрїархъ кѡстѣтина града. ń ю ńже вѣженна го феодара ствдїта:~ Начелоѡбраӡное є начелю ń ѿбраӡь пôлежециїн. ємъже ю него начрѣтаваѣмаго внда. ń прѣведенїа приглобленаго виновно:~ Зракъ є побїе начеѡбраӡнаго. въсъ въ сеѢ въѡбраӡаѣмаго вѣради побїя ńѣѡбраӡаѭѹ. разлнчныи сѹщества, вѣцъ тъкмо прѣмѣниѧючи. ń подражание начелоѡбраӡнаго ń приглобленїе. ńли хытрости скочанїе. по пѡдражаниї начелоѡбраӡнаго вндѣтвориша сѹществѡ разнѣствѹ:~ Побїе глѣт се ю еже побѣнти:~ "Нноѥствнн ѿбраӡь, ń ńноподрателнн. (!) ю въ 8бо неѥствное разлнчїе ńмвчи къ виновномъ, нъ съставное. ńакоже си къ ѿца. ёднно же 8бо си ѥество, два же състава. си же, съпротивнѣ. неѥствное || 268а разлнчїе ńмвчи къ пръвоѡбраӡномъ, нъ ѥество. ńакоже ń ѿбраӡь побїя ҳвва къ ҳ8. ёднно же 8бо съставъ си, двѣ же ѥество. ńно во ѥество вѣцопїсанїа, ń ńно ҳвв по чловѣческомъ. ńакоже ń ѿпнсвѣт се ń начелоѡбраӡног пбїа ѡстраѣт се:~ На подражателномъ 8бо ѿбраӡа по вндѣ сиրѣчъ начрѣтаниї побїе. на ѥствнѡмъ по сѹществѹ сиричъ бжтвѹ, толжество. ń на ѥствномъ 8бо занеже ёднно ѥство си ń ѿца, сего ради ń ёднно поклонение си, нъ не двѣ, по разлнчїи съставѡмъ. на подражателномъ же, занеже ёднни съставъ ѿбраӡа ҳва, ń самого ҳа, ёдннои поклонение си, а не двѣ по разлнчїи ѥство. не своёсъставъ є подражателнн ѿбраӡь, нъ начелоѡбраӡнаго съставъ носить. аще ń по немъ ѿбраӡь іого є. състав же ńніа глѣмъ, не просто състоѣщее се, нъ сѹществѡ нѣкое съ своѥствн поимы же раздѣляет се ю ёднновнн. а єже во своёсъставно, не ѿбраӡь.

⁴ Спазват се правописът и сегментацията на текста. Лигатурите се развързват. За улеснение при текстовото членение се отбележва само началото на нова страница съ знак II и номерацията.

„**начело́вбразнъ**:— Пъво́вбраза 8бо чьсть, на пъвсю́вбразное въсходыть. **и въдеть си єдинно поклоненіе.** за єгоже въ ѿбон єдиного начрътанїа|| **268б** въсакого подражателѣ въввбражаемаго не юеств нъ съставъ въввбражает се. **и сего ради тоже начеввбразномъ въввбразъ іего, не юеств нъ єтавъ.** си рѣчь подражаніемъ състава:— Въ въввбражаемын начело́вбразнано (!) съставъ покланяѣт се. а не веци въввбраза. **и еже въввбразнвшее се на немъ въчрътаніе, а не въввбраза съзвѣствъ:—** „Егда же 8бо къ въввбраза юеств ѩдаваѣтъ кто не тъкмо хъвро нъ иниже въввбраза хъвва, речеть же вънднмое. є бо дрѣвъ по прилачай ылн злату ылн сребро, ылн что ѩ иныи вещен, єгда же лнкъ възъвбраженїа поѣвъ начело́вбразнаго, и хъ и хъвво. нъ хъ 8бо по єдинно именованїи. хъвво же по ымже къ чъсомъ:—“ Въввбразъ причестіе имать къ пъвво́вбразномъ. и въновнаго є, повинное. и8жъ 8бо сего ради, и єгоже къ чъсомъ бытн се и глати. ѩ иже бо къ чъсомъ приѡпженіе. а іаже къ чъсомъ, та іаже съть, дрѹгыи бытн глат се, и възъвбражайлъ приѡпженіе къ дрѹгъ дрѹгъ. начело́вбразное бо въввбраза, начело́вбразно. и въввбразъ начело́вбразнаго въввбразъ. и икто же не єдъръжанъ въввбразъ чиин любо въввбразъ речеть. || **269а** купно бо съвъвдннт се и съпрынвндннт се єдиннѣмъ дрѹгое:—“ Еланцъмн именъмы начело́вбразное призваѣт се, твъланцъмн и въввбразъ іего. нъ ѿвъ 8бо, іако начело́вбразно, и собою и по истинѣ. се же, іако въввбразъ іего, и єго ради. и по ѿбнчай:— Покланяѣмъ въввбразъ, хъ покланяѣмъ є. єгоже є поѣвъ, а не поѣмшіа поѣвъ веци. и іакоже зрецаля въпїсвѣт се въввбразъ иѣкынмъ лнце блудещаго єго. и прѣбываѣтъ веци радиачено. аще и въсходитъ кто цѣловати іавлѧемын свон въввбразъ. веци 8бо приплете се, въввбразъ же цѣлава. и мимошибш ымъ съѡнде и иствканъ, да єже радиачнти веци зрецала. по томъже въввбразъ и иже иконъ хъввъ илн єѡматер. илн кого ѩ стыи цѣлавен. аще и приплѣтаѣт се веци и иконъ и веци цѣлаваѣтъ. и безъ вѣсты бывш ѿзвѣвбраженїи, ымъ же поклоненіе, прѣбѣ непокланяѣма веци. иицто же покланяющи поѣвъ:— Бяди прѣстенъ въввбражаемъ въввбразъмъ таже да въввбражает се на въскъ. и на смолѣ и калъ. начрътаніе же 8бо и печа єдинна непрѣмѣнна на си, веци же радиачнин. за єже бо иицто же вециемъ печаты приѡпнати || **269б** нъ бытн тон хытростї, си радиачнти на прѣстенъ прѣбывающи. сицѣ 8бо и хъвво поѣвъ, аще и радиачнинмъ вециемъ, въввбразнти се. непричестно є вециемъ въ хъввѣ прѣбыває съставъ:— Сщенніе иконъ въстальплиаѣмъ іако да си зреце и ради мним се зрецы, си прѣвово́вбразнна. и бывають наимъ въвспоменятїа и Ѹтвешеніе любве єїеже къ си прѣвово́вбразныи:—“ Еланко често иконъ зреет се. то лико иже си зрещен

въздавиждат се. към сън пръвоъвразният памети н въжелението:~ "Аще във
дъхъмъ н истиинно славя бляжението троицата православният принашаёт
се. стъните же въвързани не славя юната поклонение н цъловане н чистъ.
аще бо н чистъ въвърза на пръвоъвразното въсходитъ, не славя бляжене
троице е единните, а не чистните икони. яко да не тваря славяните н
вещославяните възьмнат се:~ На самом же въвърза славяните поклонение
н иествию. едини же въвърза стъните троице по бжитвомъ его иествъ. на иконъ же
хвъбъ, пришпциенто н единното. покланяю же се емъже на неи хъ.
емъже н за еже н въпльтнти въвържаютъ || 270а по тълесовъномъ зреи
его. еже же пришпциенто поклонение н съставно:~ Яко же бо н въвъра тако
н славя стъните троицата върче се. н же бо славен въвърза хвъбъ върует се
троицата славя. н съсъждае стъните троицата н въвърза, троице же яко же рече се еже
славяните:~ Аще тълесе сънъ раздѣлнты немощно. пристоецъ 88 юмъ въсегда
аще н не видит се. иже иконъ хвъбъ мочено раздѣлнты его. не яко же сънъ
слѣчно зараю явлѧет се, тако н хвъба икона въвържене веши:~ Двоинъ
съмъ същъ о тълеси сънъ н въвърза, н сънъ въвържене нѣкое тълько члка
явлѧетъ. въвърза же явлѧетъшес. аще въвърже приносно егоже иѣкогда, н еже
по бытию егоже по лишенію, н еже явлѧетъшес цъглаго лачище н въвърза
въвърза въвързанъ сънъ н сънъ н сънъ. н въспѣшии въвърза н. тъмже
по истиинѣ многи паче стънтишъ н чтѣнтишъ:~ Хъ въвързъ се въ въвързъ
своемъ, тъ же състонт се въ немъ:~ Не яко бъмъ икона покланяю се.
иже надеже спасенія въ ии иамы. иже бжитвъ 88 чистъ принашаю се, съе
же въвърже еллине. не единно пришпциене н любовъ || 270б нашеи дше юже
имамы къ пръвоъвразнѣ ради таковаго поклоненія изыявлѧю се. тъмже
начрътаніе затръвшъ се, яко дрѣвъ празно еюже иѣкогда иконъ
съжѣгаемъ:~ Крѣта въвърза ю дрѣвесъ съвъкъплѧюще. вънегда же
кто ю иеврѣнъ попоснти, яко дрѣвъ покланяющи се. можемъ двода
дрѣвеса разлъчнвше н въвърза крѣта разорнвше, съа въмѣннати прости
дрѣвеса, н иеврѣнаго здѣшнаго. яко не дрѣвъ не въвърза крѣта почнатаю:~ Съ
стражъ н истиинно да приходи н покланяю се стънъ икона. н да
вървѣмъ блгодѣть бжитвъ 88 приходнты тѣмъ осѣнію прѣподавателъ:~
Яко же бо по иествъ прѣбывающи иерархъ стъните троицата, елма сънъ
въпльтнти. не сего ради речеть кто н юца н дхъ въпльтнти. тако по съставъ
съединившъ се бжитвъ члкъ н иерархъ прѣбывающи не понеже
члкъ списвѣт се егъ, н пишет се на иконъ. сего ради н бжитвъ его,
вънсовати се н написвати речеть кто. тамо въвърже по иествъ съвъкъленію

не сълвай ющ8 съставн. Зде же ем8же по състав8 съеднен8 не нъмъта ющ8
 въ свои прѣдѣль юства. || 271а прѣдѣль во бѣтв8 8бо невидимо е же и
 неописанное. Чачтв8 же видимо е же нъ пинсанное:—"Аще за еже х8 път8
 распети єже съпострадати нъ бѣтво гла нечестив. вно 8бо нъ за еже път8
 Спинсовати єм8. еже съпинсовавати нъ бѣтво глаты, побни нечестив. нъ
 вно 8бо бѣстрастныи, се же нъконоворъць:— Многою нъ неизреченой еюже къ
 х8 любови8 почната емь нъ покланя емь се. нъ мѣстъ ндеже походи нъли посѣдѣ.
 не мѣстъ покланя юцие просто. нъ тога ради егоже въ нъ съпѣбывающа. нъ
 ради мѣсть вно 8мъ честь възносеще:— нъногов:— Скврнныи 8бо ндашъ
 пръвомѣрзнаа лъжна. бѣн 8бо, нъменчены. бѣсн же 8бо съзн. честныи же
 нъконъ нѣстинна начело възнесеннаа. сим же 8бо хс, по чаком8. сим же бца. нъ
 нъныи мѣрзъ нѣже симы похвали аемы нъ стын. нъ сїа 8бо 8побнишъ
 пръвомѣрзни. тѣмже нъ възнесеннаа тѣко побїа вно же въсма въсем8
 несвонѣстви. нѣже быти глют се нъ непрѣчестин. котофи бо несвом8
 нѣстин. ндашъ бо, 8же, тѣко въдѣ погублати нъ раста ювати почната ющи
 тѣе. нъ ндашъ 8бо, венъ тъкмо. нъконъ же венъ 8бо. нъ тѣе, ѿщенъ же
 въвѣржени побїи стын:—

Библиография

Апресян 1974

Апресян Ю. Д., *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*, Москва, 1974.

Библия 1982

Библия, сиреч Книгите на Свещеното писание на Ветхия и Новия Завет, изд. Св. Синод на Българската църква, София, 1982.

Васильев et al. 1980

Васильев Л., Гроздановић М., Јовановић Б., Ново датирање српских рукописа у Библиотеки Румунске академије наука, *Археографски прилози*, 2, 1980, 41–69.

Волски 2013

Волски Я. М., Богомилите и светлината на Житието на св. Иларион Мъгленски от Патриарх Евтимий Търновски, *Palaeobulgaria*, 37/4, 2013, 74–81.

Гагова 2010

Гагова Н., Поръчвал ли е деспот Стефан Лазаревич превода на „Догматическо всеоръжение“ от Евтимий Зигавин, *Владетели и книги. Участие на южнославянски владетел в производството и употребата на книги през Средновековието (IX–XV в.): рецепцията на византийския модел*, София, 2010, 130–140.

Гросу 1907

Гросу Н. С., прот., *Преподобный Феодор Студит. Его время, жизнь и творения*, 1–2, Киев, 1907.

Денев 1987

Денев Ив., Три изобличителни слова на св. Теодор Студит срещу иконоборците, *Духовна култура*, 10, 1987, 11–23.

Иванова 1982

Иванова Кл., Похвалното слово за Йоан Поливотски от Евтимий Търновски, *Старобългарска литература*, 12, 1982, 30–53.

— 1987

Иванова Кл., О славянском переводе Паноплии доктрины Евфимия Зигавина, *Исследования по древней и новой литературе*, Ленинград, 1987, 101–105.

Илиева 2013

Илиева Т., *Терминологичната лексика в Йоан-Екзарховия превод на “De fide orthodoxa”*, София, 2013.

— 2020

Илиева Т., Тринитарната терминология в Йоан-Екзарховия превод на Богословие, *Приложи, Одделение за лингвистика и литературна наука*, МАНУ, 45/1–2, 2020, 77–99.

Йоан Дамаскин 2008

Йоан Дамаскин, Преп., *Точно изложение на православната вяра*, Света гора, Атон, 2008.

Кенанов 1995

Кенанов Д., *Ораторската проза на Патриарх Евтимий Търновски*, Велико Търново, 1995.

Коев 2011

Коев Т., *Догматическите формулировки на Седемте вселенски събора*, София, 2011.

Максимович 2010

Максимович К. А., *Византийская Синтагма 14 титулов без толкований в древнеболгарском переводе. Славяно-греческий, греко-славянский и обратный (славянский) словоуказатели*, 1–2, Frankfurt am Main, 2010.

Милтенов 2006

Милтенов Я., *Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция*, София, 2006.

Павлов 2006

Павлов П., *Търновски светци и чудотворци*, Варна, 2006.

Патриарх Евтимий 1990

Евтимий (Търновски), патр., *Съчинения*, съст. Кл. Иванова, София, 1990.

РПЕ, 1–2

Речник на езика на Патриарх Евтимий, съст. А. Тотоманова, Т. Славова, А. Димитрова et al., София, 1–2, 2019–2020.

СБЛ 1982

Стара българска литература, 2: *Ораторска проза*, съст. и ред. Л. Грашева, София, 1982.

Сенина 2015

Жития византийских святых эпохи иконоборчества, 1, общ. ред. Т. А. Сениной (монахини Кассии), С.-Петербург, 2015.

Соборник 1647

Книга глаголемая Соборник из 71 слова, Москва, 1647. [Переизд. Почаевской типографии, 1782] (<https://1slovo.sobornik.ru/text/sobornik/sobornik25.htm>).

СтБР, 1–2

Старобългарски речник, под ред. на Д. Иванова-Мирчева, 1–2, София, 1999–2009.

Съчинения 2010

Съчинения на Българския Патриарх Евтимий (1375–1393) = Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375–1393), Е. Калужняшки, с предговор от Д. Кенанов, Велико Търново, 2010.

Тасева 2021

Тасева Л., Материали за редупликацията на представката съ- в южнославянски средновековни текстове, *Sub specie aeternitatis: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько*, отв. ред. И. М. Ладыженский, М. А. Пузина, Москва, 2021, 453–465.

Тенекеджиев 1988

Тенекеджиев Л., Ученietо на св. Иоан Дамаскин за почитането на св. икони, *Духовна култура*, 4, 1988, 12–22.

Тотоманова, Христов 2019

Тотоманова А-М., Христов Ив., ред., *Терминологичен речник на Йоан Екзарх*, София, 2019.

Феодор Студит 2011

Феодор Студит, преп., *Творения в 3 томах*, 2: Нравственно-аскетические творения. Догматико-полемические творения. Слова. Литургико-канонические творения (= Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе, 6), Москва, 2011.

Христов, Риболов 2019

Христов Ив., Риболов Св., ред., Св. Йоан Дамаскин, *Извор на знанието, 2: Точно изложение на православната вяра = The Fount of Knowledge, 2: An Exact Exposition of the Orthodox Faith*, 1 (= *Fontes theologiae et philosophiae christiana*e), София, 2019.

Христов, Христова 2013

Христов Ив., Христова А., Понятийна структура и лингвистична характеристика на категориално-логическите термини във Философския трактат на Симеоновия сборник, *Български философски преглед*, 3, 2013, 15–61.

Христова-Шомова 2016

Христова-Шомова И., *Бог бе Слово. Етюди върху християнството, видяно през призмата на езика*, София, 2016.

Хубанчев 1993

Хубанчев А., Религиозно-философски възгледи и богословски проблеми в Похвално слово за св. Йоан Поливотски от св. Патриарх Евтимий Търновски, *Философски алтернативи*, 3, 1993, 104–113.

Циранска-Костова 2019

Циранска-Костова М., За лексиката с чужд произход в оригиналното творчество на Патриарх Евтимий, *Търновска книжовна школа*, 11/1, 2019, 268–282.

Яцимирский 1905

Яцимирский А. И., Славянские и русские рукописи румынских библиотек, *Сборник Отделения русского языка и словесности (СОРЯС)*, 79, 1905.

Berke 2011

Berke M., *An annotated edition of Euthymios Zigabenos, Panoplia Dogmatikē, Chapters 23–28*, Belfast, 2011.

Boeck 2015

Boeck El. N., *Imagining the Byzantine past: the perception of history in the illustrated manuscripts of Skylitzes and Manasses*, Cambridge, 2015.

CBI 2021

A Companion to Byzantine Iconoclasm, M. Humphreys, ed. (= Brill's Companions to the Christian Tradition, 99), Leiden, 2021.

Flusin 2010

Flusin B., Le triomphe des images et la nouvelle définition de l'orthodoxie. À propos d'un chapitre du *De Ceremoniis* (I.37), A. Rigo, P. Ermilov, eds., *Orthodoxy and Heresy in Byzantium. The definition and the notion of orthodoxy and some other studies on the heresies and the non-Christian religions* (= *Quaderni di Néa Póμη*, 4), Rome, 2010, 3–20.

Kałužniacki 1901

Kałużniacki E., *Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375–1393)*, Wien, 1901 [Variorum repr.: London, 1971, introd. Iv. Dujčev].

Kotter 1973

Kotter B., *Die Schriften des Johannes von Damaskos, 2: Expositio Fidei* (= Patristische Texte und Studien, 12), Berlin, 1973.

Lampe 1961

Lampe G. W. H., ed., *A Patristic Greek Lexicon*, Oxford, 1961.

LS 1996

Liddell H. G., Scott R., eds., *A Greek-English Lexicon*, Oxford, 1996.

Migne 1864

Migne J.-P., *De sacris imaginibus adversus Constantium Cabalinum, Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca*, 95, Parisiis, 1864, 310–345.

——— 1865

Migne J.-P., *Euthymii Zigabeni, Panoplia Dogmatica, Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca*, 130, Parisiis, 1865.

——— 1903

Migne J.-P., S. P. N. Theodori Studitae, *Opera omnia, Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca*, tomus unicus, 99, Parisiis, 1903.

Mircea 2005

Mircea I., *Répertoire des manuscrits slaves en Roumanie. Auteurs byzantins et slaves*, révision du texte slave P. Bojčeva, révision du texte français S. Todorova, Sofia, 2005.

ODB 1991

Oxford Dictionary of Byzantium, Al. P. Kazhdan, ed., Oxford, 1991.

Panaitescu 1959

Panaitescu P., *Manuscripte slave din Biblioteca Academiei RPR*, 1, Bucureşti, 1959.

Rigo 2009

Rigo A., “La Panoplie dogmatique” d’Euthyme Zigabène: les Pères de l’Église, l’empereur et les hérésies du présent, A. Rigo, P. Ermilov, eds., *Byzantine theologians. The systematization of their own doctrine and their perception of foreign doctrines* (= *Quaderni di Néa Póμη*, 3), Rome, 2009, 19–32.

Mariyana Tsibranska-Kostova

Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences

The Eternal Topics of Orthodoxy: Patriarch Euthymios and Euthymios

Zigabenos about Iconoclasm (Linguistic Aspects)

Abstract

The author attempts to analyze the linguistic representation of iconoclasm in “The Eulogy for Ioan Polivotski” by Patriarch Euthymius of Tarnovo, and in the title Κατὰ εἰκονομάχων from the Slavonic translation of Euthymius Zigabene’s “Panoplia Dogmatica”. The two sources differ from each other in specific features which excludes the possibility of searching a direct textual and

linguistic correlation, but allows to speak about a common thematic frame and linguistic tendencies. Patriarch Euthymius' work aims to achieve moral and political unity in face of the Ottoman threat to the Balkans. The translation of "Panoplia Dogmatica" in the very beginning of the 15th century is a spiritual answer of the Mount Athos monastic brotherhood at the same historical moment. The actualization of the iconoclasm issue in the second half of the 14th – the beginning of the 15th centuries is not accidental. The literary legacy of Orthodoxy has always been an armor in the defense of spiritual values and a factor in the consolidation between people, ruler and religion in turbulent historical times. To prove this thesis, lexical comparisons are made in the lexicon against iconoclasm of the two works in key semantic fields: names of iconoclasts, the semantic lines icon-idol; words terms, composita, etc. As an appendix, the text of the unique preserved copy of the title against the iconoclasts in Slavonic translation is added according to manuscript Ms. Slav. BAR 296 from the Library of the Romanian Academy.

Keywords

iconoclasm, Eulogy for Ioan Polivotski, Panoplia Dogmatica

References

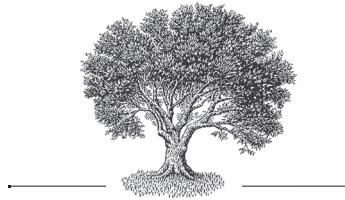
- Apresyan Yu. D., *Leksicheskaiia semantika. Sionimicheskie sredstva iazyka*, Moscow, 1974.
- Berke M., *An annotated edition of Euthymios Zigabenos, Panoplia Dogmatikē, Chapters 23–28*, Belfast, 2011.
- Boeck El. N., *Imagining the Byzantine past: the perception of history in the illustrated manuscripts of Skylitzes and Manasses*, Cambridge, 2015.
- Christov Iv., Hristova A., Conceptual Structure and Linguistic Characteristics of the Categorial and Logical Terms in the Miscellany of Tzar Symeon, *Bulgarian Philosophical Review*, 3, 2013, 15–61.
- Christov Iv., Ribolov Sv., eds., John of Damascus, *The Fount of Knowledge, 2: An Exact Exposition of the Orthodox Faith*, 1 (= *Fontes theologiae et philosophiae christianaæ*), Sofia, 2019.
- Denev Iv., Tri izoblichitelni slova na Sv. Teodor Studit sreshutu ikonobortsite, *Dukhovna kultura*, 10, 1987, 11–23.
- Flusin B., Le triomphe des images et la nouvelle définition de l'orthodoxie. À propos d'un chapitre du De Ceremoniis (I.37), A. Rigo, P. Ermilov, eds., *Orthodoxy and Heresy in Byzantium. The definition and the notion of orthodoxy and some other studies on the heresies and the non-Christian religions* (= *Quaderni di Nea Rhome*, 4), Rome, 2010, 3–20.
- Gagova N., Poruchval li e despot Stefan Lazarevich prevoda na „Dogmatischesko vseoruzhie“ ot Evtimii Zigavin, *Rulers and Books. The Participation of South Slavic Rulers in Bookproduction and Book Use During The Middleages (9th–15th century): Reception of The Byzantine Model*, Sofia, 2010, 130–140.
- Grasheva L., ed., *Stara bulgarska literatura, 2: Oratorska proza*, Sofia, 1982.
- Hristova-Shomova I., *Bog be slovo: etiudi vurkhu khristianstvoto, vidiano prez prizmata na ezika*, Sofia, 2016.
- Hubanchev A., Religious-Philosophical and Theological Issues of St. Evtimiy Turnovski Praise for St. John Polivotski, *Philosophical Alternatives*, 3, 1993, 104–113.
- Humphreys M., ed., *A Companion to Byzantine Iconoclasm* (= Brill's Companions to the Christian Tradition, 99), Leiden, 2021.
- Ilieva T., *Terminological vocabulary in the translation of „De Fide Orthodoxa“ by John Exarch*, Sofia, 2013.
- Ilieva T., The Trinitarian Terms in John The Exarch's Translation of "De Fide Orthodoxa", *Contributions. Section of Linguistic and Literary Sciences*, 45/1–2, 2020, 77–99.
- Ivanova Kl., ed., Patriarkh Evtimii, *Suchinenia*, Sofia, 1990.
- Ivanova Kl., O slavianskom perevode Panoplii dogmatiki Evfimii Zigavina, *Issledovaniia po drevnei i novoi literature*, Leningrad, 1987, 101–105.
- Ivanova Kl., Pokhvalnoto slovo za Ioan Polivotski ot Evtimii Turnovski, *Medieval Bulgarian Literature*, 12, 1982, 30–53.
- Kassia (Senina T.), nun., ed., *Zhitia vizantiiskikh sviatykh epokhi ikonoborchestva*, 1, St. Petersburg, 2015.
- Kenanov D., ed., Kahužniacki E., *Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375–1393)*, Veliko Tarnovo, 2010.

- Kenanov D., *Oratorskata proza na Patriarkh Evtimii Turnovski*, Veliko Tarnovo, 1995.
- Koev T., *Dogmaticheskite formulirovki na Sedemte vselenski subora*, Sofia, 2011.
- Kotter B., *Die Schriften des Johannes von Damaskos, 2: Expositio Fidei* (= Patristische Texte und Studien, 12), Berlin, 1973.
- Lampe G. W. H., ed., *A Patristic Greek Lexicon*, Oxford, 1961.
- Liddell H. G., Scott R., eds., *A Greek-English Lexicon*, Oxford, 1996.
- Maksimovich K. A., *Vizantiiskaia Cintagma 14 titulov bez tolkovaniï v drevnebolgarskom perevode. Slaviano-grecheskii, grechesko-slavianskii i obratnyi (slavianskii) slovoukazateli*, 1–2, Frankfurt am Main, 2010.
- Miltenov Ya., *Dialozite na Psevdo-Kesarii v slavanskata rukopisna traditsia*, Sofia, 2006.
- Mircea I., *Répertoire des manuscrits slaves en Roumanie. Auteurs byzantins et slaves*, révision du texte slave P. Bojčeva, révision du texte français S. Todorova, Sofia, 2005.
- Panaitecu P., *Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR*, 1, Bucureşti, 1959.
- Rigo A., "La Panoplie dogmatique" d'Euthyme Zigabène: les Pères de l'Église, l'empereur et les hérésies du présent, A. Rigo, P. Ermilov, eds., *Byzantine theologians. The systematization of their own doctrine and their perception of foreign doctrines* (= Quaderni di Nea Rhome, 3), Rome, 2009, 19–32.
- Taseva L., Materiali za reduplicatsiata na predstavkata su- u iuzhnoslavianski srednovekovni tekstove, Ladyženskij I. M., Puzina M. A., eds., *Sub specie aeternitatis: sbornik nauchnykh statei k 60-leitiu Vadima Borisovicha Krys'ko*, Moscow, 2021, 453–465.
- Tenekedjiev L., Uchenieto na sv. Ioan Damaskin za pochitaneto na sv. ikoni, *Dukhovna kultura*, 4, 1988, 12–22.
- Totomanova A.-M., Christov Iv., eds., *Terminologichen rechnik na Ioan Ekzarkh*, Sofia, 2019.
- Tsibranska-Kostova M., About the Vocabulary with Foreign Origin in Patriarch Euthymius' Original Works, *Tarnovo Literary School*, 11/1, 2019, 268–282.
- Vasiljev L., Grozdanović M., Jovanović B., Novo datiranje srpskih rukopisa u Biblioteći Rumunske akademije nauka, *Arheografski prilozi*, 2, 1980, 41–69.
- Wolski J. M., Bogomils in View of the Life of Hilarius of Moglena by Euthymius of Tarnovo, *Palaeobulgarica*, 37/4, 2013, 74–81.

Марияна Цибранска-Костова, доктор на филологическите науки, професор Института за български език на БАН, София 1619, бул. Шипченски проход, № 52, бл. 17
България / Bulgaria
m.tsibranska@gmail.com; tzibran@abv.bg

Received November 1, 2021

Толковый Апостол Александра Солтана*

Мария Владимировна
Корогодина

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

The Apostle with Commentaries of Alexander Soltan

Maria V. Korogodina

V.V. Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy of
Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Толковый Апостол, принадлежавший маршалку Александру Солтану, выделяется среди славянской рукописной традиции толковых книг. Рукопись имеет много общего с Христинопольским Апостолом XII в. Оригинальные дополнения Толкового Апостола Александра Солтана позволяют утверждать, что ее протограф редактировался в середине XII в. Толковый Апостол, хранившийся в Вильно, стал одним из источников Библии Матфея Десятого (1502–1507) и дал толчок для необычного оформления библейской рукописи. В начале XVIII в. книга попала в руки букинистов и была разделена на три части для продажи. В настоящее время разыскано две из трех частей, хранящиеся в Москве и Санкт-Петербурге.

* Исследование выполнено при Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект «Moscovia & Ruthenia XV–XVII вв.: взаимовлияние письменных традиций в сфере богослужения, канонического права, системы образования и богословия», № 20-18-00171. Автор приносит искреннюю благодарность за безотказную помощь, обсуждение в ходе исследования и высказанные замечания и соображения М. А. Бобрик, С. М. Михееву, М. О. Новак, А. Г. Сергееву и С. Ю. Темчину.

Цитирование: Корогодина М. В. Толковый Апостол Александра Солтана // Slověne. 2022. Vol. 11, № 2. С. 92–124.

Citation: Korogodina M. V. (2022) The Apostle with Commentaries of Alexander Soltan. *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 92–124.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.5

Ключевые слова

Толковый Апостол, библейские книги, переводы с греческого языка на русский, палеография

Abstract

The Apostle with Commentaries that belonged to Marszałek Alexander Soltan differs from the Slavic manuscript tradition of books with commentaries. The manuscript has common features with the Christinopol Apostle of the 12th century. The original additions of the Apostle of Alexander Soltan show that its protograph was edited in the middle of the 12th century.

The Apostle of Alexander Soltan, which was kept in Vilnius, was one of the sources for the Bible of Matthew the Tenth (1502–1507) and encouraged Matthew to add original margins and signs in his Bible. In the beginning of the 18th century the Apostle of Alexander Soltan fell into the hands of second-hand booksellers, and was divided by them into three parts. Two of them are kept in Moscow and St. Petersburg now.

Keywords

Apostle with Commentaries, Biblical books, translations from Greek into Russian, palaeography

Введение

Толковый Апостол относится к числу книг Священного Писания с толкованиями, которые имели важнейшее значение для восприятия христианского богословия в славянских странах. Он включает в себя Деяния и послания апостолов, отдельные стихи которых сопровождаются толкованиями различных отцов Церкви. Вслед за греческой традицией, Толковый Апостол может включать тексты из справочно-го «аппарата Евфалия»: предисловия и оглавления посланий, а также перечни цитат из Ветхого Завета, ссылки к другим частям Священного Писания и ряд иных вспомогательных текстов¹. Толковый Апостол давно привлекает внимание исследователей [Kałužniacki 1896; Маслов 1910; Алексеев 1988; Бобрик 2011а, Eadem 2011б, Eadem 2011в; Михеев 2021]², трудами которых было разыскано немалое число списков XII–XVIII вв.³ До XVI в. в восточнославянских землях наибольшее значение имели три редакции Толкового Апостола: древнейшая, старший

¹ Предисловия и оглавления к Апостолу из аппарата Евфалия изданы [Van der Tak 2003; Blomkvist 2012]. Об аппарата Евфалия в славянской традиции см. [Новак 2018; Темчин 2021].

² Полная библиография работ, посвященных Толковому Апостолу и вышедших до 2013 г., включена в библиографический свод [Бобрик 2013].

³ С. М. Михеев называет около 50 рукописных восточнославянских копий Толкового Апостола различных редакций, опираясь на материалы, предоставленные М. А. Бобрик [Бобрик 2011в: 269; Михеев 2021: 257–258].

Христинопольский список которой датируется серединой XII в.; тырновская XIV в.; и контаминированная, возникшая не позднее XV в. и соединившая в себе первые две редакции [Бобрик 2011а; Eadem 2011в: 267–269]. Ко времени до XVI в. относится 22 восточнославянских списка⁴, что представляет собой значительную презентативную рукописную традицию, которая позволяла исследователям делать обоснованные заключения относительно особенностей Толкового Апостола, этапов его бытования и редактирования.

В этой ситуации изучение одного списка, далеко не самого раннего, как сначала представляется, мало что может изменить в общих выводах относительно судьбы Толкового Апостола. Действительно ли это так, покажет настоящее исследование, посвященное кодексу, ранняя история бытования которого связана с именем маршалка Великого княжества Литовского Александром Александровичем Солтаном, сыном подскарбия Александра Юрьевича Солтана.

До сих пор считалось, что от кодекса, вложенного Александром Александровичем Солтаном в виленский Троицкий монастырь, сохранился лишь начальный фрагмент в составе конволюта БАН. 31.3.24 [Сергеев 2019]. В этой рукописи от кодекса Александра Солтана уцелели соборные послания, а также послание апостола Павла римлянам и почти целиком первое послание коринфянам. В ходе настоящего исследования выяснилось, что Е. Е. Егоровым была приобретена заключительная часть книги [РГБ. Егор54]. В этой рукописи представлены сочинения апостола Павла от послания филиппийцам почти до конца послания Филимону. Таким образом, не разыскана (или утрачена) середина кодекса с частью апостольских посланий. Очевидно, что Деяний в этой рукописи, как и во многих иных списках Толкового Апостола [Бобрик 2011в: 268], не было — на это однозначно указывает как вкладная запись, помещенная в начале кодекса, так и нумерация тетрадей. Таким образом, настоящее исследование будет посвящено Толковому Апостолу, включавшему соборные и апостольские послания и сохранившемуся фрагментарно в двух кодексах: БАН. 31.3.24 и РГБ. Егор54, который далее называется Апостолом Александра Солтана.

---

⁴ Перечень списков Толкового Апостола XII–XV вв. составлен мною на основе сводных каталогов, предварительных списков славяно-русских рукописных книг XI–XV вв. и разысканий в рукописных хранилищах и в дальнейшем может быть уточнен. Перечень включает следующие рукописи: XII в.: Христинопольский Апостол (о нем см. ниже); XIII в.: ГИМ. Син7; XIV в.: РНБ. Погод27, Погод30; XV в.: БАН. 31.3.24, Плиг51 (21.4.9); ГАТО. Инв984; ГИМ. Барс122, Син18, Увар63-1°, Увар352-4°; РГАДА. Саров152; РГБ. Егор54, Егор1654, Овч44, Синод239, ТСЛ116, ТСЛ117, Ун021; РНБ. Ф.п.1.24, Солов24/24; ЯМЗ. Инв15246.

История изучения Апостола Александра Солтана

Рукопись БАН. 31.3.24 была атрибутирована как Апостол с толкованиями и кратко описана В. И. Срезневским более ста лет назад [Срезневский 1905: 24–25; Срезневский, Покровский 1910: 34–35]. Первый хранитель рукописного отделения Библиотеки Академии наук отметил, что лишь начальные 199 листов кодекса относятся к XV в., а остальные дописаны в XVIII столетии. Из беглой характеристики содержания следует, что в список включены соборные и апостольские послания, без Деяний; в качестве «помещенного по ошибке» В. И. Срезневский выделил месяцеслов в середине кодекса. В наибольшей степени исследователя заинтересовала вкладная запись Александра Солтана в виленский Троицкий монастырь, расположенная в начале кодекса. В. И. Срезневский воспроизвел запись, прочитав дату вклада как 6968, что поневоле заставило отнести кодекс ко времени до 1460 г.

Несмотря на то, что рукопись представлена в двух печатных описаниях В. И. Срезневского, до последнего времени она почти не привлекала внимания ученых и упоминалась лишь в ряду других рукописных книг при проведении комплексных исследований. Так кодекс вошел в предварительный список славяно-русских рукописей XV в. [ПС XV 1986: № 1786] и в перечень книг, подаренных С. П. Алексеевым в 1854 г. Библиотеке Академии наук в составе коллекции, купленной Алексеевым после смерти Ф. А. Толстого [Уо 1980: 85, 95]. Единственным опытом обращения к тексту данной рукописи является исследование математическими методами соборных посланий, предпринятое Ральфом Клеминсоном [Клеминсон 2013: 31–61]⁵, однако автор неставил своей целью охарактеризовать привлекаемые рукописи.

Впервые кодекс как самостоятельный памятник был упомянут Ф. В. Панченко в статье, посвященной использованию знаков нотации в качестве редакторских значков в Библейском сборнике Матфея Десятого [БАН. СрезнII75], переписанном в 1502–1507 гг. Толковый Апостол указан в качестве параллели: в нем нет знаков нотации, но исследовательница отметила многочисленные (более 160, по подсчетам Ф. В. Панченко) и разнообразные редакторские знаки, в том числе напоминающие глаголицу, и предположила, что Матфей Десятый мог видеть кодекс Солтана в Вильне. Кроме того, Ф. В. Панченко обнаружила, что те же писцы, которые в начале XVIII в. восполнили утраченный в Апостоле Солтана текст, сделали копию с уже дополненной рукописи [БАН. 34.5.19; Панченко 2015, 2: 207–208]⁶.

⁵ Точную дату (1462/63) при характеристике кодекса следует считать недоразумением.

⁶ Те же наблюдения опубликованы Ф. В. Панченко в коллективном исследовании, сопровождающем факсимильное издание Библейского сборника [Библия Матфея Десятого 2020, 2: 120].

Единственное исследование, посвященное рукописи БАН. 31.3.24, принадлежит А. Г. Сергееву, который датировал начальную часть кодекса по водяным знакам 1470–1480-ми гг. [Сергеев 2019: 245]. Это заставило автора заново обратиться к вкладной записи Александра Солтана, в которой В. И. Срезневский прочитал число десятков как **Ѣ** (60). А. Г. Сергеев доказал, что в числе десятков писец использовал букву **Ҁ** вместо более распространенной в конце XV в. литеры **Ч** в значении 90; следовательно, вклад был сделан в 6998 (1489/90) г. Кроме того, исследователь обнаружил, что при создании Толковой Псалтыри, написанной по заказу Александра Солтана в 1470-е гг. [ГИМ. Барс97], отчасти использовалась та же бумага, что и в Толковом Апостоле. Это позволило А. Г. Сергееву предположить, что Александр Солтан являлся не только вкладчиком, но и заказчиком Толкового Апостола [Сергеев 2019: 246–247]. Попутно исследователь подкрепил наблюдения Ф. В. Панченко относительно копии Толкового Апостола, снятой в начале XVIII в., выяснив, что дополнения к фрагменту XV в. [БАН. 31.3.24] и копия XVIII в. [БАН. 34.5.19] частично написаны на одной бумаге.

Наконец, в ходе настоящего исследования автором было выполнено описание рукописи БАН. 31.3.24 с подробной характеристикой ее внешних особенностей и содержания [Корогодина et al. 2022: 171–192].

Заключительная часть Толкового Апостола Александра Солтана [РГБ. Егор54] изучена в меньшей степени. Кодекс учен в предварительном списке рукописей XV в. [ПС XV 1986: № 1787]. Т. В. Анисимова подготовила краткое описание рукописи для каталога рукописей Е. Е. Егорова, в котором датировала фрагмент последней четвертью XV в. и перечислила сохранившиеся в нем послания апостола Павла [Анисимова 2017, 1: 145–147]. Для исследования рукопись привлекалась только С. М. Михеевым, отметившим в ней, как и во многих других списках Толкового Апостола, знаки сносок на полях, являющиеся следами рамочной катены [Михеев 2021: 257, 260]. В качестве двух фрагментов одной книги кодексы БАН. 31.3.24 и РГБ. Егор54 до сих пор не рассматривались.

Таким образом, особенности состава Апостола Александра Солтана и его связь с рукописной традицией Толковых Апостолов до настоящего времени не изучались. Несмотря на возникший в последние годы интерес к обеим сохранившимся частям книги, она оставалась «невидимкой» для исследователей Толкового Апостола как особого типа книги.

Создание Апостола Александра Солтана

Важнейшие наблюдения, касающиеся создания рукописи, были сделаны А. Г. Сергеевым, который датировал кодекс 1470-ми гг. и предположил, что книга была заказана Александром Солтаном, вложившим ее

в виленский Троицкий монастырь в 1489/90 г. [Сергеев 2019: 245–248]. Выводы исследователя можно дополнить, обратившись к той же Толковой Псалтыри [ГИМ. Барс97], на которую указал А. Г. Сергеев.

Эта рукопись написана одним писцом, обладавшим не вполне устойчивым почерком, начертания которого постепенно менялись. Тем же почерком переписано тридцать листов в Толковом Апостоле [БАН. 31.3.24, л. 154–183об.], причем почерк в Апостоле наиболее близок к начерткам в конце Псалтыри. Таким образом, в обоих кодексах использовалась одинаковая бумага и участвовал один писец; обе рукописи принадлежат к числу толковых текстов. Это позволяет считать несомненным, что они были созданы по инициативе одного заказчика — Александра Солтана; возможно, Апостол появился немного позже Псалтыри. Участие одного писца в создании кодексов позволяет предполагать, что они были переписаны в одном месте — во Владимире Волынском, как об этом сказано в выходной записи Псалтыри.

Гораздо сложнее определить, когда были переписаны обе толковые книги. П. В. Бубнов, сопоставлявший вклады Александра Солтана, обратил внимание на то, что в конце Толковой Псалтыри находится не цельная выходная запись, а две записи о создании книги, написанные разными почерками [Бубнов 2018: 175]. К наблюдениям исследователя необходимо добавить, что орфография записей также разительно отличается, причем нижняя запись выполнена писцовским почерком, верхняя же запись оставлена человеком, не участвовавшим в подготовке кодекса. В писцовой выходной записи упоминается архиерей и место создания книги, но не содержится даты: «Сия книга Псалтырь толковый пана Солтановъ сына пана Олиссандра подскарбъего Литовъскаго, писана у Володимери, при епискупъ Демьянѣ. Въсякии, хотячию чести, прежде неже начнешь, вздохни и прослези, да ти Господъ Богъ отверзетъ умъ разумѣти вся написанная въ неи» [ГИМ. Барс97, л. 363]. Дата указана в верхней записи, содержащей формулу, повторяющуюся в выходных записях книг, созданных по замыслу Александра Солтана в 1487–1488 гг. (формула ниже выделена курсивом): «Въ лѣто 6980, индикта 11, месяца декабря написана бысть книга сиа на имя Псалтирь тлъковый *при дръжавѣ великаго короля Казимира, повелением пана Солтана, нареченаго въ святымъ крещеніи Александра Александровичя*⁷. Возможно, первоначальная писцовая запись в Толковой Псалтыри была дополнена в 1487–1488 гг. Вероятно, эта формула использовалась непродолжительное время, учитывая, что вкладная запись 1489/90 г. в Толковом Апостоле имеет совсем другую форму.

⁷ Тексты других писцовых и вкладных записей из книг Александра Солтана воспроизведены в исследовании П. В. Бубнова [Бубнов 2018: 178, 180].

Таким образом, дата создания рукописи была приписана позже, возможно — спустя многие годы. П. В. Бубнов обратил внимание на противоречивость года и индикта: в декабре 6980 г. был 5-й индикт; а 11-й индикт соответствует 6986 (1477) г.; следовательно, составитель дополнительной записи ошибся либо в году, либо в индикте. Писцовая запись, в которой указан епископ Владимирский Дамиан, еще больше запутывает ситуацию, поскольку этот архиерей единственный раз упоминается в независимом источнике под 1487 г., причем до него в 1485 г. правил иной Владимирский владыка [Теодорович 1893: 45–46]. Остается предполагать, что епископ Дамиан всходил на кафедру дважды: до 1485 и между 1485–1487 гг. Решить окончательно вопрос о датировке Толковой Псалтыри на данном этапе не представляется возможным. Однако учитывая, что как упоминание епископа Дамиана, так и все книжные интересы Александра Солтана относятся к 1480-м гг., более обоснованной представляется позднейшая дата написания Толковой Псалтыри — 1477 г. Водяные знаки рукописи, относящиеся к 1470–1480-м гг., не противоречат этому предположению. Вероятно, тогда же, около 1477 г., по заказу Александра Александровича Солтана во Владимире Волынском был создан Толковый Апостол, позднее вложенный владельцем в Троицкий монастырь в Вильне.

Два Апостола: Христинопольский и Александра Солтана

Сопоставление Апостола Александра Солтана с тремя ранними редакциями Толкового Апостола, охарактеризованными М. А. Бобрик [Бобрик 2011а], показывает, что интересующая нас рукопись относится к древнейшей славянской редакции Толкового Апостола, которая представлена несколькими ранними списками. Старший из них известен как Христинопольский Апостол по месту своего хранения в XIX в.; по крайней мере с XV в. рукопись находилась в Городищенском монастыре в Западном Буге [Михеев 2021: 247]. В настоящее время фрагменты рукописи разысканы в четырех хранилищах [ЛИМ. Рук39; ИР НБУ. VIII3M; Czart. Rkps11601; BAR. Ms.sl.790; СК XI – XIII 1984: 101–103, № 59, 60; СК XIV 2002, 1: 563, № 59, 60; Marti 1989: 176; Гнатенко 2012: 49–51, 105–120; Волощенко 2021: 114–116]⁸. Рукопись датируется исследователями серединой XII в. [СК XIV 2002, 1: 563, № 59, 60]. Э. Калужняцкий и С. И. Маслов обратили внимание на близость Христинопольского Апостола по языковым чертам и палеографическим особенностям к

⁸ Основная часть рукописи, хранящаяся во Львове, доступна на сайте [HMML Reading Room]. Благодарю С. Ю. Темчуна за указание на краковскую часть рукописи и М. А. Бобрик за указание на румынскую часть. Обе эти части остались мне недоступны; в дальнейшем исследование опирается преимущественно на основную, львовскую часть рукописи.

Галицкому Евангелию (1144). Аргументация исследователей была развита С. М. Михеевым, который сузил датировку Христинопольского Апостола до 1145–1153 гг. [Kałužniacki 1896: XI–XII; Маслов 1910: 239; Михеев 2021: 248–249].

Следующий по старшинству список Толкового Апостола датируется 1220 г. и предположительно происходит из Ростова Великого [СК XI–XIII 1984: 197–198, №175]. Эта рукопись, как и все позднейшие, имеет существенные отличия от Христинопольского Апостола в расположении толкований, составе справочного аппарата Евфалия и календарной и литургической разметке. Различия между списками одной редакции Толкового Апостола побуждают нас сопоставлять Апостол Александра Солтана в первую очередь с наиболее ранним списком – Христинопольским Апостолом, лежащим в основе восточнославянской традиции Толкового Апостола.

Христинопольский Апостол является единственным представителем в славянской традиции рамочной катены, распространенной в греческих рукописях, при которой основной текст Священного Писания написан в строку в центре листа, а катены (толкования) располагаются на полях и связаны с основным текстом системой нумерации или особыми редакторскими знаками сносок. Рукопись имеет два «слоя» катен: первоначальные редкие толкования сопровождают только Деяния и соборные послания. Они написаны писцовским почерком на полях и связаны с текстом знаками сносок. Эти толкования (вслед за С. М. Михеевым мы будем называть их схолями в отличие от записанных позже на полях Христинопольского Апостола катен) до сих пор не были разысканы в более поздних списках Толкового Апостола и, таким образом, расценивались исследователями как маргинальная особенность Христинопольского Апостола.

Помимо редких ранних схолий, на полях Христинопольского Апостола выписаны многочисленные катены, сопровождающие каждый фрагмент Священного Писания. Мелкие фрагменты, длиной в короткую фразу или даже одно-два слова, пронумерованы; те же номера представлены для катен на полях, связывая основной текст и толкования. Катены сопровождают только соборные и апостольские послания, без Деяний. На тех листах, где расположены схолии, катены «обходят» их по внешнему краю. Это непреложно указывает на то, что катены, выполненные мелким ранним полууставом с использованием лигатур, были написаны позже схолий. Датировка катен значительно колебалась: первые исследователи относили их к XIV–XV в. [Kałužniacki 1896: XIII; Маслов 1910: 230; СК XI–XIII 1984: 101]; однако А. А. Турилов предложил датировать их по палеографическим признакам XII в. [СК

XIV 2002, 1: 563]. В пользу последней датировки говорит использование одинаковых редакторских знаков сносок при схолиях и при катенах⁹.

Редакторскими знаками, как правило, отмечены те катены, которые относятся не к комментируемому фрагменту целиком, а к его части или определенному слову. В качестве редакторских знаков в Христинопольском Апостоле использовались некоторые буквы латинского алфавита (только при схолиях), символы, напоминающие буквы глаголицы, а также множество иных непривычных для славянской письменности обозначений. Как показано в исследовании И. И. Шевченко и О. Б. Страховой, символы Христинопольского Апостола повторяют широко распространенные в греческих рукописях редакторские знаки [Strakhov 2011: 28–34]. Можно полагать, что писцы не перерисовывали эти знаки из источника, а создавали их по подобию увиденных в оригинале, руководствуясь принципом неповторяемости обозначений. Постоянно меняя детали в изображении знаков или воспроизведя их зеркально, писцы создали более 110 символов¹⁰, из которых 94 встречаются в кодексе единственный раз. Только один знак повторен на 9 листах, а остальные повторяющиеся знаки записаны от двух до пяти раз.

С. М. Михеев выявил в ряде более поздних списков Толкового Апостола аналогичные редакторские знаки [Михеев 2021: 256–257]. Они сохраняются как в списках древнейшей редакции, так и в контаминированной редакции, которая воспроизводит текст соборных посланий по древнейшей редакции. В разных списках находятся единичные редакторские знаки в тех же местах, что и в Христинопольском Апостоле, более или менее сходные по начертаниям. В поздних списках обозначения теряют свою функцию знаков сносок: они отмечают те же катены, что и в Христинопольском Апостоле, но толкования записаны подряд с основным текстом, так что надобность в редакторских знаках отпадает.

Апостол Александра Солтана, подобно другим поздним спискам, повторяет отдельные знаки, сопровождающие катены и свойственные Христинопольской рукописи¹¹. Однако от всех остальных списков Толкового Апостола кодекс Солтана отличает необычайное обилие и разнообразие новых редакторских знаков. Создатели Апостола Солтана руководствовались тем же принципом неповторяемости редакторских обозначений, что и писцы Христинопольского Апостола. Можно полагать, что рукопись, с которой копировался текст для Апостола Солтана,

⁹ Ср. знаки на л. 44, 82об., 198об.; на л. 83 и 102; на л. 21об., 279об. и 284.

¹⁰ Подсчет велся по львовской части Христинопольского Апостола. Несомненно, с учетом других частей кодекса и несохранившихся листов число неповторимых знаков в рукописи было существенно больше.

¹¹ Ср. *Христ.*, л. 2об. и *Солт.*, л. 26; *Христ.*, л. 5об. и *Солт.*, л. 32; *Христ.*, л. 10 и *Солт.*, л. 31об.; *Христ.*, л. 68об. и *Солт.*, л. 35об. и многие другие.

была столь же насыщена редакторскими знаками, как и Христинопольский Апостол. Одни знаки Апостола Солтана повторяют облик обозначений в Христинопольском Апостоле, другие были придуманы писцами, трудившимися над Апостолом Солтана. Поскольку катены в кодексе Солтана не вынесены на поля, писцы использовали редакторские знаки для указаний на день недели, к которому относилось то или иное чтение, и для названий глав Евфалия, написанных на полях. Как и в Христинопольском Апостоле, знаки в Апостоле Солтана почти не повторяются, так что в двух известных фрагментах кодекса [БАН. 31.3.24; РГБ. *Egor54*] различных знаков насчитывается более 300.

Использование рамочной катены и своеобразных редакторских знаков, как было отмечено исследователями, указывает на то, что Христинопольский Апостол создавался в контактной зоне, где влияние греческих традиций оформления рукописной книги было чрезвычайно сильно. Среди других особенностей, характерных для греческих рукописей, следует указать регулярное написание в числах второго десятка сначала числа десятков, а потом единиц¹²; а также числовое обозначение дней недели в календарной разметке, выполненной писцовыми почерком на полях. В отличие от славянских рукописей, для которых характерно наименование дней недели словами, в греческих рукописях и в Христинопольском Апостоле дни недели обозначались номерами, начиная с воскресного дня («недели»).

Употребление букв латинского алфавита и латинские маргиналии на полях Христинопольского Апостола, а также появление глаголических букв в качестве редакторских знаков, наряду с перечисленными выше особенностями, характерными для греческих рукописей, указывает на то, что Христинопольский Апостол создавался в регионе, где сочетались различные культурные традиции. Это согласуется с выводами исследователей о подготовке кодекса в галицко-волынских землях [Kałužniacki 1896: XI–XII; Маслов 1910: 239; Михеев 2021: 248–249], пограничных с венгерскими латинскими территориями. Через эти земли пролегал путь церковных дипломатических миссий, отправлявшихся в Константинополь к патриарху или возвращавшихся оттуда с новыми архиереями-греками.

Не все особенности Христинопольского Апостола находят соответствие в более поздней рукописной традиции, но некоторые его черты повторяются в Апостоле Александра Солтана. В этой рукописи XV столетия в полном объеме, в отличие от других кодексов, воспроизведен богатый справочный аппарат Евфалия, отличающий Христинопольский Апостол. Вспомогательные тексты из аппарата Евфалия: подсчеты числа чтений и глав и перечень цитат из Ветхого Завета в посланиях

¹² Эта особенность была отмечена С. М. Михеевым [Михеев 2021: 258].

апостола Павла были записаны в Христинопольском Апостоле перед предисловием Евфалия к посланию римлянам. Все эти тексты в полном объеме и в той же последовательности были включены в Апостол Александра Солтана. Переписчики Толкового Апостола обычно исключали эти вспомогательные тексты или оставляли лишь первую из статей¹³. В полном объеме тексты из аппарата Евфалия воспроизведены в троицком Толковом Апостоле [РГБ. ТСЛ118], который близко повторяет особенности Христинопольского Апостола в части соборных и апостольских посланий¹⁴.

Если подсчеты глав и цитат в посланиях апостола Павла, очевидно, были мало востребованы, то предисловия и оглавления Евфалия к каждому посланию сохранялись в позднейших списках. Разбивка на главы Евфалия была выполнена в Христинопольском Апостоле на полях, причем названия глав были написаны в сокращенном виде. В Апостоле Александра Солтана названия глав Евфалия также оставлены на полях и имеют сокращенную форму, тогда как в других списках они обычно вносились в текст и полностью повторяли пространные формулировки оглавления¹⁵.

Наконец, еще одна редкая особенность Христинопольского Апостола, восходящая к греческой традиции, повторена в рукописи Александра Солтана: обозначение числами дней недели. В Толковых Апостолах изначально отсутствовали указания на зачала, необходимые, прежде всего, для богослужения. Однако уже в Христинопольском Апостоле присутствует календарная разметка на полях писцовским почерком, указывающая начало чтения на каждый день в виде номера дня и номера недели, например: «3. 21», что означало вторник 21-й седмицы по Пятидесятнице. Позднее в Христинопольском Апостоле были добавлены на полях номера зачал, а календарные указания изменены на более привычную в славянской традиции форму, с обозначением дней недели словами. Именно в таком виде — с указанием зачал и словесным наименованием дней недели литургическая разметка присутствует в позднейших списках Толкового Апостола. Однако ранние списки сохранили

¹³ В двух старших списках Толкового Апостола: ГИМ. Син7, л. 7–8 (1220 г.) и РНБ. ПогодЗ0, л. 4об.–5об. переписаны только подсчеты числа глав и чтений, без перечня ветхозаветных цитат.

¹⁴ Толковый Апостол РГБ. ТСЛ118 включает Деяния в переводе Максима Грека и соборные и апостольские послания в древнейшем славянском переводе.

¹⁵ См. также [Михеев 2021: 258]. Нельзя согласиться с автором, что сокращенные названия глав Евфалия в Христинопольском Апостоле в сравнении с полными названиями в других списках служат доказательством, что Христинопольский Апостол не мог лежать в основе последующей традиции. Полные названия глав могли быть легко выписаны из оглавлений; именно по этой причине в разных рукописях заголовки сокращены по-разному.

следы первоначальной календарной разметки. В рукописи ГИМ. Син7 (1220 г.) календарные даты либо отсутствуют, либо записаны числами¹⁶. В рукописи РНБ. Погод30 (XIV в.) писец сохранил обозначение дней недели числами, начиная с послания галатам до конца первого послания фессалоникийцам [РНБ. Погод30, л. 82об.–127], хотя в остальной части кодекса заменил номера словесными наименованиями дней недели. Лишь Апостол Александра Солтана и рукопись РГБ. ТСЛ118, близко повторяющая состав Христинопольского кодекса, полностью сохранили чуждое для славянской традиции числовое обозначение дней недели.

Таким образом, Апостол Александра Солтана имеет ряд общих черт с Христинопольским Апостолом: обильное использование редакторских знаков выноски и копирование ряда графем Христинопольского Апостола; числовое обозначение дней недели; сохранение аппарата Евфалия в полном объеме в том же месте книги; сохранение названий глав Евфалия в сокращенном виде на полях. Обе рукописи происходят из галицко-волынского региона: создание Христинопольского Апостола предположительно связано с Галицкой землей; Апостол Александра Солтана был переписан, вероятно, во Владимире Волынском. При этом Апостол Александра Солтана имеет несомненные текстологические отличия от Христинопольского кодекса. Это позволяет допустить, что оригиналом для Апостола Александра Солтана послужила рукопись, повторявшая особенности Христинопольского Апостола в гораздо большей степени, чем известные сейчас списки. Впрочем, изложенными наблюдениями не ограничивается сходство двух Апостолов.

Древнейшие схолии славянского Толкового Апостола

Одной из ярких черт Христинопольского Апостола являются ранние схолии к отдельным стихам Деяний и соборных посланий. Учитывая чрезвычайно широкие поля кодекса, нет сомнений, что текст изначально предполагалось сопроводить комментариями в виде рамочной катены. Неизвестно, почему первоначальных схолий оказалось так мало и были ли они переведены непосредственно для Христинопольского Апостола или скопированы из иной славянской рукописи. М. А. Бобрик, изучавшая схолии к Деяниям, отметила погрешности в расположении схолий, в том числе соединение двух схолий в одно толкование, что привело ее к выводу о копийном характере схолий в Христинопольской рукописи¹⁷.

¹⁶ См., например, ГИМ. Син7, л. 226об., 228, 230об. и др.

¹⁷ Данные приводит С. М. Михеев [Михеев 2021: 254] со ссылкой на неопубликованный доклад М. А. Бобрик «Толкования на Деяния в Христинопольском толковом Апостоле XII в.: Вопрос о происхождении, содержании, языке», прочитанный в 2015 г. в Институте русского языка РАН (Москва).

Наблюдения, сделанные М. А. Бобрик на материале Деяний, можно дополнить, обратившись к схолиям соборных посланий. В них находится только шесть схолий, расположенных на соседних листах. Лишь одно надписано именем Максима Исповедника, остальные в рукописи не имеют автора, но церковная традиция связывает их все с именем пресвитера Андрея (VII–VIII в.) [Писляков 2001: 380]¹⁸. Возможно, появление схолий одного автора говорит о том, что они были переведены из одного источника.

Все схолии к соборным посланиям, кроме одной, связаны писцом не с тем стихом, к которому относится толкование. При этом большинство данных толкований вошли в другом переводе в состав пространных катен, которые были записаны в Христинопольском Апостоле немного позже схолий. В отличие от схолий, катены безошибочно сопровождали те стихи Священного Писания, которым были посвящены толкования. В приведенной ниже таблице представлены сведения о схолиях и соответствующих им катенах в Христинопольском Апостоле.

Автор толкова-ния	Схolia			Стих, для которого написано толкова-ние	Катена	
	Инципит	Лист, чтение	Стих, к которому отнесена схолия		Инципит	Лист, чтение, стих
Андрей пресв.	Съмя Божие Христось есть...	л. 77, чтение 64	1 Ин 5: 6	1 Ин 3: 9	Съмя Божие есть Христось...	л. 73об., чтение 36; 1 Ин. 3: 9
Андрей пресв.	Чюже приимнику Гаию...	л. 81, чтение 3	3 Ин 1: 12–15	3 Ин 1: 1	И сю епистолию пишеть... Гаия съвѣдѣтельствуеть...	л. 80, чтение 1; 3 Ин. 1: 1
Андрей пресв.	Яко же мыню сии есть...	л. 82, чтение 4	Иуд 1: 4	3 Ин 1: 12	Нет	нет
Максим Исповедник	Владычество не съхранивъшихъ...	л. 82об., чтение 7	Иуд 1: 7	Иуд 1: 6	Нет	нет
Андрей пресв.	Сънина видяще рече сирѣчь...	л. 82об., чтение 8	Иуд 1: 8	Иуд 1: 8	Съния бо рече...	л. 83, чтение 8; Иуд. 1: 8
Андрей пресв.	Глаголють Михаила слу-живъша Мосии...	л. 83, чтение 17	Иуд 1: 14	Иуд 1: 9	Глаголеть Михаилу о Мосеовѣ...	л. 83, чтение 9; Иуд. 1: 9

¹⁸ Перечень толкований, приписываемых пресвитеру Андрею, см. на сайте [Экзегет].

До сих пор схолии были известны только по Христинопольскому Апостолу, что заставляло считать эту рукопись тупиковой ветвью, и предполагать, что не она лежит в основе позднейшей рукописной традиции. Однако, как мы видели, следы характерных особенностей Христинопольского Апостола сохраняются в поздних списках, так что трудно объяснить, каким образом этот кодекс мог оставаться неизвестным последующим редакторам Толкового Апостола. Систематическое размещение схолий на неверном месте наряду с дублированием текста, возникшим при появлении пространных катен, могло стать причиной сознательного отказа от включения схолий. Возможно, Христинопольский Апостол был той рукописью, на которую опирались ранние редакторы Толкового Апостола, придавшие книге вид непрерывной катены, дополнившие Деяния толкованиями и исключившие ставшие ненужными схолии. Это привело к тому, что даже в рукописи РГБ. ТСЛ118, наиболее полно сохранившей черты Христинопольского Апостола, нет намека на ранние схолии. Вероятно, рукопись ТСЛ118 восходит к одной из ранних переработок Христинопольского Апостола, в которой схолии уже были исключены.

Однако схолии не исчезли бесследно из Толкового Апостола, и свидетельство тому — Апостол Александра Солтана, в котором сохранились две из шести схолий к соборным правилам¹⁹.

Схолия в Апостоле Солтана	Схолия в Христ.
Съмъ Божие Христос есть, иже вселися въ вѣрныя, творить я быти сыны Божиа, сице о съмени Авраамли благословятся вси языцы (л. 54об., чтение 64)	л. 77, чтение 64
Чюже приемнику Гаию, его и Павель свѣдѣтельствуя, глаголя: цѣлуете вы Гаии мои, чюжии приемъникъ (л. 60, чтение 3)	л. 81, чтение 3

Как и пространные толкования, схолии записаны в виде непрерывной катены и занимают в Апостоле Александра Солтана то же место, что и в Христинопольском. Это первые две схолии к соборным посланиям; вероятно, включив их в новый кодекс, составитель протографа Александра Солтана спохватился, что эти комментарии копировать не следует, поэтому остальные схолии не вошли в рукопись.

Присутствие двух схолий в списке Александра Солтана означает, что он восходит к кодексу, близкому к Христинопольскому Апостолу, но отличавшемуся самостоятельной редакторской правкой, и не зависит

¹⁹ В Христинопольском Апостоле схолии сопровождали также Деяния, но этот текст отсутствует в Апостоле Александра Солтана; в посланиях ап. Павла в Христинопольском Апостоле схолий нет.

от той рукописи, в которой были полностью исключены схолии, — общего протографа остальных списков Толкового Апостола. Очевидно, что Апостол без схолий был создан до 1220 г. — времени, которым датируется ростовский список [ГИМ. Син7], содержащий только катены. Вероятно, создание списка Толкового Апостола без схолий следует датировать третьей четвертью XII в. — приблизительно в это время в Христинопольский Апостол были добавлены пространные катены, дублирующие схолии. Скорее всего, тогда же было принято решение отказаться от схолий и подготовить новый список Толкового Апостола, не отягощенный повторами.

Можно полагать, что копия, в которой сохранились две схолии, был снята уже в XII в., вскоре после создания Христинопольского Апостола и примерно тогда же, когда был подготовлен список без схолий. Иначе трудно объяснить намерение избавиться от схолий: более поздний редактор либо сохранил бы их все, либо отобрал бы часть схолий и часть катен. Отказ только от схолий заставляет датировать появление протографа Апостола Александра Солтана XII столетием — тем же временем, когда было решено сохранить в Толковом Апостоле только катены.

Дополнительные статьи Апостола Александра Солтана и чернец Исаия

Решить вопрос о времени появления протографа Апостола Александра Солтана помогает обращение к дополнительным статьям этого списка. Как было отмечено выше, Апостол Александра Солтана близко повторяет состав Христинопольского Апостола, исключая Деяния. Однако в рукописи Александра Солтана есть дополнительные статьи и связанные с ними небольшие вставки по всему тексту, которые отличают ее от Христинопольского Апостола. Три дополнительные статьи завершают блок из вспомогательных текстов аппарата Евфалия перед посланиями апостола Павла и располагаются непосредственно перед посланием римлянам [БАН. 31.3.24, л. 145об.–152об.]. Дополнительные статьи Апостола Александра Солтана, за одним исключением, неизвестны по другим рукописям.

Вставки в тексте Апостола Александра Солтана касаются литургической разметки. Толковый Апостол не предназначался для использования в богослужении. Однако, как мы видели, уже в Христинопольском Апостоле писцом была простоянена календарная разметка на полях, отмечавшая начало чтений на каждый день церковного года. При оформлении толковой книги в виде рамочной катены, в которой текст Священного Писания был записан в центре листа и не отягощен толкованиями, рукопись можно было воспринимать как четий Апостол, что

позволяло пользоваться ею во время богослужения. Однако календарная разметка без указателя не давала возможность находить чтение на нужный день года. Именно это заставляло последующих редакторов вносить в Толковый Апостол указания на зачала, для которых в служебных и четвых Апостолах существовали указатели, позволявшие легко ориентироваться в книге и находить нужное чтение.

В Христинопольском Апостоле указания на зачала внесены существенно более поздним почерком, который следует датировать временем не ранее XV в. В первые столетия бытования Толкового Апостола указания на зачала в нем отсутствовали – их нет ни в Христинопольском Апостоле, ни в ростовской рукописи 1220 г. [ГИМ. Син7]. В кодексе XIV в. [РНБ. Погод30] писец сделал попытку пронумеровать чтения в послании к евреям и в начале первого послания к Тимофею, введя номера чтений внутри послания вместо указаний на день церковного года [РНБ. Погод30, л. 131–157], однако затем отказался от этой нумерации и вернулся к календарной разметке, отмечая словами день и неделю для каждого чтения.

Таким образом, необходимость приспособить Толковый Апостол для участия в богослужении оставалась насущным вопросом на протяжении долгого времени. Очевидно, те же цели – усовершенствовать литургическую разметку Апостола – преследовал редактор протографа Апостола Александра Солтана. Он пронумеровал подряд все календарные чтения, начиная с послания апостола Иакова (с учетом того, что Деяния отсутствовали в книге) до послания апостола Павла Филимону. Номера чтений следовали непосредственно за числовым обозначением дня недели и самой недели, так что в Апостоле Александра Солтана разметка имеет вид: «5. 9. 110», что означает четверг 9-й недели по Пятидесятнице, чтение 110. Фактически эти номера выполняли роль зачал, но слово «зачало» отсутствовало, а сами номера чтений не совпадали с номерами зачал, характерными для служебного Апостола.

Однако литургическая разметка без указателя не может функционировать, поэтому редактор подготовил указатель [БАН. 31.3.24, л. 145об.–148], который открывает последовательность из трех дополнительных статей в Апостоле Александра Солтана. В указателе рядовых чтений²⁰ для каждого дня церковного года, от Пятидесятницы до Великой субботы указан номер в соответствии с оригинальной нумерацией чтений, сопровождающей календарную разметку. Отсутствие дней от Пасхи до Пятидесятницы объясняется тем, что в эти дни читались Деяния, а их

²⁰ Рядовыми чтениями называются фрагменты Священного Писания, читающиеся в определенные дни подвижного календаря, то есть зависящие от номера недели после Пасхи или Пятидесятницы. Особыми чтениями называются фрагменты, приуроченные к памяти святых и праздникам.

в рукописи не было. Указатель позволял с легкостью находить чтение на любой день и использовать Апостол в богослужении или для повседневного монастырского чтения. Оригинальная нумерация чтений Апостола Александра Солтана неизвестна по другим спискам, равно как и указатель к чтениям входит в состав только этой рукописи.

Непосредственно к указателю чтений примыкает копия пространной записи чернеца Исаи, оставленная им в 1183 г. Этот текст был обнаружен С. Ю. Темчиным в единственном списке – Библейском сборнике Матфея Десятого 1502–1507 гг. [БАН. СрезнП75] и назван исследователем «послесловием Исаи мниха к четьему Апостолу». Исследователь установил дату заметки (1183 г.), проанализировал языковые особенности текста Исаи, собрал сведения о пересказе записи в рукописях XVI в. из Великого княжества Литовского и пришел к выводу, что Исаия был сербским монахом, стремившимся приспособить четий Апостол для литургического богослужения, предположительно монастырского [Темчин 2021]. Однако, что именно сделал Исаия, до сих пор оставалось неясным.

В Апостоле Александра Солтана находится второй список текста Исаи, более ранний по датировке, чем Библейский сборник Матфея Десятого. Тесная связь записи Исаи с уникальным указателем рядовых чтений Апостола заставляет по-другому взглянуть на рассказ Исаи:

АЗь [...] написах главы сим книгамъ апостольскимъ, не похуляя чину пръваго изряднаго състава: гранесь и стиховъ, главъ и чътении и свѣдѣтельствии. [...] Сиа оглавихъ и открыхъ суботы, и неделя, и понеделники же, и вторники, и срѣды, и четвертыкы, и пяткы, дабы мнозѣмъ разумно было наскоро изъобрѣтение не тѣкмо рядъ дневныи, но и где котораго святаго апостолъ [БАН. 31.3.24, л. 148–148об.].

В записи Исаия говорит о трудностях пользования Апостолом, в котором неразумные люди не могут найти («изъобрѣсти») нужное чтение, хотя там есть «ряд дневный». Составитель заверяет, что оставил нетронутыми уже имевшиеся указания на «гранесы, стихи, главы и свидетельства» (именно так называются вспомогательные тексты из справочного аппарата Евфалия), но разбил текст на главы («оглавихъ») по дням недели.

Описание Исаиего труда точно соответствует дополнениям в Апостоле Александра Солтана. Вся имевшаяся разметка, восходящая к Христинопольскому Апостолу, с выделением глав Евфалия, указанием на библейские цитаты («свидетельства») и делением на стихи, а также с многочисленными указателями глав, чтений и цитат оставлена в первоначальном виде. Неизменной оставлена и календарная разметка («ряд дневный»), однако к ней прибавлено деление на главы, которые пронумерованы и связаны с днями недели в соответствии с церковным

календарем («оглавихъ и открыхъ суботы, и неделя, и понеделники...»). Это заставляет нас полагать, что именно Исаиे принадлежит мысль пронумеровать чтения в Апостоле и составить указатель, который позволил бы быстро находить («скоро изъбрѣти») чтения и использовать их в богослужении или для монастырского чтения. В конце записи Исаиа отмечает, что составление глав для Апостола закончено, но труд не завершен: «съставимъ же рѣчь и на послѣдующая изидем» [БАН. 31.3.24, л. 148об.]. В записи отсутствуют слова, обычные для писцовых или редакторских колофонов в конце книги с молением к братии не ху́лить подготовленный труд, но молиться о писавшем. Это приводит нас к выводу, что запись Исаиа представляет собой не послесловие в конце книги, подобное выходным писцовыми записям, а промежуточное подведение итогов. Это точно соответствует месту записи Исаиа в Толковом Апостоле: она находится после указателя чтений и объясняет суть трудов составителя, но следом начинается месяцеслов и послания ап. Павла – самая объемная часть толковой книги.

Таким образом, предположение С. Ю. Темчина о том, что деятельность Исаиа была связана с литургической разметкой Апостола, полностью подтверждается. Исследователь полагал, что Исаиа работал с четвым Апостолом, поскольку именно этот тип книги можно было приспособить для литургических целей, между тем как изучение Апостола Александра Солтана заставляет думать, что Исаиа трудился над Толковым Апостолом. Однако здесь мало противоречия: возможно, в руках у Исаиа в 1183 г. был Христинопольский Апостол, рамочная катена которого позволяла пользоваться им как четью книгой. Наконец, вся последующая история Толкового Апостола, как мы уже убедились, показывает, что его постоянно стремились приспособить для литургических целей, вводя в текст не только календарную разметку, но и оригинальные или заимствованные из служебного Апостола номера зачал.

Тесное сплетение в Апостоле Александра Солтана характерных черт, свойственных Христинопольскому Апостолу, с новой литургической разметкой позволяет предполагать, что Исаиа был тем составителем и редактором Толкового Апостола, который, опираясь на Христинопольский Апостол, в 1183 г. подготовил новый список толковой книги, сохранив в ней две ранние схолии, и снабдил ее нумерацией «глав» Апостола и указателем рядовых чтений. Это означает, что в 1183 г. Исаиа трудился в галицко-волынских землях.

Во второй половине XII в. организация церковного управления и кодификация богослужения, несомненно, были особенно актуальны для галицких земель. Стараниями галицкого князя Владимира Володаревича в 1140-х или начале 1150-х гг. создается Галицкая епархия,

которая начинает играть заметную роль при его сыне, Ярославе Владимировиче. Если Исаия был связан с Галичем, то это позволяет объяснить сообщение Исаии о том, что труд был предпринят им не по собственному замыслу: «повинуяся твоему повелѣнию, о владыко все-леньский, и всѣхъ святыхъ съборъ» [БАН. 31.3.24, л. 148об.]. В этой фразе мог подразумеваться только Константинопольский патриарх, который с V в. именовался «вселенским» в значении «господствующий в ойкумене» [Грацианский 2015: 206]. Трудно понять, каким образом инок-славянин мог получить поручение от патриарха отредактировать или дополнить Толковый Апостол. Между тем в 1164 г. в Галиче появился Андроник, бежавший из Константинополя двоюродный брат византийского императора Мануила [ПСРЛ, 2: 524; Бережков 1963: 176–177; Юревич 2004: 90–92]. Вслед за ним прибыли два греческих митрополита, отправленные императором и убедившие Андроника вернуться в Константинополь. Вместе с возвращавшимся беглецом галицкий князь Ярослав Осмомысл отправил посольство к императору и патриарху Луке Хрисовергу, которое возглавлял епископ Галицкий Косма со свитой. Возможно, Исаия был одним из участников посольства, во время которого ему довелось говорить с патриархом.

Дополнительные статьи Апостола Александра Солтана и княгиня Елена

Следом за записью Исаии в Апостоле Александра Солтана находится еще один дополнительный текст, также неизвестный по другим рукописям — месяцеслов, регламентирующий чтения Апостола в особые дни: двунадесятые и великие праздники, в дни памяти святых. Сходные указатели особых чтений хорошо известны по служебным и четвым книгам Священного Писания, где они служат обязательным дополнением для указателя рядовых чтений. В целом в присутствии месяца слова нет ничего удивительного. Однако его состав отличается от соответствующих статей служебных и четвых Апостолов. В нем нет упоминаний стихир, прокимнов и аллилуариев; отсутствуют указания на евангельские чтения и на тропари. Месяца слов в Апостоле Александра Солтана включает только указания на чтения Апостола, причем ссылка дается на номер главы Евфалия или на чтение, положенное другому святому, не упоминая оригинальной нумерации чтений. Таким образом, здесь использован другой принцип отсылок к тексту, чем в указателе рядовых чтений, который по нашему предположению был подготовлен чернецом Исаией. Учитывая, что главы Евфалия велики по размеру, не совпадают с календарной разметкой и порой включают чтения на несколько дней, пользоваться месяца словенным указателем и

находить по нему нужные чтения крайне трудно. Кроме того, в отличие от указателя рядовых чтений, месяцеслов включает ссылки на Деяния, отсутствующие в Апостоле Александра Солтана.

Использование другого принципа для подготовки месяцеслова и ссылки на Деяния, не входившие в кодекс, с которым работал чернец Исаия, убеждают нас в том, что месяцеслов составлен анонимным редактором, а не Исаией. Однако то, что месяцеслов записан сразу вслед за указателем рядовых чтений и записью Исаии, свидетельствует в пользу того, что он был внесен в Толковый Апостол одновременно с ними и, следовательно, составлен до 1183 г. неизвестным редактором.

Раннюю датировку месяцеслова подтверждает его состав. В месяцеслове упомянуто только три памяти славянским святым, и все они связаны с событиями второй половины XI – начала XII в.: преставление князей Бориса и Глеба (24 июля), перенесение их мощей (2 мая) и преставление Феодосия Печерского (3 мая). Память гибели кнн. Бориса и Глеба (1015) была установлена еще в XI в. Она получила широкое распространение как в месяцесловах, так и в других типах книг с конца XI в., в том числе в галицко-волынских рукописях, начиная с Добрилова Евангелия (1164); в южнославянских рукописях память встречается лишь с середины XIII в. [Лосева 2001: 92–94]. Второе перенесение мощей князей-страстотерпцев (1115) также получило широкую известность и часто встречается в русских месяцесловах со второй половины XII в., причем старший список месяцеслова, содержащий память перенесения мощей, является галицко-волынским по происхождению. В южнославянской традиции известен единственный кодекс второй половины XIII в. с памятью перенесения мощей 2 мая [Лосева 2001: 105–106]. Кроме того, в месяцеслове нередко вместо самостоятельного чтениядается отсылка к чтениям, положенным кому-либо из наиболее почитаемых святых в том же лике, причем наиболее часто даются отсылки к «Апостолу Борису и Глебу» (семь раз)²¹. Поскольку под 2 мая внесена память второго перенесения мощей Бориса и Глеба, но чтение не указано, очевидно, имеется в виду чтение, положенное на 24 июля, день их гибели. Постоянные отсылки к чтению на память Бориса и Глеба говорят о развитом культе святых князей в тех местах, где составлялся месяцеслов.

Наконец, в месяцеслове зафиксирована память преставления Феодосия Печерского (1074). Память Феодосия Печерского была внесена в Синодик в Неделю Православия в 1108 г. Наиболее ранние древнерусские рукописи, содержащие эту память, датируются третьей четвертью

²¹ То же чтение, что и свв. Борису и Глебу, положено мученикам: св. Трифону (1 февраля), св. Савве Стратилату (24 апреля), св. Фалалею (20 мая), св. Лаврентию (10 августа), св. Фотию (12 августа), свв. Павлу и Ульяне (17 августа) и св. Агафонику (22 августа).

XII в.; хотя в месяцесвоях, в том числе в волынских рукописях, память появляется только с XIII столетия [Лосева 2001: 100–101].

Таким образом, памяти Феодосия Печерского и князей Бориса и Глеба в месяцеслове Апостола Александра Солтана указывают на то, что месяцеслов имеет древнерусское происхождение, причем возник не ранее второй половины XII в. Месяцеслов завершается указанием заупокойных чтений «над святителем и над черноризцем»; на втором месте стоят чтения «над князи и велможами» [БАН. 31.3.24, л. 152об.]. Это косвенно свидетельствует о том, что месяцеслов создавался в монастырской обители, близкой к святительской кафедре и княжескому двору.

Помимо упоминаний русских святых, месяцеслов содержит еще одну необычную и уникальную память о преставлении княгини Елены под 24 апреля: «Въ тъ же день прѣставиша благовѣрная княгини Мстиславля Андрѣевича Елена» [БАН. 31.3.24, л. 151–151об.]. Известны примеры внесения в XVI в. в месяцесловы при Евангелиях или Апостолах памятей упокоения князей или иноков. Обычно это делалось вскоре после преставления человека для последующего заупокойного поминования. Неизвестно ни одного случая, когда память вносилась бы спустя продолжительное время после смерти, если не возникало местного почитания умершего в лице святых.

Форма имени благоверной княгини Елены указывает на то, что она была женой князя Мстислава Андреевича²². Такое имя служит лучшим подтверждением того, что месяцеслов был создан и внесен в Толковый Апостол в раннее время, а не прибавлен к одному из промежуточных списков в XIV или XV в. Действительно, имя Мстислав в качестве княжеского использовалось до середины XIII в., но затем, как нехристианское, исчезло из княжеского именослова [Литвина, Успенский 2006: 580–588].

Известен единственный князь по имени Мстислав Андреевич — сын Андрея Боголюбского; посланный отцом, он много и успешно воевал в конце 1160-х — начале 1170-х гг. [ПСРЛ, 1: 354–365; ПСРЛ, 2: 524, 543–546, 559–561, 564–566]. Мстислав Андреевич умер в 1173 г. после одного из походов нестарым человеком судя по тому, что за год до смерти у него родился сын Василий [ПСРЛ, 1: 362; ПСРЛ, 2: 551, 566]. Судьба младенца, как и имя жены князя до сих пор оставались неизвестны. Учитывая, что во владимиро-суздальских летописях сообщалось о смерти княгинь, можно считать, что Елена пережила своего супруга и после его кончины вернулась в отчий дом. При дворе свекра — великого князя Андрея Боголюбского вдове могли ясно показать, что

²² Благодарю С. Ю. Темчина, обратившего мое внимание на то, что форма «Мстиславля Андреевича» может соответствовать только жене, а не дочери князя.

ее присутствие нежелательно, учитывая постоянные интриги между князьями и стремление Андрея Боголюбского отдалить от себя всех родственников, претендовавших на власть.

Поскольку память княгини зафиксирована в единственном списке — Апостоле Александра Солтана, протограф которого связан историей своего создания с галицко-волынскими землями, представляется маловероятным, чтобы вдова Мстислава Андреевича осталась во Владимире и там окончила свои дни. Это означало бы, что месяцеслов с ее памятью был создан также во Владимире. От этой мысли следует отказаться, поскольку тогда можно было бы ожидать, что в месяцеслове будут более широко представлены памяти русских святых и праздников и упомянуты иные князья или княгини, помимо ничем не прославившейся Елены. Можно предположить, что вдова Мстислава Андреевича не осталась во владимирской земле, поскольку ее имя не упоминается ростово-суздальскими летописцами, тщательно фиксировавшими время и место погребения княгинь. Наконец, такое предположение значительно усложняет путь попадания месяцеслова в рукопись, над которой в галицко-волынских землях до 1183 г. трудился редактор Толкового Апостола, — по нашему предположению, им был чернец Исаия.

Неизвестно, откуда была родом княгиня Елена, само имя которой открылось лишь благодаря Апостолу Александра Солтана, поэтому можно только гадать, куда она могла отправиться после смерти мужа. Учитывая, что месяцеслов с памятью княгини вскоре после ее смерти был включен в Толковый Апостол, который, по нашему предположению, создавался в галицко-волынских землях, возможно, Елена была родом именно из этих мест. В середине — второй половине XII в. между галицкими и владимиро-суздальскими князьями сохранялись тесные династические и культурные связи. Союзнические отношения связывали великого князя владимирского Юрия Долгорукого с первым галицким князем Владимирко Володаревичем. В 1140-х гг. Юрий Долгорукий пригласил галицкую артель, возводившую Спасский собор по заказу Владимирко Володаревича, для строительства Преображенского собора в Переяславле-Залесском и церкви Бориса и Глеба в Кидекше [Иоаннисиан 2012: 147; Седов 2013: 45–54; Назаренко 2005: 322–328]. В 1150 г. был заключен брак единоутробной сестры Андрея Боголюбского, Ольги Юрьевны, с уже упоминавшимся галицким князем Ярославом Осмомыслом. Спустя 20 лет брак распался, и в 1174 г. княгиня Ольга Юрьевна вернулась во Владимир к брату [ПСРЛ, 2: 571].

Где бы ни окончила свои дни княгиня Елена, овдовевшая сноха Андрея Боголюбского, это произошло там, где память ее настолько чтилась, что была отмечена в месяцеслове для вечного поминания, причем

ни ее муж, ни другие представители княжеского рода не были упомянуты. Это уникальный пример внесения памяти почившего современника в месяцеслов для столь раннего периода. Смерть княгини Елены следует относить к периоду после 1172 г. (рождение сына Василия), а скорее — после 1173 г. (смерть мужа Мстислава Андреевича) и до 1183 г., когда чернец Исаия, как есть основания предполагать, включил в Толковый Апостол месяцеслов с памятью почившей княгини.

Апостол Александра Солтана и Библейский сборник Матфея Десятого

Итак, мы приходим к выводу, что около 1477 г. во Владимире Волынском по заказу Александра Солтана был скопирован Толковый Апостол в редакции 1183 г. инока Исаии. В 1489/90 г. рукопись была вложена владельцем в виленский Троицкий монастырь во время игуменства в нем Макария Черта, будущего митрополита Киевского. Вклад не остался лежать втуне: спустя несколько лет в Вильну приехал Матфей Десятый, занимавшийся подготовкой Библейского сборника, который впоследствии был вложен им в Супрасльский монастырь. Роскошный кодекс был завершен в 1507 г. Как показало коллективное исследование, при его подготовке Матфей обращался к самым разным источникам, разыскивая тексты и необычные элементы украшения²³.

Знакомство с редакторскими знаками в Апостоле Александра Солтана привело Ф. В. Панченко к мысли, что Матфей Десятый мог видеть в виленском Троицком монастыре рукопись Солтана и, вдохновившись ее знаками сносок, придумать собственную систему редакторских знаков [Панченко 2015: 208]. Между тем о знакомстве Матфея Десятого с Апостолом Александра Солтана можно говорить не гипотетически, а как о непреложном факте, опираясь на два текста из Библейского сборника.

Согласно наблюдениям А. А. Алексеева, Матфей Десятый использовал четий Апостол для своей книги [Библия Матфея Десятого 2020, 2: 102]. Однако в одном месте послание евреям сопровождено толкованиями, вынесенными на поля и по сути являющимися рамочной катеной. Если основной текст послания евреям, несомненно, восходит к иному переводу, чем представленный в древнейшей редакции Толкового Апостола, то толкования, со значительными сокращениями, выписаны из Апостола Александра Солтана. Матфей Десятый выбрал из рукописи, хранившейся в Троицком монастыре, аллегорические ссылки

²³ Материалы конференции, посвященной изучению Библейского сборника Матфея Десятого, а также факсимильное издание и исследование сборника опубликованы в [Алексеев 2017; Библия Матфея Десятого 2020]. Факсимильное издание доступно в электронном виде: [Postkomsg1], [Postkomsg2].

на ветхозаветных отцов и пророков для стихов (Евр 11: 33–40), которые составляли начало 370 по нумерации Матфея Десятого²⁴. Именно для этих толкований Матфей Десятый использует знаки нотации в качестве знаков выноски, типологически сходные с редакторскими знаками Апостола Александра Солтана [Панченко 2015: 207–208]. Нехватка места на полях или стремление более емко представить аллегории заставило книжника сократить тексты толкований, оставив почти исключительно имена; однако последние два толкования к стихам (Евр 11: 39–40), не содержащие имен, сохранены почти полностью:

Стих, Апостол Солтана (РГБ. Егор54, л. 99об.)	Толкование, Апостол Солтана (РГБ. Егор54, л. 99об.)	Толкование, Библия Матфея Десятого (БАН. СрезнII75, л. 400об.)
И си вси послушествовани върою, не приемше обѣтования	Что бо рече: отнемагаетесь и негодуете, еще в подвизѣхъ суще, не аще въздания приясте. И к тому речени и святии вси послушествовани обрѣстися принесенія ради вѣры, не улучшиша обѣщаных праведных благъ.	Еще въ подвизѣхъ суще, не еще въздания приаша обѣщаных праведных благъ.
Богу же лучше о нас что про-зрѣвшу.	Како лучше да вѣща не боле нась имуть они, первѣе и вѣнчatisя единою врѣмѧ вѣставитъ въздания, да и мы съ тѣми вѣнчаемся. Се же есть о нас, они бо вѣща сѣдят не старѣющеся, нашего ждуще прихода.	Единою врѣмѧ вѣставитъ въздания, да и мы съ тѣми вѣнчаемся. Они бо вѣща сѣдят не старѣющеся, нашего ждуще прихода.

Кроме того, Матфей Десятый скопировал из Апостола Александра Солтана запись чернеца Исаи [БАН. СрезнII75, л. 402об.]. Рукописная традиция текста Исаи, насколько сейчас известно, исчерпывается этими двумя списками. Матфей Десятый не стал переписывать указатель рядовых чтений — в Библейском сборнике он потерял бы всякий смысл, поскольку богатый справочный аппарат Матфея Десятого не включал те номера чтений, которые, по нашему предположению, были подготовлены чернецом Исаией, а содержал собственные оригинальные номера начал и иную, гораздо более развитую, систему нумерации глав, стихов и чтений. Не вошел в сборник Матфея Десятого и месяцеслов со ссылками на главы Евфалия, поскольку в сборник был включен существенно более насыщенный информацией месяцеслов из Иерусалимского устава. Несмотря на это, Матфей Десятый разместил запись

²⁴ Ср. Апостол Александра Солтана [РГБ. Егор54, л. 98г–99г] и Библию Матфея Десятого [БАН. СрезнII75, л. 400об.]. Соответствующие листы Христинопольского Апостола хранятся в Румынии и остались мне недоступны.

Исаи среди статей, аналогичных тем, которые окружали этот текст в Апостоле Александра Солтана. В Библейском сборнике тексту чернеца Исаи предшествует статья с подсчетами ветхозаветных цитат в апостольских посланиях; вслед за записью Исаи находится указатель рядовых апостольских и евангельских чтений. Несомненно, Матфей Десятый уловил связь между справочным аппаратом к Апостолу и рассказом Исаи и оценил значение этого древнего свидетельства о трудах своего предшественника, открыв запись Исаи огромным красочным инициалом на половину высоты листа.

Судьба Апостола Александра Солтана в XVIII–XIX веках

Последующая история рукописи до XVII в. не прослеживается. Судя по обильным пометам и номерам зачал, соответствующим служебному Апостолу и выполненным украинской скорописью XVII в., на протяжении полутора-двух столетий рукопись оставалась в Великом княжестве Литовском. Возможно, все это время она находилась в Троицком монастыре, покинув литовские земли лишь во второй половине XVII в. Произошло ли это во время взятия Вильно русскими войсками в 1655 г., или книга была вывезена кем-то из любителей старины, неизвестно, однако в начале XVIII столетия рукопись оказалась на территории Московского государства.

В это время кодекс попал в руки предпримчивого знатока книг, разделившего Апостол на три части и снявшего с него, по крайней мере, одну копию²⁵. Начало древнего Апостола было тогда же восполнено по другому источнику [БАН. 31.3.24, л. 200–481]; конец оставлен без прибавлений [РГБ. Егор54]. О судьбе средней части ничего неизвестно²⁶. Вероятно, рукопись была разъединена ради продажи: из одного кодекса получилось три книги, богато украшенных заставками, к которым была прибавлена новая копия Толкового Апостола²⁷. Копия, снятая с Апостола Александра Солтана, была перепродана в Библиотеку Академии наук уже в 1761 г. книгопродавцем Матвеем Никифоровым [Мурзанова et al. 1956: 457, № 69]; две части кодекса XV в. оказались у коллекционеров в XIX в. Это свидетельствует о том, что Толковый Апостол находился в частных руках, а не принадлежал какому-либо церковному собранию. Учитывая, что недостающая часть текста, прибавленная к начальной

²⁵ Возможно, впоследствии будут обнаружены другие копии, снятые с Апостола Александра Солтана в начале XVIII в.

²⁶ Средняя часть кодекса включала 17 тетрадей (тетради 26–41) без одного листа, или 135 листов. Среди рукописей, учтенных в [ПС XV в.], этого кодекса нет. Он либо не сохранился, либо не был датирован как список XV в.

²⁷ Список, снятый в начале XVIII в. с Апостола Александра Солтана с привлечением неизвестного экземпляра Толкового Апостола — БАН. 34.5.19.

части Апостола, как и копия были написаны несколькими профессиональными писарскими почерками [Панченко 2015: 207], можно предположить, что рукопись уже в начале XVIII в. находилась в руках книготорговцев. В распоряжении нового владельца, помимо кодекса Солтана, был еще один список Толкового Апостола тырновской редакции, который также был частями отдан на копирование. По этой причине в новой рукописи чередуются листы, скопированные с Апостола Александра Солтана, с листами, переписанными из другого кодекса²⁸.

Сохранившиеся части Апостола Александра Солтана в XIX в. ожидала сходная судьба: они попали к частным коллекционерам. Заключительная часть рукописи была приобретена Е. Е. Егоровым и не имеет каких-либо добавлений. Кодекс открывается заставкой в начале послания филиппийцам, так что производит впечатление цельной книги, у которой потеряны лишь последние листы. Учитывая, что в обеих уцелевших частях кодекса почти нет утраченных в середине листов, можно предполагать, что последние листы были уничтожены из-за находившихся на них записей.

Начальная часть Апостола Александра Солтана, дописанная в начале XVIII в., тогда же была переплетена. Она продавалась уже в XVIII в., судя по записи с обозначением цены, выполненной почерком того же столетия. В 1854 г. рукопись была пожертвована купцом С. П. Алексеевым в Библиотеку Императорской Академии наук вместе с частью рукописного собрания Ф. А. Толстого, приобретенной С. П. Алексеевым после смерти знаменитого коллекционера [Уо 1980: 8, 85, 95].

Заключение

Итак, изучение Апостола Александра Солтана показало, что от него сохранилось два фрагмента: начальная и конечная часть, хранящиеся сейчас в разных городах. Рукопись была вложена в виленский Троицкий монастырь в 1489/90 г. маршалком Великого княжества Литовского Александром Александровичем Солтаном. Можно полагать, что он был также заказчиком Апостола, написанного на той же бумаге и при участии того же писца, который подготовил для маршалка Толковую Псалтырь.

По нашему предположению, Апостол был подготовлен в 1470-х гг. во Владимире Волынском, причем оригиналом для него послужил

²⁸ Из Апостола Солтана в новый список были скопированы соборные послания до начала первого послания ап. Иоанна (ср. БАН. 31.3.24, л. 1–45об. и БАН. 34.5.19, л. 1–79об.); послание римлянам и начало послания коринфянам (ср. БАН. 31.3.24, л. 73–156 и БАН. 34.5.19, л. 102–200об.); и окончание послания ап. Павла к ефесянам, послание филиппийцам и послание колоссянам без конца (ср. РГБ. Егор54, л. 1–29об. и БАН. 34.5.19, л. 417–472об.).

кодекс, восходящий к Христинопольскому Апостолу и содержащий две уникальные схолии, до сих пор известные исключительно по христинопольской рукописи. Этот список был дополнен и отредактирован в галицко-волынских землях в 1183 г. чернецом Исаией, который пронумеровал литургические чтения Апостола и составил указатель рядовых чтений, а также использовал месяцеслов, созданный неизвестным книжником. Месяцеслов содержал память княгини Елены, супруги князя Мстислава Андреевича, сына Андрея Боголюбского, скончавшейся между 1272 и 1283 гг. Учитывая, что до сих пор не выявлено иных списков, содержащих следы переработки Толкового Апостола в XII в., возможно, Апостол Александра Солтана был скопирован непосредственно с рукописи чернечьего Исаии.

В начале XVI в. Апостол Александра Солтана, хранившийся в Троицком монастыре, был привлечен Матфеем Десятым при подготовке Библейского сборника. Рукопись находилась в Великом княжестве Литовском до середины или второй половины XVII в., а затем была вывезена в московские земли. В начале XVIII в. кодекс был расплетен и разделен на три части. Кроме того, он послужил одним из образцов при подготовке нового списка. Получившиеся рукописи, полные и фрагментированные, предназначались для продажи.

Исследование Толкового Апостола Александра Солтана свидетельствует о необходимости более пристального изучения календарной и литургической разметки, вспомогательных статей и служебной нумерации в книгах Священного Писания. Этим мелким деталям уделяется сравнительно мало внимания, которое в значительной степени сосредоточено на основном тексте — его переводах и лексических особенностях. Между тем, как следует из знакомства с разными списками Толкового Апостола, вспомогательные тексты и разметка подвергались редактированию гораздо чаще, чем можно предполагать, исходя из исследования основного текста. Почти не вторгаясь в основной текст, имевший сакральное значение, книжники часто стремились приспособить книгу для повседневного чтения, для использования в течение литургического года, или соотнести ее с иными толковыми и богослужебными книгами. Попытки сделать объемный текст более удобным для поиска нужных чтений и для богословского осмысления приводили к редактированию аппарата Евфалия, дополнению его новыми справочными статьями, разработке новых систем нумерации чтений и зачал. Такие опыты по систематизации книг Священного Писания обычно оставались анонимными, и лишь благодаря изучению Апостола Александра Солтана становится известным не только имя, но и результаты трудов одного из книжников, систематизировавшего Апостол в XII в.

Сокращения

Солт. – Толковый Апостол Александра Солтана.
Христ. – Христинопольский Апостол.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БАН – Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург).

Барс. – ГИМ, собр. Е. В. Барсова.

ГАТО – Государственный архив Тверской области (Тверь).

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).

Егор. – РГБ, собр. Е. Е. Егорова (ф. 98).

ИР НБУ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского (Киев).

ЛИМ – Львовский исторический музей (Львов).

Овч. – РГБ, собр. П. А. Овчинникова (ф. 209).

Плиг. – БАН, собр. Ф. О. Плигина.

Погод. – РНБ, собр. М. П. Погодина.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва).

РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург).

Саров. – РГАДА, собр. Саровской пустыни (ф. 357).

Син. – ГИМ, Синодальное собр.

Синод. – РГБ, собр. Синодальной библиотеки (ф. 272).

Солов. – РНБ, собр. Соловецкого монастыря.

Срезн. – БАН, собр. И. И. Срезневского.

ТСЛ – РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304).

Увар. – ГИМ, собр. А. С. Уварова.

Унд. – РГБ, собр. В. М. Ундорского (ф. 310).

ЯМЗ – Ярославский музей-заповедник (Ярославль).

BAR – Biblioteca Academiei Române (Bucureşti).

Czart – Biblioteka Książąt Czartoryskich (Kraków).

Библиография

Издания

Библия Матфея Десятого 2020

Библия Матфея Десятого 1507 года. Из собрания Библиотеки Российской академии наук, подг. изд. и исслед. А. А. Алексеев (отв. ред.), А. Е. Жуков, Ф. В. Панченко, 1–2, С.-Петербург, 2020.

ПСРЛ, 1

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, Москва, 1997.

ПСРЛ, 2

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, Москва, 2001.

Blomkvist 2012

Blomkvist V., *Euthalian Traditions. Text, Translation and Commentary. Including the Appendix Parainesis as an Ancient Genre-Designation*, by D. Hellholm and V. Blomkvist. (= Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Archiv für die Ausgabe der

Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte (TU). Begründet von O. von Gebhardt und A. von Harnack. Hrsg. Im Auftrag der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften von Christoph Marksches, 170), Berlin, Boston, 2012.

Kałużniacki 1896

Kałużniacki A., *Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice: Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti*, Vindobonae, 1896.

Van der Tak 2003

Van der Tak J. G., *Euthalius the Deacon. Prologues and Abstracts in Greek and Church Slavic Translations* (= Кирило-Методиевски студии, 15), София, 2003.

Литература

Алексеев 1988

Алексеев А. А., К истории русской переводческой школы XII в., *Труды отдела древнерусской литературы*, 41, Ленинград, 1988, 154–196.

Алексеев 2017

Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого, отв. ред. А. А. Алексеев, С.-Петербург, 2017.

Бережков 1963

Бережков Н.Г., *Хронология русского летописания*, Москва, 1963.

Бобрик 2011а

Бобрик М. А., Терминология библейской цитаты и толкования в рукописях Толкового Апостола XII–XVI веков, *Библеистика. Славистика. Русистика. К 70-летию заведующего кафедрой библеистики проф. А. А. Алексеева*, С.-Петербург, 2011, 387–398.

— 2011б

Бобрик М. А., Толковый Апостол в Великих Четырех Минеях: два списка — две редакции, *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*, 2010–2011, Москва, 2011, 52–102.

— 2011в

Бобрик М. А., Тырновский перевод Толкового Апостола в составе Великих Четырех Минеят, *Търновска книжовна школа*, 9: *Търново и идеята за християнския универсализъм. XII–XV век. Девети международен симпозиум*, Велико Търново, 15–17 октомври 2009 г., Велико Търново, 2011, 267–293.

Бубнов 2018

Бубнов П. В., Древнейшие рукописные церковные книги Солтана Александровича Жировичского XV в., *Труды Минской духовной академии*, 15, Минск, 2018, 173–183.

Волощенко 2021

Волощенко С. А., Краківські фрагменти Христинопільського Апостола XII сторіччя, *Слов'янські мови, літератури і культури в умовах глобальної інформації. Міжнародна наукова конференція до Дня слов'янської писемності і культури. 25 травня 2021 року*, Київ, 2021, 114–116.

Гнатенко 2012

Гнатенко Л. А., *Слов'янська кирилична рукописна книга XII–XIII ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського: Каталог. Кодиколого-палеографічне та графіко-орфографічне дослідження. Палеографічний альбом*, Кіїв, 2012.

Грацианский 2015

Грацианский М. В., Становление структуры Константинопольской православной церкви в период IV Вселенского Собора в Халкидоне (451), *Православная энциклопедия*, 37, Москва, 2015, 205–206.

Иоаннисян 2012

Иоаннисян О. М., Зодчество первой половины – середины XII в., *История русского искусства*, 2, 1, отв. ред. Л. И. Лифшиц, Москва, 2012, 30–157.

Клеминсон 2013

Клеминсон Р., Количественный метод в текстологии (на материале Соборных посланий), *Славянский Апостол. История текста и язык*, сост. М. Бобрик. München, Berlin (= Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe. Hrsg. Von Christian Voß, 21), Washington, 2013, 31–61.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

Лосева 2001

Лосева О. В., *Русские месяцесловы XI–XIV веков*, Москва, 2001.

Маслов 1910

Маслов С. И., Отрывок Христинопольского Апостола, принадлежащий библиотеке Университета св. Владимира, *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*, 15, 4, С.-Петербург, 1910, 229–269.

Михеев 2021

Михеев С. М., Нумерация толкований, схолий и перекрестные ссылки в древнерусских рукописях. К ранней истории славянского Толкового Апостола, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 1: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*, Москва, 2021, 246–266.

Мурзанова et al. 1956

Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук, 1: XVIII век, авт.-сост. М. Н. Мурзанова, Е. И. Боброва, В. А. Петров, Москва, Ленинград, 1956.

Назаренко 2005

Назаренко А. В., Галицкая епархия: Середина XII–XIII в., *Православная энциклопедия*, 10, Москва, 2005, 322–328.

Новак 2018

Новак М. О., Древнеславянская Евфалиана: структура и язык оглавления к первому посланию ап. Павла коринфянам, *Вестник Волгоградского государственного университета*, серия 2: Языкознание, Волгоград, 2018, 6–15.

Панченко 2015

Панченко Ф. В. «Еже не съкрыти таланта от Бога преданного ми» (Материалы к творческому портрету Матфея Десятого), *Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской*, 2, Москва, 2015, 171–208.

Писляков 2001

Писляков В. В., Андрей пресвитер, *Православная энциклопедия*, 2, Москва, 2001, 380.

Седов 2013

Седов В. В., Синтез романских и древнерусских форм в храмах Ростово-Сузdalской земли середины XII века, *Польша – Россия: Искусство и история*, 1, Варшава, Торунь, 2013, 45–54.

Сергеев 2019

Сергеев А. Г., Об уточнении датировки Толкового Апостола БАН 31.3.24, *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН*, 7, С.-Петербург, 2019, 245–248.

Темчин 2021

Темчин С. Ю., Послесловие к четьюму Апостолу 1183 года монаха Исаии в супрасльском списке Матвея Десятого 1502–1507 годов, Idem, *Сербское рукописное и печатное*

богослужебное наследие XII–XIX веков: источниковедение и культурные связи, Белград,
Подгорица, Вильнюс, 2021, 9–40.

Теодорович 1893

Теодорович Н. И., *Город Владимир Волынской губернии в связи с историей Волынской епархии. Исторический очерк*, Почаев, 1893.

Уо 1980

Уо Д., *Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого. Материалы к истории собрания и указатели старых и новых шифров*, Ленинград, 1980.

Юревич 2004

Юревич О., *Андроник I Комнин*, С.-Петербург, 2004.

Marti 1989

Marti R., *Handschrift, Text, Textgruppe, Literatur: Untersuchungen zur inneren Gliederung der frühen Literatur aus dem ostslavischen Sprachbereich in den Handschriften des 11. Bis 14. Jahrhunderts*, Wiesbaden, 1989.

Strakhov 2011

Strakhov O. B., *The Adventure of the Dancing Men: Professor Ševčenko's Theory on the Origin of Glagolitic*, *Palaeoslavica*, XIX/2011, 1, 1–45.

Словари, справочники, каталоги

Анисимова 2017

Анисимова Т. В., *Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е. Е. Егрова*, 1:
№ 1–100, под ред. Ю. С. Белянкина, Москва, 2017.

Бобрик 2013

Бобрик М. А., сост., *Анnotated bibliography of works on the Slavonic Apostol*, *Славянский Апостол: История текста и языка*(= Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe, Bd. 21, Hrsg. Von Ch. Voß), Berlin, München, 2013, 209–274.

Корогодина et al. 2022

Корогодина М. В., Сапожникова О. С., Сергеев А. Г., *Описание рукописей XV века Библиотеки Российской академии наук*, 1: *Священное Писание*, (Славяно-русские рукописи Библиотеки Российской академии наук), Москва, С.-Петербург, 2022.

ПС XV 1986

Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР
(для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР), ред. колл. С.О. Шмидт,
О.А. Акимова, Н. Н. Покровский, А.И. Рогов, А.А. Турилов, А.Л. Ястребицкая; сост.
А.А. Турилов, Москва, 1986.

СК XIV 2002

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век, 1: (Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская), ред. кол.
О.А. Князевская, Н.А. Кобяк, А.Л. Лифшиц, Н.Б. Тихомиров, А.А. Турилов,
Н.Б. Шеламанова, Москва, 2002.

СК XI–XIII 1984

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв.,
редкол.: отв. ред. Л.П. Жуковская, Н.Б. Тихомиров, Н.Б. Шеламанова, Москва, 1984.

Срезневский 1905

Срезневский В. И., сост., *Охранная опись рукописного отделения Библиотеки Императорской академии наук*, 1: *Книги Священного писания*, С.-Петербург, 1905.

Срезневский, Покровский 1910

Срезневский В. И., Покровский Ф. И., *Описание рукописного отделения Библиотеки Академии наук*, 1, С.-Петербург, 1910.

Электронные ресурсы

Экзегет

Библия онлайн «Экзегет.ру» (<https://ekzeget.ru/all-about-bible/ekzegets/andrey-monah/>)

HMML Reading Room

HMML Reading Room – resources for the study of manuscripts (<https://www.vhml.org/readingRoom/view/146741>)

Postkomsg1

Библия Матфея Десятого. Факсимильное воспроизведение рукописи, 1 (http://postkomsg.com/reading_room/227714/)

Postkomsg2

Библия Матфея Десятого. Факсимильное воспроизведение рукописи, 2 (http://postkomsg.com/reading_room/227715/)

References

- Alekseev A. A., K istorii russkoi perevodcheskoi shkoly XII v., *Trudy ot dela drevnerusskoi literatury*, 41, Leningrad, 1988, 154–196.
- Alekseev A. A., Slavianskaia Bibliia v epokhu rannego knigopечатания. K 510-letiiu sozdaniia Bibleiskogo sbornika Matfeia Desiatogo, A. A. Alekseev, ed., St. Petersburg, 2017.
- Berezhkov N. G., *Khronologija russkogo letopisaniia*, Moscow, 1963.
- Blomkvist V., *Euthalian Traditions. Text, Translation and Commentary. Including the Appendix Parainen as an Ancient Genre-Designation*, by D. Hellholm and V. Blomkvist. (= Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Archiv für die Ausgabe der Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte (TU). Begründet von O. von Gebhardt und A. von Harnack. Hrsg. im Auftrag der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften von Christoph Marksches, 170), Berlin, Boston, 2012.
- Bobrik M. A., Terminologija bibleiskoi tsitativi i tolkovaniia v rukopisiakh Tolkovogo Apostola XII–XVI vekov, *Bibleistika. Slavistika. Rusistika. K 70-letiiu zavedeniia ushchego kafedroi bibleistiki prof. A. A. Alekseeva*, 2011, St. Petersburg, 2011, 387–398.
- Bobrik M. A., Tolkovyi Apostol v Velikikh Chet'ikh Mineiakh: dva spiska – dve redaktsii, *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo iazyka*, 2010–2011, Moscow, 2011, 52–102.
- Bobrik M. A., Tyrnovskii perevod Tolkovogo Apostola v sostave Velikikh Chet'ikh Minei, *Tъrnovska knizhovna shkola*, 9: Търново и идеята за християнски университет. XI–XV век. Девети международен симпозиум, Велико Търново, 15–17 октомври 2009, Veliko Tarnovo, 2011, 267–293.
- Bubnov P. V., Drevneishie rukopisyntserkovnye knigi Soltana Aleksandrovicha Zhirovichskogo XV v., *Trudy Minskoi dukhovnoi akademii*, 15, Minsk, 2018, 173–183.
- Van der Tak J. G., *Euthalius the Deacon. Prologues and Abstracts in Greek and Church Slavic Translations* (= Kirilo-Metodievski studii, 15), Sofia, 2003.
- Voloshchenko S. A., Krakiv'ski fragmenti Khris-tinopil'skogo Apostola XII storichchia, *Slov'ians'ki movi, literaturi i kul'turi v umovakh global'noi informatsii*. Mizhnarodna naukova konferentsiya do Dnia slov'ians'koj pisemnosti i kul'turi. 25 travnia 2021 roku, Kyiv, 2021, 114–116.
- Gnatenko L. A., *Slov'ians'ka kirilichna rukopisna kniga XII–XIII st. z sfondiv Institutu rukopisu Natsional'-noi biblioteki Ukrayini imeni V.I. Vernads'kogo: Katalog. Kodikologo-paleografichne ta grafiko-orfografichne doslidzhennia. Paleografichnii albom*, Kyiv, 2012.
- Gratsianskii M. V., Stanovlenie struktury Konstantinopol'skoi pravoslavnoci tserkvi v period IV Vselenskogo Sobora v Khalkidone (451), *Pravoslavna entsiklopediia*, 37, Moscow, 2015, 205–206.
- Ioannisian O. M., Zodchestvo pervoi poloviny – serediny XII v., *Istoriia russkogo iskusstva*, 2, 1, L. I. Lifshits, ed., Moscow, 2012, 30–157.
- Kalužniacki A., *Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice: Ad fidem codicis Christinopolitan saeculo XII scripti*, Vienna, 1896
- Kleminson R., Kolichestvennyi metod v tek-stologii (na materiale Sobornykh poslaniy), *Sla-vianskii Apostol. Istochnika teksta i iazyk*, M. Bobrik, comp., München, Berlin (= Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe. Hrsg. von Christian Voß, 21), Washington, 2013, 31–61.
- Lityina A. F., Uspenskii F. B., *Výbor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaiia istoriia skvoz' prizmu antropomimiki*, Moscow, 2006.
- Loseva O. V., *Russkie mesiatseslovy XI–XIV vekov*, Moscow, 2001.
- Marti R., *Handschrift, Text, Textgruppe, Literatur: Untersuchungen zur inneren Gliederung der frühen Literatur aus dem ostslavischen Sprachbereich in den Handschriften des 11. bis 14. Jahrhunderts*, Wiesbaden, 1989.

Maslov S. I., Otryvok Khristinopol'skogo Apostola, prinadlezhashchii biblioteke Universiteta sv. Vladimira, *Izvestiya Otdeleniya russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk*, 15, 4, St. Petersburg, 1910, 229–269.

Mikheev S. M., Numeratsiia tolkovaniia, skholii i perekrestnye sсылки v drevnerusskikh rukopisiakh. K rannei istorii slavianskogo Tolkovogo Apostola, *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 1: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russko-go iazyka*, Moscow, 2021, 246–266.

Murzanova M. N. et al., *Istoricheskii ocherk i obzor fondov rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk*, 1: XVIII vek, M. N. Murzanova, E. I. Bobrova, V. A. Petrov, comps., Moscow, Leningrad, 1956.

Nazarenko A. V., Galitskaia eparkhia: Seredina XII–XIII v., *Pravoslavnaya entsiklopedia*, 10, Moscow, 2005, 322–328.

Novak M. O., Drevneslavianskaia Evfaliana: struktura i iazyk oglavleniia k pervomu poslaniiu ap. Pavla korinfianam, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriiia 2: *Iazykoznanie*, Volgograd, 2018, 6–15.

Panchenko F. V. «Ezhe ne sъkryti talanta ot Boga predannago mi» (Materialy k tvorcheskому portretu Matfeia Desiatogo), *Krugi vremen. V pamyat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoi*, 2, Moscow, 2015, 171–208.

Pisliakov V. V., Andrei presviter, *Pravoslavnaya entsiklopedia*, 2, Moscow, 2001, 380.

Sedov V. V., Sintez romanskikh i drevnerusskikh form v khramakh Rostovo-Suzdal'skoi zemli serediny XII veka, *Pol'sha – Rossiiia: Iskusstvo i istoriia*, 1, Warsaw, Toruń, 2013, 45–54.

Sergeev A. G., Ob utochnenii datirovki Tolkovo-go Apostola BAN 31.3.24, *Materialy i soobshcheniia po fondam Otdela rukopisei BAN*, 7, St. Petersburg, 2019, 245–248.

Strakhov O. B., The Adventure of the Dancing Men: Professor Ševčenko's Theory on the Origin of Glagolitic, *Palaeoslavica*, XIX/2011, 1, 1–45.

Temchin S. Iu., Posleslovie k chet'emu Apostolu 1183 goda monakha Isaia v suprasl'skom spiske Matveia Desiatogo 1502–1507 godov. Idem, *Serbskoe rukopisnoe i pechatnoe bogoslužebnoe nasledie XII–XIX vekov: istochnikovedenie i kul'turnye svazi*, Belgrade, Podgorica, Vilnius, 2021, 9–40.

Teodorovich N. I., *Gorod Vladimir Volynskoi gubernii v sviazi s istoriei Volynskoi eparkhii. Istoricheskii ocherk*, Pochaiw, 1893.

Uo D., *Slavianskie rukopisi sobraniia F.A. Tolsto-go. Materialy k istorii sobraniia i ukazateli starykh i novykh shifrov*, Leningrad, 1980.

Iurevich O., *Andronik I Komnin*, St. Peterburg, 2004.

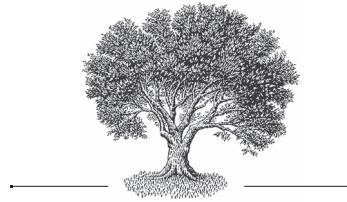
Мария Владимировна Корогодина, доктор исторических наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

mvkorogod@gmail.com

Received September 1, 2021

Андрей
Александрович
Тейльс — писатель,
который все-таки
существовал

Константин Юрьевич
Лаппо-Данилевский

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

Andrei
Aleksandrovich
Teils, a Writer
Who Nonetheless
Existed

Konstantin Yu.
Lappo-Danilevskii

Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье реконструируется биография Андрея Александровича Тейльса (1782–1822), автора трагедии «Геркулес и Даинира» (1807). Ему атрибутируются сентименталистская лирика и переводы с французского, напечатанные в журналах «Иппокрена» (1799), «Лицей» (1806), «Новости» (1799), «Новости русской литературы» (1803), «Северный вестник» (1805) и «Северный Меркурий» (1811) с подписями «А. де Тейльс», «Ан. Тейльс», «Ан: Тейльс», «А. Тейльс», «Тейльс». Эти публикации ранее ошибочно приписывались Антону Антоновичу Тейльсу (1733 — после 1798), дяде Андрея Александровича, так как не было замечено, что подлинный автор один раз «выдал» себя, подписавшись «Андрей Тейльс» под стихотворным переводом из Вольтера в «Лице» в 1806 г. Отсылки в «Путешествии в Норвегию одного молодого человека в 1801 году» (напечатано в 1811 г. с подписью «А. Тейльс» в «Северном Меркурии») к анонимному «Путешествию в Швецию» (опубликовано

Цитирование: Лаппо-Данилевский К. Ю. Андрей Александрович Тейльс — писатель, который все-таки существовал // Slověne. 2022, Vol. 11, № 2. С. 125–148.

Citation: Lappo-Danilevskii K. Yu. (2022) Andrei Aleksandrovich Teils, a Writer Who Nonetheless Existed. *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 125–148.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.6

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

вслед за «Путешествием в Норвегию» в «Северном Меркурии») убеждают, что оба травелога написаны Андреем Александровичем Тейльсом. Кроме того, маршруты путешествий, описанных в них, совпадают с данными двух учебных плаваний, в которых он принял участие в 1800-м и в 1801 гг., как можно заключить из его формуляра в Российском государственном военно-морском архиве. С этими текстами тесно связана «Идиллия на возвращение из Норвегии друга моего А. А. Т.лса в 800-м году октября 29 дня», опубликованная в том же журнале в 1810 г. с подписью «П - ръ У - - въ». С большой долей вероятности она принадлежит Петру Александровичу Ушакову (1783 — после 1804), соученику Андрея Александровича Тейльса по Морскому кадетскому корпусу и близкому родственнику Александра Николаевича Радищева (1749–1802).

Ключевые слова

русская литература XVIII — начала XIX в., Антон Антонович Тейльс, Андрей Александрович Тейльс, история Московского государственного университета, Петр Александрович Ушаков

Abstract

The paper reconstructs the biography of Andrei Aleksandrovich Teil's (1782–1822), the author of "Hercules and Daianira", a tragedy in alexandrine verse (1807). He is attributed various sentimental poems and translations from French that were published in the journals "Ippokrena" (1799), "Litsei" (1806), "Novosti" (1799), "Novosti russkoi literatury" (1803), "Severnyi vestnik" (1805) and "Severnyi Merkurii" (1811). These publications were signed "A. de Teil's", "An. Teil's", "An: Teil's", "A. Teil's", "Teil's" and until now have been erroneously considered to be the work of Anton Antonovich Teil's (1733 — after 1798), the uncle of Andrei Aleksandrovich. It has not been noticed that at one point the author revealed his identity by putting the name "Andrei Teil's" under a poetic translation from Voltaire in "Litsei" (1806). References made in "Puteshestvie v Norvegiu odnogo molodogo cheloveka v 1801 godu" [A Young Man's Journey to Norway in 1801] (published in "Severnyi Merkurii" [The Northern Mercury] in 1811; signed A. Teil's) to the anonymous "Puteshestvie v Shvetsiui" [A Journey to Sweden] (1811; published after the last part of "Puteshestvie v Norvegiu odnogo molodogo cheloveka v 1801 godu" in the same journal) indicate clearly that both of these travelogues were written by Andrei Aleksandrovich Teil's. Furthermore, the travel routes described therein coincide with two trips he took in 1800 and 1801, as can be seen in his curriculum vitae in the Russian State Naval Archive. Closely connected with these texts is the "Idilliia na vozvrashchenie iz Norvegii druga moego A. A. T.lsa v 800-m godu oktiabria 29 dnia" [Idyll on the Return from Norway of My Friend A. A. T.ls on 29 October 1800], published in 1810 in the same review and signed with the cryptonym "P - r U - - ov". In this case, it is highly probable that the author was Petr Aleksandrovich Ushakov (1783 — after 1804), a classmate of Andrei Aleksandrovich Teil's at the navy cadet school and a close relative of the famous writer Aleksandr Nikolaevich Radishchev (1749–1802).

Keywords

eighteenth-century and early nineteenth-century Russian literature, History of Moscow State University, Anton A. Teil's, Andrei A. Teil's, Petr A. Ushakov

Первым импульсом к написанию данной статьи стало обращение ко мне Е. К. Соколинского, справившегося у меня несколько лет назад, не знаю ли я что-либо об Андрее Тейльсе, который мог печататься в периодике начала XIX в. Вопрос был вызван тем, что А. Р. Румянцев, ближайший сотрудник Е. К. Соколинского по работе над «Сводным каталогом serialных изданий России (1801–1825)» [Сводный каталог, 1–4]¹, пришел к выводу о том, что публикации этого Андрея Тейльса оказались приписаны Антону Антоновичу Тейльсу (1733 — между 1811 и 1818)², игравшему в 1760-х — 1790-х гг. видную роль в жизни Московского университета и окончившему службу 25 сентября 1798 г. его вице-директором. По мнению А. Р. Румянцева, публикации в журналах «Иппокрена» (1799) [Тейльс 1799], «Новости» (1799) [Тейльс 1799], «Новости русской литературы» (1803) [Аноним 1803]³, «Северный вестник» (1805) [Тейльс 1805], «Лицей» (1806)⁴, и «Северный Меркурий» (1811) [Тейльс 1811а–в], атрибутированные предшественниками Антону Антоновичу Тейльсу⁵, скорее всего, принадлежат некому Андрею Тейльсу, который, печатаясь в периодике, использовал подписи «А. де Тейльс», «Ан. Тейльс», «Ан: Тейльс», «А. Теильс», «Тейльс», но один раз выдал себя, подписавшись «Андрей Тейльс» под стихотворным переводом из Вольтера «Мысли из Екклезиаста» («Когда цвела моих дней роза...») [Тейльс 1806б]⁶.

Всякому, кто погружался в историю журналистики начала XIX в., трудно не согласиться с достаточно очевидным наблюдением А. Р. Румянцева⁷. Все же имеет смысл более подробно остановиться на том, почему оно представляется столь убедительным.

¹ Далее ссылки на это издание даются с указанием тома и номера библиографической записи.

² Эта дата смерти А. А. Тейльса, утвердившаяся вслед за Модзальевским, как будет показано далее, требует корректировки.

³ Основания для атрибуции: [Сводный каталог, 4: № 31255].

⁴ Выходные данные пятнадцати публикаций в «Лицее»: [Сводный каталог, 3: №№ 25902–25904, 25920, 25960–25961, 26010–26015, 26028–26029, 26081].

⁵ Данная атрибуция закреплена в статьях авторитетных справочников: [Модзальевский 1912; Травников 2010; Жаворонкова 2010]. Ср. краткую справку о нем, фиксирующую, что с большой вероятностью он был масоном, в кн.: [Серков 2001: 790].

⁶ Это вольный перевод стихотворения Вольтера «Извлечение из Экклезиаста» («Précis de l'Ecclesiaste»). Анализ этого текста и сравнение его с переводом Н. М. Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из Экклезиаста» см.: [Заборов 1978: 97].

⁷ Не удивительно поэтому, что к сходным выводам не так давно пришел В. И. Симанков. Опираясь на «Сводный каталог serialных изданий России (1801–1825)», он также обратил внимание на подпись «Андрей Тейльс» в «Лицее» и заключил, что публикации в вышеупомянутых журналах не принадлежат Антону Антоновичу Тейльсу. При этом исследователь отверг

Во-первых, несовершенные, явно дебютные стихи в журнале «Иппокрена» за подписью «А. де Тейльс» (а также последовавшие в продолжение за ними), мало сообразуются с тем, что достоверно известно о литературной деятельности Антона Антоновича Тейльса. Она не была особенно интенсивной и ограничилась переводами трех прозаических сочинений, причем отнюдь не художественных. Так, в журнале «Утренний свет» в 1779 г. он опубликовал «Мнения Паскалевы» [Брийон 1779а]⁸, почерпнутые из книги Пьера Жака Брийона (Pierre Jacques Brillon, 1671–1739) [Brillon 1697]⁹. В 1782 г. в Москве было опубликовано сочинение совсем другого, утилитарно-хозяйственного характера — книга Леонарда Кристофа Штурма «Совершенное описание строения мельниц», перевод Тейльса с немецкого [Штурм 1782]. В 1789 г. Тейльс выпустил в свет «Известия, служащие к истории Карла XII, короля шведского, содержащие в себе, что произошло в бытность сего государя при оттоманской Порте» [Тейльс В. 1789], перевод с французского языка историко-мемуарного сочинения своего деда Виллема (Вильгельма) Тейльса (1640–1725), голландского дипломата, оказавшего важные услуги Петру Великому.

Во-вторых, в вышеупомянутых журналах мы имеем дело явно с произведениями одного автора, — это сентименталистская лирика и поэтические переводы с французского языка. Единство этого комплекса текстов выражается и в том, что, как справедливо отметили С. Н. Травников и В. И. Симанков, Андрей Тейльс неоднократно републиковал одни и те же стихотворения, изменяя их названия и несколько редактируя¹⁰.

несколько кандидатов на авторство, справедливо указав, что ни Андрей Антонович Тейльс, московский губернский прокурор в 1780-е гг., ни его внук Андрей Дмитриевич Тейльс (1800–1870), автор агрономических трудов и масон, не могут рассматриваться в качестве авторов этих публикаций [Симанков 2019: 133–134].

⁸ Н. И. Новиков снабдил этот текст примечанием: «Перевод “Мнений Паскалевых” сообщен нам от трудившегося в оном г. надворного советника Антона Антоновича Тейльса. Свидетельствуя должную благодарность нашу трудившемуся в переводе, мы сообщаем благонамеренным читателям наших несколько глав; а прочие впредь сообщаемы будут» [Брийон 1779а: 83]. В том же году книга Брийона, переведенная Тейльсом целиком, вышла у Н. И. Новикова: [Idem 1779б].

⁹ Позднее книга переиздавалась под названием «Suite des caractères de Theophraste et des pensées de Pascal».

¹⁰ Рекордным в этом отношении следует признать стихотворение «К Юлии» («Где делось время счастья...»), впервые опубликованное в журнале Д. И. Хвостова «Новости» [Тейльс 1799]. Далее с незначительными изменениями: как «Послание 3» в «Новостях русской литературы ... на 1803 год» [Аноним 1803: 310], под названием «Стихи к К.» в «Северном вестнике» [Тейльс 1805] и как «К Крт. Бзс.» в «Северном Меркурии» [Idem 1811а]. См. также в связи с другими примерами: [Травников 2010: 224; Симанков 2019: 134].

В-третьих, из публикаций вырисовывается образ их автора, человека поначалу весьма молодого, проходящего за двенадцать лет своего литераторства определенную эволюцию под влиянием интенсивного чтения французской, а отчасти и античной литературы через призму французских переводов (на это указывают и тематика, и упоминаемые имена литературных персонажей, и эпиграфы на французском языке).

В-четвертых, среди публикаций в «Лицее», издававшемся И. И. Мартыновым, есть одна, проливающая свет на некоторые обстоятельства биографии Андрея Тейльса. Это «Письмо к ...» («Черты руки твоей достигли...»), начинающееся следующими строками:

Черты руки твоей достигли
Брегов прозрачная Невы,
И дух мой извлекли на время
Из усыпления его.
Теперь ты дышишь на свободе,
Заклепов горестных не зришь
И вольность, мною столь желанну,
Вкушаешь всякой час и миг [Тейльс 1806а].

К шестой строке автором сделано следующее примечание: «Автор тогда был еще кадетом», из чего можно заключить, что Андрей Тейльс написал это стихотворение несколько раньше, находясь в стенах какого-то военного учебного заведения, чем, как видно из поясняемых стихов, тяготился. Адресат же послания к тому моменту «дышал на свободе», т. е. уже покинул училище. Очевидно, что подобное примечание вряд ли могло быть сделано Антоном Антоновичем Тейльсом, который, правда, в свое время тоже был кадетом, но покинул Сухопутный кадетский шляхетный корпус более чем на пятьдесят лет раньше, в 1752 г.

И наконец, если имеется бесспорное, хотя и однократное указание авторства «Андрей Тейльс», то нужны довольно серьезные аргументы, чтобы отвергнуть его в отношении стилистически схожих произведений, когда подписи под ними не исключают их принадлежности именно этому Андрею Тейльсу. Доводов же таких нет.

Разыскав выписки из дел Департамента герольдии, сделанные в свое время в связи с написанием биографических статей об Игнатии и Иване Антоновичах Тейльсах [Лаппо-Данилевский 2010а; Idem 2010б], я без труда определил, что эти публикации, исходя из их хронологии, скорее всего, принадлежат Андрею Александровичу Тейльсу, родному племяннику Антона Антоновича. Предпринятые изыскания позволили достаточно рельефно очертить личность Андрея Александровича, а также убедиться, что ему принадлежит стихотворная трагедия «Геркулес

и Деянира». Это, в свою очередь, делает его участие в русских литературных журналах с 1799 по 1811 г. более чем вероятным. Цель настоящей статьи поэтому — сначала изложить биографию Андрея Александровича Тейльса, реконструированную по архивным источникам, и лишь затем, уже обладая сведениями о его жизни, проанализировать вопрос о том, был ли он автором стихотворений в вышеупомянутых журналах. Но прежде чем это сделать, имеет смысл приглядеться к публикациям в «Северном Меркурии», которые исследователи еще не связывали ни с Андреем Тейльсом, ни с Антоном Антоновичем Тейльсом.

Публикации в «Северном Меркурии»

В 1811 г. Андрей Тейльс напечатал в журнале А. В. Лукницкого «Северный Меркурий» довольно много стихотворений, как оригинальных, так и переводных¹¹. Но и в предыдущем, 1810 г. находим в журнале произведение, которое, со всей очевидностью, имеет отношение к Тейльсу. Это прозаическая со стихотворными вкраплениями «Идиллия на возвращение из Норвегии друга моего А. А. Т..лса в 800-м году октября 29 дня» автора, скрывшегося под криптонимом «П - ръ У -- въ» [П - ръ У -- въ 1810]. То, как обозначено имя адресата этой аллегорической «Идиллии», наводит на мысль, что им был именно интересующий нас Андрей Тейльс.

«Идиллия» начинается с описания наступления осени в пасторальном ландшафте, предвещающей наступление «жестокой зимы». Аквилон доносит «скучную песнь» до слуха Тирисса (со всей очевидностью, это alter ego автора «Идиллии»):

Черны враны, соглашайтε
Крик ваш с песнею моей;
Диким гласом возвещайтε
Наступленье мрачных дней.

Все в природе мертвым зрится;
Луг и рощица во мгле;
Зелень блекнет, лист валится,
Клонят ветры лес к земле [Ibid.: 104–105].

Как вскоре выясняется, столь печальная песняistorгается из груди Тирисса из-за того, что он разлучен со своим другом Дамоном. Хор

¹¹ Из них особого внимания, на мой взгляд, заслуживает цикл «Песни из Галатеи» [Тейльс 1811б]. Это перевод семи стихотворений, содержащихся в «Галатее» Жана-Пьера Клари де Флориана (1755–1794), являющейся переработкой одноименного романа Сервантеса. О переводах «Галатеи» Флориана на русский язык см. в кн.: [Корконосенко 2018: 171]. Перевод Тейльса здесь, правда, не учтен.

нимф поет во утешение Тирсиса песнь, которая должна ускорить возвращение Дамона, и тот действительно возвращается, Тирсис бросается в его объятья и совершенно счастлив. Друзья поначалу охвачены молчанием, вспоминая, как их разлучили «целые моря», но потом вместе запевают радостную песню.

В связи с темой морских путешествий обращает на себя внимание еще один материал, печатавшийся в 1811 г. в «Северном Меркурии» из номера в номер: это «Путешествие в Норвегию одного молодого человека в 1801 году» [Тейльс 1811в]. Несмотря на то что в последней его части имеется подпись «Ан. Тейльс», «Путешествие в Норвегию» почему-то не упомянуто ни в «Русском биографическом словаре», ни в «Словаре русских писателей XVIII века» среди произведений Антона Антоновича Тейльса. Из описания морской поездки вырисовывается следующий ее маршрут: из Кронштадта по Балтийскому морю к острову Эзель, откуда мимо Борнгольма в Копенгаген, оттуда в Хельсинор и Хельсинборг и через Немецкое (т. е. Северное) море и океанские просторы в Берген, откуда обратно в Копенгаген.

«Путешествие в Норвегию» содержит немало точных географических и этнографических описаний мест, где его автору удалось побывать, но все же не дает возможности однозначно судить о целях плавания. Из текста, правда, можно заключить, что оно происходило на некоем фрегате, что молодой человек порой лазил по мачтам и «учился кораблеводительской науке» [Ibid.: 17: 54], но также находил время для литературных занятий, что он был окружён друзьями-спутниками, а поэтому повествователь нередко говорит от их имени, используя местоимение «мы».

Это произведение, обойденное вниманием историков литературы, заслуживает его хотя бы в силу значительной беллетристической составляющей. Автор находится под сильным влиянием Карамзина, которого он дважды упоминает в связи с собственным пребыванием на острове Борнгольм; значительную часть соответствующей главки показательно составляет описание прогулки Путешественника к замку, где, по его убеждению, происходило действие карамзинской повести. В открытом море, на подходе к Бергену, ему на память приходит идиллия Саломона Геснера «Буря» (*«Der Sturm»*), перевод которой он включает в свой текст [Ibid.: 17: 57–59]¹².

В «Путешествии в Норвегию» есть несколько стихотворных вставок в сентименталистском духе, как, например, эта, что должна дать

¹² В подробнейшей на сей день библиографии русской рецепции немецких авторов эта публикация не учтена: [Drews 2008] Сравнительно недавний обзор литературы о Геснере в России см. в статье: [Койтен 2002: 135].

читателю представление о мыслях, нахлынувших на автора при виде шведского побережья:

Блаженств недолго длится время,
Утехи с юностью пройдут,
Восторги старости бегут,
И жизнь тогда лишь будет бремя [Ibid.: 17: 53].

В одной из глав, посвященных Бергену, находим игровое, эхолалическое стихотворение. Оно состоит из вопросов Путешественника к нереидам, содержащих в себе ответы:

Я

Я слышал, правда ли? все в мире суeta.

Нереиды

Все в мире суeta.

Я

О нимфы, правда то, — и жизнь одна мечта?

Нереиды

И жизнь одна мечта. *И т. д.* [Ibid.: 20: 98].

Завершается «Путешествие в Норвегию» кратким описанием приема русских путешественников датским королем и наследным принцем в Копенгагене. Из заключительного пассажа «Путешествия в Норвегию» следует, что из Копенгагена русское судно отправилось прямиком на родину: «Мы скоро оставим сию столицу, и надеюсь в непродолжительном времени увидеть берега моего отечества» [Ibid.: 20: 101].

Непосредственно за «Путешествием в Норвегию» в журнале следует еще один текст, в высшей степени близкий по стилистике (повествование здесь также нередко ведется от коллективного «мы»), — это «Путешествие в Швецию» [Аноним 1811], подпись под которым отсутствует. В печати появилась лишь одна часть, содержащая следующие четыре главки: «Стокгольмские шхеры», «Ваксгольм», «Стокгольм», еще раз «Стокгольм». О том, что это не продолжение описания норвежской поездки и речь идет о более раннем плавании, можно заключить из примечания к сцене в рыбачьей хижине, где имелся портрет Наполеона: «Сие писано в 1800 году» [Тейльс 1811в, 20: 104]. Прекращение издания «Северного Меркурия» стало причиной того, что публикация «Путешествия в Швецию» оборвалась, как говорится, «на полуслове» — последнюю главку, описывающую прием и бал в «королевском замке Карлеберг»¹³,

¹³ Автор отмечает, что в замке Карлеберг находился кадетский корпус и что шведские кадеты тепло встречали русских гостей.

замыкает указание «продолжение впредь». Процитирую ее финальные строки:

После ужина мы удалились из шумного собрания в самые мрачные аллеи, и тамо, находясь ближе к природе, друг другу, изливали свои мысли, самые души наши, казалось, сливались вместе; божественные минуты! и вечно незабвенные! воспоминание оных составит до конца дней моих наисладостнейшее чувство.

Моря, меж нас шумящи,
Не в силах истребить
Те чувствия горящи,
Клялись в которых жить [Ibid.: 20: 108].

Что оба травелога написаны одним лицом, можно заключить и по тому, что когда на пути в Берген русский корабль зашел в Хельсинборг (главка «Гельсинбург» «Путешествия в Норвегию»), Путешественник «воспользовался сим случаем доставить письма в Стокгольм и Норрчепинг к моим друзьям графу Страморельду, Адельсверду и Пейрону, с которыми я подружился прошлого года в Стокгольме и кои не представляли писать ко мне» [Ibid.: 17: 52]. О знакомстве с этими молодыми людьми на балу в замке Карлеберг и о связавшем их родстве душ сообщается в последней подглавке «Путешествия в Швецию» [Аноним 1811, 20: 106].

Судьбы Тейльсов по материалам Российского государственного исторического архива

Гербовое дело Тейльсов стало формироваться благодаря обращению в декабре 1800 г. в Департамент герольдии видного сановника Игнатия Антоновича Тейльса (1744–1815). Среди прочих документов в деле находим написанное им краткое изложение истории семьи в первой трети XVIII столетия, принадлежащее перу Игнатия Антоновича Тейльса, который подробно повествует о своих деде и отце и констатирует, что связи с родственниками, живущими в Западной Европе, давно прервались [РГИА.Ф.1343-30-719, л. 8–9].

Как выясняется из генеалогической схемы на л. 5, у Антона Вильгельмовича Тейльса¹⁴, родоначальника российской ветви семьи, было

¹⁴ Точные годы жизни А. В. Тейльса неизвестны. После въезда в Россию в 1714 г. он был определен в Московскую Главную, или Верхнюю аптеку доктором; по медицинской службе проходил до 1761 г. [Е. К. 1912]. Согласно мемуарам его правнука Андрея Дмитриевича Тейльса (1800–1870), содержащим, впрочем, большое число малодостоверных подробностей и известным в пересказе, А. В. Тейльс имел от трех браков «22 человека детей, их которых 14 умерли в детстве» [Петровский 1886: 399].

семеро сыновей: Иван, Антон, Игнатий, Александр, Андрей, Лев и Егор Антоновичи (в родословной они перечислены по старшинству)¹⁵. Хотя и другие его братья имели мужское потомство, но только у одного из них, у Александра Антоновича, находим сына по имени Андрей. Вместе с четырьмя братьями он фигурирует в качестве наследника их бездетного дяди Игнатия Антоновича Тейльса, скончавшегося 18 сентября 1815 г. в Белостоке: «[...] колледжского советника Александра Антоновича дети: надворный советник Андрей, флота капитан-лейтенант Александр, прапорщик Николай, губернский секретарь Петр и от артиллерии подпоручик Дмитрий Александровы Тейльсы» [РГИА.Ф.1343-30-719, л. 16]. Более сведений о них из этой архивной единицы почерпнуть не удается.

Положение исправляется благодаря «Делу по прошению титулярного советника Тейльса об определении его в Департамент просвещения» (1808) [РГИА.Ф.733-86-190, л. 1], в котором находится оригинал прошения Андрея Александровича Тейльса от 9 мая 1808 г. о том, чтобы его определили в департамент «на собственное содержание», «без произведения жалования». Из приложенного аттестата от 3 мая 1808 г., подписанного Н. Н. Новосильцевым, и из других документов этого дела выстраивается следующая карьера Тейльса до 1808 г.: 26 июля 1796 г. поступил из дворян в Морской кадетский корпус¹⁶; 29 мая 1800 г. произведен в гардемарины, 6 июня 1801 г. — в корпусные унтер-офицеры; 27 июня 1802 г. — в мичманы; 18 декабря 1803 г. «уволен от военной морской службы за болезнию в отставку»; 16 апреля 1804 г. определен «из отставных мичманов на ваканцию канцелярского служителя» в Комиссию о составлении законов; 1 октября 1804 г. помещен в число переводчиков при ней; 31 декабря 1805 г. произведен в титулярные советники; 3 мая 1808 г. уволен из Комиссии по составлению законов [Ibid., л. 2].

Здесь же содержится еще одно прошение Андрея Александровича Тейльса [Ibid., л. 4], поданное в сентябре 1816 г. на имя министра просвещения А. Н. Голицына, теперь уже об отставке «по болезни» от Департамента просвещения. Из этого документа, а также из выданного по увольнении аттестата [Ibid., л. 8–8об.] узнаем, как здесь протекала

¹⁵ Биографии лишь трех братьев, Ивана (ум. 1786), Антона (1733 — между 1811 и 1818; дата смерти требует корректировки) и Игнатия (1744–1815), неплохо известны благодаря статьям о них в «Русском биографическом словаре» и «Словаре русских писателей XVIII века». В отношении других братьев приходится пока довольствоваться служебной информацией из месяцесловов, согласно которым эти младшие Тейльсы вышли в отставку в 1790-е гг. Это наводит на мысль, что, с наибольшей вероятностью, они родились во второй половине 1740-х — начале 1750-х гг.

¹⁶ Эта дата, отмечу, несколько забегая вперед, неверна, в корпус Андрей Тейльс поступил в 1799 г. В 1808 г. он, со всей очевидностью, решил прибавить себе несколько лет выслуги.

его службы: 3 мая 1808 г. после увольнения из Комиссии по составлению законов Тейльс был определен в Департамент просвещения; 31 декабря 1808 г. произведен в коллежские асессоры; 20 декабря 1813 г. — в надворные советники. 21 октября 1816 г. Андрей Александрович Тейльс был уволен из Департамента.

Флотская биография Тейльсов

Данные о службе Андрея Александровича Тейльса на флоте побудили обратиться к «Общему морскому списку», где имеется следующая справка:

- 1799 г. июля 26. Поступил в морской корпус кадетом.
- 1800 г. мая 29. Произведен в гардемарины. На фрегате «Александр» плавал от Кронштадта до Стокгольма.
- 1801 г. На фрегате «Архипелаг» плавал от Кронштадта до Бергена.
- 1802 г. июня 28. Произведен в мичмана.
- 1803 г. февраля 18. Уволен от службы

[Веселаго 1894: 299]¹⁷.

Как известно из ранее цитированного гербового дела Тейльсов, у Андрея Александровича Тейльса был родной брат «флота капитан-лейтенант Александр». В «Общем морском списке» Веселаго читаем о нем:

- 1799 г. июля 26. Поступил в морской корпус кадетом.
- 1800 г. мая 29. Произведен в гардемарины. На фрегате «Александр» плавал от Кронштадта до Стокгольма.
- 1801 г. На фрегате «Архипелаг» плавал от Кронштадта до Бергена.
- 1802 г. июня 28. Произведен в мичмана.
- 1803 г. На канонерских лодках плавал от Роченсальма до Петербурга.
- 1806 г. На катере «Топаз» плавал у Красной горки.
- 1808 г. Командуя канонерскою лодкою, плавал между Петербургом и Кронштадтом.
- 1810 г. марта 1. Произведен в лейтенанты.

---

¹⁷ О двух учебных плаваниях Андрея Александровича Тейльса в его единственном сохранившемся формуляре 1804 г. читаем: «1800го года пожалован гардемарином и был в кампании на гребном фрегате „Александр“ под командованием капитан-лейтенанта Подчерьева с эскадрою капитана 1го ранга и кавалера фон Моллера. Рейз имели от Кронштадта до Стокгольма, оттуда до Наркопинга, потом до Ревеля, оттуда до Гельсинфорса, откуда до Роченсальма и обратно в Кронштадт, 1801го года пожалован унтер-офицером и находился на линейном фрегате „Архипелаг“ под командою капитана 2го ранга Малеева; рейз имели до Бергена и обратно в Кронштадт. Во время первой кампании удостоен был монаршего благоволения» [РГАВМФ.406-1-92, л. 281]. Ср. примеч. 19 и 20.

1812 г. Командуя ботом № 21, плавал от Петербурга до Роченсальма.

1814 г. апреля 2. Уволен от службы чином капитан-лейтенанта

[*Ibid.*: 298–299]¹⁸.

Как несложно заметить, карьера двух братьев в течение нескольких лет была почти идентичной — до того момента, когда Андрей Александрович Тейльс в 1803 г. покинул морское поприще. Оба брата, как видим, участвовали и в плавании 1800 г., описанном в «Путешествии в Швецию» — к нему и отсыпала «Идиллия на возвращение из Норвегии друга моего А. А. Т..лса в 800-м году октября 29 дня», автор которой скрылся под криптонимом «П - ръ У - - въ»¹⁹ — и в том, которое дало по-воду к сочинению «Путешествия в Норвегию одного молодого человека в 1801 году»²⁰.

Здесь имеет смысл обратиться к документам о поступлении Андрея и Александра Тейльсов в Морской кадетский корпус, содержащим сведения об их семье, домашнем образовании и зачислении в это учебное заведение. Процитирую следующее прошение, поданное братьями по стандартной форме 21 июля 1799 г.:

Всепресветлейший державнейший великий государь император Павел Петрович самодержец всероссийский государь всемилостивейший.

Просят недоросли из дворян Андрей и Александр Александровы дети Тейльсовы, а о чем, тому следуют пункты:

Отец наш родной Александр Тейльс в службе Вашего Имп. в-ва находился в армейских полках, отставлен коллежским советником. Ныне нам первому шестнадцатый, а второму четырнадцатый год. Российской грамоте читать и писать, также по-французски и по-немецки, географии, алгебры, архитектуры гражданской, механики, физики, фортификации обучены. Испомещены Калужской губернии [нрзб]. Никуда не определены и желание имеем вступить в Морской кадетский корпус в кадеты [РГАВМФ.432-1-823, л. 71].

¹⁸ В РГАВМФ хранится в общей сложности 14 его формуляров с детальной биографической информацией; ср., например: Поступной список 3-го корабельного экипажа флота лейтенанта Александра Тейльса сентября 9 дня 1813 года [РГАВМФ.406-2-257, л. 668].

¹⁹ Здесь следует указать, что в названии «Идиллия на возвращение из Норвегии друга моего А. А. Т..лса в 800-м году октября 29 дня», возможно, допущена опечатка и имелся в виду 1801 г., ведь, как явствует из дела, документирующего плавание учебной эскадры, в 1800 году фрегат «Александр», на котором находились братья Тейльсы, Балтийского моря не покидал и из иностранных гаваней якорь бросал лишь в Стокгольме [РГАВМФ.432-1-859]. Нельзя исключить и иную aberrацию, в связи с которой Норвегия стала фигурировать в названии.

²⁰ Плавание 1801 г., маршрут которого совпадает с описанным в «Путешествии в Норвегию одного молодого человека в 1801 году», подробнейше документировано: РГАВМФ.432-1-823, л. 71. Из рапорта Л. И. Голенищеву-Кутузову от 9 сентября 1801 г. узнаем, что оба Тейльса после второго морского путешествия прибыли в Кронштадт «слабыми после горячки» [*Ibid.*, л. 25].

В деле также находится письмо тверского гражданского губернатора Игнатия Антоновича Тейльса директору Морского кадетского корпуса И. Л. Голенищеву-Кутузову от 2 июля 1790 г. с просьбой о покровительстве племянникам. К нему приложено свидетельство Приказа общественного призрения Тверской губернии от 3 июня 1799 г., данное «Андрею Александровичу Тейльсу в том, что он сын господина коллежского советника и кавалера Александра Антоновича Тейльса и что он в списке дворян Калужской губернии в рассуждении состояния недвижимого наследственного имения его отца в той губернии» [Ibid., л. 73].

Вместе с семью другими однокашниками оба Тейльса фигурируют в предложении о принятии в корпус от 26 июля 1799 г., на основании которого в кадеты определили «недорослей из дворян на собственное их содержание Домашенкова, Макарова, Ушакова 1-го и 2-го, Радищева, Тейльса 1-го и 2-го, Манахтина, Пашкевича и Веревкина» [Ibid., л. 84]. В документах о поступлении указано, что в 1799 г. Андрею Александровичу Тейльсу щел шестнадцатый год, а его брату Александру — четырнадцатый [Ibid.], а за их родителями в Калужской губернии в Лихвенском уезде числилось двести крестьян.

И наконец в свидетельстве Курской духовной консистории, выданном 5 ноября 1800 г. и представленном в корпус, указана точная дата рождения Александра Александровича, часто именуемого Тейльсом 2-м:

По справке в Консистории по поданной в оную белоградской округи села Старого городища Рождествобогородицкой церкви от священно-церковно-служителей метрической за 1784-й год книге значится рожденным того года июня 28-го числа у старооскольского помещика отставного полковника Александра Антонова сына Тельса сын Александр [РГАВМФ.432-5-865, л. 1].

Упоминание ротмистра Василия Андреевича Борщова (ему было выдано свидетельство) как дяди будущего кадета позволяет установить, что мать Андрея и Александра Тейльсов происходила из древнего, хотя и небогатого рода дворян Борщовых²¹.

Загадочный «П - ръ У - - овъ»

Представив себе основные вехи ранней биографии братьев Тейльсов, имеет смысл попытаться установить, кто был автором «Идиллии

²¹ В делах Департамента герольдии находим этому подтверждение. В родословии 1790 г. перечислены дети от брака титулярного советника Андрея Филипповича Борщова, 57 лет, и Пелагеи Васильевны Иевливой. Среди них находим Василия Андреевича, 15 лет, сержанта Белогородского полка, и Анну Андреевну, 29 лет, жену коллежского советника Александра Тейльса [РГИА.Ф.1343-51-209, л. 5].

на возвращение из Норвегии друга моего А. А. Т..лса в 800-м году октября 29 дня», напечатанной в 1810 г. в «Северном Меркурии» с подписью «П - ръ У - - овъ». Фамилия Тейльс представляется наиболее вероятной как фамилия адресата этого произведения; и, скорее всего, «Идиллия» могла быть адресована тому из братьев, с кем автора связывали литературные интересы. В то же время морская тематика и «Идиллии», и «Путешествия в Норвегию одного молодого человека в 1801 году» наводят на мысль, эта дружба должна была, скорее всего, возникнуть в стенах Морского кадетского корпуса.

Просмотр «Общего морского списка», составленного Ф. Ф. Веселаго, не дал положительного результата: среди перечисленных здесь выпускников Морского корпуса не нашлось ни одного убедительного кандидата на то, чтобы считаться автором вышеупомянутой «Идиллии». В то же время среди тех, кто поступал вместе с обоими Тейльсами в корпус, мое внимание привлекла фигура юного Петра Александровича Ушакова, его имя и фамилия наилучшим образом подходят, чтобы стать ключом к криптониму. В этой мысли утверждает и то, что в журнале «Новости» в 1799 г. сразу после стихотворения Тейльса «К Юлии» («Где делось время счастья...») было напечатано пространное стихотворение «Разлука, писанная на берегу Волги под тению сосн» («Солнце за горы скатилось...») с подписью «Петр Ушаков» [Ушаков 1799]²². Пробуждению литературных интересов Ушакова, думается, способствовала и биографическая близость к Андрею Тейльсу, и принадлежность к родственному окружению А. Н. Радищева, подтверждение которой находим в документах Ушакова о поступлении в корпус.

В июле 1799 г. он подал на имя императора Павла следующее прошение:

Отец мой родной Александр Ушаков в службе Вашего Имп. в-ва находился во флоте капитан-поручиком и отставлен капитаном 2-го ранга, а ныне при штатских делах статским советником служит. Ныне мне от роду пятнадцать лет. Российской грамоте по правилам читать, писать, французскому и немецкому языкам, тригонометрии, арифметики, геометрии, алгебры, физики и рисовать обучен. Испомещен Тверской губернии Зубцовского и Тверского уезда, крестьян за отцом моим 200 душ. В службу же никуда я еще не определен и желание имею вступить в Морской кадетский корпус в кадеты [РГАВМФ.432-1-823, л. 71].

К прошению приложено свидетельство о том, что отец Петра Ушакова — Александр Андреевич Ушаков, тверской помещик и тверской

---

²² В конце стихотворения находится следующее указание: «1799 года мая 10 дня. Петр Ушаков — деревня Юркино». По-видимому, речь идет о деревне Юркино Бежецкого уезда Тверской губернии на удалении примерно восемидесяти километров от Волги.

гражданской палаты суда Третьей расправы Первого департамента председатель. Ушаков-отец — личность довольно известная; он примечателен в нескольких отношениях²³. Во-первых, он был единоутробным братом Анны Васильевны и Елизаветы Васильевны Рубановских, первой и второй жен Александра Николаевича Радищева, с которым его связывали близкие дружеские отношения (Радищев называл его «друг и брат»)²⁴. Отнюдь не случайно поэтому вместе с Ушаковым в корпус поступил и Павел Александрович Радищев (1783–1866), сын писателя, окончивший его 9 февраля 1805 г. и вскоре уволившийся от службы на флоте [Веселаго 1894: 102]²⁵. Во-вторых, Ушаков-отец сам был выпускником Морского кадетского корпуса, с 1771 по 1783 г. он служил на флоте, участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. В-третьих, Александр Андреевич Ушаков (1751 — не ранее 1822) был довольно крупным администратором: в 1800–1802 гг. — он вице-губернатор Тверской губернии; в 1802–1804 гг. — олонецкий губернатор; в 1804–1812 гг. — тверской губернатор.

Неясно, сколь долго находился в Морском корпусе Петр Александрович Ушаков, родившийся в 1783 г. Более упоминаний о нем в делах этого учебного заведения обнаружить не удалось, т. е. Ушаков явно ненадолго задержался в его стенах, не был произведен ни в мичманы, ни в гардемарину. В то же время его родство с Радищевыми позволяет предполагать его раннюю прикосновенность к литературе, литературные интересы. Точно об Ушакове-сыне известно лишь то, что уже 19 сентября 1802 г., явно не без протекции своего отца, он в чине губернского секретаря был назначен директором Главного народного училища в Петрозаводске и отправлял эту должность по 2 марта 1804 г. [Фортунатов 1858: 4]. Дальнейший его жизненный путь неизвестен.

Представление о художественно одаренных петербургских кадетах, учившихся на рубеже XVIII и XIX вв. в Морском кадетском корпусе, будет неполным без упоминания знаменитого медальера графа Федора Петровича Толстого (1783–1873), поступившего сюда 26 июня 1798 г., на год раньше, чем Тейльсы, Ушаков и Радищев. В 1800 г. он совершил учебное плавание на фрегате «Богоявление» к берегам Швеции (то есть в той же эскадре, что и Тейльсы), а в 1801 г. плавание на фрегате «Архипелаг» в Данию и Норвегию (т. е. на том же корабле, что и Тейль-

²³ Из последних разысканий о его биографии стоит упомянуть статьи: [Капуста 2004; Ермолов 2012].

²⁴ См., например, письмо А. Н. Радищева А. А. Ушакову от 25 июля 1797 года и комментарии к нему: [Радищев 1954: 498–499, 644–645].

²⁵ О П. А. Радищеве, его литературных интересах и усилиях, предпринятых для сохранения памяти об отце, см. в предисловии Д. С. Бабкина к кн.: [Радищев, Радищев 1959: 10–36].

сы); об обеих морских поездках Толстой подробно и красочно поведал в своих воспоминаниях [Толстой 2001: 79–126]. Они составляют яркий пандан к тому, что описано в «Путешествии в Швецию» и в «Путешествии в Норвегию одного молодого человека в 1801 году». Как и Андрей Александрович Тейльс, Толстой не считал морскую службу своим призванием и потому тоже довольно скоро, 13 октября 1804 г., в чине лейтенанта вышел в отставку [Веселаго 1894: 319].

Андрей Александрович Тейльс — драматург

В Российском государственном историческом архиве хранится дело, содержащее информацию о трагедии в стихах Андрея Александровича Тейльса, именуемой здесь «Геркулес». О возможной ее постановке министр народного просвещения граф Алексей Кириллович Разумовский (1748–1822) спрашивался у директора императорских театров Александра Львовича Нарышкина (1760–1826) в письме от 31 марта 1812 г. Из письма явствует, что это было уже второе обращение и что Разумовский «принимал участие» в сочинителе, «коллежском советнике Тейльсе», служившем по его ведомству. Из чернового отпуска ответного письма Нарышкина от 9 мая 1812 г. явствует, что после рассмотрения «Геркулеса» в Конторе императорских театров было признано, что «хотя пьеса сия и имеет свои достоинства», но представить ее на театре «в настоящем виде по многим причинам невозможно»; автору предлагалось без конкретных на то указаний «некоторые места переправить» [РГИА.Ф.497-1-1065, л. 2]. Обращение к подробнейшему указателю репертуара Российского театра в Петербурге, составленному М. П. Троянским с учетом многолетних разысканий В. Н. Всееволодского-Гернгресса, убеждает в том, что до постановки «Геркулеса» дело так и не дошло [Троянский]²⁶.

Предпринятые поиски увенчались успехом: одна из рукописей трагедии, озаглавленной автором «Геркулес и Деянира» (автограф 1807 г. с интенсивной авторской правкой), обнаружилась в собрании В. Н. Перетца в Пушкинском Доме [Тейльс 1807]²⁷, другая — в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки [РНБ.Ф.XIV.71]²⁸. Пьеса Тейльса — разработка сюжетной коллизии, лежащей в основе «Трахинянок» Софокла и «Геркулеса на Эте» Сенеки, с той лишь разницей, что Гилл у Тейльса знакомится с Иулой (Иолой), в нее влюбляется и за-

²⁶ Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность Т. А. Синельниковой за помощь в разыскании текста пьесы Андрея Тейльса и установлении ее сценической судьбы.

²⁷ Ср. краткие описания рукописи: [Бакланова, Могилянский 1953: 121; Малышев 1965: 167].

²⁸ Это копия рукой писца с правкой А. А. Тейльса. См.: [Отчет 1905: 120 (пьеса описана как оригинальное произведение); Розов 1963: 63].

воевывает ее взаимность еще до того, как Геркулес ее пленяет. Став соперником отца, Гилл навлекает на себя его гнев. Геркулес у Тейльса, правда, вскоре раскаивается и в своей страсти, и в том зле, что хотел причинить жене, сыну и Иуле. Но это происходит в тот момент, когда уже ничто не может отвратить его кончины. Как и у древних трагиков, Деянира погибает вслед за мужем. Изменение сюжета позволило Тейльсу наполнить пьесу чувствительными сценами и объяснениями, что выдает его ученичество у В. А. Озерова, чьи трагедии в это время пользовались популярностью у петербургской публики.

Надгробия и даты

Следует, наконец, упомянуть, что не так давно Андрей Александрович и Александр Александрович Тейльсы стали предметом внимания старооскольских краеведов, но совсем по другому поводу: в 2000 г. в селе Кунье Горшеченского района Курской области во время выравнивания территории, прилегающей к Храму Пресвятой Богородицы, бульдозер извлек на поверхность могильные плиты братьев. Настоятель храма о. Владимир Русин, отталкиваясь от указания на могильном камне второго из братьев о том, что он был морским офицером, обратился с запросом в Российский государственный архив военно-морского флота. Полученная информация позволила осветить «морской» этап биографии братьев в главе «Кто такие Тейльсы?» книги «Иное Кунье», выпущенной о. Владимиром Русиным [Русин 2009: 11–12]. Здесь же были впервые описаны надгробья братьев.

Приведем и мы надписи, сохраненные для нас могильными, отчасти поврежденными камнями, раскрывая в квадратных скобках сокращенное и утраченное:

положено	[под камнем сим]
тело надв:[орного]	положен[о]
совет:[ника]> Андре[я]	тело флота
Алек:[сандровича]> Тейльса.	[к]апитанъ-лей
родился 1788 го[да],	[т]енанта Алек
мая 21 дня,	сандръ Те
скончался 1822	[i]льса родился
августа 29 д[ня].	[17]84 год[а] июля
	[2]8 числа, скон
	[ча]лся 1825 года
	[...] дня.

Как нетрудно заметить, дата рождения Андрея Александровича Тейльса противоречит тому, что мы о нем знаем, а именно тому, что он был

примерно на два года старше Александра. Ошибки на могильных камнях не редкость, в особенности когда речь идет о датах рождения. Судя по виду надгробий, они, скорее всего, создавались уже после смерти Александра Александровича Тейльса, отчего и могла произойти подобная аберрация. Так как никакого документального подтверждения даты рождения Андрея Александровича не имеется, наиболее правдоподобным представляется 1782 г. (день рождения на могильной плите, думается, указан верно), в этом случае различие в возрасте братьев как раз и составит два года. Что касается смерти, наступившей 29 августа 1822 г., то в ее моменте сомневаться не приходится.

Дата рождения Александра Александровича Тейльса — 28 июня 1784 г. — подтверждается цитированным выше свидетельством о его крещении, представленным в Морской кадетский корпус при поступлении (на надгробии ошибочно: «июля»). Из-за повреждений могильного камня остается довольствоватьсь пока лишь годом смерти — 1825.

Здесь уместно коснуться и шаткой датировки смерти Антона Антоновича Тейльса, утвердившейся в литературе вслед за «Русским биографическим словарем». Напомню, В. Л. Модзалевский писал здесь об Антоне Антоновиче Тейльсе: «Умер между 1811 и 1818 годами» [Модзалевский 1912: 346]²⁹. Ученый полагал его автором публикаций 1811 г. в «Северном Меркурии», что объясняет предложенный им *terminus post quem*. В то же время, как ни старался, я не смог найти каких-либо обоснований для *terminus ante quem*.

Так как все публикации в периодике после 1799 г., ранее приписывавшиеся Антону Антоновичу Тейльсу, ему не принадлежат, последним достоверным фактом его жизни следует признать выход в отставку 25 сентября 1798 г. в возрасте 65 лет. В связи с этим дату его смерти, на мой взгляд, имеет смысл обозначать в справочниках так: «после 1798 года».

* * *

Вышеизложенное, думаю, не оставляет сомнений в том, что Андрей Тейльс, печатавшийся в русских литературных журналах с 1799 по 1811 г., и Андрей Александрович Тейльс (1782 — 29 августа 1822) — одно и то же лицо. Первый и основной аргумент в пользу такого утверждения — это то, что Андрею Александровичу Тейльсу несомненно принадлежит трагедия в стихах, манера которой вполне сообразуется со стилем лирики того, кто, однажды подписавшись «Андрей Тейльс», выдал себя. Биография Андрея Александровича Тейльса, реконструируемая по архивным источникам, никоим образом не проти-

---

²⁹ Ту же дату смерти находим у С. Н. Травникова, О. В. Жаворонковой и А. И. Серкова (ср. примеч. 5).

воречит подобной идентификации, а некоторые подробности даже подтверждают ее, как, например, примечание к «Письму к ...» («Черты руки твоей достигли...»), в котором упомянуто недавнее кадетское прошлое автора.

Также и содержание стилистически однородных «Путешествия в Норвегию» и «Путешествия в Швецию» вполне сообразуется с тем, что известно о двух учебных плаваниях Андрея Александровича Тейльса³⁰. Отсылки в первом из них ко второму не оставляют сомнения в том, что оба они принадлежат перу одного и того же автора. Существенно и то, что после «Путешествия в Швецию» в журнале помещено два стихотворения с подписью «А. Тейльс», т. е. можно говорить о довольно пространном блоке сочинений одного автора в номере 20 майского выпуска «Северного Меркурия». Кандидатуры других Андреев Тейльсов на авторство этих произведений должны быть отведены по соображениям хронологии; нет и никаких сведений, что они писали стихи и художественную прозу³¹.

Общеизвестно, сколь важен для юных литературных дарований круг единомышленников, с которыми они могут обсуждать свои замыслы и к которым обращать свои произведения. Как кажется, именно таким другом-сверстником для Андрея Александровича Тейльса был Петр Александрович Ушаков, который, скорее всего, был автором «Идиллии на возвращение из Норвегии друга моего А. А. Т..лса в 800-м году октября 29 дня». Литературные интересы Андрея Александровича Тейльса служат залогом того, что именно к нему, а не к его брату Александру обращено это произведение. Судя по всему, к Ушакову, покинувшему к тому моменту Морской кадетский корпус, обращено и «Письмо к ...», в котором Андрей Александрович признавался, что пребывание в корпусе его тяготило и что, следовательно, друзей сближали какие-то иные, не военные и не навигационные интересы (т. е. «Письмо к ...», с наибольшей вероятностью, написано в 1800 или 1801 г.).

Конечно, место Андрея Александровича Тейльса на российском Парнасе начала XIX в. весьма скромное, а литературные заслуги невелики. Но это никоим образом не отменяет его права на биографию, на собственный корпус произведений и на просвещенное внимание позднейших читателей.

³⁰ Ср. данные формуляра 1804 года в примеч. 17.

³¹ См. примеч. 7.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ИРЛИ РАН – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург)

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота (С.-Петербург)

РГИА – Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)

Библиография

Источники

Рукописи

РГАВМФ.406-1-92

РГАВМФ, ф. 406, оп. 1, ед. хр. 92. Послужные Морской артиллерию, 1810, 781 л.

РГАВМФ.406-2-257

РГАВМФ, ф. 406, оп. 2, ед. хр. 257. Формулярные списки лейтенантов, 1813 г., 41 л.

РГАВМФ.432-1-823

РГАВМФ, ф. 432, оп. 1, ед. хр. 823. О зачислении кадет 1799 г., 145 л.

РГАВМФ.432-1-859

РГАВМФ, ф. 432, оп. 1, ед. хр. 859. О плавании гардемарин и кадет ... 1800 г., 134 л.

РГАВМФ.432-5-865

РГАВМФ, ф. 432, оп. 1, ед. хр. 865. Тельс Александр Александрович, 1800 г., 2 л.

РГАВМФ.432-1-900

РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Ед. хр. 900. О плавании гардемарин и артиллерийских кадет ... 1801 г., 84 л.

РГИА.Ф.497-1-1065

РГИА, ф. 497 (Дирекция императорских театров МИДВ), оп. 1, ед. хр. 1065. Дело о принятии трагедии Тейльса «Геркулес» для представления на сцене, 1812, 2 л.

РГИА.Ф.733-86-190

РГИА, ф. 733, оп. 86, ед. хр. 190, Дело о службе дворянина А. А. Тейльса в Департаменте народного просвещения, 9 мая 1808 г. – 21 октября 1816 г., 8 л.

РГИА.Ф.1343-30-719

РГИА, ф. 1343, оп. 30, ед. хр. 719, Дело Тейльс гербовое Калужской, Московской, Тульской губерний, 1863.

РГИА.Ф.1343-51-209

РГИА, ф. 1343, оп. 51, ед. хр. 209, Родословная книга дворян Курской губернии, 1877–1900.

РНБ.Ф.XIV.71

ОР РНБ, ф. 550 (ОСРК). F.XIV.71. Тейльс Ан., Геркулес и Деянира: трагедия в 5 действиях, в стихах, с хорами, 1807 г., 35 л.

Тейльс 1807

Древлехранилище ИРЛИ РАН. Собрание Перетца, ед. хр. 552. Тейльс Ан. Геркулес и Деянира, 1807, 29 л.

Троянский

Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека, ф. 70, оп. 1, ед. хр. 1. Троянский М. П. Подневный репертуар старейшего национального театра страны – Российского театра Петербурга (1787–1832), 463 л.

Издания

Аноним 1803

[Аноним], Послание 1 («Гонимый от небес и страстию терзаясь...»); Послание 2 («Хотя уныние в груди моей питаю...»); Послание 3 («Где делось время счастья?..»); Послание 4 («Тревожимый всегда прелютою тоскою...»); Послание 5 («О Цинтия! почто в поля не поспешаешь...»); Послание 6 («Темира! коль любовь вменить во преступленье...»), *Новости русской литературы ... на 1803 год*, 98, 1803, 306–307, 308–309, 310, 310–312, 313–314, 314–316.

Аноним 1811

[Аноним], Путешествие в Швецию, *Северный Меркурий*, 20, 1811, 102–108.

Брийон 1779a

[Брийон П.-Ж.], Мнения Паскаля, *Утренний свет*, 6, 1779, 83–165; 8, 1779, 273–368; 11, 1779, 181–264.

Брийон 1779б

[Брийон П.-Ж.], *Подражание Феофрастовых характеров и Паскалевых мыслей, переведен с французского языка Антон Тейльс*, [1]–2, [Москва], 1779.

Веселаго 1894

Веселаго Ф. Ф., *Общий морской список от основания флота до 1917 г.*, 8: Царствование императора Александра I. П.–Ф., С.-Петербург, 1894.

П - ръ У - - въ 1810

П - ръ У - - въ, Идиллия на возвращение из Норвегии друга моего А. А. Т.лса в 800-м году октября 29 дня, *Северный Меркурий*, 23, 1810, 104–107.

Петровский 1886

Петровский С. А., Из фамильных преданий Тейльса, *Исторический вестник*, 11, 1886, 397–407.

Радищев 1954

Радищев А. Н., *Полное собрание сочинений*, 3, Москва, Ленинград, 1954.

Радищев, Радищев 1959

[Радищев Н. А., Радищев П. А.], *Биография А. Н. Радищева написанная его сыновьями, подгот. текста, статья и примеч. Д. С. Бабкина*, Москва, Ленинград, 1959.

Тейльс 1799

Тейльс А., К чижу прекрасной Лизы («Прекрасной чижик милой...») и К Юлии («Где делось время счастья...»), *Новости*, 7, 1799, 217–218, 219 (подп.: А. Тейльс).

Тейльс 1799

Тейльс А., де, Надпись Карлу XII («Сей камень ужас ощущает...»), Младенцу («Сокрытый среди сих грозящих...»), Его превос[ходительству] Ф. Ф. А. («Среди сих кипарисов мрачных...»), *Иппокрена*, 2, 1799, 286–288, 303.

— 1805

Тейльс А., «Стихи к К...» («Где делось время счастья?..»), *Северный вестник*, 11, 1805, 163.

— 1806а

Тейльс, «Письмо к ...» («Черты руки твоей достигли...»), *Лицей*, 3/2, 1806, 9.

— 1806б

Тейльс Андрей, Мысли из Еклезиаста («Когда цвела моих дней роза...»), *Лицей*, 4/3, 1806, 26–29.

— 1811а

Тейльс А., К Крт. Бзс. («Где делось время счастья?..»), *Северный Меркурий*, 17, 1811, 64.

1811б

Тейльс Ан., Песни из Галатеи [7 стихотворений], *Северный Меркурий*, 18, 1811, 59–61, 76–79.
 Тейльс 1811в

Тейльс Ан., Путешествие в Норвегию одного молодого человека в 1801 году, *Северный Меркурий*, 15, 1811, 17–28; 17, 1811, 49–59; 19, 1811, 93–96; 20, 1811, 97–101.

Тейльс В. 1789

[Тейльс В.], *Известия, служащие к истории Карла XII, короля шведского, содержащие в себе, что произошло в бытность сего государя при оттоманской Порте, и достоверное уведомление о несогласиях, приключившихся от времени до времени между его царским величеством и Портою и пр. ... Все достоверными опытами доказано и издано через В. Тейльса, первого переводчика Порты и секретаря при его сиятельстве господине графе Колиере, обретающемся посланником при Порте от их высокомоществ; с французского перевел внук его Антон Тейльс*, Москва, 1789.

Толстой 2001

[Толстой Ф. П.], *Записки графа Ф. П. Толстого*, сост., вступ. ст. и коммент. А. Е. Чекуновой, Е. Г. Гороховой, Москва, 2001.

Ушаков 1799

Ушаков П., Разлука, писанная на берегу Волги под тению сосн («Солнце за горы скатилось...»), *Новости*, 7, 1799, 220–225.

Штурм 1782

[Штурм Л. К.], *Совершенное описание строения мельниц, в котором обстоятельно показывается: I. Все правила потребные для практики и не многим сведомые. II. Удобности, какие наблюдать должно при заложении водяных колес к разным машинам. III. Что особенно нужно поправить в хлебных, крупяных, бумажных, пороховых, пильных, шлифовалальных мельницах, в маслобойнях, точильнях и проч. ... перевел с немецкого ... по четвертому аugsбургскому 1778 года изданию Антон Тейльс*, [М.], 1782.

Brillon 1697

Brillon P. J., *Ouvrage nouveau dans le goût des caractères de Théophraste et des Pensées de Pascal*, Paris, 1697.

Литература

Бакланова, Могилянский 1953

Бакланова Н. А., Могилянский А. П., Обзор древнерусских рукописей, поступивших в Пушкинский Дом из Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР, *Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома*, 4, Москва, Ленинград, 1953, 118–128.

Е. К. 1912

Е. К., Тейльс Антон Вильгельмович де, *Русский биографический словарь*, [20:] «Суворова – Ткачев», С.-Петербург, 1912, 437–438.

Ермолаев 2012

Ермолаев И. Н., «Я попал в самый ябеднический край...», *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 1, 2012, 16–18.

Жаворонкова 2010

Жаворонкова О. В., Тейльс Антон Антонович, А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков, сост., *Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь*, Москва, 2010, 710.

Заборов 1978

Заборов П. Р., *Русская литература и Вольтер. XVIII – первая третья XIX века*, Ленинград, 1978.

Капуста 2004

Капуста Л. И., Олонецкий губернатор Александр Андреевич Ушаков: материалы к биографии, *Державинский сборник. 2004*, Петрозаводск, 2004, 86–102.

Койтен 2002

Койтен А., Державинские переводы из Геснера и Гердера: По материалам архива Державина, *Новое литературное обозрение*, 2, 2002, 119–138.

Корконосенко 2018

Корконосенко К. С., сост., *Испанская литература в русских переводах и критике: Библиография*, С.-Петербург, 2018.

Лаппо-Данилевский 2010а

Лаппо-Данилевский К. Ю., Тейльс Иван Антонович, *Словарь русских писателей XVIII века*, 3: Р–Я, С.-Петербург, 2010, 224–225.

— 2010б

Лаппо-Данилевский К. Ю., Тейльс Игнатий Антонович, *Словарь русских писателей XVIII века*, 3: Р–Я, С.-Петербург, 2010, 225–228.

Малышев 1965

Малышев В. И., сост., *Древнерусские рукописи Пушкинского Дома: обзор фондов*, Москва, Ленинград, 1965.

Модзалевский 1912

Модзалевский В., Тейльс Антон Антонович, *Русский биографический словарь*, [20]: «Суворова – Ткачев», С.-Петербург, 1912, 346–347.

Отчет 1905

Отчет Императорской публичной библиотеки за 1900 и 1901 гг., С.-Петербург, 1905.

Розов 1963

Розов Н. Н., Материалы по истории русского драматического театра в рукописных фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (XVII в. – 1940-е годы), *Театр и музыка. Документы и материалы*, Москва, Ленинград, 1963, 57–71.

Русин 2009

Русин В. М., автор-сост., *Иное Кунье. История храма и села в заметках, документах и иллюстрациях. Дополнение к книге «Кунье. Под покровом Пресвятой Богородицы»*, Старый Оскол, 2009.

Сводный каталог, 1–4

Сводный каталог serialных изданий России (1801–1825), 1–4, С.-Петербург, 1997–2015.

Серков 2001

Серков А. И., *Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь*, Москва, 2001.

Симанков 2019

Симанков В. И., Петербургский журнал «Новости» (1799): позабытое издание графа Д. И. Хвостова, Г. Р. Державин и его время: *Сборник научных статей*, 14, С.-Петербург, 2019, 123–146.

Травников 2010

Травников С. Н., Тейльс Антон Антонович, *Словарь русских писателей XVIII века*, 3: Р–Я, С.-Петербург, 2010, 223–224.

Фортунатов 1858

Фортунатов Ф., *Историческая записка о пятидесятилетии Олонецкой гимназии*, С.-Петербург, 1858.

Drews 2008

Drews P., *Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland 1750–1850 (= Slavistische Beiträge*, 460), München, 2008.

References

- Baklanova N. A., Mogilianskii A. P., Obzor drevnerusskikh rukopisei, postupivshikh v Pushkinskii Dom iz Instituta mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Akademii nauk SSSR, *Biulleteni Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma*, 4, Moscow, Leningrad, 1953, 118–128.
- Drews P., *Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland 1750–1850* (= Slavistische Beiträge, 460), München, 2008.
- Ermolaev I. N., I Live in the Province of Sneak..., *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 1, 2012, 16–18.
- Kapusta L. I., Olonetskii gubernator Alek-sandr Andreevich Ushakov: materialy k biografi,ii, *Derzhavinskii sbornik*. 2004, Petrozavodsk, 2004, 86–102.
- Keuten A., Derzhavinskie perevody iz Gesnera i Gerdera: Po materialam arkhiva Derzhavina, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2, 2002, 119–138.
- Korkonenko K. S., ed., *Ispanskaia literatura v russkikh perevodakh i kritike: Bibliografia*, St. Petersburg, 2018.
- Lappo-Danilevskii K. Yu., Teil's Ignatii Antonovich, *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 3: R–Ia, St. Petersburg, 2010, 225–228.
- Lappo-Danilevskii K. Yu., Teil's Ivan Antonovich, *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 3: R–Ia, St. Petersburg, 2010, 224–225.
- Malyshev V. I., ed., *Drevnerusskie rukopisi Pushkinskogo doma: obzor fondov*, Moscow, Leningrad, 1965.
- Rozov N. N., Materialy po istorii russkogo dramaticeskogo teatra v rukopisnykh fondakh Gosudarstvennoi Publichnoi biblioteki im. M. E. Saltyko-va-Shchedrina v Leningrade (XVII v. – 1940-e gody), *Teatr i muzyka: dokumenty i materialy*, Moscow, Leningrad, 1963, 57–71.
- Rusin V. M., ed., *Inoe Kun'e. Istoriiia khrama i selo v zametkakh, dokumentakh i illiustratsiakh. Dopolnenie k knige «Kun'e. Pod pokrovom Presviatoi Bogorodity»*, Stary Oskol, 2009.
- Serkov A. I., *Russkoe masonstvo 1731–2000. Entsiklopedicheskii slovar'*, Moscow, 2001.
- Simankov V. I., Peterburgskii zhurnal «Novosti» (1799): pozabytoe izdanie grafa D. I. Khvostova, G. R. Derzhavin i ego vremia. *Sbornik nauchnykh statei*, 14, St. Petersburg, 2019, 123–146.
- Travnikov S. N., Teil's Anton Antonovich, *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 3: R–Ia, St. Petersburg, 2010, 223–224.
- Zaborov P. R., *Russkaia literatura i Vol'ter. XVIII – pervaia tret' XIX veka*, Leningrad, 1978.
- Zhavoronkova O. V., Teil's Anton Antonovich, A. Yu. Andreev, D. A. Tsygankov, eds., *Imperatorskii Moskovskii universitet: 1755–1917: entsiklopedicheskii slovar'*, Moscow, 2010, 710.

Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский, доктор филологических наук, Dr. habil.

ведущий научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

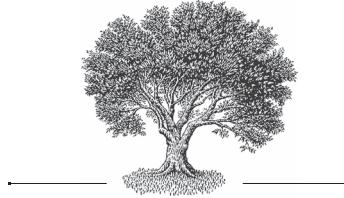
Отдел по изучению русской литературы XVIII века

199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4

Россия / Russia

yuriy-danilevskij@yandex.ru

Received January 27, 2022

Sündenvergebung oder spirituelle Führung? Transformation der Bedeutung von „duhovnik“ in der russischen Sprache des 19. Jahrhunderts*

Alexey Iv. Černyi

Orthodoxe St.-Tichon-Universität für Geisteswissenschaften, Moskau, Russland

Отпущение грехов или духовное руководство? Трансформация понятия «духовник» в русском языке XIX века

Алексей Иванович
Черный

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

Abstrakt

Dieser Artikel untersucht den Begriff „Duhovnik“ (wortwörtlich aus dem Russischen „Beichtvater“) in der russischen Sprache des 19. Jahrhunderts anhand des Ansatzes der „Begriffsgeschichte“. Eine Analyse der Quellen zeigt, dass mit der Verbreitung des Diskurses zum Thema Askese unter Beibehaltung der Grundbedeutung des “Priesters, der die Beichte abnimmt” dem Beichtvater

* Dieser Artikel wurde im Rahmen des Projekts „Begriffsgeschichte als Spiegel der Sozial- und Geistesgeschichte der russischen Kirche“ der Arbeitsgruppe zur Erforschung kirchlicher Institutionen (Ecclesiastical Institutions Research Laboratory) mit Unterstützung der Stiftung „Lebendige Tradition“ der Orthodoxen St.-Tichon-Universität für Geisteswissenschaften (PSTGU) vorbereitet.

Zitierung: Černyi A. I. (2022) Sündenvergebung oder spirituelle Führung? Transformation der Bedeutung von „duhovnik“ in der russischen Sprache des 19. Jahrhunderts. *Slovène*, Vol. 11, № 2, p. 149–167.

Цитирование: Черный А. И. Отпущение грехов или духовное руководство? Трансформация понятия «духовник» в русском языке XIX века // Slovène. 2021. Vol. 11, № 2. С. 149–167.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.11.2.7

allmählich asketische Anforderungen gestellt werden. Diese beziehen sich auf die klösterliche Tradition der geistlichen Führung, des Gehorsams und der Gedankenoffenbarung. Der Wandel der Erwartungen spiegelt weniger die gelebte Realität wider, sondern wird zu einer Art Zukunftsgestaltung. Ihre Besonderheit besteht aber darin, dass sie nicht mit der Idee des Fortschritts verbunden ist, sondern mit dem Versuch, die ursprüngliche und „verlorene“ Spiritualität wiederherzustellen - als Reaktion auf Modernisierung und Säkularisierung. Die im Laufe der Forschung gewonnene Bandbreite der Bedeutungen ermöglicht es, die Mehrdeutigkeit des Begriffs „Duhovnik“ in der modernen Praxis der russisch-orthodoxen Kirche zu erklären.

Stichwörter

Beichtvater, geistlicher Vater, Beichte, geistliche Führung, Begriffsgeschichte, Russisch-Orthodoxe Kirche, Synodalzeit

Резюме

Статья рассматривает понятие «духовник» в русском языке XIX в., используя концепцию «Begriffsgeschichte». Анализ источников позволяет выявить, что с распространением аскетического дискурса при сохранении базового значения «исповедующий священник» к духовнику постепенно начинают предъявляться требования, отсылающие к монашеской традиции духовного руководства. Трансформация горизонта ожиданий от духовника не столько отражает эмпирическую реальность, сколько становится своеобразным конструированием будущего. Она явным образом обладает спецификой, поскольку связана не с представлением о прогрессе, а с попыткой восстановить «первоначальную» и утраченную духовность в ответ на модернизацию и секуляризацию. Полученная в ходе исследования палитра смыслов позволяет объяснить неоднозначность употребления понятия «духовник» в современной практике Русской Православной Церкви.

Ключевые слова

духовник, духовный отец, исповедь, духовное руководство, история понятий (Begriffsgeschichte), Русская Православная Церковь, синодальный период

Nach dem Ansatz der Begriffsgeschichte können wichtige Veränderungen im gesellschaftlichen Leben untersucht werden, indem die zentralen gesellschaftlichen Begriffe analysiert werden, in denen sich diese Veränderungen widerspiegeln. Betrachtet man das religiöse Leben in Russland während der Synodalzeit, so kann man davon ausgehen, dass seine bedeutenden Wandlungen auch anhand der Begriffsgeschichte, einschließlich der Kategorien religiöser Autorität, nachgewiesen werden können. Einer dieser mehrdeutigen¹ und zugleich aufschlussreichen Konzepte ist der Begriff „duhovnik“.

Die Wandlung des Begriffs „duhovnik“ in Russland im 19. Jahrhundert lässt sich nur mit Vorbehalten begriffsgeschichtlich analysieren. Dieser Ansatz

¹ Dies wird von Irina Paert angemerkt [Paert 2014: 141–142].

hat sich als besonderer Trend in der Geschichtsschreibung in den 1960er – 1970er Jahren in Deutschland herausgebildet. Seine theoretische Begründung erfolgte zunächst in den Werken von Reinhart Koselleck, der „geschichtliche Grundbegriffe“ herausarbeitete und nach bestimmten Kriterien auswählte. Koselleck ging davon aus, dass Geschichtsverständnis durch die Analyse der Entwicklung des Glossars gesellschaftspolitischer Theorien möglich ist. In dieser Hinsicht können, so Koselleck, nur die Konzepte als grundlegend herausgegriffen werden, die im historischen Prozess von großer Bedeutung gewesen sind, die mit universellen Strukturen verbunden sind und die für die Beschreibung der politischen und gesellschaftlichen Organisation entscheidend sind [Koselleck 1972: XIII–XIV]. Der Begriff „duhovnik“ entspricht diesen Kriterien offensichtlich nicht vollständig, da er nur einen bestimmten Tätigkeitsbereich einiger Vertreter einer großen gesellschaftlichen und beruflichen Gruppe bezeichnet. Andererseits ist die Begriffsgeschichte jedoch weitgehend eine Deutungsgeschichte, eine Beschreibung der Inhaltsänderungen von Begriffen, die Veränderungen in der Realitätswahrnehmung im Zuge der gesellschaftlichen Modernisierung an der Wende vom 18. zum 19. Jahrhundert widerspiegeln. Koselleck analysiert den Wandel der Begriffe, der den Wandel der Gesellschaft im Zuge der politischen und industriellen Revolution widerspiegelt [Словарь основных исторических понятий 2016: 24–25]. Solche Konzepte können viele semantische Schichten akkumulieren, verlieren ihren allgemein anerkannten Inhalt, werden innerlich widersprüchlich und lassen sich gegenseitig ausschließende Interpretationen zu. Indem sie sich vom Erfahrungsräum loslösen, können sie die Erwartungen abbilden und so neue Normativität vorschlagen und die Zukunft gestalten [siehe Козелек 2016]. Wenn wir versuchen, das religiöse Leben in Russland unter diesem Blickwinkel zu betrachten, wird sich der Begriff „duhovnik“ als einer der wichtigsten herausstellen.

Es ist anzumerken, dass sich der Gegenstand dieser Studie von vielen anderen Ansätzen zur Erforschung des Klerus und des Phänomens der Beichte im Russischen Kaiserreich unterscheidet, wie etwa von Untersuchungen von Funktionen der Beichtpraxis in einem orthodoxen Staat [Киценко 2018], Studien über den Inhalt von Beichtfragenkatalogen und andere technische Aspekte des Bußsakraments [Корогодина 2006], Studien über die Besonderheiten der Herausbildung und Entwicklung der russischen Bußpraktiken [Живов 2018: 48–97; Idem 2008: 303–343] usw. Der Fokus dieser Arbeit liegt auf dem Inhalt des Begriffs „duhovnik“ und seinen anhand von verschiedenen Texten der Synodalzeit feststellbaren Veränderungen. Wenn wir den Begriff „duhovnik“ untersuchen, betrachten wir ihn als Synonym des Begriffs „geistlicher Vater“. Auf diese Gleichsetzung weisen insbesondere Wörterbücher aus dem 18. – 19. Jahrhundert hin. Die Begriffe „spiritueller Mentor“ oder „spiritueller Anführer“ hingegen tauchen relativ spät im russischsprachigen

Raum auf und werden fast immer eher mit klösterlichen als mit parochialen Praktiken in Verbindung gebracht². Wir klammern ferner die Begriffe „svâsennik“ („Priester“) und „pastyr“ („Hirte“) aus. „Svâsennik“ („Priester“) wird am häufigsten verwendet, ist inhaltlich recht genau determiniert und hat auch historisch keine wesentlichen Bedeutungswandlungen erfahren. Der kirchenslawische Begriff „pastyr“ („Hirte“) und seine Derivate wie „pastyrstvo“ („Hirtentum“), „pastyrstvovat“ („pastoral tätig sein“) etc. können im russischsprachigen Raum als eine allgemeine Charakterisierung des Priesters in seiner Funktion als Anleiter der Gläubigen („pastva“³ — „Herde“) verstanden werden, kann aber gewisse Konnotationen tragen. Als Quellen für diese Studie dienen Wörterbücher aus dem 18. bis frühen 20. Jahrhundert sowie Texte, die das Konzept des „Beichtvaters“ im Russischen Kaiserreich beschreiben: offizielle Dokumente, Werke und Briefe berühmter Hierarchen und Kirchenschriftsteller, Kirchenzeitschriften, Vorlesungskurse in Pastoraltheologie und andere Texte. Die Literatur, die in anderen konfessionellen Gruppen in Umlauf ist oder diesen Gruppen gewidmet ist und in der der untersuchte Begriff eine andere Bedeutung haben könnte, wird nicht berücksichtigt.

I. „Duhovnik“ als ein Priester, der die Beichte abnimmt

Im Laufe des 18. Jahrhunderts fand eine umfassende Reglementierung aller Aspekte des russischen Gesellschaftslebens statt, sodass der Staat unter Peter I. und vor allem unter Katharina II. soweit reguliert und funktional ausdifferenziert wurde, dass sich die Geistlichkeit in einem der gesellschaftlichen „Stände“ wiederfand, der bestimmte Dienstpflichten zu verrichten hatte. Einerseits wurde der Klerus als eine der wichtigsten Bildungs Kräfte des Staates verstanden, andererseits erwarb er in gewissem Sinne die Merkmale einer Beamenschaft, die die Durchführung der staatlichen Kontrolle sicherstellte. Neben der Eintragung von Daten in Personenstandsakten [Духовный перламент 2012: 113–114] sollten die Priester vor allem dazu beitragen, die Stabilität in der Gesellschaft und die Loyalität der Gemeindemitglieder dem Staat gegenüber aufrechtzuerhalten, Spaltungen zu bekämpfen und staatsfeindliche Aktionen zu verhindern⁴. Vor diesem Hintergrund ist es ganz natürlich, dass im 18. und 19. Jahrhundert die Grundbedeutung von Beichtvater („duhovnik“) „Priester, der die Beichte abnimmt“ lautete. Im „Französischen

² Ein Beispiel für die Gegenüberstellung von „spiritueller Vater“ und „spiritueller Mentor“ siehe: [Игнатьев 2014, 4: 21].

³ Solche Bedeutung siehe, z.B., bei Ozhegov [Ожегов 1949–1992].

⁴ Das Problem der praktischen Umsetzung (oder Ignorierung) dieser Vorschrift liegt außerhalb des Rahmens unserer Studie. Moderne Autoren argumentieren, dass diese Forderung von Anfang an interne Widersprüche enthielt, die ihre Einhaltung sehr schwierig machten [Бежанидзе 2020] und im Zuge der Humanisierung des Strafrechts recht schnell zu ihrer Abschaffung führten [Марасинова 2020].

Cellarius“ (‘Francuzskij Cellarius’) von 1769 und im „Neuen Lexikon“ (‘Novyyj leksikon’), das 1784–1787 herausgebracht wurde, wird „duhovnik“ dem französischen „confesseur“ (wörtl. ‚Bekenner‘ oder jemand, der die Beichte abnimmt) gleichgesetzt [Французской Целлариус 1769: 286; Новый лексикон 1787: 238]. Im „Wörterbuch der Russischen Akademie“ (‘Slovar’ Akademii Rossiijskoj) von 1790 [Словарь Академии Российской, 2: 807–808] finden wir getrennte Einträge zu „duhovnyj otec“ (‘geistlicher Vater’) und „duhovnik“ (‘Beichtvater’), die aber letztlich in ihrem Inhalt auf dasselbe hinauslaufen: Die Bezeichnung „geistlicher Vater“ wird „jeglicher geistlicher Person von denen [gegeben], die bei ihr zur Beichte waren“ [Ibid.: 808], während „Beichtvater“ (‘duhovnik’) „eine geistliche Person [ist], vor der die Buße der [eigenen] Sünden vorgebracht wird“ [Ibid.].

Dieselbe Bedeutung finden wir im Wörterbuch von Vladimir Dal’ [Даль 1863: 449] und anderen Lexika [Siehe u.a. Лексикон треязычный 1704: 214; Еллино-российско-французской лексикон 1811: 131; u. a.] bis hin zur berühmten „Enzyklopädie von Brockhaus und Efron“ (‘Ènciklopediâ Brokgauza i Efrona’) [Ефрон 1893: 267] wieder. Die belletristische Literatur, historische Werke und individuelle Quellen aus dem 19. Jahrhunderts [Муравьев-Апостол 2002: 142] bestätigen diese Bedeutung. Neben Beichtvätern von Zaren und Fürsten⁵ handelt es sich meist entweder um Pfarrer, die die Beichte abnehmen⁶, das letzte Geleit geben [Пушкин 1962: 7; Лабзина 1914: 29–30], oder schlicht die Stellung eines Gemeindepriesters innehaben⁷.

Im selben Sinne sprechen vom Beichtvater (‘duhovnik’) auch Texte aus dem 18. Jahrhundert, wenn sie die Pflichten der Priester beschreiben.

⁵ Siehe u.a. [Карамзин 2002: 56, 427, 493 u.a.]; Beichtväter von Zaren und Fürsten werden auch in der kirchlichen Presse über die ganze Synodalzeit hinweg erwähnt. Siehe: [Нильский 1867: 106, 118; Грамота Константинопольского патриарха Павсия I 1881: 423; Жмакин 1882: 271; Голохвастов 1874: 16; Каптерев 1888: 71; Самарин 1887: 71; u.a.].

⁶ Meist ist der Pfarrer der nächstgelegenen Kirche gemeint, der die alljährliche Beichte der Gemeindemitglieder abnimmt [z.B. Толстой 1935: 90]. „Beichtvater“ kann aber auch im übertragenen Sinne gebraucht werden – etwa um einen Menschen zu bezeichnen, der Geheimnisse für sich bewahren kann. Interessant ist in diesem Zusammenhang eine Begebenheit mit Zar Nikolaus I, die Herzen beschreibt und in der der Monarch sich selbst „Beichtvater“ nennt: „Nikolaus lobte das mutige Verhalten Bakunins in Dresden und versetzte ihn in den Alexei-Ravelin [Teil der Peter-und-Paul-Festung in Sankt-Petersburg, Anmerkung von A. Č.]. Dort schickte er zu ihm Orlov und befahl ihm zu übermitteln, dass er von ihm eine Notiz über die deutsche und die slawische Bewegung zu erhalten wünscht [...] Diese Notiz ,forderte [er] nicht als Zar, sondern als Beichtvater‘. Bakunin fragte Orlov, wie das Wort ‚Beichtvater‘ zu verstehen ist: etwa in dem Sinne, dass alles Gesagte [...] ein heiliges Geheimnis bleiben soll? Orlov wusste nicht, was er sagen sollte“ [Герцен 1932: 139].

⁷ „Der Beichtvater, der taufen sollte, war gerade erst ernannt worden und hatte davor noch niemanden getauft“ [Косаткин 1875: 308]. Bemerkenswert ist, dass auch nichtchristliche Geistliche „Beichtväter“ genannt werden konnten, etwa „muslimischer Beichtvater“ [vgl. Радлов 1893: 1573].

Das „Geistliche Reglement“ („Duhovnyj reglament“) von 1721 hebt in der Grundbedeutung des „Beichtvaters“ die disziplinarisch-erzieherische Funktion des Priesters hervor. Der Nachtrag „Über die Regeln des kirchlichen Klerus und des mönchischen Standes“ („O pravilah pričta cerkovnago i čina monašeskago“) zum „Geistlichen Reglement“ beleuchtet genauestens Missbräuche seitens der Beichtväter, die sie aufgrund ihrer Kenntnisse von begangenen Sünden begangen haben [Духовный регламент 2012: 96–97], aber auch Maßnahmen, die sie ergriffen, nachdem sie während der Beichte von bevorstehenden Verbrechen gegen den Staat erfahren hatten [Ibid.: 98–102]. In seinem Werk „Priesterliche Dienstpflicht“ („Dolžnost' svâšenničeskââ“) von 1763 definiert Bischof Tihon von Zadonsk den Beichtvater („duhovnik“) als Priester, vor dem „die Beichte sein muss“ [Тихон Задонский 1889: 3] und „von dem die Pönitzen erhalten wird“ [Ibid.]. Im „Buch über die Dienstpflichten der Gemeindegeistlichkeit“ („Kniga o dolžnostâh presviterov prihodskih“), das 1776 erschien und noch für ein ganzes Jahrhundert das wichtigste pastorale Lehrwerk bleiben sollte, wird der Beichtvater nur dreimal erwähnt: zweimal im Zusammenhang damit, wie Pönitenzen gehandhabt werden sollen [Книга о должностях 1776: 31, 110], und ein weiteres Mal – mit einem Verweis auf den bereits erwähnten Nachtrag zum Geistlichen Reglement – im Zusammenhang mit der „Macht der Beichtvaterschaft“ („vlast' duhovničestva“), die es erlaubt, Sünden zu erlassen und zu binden, und die einem Priester genommen werden kann, wenn er „während der Beichte stolz und hart ist“ [Ibid.: 109].

Im 18. Jahrhundert taucht das Gegenbild vom schlechten Beichtvater auf, der Träger der „herrschaftlichen Macht“ („gospodstvennaâ vlast“) ist⁸, womit die Übertragung der spirituellen Macht auf die zwischenmenschliche Ebene gemeint ist. Die Warnung, sich nicht über seine geistlichen Kinder zu erheben, erklingt zu Beginn des 18. Jahrhunderts bei Dimitrij von Rostov [Димитрий Ростовский 1839: 22] und weiter über die gesamte Synodalzeit in verschiedenen Texten⁹. Dieses negative Bild führte dazu, dass man sich der Notwendigkeit bewusst wurde, den positiv belegten Begriff „Beichtvater“ von negativen Konnotationen rein zu halten, die aus einem autoritären Verhältnis eines Priesters zu seiner Gemeinde entstehen könnten. So schreibt etwa Metropolit Filaret, dass im Unterschied zu kirchenspalterischen Beichtvätern (Beispiele für ihre „herrschaftliche“ Macht führt er in seiner „Sammlung von Meinungen und Stellungnahmen“ („Sobranie mnenij i otzyvov“) an) „[ein orthodoxer Priester] keine Macht über seine Gemeindemitglieder, sondern nur moralischen Einfluss“ [Филарет 1885: 313] hat. Gleichzeitig erhält der

⁸ So wurden vor allem Beichtväter von religiösen Splittergruppen wahrgenommen.

⁹ Im bereits erwähnten „Buch über die Dienstpflichten“ etwa lesen wir einen ähnlichen Rat an den Priester: „Auf dass er über seine Macht sinne, dass sie geistlich ist und nicht weltlich, im Dienste besteht und nicht im Herrschen, weshalb man sie anwenden soll mit aller Demut und Tränen, mit aller Stille“ [Книга о должностях 1776: 109].

Begriff „Beichtvater“ eine Reihe von Konnotationen, von bürokratischen, wenn es sich um eine Dienstpflicht oder Funktion handelt (d.h. jeder Priester, der die Beichte abnimmt), bis hin zu persönlichen, wenn es um persönliche, informelle Beziehungen geht.

Auch in den bekannten Lehrwerken zur pastoralen Theologie von Archimandrit Antonij [Амфитеатров 1851] und Archimandrit Kirill (Naumov) wird jeder Priester, der die Beichte abnimmt, als „Beichtvater“ und „geistlicher Vater“ bezeichnet¹⁰. In derselben Bedeutung finden wir den „Beichtvater“ auch bei Erzbischof Innokentij (Borisov) [Vgl. Иппонентий 1908: 484] und Metropolit Filaret (Drozgov) [Филарет 2006: 216–218, 225, 331] vor, wobei letzterer auch den kirchlich-administrativen Aspekt des Begriffes erläutert [Idem 1880: 254].

Zusammenfassend lässt sich feststellen, dass mit „Beichtvater“ im 18. und 19. Jahrhundert ein Priester bezeichnet wurde, der die Beichte abnimmt [Нильский 1867: 966; Недоуменные случаи 1890: 476, 481–483; Сильченков 1878: 33–51; Самарин 1887: 55, 105–106, 121; Иаков 1878: 251], und eine Dienstpflicht an Klöstern und öffentlichen Einrichtungen¹¹ wahrnimmt. Die Erwartungen an einen Beichtvater wurden im Kontrast zu einem Verhältnis formuliert, das auf Zwang und Autorität basiert. Es wurde betont, dass Priester nur als moralisches Vorbild und durch Überzeugungsarbeit Einfluss üben können. Folglich bezeichnete „Beichtvater“ eine bestimmte Funktion (Abnahme der Beichte und in diesem Sinne auch Seelsorge). Allerdings sind informelle Beziehungen (wie etwa Familienarzt u.ä.) nicht ausgeschlossen, die ihrerseits weitere Transformationen dieses Begriffes bedingen.

II. „Duhovnik“ als Mentor im geistlichen Leben

Der Begriff „Beichtvater“ als Person des öffentlichen und des kirchlichen Lebens erhielt im Laufe des 19. Jahrhunderts weitere Bedeutungen. Zunächst ist zu erwähnen, dass mit der breiten Rezeption der frühchristlichen Asketliteratur in dieser Zeit eine Differenzierung zwischen „Beichtvater“ („duhovnik“) und „geistlicher Vater“ („duhovnyj otec“) stattfand. Es entstand eine neue Begriffsreihe (*duhovnyj nastavnik* – „geistlicher Mentor“, *duhovnyj rukovoditel'* – „geistlicher Leiter“, *nastavnik v duhovnoj žizni* – „Mentor im geistlichen Leben“), und der Begriff „Beichtvater“ wurde von dieser mal bewusst abgegrenzt, mal mit ihr vermengt. Besonders anschaulich ist dieser Prozess in der „Philokalie“, einer Sammlung asketischer Aufsätze, zu beobachten. Wenn

¹⁰ Archimandrit Kirill (Naumov) erwähnt den Beichtvater, wenn er im Abschnitt „Wildheit“ („Буйство“) „die für einen Priester sich nicht ziemenden Sünden“ beschreibt: gemeint sind Priester, die während der Beichte übermäßiges Bußwerk auferlegen [Кирилл 1853: 106]). In anderen Fällen bezieht er sich auch auf einen bekennenden Priester [Ibid.: 143, 151, 302–318].

¹¹ Etwa Seminarien [Положение духовника 1891: 341–342; Дроздов 1891: 380; Гиляров-Платонов 1886: 197; u.a.].

am Ende des 18. Jahrhunderts Paisij Veličkovskij [Паисий 2004: 11–25] sie ins Kirchenslawische übertrug, hatte er als Leserschaft ausschließlich Nonnen und Mönche im Sinn und befürchtete sogar, dass seine Übersetzung in die Hände von Laien fallen könnte, denen sie zur Askese eher schaden denn nützen würde [Idem 1847: 231]. Die „Philokalie“ beinhaltet unter anderem Schriften von Symeon dem Neuen Theologen, durch die sich das Gebot, dem geistlichen Vater absolut zu gehorchen, wie ein roter Faden zieht¹². Mitte des 19. Jahrhunderts wurde die „Philokalie“ abermals übersetzt, – diesmal von Feofan dem Klausner [Лисовой 2010: 472–538]. Dass er hierbei als Zielsprache das Russische wählte, beweist, dass er wesentlich mehr Menschen erreichen wollte, als sein Vorgänger, und, so Paul Khondzinskij, das asketische Erbe der Mönche als eine Quelle der Weisheit betrachtete, die allen zugänglich gemacht werden sollte [Хондзинский 2012: 22–23].

Feofan der Klausner verwendete in seiner Übertragung oft den Begriff „geistlicher Vater“ (*duhovnyj otec* [Добротолюбие 2010, 2: 483, 499, 508, 525, 531, 534; Ibid., 3: 309, 327–328; Ibid., 4: 229, 346; u. a.]; auch im Plural – *duhovnye otcy* [Ibid., 2: 139–140, 430, 479]), den er synonym mit „Mentor“ [Ibid.: 430, 512, 583, 595] bzw. „geistlicher Mentor“ (*(duhovnyj) nastavnik*) [Ibid., 1: 417], „Leiter“ (*rakovoditel’*) [Ibid., 2: 517; Ibid., 4: 133] und „Starze“ (*starec*) [Ibid., 2: 139–140, 534, 583] austauschte. Unter „geistlicher Vater“ verstand er hierbei nicht den Priester, der die Beichte abnimmt, auch wenn er gelegentlich von der „Beichte“ (*ispoved'*) [Ibid.: 483] und vom „Bekennen der Sünden“ (*ispovedanie sogrešenij'*) [Ibid.] spricht, sondern einen erfahrenen Mönch, der im geistlichen Leben unterweisen kann und dem der Novize, der den spirituellen Weg erst betritt, ganz gehorchen und ihm seine Gedanken eröffnen muss. Diese Konnotationen wirkten sich offensichtlich auf den geistlichen Vater seiner Zeit, d.h. denjenigen, der die Beichte abnimmt, aus, an den nun neue Erwartungen gestellt wurden. So finden wir den „geistlichen Anleiter“ (*duhovnyj rukovoditel'*) als idealisierte Figur in einzelnen Predigten von Metropolit Filaret wieder. Geistliche Anleitung beurteilt er als eine „besondere, außerordentliche Gabe“ [Ibid.], die „der Heilige Geist spendet, wie er will [1 Kor 12,11, Anmerkung von A. Č.], und sie war nie Gegenstand des allgemeinen Bedarfs“ [Ibid.]. Dementsprechend kann ein Priester, der die Beichte abnimmt, mitnichten die Rolle eines geistlichen Anleiters beanspruchen. Gleichzeitig mahnt Filaret die Gemeindepriester, sich zu bemühen, „die spirituelle Erleuchtung zu erwerben“ [Филарет 1849–1867, 5: 247], um in der Lage zu sein, „andere zum geistlichen Leben zu führen“ [Ibid.].

Der Asketismusdiskurs, der ursprünglich monastische Praktiken ins nichtklösterliche Milieu zu übertragen versuchte, erhielt im 19. Jahrhundert

¹² Zur Verwendung des Begriffes „geistlicher Vater“ siehe u.a.: [Добротолюбие 1793: K. 15–18].

nicht zuletzt dank der Starzen der Optina pustyn' eine große Verbreitung. In den dortigen Klosterregeln wurden die Aufgabenbereiche des Beichtvaters (*duhovník*) und des Mentors (*nastavnik*; auch Altehrwürdiger oder Starze (*starec*)) unterschieden: Während der Beichtvater die Beichte abnimmt, werden dem Starzen die Gedanken eröffnet¹³. Diese Unterscheidung übernahmen auch Ignatij (Brâncaninov) [Игнатьй 2011, 3: 573–574] und Feofan der Klausner [Феофан 2008б: 109–115; Idem 2008д: 691, 693–694], auch wenn bei ihnen der Begriff „Anleiter“ auf den „Beichtvater“ abfärbte. Die Starzen von Optina pustyn' betonten einerseits die Bedeutung des Bußsakraments, für das die persönlichen Eigenschaften des Beichtvaters keine vorrangige Rolle spielen¹⁴. Andererseits rieten sie, einen Anleiter (*nastavnik*)¹⁵ zu suchen oder gar einen Beichtvater „vorzubereiten“ (*gotovit*)¹⁶. Mehr noch, obwohl, wie bereits erwähnt, die Klosterregeln von Optina pustyn' eine Unterscheidung zwischen „Beichtvater“ und „Mentor“ trafen, lehrte der Starze Amvrosij, dass gerade „das Eröffnen der eigenen Gedanken den Beichtvätern [und nicht den Starzen! – *Anmerkung von A. Č.*] ein wesentlicher Teil des Bußsakraments ist“ [Амвросий 2012: 666–667]. Wir sehen also, wie sich in dieser Zeit unter dem Einfluss des Begriffes „Anleiter“ das Verständnis von „Beichtvater“ veränderte, so dass dieser nicht einfach nur die Beichte abnahm, sondern auch klare Züge eines geistlichen Leiters annahm, wie er in den Sujets der „Philokalie“ anzutreffen ist.

Ignatij (Brâncaninov), selbst ein Schüler des Starzen Lev von Optina pustyn', berief sich auf die frühchristliche monastische Tradition, wenn er den Mentor hauptsächlich zum Lehrer für das Herzensgebet hochstilisierte [Игнатьй 2011, 3: 423, 74]. Er entwarf ein kaum zu erreichendes Ideal¹⁷, das er auf den Beichtvater – sowohl den klösterlichen als auch gemeindlichen – projizierte. Feofan der Klausner definierte den Beichtvater als denjenigen, der allgemeine Maßnahmen und Regeln (alltägliche, bürgerliche, kirchliche etc.)

¹³ Zitiert nach: [Запальский 2009: 52].

¹⁴ So wiederholt der Starze Amvrosij von Optina pustyn' in seinen Belehrungen unentwegt, dass man „vor Gott und dem geistlichen Vater“ Demut üben und Buße tun soll [Оптинские старцы 2011: 315; 349–350; Амвросий 2012: 115, 638, 663; Siehe auch: Ibid.: 520–521; 524–525]. Gleichzeitig schreibt der Starze Amvrosij in einem seiner Briefe: „Meiner Meinung nach ist es einerlei. Wem auch immer du beichtest, beichte unbedingt aufrichtig [das], was sich seit der letzten Beichte auf dem Gewissen an Schwerem und Leichtem finden lässt“ [Ibid.: 231].

¹⁵ Antonij vergleicht den nach einem geistlichen Anleiter Suchenden mit einem Kranken, der sich weniger ein gutes Krankenhaus als einen guten Arzt wünscht. Genauso sollen auch Christen „mit Tränen zum Herrn [...] flehen, auf dass er einen Anleiter schenke“ [Ibid.: 229–230].

¹⁶ Einen „guten Beichtvater vorzubereiten“ empfiehlt Amvrosij dem Bruder seines Briefadressats [Амвросий 2012: 671; Ibid.: 135–138].

¹⁷ „Das Gebet ist in unserer Zeit der wesentliche, einzige Anleiter zur Errettung. Mentoren gibt es nicht!“ [Игнатьй 2011: 113, 593–594].

sowie alle Mittel zur Errettung der Seele konkret auf eine bestimmte Person mit Rücksicht auf ihre Besonderheiten und Lebensumstände anwendet [siehe Феофан 2007: 217; Idem 2008г: 467–468], womit er sicherlich ein bei Weitem breiteres Aufgabenfeld absteckte, als es ein Beichtvater im herkömmlichen Sinne hatte. Darüber hinaus fand er, dass ein Gemeindegeistlicher für die Rolle eines Starzen am besten geeignet wäre [Idem 2007: 226–227, 351; Idem 2008г: 389–391] [Idem 2008в: 71; Idem 2008а: 158, 506]: Laien haben „sich dem Anleiter, dem von Gott bestimmten Priester, zu unterwerfen [...] und unter seiner Anweisung die Gaben zu pflegen, zu erwärmen und zu benutzen“ [Idem 2010: 553–554]. Wie auch die Starzen von Optina pustyn’ empfahl er [Ibid.: 270], für die eigene Seelenrettung „mit großem Eifer nach einem geeigneten geistlichen Vater zu suchen“ [Idem 2008в: 269], und der Klausner hegte keinen Zweifel, dass ein solcher auch außerhalb der Klostermauern zu finden ist: „In der Sache des Herzensgebetes muss man einen Anleiter haben; wo soll ein Laie ihn finden? – Dort, bei sich, in der Welt, und zwar unter den geistlichen Vätern“ [Ibid.; Idem 2011: 482–483; Idem 2006: 315]. Damit verlagerte er die Erwartungen an einen geistlichen Anleiter auf den Gemeindepriester, den er sich als einen eben solchen vorstellte.

Es muss darauf hingewiesen werden, dass Mitte des 19. Jahrhunderts die neuen Gedanken zum Begriff „Beichtvater“ vornehmlich in einem begrenzten Kreis ausgetauscht wurden, der mit dem monastischen Milieu und hier insbesondere mit den Starzen von Optina pustyn’ verbunden war. Ab der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts verbreiteten sich diese Gedanken allmählich und führten in den verschiedensten kirchlichen Texten zu entsprechenden Konnotationen. Im „Paterikon von Solovki („Soloveckij paterik“) von 1873 wird der Beichtvater sowohl als derjenige, der eine Dienstpflicht ausübt, als auch „geistlicher Mentor“¹⁸ beschrieben. Auch in der kirchlichen Presse ließ sich das Bild eines Beichtvaters finden, der sich innerhalb seiner Gemeinde der monastischen Askese verschrieb, etwa im „Wort zum 50. Jubiläum des Dienstes...“ („Слово в ден’ празднованиâ пâтidesâtiletiâ služby...“) des Petersburger Erzpriesters Alexandr Roždestvenskij, das 1868 in der Zeitschrift „Христианское Чтенie“ („Christliche Lektüre“) erschien. In diesem Text wurde der Jubilar dafür gerühmt, dass er sich als Beichtvater vieler hauptstädtischer Kleriker [Покровский 1868: 641] in einem täglichen spirituellen Kampf befand und die Menschen mit innigem Gebet gegen die Leidenschaften führte [Ebd.: 644], wobei hervorgehoben wurde, dass „unter den Pflichten eines

¹⁸ „Ein Beichtvater hat die Pflicht, den Brüdern während der Fastenzeiten die Beichte abzunehmen. Er ist ein geistlicher Arzt und ein Anleiter, der seine Kinder das spirituelle Leben lehrt; daher steht seine Zelle tagsüber und nachts für alle offen, die eine Anleitung [brauchen] und bei Verwirrung, gedanklichen Gefechten und jeglichen Verführungen, die im Leben eines jeden Asketen vorkommen, eine Anleitung benötigen“ [Соловецкий патерик 1873: 13].

Klerikers die Beichtvaterschaft wohl die schwierigste ist“ [Ibid.: 646]. Auch im bekannten *Handbuch der Weih-Kirchendiener* (*Nastol’naâ kniga svâsenno-cerkovno-slûzitelej*, erstmals 1892 erschienen) von Sergij Bulgakov ist von „der Pflicht des Hirten und Beichtvaters“ die Rede, „dem Beichtenden beizustehen und die Möglichkeit zu geben, die eigene innere Welt auszusprechen und zu eröffnen“ [Булгаков 1913: 1062, 1068–1069]. In Lexika des frühen 20. Jahrhunderts schwang in der Definition des „Beichtvaters“ schließlich die spirituelle Anleitung deutlich mit¹⁹. Als Höhepunkt dieses Prozesses kann die Veröffentlichung von Sergej Smirnovs *Altrussischem Beichtvater* (*Drevnerusskij duhovnik*) betrachtet werden [Смирнов 1913], die eine neue Etappe in der Entwicklung des Begriffes einläutete.

Aus dem Gesagten lässt sich folgern, dass sich im Laufe des 19. Jahrhunderts der Begriff „geistlicher Vater“ dem Begriff „spiritueller Anleiter“ angenähert hat, was durch die Rezeption der frühchristlichen und mittelalterlichen monastischen Literatur bedingt war, in der ein Starze, der dank seiner persönlichen Rechtschaffenheit unerfahrene Brüder auf dem spirituellen Weg begleitet, eben als „geistlicher Vater“ bezeichnet wurde. Damit veränderte sich auch die Erwartungshaltung an den „Beichtvater“, der nach herkömmlicher Art „nur“ die Beichte abnahm. Er musste nun Askese üben und auf dem monastischen Weg nach Heiligkeit streben. Wenn in der früheren Zeit das Bußsakrament völlig unabhängig von der Person des Priesters gedacht wurde, trat nun das persönliche Verhältnis zwischen dem Beichtvater und dem Beichtenden in den Vordergrund. Die Aufmerksamkeit richtete sich auf die persönliche Errettung und die Innenwelt des Beichtenden, und es wurde nun von ihm erwartet, dass er dem Beichtvater gehorcht und sich vom eigenen Willen lossagt. Die Erweiterung des Begriffes „Beichtvater“ mit neuem Bedeutungsinhalt fand zu einem historischen Zeitpunkt statt, den Michelson treffend als eine „asketische Revolution“ bezeichnet, die weit über die religiöse Sphäre hinausreichte [Michelson 2017]. Bezeichnend ist auch, dass der Asketismusdiskurs in dieselbe Zeit fällt, in der laut Reinhart Koselleck die europäische Moderne entsteht [Koselleck 1972: XIII–XXVII].

Auch in der heutigen Russischen Orthodoxen Kirche existieren weiterhin verschiedene Auffassungen vom „Beichtvater“, der im Kirchenalltag keine feste Bedeutung hat, und das, obwohl der Begriff vielfach verwendet wird und in letzter Zeit immer öfter auch in offiziellen Schriften der Russischen Orthodoxen Kirche Verwendung findet. Zum Beispiel wurde im Zuge des Bischoflichen Konzils von 2017 die Erklärung „Zu kanonischen Aspekten der kirchlichen Ehe“ („O kanoničeskikh aspektah cerkovnogo braka“) veröffentlicht. In dieser

¹⁹ So etwa der Eintrag im Lexikon von Pëtr Stoân von 1913: „Beichtvater – ein Priester im Verhältnis zu einer Person, der er ständig die Beichte abnimmt und die er anleitet“ [Стоян 1913: 192].

wird festgelegt, dass für das Urteil, ob eine Ehe kirchlich gesehen gültig ist, der Beichtvater befragt werden soll. Damit erhält der Beichtvater einen wichtigen Stellenwert, auch wenn man im Dokument die einschränkenden Worte „falls vorhanden“ findet. Für das Zustandekommen einer Ehe wird damit nicht nur die Gemeinde am Wohnort (kanonisch-territoriales Prinzip) oder die Gemeinde, in der die Trauung vollzogen wurde (kanonisch-sakramentales Prinzip), sondern auch der Beichtvater des Traupaares verantwortlich gemacht, was ihn direkt ins kanonische Blickfeld rückt und ihm einen recht konkreten Status verleiht. Auch zur Einschreibung bei einer kirchlichen Bildungsstätte ist ein Empfehlungsschreiben des Beichtvaters vonnöten. Dennoch bleibt die Figur des Beichtvaters sowohl auf dokumentarischer Ebene als auch in der Struktur des Kirchenlebens verschwommen.

Auch die russischen Heiligen, deren Schriften in der vorliegenden Arbeit herangezogen werden, verwenden den Begriff „Beichtvater“ in der ganzen hier dargelegten Farbpalette, wobei hervorgehoben werden muss, dass letztlich niemand von ihnen zu einem eindeutigen Begriffsgebrauch gelangt.

Schluss

Wie in der Einleitung erwähnt, geht die Methode der Begriffsgeschichte davon aus, dass sich die Praxis beim Wandel gesellschaftlicher Schlüsselbegriffe nicht so sehr verändert, sondern sich neue Erwartungen in Bezug auf einen gesellschaftlichen Akteur oder ein Phänomen bilden. Neue Erwartungen spiegeln wiederum eine neue Wahrnehmung der Realität im Zuge der Modernisierung der Gesellschaft wider. Unsere Untersuchung erlaubt uns zu behaupten, dass im 19. Jahrhundert in der russischen Sprache dem Begriff „duhovnik“ gleichzeitig zwei Schlüsselgruppen von Bedeutungen zugeordnet werden konnten. Einerseits blieb die Grundbedeutung des Begriffs „duhovnik“ „Priester, der die Beichte abnimmt“. In diesem Sinne sprechen die Texte sowohl vom Beichtvater in einer Kirchengemeinde, als auch von der Stellung in einem Kloster oder einer anderen Institution. Erwartungen an den Beichtvater in diesem traditionellen, funktionalen Sinne schlossen Machtverhältnisse praktisch aus und beschränkten sich auf Beichte, moralisches Vorbild und Überzeugungskraft, während persönliche informelle Beziehungen kaum impliziert wurden.

Auf der anderen Seite steht das Bild des „geistlichen Vaters“ der „Philokalia“ während des 19. Jahrhunderts: Es bildete die Grundlage für das Entstehen neuer Erwartungen an den Gemeindepfarrer – den „Beichtvater“. Im Zuge der Verbreitung des asketischen Diskurses wurden dem Beichtvater allmählich asketische Anforderungen gestellt, die sich auf die klösterliche Tradition der geistlichen Führung, des Gehorsams und der Gedankenoffenbarung beziehen. Diese offensichtliche Verschiebung fand ihren Ausdruck in

einer Vielzahl von Textarten (bis hin zu Lexika) und nahm zu Beginn des 20. Jahrhunderts zu. Der Wandel der Erwartungen führt zu einer allmählichen Veränderung der kirchlichen Praxis – wenn auch nicht überall und nicht mit gleicher Intensität. Dies zeigt insbesondere das Beispiel der Stadtbeichtväter des späten 19. bis frühen 20. Jahrhunderts²⁰.

Die festgestellte Änderung der Erwartungen an den Beichtvater steht einerseits offensichtlich im Einklang mit Kosellecks Ansatz: sie spiegelt weniger die empirische Realität wider, sondern wird vielmehr zu einer Art Zukunftsgestaltung. Andererseits hat sie eindeutig ihre eigene Besonderheit, da sie sich auf eine so konservative religiöse Tradition wie die Orthodoxie richtet. In diesem Fall ist die Veränderung der Erwartungen nicht mit der Idee des Fortschritts verbunden, sondern mit dem Versuch, die ursprüngliche und „verlorene“ Spiritualität wiederherzustellen – dies als Reaktion auf Modernisierung und Säkularisierung. In diesem Sinne ist es bezeichnend, dass fast alle kirchlichen Autoren, die die Seelenführung neu interpretierten, jeder auf seine Weise bahnbrechend wirkten. Die geistlichen Väter des Klosters Optina pustyn' setzten für das ganze Land ein Beispiel der charismatischen Spiritualität und wurden von vielen kritisiert. Ignatij (Brâncaninov) stammte aus dem Adel und wurde vom Klerus nie wirklich akzeptiert [Хондзинский 2019: 56]. Feofan der Klausner führte eine echte Revolution im Bereich der Spiritualität der Laien durch. Dieser Wandel des Begriffs „duhovnik“ markierte eine Schwerpunktverlagerung in der Tätigkeit eines Priesters vom öffentlichen Aspekt („Priester, der die Beichte abnimmt“) hin zum persönlichen („geistlicher Mentor“). Gleichzeitig ist die in diesem Artikel vorgestellte Bandbreite der Bedeutungen des Begriffs „Beichtvater“ in gewissem Maße auch im modernen Alltag der Russischen Orthodoxen Kirche präsent.

Bibliographie

Quellen

Амвросий 2012

Собрание писем Оптинского старца Амвросия, Козельск, 2012.

Амфитеатров 1851

Антоний (Амфитеатров), архиеп., *Пастырское богословие*, 1, Киев, 1851.

Булгаков 1913

Булгаков С. В., *Настольная книга для священно-церковно-служителей: сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. Отдел церковно-практический*, Киев, 1913.

Герцен 1932

Герцен А. И., *Былое и думы: В 3 т.,* 3, Л. Б. Каменев, ред.. Москва, Ленинград, 1932.

²⁰ Darauf weist insbesondere das Konzept eines „Weltlichen Klosters“ hin. [siehe, z.B., Свенцицкий 2008; Постовалова 2012].

Гиляров-Платонов 1886

Гиляров-Платонов Н. П., *Из пережитого*, Москва, 1886.

Голохвастов 1874

Голохвастов Д. П., Благовещенский Иерей Сильвестр и его писания. Исследование, начатое покойным Д. Членом Общества Д. П. Голохвастовым в 1849 году и доконченное Д. Членом Архимандритом Леонидом в 1873. С тремя литографическими снимками, *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете*, 1 (январь–март), 1874, 1–110.

Даль 1863

Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, 1: А–З, Москва, 1863.

Димитрий Ростовский 1839

Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского, 1: Разные небольшие сего Святителя творения, с присовокуплением жития его и келейных записок, Москва, 1839.

Добротолюбие 1793

Добротолюбие, или словеса и главизны священного трезвения, собранныя [свт. Макарием Коринфским] от Писаний Святых и Богодухновенных Отец, в немже нравственным по деянию, и умозрению любомуудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает. Преведено с Еллиногреческаго языка преп. Паисием Величковским, [Москва], 1793.

— 2010

Добротолюбие в русском переводе, 1–5, Москва, 2010.

Дроздов 1891

Дроздов Н., свящ., Библиографическая заметка, *Церковный Вестник*, издаваемый при С.-Петербургской Духовной Академии, 24 (13 июня), 1891, 379–380.

Духовный регламент 2012

Духовный регламент Петра Первого. С прибавлением «О правилах причта церковного и монашескаго», Москва, 2012.

Еллино-российско-французской лексикон 1811

Досифей (Комас), иером., *Еллино-российско-французской лексикон*, Москва, 1811.

Ефрон 1893

Энциклопедический словарь, 11 (21): Домиции – Евреинова, С.-Петербург, 1893.

Жмакин 1882

Жмакин В., Более краткие статьи, *Христианское чтение*, 1–2, 1882, 268–272.

Заметки по поводу проекта о преобразовании 1864

М. К. Р., Заметки по поводу проекта о преобразовании семинарий, *Православное обозрение*, 13, 1864, 358–386.

Иаков 1878

Иаков (Домский), еп., *Исторический очерк русского проповедничества*, 1, С.-Петербург, 1878.

Игнатий 2011

Игнатий (Брянчанинов), свт., О. И. Шафранова, сост., *Полное собрание писем*, 1–3, Москва, 2011.

— 2014

Игнатий (Брянчанинов), свт., О. И. Шафранова, сост., *Полное собрание творений и писем*, 1–8, Москва, 2014.

Иннокентий 1908

Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, 3, С.-Петербург, 1908.

Каптерев 1888

Каптерев Н. Ф., Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов, *Православное обозрение*, 1, 1888, 40–78.

Карамзин 2002

Карамзин Н. М., *История государства Российского: 7 томов в 3-х книгах, 2: 5–8,*
послесловие, комментарии А. Ф. Смирнов. Москва, 2002.

Кирилл 1853

Кирилл (Наумов), архим., Пастырское богословие, С.-Петербург, 1853.

Книга о должностях 1776

Книга о должностях пресвитеров приходских, С.-Петербург, 1776.

Косаткин 1875

Косаткин Н. И., Рассказ бывшего Странника о своем уклонении в раскол и возвращении
в православную церковь, *Братское слово. Журнал, посвященный изучению раскола. Изд.*
при Братстве св. Петра Митрополита Н. Субботина, 1/4, 1875, 294–329.

Лабзина 1914

Лабзина А. Е., *Воспоминания*, С.-Петербург, 1914.

Лексикон трезызычный 1704

*Лексикон трезызычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских
сокровище*, [Ф. П. Поликарпов-Орлов, сост.], Москва, 1704.

Муравьев-Апостол 2002

Муравьев-Апостол И. М., Письмо к приятелю, *Письма из Москвы в Нижний Новгород*
(= Литературные памятники), С.-Петербург, 2002, 137–143.

Недоуменные случаи 1890

Недоуменные случаи в покаянной практике, *Христианское чтение*, 3–4, 1890, 471–485.

Несколько слов 1881

Несколько слов по поводу нового издания грамоты Константинопольского патриарха
Паисия I к Московскому патриарху Никону, *Христианское чтение*, 9–10, 1881, 405–430.

Нильский 1861

Нильский И., Несколько слов о происхождении раскола, *Христианское чтение*, 1/2,
1861, 89–154.

— 1867

Нильский И., По поводу брошюры «Споры безпоповцев Преображенского кладбища
и Покровской часовни о браке» К. Надеждина. СПб. 1865 года (Статья шестая),
Христианское чтение, 1, 1867, 920–988.

Новый лексикон 1787

*Новый лексикон или Словарь на французском, италианском, немецком, латинском
и российском языках, содержащий в себе полное собрание всех употребительных
французских слов с самым точнейшим оных на другие четыре языка переводом, и
объяснением различных знаменований и пр., изданный трудами коллежского переводчика
Ивана Соца, иждивением, Н. Новикова и Компании*, Москва, 1787.

Оптинские старцы 2011

Голосова О., ред., *Оптинские старцы: наставления, письма, дневники*, Москва, 2011.

Покровский 1868

Покровский А., прот., Слово в день празднования 50-летней службы
А. Я. Рождественского, *Христианское чтение*, 5, 1868, 640–652.

Положение духовника 1891

Положение духовника в семинарии, *Церковный Вестник, издаваемый при
С.-Петербургской Духовной Академии*, 22 (30 мая), 1891, 341–342.

Паисий 1847

Прп. Паисий (Величковский), схиархим., *Житие и писания молдавского старца Паисия
Величковского*, Москва, 1847.

— 2004

Жгун П. Б., Жгун М. А., Схиархимандрит Паисий (Величковский) Нямецкий, П. Б. Жгун, М. А. Жгун, сост., Д. А. Поспелов, А. О. Родионов, общ. ред., *Прп. Паисий Величковский: Автобиография, жизнеописание и избранные творения по рукописным источникам XVIII – XIX вв.*, Москва, 2004, 11–25.

Пушкин 1962

Пушкин А. С., История Пугачева, *Полное собрание сочинений. В 10 томах*, 7, Москва, 1962, 7–150.

Радлов 1893

Радлов В. В., *Опыт словаря тюркских наречий*, 1, С.-Петербург, 1893.

Самарин 1887

Самарин Ю. Ф., Иезуиты и их отношение к России, Idem, *Сочинения, в 12 томах*, 6, Москва, 1887, 1–327.

Свенцицкий 2008

Свенцицкий В., прот., *Монастырь в миру: проповеди и поучения*, Москва, 2008.

Сильченков 1878

Сильченков Н., *Вспомогательная книга при отправлении приходских треб*, Воронеж, 1878.

Словарь Академии Российской, 2

Словарь Академии Российской, 2: Г–Ж, С.-Петербург, 1790.

Соловецкий патерик 1873

Соловецкий патерик, С.-Петербург, 1873.

Стоян 1913

Краткий толковый словарь русского языка, П. Е. Стоян, сост., С.-Петербург, 1913. 704 с.

Тихон Задонский 1889

Тихон Задонский (Соколов), свт., Должность священническая. О семи тайнах святых, *Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского*, Москва, 1889, 1–9.

Толстой 1935

Толстой Л. Н., Юность, *Полное собрание сочинений: В 90 томах*, 2, Москва, 1935, 79–237.

Поздеевский 1911

Феодор (Поздеевский), еп., *Из чтений по Пастырскому богословию (Аскетика)*, Сергиев Посад, 1911.

Феофан 2006

Феофан Затворник, свт., *Толкования Послания апостола Павла к коринфянам второго*, Москва, 2006.

— 2007

Феофан Затворник, свт., *Двери покаяния. Слова и проповеди*, Москва, 2007.

— 2008a

Феофан Затворник, свт., *Любовью назидая. Слова и проповеди*, Москва, 2008.

— 2008b

Феофан Затворник, свт., *Малые произведения*, Москва, 2008.

— 2008b

Феофан Затворник, свт., *Письма о молитве и духовной жизни. Собрание писем*, Москва, 2008.

— 2008r

Феофан Затворник, свт., *Путь ко спасению. Краткий очерк аскетики. Начертание христианского нравоучения*, Москва, 2008.

- 2008д
Феофан Затворник, свт., *Рукописи из кельи*, Москва, 2008.
- 2010
Феофан Затворник, свт., *Начертание христианского нравоучения*, Москва, 2010.
- 2011
Феофан Затворник, свт., *Письма о разных предметах веры и жизни*, Москва, 2011.
- Филарет 1849–1867
Филарет, мтрп. Московский, свт., *Слова и речи: В 5 т., 5: 1849–1867*. Москва, 2007.
- 1880
Филарет, мтрп. Московский и Коломенский, Резолюция от 12 сентября 1839,
Душеполезное чтение, 21 (октябрь), 1880, 253–254.
- 1885
Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского,
по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцией
преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского, 1, С.-Петербург, 1885.
- Французской Целлариус 1769
Французской Целлариус, или Полезной лексикон, из которого без великаго труда и
наискоряе нужнейшим французскаго языка словам научиться можно. С приложением
реестра по алфавиту российских слов, Москва, 1769.

Literatur

Koselleck 1972

Koselleck R., Einleitung, O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck, Hrsg., *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*, 1, Stuttgart, 1972, XIII–XXVII.

Michelson 2017

Michelson P. L., *Beyond the Monastery Walls: The Ascetic Revolution in Russian Orthodox Thought. 1814–1914*, Madison, 2017.

Paert 2014

Paert I., Mediators Between Heaven and Earth: The Forms of Spiritual Guidance and Debate
on Spiritual Elders in Present-Day Russian Orthodoxy, *Orthodox Paradoxes: Heterogeneities and
Complexities in Contemporary Russian Orthodoxy* (= Brill's Series in Church History, 66), 2014, 134–153.

Бежанидзе 2020

Бежанидзе Г. В., История появления и рецепция указа 1722 г. «Об объявлении
священником открытых им на исповеди преднамеренных злодейств», *Вестник
Екатеринбургской духовной семинарии*, 1 (29), 2020, 98–111.

Живов 2008

Живов В. М., Покаянная дисциплина и индивидуальное благочестие в истории русского
православия, К. Б. Сигов, сост., *Дружба: Ее формы, испытания и дары. Успенские чтения*,
Киев, 2008, 303–343.

— 2018

Живов В. М., Особый путь и пути спасения в России, Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин,
сост., «Особый путь»: от идеологии к методу, Москва, 2018, 48–97.

Запальский 2009

Запальский Г. М., *Оптина Пустынь и ее воспитанники в 1825–1917 гг.*, Москва, 2009.

Киценко 2018

Киценко Н., Роль исповеди в Российской империи до и после 1917 года, *Российское
православие от модерна к сегодняшнему дню (конец XIX – конец XX вв.): проекции Великой
русской революции в истории и историографии*, М. В. Каиль, ред., Москва, 2018, 6–18.

Козеллек 2016

Козеллек Р., «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории, *Социология власти*, 28/2, 2016, 149–173.

Коновалов 1913

Коновалов Н. А., Пастырское богословие и «пастырская аскетика»: к вопросу о научном построении системы православного Пастырского богословия, *Христианское чтение*, 6, 1913, 787–812.

Корогодина 2006

Корогодина М. В., *Исповедь в России XIV–XIX веках. Исследования и тексты*. С.-Петербург, 2006.

Лисовой 2010

Лисовой Н. Н., Две эпохи – два Добротолюбия. (Преподобный Паисий Величковский и святитель Феофан Затворник), *Добротолюбие в русском переводе*, 1–5, Москва, 2010.

Марасинова 2020

Марасинова Е. Н., Страх Божий и суд государственный: «священник-дознаватель» в системе судопроизводства в России второй половины XVIII века (по новым архивным источникам), Новое литературное обозрение, 2 (162), 2020, 71–78.

Ожегов 1949–1992

Толковый словарь Сергея Ожегова, 1949–1992 (<https://slovarozhegova.ru>; letzte Einsicht am 22.12.2021).

Постовалова 2012

Постовалова В. И., «Монастырь в миру» и его культурно-исторические лики (К богословию православной аскезы), *Magister Dixit*, 3, 2012, 46–81.

Словарь основных исторических понятий 2016

Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи, 1, К. Левинсон, пер., Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле сост., Ю. Арнаутова, науч. ред. пер., 2-е изд., Москва, 2016.

Хондзинский 2012

Хондзинский П., прот., Учение свт. Феофана о благодати и «чистой любви» в контексте идей блаж. Августина, *Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия*, 6 (44), 2012, 21–29.

— 2019

Хондзинский П., прот., *Русская патрология: XI – начало XX в.*, Москва, 2019.

Alexey Iv. Černyj

St. Tikhon's Orthodox University

Absolution of Sins or Spiritual Guidance? Transformation of the Concept of “duhovnik” in the Russian Language of the 19th Century

Abstract

The article examines the concept “confessor” (“duhovnik”) in the Russian language of the 19th century, using the concept of Begriffsgeschichte. The analysis of sources reveals that with the spread of ascetic discourse in late 19th century Russia, while maintaining the basic meaning of “father confessor”, the “duhovnik” gradually appears related to the monastic tradition of spiritual guidance. The shift of the horizon of expectations away from confessor does not so much reflect the empirical reality as it becomes a kind of construction of the future. It clearly has specific features such as being associated not with the idea of progress, but with an attempt to restore the “original” and lost spirituality in response to modernization and secularization. The palette of this word’s meanings discovered

in the research makes it possible to explain the ambiguity of the use of the term "confessor" in the modern practice of the Russian Orthodox Church.

Keywords

confessor, spiritual father, confession, spiritual guidance, history of concepts (Begriffsgeschichte), Russian Orthodox Church, synodal period

References

- Belovostikov E., *Tebe Edinomu zhit': Sviatitel' Inokentii Penzenskii i ego epokha*, 2: 3–4, Penza, 2019.
- Bezhanidze G. V., The History of Emergence and Perception of the Decree of 1722 "On the Revealing by Priests Intentional Crimes Confessed To Them", *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 1 (29), 2020, 98–111.
- Golosova O., ed., *Optinskie startsy: nastavleniya, pis'ma, dnevniki*, Moscow, 2011.
- Khondzinsky P., arch., *Russkaia patrologia: XI – nachalo XX v.*, Moscow, 2019.
- Khondzinsky P., arch., The Teaching of Bishop Feofan on Grace and Pure Love in the Context of the Ideas of Saint Augustine, *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy*, 6 (44), 2012, 21–29.
- Kizenko N., The role of confession in the Russian Empire before and after 1917, M. V. Kail', ed., *Rossiskoe pravoslavie ot moderna k segodniashnemu dniu (konets XIX – konets XX vv.): proektii Velikoi russkoi revoliutsii v istorii i istoriografii*, Moscow, 2018, 6–18.
- Korogodina M. V., *Isposed' v Rossii v XIV–XIX vv.: Issledovaniia i Teksty*, St. Petersburg, 2006.
- Koselleck R., Einleitung, O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck, Hrsg., *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*, 1, Stuttgart, 1972, XIII–XXVII.
- Koselleck R., „Erfahrungsraum“ und „Erwartungshorizont“ – zwei historische Kategorien, *Sociology of Power*, 28/2, 2016, 149–173.
- Lisovoy N. N., Dve epokhi – dva Dobrotoliubii. (Prepodobnyi Paisii Velichkovskii i sviatitel' Feofan Zatvornik), *Dobrotoliubie v russkom perevode*, 1–5, Moscow, 2010.
- Marasinova E. N., The Fear of God and the State Court "Interrogating Priest" in the Russian Justice System in the Second Half Of the 18th Century (Ac-
- cording to New Archival Sources), *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2 (162), 2020, 71–78.
- Michelson P. L., *Beyond the Monastery Walls: The Ascetic Revolution in Russian Orthodox Thought. 1814–1914*, Madison, 2017.
- Paert I., Mediators Between Heaven and Earth: The Forms of Spiritual Guidance and Debate on Spiritual Elders in Present-Day Russian Orthodoxy, *Orthodox Paradoxes: Heterogeneities and Complexities in Contemporary Russian Orthodoxy* (= Brill's Series in Church History, 66), 2014, 134–153.
- Postovalova V. I., "Monastery in the World" and Its Cultural and Historical Faces (To Divinity of the Orthodox Ascesis), *Magister Dixit*, 3, 2012, 46–81.
- Shafranova O. I., ed., St. Ignatius Brianchaninov, *Polnoe sobranie pisem*, 1–3, Moscow, 2011.
- Shafranova O. I., ed., St. Ignatius Brianchaninov, *Polnoe sobranie tvorenii i pisem*, 1–8, Moscow, 2014.
- Zapalsky G. M., *The Optina Pustyn' and Its Disciples in 1825–1917*, Moscow, 2009.
- Zhgun P. B., Zhgun M. A., eds., Tachiaos A.-E. N., introd., *Prepodobnyi Paisii Velichkovskii. Avtobiografia. Zhitie*, Sergiev Posad, 2006.
- Zhgun P. B., Zhgun M. A., Skhiarkhimandrit Paisii (Velichkovskii) Nyametskii, P. B. Zhgun, M. A. Zhgun, D. A. Pospelov, A. O. Rodionov, eds., *Prp. Paisii Velichkovskii: Avtobiografia, zhizneopisanie i izbrannye tvorenija po rukopisnym istochnikam XVIII – XIX vv.*, Moscow, 2004, 11–25.
- Zhivov V. M., Osobyi put'i puti spasenia v Rossii, T. Atnashev, M. Velizhev, A. Zorin, eds., «Osobyi put'»: ot ideologii k metodu, Moscow, 2018, 48–97.
- Zhivov V. M., Pokaiannaia distsiplina i individual'noe blagochestvie v istorii russkogo pravoslavia, K. B. Sigov, ed., *Druzba: Ee formy, ispytaniia i dary. Uspenskie chteniia*, Kyiv, 2008, 303–343.

Алексей Иванович Черный, кандидат богословия, Ph.D.,

доцент кафедры практического богословия

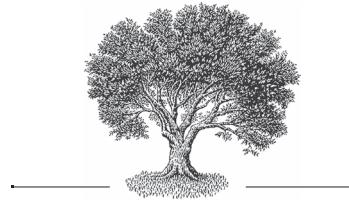
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

127051, Москва, Лихов переулок, д. 6, стр. 1

Россия / Russia

lexschwarz@gmail.com

Received February 21, 2022

Крестьянские речь и голоса в «Записках охотника» И. С. Тургенева и прозе о крестьянах до отмены крепостного права

**Алексей Владимирович
Вдовин**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Peasant Speech in Ivan Turgenev's “A Sportsman's Sketches” and Russian Fiction Before the Emancipation

Alexey V. Vdovin

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

В статье на обширном материале первой половины XIX в. рассматривается репрезентация крестьянской речи в рассказах из крестьянского быта до отмены крепостного права. Автор показывает, что на протяжении всего указанного периода писатели постепенно увеличивали долю диалектных («областных») слов в речи персонажей из крестьян. Апогей этой тенденции пришелся на середину 1850-х гг. и коррелировал, с одной стороны, с бурным развитием этнографического и диалектологического знания в Российской империи, а с другой — с формированием особого режима

Цитирование: Вдовин А. В. Крестьянские речь и голоса в «Записках охотника» И. С. Тургенева и прозе о крестьянах до отмены крепостного права // Slovène. 2022. Vol. 11, № 2. С. 168–186.

Citation: Vdovin A. V. (2022) Peasant Speech in Ivan Turgenev's “A Sportsman's Sketches” and Russian Fiction Before the Emancipation. *Slovène*, Vol. 11, № 2, p. 168–186.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.11.2.8

эстетической репрезентации крестьян как «других» по отношению к образованной эlite. Для наиболее полного раскрытия субъективности и субъектности крестьян в прозе требовалось изображать их речь одновременно и как в целом понятную читателям, и как фонетически и лексически отличную от нее. При этом степень такого отклонения должна была быть не очень существенной, за чем критики следили и постоянно дебатировали тонкую грань между типически достоверным и «неадекватным». Различные варианты репрезентации крестьянских голосов и речи анализируются в статье на материале прозы как канонических (И. С. Тургенева), так и периферийных авторов (И. И. Запольский, А. В. Никитенко, А. Ф. Мартынов, Е. П. Новикова).

Ключевые слова

крестьяне в литературе, русская проза первой половины XIX в., репрезентация, сказ, речь, голос, диалектная речь

Abstract

The article focuses on the representation of peasant speech in short stories from peasant life published before the abolition of serfdom in 1861. The author shows that throughout the entire period, writers gradually increased the ratio of dialect («regional») words in the speech of peasant characters. The culmination of this trend came in the mid-1850s and correlated, on the one hand, with the rapid development of ethnographic and dialectological knowledge in the Russian Empire, and, on the other hand, with the formation of a trend towards the aesthetic representation of peasants as “others” in juxtaposition to the educated elite. In prose, to make the subjectivity of peasants more embodied, it was necessary to depict their speech as generally understandable to readers, and at the same time – as phonetically and lexically different from it. The degree of such deviation was supposed to be not very significant, and literary critics constantly debated the fine line between ‘typically reliable’ and ‘inadequate’. The article presents various ways of depicting peasant voices and speech in the prose of both canonical (I. S. Turgenev) and peripheral authors (I. I. Zapolsky, A. V. Nikitenko, A. F. Martynov, E. P. Novikov).

Keywords

peasants in literature, Russian 19th Century Fiction, representation, *skaz*, speech, voice, dialects

Хотя русские крестьяне выступали героями литературных произведений уже во второй половине XVIII в. (ср. жанр комической оперы), полноправными protagonistsами они сделались лишь начиная с «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина, а массово – с повестей М. П. Погодина и Н. А. Полевого 1820–1830-х гг. Не подлежит сомнению, что эти авторы сыграли важную роль в развитии жанра, который к началу 1850-х гг. получил название «рассказ из простонародного (иногда – крестьянского) быта» [Соколова 2009: 126–148; Вдовин 2016]. Именно в этих,

часто незатейливых, повествованиях, нередко построенных как трагическая история бесправия, рассказанная солдатом, крестьянином или извозчиком образованному повествователю, оттачивались характерные особенности жанра. Основываясь на изучении большого массива прозаических текстов о крестьянах, написанных с конца XVIII в. и до отмены крепостного права в 1861 г.¹, можно утверждать, что «рассказ из крестьянского/простонародного быта» обладал как минимум четырьмя постоянными признаками: 1) протагонистичность (крестьянин или простолюдин должен был быть главным персонажем), 2) этнографизм, 3) презентация простонародной (крестьянской) речи и 4) изображение простонародного (крестьянского) миросозерцания.

В предлагаемой статье в центре внимания окажется лишь один признак — передача крестьянской речи и голоса² как в канонических литературных произведениях («Записки охотника» И. С. Тургенева), так и в малоизвестных (рассказы А. В. Никитенко, А. Ф. Мартынова, Е. П. Новикова и др.). Сразу же следует оговорить, что лингвистические характеристики речи литературных героев выступают лишь поводом для исследования классической литературоведческой проблемы — миметического изображения (репрезентации) реальности в раннем русском реализме. Как мы постараемся показать, художественная проза до 1861 г. (а по сути, и позднее), хотя и значительно расширила зону допустимого присутствия диалектной речи в устах крестьян, налагала на нее довольно жесткие рамки, за которые мало кто из авторов решался выходить. Более того, речь выступала коррелятом мышления и сознания персонажей, и именно в силу этого ее нельзя рассматривать в чисто лингвистическом аспекте, в отрыве от более широкой проблемы эстетической репрезентации и ее исторически изменчивых режимов.

Прежде чем обратиться непосредственно к речи и голосу, необходимо сказать, что установка на достоверную и аутентичную их передачу проистекала из этнографизма как рамочного направления (в каком-то смысле даже «духа времени») для писателей и людей науки того времени. Этнографизм был предопределен самой тематикой: достоверно рассказать о крестьянской жизни в эпоху формирующегося в

¹ Мы ограничили литературный материал именно этой датой, поскольку после освобождения крестьян жанр теряет социальную остроту, его границы становятся подвижными и проницаемыми, а в плане содержания изображение крестьян постепенно начинает все более сближаться по технике с репрезентацией представителей других сословий.

² Мы приняли решение сузить объект рассмотрения именно до крестьянской речи (всех типов существовавших в Российской империи крестьян), выводя за пределы этой статьи особенности речи других групп простолюдинов (мещан, рабочих, инородцев и др.), а также просторечие, которое, само по себе, не может считаться маркером крестьянской речи и было характерно для литературного изображения речи мещан, купцов и др.

России реализма было возможно только за счет включения в текст этнографического материала — описания быта, ритуалов, языка и фольклора. Литературный этнографизм, таким образом, был органической частью более широкого этнографического бума конца 1840-х гг., когда под эгидой учрежденного в 1845 г. Императорского русского географического общества формируется особый научный дискурс, интенсифицируется сбор этнографических материалов, выстраивается научная инфраструктура [Knight 1998]. Отдельным направлением деятельности внутри этнографического тренда становится картографирование и сбор лингвистического материала в различных губерниях, организованный Вторым отделением Академии наук. Уже в 1852 г., одновременно с публикацией «Записок охотника» отдельной книгой, русская публика могла познакомиться с впечатляющим списком диалектных или «местных», «областных», как тогда говорили, слов, собранных Академией в «Опыте областного великорусского словаря»³. Научный, публицистический и литературный дискурсы 1840–1850-х гг., таким образом, поддерживали друг друга и образовывали единое сложно устроенное пространство.

Если говорить о художественной прозе, то на текстуальном уровне этнографизм проявился в прозе о крестьянах в трех распространенных приемах. Во-первых, писатели старались охватить как можно больше социальных групп крестьян и реалий их земледельческого, торгового или дворового быта. Так, в рассказе А. Ф. Писемского «Питерщик» (1852) показана судьба Клементия — крестьянина-отходника в Петербурге. В «Антоне-Горемыке» (1847) Д. В. Григоровича перед читателем разворачивается картина крестьянской нищеты Антона, у которого забирают последнюю лошадь, а в «Хоре и Калиныче» И. С. Тургенева, напротив, — крепкого и даже состоятельного крестьянского хозяйства оброчного крестьянина Хоря. Во-вторых, для создания деревенского антуража писатели часто делали экскурсы в традиции и ритуалы крестьян — свадьбы, похороны, посиделки, гадания, ворожбу, знахарство, коновальство и т. п. В «Деревне» Григоровича описание крестьянской свадьбы занимает несколько страниц и подано в частности с точки зрения помещицы, отмечающей для себя экзотичность и странность этого простонародного обряда. Наконец, многие рассказы о крестьянах были проникнуты русским, украинским и другим славянским фольклором: авторы вставляли в текст народные песни, присказки, пословицы и поговорки, а герои со вкусом рассказывали многочисленные народные поверья и преданья [Прийма 1976; Uspenskij 2021: 106–114].

³ Программу для него разработал основоположник отечественной диалектологии проф. И. И. Срезневский. См.: [Балахонова 1961].

Частным, но весьма важным случаем этнографизма в литературе до 1861 г. был неуклонно возраставший интерес к крестьянским речи и голосу. Во многих рассказах образованный повествователь давал героям возможность поговорить о себе, либо имитировал устную крестьянскую речь в виде сказа [Banfield 2005]. Если в первом случае крестьянин выступал как рассказчик и его речь подавалась от первого лица, во втором повествователь принимал обличие реального простолюдина, речь которого, несмотря на явные отклонения от нормы, все же должна была быть понятна читателю. Как покажет представленный ниже анализ текстов, важно различать языковую и акустическую (голосовую) стороны изображаемой крестьянской речи. С языковой точки зрения, ее передача в художественном тексте требовала от автора тщательного наблюдения над лексикой, грамматикой, синтаксисом и артикуляцией реальных крестьян. В акустическом же аспекте, как мы увидим, на первый план выдвигались такие характеристики, как тон, тембр, темп и высота, а также связанные с ними певческие возможности. В таких этапных произведениях, как «Записки охотника» Тургенева все эти речевые и голосовые характеристики крестьян играли важнейшую роль для конструирования крестьянской субъективности, а благодаря ей в конечном счете и субъектности⁴. Речь и голос объединял такой параметр, как устность, которая, в свою очередь, выступала важнейшим маркером «крестьянского», поскольку большинство крестьян в Российской империи тогда были неграмотны. Крестьянин в литературном произведении полнее всего субъективировался именно через стихию устной речи, позволявшей писателям создавать субъективность своих героев вне письменного слова, чтения и литературности, характерной для образованных сословий⁵.

* * *

Воспроизведение речи крестьянина в русской литературе прошло долгий путь, прежде чем приблизилось к имитации реального произношения, со всеми его специфическими лингвистическими и звуковыми отклонениями от условной литературной нормы. Несмотря на то что разговорная крестьянская речь, обильно уснащенная просторечием и регионализмами проникла на русскую сцену еще в последней трети

⁴ Субъектность понимается здесь в социологическом и культурно-антропологическом смысле как способность человека действовать, совершать выбор и быть субъектом принятия решений.

⁵ Следует подчеркнуть, что наряду с неграмотными крестьянами русская литература первой половины XIX в. знает многочисленные случаи образованных и читающих мужчин-крестьян. Они в этой работе не рассматриваются.

XVIII в. в комической опере А. О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» (1782), в прозе скорость демократизации литературного языка была гораздо более низкой. Авторы рубежа XVIII–XIX вв. боялись нарушить конвенции и изобразить «неправильный», «неблагозвучный» и часто совсем непонятный для образованного человека крестьянский говор. Тем не менее уже в 1798 г. И. И. Запольский в очерке «Извозчик», вводя прямую речь своего героя, в сноске следующим образом оправдывает аутентичность при ее передаче: «Истина не требует украшения; и потому я рассудил — извозчики слова изобразить самым простым крестьянским наречием» [Запольский 1798: 403, сноска]. Однако в речи старика (около 60 лет) мы не найдем ни одного непонятного просторечного слова, кроме «вить» (ведь) или обращения «сударик», хотя лексически и синтаксически речь организована более просто и свободно, нежели сентиментально возвышенная и риторически изощренная речь нарратора. Очевидно, что в стилистическом и семиотическом плане просторечие извозчика оказывается противопоставлено сентиментальному регистру повествователя, но никакой иной лингвистической информации оно не несет. Ни повествователь, ни сам герой не сообщают, в какой губернии или городе происходит действие и из какой местности происходит старик. Ясно, что в рамках просветительской идеологии журнала «Приятное и полезное препровождение времени» это не имеет никакого значения.

Если рассмотреть более поздний, но в той же степени этапный для нашей темы рассказ М. П. Погодина «Нищий» (1826), то встреченный образованным повествователем на московской Покровке отставной солдат Егор вполне литературным языком рассказывает о своей судьбе. Причина проста: он обучался грамоте у сельского дьячка и запомнил много книг, вытврживая их наизусть. В отличие от географически и лингвистически неопределенного места у Запольского, герой Погодина происходит из крестьян Орловской губернии (недалеко от Мценска), однако это никак не передается на лингвистическом уровне его речи. О голосе же Егора мы не узнаем ничего кроме того, что он «тихий».

Только ко второй половине 1840-х гг., с возникновением Натуральной школы и расцветом физиологического очерка просторечие и стилизация характерной крестьянской речи возникают в прозе как целенаправленно создаваемая презентация реального говора, хотя степень ее отклонения от фонетической и лексической нормы остается небольшой. Поворотным моментом в истории изображения крестьянской речи и голоса в эту эпоху стали «Записки охотника» Тургенева, которые, напомним, последовательно печатались как рассказы и очерки в «Современнике» с 1847 по 1851 г. Никогда не отмечалось, что как

минимум в четырех рассказах — «Хоре и Калиныче», «Бежином луге», «Касьяне с Красивой Мечи» и «Певцах» Тургенев создал беспрецедентно индивидуализированные по меркам того времени презентации крестьянских и простонародных голосов и речи, которые обладали особым звуковым и интонационным разнообразием. По мнению М. Долара, произношение, акцент, диалект — «норма, отличающаяся от доминирующей нормы. [...] Интонация — это еще один способ осознания голоса, поскольку особенный тон голоса, его специфические мелодика и модуляция, ритм и изменения интонации могут повлиять на смысл» [Долар 2018: 84]. Наблюдения Долара позволяют объяснить незамеченный способ создавать субъективность героев из крестьян и на фоне предшествующей традиции 1820–1830-х гг. отдать пальму первенства именно Тургеневу.

Уже в первом очерке будущего цикла «Хорь и Калиныч» рассказчик-охотник акцентирует внимание на речевой составляющей индивидуальностей двух контрастных героев: «Толкуя с Хорем, я в первый раз услышал простую, умную речь русского мужика» [Тургенев 1979: 17]. Образцы речи внешне напоминающего Сократа Хоря даны в подтверждение этой аналогии, которая должна была казаться и казалась современникам чересчур форсированной.

В «Бежином луге» рассказчик, притворившийся спящим и, очевидно, вынужденный подслушивать с закрытыми глазами, описывает тембр голоса и особенности речи почти каждого из мальчиков. В голосе Павлуши «звучала сила» [Тургенев 1979: 91], голос Ильюши — «сиплый и слабый» [Ibid.: 92], а голосок Кости — «тонкий» [Ibid.: 94]. Более того, все рассказы мальчиков наполнены звуками — проявлениями нечистой силы: в рассказе Ильюши домовой дает о себе знать на рольне разными звуками; Павлуша, подойдя к воде, якобы слышит голосок утопленника Васи, который зовет его за собой. Этим акустическим сигналам из постороннего мира вторят звуки ночи — вопль цапли, всплеск крупной рыбы, лай собак, странные шорохи. Ночная атмосфера, санкционированная богатой романтической традицией, как нельзя лучше способствует усилению звуковых эффектов, передающих обстановку сидения у костра и слушания страшных историй⁶. Характеры мальчиков обретают индивидуальность во многом благодаря их речи и тембру голоса, интонации рассказа, потому что другого способа описать эти характеристики у рассказчика-охотника просто нет: он не владеет историями об их прошлом и ограничен в изображении их поступков, за исключением того, как отважно Павлуша отправляется за собаками. Обращает на себя внимание и взросłość речи подростков: мальчики серьезно ведут

⁶ Об акустическом слушании в рассказе см. статью: [Сафран 2020].

рассказ и не по-детски эффектно слагают страшные истории, выступая едва ли не в роли «сказителей».

В другом рассказе цикла — «Касьян с Красивой Мечи» — субъективность и, в частности, странность заглавного героя конструируется не в последнюю очередь благодаря описанию его речевой манеры и тембра голоса: «Странный старичик говорил очень протяжно. Звук его голоса также изумил меня. В нем не только не слышалось ничего дряхлого, — он был удивительно сладок, молод и почти женски нежен» [Тургенев 1979: 110]:

— У рыбы кровь холодная, — возразил он с уверенностию, — рыба тварь немая. Она не боится, не веселится: рыба тварь бессловесная. Рыба не чувствует, в ней и кровь не живая... Кровь, — продолжал он, помолчав, — святое дело крови! Кровь солнышка божия не видит, кровь от свету прячется... великий грех показать свету кровь, великий грех и страх... Ох, великий!

Он вздохнул и потупился. Я, признаюсь, с совершенным изумлением посмотрел на странного старика. Его речь звучала не мужичьей речью: так не говорят простолюдины, и краснобаи так не говорят. Этот язык, обдуманно-торжественный и странный... Я не слыхал ничего подобного [Ibid.: 116–117].

Рассказчик-охотник подчеркивает странность речи и стилевого регистра Касьяна (торжественность), по которым исследователи распознали принадлежность героя к secte бегунов [Бродский 1922: 3–24; Клузе 1986]. Конечно, манера героя необычно выражаться понадобилась Тургеневу в первую очередь для того, чтобы намекнуть читателю на социальную группу, к какой имеет отношение Касьян, однако не менее важным следствием такого авторского выбора становится бросающаяся в глаза индивидуализация голоса крестьянина, превращающая его в «человека неабнакавенного», «юродивого», сочиняющего и распевающего песенки [Тургенев 1979: 123]. Можно предполагать, что такая речь вряд ли была типичной для крестьянина конца 1840-х гг., если сам рассказчик находит ее «не мужичьей». Для нашего исследования вопрос о референциальности не имеет значения: безотносительно к достоверности, эффект голосового присутствия существенно превосходит принятую в дотургеневской прозе манеру представлять речь крестьян.

Кульминации в этом направлении Тургенев достигает в «Певцах», где сами голоса становятся предметом изображения и сюжетной интриги⁷. Как и следует ожидать от отчетливо проступающей в «Певцах»

⁷ Это дало повод известному фольклористу Б. М. Соколову с сожалением заметить, что «Тургенев занимается в этом случае более характеристикой голоса и описанием того впечатления, какое произвело его пение на слушателей, чем характеристикой приемов и “стиля” песенного исполнения» [Соколов 1920: 214].

пасторальной традиции [Durkin 1994; O'Bell 2004], обогащенной романтической мифологией состязания певцов [Потапова 2003], характерность героев слагается из детализированного описания акустики певческих голосов, а не речи двух соперников — жиздринского рядчика и Яшки-Турка. Заметим, что первый именуется в тексте «городским мещанином», а второй — черпальщиком бумажной фабрики, т. е. рядчик не является крестьянином, а Яшка, скорее всего, таков по происхождению, но трудится на фабрике [Тургенев 1979: 217].

Примечательно, что рассказчик отдает предпочтение именно пению крестьянина Яши. Голос и пение безымянного рядчика описаны рассказчиком как вычурные и претенциозные, напоминающие о европейской — итальянской или французской — оперной исполнительской традиции:

...рядчик [...] запел высочайшим фальцетом. Голос у него был довольно приятный и сладкий, хотя несколько сиплый; он играл и вилял этим голосом, как юлою, беспрестанно заливался и переливался сверху вниз и беспрестанно возвращался к верхним нотам, которые выдерживал и вытягивал с особенным стараньем, умолкал и потом вдруг подхватывал прежний напев с какой-то залихватской, заносистой удалью. Его переходы были иногда довольно смелы, иногда довольно забавны: знатоку они бы много доставили удовольствия; немец пришел бы от них в негодование. Это был русский *tenore di grazia, ténor léger* [лирический тенор. — А.В.] [Тургенев 1979: 219].

В отличие от голоса рядчика, пение Яши-Турка описано иначе: его голос изображается как нечто не принадлежащее телу героя и нисходящее на него извне («не выходил из его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату»). Если пение рядчика наделено механическими коннотациями (уподоблено механической юле) и не содержит никаких эмоций, то голос Якова, будучи особой сущностью, уподоблен струне, способной передавать широкий спектр состояний и чувств:

Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более — он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся [Ibid.: 222].

Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыданья внезапно поразили меня... [Ibid.].

При всей техничности пения рядчика, его голос в описании рассказчика лишен внутренней силы и страсти, составляющих основу русской песни и русской души⁸. В конце концов именно к душе приравнивается голос Якова. Перед нами, таким образом, классическая для романтической эстетики оппозиция наделенного негативными коннотациями механического и органического, ассоциируемого с национальным и духовным. Так в «Певцах» едва ли не впервые в прозе о простонародье русскость оказывается заключенной в концепте «голоса» и воплощенной в пении черпальщика с бумажной фабрики, скорее всего из крестьян⁹, парадоксальным образом лишь наполовину русского: он был сыном пленной турчанки и потому прозван Турком¹⁰ [Ibid.: 217].

Несмотря на явное доминирование презентации голоса над речью, «Певцы» дают важный, хотя и почти не замеченный образец диалектного и малопонятного говора. Обалдуй, завидев в кабачке пришлого жителя Полесья, пародирует его непонятную речь:

А, заворотень-полеха! – завопил вдруг Обалдуй и, подойдя к мужичку с дырой на плече, уставился на него пальцем, запрыгал и залился дребезжащим хохотом. – Полеха! полеха! Га, баде паняй, заворотень! Зачем пожаловал, заворотень? – кричал он сквозь смех [Ibid.: 221].

В сносках Тургенев приводит расшифровку странных выражений, подчеркивая обособленность жителей орловского Полесья, их замкнутую субкультуру, отличавшуюся особой лексикой. В «Записках охотника» наряду с этим встречается еще несколько случаев вкрапления диалектной речи (см. о них: [Старенков 1959; Прийма 1976: 376–378; Бахвалова, Попова 2007; Ретинская, Аркаш 2017: 125–128]), однако они в целом не меняют вполне нейтрального, с минимальной примесью регионализмов, статуса крестьянского слова в цикле рассказов.

На фоне слаженной речи тургеневских крестьян и дворовых другие голоса в некоторых близких к физиологиим очерках 1846–1849 гг.

⁸ Музыкально-этнографический комментарий к «Певцам» см. в известной работе: [Азадовский 1960: 413–432].

⁹ Поскольку речь идет о бумажной фабрике (одна из них принадлежала брату Тургенева), то можно предполагать, что большинство работников на нее нанимались из окрестных деревень.

¹⁰ Такое происхождение вряд ли случайно: как показывает недавнее исследование, в конструировании идентичности персонажей Тургенев не был склонен к эссенциализму и нерефлексивному национализму [Фомина 2014].

отличаются натурализмом. Так, в коротком очерке А. В. Никитенко «Похождения мужичка в Питере» (1847) образованный рассказчик подслушивает на постоялом дворе беседу мужиков, отошедших на заработки в столицу и коверкающих названия незнакомых питерских реалий:

— Да он, дядя, все в Питере. Перва на перво он был в Кромшлате; там, виши ты, новую чудодель ладили, там он у подрядчика жил в десятниках; а топеря он в киатре ланьзы зажигает [Никитенко 1847: 22].

Помимо традиционно искажаемых в народе наречий «сперва» и «теперь», крестьянин Митя на свой лад переиначивает название Кронштадта, театра, ламп (а далее «лопусов» вместо «глобусов»), а также и вовсе изобретает слово «чудодель». Тем не менее нельзя сказать, что плотность искаженных слов в речи героев очерка высока: за исключением новых для них реалий, остальные описания более традиционных явлений быта и жизни не содержат серьезных отклонений и не препятствуют пониманию. Можно утверждать, что, если предмет речи замкнут в пределах крестьянской жизни, вероятность возникновения малопонятных слов остается довольно низкой.

Апогей в имитации крестьянского диалектного слова пришелся на середину 1850-х гг. Критики той эпохи сами указали на своего рода «антирекорд»: по мнению П. В. Анненкова, наименее понятной образованному читателю была крестьянская речь в рассказе А. Ф. Мартынова «Рыбак» (1853). Позволим себе привести пространную цитату:

Прошло эдак с добрых неделью. Сидим мы с Наташой повечеру у котелка; поснедать собралися, прежде чем ей-то на сон идти, а мне к удум; хороши по вечеру клевы живут. Солнышко садилося; вечер был важный такой, и рыбе надо бы ходко идти. Ну, и сидим мы-то: ложке, чай, по первой не успели во рту помарать, — глядь... отколе ни возьмись, позапрошлой. Меня индо морозом по спине дернуло (знать чуяло сердчишко); а Наташа — где петь!.. Как держала у рта ложку, так и не смигнет, словно-те бахмур какой нашел. «Хлеб-соль, — молвил, — добрые люди?». «Хлеба-соли кушать», — молвил и я в тапоры... Да кто его знал; в душу людскую не влезешь ведь!.. «Пустите, — байт, — меня с вами ухи похлебать: голод уморил, а я за все про все заплачу!». «Уж и стал ли, — говорю, — вам с нами из одного корыта снедать... Буде вашей милости в угоду — мы тебе другую ушицу доспеем, уж такую, что в рот, то спасибо! Рыбки не занимать-стать — и седни Бог не обидел. Во-лиши: утренничка сварганю — стерлядок там, али молимое (налимов), аль иной прочей — всякой вволюшку». «Ладно, — говорит, — старик — сваргань, а тебе обиды не будет». «Какая, мол, обида! обидишь меня — тебя Господь обидит...» «Но переждай — байт, — вашей проотведать, умаялся добре!..» Силком, почитай, отнял ложку у Наташи моей, — ну, и швыркнул раз,

другой... Что ему загорелося больно — Бог его ведает! аль и вправду петит пронял [Мартынов 1853: 63–64].

Анненков в 1853 г. еще не мог объяснить, что эффект неясной речи главного героя рассказа Фоки возникает благодаря характерным приметам вятского говора, поскольку действие происходит, как легко установить по раскрываемым топонимам, в Слободе Кукарке Вятской губернии (ныне г. Советск Кировской области). Будучи уроженцем этого города и потомственным купцом, Мартынов всю жизнь занимался собиранием фольклора и этнографического материала в этом регионе и Поволжье и, очевидно, совершенно сознательно пытался передать на письме фонетику и лексику вятской звучащей речи [Никитина, Мартынов 1994: 532]. «Переполненный излишними провинциализмами» рассказ не встретил сочувствия и у обозревателя «Отечественных записок» С. С. Дудышкина¹¹, который, хотя и хвалил характер протагониста, отказывал языку в правдоподобии:

В характере этом нет фальшивого геройства, но зато чрезвычайно много фальшивого в языке самого очерка. В этом, будто бы простом, рассказе видишь заученные фразы, которые обличают труд автора, подбиравшего их. Язык наших простонародных рассказов, как и великосветских повестей, несмотря на крайности сюжетов, страдает часто одним и тем же недостатком — отсутствием простоты и естественности [Дудышкин 1853: 60].

Парадоксальным образом критики упрекали Мартынова за ту самую этнографическую точность, к которой он стремился одним из первых в прозе того времени, откликаясь на этнографический бум, описанный нами выше. Однако эстетические конвенции в презентации живой крестьянской речи в глазах критиков оставались настолько жесткими, что не позволяли авторам приводить необработанную разговорную речь, как бы точно она ни соответствовала реальному произношению.

Та же история повторилась в 1855 г. с двумя повестями Е. П. Новикова — дипломата, богемиста и писателя-дилетанта, опубликовавшего под псевдонимом «Е. Данковский» две повести из простонародного быта в «Отечественных записках». В мелодраматическом «Горбуне» речь горбатого протагониста Феклиста отличается большим числом диалектизмов и местами не до конца понятна тем, кто не знает их значений. Вот лишь один из многочисленных примеров:

— Неколи, Савелий Артемыч, неколи. Должность-то моя така хлопотливая, трудная. Иной и ночи прихватываешь. Да и нездоров-то я: кашель одоле-

¹¹ Обозрение «Журналистика» в этом номере атрибутируется ему Б. Ф. Егоровым [Егоров 1962: 225].

вает; так грудь и мозжит. Зачни у меня с поясники будто: все мои суставы у мене как из нея вон летят. Как человек будто пыряет по спине: так и бузничит, и вдоль, и поперег, не дает мне проходу ни маленечко [Данковский 1855: 107].

Очевидно, что по сравнению с Мартыновым Новиков (филолог по образованию и автор магистерской диссертации о «важнейших особенностях лужицких наречий» [Бокова, Новиков 1999: 337]), делал следующий шаг к еще более натуралистичной передаче диалектных черт крестьянской речи, что вызвало неоднозначную реакцию критиков. С одной стороны, обозреватель «Москвитянина» посчитал, что повесть написана «живым русским языком, видимо схваченным и подслушанным на месте [...] с его [мужика. – А. В.] странными оборотами, облекающими поверья или понятия, не менее странные» [Аноним 1855: 150–151]. С другой – все тот же С. С. Дудышкин¹², придерживаясь той же позиции, что и в случае с Мартыновым, заявил о произведении Данковского как о беспрецедентном в негативном смысле этого слова для русской литературы именно с точки зрения непонятности народной речи:

Г. Данковский, кроме того, позволил себе употребление такого крестьянского языка, которым никто до сих пор не писал. Он не побоялся, что некоторые места его повести останутся темными, что рассказ необходимо от этого много проиграет – и все-таки удержал этот темный, странный язык. Как тут быть? Где искать управы? У нас теперь много писателей, которые печатают повести из простонародного быта; каждый писатель, конечно, считает себя знатоком этого быта, но чей язык возьмем мы за образец, чтобы произнести окончательный приговор над простонародным языком г. Данковского? – вот вопрос [Дудышкин 1855: 60].

Чтобы найти хотя бы какой-то ориентир, критик апеллировал к статье В. И. Даля «Недовесок к статье “Полтора слова о русском языке”» («Москвитянин», 1842), в которой автор «Толкового словаря живого великорусского языка» констатировал невозможность указать на образец простонародного языка, потому что его никто еще во всем многообразии не изучил и не усвоил. Отсылка к мнению Даля, к середине 1850-х гг. набирающего популярность эксперта в области народной речи и этнографии, переключала дискуссию в гораздо более широкий культурный контекст. Выходя за пределы сугубо литературы, Дудышкин делал вывод, что Данковский, судя по всему, внимательно собирает русскую речь и потому не должен бояться упреков в том, что она им вымыщена и якобы недостоверна:

¹² Атрибуция статьи Дудышкину также произведена Б. Ф. Егоровым [Егоров 1962: 226].

Дело другое, насколько подобная оригинальность языка может быть допущена в повести. Повесть назначается для чтения *всех* [здесь и далее курсив источникa. — A.B.]; следовательно, и разговорный язык действующих лиц должен быть понятен *всем*. Может быть, со временем, когда мы более освоимся с народным языком, всякая народная речь будет для нас понятна; теперь же, пока мы начинаем изучать этот язык, когда он для нас и нов, и странен кажется, писатель должен сообразоваться с этим недостатком читателей. Но во всяком случае виноват будет здесь не писатель, а мы, публика, что плохо понимаем свой собственный разговор [Ibid.: 62].

Парадоксальность этого вывода заключалась в том, что, исходя из крайне прогрессивного утверждения об относительности любых эссенциализированных представлений о простонародном языке, Дудышкин тем не менее вменял писателям жесткую нормативность в передаче речи, подчиняя ее критерию ясности для любого читателя. Тот же самый аргумент задействовал в своем анализе языка «Записок охотника» И. С. Аксаков в письме Тургеневу от 4 октября 1852 г.:

Мне пришло в голову еще одно замечание — относительно крестьянской речи. Я вообще против употребления крестьянской речи в литературе так, как она является у Григоровича и отчасти у вас. Это не свободная крестьянская речь, а копировка, стоящая, по-видимому, больших усилий. Григорович, желая вывести на сцену русского мужика *вообще*, заставляет его говорить рязанским наречием, вы — орловским, Даль — винегретом из всех наречий. Мне кажется, можно вложить в уста русскому мужику русскую крестьянскую речь без этого жалкого коверканья слов, без разных ужимок, составляющих особенность местную, а иногда и личную, и не одинаковых в каждом месте. Видно, что вы копируете и к тому же частехонько не додглядываете; у вас, например, мужик беспрестанно говорит: *удивительно*. Вы могли, конечно, услыхать это слово от *одного* мужика, но вообще крестьяне этого выражения не употребляют. Думая уловить русскую речь, вы улавливаете только местное наречие. Впрочем, и то сказать, вы обозначили местность, где действуют лица ваших рассказов, и это обвинение относится к вам в меньшей степени, чем к Григоровичу [Письма Аксаковых 1894: 31].

На уровне логики возникал порочный круг: обреченные воспроизводить лишь понятный максимально широкой аудитории пласт лексики, писатели утверждали то самое нормативное, лишенное «локального колорита» и тяготеющее к просторечию, представление о крестьянском языке, которое многие критики отвергали. Эта антиномия, но в другом контексте, просматривается в классическом исследовании В. В. Виноградова по истории русского литературного языка, в котором на разных страницах утверждается, что, с одной стороны, «в положительной оценке значения “простонародного”, главным образом, крестьянского языка для литературной речи сходились решительно все слои общества»

[Виноградов 1982: 231 (речь о 1810-х – 1820-х гг.)], а с другой — «местные, диалектные разновидности крестьянского языка большей частью демократической интеллигенции 30–40-х годов в принципе отрицаются как материал для общелитературного языка» [Ibid.: 354]. По Виноградову, компромиссным решением этой проблемы становится опора на городское просторечие и сугубо функциональное использование регионализмов в прямой речи героев, без допуска ее в авторское повествование [Ibid.: 356]. Весьма существенно корректируя обобщающие построения Виноградова, В. М. Живов призвал разграничивать языковой стандарт, разговорную речь и литературную «имитацию оральности» в XIX в. [Живов 2017: 1127–1128]. Представленные выше примеры из прозы и ее восприятия критикой до 1861 г. подтверждают, что представления крестьянской речи в литературе была полем конкурирующих проективных представлений о том, как она должна выглядеть, нежели реальным отражением языкового узуса. Литература не могла вместить всего речевого разнообразия империи, которое Срезневский, а затем Даль героически попытались зафиксировать в словарях¹³, и отторгла то «диалектное», что выходило за пределы весьма ограниченного лимита на «темноту» крестьянского языка. Можно предполагать, что за этим отторжением скрывалась не только эстетическая теория или вкус, к которым критики середины 1850-х гг. уже далеко не так часто апеллировали. Часто интуитивный запрет на превышение и без того низкого порога разборчивости и ясности крестьянской речи в прозе этой эпохи находился в прямой зависимости от представлений образованной части общества о том, как протекает процесс крестьянского мышления. Как полагает М. Долар, «речь и голос представляют собой скрытый механизм мышления, что-то, что должно предшествовать мышлению, как абсолютно механический процесс, и то, что разум должен прятать за маской антропоморфизма» [Долар 2018: 66]. Если спроектировать это наблюдение на описанную ситуацию, можно предположить, что образованные читатели воспринимали имитацию речи крестьян как иконическое отображение их сознания и мышления. Чем более членораздельной и приближенной к литературной норме она была представлена у того или иного автора, тем более рациональными и приближенными к образованной элите должны были казаться читателям крестьянские субъекты. И наоборот, чем более заумно говорили персонажи из крестьян, тем больше они воспринимались как «другие» и даже «чужие». Таким образом, речь и голос крестьян означали в литературе до отмены крепостного права нечто более функциональное и значимое, нежели производное от этнографического или лингвистического знания.

¹³ О словарном проекте Даля см.: [Vitalich 2007; Vinitksy 2020].

Библиография

Источники

Аноним 1855

[Аноним] «Горбун», повесть Евг. Данковского. Отеч. записки, март, *Москвитянин*, 2(6), 1855, 137–152.

Данковский 1855

Данковский Е. Горбун. Повесть из простонародного быта, *Отечественные записки*, 99(3), 1855, отд. I, 7–130.

Дудышкин 1853

Дудышкин С. С. Журналистика, *Отечественные записки*, 9, 1853, отд. V, 54–68.

— 1855

Дудышкин С. С. Журналистика, *Отечественные записки*, 7, 1855, отд. IV, 49–68.

Запольский 1798

Запольский И. И. Извозчик, *Приятное и полезное препровождение времени*, 19, 1798, 401–412.

Мартынов 1853

Мартынов А. Ф. Рыбак. Рассказ, *Москвитянин*, 14(14), 1853, отд. I, 57–68.

Никитенко 1847

Никитенко А. В. Похождения мужичка в Питере, *Современник*, 3, 1847, Смесь, 21–27.

Письма Аксаковых 1894

Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу, с введ. и примеч. Л. Майкова, Москва, 1894.

Тургенев 1979

Тургенев И. С. Полн. собр. сочинений и писем в 30 т. *Сочинения: в 12 т.* Т. 3, Москва, 1979.

Литература

АЗадовский 1960

АЗадовский М. К. «Певцы» И. С. Тургенева, Idem, *Статьи о литературе и фольклоре*, Москва, Ленинград, 1960, 395–437.

Балахонова 1961

Балахонова Л. И. История составления «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему, *История русской диалектологии*, Москва, 1961, 98–125.

Бахвалова, Попова 2007

Бахвалова Т. В., Попова А. Р. 500 забытых и редких слов из «Записок охотника» И. С. Тургенева, Орел, 2007.

Бокова, Новиков 1999

Бокова В. М., Новиков Е. П., *Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь*, 4, Москва, 1999, 337–338.

Бродский 1922

Бродский Н. Л. И. С. Тургенев и русские секстанты, Москва, 1922.

Вдовин 2016

Вдовин А. В. «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема презентации крестьян в литературе середины XIX века, *Новое литературное обозрение*, 146(5), 2016, 287–315.

Виноградов 1982

Виноградов В. В. *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков*, изд. 4-е, Москва, 1982.

Долар 2018

Долар М. *Голос и большие ничего*, С.-Петербург, 2018.

Егоров 1962

Егоров Б. Ф. С. С. Дудышкин – критик, *Ученые записки Тартуского государственного университета*, 119, 1962, 195–231.

Живов 2017

Живов В. М. *История языка русской письменности: в 2 т., 2*, Москва, 2017.

Клуге 1986

Клуге Р.-Д. Сектантство и проблема смерти в «Записках охотника» И. С. Тургенева, *Slavica (Debrecen)*, 23, 1986, 25–36.

Никитина, Мартынов 1994

Никитина И. В., Мартынов А. Ф., *Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь*, 3, Москва, 1994, 532–533.

Потапова 2003

Потапова Г. Е. Состязание певцов (к истории одного литературного мотива из «Записок охотника» И. С. Тургенева), *Риторическая традиция и русская литература. Межвузовский сборник*, П. Е. Бухаркин, ред. С.-Петербург, 2003, 146–164.

Прийма 1976

Прийма Ф. Я. И. С. Тургенев («Записки охотника»), *Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века*, Ленинград, 1976, 366–383.

Ретинская, Аркаш 2017

Ретинская Т. И., Аркаш О. Герои «Записок охотника» И. С. Тургенева: своеобразие характеров и особенности речи, *Текст: грани и границы. «Записки охотника» И. С. Тургенева. Коллективная монография*, Орел, 2017, 103–129.

Сафран 2020

Сафран Г. Изготовление бумаги, акустическое слушание и реализм ощущений в «Записках охотника» И. С. Тургенева, *Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование*, М. Вайсман, А. Вдовин, И. Клигер, К. Осповат, ред., Москва, 2020, 318–343.

Соколов 1920

Соколов Б. М. Мужики в изображении Тургенева, *Творчество Тургенева. Сборник статей*, И. Н. Розанов и Б. М. Соколов, ред. Москва, 1920, 194–233.

Соколова 2009

Соколова В. Ф. Народознание и русская литература XIX века, 2-е изд., испр., Москва, 2009.

Старенков 1959

Старенков М. П. Язык и стиль «Записок охотника», *Творчество И. С. Тургенева. Сборник статей*, С. М. Петров, ред., Москва, 1959, 32–68.

Фомина 2014

Фомина Е. *Национальная характерология в прозе И. С. Тургенева*, (DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS, 31), Tartu, 2014.

Banfield 2005

Banfield A. *Skaz, Routledge Encyclopedia of Narrative Theory*, D. Herman et al, eds., London, 2005, 535–536.

Durkin 1993

Durkin A. R. The Generic Context of Rural Prose. Turgenev and the Pastoral Tradition, *American Contributions of the XIth International Congress of Slavists*, Columbus, OH, 1993, 43–50.

Knight 1998

Knight N. Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855, *Imperial Russia: New Histories for the Empire*, J. Burbank, D. L. Ransel, eds., Bloomington, IN, 1998, 108–147.

O'Bell 2004

O'Bell L. The Pastoral in Turgenev's 'Singers': Classical Themes and Romantic Variations, *The Russian Review*, 63(2), 2004, 277–296.

Uspenskij 2021

Uspenskij P. Статус поговорки в первой трети XIX в. и характер мысли Е. А. Боратынского: Вокруг стихотворения «Старателю мы наблюдаем свет...», *Russian Linguistics*, 45(1), 2021, 105–121.

Vinitsky 2020

Vinitsky I. Lord of the Words: Vladimir Dahl's Explanatory Dictionary of the Living Great-Russian Language as a National Epic, *The Whole World in a Book: Dictionaries in the 19th Century*, Oxford, 2020, 190–217.

Vitalich 2007

Vitalich K. Dictionary as Empire: Vladimir Dal's Interpretive dictionary of the living great Russian language, *Ab Imperio*, 2, 2007, 153–177.

References

- Azadovsky M. K. "Pevtsy" I. S. Turgeneva, Idem, *Stat'i o literature i fol'klore*, Moscow, Leningrad, 1960, 395–437.
- Bakhvalova T. V., Popova A. R. 500 zabytykh i redkikh slov iz "Zapisok okhotnika" I. S. Turgeneva, Oryol, 2007.
- Balakhonova L. I. Istorii sostavleniya "Opyta oblastnogo velikorusskogo slovaria" i "Dopolneniya" k nemu, *Istoriia russkoj dialektologii*, Moscow, 1961, 98–125.
- Banfield A. Skaz, *Routledge Encyclopedia of Narrative Theory*, D. Herman et al, eds., London, 2005, 535–536.
- Bokova V. M., Novikov E. P., *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskiy slovar'*, 4, Moscow, 1999, 337–338.
- Brodsky N. L. I. S. Turgenev i russkie sektanty, Moscow, 1922.
- Dolar M. Golos i bol'she nichego, St. Petersburg, 2018.
- Durkin A. R. The Generic Context of Rural Prose. Turgenev and the Pastoral Tradition, *American Contributions of the XIth International Congress of Slavists*, Columbus, OH, 1993, 43–50.
- Egorov B. F. S. S. Dudyshkin – kritik, *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*, 119, 1962, 195–231.
- Kluge R.-D. Sektantstvo i problema smerti v "Zapiskakh okhotnika" I. S. Turgeneva, *Slavica (Debrecen)*, 23, 1986, 25–36.
- Knight N. Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855, *Imperial Russia: New Histories for the Empire*, J. Burbank, D. L. Ransel, eds. Bloomington, IN, 1998, 108–147.
- Nikitina I. V., Martynov A. F., *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskiy slovar'*, 3, Moscow, 1994, 532–533.
- O'Bell L. The Pastoral in Turgenev's 'Singers': Classical Themes and Romantic Variations, *The Russian Review*, 63(2), 2004, 277–296.
- Potapova G. E. Sostiazanie pevtsov (k istorii odnogo literaturnogo motiva iz «Zapisok okhotnika» I. S. Turgeneva), *Ritoricheskaya traditsiya i russkaya literatura. Mezhyuzovskii sbornik*, P. E. Bukharkina, ed., St. Petersburg, 2003, 146–164.
- Priima F. Ya. I. S. Turgenev ("Zapiski okhotnika"), *Russkaya literatura i fol'klor. Pervaia polovina XIX veka*, Leningrad, 1976, 366–383.
- Retinskaya T. I., Arkash O. Geroi «Zapisok okhotnika» I. S. Turgeneva: svoeobrazie kharakterov i osobennosti rechi, *Tekst: grani i granitsy. «Zapiski okhotnika» I. S. Turgeneva. Kollektivnaia monografiya*, Oryol, 2017, 103–129.
- Safran G. Izgotovlenie bumagi, akusmaticheskoe slushanie i realizm oshchushchenii v "Zapiskakh okhotnika" I. S. Turgeneva, *Russkii realizm XIX veka: obshchestvo, znanie, povestvovanie*, M. Vaisman, A. Vdovin, I. Kliger, K. Ospovat, eds., Moscow, 2020, 318–343.
- Sokolov B. M. Muzhiki v izobrazhenii Turgeneva, *Tvorchestvo Turgeneva. Sbornik statei*, I. N. Rozanov, B. M. Sokolov, eds., Moscow, 1920, 194–233.
- Sokolova V. F. *Narodoznanie i russkaya literatura XIX veka*, 2nd ed., rev., Moscow, 2009.

Starenkov M. P. Iazyk i stil' "Zapisok okhotnika", *Tvorchestvo I. S. Turgeneva. Sbornik statei*, S. M. Petrova, ed., Moscow, 1959, 32–68.

Uspenskij P. The status of proverbs in the first third of the 19th century and the nature of E. A. Botratynskij's ideas: Analyzing the poem Staratel'no my nabljudaem svet ..., *Russian Linguistics*, 45(1), 2021, 105–121.

Vdovin A. V. "Unknown World": Russian and European Aesthetics and the Problem of Representing Peasants in Mid-Nineteenth-Century Literature, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 146(5), 2016, 287–315.

Vinitsky I. Lord of the Words: Vladimir Dahl's Explanatory Dictionary of the Living Great-Russian Language as a National Epic, *The Whole World in a Book: Dictionaries in the 19th Century*, Oxford, 2020, 190–217.

Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII–XIX vekov*, 4th ed., Moscow, 1982.

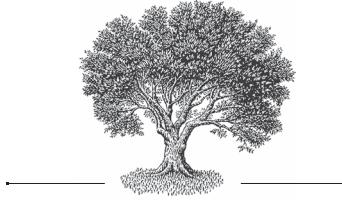
Vitalich K. Dictionary as Empire: Vladimir Dal's Interpretive dictionary of the living great Russian language, *Ab Imperio*, 2, 2007, 153–177.

Zhivotov V. M. *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 2, Moscow, 2017.

Алексей Владимирович Вдовин, PhD,
доцент
Школы филологических наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманская, д. 21/4, каб. а309
Россия / Russia
avdovin@hse.ru

Received May 27, 2022

Через политические обвинения к социалистическому реализму: обсуждение повести А. М. Дмитриева «Есть — вести корабль»*

Анастасия Владимировна
Сысоева

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской
академии наук,
С.-Петербург, Россия

Through Political Accusations to Socialist Realism: Discussion of A. M. Dmitriev's Novel "Aye to Steer the Boat"

Anastasia V. Sysoeva

Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме¹

Целью исследования является определение одного из механизмов регламентации литературного творчества в СССР начала 1930-х гг., задачами — анализ методов ведения дискуссии; выявление основных требований к

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00549 А «Канон советской оборонной литературы: состав, определяющие черты, локальные вариации (Ленинград и Москва)».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00549 A «The Canon of Soviet Defense Literature: Content, Key Characteristics, Local Varieties (Leningrad and Moscow)».

Цитирование: Сысоева А. В. Через политические обвинения к социалистическому реализму: обсуждение повести А. М. Дмитриева «Есть — вести корабль» // Slověne. 2022. Vol. 11, № 2. С. 187–208.

Citation: Sysoeva A. V. (2022) Through Political Accusations to Socialist Realism: Discussion of A. M. Dmitriev's Novel "Aye to Steer the Boat". *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 187–208.
DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.9

тексту; рассмотрение внесенной в переиздания правки. В ходе проведения исследования были изучены ранее не вводившиеся в научный оборот архивные документы (материалы двух устных обсуждений повести А. М. Дмитриева «Есть — вести корабль» (1931), переписка) и письменные отклики, опубликованные в периодических изданиях. Повесть воспринималась как достояние «воспитавшей» автора организации, Литературного объединения Красной армии и флота. В статье представлены ключевые моменты развернувшейся широкой дискуссии, в которой отразились отголоски борьбы руководства РАПП с группой «Литфронт». Политические обвинения, риторические приемы, основанные на логических ошибках, противоречащие друг другу упреки характеризуют атмосферу эпохи, свидетельствуют о применении презумпции вины даже к лояльному новой власти писателю, а также позволяют говорить о значительном влиянии критиков и политических работников на правку текста. В статье выделены повторявшиеся ожидания от произведения, которые отразили движение советской литературы начала 1930-х гг. к единому соцреалистическому методу. Предполагалось, что писатель будет правдоподобно изображать желаемый образ действительности в соответствии с текущей политикой партии, предлагая читателю образец для подражания — положительного героя-большевика. В этот же период начало складываться требование писать простым и литературным языком.

Ключевые слова

А. М. Дмитриев, соцреализм, Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ), оборонная литература, политика и литература, агентность читателя, литературная критика

Abstract

The objective of the study is to determine one of the regulatory mechanisms of literary practices in the early 1930s USSR. The paper aims to analyze the methods of discussion; to identify the main requirements for literary texts; to review the changes made in reprints. In the course of the present research, we studied archival documents which had previously not been introduced into academic study (materials from two oral discussions of A. M. Dmitriev's novel "Aye to Steer the Ship" (1931), correspondence), as well as reviews published in periodicals. The novel was perceived as an achievement of the Literary Association of the Red Army and Navy, which "tutored" its author. The article presents key points of the extensive discussion that reflected the ramifications of the RAPP's leaders' confrontation with the "Litfront" group. Political accusations, rhetorical techniques based on logical fallacies, contradictory reproaches all characterize the discourse of the era, while indicating that presumption of guilt was applied even to a writer loyal to the new regime. They also allow us to talk about the significant influence of critics and political workers on editorial amendments made to the text. The article highlights recurrent demands placed on the text, which reflected the shift of early 1930s Soviet literature towards the sole Socialist Realism approach. It was assumed that the writer would plausibly depict the preferred constructed image of reality in accordance with the current policy of the party, offering the reader a role model—a

Bolshevik hero. The same period saw the onset of the requirement to write in a simple literary language.

Keywords

A. M. Dmitriev, Socialist realism, Literary Association of the Red Army and Navy (LOKAF), defense literature, politics and literature, reader agency, literary criticism

Разрушение прежнего государственного строя, образование Советского Союза сопровождались «воспитанием» нового человека, а также нового советского писателя. Одним из способов формирования писателя стали открытые коллективные обсуждения произведений, которые зачастую оказывали прямое влияние на правку текста при его переиздании. Особую ценность для исследователя представляют эти обсуждения в период, предшествовавший провозглашению единства творческого метода социалистического реализма на съезде советских писателей в 1934 г.¹ Подобные дискуссии не только характеризовали непосредственно предмет обсуждения, но и фиксировали представления о том, какой должна быть советская литература.

Литературная ситуация начала 1930-х гг. представляла собой сложное сочетание разнонаправленных тенденций, среди которых можно выделить два полюса. С одной стороны, писатели еще выступали в роли первооткрывателей новых форм или – чаще – новой действительности, которая зачастую виделась принципиально отличающейся от дореволюционной. Рассказ о новом мире определялся в первую очередь новым материалом, среди множества примеров можно назвать роман В. П. Катаева «Время, вперед!» (впервые опубликован в журнале «Красная новь» в 1932 г.), о «новых формальных поисках» речь идет в предисловии В. В. Вишневского к его пьесе «Последний решительный» (опубликована в 1931 г.) [Вишневский 1931: 3]. С сохранением возможности эксперимента связана ориентированность литературы на читателя: были важны его мнение и восприятие. С другой стороны, шло усиление регламентации литературного процесса².

Именно в этот период (летом 1931 г.) вышла повесть Адама Мартыновича Дмитриева (1902–1936)³ «Есть – вести корабль». Материалы дискуссии по поводу произведения дают показательный пример того,

¹ Сам термин «социалистический реализм» впервые был применен в «Литературной газете» 23 мая 1932 г. [Гронский 1932].

² Х. Гюнтер относит первую половину 1930-х гг. к фазе канонизации соцреализма [Гюнтер 2000: 283].

³ Личный фонд А. М. Дмитриева хранится в Рукописном отделе Института русской литературы РАН. Обзор материалов фонда см.: [Полякова 1974].

как происходило в СССР в начале 1930-х гг. формирование требований к литературе, легших в основу соцреализма.

Дмитриев был выведен в резерв флота для руководящей работы в Ленинградско-Балтийском отделении Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ)⁴. Резервисты отправлялись на гражданские предприятия для выполнения военных задач, их деятельность приравнивалась к действительной военной службе⁵. Организацию курировало политическое управление армии. Апеллируя к тому, что деятельность ЛОКАФ, работавшего с начинаящими авторами из красноармейской и краснофлотской среды и с профессиональными писателями, обращавшимися к военной тематике, вносит вклад в укрепление обороноспособности страны, отделение обращалось за финансовой поддержкой в Осоавиахим, Ленинградский обком ВКП(б) и другие общественно-политические и партийные структуры. В критических статьях локафовцев утверждалась необходимость подчинить литературу задачам «господствующего класса»⁶. Дмитриев как бывший политработник разделял взгляды об управляемости литературного процесса и подчиненности его внелитературным задачам: так, в частном письме братьям Л. М. и М. М. Субоцким писатель делился своими соображениями о том, как получить «большое произведение об армии» [РО ИРЛИ 54: Зоб.]⁷ (его предложение сводилось к выдаче заданий лучшим писателям, предоставлению им длительного творческого отпуска и обеспечению материалом).

Произведение Дмитриева — первая локафовская повесть о современном флоте. Книга вышла в специализированной серии Ленинградско-Балтийского отделения «Литература и война» (за 1931–1932 гг. Государственное издательство художественной литературы выпустило в серии около 30 книг военной тематики). Дмитриева можно отнести к начинаящим авторам. К 1931 г. он опубликовал 6 рассказов в ленинградской периодике (в газете «Красный Балтийский флот» и журнале «Красный флот»)⁸. Актив ЛОКАФ во время одного из обсуждений его повести «Есть — вести корабль» был назван инстанцией, «воспитав-

⁴ О деятельности организации см.: [Добренко 1993; Закружная 2019а; Сысоева 2020; Eadem 2021] и др.

⁵ См. закон об обязательной военной службе от 13 авг. 1930 г., ст. 188.

⁶ См., например, [Свирин 1931а: 7].

⁷ Письмо написано 15 марта; год, судя по содержанию, 1933 или 1934. Михаил Матвеевич Субоцкий (1900–1938) в этот период был заместителем начальника отдела культуры и пропаганды Политуправления РККА, Лев Матвеевич Субоцкий (1900–1959), бывший локафовец, — секретарем Оргкомитета Союза советских писателей, служил в военной прокуратуре.

⁸ Сведения взяты из библиографии, составленной автором для заявления о приеме в Союз советских писателей [РО ИРЛИ 112: 1].

шней» его как автора [РО ИРЛИ 23: 4], в письме критика, преподавателя В. П. Друзина Дмитриеву об адресате говорилось как о «локафовском самородке» [РО ИРЛИ 64: 7 об.], так что книга его вызывала интерес в том числе как результат деятельности организации по созданию необходимой партии литературы по военным вопросам. Такая литература получила название оборонной, она вводила оценки событий и их участников, зачастую полярные, опираясь на партийные установки (создавала положительный образ современных армии и флота, транслировала миф о Гражданской войне, готовила к будущей войне и пр.). По аналогии появились термины «оборонный писатель», «оборонный критик».

Отсылки в критических статьях к повести и после завершения широко развернувшейся в 1931 г. дискуссии, сравнения ее с другими произведениями на темы флота, призывы выйти в этих сравнениях за рамки локафовской литературы и встроить ее в ряд пролетарских произведений, четыре издания книги за 1931–1936 гг. свидетельствуют о том, что текст воспринимался как значимый. В повести выведено несколько героев, с которыми связаны отдельные сюжетные линии, большинство из них представляют собой самостоятельные зарисовки, так что текст по структуре приближается к набору новелл, объединенных местом действия (советский крейсер, приписанный к Кронштадту). Единство произведению придает основная сюжетная линия, которая строится вокруг командира дивизиона и определяет приключенческий характер повести. В первую очередь произведение стоит рассматривать как факт эпохи: после 1936 г. книга не переиздавалась.

Исследователи отмечали, что организационная и идейная основы деятельности ЛОКАФ предвосхищали принципы функционирования Союза советских писателей [Добренко 2000: 236; Закружная 2019б: 50]. В дискуссии вокруг повести воплотился подход организации к творчеству и работе с писателем.

Дмитриев видел свою задачу не только как творческую, но и как политическую, так ее понимали и читатели, считывавшие в первую очередь идеологическую составляющую повести. Так, например, во время обсуждения политработник Вороневский заметил: «Это не есть только литературное произведение, а литературно-политическое произведение, и я особенно подчеркиваю ее политический характер» [РО ИРЛИ 24: 86].

Жизнь изображенного в повести корабля была насыщена приметами нового времени: проводились политические занятия, в том числе в игровой форме, проходили заседания ячеек партии, соцсоревнования, изобретательство и рационализаторская работа. Герои книги говорили о том, что необходимо написать новую краснофлотскую песню. Это

отвечало запросу власти: в те годы проводилась кампания по созданию массовой советской песни. Отрывки из повести при желании можно было бы использовать в учебниках политграмоты. Дмитриев подчеркивал разницу между старым и новым флотом, описывал сознательность краснофлотцев, их желание учиться и вклад партии в работу с ними. Судя по содержанию повести, автор стремился сделать свое произведение полезным для партийной работы и отвечающим новым реалиям.

Дмитриев эпиграфами к повести вписал ее в политический контекст. Он выбрал цитату из речи Сталина о задачах хозяйственников на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности от 4 февраля 1931 г.: «Пора отбросить старый лозунг, отживший лозунг о невмешательстве в технику, и стать самим специалистами, знатоками дела, стать самим полными хозяевами дела» [Сталин 1951: 37]. Сделал он это тогда, когда упоминание руководящей роли Сталина применительно к литературному творчеству еще не было широко распространенным. Дмитриев уловил начало поворота. Так, в журнале «На литературном посту» призыв создавать художественные произведения, опираясь на выступления Сталина, в частности, на его речь о политике по отношению к старым кадрам, появился в августе 1931 г. [Б. п. 1931б: 1]. В качестве второго эпиграфа Дмитриев использовал отрывок из стихотворения В. В. Маяковского 1928 г. «Классовый враг». Оба эпиграфа перекликались с содержанием повести: один из персонажей — старый специалист — поддался влиянию классового врага.

Разбор произведения даже лояльного новой власти автора основывался на презумпции вины писателя⁹. Первое же выступление по поводу повести в печати сопровождалось выдвижением политического обвинения.

С. Рабинович¹⁰ считал, что «автор не понял всей установки политической речи т. Сталина, и в основе своего решения положил тезис

⁹ Или как минимум ошибки, о создании культа ошибки см.: [Юрганов 2020]. Культ этот был значим не только для философских дискуссий, о которых идет речь в книге, но и для литературных диспутов, а также других сфер жизни советского гражданина.

¹⁰ Л. С. Соболев в письме от 25 июля 1931 г. сообщал Дмитриеву: «Тебя обложили в Литгазете, посылаю тебе экземпляр, но прошу вернуть, когда приедешь: это мой, единственный, — у газетчиков нигде нет. Не огорчайсяшибко. Интересно, не наш ли Рабинович это расписался? (пубалтовский?)» [РО ИРЛИ 94: 1]. Соболев, вероятно, имел в виду Соломона Зиновьевича Рабиновича (1898–1942), который служил заместителем начальника политуправления Морских сил Балтийского моря. Свирин же в письме Дмитриеву от 27 июля не сомневался в личности автора: «ты его знаешь: толмачевец, был у нас в Ленинграде не жив. Автором рецензии предположительно был Самуил Евгеньевич Рабинович (1901–1938), находившийся в 1930-е в Москве, военный историк, работавший в «Советской военной энциклопедии», помощник К. Е. Ворошилова. Оценка книги

Маяковского, тезис, из которого вытекает только одно: бей классового врага» [Рабинович 1931]¹¹. В подтверждение этой мысли Рабинович привел эпизод из повести — спор комиссаров Базанова и Смехова. Смехов высказывался за разгром всех старых специалистов. Базанов (один из ведущих героев произведения, служивший на описанном в повести крейсере) выступил против, но «был со многими мыслями Смехова невольно согласен» [Дмитриев 1931: 92]. Вторым подтверждением идеологической нечеткости писателя было названо то, что пророчество Смехова о предательстве командира дивизиона Лев-Карабашевского сбылось. Из этого был сделан вывод о левом загибе (а именно о стремлении избавиться от всех старых специалистов как от ненадежных) самого Дмитриева вслед за его героям Смеховым.

Стоит отметить, что эти два эпиграфа относятся к разным аспектам кадровой политики и их соположение в рецензии видится неубедительным. В речи, цитата из которой была приведена в повести, Сталин говорил о необходимости формирования новых специалистов из большевиков. А эпиграф из Маяковского, по словам Рабиновича, характеризует разделяемую Дмитриевым политику по отношению к старой интеллигенции. В одной из ближайших к времени выхода рецензии речей Сталина (в выступлении на совещании хозяйственников «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» от 23 июня 1931 г.) речь зашла именно о политике по отношению к старым кадрам, появилось осуждение «спецеедства», исходившего из недоверия ко всем специалистам, оставшимся работать с дореволюционных времен. Можно говорить о подмене одного доклада другим: Рабинович начал с того, что Дмитриев не понял речь Сталина от 4 февраля, а в качестве доказательства благосклонного отношения партии к части старых специалистов привел слова из июньского выступления. Такая подмена свидетельствует о том, что выступления Сталина воспринимались как единый текст.

Рецензия, содержавшая также хвалебные высказывания в адрес автора, не читалась как разгромная, что подтверждает письмо ведущего теоретика Ленинградско-Балтийского отделения, с которым Дмитриева связывали дружеские отношения, Н. Г. Свирина: «В “Литгазете” помещена статья о твоей книге. Я оказался пророком: Рабинович <...> кроет за “левый загиб”. Но в общем — я бы на твоем месте рецензией был доволен — очень сочувственная» [РО ИРЛИ 91: 15].

Рабиновичем как влиятельным политработником имела значение для ЛОКАФ, подконтрольного Политическому управлению РККА.

¹¹ Статья была помещена на странице, посвященной международному антивоенному дню, а фактически — деятельности ЛОКАФ.

Ленинградско-Балтийское отделение должно было обозначить позицию по поводу повести своего члена. В письме к Дмитриеву Л. С. Соболева от 4 августа сказано: «Упрек твой о “Есть” меня уколол. Плюю на Всеволода <Вишневского> и сажусь писать, пришлю тебе на сверку» [РО ИРЛИ 94: 8]. 8 августа Свирин описал Дмитриеву ситуацию с рецензией на повесть («Как я ни добивался, но не удалось дать в № 9 “Залпа” статьи о твоей книге: Соб<олов> занят, Вишневский – лодыря корчит» [РО ИРЛИ 91: 4 об.]) и сообщил о планах подготовки совместной с Соболевым рецензии.

Они выступили с защитой Дмитриева письменно 24 августа [Свирин et al. 1931], опираясь на ту же июньскую речь Сталина, что и Рабинович¹². По словам Сталина, «советская власть могла практиковать лишь одну единственную политику в отношении старой технической интеллигенции – политику разгрома активных вредителей, расслоения нейтральных и привлечения лояльных» [Сталин 1951: 70]¹³. Авторы заявили, что герой Дмитриева Базанов на практике проводил применительно к разным бывшим офицерам царского флота разную политику: привлечения лояльных (по отношению к Калинникову), расслоения нейтральных (по отношению к Смеловичу и Щеглову).

Недоумевал по поводу отзыва Рабиновича и Друзин в письме Дмитриеву от 23 ноября 1931 г., отметив, вслед за Свириным и Соболевым, четко прописанное в книге деление старых кадров по типу отношения к новой власти:

Не знаю, в каком состоянии писал Рабинович свою рецензию в «Литгазете» – ведь у тебя яснее ясного, чересчур назойливо подчеркнуто расслоение интеллигенции, и вредители так же схематично противопоставлены честным интеллигентам, как и вскрыты разные уклоны в этом деле в среде коммунистов. Что за тупость критическая! [РО ИРЛИ 64: 4об.].

Основное внимание в повести Дмитриев уделил командному составу крейсера. Выделена группа молодых командиров, которые прошли обучение при новой власти. Они полны энтузиазма, временами ошибаются, показаны не дифференцированно. Их обучает и покровительно к ним относится старший помощник капитана Сундуков, который служил в старом флоте боцманом. Старший командный состав представлен в основном бывшими офицерами царского флота, которые по-разному относятся к новой власти. В повести подробно описана

¹² В. А. Шошин [2006: 179] писал об интересе к повести со стороны критиков и читателей, обращаясь к упомянутым статьям Рабиновича; Свирина и Соболева, а также к отзыву курсанта Военно-морского училища им. Фрунзе В. Черникова.

¹³ Здесь и далее изменения шрифта в тексте авторские.

судьба командира дивизиона и корабля Лев-Карабачевского. После эмиграции он вернулся в Россию, скрыв причастность к белому движению. На него вышел прежний его знакомый по политической деятельности в эмиграции Васильев, который убедил Лев-Карабачевского во время маневров выстрелить боевой торпедой во французский крейсер, чтобы у противника был повод обвинить СССР в нападении и развязать войну. Военный комиссар Базанов отменил приказ об атаке, арестовал Лев-Карабачевского и Васильева и назначил командиром Сундукова.

Тот факт, что разгрому Лев-Карабачевского и Васильева уделено основное внимание, Свирин и Соболев оправдывали тем, что «книга писалась в период разгара вредительства, когда политика партии по отношению к этим слоям технической интеллигенции выражалась “главным образом в политике разгрома” (Сталин)» [Свирин et al. 1931].

4 сентября в редакции журнала «ЛОКАФ» состоялась дискуссия о повести, которую открыл Рабинович. Он отметил, что Дмитриев показал разные варианты работы со специалистами, а также пояснил претензии по поводу цитаты из Сталина: ошибка виделась в том, что в повести шла речь о замене старых кадров новыми, а не об «овладении техникой теми, кто этой техники не знал» [РО ИРЛИ 23: 10]. Рабинович уже не связывал первый эпиграф с политикой партии по отношению к старым специалистам, но применил для обвинения другую логическую ошибку. Неверным был назван показ классовой борьбы в армии, с этим никто не решился бы спорить, ситуация считалась практически невероятной из-за давнего внимания партии к армейским кадрам и классового принципа формирования армии. Рабинович проигнорировал факт принадлежности командного состава крейсера к числу бывших офицеров царского флота. В итоге то, что Дмитриев уделил основное внимание действиям Лев-Карабачевского, было вновь сведено к политической ошибке. Обвинение в левом загибе Рабинович тоже сохранил, смягчив формулировку («получилось, может быть, невольно, что автор солидаризуется с политической установкой Смехова») [Ibid.: 8].

Свирин подчеркнул, что речь Рабиновича отличалась от рецензии, в которой повесть оценивалась «односторонне и схематично» [Ibid.: 28]. Он согласился с некоторыми положениями Рабиновича, в частности, с тем, что в армии возможно только отражение классовой борьбы и Дмитриев нечетко проследил специфику проблемы кадров в условиях флота. Свирин вновь отвел обвинения в левом загибе.

В целом накал дискуссии снизился. После выступления Свирина Рабинович продолжил настаивать на левом загибе, в то же время смягчая категоричность обвинения и предлагая Дмитриеву способ исправить «ошибку»:

Товарищ Свирин очевидно спутал, считает, что я обвиняю автора в левом уклоне. <...> Я считаю, что здесь автор допустил единовременную ошибку, которой не определяются его политические взгляды, но это то, что мы называем левый загиб. Может быть, автор в последующем издании выбросит это место, и тогда будет видно, согласен он с этим или нет [Ibid.: 40об.].

Отдельные ошибки были первым шагом превращения писателя в политически ненадежного, второй состоял в обнаружении у автора системы ошибок, что, наконец, завершалось третьим — уклоном. Рабинович оценивал книгу положительно, говорил о том, что ее надо переиздавать. Подобный политический суд во время обсуждения произведения являлся признаком эпохи, и в данном случае был формой «помощи» автору. Политические обвинения, особенно если их не удавалось опровергнуть, служили сильным аргументом для исправления произведения в указанном ключе. В качестве одной из причин нормализации политической оценки текста широким кругом лиц можно назвать то, что произведение воспринималось как достояние «воспитавшей» автора организации и, шире, всего молодого советского государства, так что и дорабатывать его надо было коллективно, с привлечением активных и заинтересованных читателей, критиков и специалистов по военным и идеологическим вопросам.

Некоторые прозвучавшие во время обсуждения повести обвинения были следствием исключительно политической борьбы, в этих случаях помочь автору не входила в задачи критика. Показателен следующий эпизод. Реакцию вызвала не повесть Дмитриева, а статья о ней Свирина. П. Федотов [1932: 15] обвинил Свирина: «<...> разве официально признав и осудив свои ошибки, можно их замалчивать в творчестве своего соратника по “Литфронту”?». Согласно Федотову, для Дмитриева как для представителя внутрирапповской оппозиции, характерен схематизм, т. е. простые и однозначные образы, и Свирин, говоря о психологическом методе Дмитриева, стремился этот факт скрыть. Руководство РАПП, линию которого поддерживал Федотов, выступало за психологизм и отражение в литературе «живого человека». К моменту публикации статьи группа «Литфронт» уже год как была распущена под давлением основных сил РАПП¹⁴. Текст Свирина стал мишенью из-за места издания (рапповский журнал «На литературном посту» [Свирин 1931a]), а также ведущей роли критика в теоретических спорах: на 3-й конференции ЛАПП, проходившей в мае 1930 г., он выступил на стороне блока, получившего в августе название «Литфронт», и внес вклад в формирование его теоретической платформы.

¹⁴ О противостоянии руководства РАПП и группы «Литфронт», образованной внутри литературной организации, см.: [Шешуков 2013: 259–278]. В группу входила большая часть Ленинградско-Балтийского отделения ЛОКАФ.

После завершения борьбы вокруг «Литфронта» неправы оказались обе стороны. Сторонников лозунга «живого человека» можно было обвинить в индивидуализме и пренебрежении классовым, типическим, противников — в схематизме. Как отмечает А. Л. Юрганов, «любой тезис — и за, и против психологизма — предполагал ложь: <...> оценка истинного ответа зависит от того, у кого права на владение, пользование и распоряжение “генеральной линией”» [Юрганов 2017: 214]. «Генеральную линию» во время обсуждения повести каждый трактовал по-своему. Дмитриева успели обвинить и в излишнем, и в недостаточном психологизме, причем применительно к одному и тому же персонажу: Федотов назвал ответственного секретаря партийной ячейки Нестерова «“несложным” краснофлотцем» [Федотов 1932: 15], Рабинович же сопоставил его с образом Шорохова из романа Ю. Н. Либединского «Рождение героя» (именно с критикой этого романа выступали литфронтовцы) и увидел ошибку автора в погоне за «живым человеком», т. е. речь шла о излишней сложности и неоднозначности образа [РО ИРЛИ 23: 12 об.].

Дискуссия обнаружила расхождение мнений и по многим другим вопросам. Устное обсуждение позволяло спорить, даже не обращаясь к автору: спорили о том, раскрыл ли Дмитриев эпиграф и показал ли овладение техникой; нужно ли было говорить о колебаниях Лев-Карачевского; не слишком ли часто автор дает пейзажи; и др. Еще одним видом претензий, которые сложно отнести напрямую к самому произведению, было перечисление того, о чем Дмитриеву следовало рассказать дополнительно: о вербовке на сверхсрочную службу, о шефской работе, о волевом командире и проч.

Обсуждение было насыщено противоречащими друг другу обвинениями, что дает представление о характерной для писателя роли «неправого» в любом случае. Однако можно выделить и ожидания от писателя, с которыми соглашались несколько критиков, что может свидетельствовать о тенденциях и формировании общепринятой системы требований к произведению. Изменения при переиздании повести позволяют проследить, какие из этих ожиданий Дмитриев решил оправдать.

Изложенное в книге, несмотря на авантюрный сюжет, воспринималось как правдоподобный случай¹⁵. Одним из источников линии Лев-Карачевского стали происходившие в стране события, инициированные и срежиссированные государством. Повесть Дмитриева вошла в план издания книг серии «Литература и война», составленный осенью–зимой 1930 г., в период, когда в газетах регулярно публиковались

¹⁵ О фантастичности сюжета повести писал Е. А. Добренко [1993: 172].

сообщения о процессе промпартии. Вероятно, в это время велась работа над произведением. Оно было датировано автором 1929–1930 гг.; судя по договору между Дмитриевым и Государственным издательством художественной литературы от 26 февраля 1931 г., рукопись была представлена к моменту составления документа [РО ИРЛИ 113: 1].

«Промышленной партией» называли организацию, в которую входила научно-техническая интеллигенция. Следствие вылилось в публичный процесс, который широко освещался и представлял подробности заговора: целью организации было названо свержение советской власти, осуществить которое должны были помочь страны-противники. Ведущую роль в организации якобы готовившейся интервенции играли Франция и Англия, которые собирались действовать летом 1930 г. с привлечением Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии, Литвы, Латвии. Затем, согласно обвинительному заключению, кампания была перенесена на 1931 г. и основной целью интервентов стал Ленинград [Б. п. 1931а]¹⁶. Именно о нападении на Ленинград с моря шла речь в произведении Дмитриева.

Дело промпартии не было названо в повести, зато о нем регулярно говорили критики и читатели. Так, Свирин называл героя повести Васнецова «агентом “промпартии”» [Свирин 1931а: 16]. Рабинович рассматривал сюжет книги как возможную версию событий: «в свете процесса “промпартии”, вскрывшего механику подготовки интервенции, вопрос о непосредственном поводе, толчке для начала ее, приобретает особый интерес» [Рабинович 1931]. Во время устного обсуждения книги он привыкал «показания» писателя и обвиняемого по процессу промпартии:

<...> если вы вспомните пояснение Рамзина на процессе промпартии, то увидите, что автор совершенно правильно показал, что война может начаться в каждую любую минуту. Помните, Рамзин писал: «Начало военных действий предполагалось выступлением Румынии после того, как будет спровоцирован какой-нибудь конфликт». То же показывает и автор — провоцируется определенный конфликт [РО ИРЛИ 23: 5].

Книга ставилась в один ряд со свидетельскими показаниями не потому, что показания эти воспринимались как вымысел, а потому, что повесть виделась источником сведений о реальности.

Попытка автора сделать события условными не помогла. Процесс был известен всем, опора на него не вызывала у читателей сомнений.

¹⁶ Тот же сюжет (организация Англией и Францией провокативного нападения на СССР с помощью прибалтийских государств, Польши и Румынии, ответ Союза на которое становится поводом для развертывания войны) был использован при составлении легенды военно-писательской игры, прошедшей в мае 1931 г. (об организации игры см.: [Сысоева 2019]).

Служившие в Кронштадте моряки, встреча Дмитриева с которыми произошла 8 октября 1931 г., раскрыли еще один источник сюжета. Хотя названия крейсера, на котором разворачиваются основные события, в повести тоже нет, моряки во время обсуждения уверенно говорят о «Профинтерне». Дмитриев служил на «Профинтерне» в 1925–1926 гг. Крейсер ушел в заграничное плавание в 1929 г., завершил его в Севастополе и остался на Черном море. Первые соцсоревнования начали проводиться в стране в 1929 г. О соцсоревнованиях на безымянном крейсере шла речь в повести Дмитриева, это послужило поводом для следующего упрека:

Недостатком является то, что я лично не представляю себе, какое же это время описывается — то ли это до нашей эры, до наших событий, до современного момента, то ли после. Тут какая-то недоговоренность, которая является недостатком для своего произведения, потому что не знаешь, как реагировать. Лично у нас на подплаве командиры заявляют, что это не верно, что автор чуть не брешет, извините меня за выражение. Почему? Потому что он дает «Профинтерн», дает столкновение его с датским или норвежским транспортом, и в то же время приводит соцсоревнование — тогда соцсоревнования у нас не было. Такие факты вводят в заблуждение — приходится думать, какой же момент в этой книге описан, — современная жизнь или что-то другое [РО ИРЛИ 24: 56].

Читатели легко угадывали обстоятельства и настаивали на точности, что выдает представление о том, что писатель должен изображать окружающую действительность буквально. На самом деле этого было недостаточно.

В своей рецензии на повесть Соболев [1931: 60] утверждал, что «сила литературной выдумки прямо пропорциональна ее правдоподобию», при этом говорил о неправдоподобии финала: согласно Соболеву, раз руководство флота не отменило маневры, несмотря на наличие иностранных судов, политическая обстановка была спокойной, «и выдумка превращается из предвидения событий в фантастику» [Ibid.]. Из соединения этих двух утверждений можно вывести определение художественного вымысла как правдоподобного предвидения событий. Но не всякое предвидение событий устраивало критиков и читателей.

Вскоре после образования ЛОКАФ Дмитриев сделал доклад о творческих качествах, которые ожидались от авторов, с примечательной правкой: в его речи слово «правильность» было заменено на «правдивость»:

<...> высокие темпы в творческой практике писателей, злободневность и гибкость, политическая заостренность, бодрость и [правильность] \правдивость

вость/ в сочетании с высоким художественным качеством должны лежать в основе творчества каждого ЛОКАФ'овца [РО ИРЛИ 119: 7]¹⁷.

Как показывает, в частности, разбираемая дискуссия, первоначальное требование правильности было более точным и апелляции Дмитриева к правдивости были отвергнуты.

Дмитриев во время обсуждения повести в редакции журнала «ЛОКАФ», защищая свое право на создание образа сомневающегося комиссара, говорил о правде жизни:

Это такое же положение, какое мы наблюдаем, скажем, на собрании, когда ставится вопрос и голосуют за и против. Те, которые голосуют против, они все же должны выполнять партийные решения так же, как и те, которые голосовали за. А то, что они иногда колеблются, это ничего не значит. Но в большинстве случаев этого не бывает. Наша партия тем и сильна, что умеет подчинить меньшинство решению большинства и меньшинство выполняет решения большинства. Все-таки люди остаются людьми, и это нужно иметь в виду [РО ИРЛИ 23: 37].

Произошел конфликт между той правдой, которая вырастала из личного опыта автора, и той, которая основывалась на транслируемом властью мифе о стране строящегося социализма. Подчинения меньшинства было уже недостаточно, само наличие несогласного меньшинства постепенно становилось фактом, который стоило искоренить, а пока этого не произошло, хотя бы не показывать в произведениях. По словам Рабиновича, появление образа колеблющегося комиссара — «это будущая медвежья услуга партийному руководству Красной армии, которое проводит линию, с какой оно само не согласно» [Ibid.: 8об.]. Конфликт между тем, что есть, и тем, как должно быть, проявился также, когда Дмитриев спорил по поводу того, можно ли показывать панибратство среди командного состава: «Вы указываете, что панибратство на флоте вообще не существует, а я скажу, что это неверно. (ГОЛОС. — Но это нужно изжить). Это другое дело. Я показывал не то, что надо изжить, а то, что имеет место» [РО ИРЛИ 24: 80]. Читатели же считали, что писатель должен нарисовать образ желаемого будущего, в котором борьба с недостатками уже завершена. Требовалось одновременно и точность в следовании за реальностью, и опережение ее в соответствии с партийными установками¹⁸.

Недостатком книги считалось то, что она устарела, как только вышла из печати. Это отмечали и моряки, и критики, обращая внимание

¹⁷ Квадратными скобками обозначен зачеркнутый текст, косыми чертами — вставка.

¹⁸ См. о модальной двойственности советского романа, показе того, «что есть» и того, «что могло бы быть» / «что должно быть»: [Кларк 2002: 39–43].

на разные признаки. Так, С. Г. Галышев, один из локафовских авторов, служивший во флоте, сделал акцент на работе с топливом:

Мне кажется, что книжка эта частично устарела. Доказательством этого может служить одна коротенькая фраза, где говорится, что дым висел черным облаком. Достаточно привести эту короткую фразу, чтобы понять, что книга устарела. Мы боремся сейчас за бездымность, целые совещания посвящаются этому вопросу, мы бьемся за бездымность, за экономию топлива. Мне кажется, это обстоятельство говорит не в пользу книги, а говорит о том, что она устарела [РО ИРЛИ 24: 40].

Логика в этом случае та же, что и в связи с упреком в панибратстве – раз проблема обсуждается, то она уже должна быть решена, по крайней мере в книге.

Свирин и Соболев говорили о процессах, захвативших всю страну. Они выдвинули требование предугадывать быстро меняющуюся политику партии, ведь иначе «книга уже не организует читателя в правильном направлении» [Свирин et al. 1931], а функция влияния на читателя воспринималась локафовцами как ключевая для литературы. Критики в качестве основного недостатка назвали то, что «молодой автор не сумел настолько глубоко проникнуть в сложный процесс расслоения старых специалистов, чтобы проследить в нем элементы будущего поворота нашей политики по отношению к старым кадрам» [Ibid.]¹⁹.

Требование предсказать будущее читалось и в тексте Рабиновича. Дмитриев не спорил с этим во время обсуждений, однако оставил помету на полях стенограммы (это единственный его комментарий на весь документ) напротив записи «если бы Дмитриев предвидел опасность механического перенесения методов и форм соцсоревнования <...> А он имел возможность это сделать»: «почему я имел эту возможность?» [РО ИРЛИ 23: 13]. Писатель столкнулся с невыполнимым требованием. Ожидание, что он сможет показать развитие советского общества на шаг вперед, исходило во многом из представления о марксистском чтении истории в советском изводе как о методе с невероятно широкими возможностями; автор, опираясь на социально-экономический анализ, должен был понять, как будет развиваться история. Предсказуемые неудачи приводили к универсальному упреку «слабовато с диалектикой» [Ibid.: 14].

Книга, претендовавшая на то, что она отражает текущий момент, устаревала после очередного объявления об изменении политики партии. Обращение к историческим сюжетам, официальная оценка которых уже устоялась, было способом избежать подобных замечаний.

---

¹⁹ Так политика по отношению к старым специалистам ставилась в прямую зависимость от самих специалистов.

Много внимания в ходе обсуждений, помимо вопросов правдоподобного и правильного предвидения событий, было уделено положительному герою-большевику. Сомнения Базанова отмечались как недостаток несколькими критиками. На встрече с моряками в Кронштадте Дмитриев продолжил выступать против упрощения образа: «Как будто комиссар должен быть железобетонным!» [РО ИРЛИ 24: 80]. Действительно, образ героя с «твердокаменной преданностью и железной верностью революции» высмеивался в мае 1930 г. в сборнике «Залп» [Ваза 1930: 46] (издании, писателю известном: сборники были предшественниками журнала, в котором в 1931 г. Дмитриев работал заместителем ответственного редактора). Однако схематизм, в котором зачастую упрекали авторов, оказался менее существенным изъяном, чем недостаточно правильный положительный герой, на роль которого больше всего подходил Базанов, отвечавший за партийную работу дивизиона.

Автор изменил сцену спора Базанова со Смеховым в следующем издании 1932 г. (информация о книге появилась уже в июльском номере «Книжной Летописи»). Была снята фраза «Но Базанов был со многими мыслями Смехова невольно согласен» [Дмитриев 1931: 92; Idem 1932: 85], а реплика «Свои сероваты еще, не доперли, — кидал военкомдив в бороду Смехова, но сам в душе соглашался с Иваном» получила новое звучание: «Свои сероваты еще, не доперли, да и не понимаешь ты ни черта в политике партии на счет старой интеллигенции. Ты близорук, дальше своего корабля не видишь... — кидал военкомдив в бороду Смехова» [Idem 1931: 91; Idem 1932: 84].

Этой важной правки Свирин не заметил. В ноябре 1932 г. в набор был сдан сборник статей критика, в одной из которых он сообщил, что Базанов «со многими мыслями Смехова в душе соглашается» [Свирин 1933: 115]. Даже в предисловии к четвертому изданию 1936 г. (повесть уже в третий раз публиковалась с измененной сценой спора) Свирин отметил, что «Базанов, представляющий в книге партийное руководство, хотя и соглашается со многими мыслями Смехова, но в основном дает все же отпор его спецеедству» [Дмитриев 1936: 7]. Спор о том, можно ли выводить в произведении сомневающегося представителя партийного руководства, оказался важнее нового варианта текста, да и от ошибки, даже исправленной, писателю было сложно избавиться.

В 1931 г. уже было понятно, что при показе большевика автор может себе позволить меньше вольностей, чем при показе героя беспартийного. Дидактическая функция, важная для произведений сталинской эпохи, влекла за собой четкое деление персонажей на положительных и отрицательных. Принадлежность партии маркировала героя как положительного, того, кому читатель будет подражать.

Существовала градация партийных персонажей. Так, при разборе повести Дмитриева основное внимание уделялось Базанову как старому партийцу: он готовил почву для победы большевиков еще до революции. Нарекания вызывал и другой персонаж, Гриша Нестеров: он недавно вступил в партию, зона ответственности его была меньше (секретарь партийной ячейки). И споры вокруг образа Гриши были менее продолжительными, они не выливались в политические обвинения автора. Претензии вызвал роман Гриши с неподходящей женщиной, дочерью капитана старого флота, а особенно то, что из-за этого он начал меньше внимания уделять партийной работе. Критик из политического управления армии В. М. Мирин сообщил автору, что от него требуется:

Вина автора не в том, что он Гришку спутал с Таней. Дело человеческое, и зарекаться не приходится, тем более что Дмитриев не пытался писать о них для того, чтобы подчеркнуть физиологические свойства Гриши <...> беда, что Гриша — нехороший секретарь ячейки. (ДМИТРИЕВ: Так и надо было сделать). Это — путь очень скользкий, потому что если так надо было сделать в отношении Гриши, то в этом еще ничего удивительного нет, но почему же вы не показали секретаря ячейки, а вы в данном случае обрисовали нам человека, может быть, случайного, не руководящего партработой, может быть — это живой человек, но он не характеризует партийную организацию флота. А мы требуем от нашего автора, чтобы он показал нам партийную организацию, руководящие кадры партийной организации [РО ИРЛИ 23: 22–22об.].

Так что правильные руководящие кадры партийной организации не должны заводить романы, мешающие партийной работе, а произведение должно показывать хотя бы одного безупречного героя-большевика без колебаний, увлеченного своей работой и организующего, воспитывающего остальных.

Во время обсуждения также часто поднимался вопрос, который не был связан с сюжетом и имел отношение к форме произведения, — это вопрос о допустимости использования сниженной лексики. Мирин говорил о влиянии В. В. Вишневского на Дмитриева в связи с языком краснофлотцев, что считывалось как упрек в излишнем употреблении жаргона, так что следующий выступавший выдвинул опровержение: «<...> если раньше у Вишневского мы видели нарочитое подчеркивание матросского жаргона, то у Дмитриева он незаметен, хотя иногда проскальзывает кое-какое исковерканное слово» [Ibid.: 24об., 27об.].

В целом язык отмечался как достоинство книги («книга написана не жаргоном, а общепринятым человеческим языком, который понятен для гражданского населения» [РО ИРЛИ 24: 55]), выгодно отличавшее его от произведений Вишневского, в первую очередь его пьесы

«Последний решительный», считавшейся неудачной. В случае со вторым изданием можно предположить, какие именно замечания подтолкнули автора к правке языка: они не были связаны с претензиями к его нелитературности. Так, вышеупомянутый Вороневский отметил в качестве недостатка пренебрежительное называние молодых командиров Сундуковым [Ibid.: 84], и автор заменил в речи персонажа «пацаны» на «гвозди», «красные-то сосуны» на «наши-то» [Дмитриев 1931: 18, 21; Idem 1932: 15, 18]. Свирин похвалил писателя: «До сих пор у нас в современной литературе были только братишки. Дмитриев делает шаг вперед» [РО ИРЛИ 23: 32 об.]. И Дмитриев, оправдывая оценку критика, в авторской речи заменил слово «братва» на «краснофлотцы» [Дмитриев 1931: 63; Idem 1932: 57]. Третье издание (согласно договору, его рукопись необходимо было предоставить 21 марта 1934 г. [РО ИРЛИ 113: 8]) готовилось в разгар начатой М. Горьким дискуссии о языке, в ходе которой было выдвинуто требование простоты и ясности стиля. Однако язык Дмитриев менять не стал. Основная правка была внесена в четвертое издание. Писатель уже не работал с текстом. Больной туберкулезом, он летом 1935 г. уехал в Крым в санаторий и планировал вскоре вернуться, но болезнь не отступала, лечение затянулось, а Дмитриев переезжал из одного санатория в другой. Свирин в письме от 22 декабря 1935 г. сообщил ему: «В плане на 1936 г. стоит переиздание "Адмирала Макарова", чему я сердечно рад» [РО ИРЛИ 91: 42]. Книга вышла в 1936 г. (была сдана в набор 26 мая 1936 г.), в нее вошла также повесть «Есть — вести корабль». Предисловие, написанное ответственным редактором Свириным, начиналось с фразы: «15 января 1936 года телеграмма Бориса Лавренева из Ялты принесла горькую весть о смерти Адама Дмитриева» [Дмитриев 1936: 3]. В письме Вишневскому Свирин сообщил, что редактировал посмертное издание критик и их общий с Дмитриевым друг М. Г. Майзель [РГАЛИ 3076: 151об.].

В 1931 г. язык повести воспринимался как правильный, литературный, к 1936 г. эта оценка изменилась. В 1931 г. локафовец, служивший на флоте, А. Н. Алексеев-Гай в качестве недостатка даже отметил, что «отсутствует морской жаргон, отсутствуют образные, чисто морские словечки» [РО ИРЛИ 24: 32]. В 1936 г. была внесена последовательная правка в речь героев. В реплике молодого командира слово «зенки» заменено на «глаза» [Дмитриев 1934: 22; Idem 1936: 34], в словах Нестерова выражение «терла волынку» — на «тянула» [Idem 1934: 88; Idem 1936: 93], в рассказе Базанова снята фраза «Клала она крестообразно на всех, отшивала самых хлестких...» [Idem 1934: 128; Idem 1936: 127], из мыслей Калинникова — «Эх ты, распрутуды-туды!...» [Idem 1934: 36; Idem 1936: 48] и др. Правке подверглась и авторская речь — слово

«похабный» было исправлено на «скверный» [Idem 1934: 49; Idem 1936: 58], выражение «закидывал глаза» на «заглянул» [Idem 1934: 14; Idem 1936: 27] и т. д. Также уменьшилось количество морских терминов: в речи Смеловича «начинают лепить на живой штерт» было изменено на «начинается гонка, суматоха» [Idem 1934: 118; Idem 1936: 118], при описании Смехова выражение «ссаженный, как кнехт» на «здоровый» [Idem 1934: 100; Idem 1936: 103] и др.

Внимание к языку произведения во время обсуждений 1931 г. говорит о том, что требование писать простым и литературным языком начало формироваться, история текста свидетельствует об ужесточении его ко второй половине 1930-х гг.

Рассмотренная в статье дискуссия — частный случай, только ее материалов недостаточно для того, чтобы строить выводы о литературном процессе в целом, однако стоит отметить, что основные предъявленные во время обсуждений требования к писателю отразили движение советской литературы начала 1930-х гг. к единому регламентированному методу. Писатель должен был правдоподобно изображать желаемый образ действительности в соответствии с текущей политикой партии, предлагая читателю образец для подражания — положительного героя-большевика. Обсуждения произведений в критических статьях и на заседаниях влияли на правку текста в переизданиях, в некоторых случаях превращая ее в способ отвести от себя политические обвинения и доказать верность партийной линии.

Сокращенные названия архивов

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома)

Российской академии наук (С.-Петербург)

Библиография

Источники

Б. п. 1931а

Б. п., Обвинительное заключение, Процесс «Промпартии» (25 ноября — 7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу, Москва, 1931, С. 7–44.

Б. п. 1931б

Б. п., Речь тов. Сталина и задачи РАПП, На литературном посту, 1931, август, 24, 1–4.

Гронский 1932

[Гронский И. М.] Обеспечим все условия творческой работы литературных кружков. На собрании актива литкружков Москвы, Литературная газета, 1932, 23 мая, 23 (192), 1.

Ваза 1930

Ваза С., Литературные опыты тов. Начинающего, Залп. 3 очередь: *Литературно-художественный сборник красноармейского творчества*, Ленинград, 1930, 45–48.

Вишневский 1931

Вишневский В., *Последний решительный*, Ленинград, 1931.

Дмитриев 1931

Дмитриев А., *Есть – вести корабль*, Ленинград, 1931.

— 1932

Дмитриев А., *Есть – вести корабль*, 2-е изд., Ленинград, Москва, 1932.

— 1934

Дмитриев А., *Есть – вести корабль*, 3-е изд., Ленинград, 1934.

— 1936

Дмитриев А., *Есть – вести корабль. Адмирал Макаров*, 4-е изд., Свирин Н., отв. ред., Ленинград, 1936.

РГАЛИ 3076

РГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, ед. хр. 3076, Свирин Н. Г., *Письма Вишневскому В. В.*

РО ИРЛИ 23

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 23, Дмитриев А. М., *Дискуссия по поводу повести его «Есть – вести корабль» в редакции журнала «ЛОКАФ». Стенограмма*.

— 24

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 24, Дмитриев А. М., *Литературный диспут по разбору книги его «Есть – вести корабль» в Кронштадте. Стенограмма*.

— 54

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 54, Дмитриев А. М., *Письмо Субоцким М. М. и Л. М.*

— 64

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 64, Друзин В. П., *Письма Дмитриеву А. М.*

— 91

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 91, Свирин Н. Г., *Письма Дмитриеву А. М.*

— 94

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 94, Соболев Л. С., *Письма Дмитриеву А. М.*

— 112

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 112, Дмитриев А. М., *Заявление его в комиссию по приему в Союз советских писателей*.

— 113

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 113, Дмитриев А. М., *Договора его (7) с Государственным издательством, Издательством писателей в Ленинграде и др. на издание книг «Есть – вести корабль» и «Адмирал Макаров».*

— 119

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 119, Дмитриев А. М., *За мобподготовку литературы*.

Рабинович 1931

Рабинович С., Книга больших проблем и нечетких решений, *Литературная газета*, 1931, 20 июля, 39 (138), 3.

Свирин 1931a

Свирин Н., На фронте оборонной тематики. О романе А. Дмитриева «Есть – вести корабль», *На литературном посту*, 1931, ноябрь, 33, 16–21.

— 1931b

Свирин Н., Литература и война, Idem, *Литература и война*, Ленинград, 1931, 5–22.

— 1933

Свирин Н., Повесть о Красном флоте, Idem, *Мобилизация литературы*, Ленинград, 1933, 106–118.

Свирин et al. 1931

Свирин Н., Соболев Л., Есть — вести корабль!, *Красная газета. Вечерний выпуск*, 1931, 24 авг., 199 (2866), 3.

Соболев 1931

Соболев Л., Есть — вести корабль, *Залп*, 1931, 10, 55–60.

Сталин 1951

Сталин И. В., *Сочинения*, Москва, 1951, т. 13: июль 1930 — январь 1934.

Федотов 1932

Федотов П., О творчестве А. Дмитриева, *Резец*, 1932, февраль, 6, 14–16.

Литература

Гюнтер 2000

Гюнтер Х., Жизненные фазы соцреалистического канона, Гюнтер Х., Добренко Е., общ. ред., *Соцреалистический канон*, С.-Петербург, 2000, 281–288.

Добренко 1993

Добренко Е., *Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении*, Мюнхен, 1993, 161–171.

— 2000

Добренко Е., Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ, Гюнтер Х., Добренко Е., общ. ред., *Соцреалистический канон*, С.-Петербург, 2000, 225–241.

Закружная 2019а

Закружная З. С., *История Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ) (по материалам отдела рукописей ИМЛИ РАН)*, дис. ... канд. филол. наук, Москва, 2019.

— 2016

Закружная З. С., Литературное объединение Красной армии и флота и Союз советских писателей: к вопросу об истоках соцреализма, *Studia Litterarum*, 2019, 4/2, 44–61.

Кларк 2002

Кларк К., *Советский роман: история как ритуал*, Литовская М. А., пер. с англ., ред., Екатеринбург, 2002.

Полякова 1974

Полякова Г. Г., Архив А. М. Дмитриева, Муратова К. Д., отв. ред., *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год*, Ленинград, 1974, 49–54.

Сысоева 2019

Сысоева А. В., Создание советской военной пропаганды в Ленинграде начала 1930-х годов: новый метод работы с писателями, *Русская литература*, 2019, 4, 159–165.

— 2020

Сысоева А. В., Военизаторские курсы 1931 года в Ленинграде как способ формирования советской оборонной литературы, *Новое литературное обозрение*, 2020, 164, 123–134.

— 2021

Сысоева А. В., Литературное объединение Красной армии и флота: пропаганда и творчество, Царькова Т. С., отв. ред., *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год*, С.-Петербург, 2021, 56–61.

Шешуков 2013

Шешуков С. И., *Неистовые ревнители: из истории литературной борьбы 20-х годов*, Москва, 2013.

Шошин 2006

Шошин В. А., Ленинградско-Балтийское отделение Литературного объединения Красной армии и флота (1930–1934), Муромский В. П., отв. ред., *Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы*, С.-Петербург, 2006, кн. 2, 160–189.

Юрганов 2017

Юрганов А. Л., Как товарищ Сталин стал руководить литературным фронтом, *Россия и современный мир*, 2017, 3 (96), 200–221.

— 2020

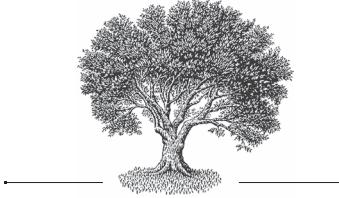
Юрганов А. Л. *Культ Ошибки. Теоретический фронт и Сталин (середина 20-х – начало 30-х гг. XX в.)*, Москва, С.-Петербург, 2020.

References

- Dobrenko E., *Metafora vlasti. Literatura stanskoj epokhi v istoricheskem osveshenii*, Munich, 1993, 161–171.
- Dobrenko E., Oboronnaia literatura i sotsrealizm: LOKAF, Giunter Kh., Dobrenko E., eds., *Sotsrealisticheskii kanon*, St. Petersburg, 2000, 225–241.
- Giunter Kh., Zhiznennye fazy sotsrealisticheskogo kanona, Giunter Kh., Dobrenko E., eds., *Sotsrealisticheskii kanon*, St. Petersburg, 2000, 281–288.
- Iurganov A. L., Kak tovarishch Stalin stal rukovodit' literaturnym frontom, *Rossiya i sovremennoy mir*, 2017, 3 (96), 200–221.
- Iurganov A. L. *Kul't Oshibki. Teoreticheskii front i Stalin (seredina 20-kh – nachalo 30-kh gg. XX v.)*, Moscow, St. Petersburg, 2020.
- Klark K., *Sovetskii roman: istoriia kak ritual*, Litovskaia M. A., transl. from Eng., ed., Yekaterinburg, 2002.
- Poliakova G. G., Arkhiv A. M. Dmitrieva, Muratova K. D., ed., *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1972 god*, Leningrad, 1974, 49–54.
- Sysoeva A. V., Emergence of the Soviet Military Propaganda in Leningrad of the Early 1930th: the New Method of Working with Writers, *Russkaia literatura*, 2019, 4, 159–165.
- Sysoeva A. V., The Militarization of Writers in Leningrad in 1931 as a Means of Creating Soviet Defense Fiction, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, 164, 123–134.
- Sysoeva A. V., Literaturnoe obedinenie Krasnoi armii i flota: propaganda i tvorchestvo, Tsar'kova T. S., ed., *Yearbook of the Manuscript Department of Pushkin House for 2020*, St. Petersburg, 2021, 56–61.
- Sheshukov S. I., *Neistoyye revniteli: iz istorii literaturnoi bor'by 20-kh godov*, Moscow, 2013.
- Shoshin V. A., Leningradsko-Baltiiskoe otdelenie Literaturnogo obedinenija Krasnoi armii i flota (1930–1934), Muromsky V. P., ed., *Iz istorii literaturnykh obedinenii Petrograda-Leningrada 1920–1930-kh godov: Issledovaniia i materialy*, St. Petersburg, 2006, kn. 2, 160–189.
- Zakruzhnaia Z. S., Literary Association of the Red Army and Navy and the Union of Soviet Writers: Unpacking the Origins of Socialist Realism, *Studia Litterarum*, 2019, 4/2, 44–61.

Анастасия Владимировна Сысоева, кандидат филологических наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, научный сотрудник Рукописного отдела
199034, Россия, г. С.-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Россия / Russia
sysoevaav@gmail.com

Received January 9, 2022

*Отроду не видано, сроду
не слыхано,
а на роду написано.*

Особенности развития
существительных
подвижного
акцентного типа в
славянских идиомах

*Ótrodu ne vidano,
sródu ne slykhano,
a na rodú napisano.*
Features of the
Development
of Mobile Accent
Type Nouns
in Slavic Idioms

Ирина Семеновна Пекунова

Российский государственный
гуманитарный университет
Москва, Россия

Irina S. Pekunova

Russian State University
for the Humanities
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена анализу особенностей акцентного развития существительных подвижного акцентного типа по данным трех южнославянских средневековых систем. Речь идет прежде всего о феномене «новых энклиноменов» и примыкающем к нему феномене «антиэнклиноменов», проявляющихся в ряде исконно конечноударных форм у односложных существительных при сохранении старого конечного ударения в формах от многосложных основ. Примером «новых энклиноменов» служат формы

Цитирование: Пекунова И. С. *Отроду не видано, сроду не слыхано, а на роду написано. Особенности развития существительных подвижного акцентного типа в славянских идиомах* // Slověne. 2022. Vol. 11, № 2. С. 209–243.

Citation: Pekunova I. S. (2022) *Ótrodu ne vidano, sródu ne slykhano, a na rodú napisano. Features of the development of mobile accent type nouns in Slavic idioms*. *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 209–243.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.10

типа LSg *къръви*, въ́ днъ, нй въ́ днъ при многосложных въ́ кълесй, въ́ тълесй; примером «антиэнклиноменов» — формы типа GSg *домоу*, *воды*, *главы*; LDSg *скръби*; при сохранении конечного ударения в сочетании с проклитикой: изъ *дшмоу*, ѿ *воды*, Ѣ *главы*, по *скръбъ*, так же как и в формах с многосложной основой: по *заповѣдъ*, въ *немоцъ*. Особенности диалектного акцентного развития для части рассматриваемых в статье форм наблюдаются также на восточнославянской территории, его свидетельства нетривиальным образом представлены и в современном русском литературном языке.

Ключевые слова

акцентология, сербский, болгарский, древнерусский, праславянский, энклиномены, славянское ударение, акцентуированные рукописи XIII–XV вв., морфонология

Abstract

The article considers various types of accent curves among underived substantives belonging to the accentual paradigm *c* in South Slavic medieval manuscripts. Three main non-trivial evolutional types of historically end-stressed forms are observed: 1) the “anti-enclinomenal” type α with substitution of end stress with stem stress in phonetically disyllabic groups and preservation of end stress in other positions (GSg *главы* — ѿ *главы* — *свободы*); 2) the “new-enclinomenal” type β with conversion of historically end-stressed disyllabic word forms to enclinomena and preservation of the end-stressed forms of polysyllabic stems (NAPI *срѣдца* — на́ *срѣдца* — тълесъ) and 3) the type γ/δ with new penultimate stress in polysyllabic stems (*словесъ*) or even in any position (LSg *плѣти* — въ́ *плѣти* — *словесъ* — въ́ *словесъ*). Hereby the evolution of type β preserves the set of various accent contours of common-slavic a.p. *c*, although the accent curve itself may be modified. The evolutions of other types change not only the accent curve but also the set of accent contours represented in a. p. *c* paradigms.

Keywords

accentology, Serbian, Bulgarian, Old Russian, Slavic languages, Proto-Slavic, Slavic accentuation, accentuated manuscripts of the 13th–15th centuries, multi-local accent, enclinomena

1. Общее

Задача настоящей работы — описать и проанализировать акцентуацию существительных подвижного акцентного типа в трех южнославянских идиомах XV в. Выбранные системы показывают нетривиальные особенности развития указанного класса слов, причем в каждой из них акцентные перестройки праславянской системы оказываются при неизбежных флюктуациях вполне определенными — для каждого идиома выделяется свой основной путь новаций, отклонения от которого невелики. В результате каждый из разбираемых идиомов с синхронической точки зрения представляет собой целостную систему, допускающую

стандартное акцентное описание как в терминах акцентных парадигм лексем, так и в терминах акцентных маркировок морфем. В свою очередь, с диахронической точки зрения в каждом из идиомов выделяются определенные эволюции, в разной степени меняющие характеристики исходной праславянской системы.

1.0. Использованные памятники

В статье рассматриваются фрагменты трех южнославянских акцентных систем, отвечающие подвижному акцентному типу существительных. Используются данные двух крупнейших известных в настоящее время сербских староштокавских акцентуированных памятников — Апостола (полный текст с месяцесловом, София НБКМ № 889, середина XV в.), далее Ап., и Евангелия (полный апракос с месяцесловом, Москва РГБ ф. 178 № 7364, 1-я треть XV в.), далее Ев., и материал ряда среднеболгарских акцентуированных памятников XIV–XV вв., относящихся к т. н. старотырновской системе, далее Тырн. Ссылки на описания всех привлекаемых памятников приводятся в списке сокращений. Материал Ап. был частично опубликован в [Пекунова 2009], материал Ев. полностью проанализирован мною и частично привлекался к рассмотрению ранее в работах [Булатова 1981] и [Дыбо 1983; Idem 2000]. Материал Тырн. почерпнут из публикации [ОСА 1990: 166–252].

1.1. Техники описания

Как известно, описание праславянской (далее также — ПСл) акцентной реконструкции может быть дано в двух различных техниках: технике акцентных парадигм и технике маркировок¹. Обе эти техники представляют собой инструменты синхронного лингвистического описания и как такие могут быть применены к описанию не только праславянской, но и любой другой акцентной системы постольку, поскольку их применение оказывается уместным по отношению к конкретному языковому материалу.

---

¹ При описании на языке акцентных парадигм основные единицы — это акцентуированные словоформы. Всякой словоформе сопоставляется акцентный контур, отмечающий место ударения с точностью до морфологического компонента. Соответствующий набор акцентных контуров с указанием их размещения по парадигме составляет схему ударения для одной лексемы или группы лексем того или иного грамматического класса. В конкретной грамматике некоторые схемы ударения могут быть отождествлены как представляющие более крупные классы — акцентные парадигмы. При описании на языке маркировок основные единицы лингвистического анализа — морфемы с приписанными им акцентными маркировками из определенного инвентаря маркировок. Устанавливается контурное правило, предписывающее расстановку ударения в цепочке маркированных морфем. Таким образом, при этом способе описания для конкретной словоформы ее место в парадигме, формально говоря, не существует. Для справки основные положения праславянской акцентной реконструкции кратко изложены ниже (см. § 2–3).

В частности, дочерние по отношению к праславянской акцентные системы, отраженные в акцентуированных южнославянских и восточнославянских средневековых памятниках, как правило, могут быть, так же как и праславянская система, описаны как в технике акцентных парадигм, так и в технике маркировок. Более того, различия между этими дочерними системами и системой ПСл часто столь незначительны, что наиболее удобным оказывается, так сказать, «эволюционный» способ описания, при котором достаточно указать локальные отличия изучаемой системы от системы ПСл, принимаемой за исходную, — например, смену маркировки той или иной морфемы или смену акцентной парадигмы того или иного слова, просто экстраполировав общую конструкцию ПСл на изучаемую дочернюю систему. Заметим, что такой эволюционный способ зачастую по необходимости приходится применять в тех случаях, когда мы располагаем лишь фрагментарными сведениями об изучаемой дочерней системе, как, в частности, при анализе акцентной системы отдельного памятника.

Однако даже в простых случаях эволюционный, или как его еще называют, контрастивный подход может затемнить некоторые существенные синхронные свойства изучаемых дочерних систем. Еще большим оказывается риск такого затемнения, если речь идет о наложении на синхронное описание системы ПСл тех или иных глобальных правил, например, правил оттяжки ударения с конечных гласных на предшествующий слог или иных подобных. Понятно, что в пределе, описывая, например, современное русское, а тем более современное польское, ударение контрастивно по сравнению с праславянским, мы рискуем «не заметить», что в польском языке ударение фиксированное, а в современном русском, хотя акцентная система и может быть, как и праславянская, описана в технике маркировок морфем, принцип работы контурного правила оказывается практически противоположен принципу работы контурного правила в ПСл, см.: [Зализняк 1985: 37, 123, 386–387].

Соответственно, для дочерних систем, достаточно близких к ПСл, часто наиболее приемлемой оказывается стратегия описания, при которой результаты тех или иных перестроек праславянской системы, отразившиеся в системе-наследнике, оцениваются, во-первых, с точки зрения синхронных характеристик дочерней системы, и во-вторых, с точки зрения собственно исторической эволюции.

Такого рода дочерние системы могут быть сопоставлены с системой ПСл по набору акцентных парадигм, правилам их задания и лексемному составу, и/или по набору акцентных маркировок морфем, распределению этих маркировок по конкретным морфемам и виду контурных правил.

При этом предполагается и возможность реконструкции «вывода» той или иной дочерней системы из системы ПСл. А именно, установление относительной хронологии новаций, наблюдаемых в дочерней системе по сравнению с исходной, и обнаружение механизма действия той или иной новации.

1.2. Эталон и девиации

С другой стороны, при описании любой реальной, а не реконструируемой лингвистической системы, независимо от того, на каком уровне, фонологическом, морфонологическом (включая акцентный), морфологическом и т. д., строится описание, оно в нормальном случае включает как те или иные правила, так и те или иные отступления от этих правил. Иными словами, всякое лингвистическое описание предполагает предъявление некоего эталона и имеющихся (или возможных, прогнозируемых) отклонений от этого эталона, т. н. девиаций. При построении грамматик замкнутых корпусов текстов, в частности отдельных памятников письменности или групп таких памятников, с наибольшей остротой встает задача эксплицитного построения эталонной системы и исчисления допустимых девиаций, поскольку в рамках ограниченного корпуса это задача далеко не тривиальная и часто может быть решена существенно по-разному. Тот или иной выбор зависит, помимо прочего, от целей описания, в частности, ориентации на те или иные задачи сравнительной грамматики. В нашем случае важно подчеркнуть, что установление эталонной грамматики и набора девиаций при описании систем, дочерних по отношению к системе ПСл, не связано, вообще говоря, с вопросами реконструкции исторического преемства и должно строиться независимо. Подробнее см.: [Поливанова 2013: XV–XXV].

2. Праславянская акцентная система²

2.1. Общие понятия

Для ПСл реконструируется акцентная система, в которой все именные³ лексемы распределены по трем акцентным классам, называемым

² В § 2.1–3 сжато даны основные необходимые для дальнейшего изложения сведения о праславянской акцентной системе. Эти сведения целиком почерпнуты из работ [Дыбо 1981; Idem 2000] и [Зализняк 1985: 113–165] и, разумеется, существенно неполны. В частности, здесь никак не затрагивается вопрос о т. н. слоговых интонациях в праславянском. Для более детального знакомства с праславянской акцентной реконструкцией, помимо указанных выше, существенны работы [ОСА 1990] и [ОСА 1993].

³ Ограничение, исключающее из рассмотрения глаголы, введено только для упрощения ряда формулировок. В основном акцентная классификация глаголов определяется по тем же правилам, что и для именных лексем.

акцентными парадигмами (а.п.). В а.п. *a* входят лексемы, имеющие во всех своих словоформах ударение на определенном слоге основы (одном и том же для всех словоформ по счету слогов от начала); в а.п. *b* – лексемы, имеющие во всех своих словоформах ударение на окончании; в а.п. *c* – лексемы, включающие словоформы двух разных типов: во-первых, словоформы с ударением на окончании, а во-вторых, так называемые фонологически безударные словоформы, или словоформы-энклиномены.

Словоформы-энклиномены имеются только у лексем а.п. *c* и противопоставлены всем прочим словоформам, называемым ортотоническими. Ортотонические словоформы представлены в лексемах всех трех акцентных парадигм. Противопоставление ортотонических словоформ и энклиноменов реализуется как противопоставление двух разных типов просодического выделения. А именно: в каждой ортотонической словоформе имеется один определенный фонологически ударный слог (его место в словоформе может быть любым), несущий так называемое автономное ударение независимо от положения данной словоформы во фразе; в словоформах-энклиноменах, напротив, все слоги фонологически безударны. Это означает (в несколько огрубленном виде), что в составе неодночленной тактовой группы, в частности, содержащей клитики, словоформы-энклиномены остаются безударными, а в абсолютном употреблении они получают автоматическое начальное ударение, по просодическим характеристикам не тождественное автономному ударению ортотонических словоформ.

Акцентные парадигмы *a* и *b* принято называть неподвижными в силу колонного характера ударения в соответствующих лексемах, а акцентную парадигму *c* – подвижной.

Описание акцентной системы ПСл может быть дано также в технике акцентных маркировок, приписываемых отдельным морфемам. Различаются плюсовая, или доминантная, маркировка и минусовая, или рецессивная. Плюсовая маркировка имеет две разновидности: «самоударность» и «правоударность». Контурное правило, регулирующее постановку ударения в тактовой группе, предписывает привязать место автономного ударения к первой от начала тактовой группы морфеме с плюсовой маркировкой; если же в данной тактовой группе морфем с плюсовыми маркировками нет – поставить автоматическое ударение на первый слог тактовой группы. Если в соответствии с контурным правилом ударение оказалось привязано к морфеме с маркировкой «самоударность», место реального автономного ударения приходится на саму эту морфему (на последний ее слог в случае неодносложности), если же ударение привязано к морфеме с маркировкой «правоударность», реальное автономное ударение падает на слог, непосредственно следующий за этой морфемой.

В терминах техники маркировок энклиноменами оказываются тактовые группы (в том числе и состоящие из одной словоформы), все морфем которых имеют минусовые маркировки, а ортотоническими – тактовые группы, содержащие хотя бы одну морфему с плюсовой маркировкой.

Противопоставлению трех акцентных парадигм *a*, *b* и *c* в технике маркировок отвечает противопоставление типов словоизменительных основ⁴: основы лексем а.п. *a* и а.п. *b* содержат хотя бы одну морфему с плюсовой маркировкой; в основах лексем а.п. *c* все морфемы имеют маркировку минус⁵. При этом в лексемах а.п. *c* словоформы с рецессивными (минусовыми) окончаниями оказываются энклиноменами, а словоформы с доминантными (плюсовыми) окончаниями – ортотоническими с ударением на окончании.

2.2. Акцентная маркировка окончаний существительных в ПСл

Ниже приводится сводная таблица акцентных маркировок окончаний существительных в ПСл (см.: [ОСА 1993: 24–25, 28; Дыбо 1981: 26–50], а также [ОСА 1990: 47–49; Дыбо 2000: 55–58; Зализняк 1985: 141]). Для *a*- и *o*-основ твердые и мягкие варианты окончаний приводятся через косую черту, маркировки обоих вариантов во всех случаях совпадают.

Для маркировки окончаний из двух плюсовых маркировок достаточно только одной, а именно маркировки «самоударность»; поэтому ниже пишется просто знак +. Неодносложные окончания трактуются как одноморфемные, соответственно, плюсовая маркировка приписана здесь к последней гласной (см. § 2.1); исключение составляют окончания D, L, In Pl и DIn Du *a*-основ – здесь плюсовая маркировка приписана к первой гласной окончания. При окончаниях, ПСл-маркировки которых неясны, знак маркировки отсутствует. Серым фоном выделены исторически плюсовые односложные флексии (см. § 4.1 и далее).

2.3. Правила акцентовки словоформ в ПСл

Таким образом, чтобы в системе ПСл проставить ударение (автономное или автоматическое) в произвольной именной словоформе *a* (употребленной изолировано или в сопровождении клитик), требуется прежде всего определить (по словарю) акцентный класс соответствующей лексемы – а.п. *a*, *b* или *c*. Далее:

⁴ Для простоты здесь принимается тождество словоизменительной основы во всех словоформах лексемы; если это не так, обычно приходится говорить не о лексемах, а о субпарадигмах (с тождественной словоизменительной основой).

⁵ Разница между а.п. *a* и а.п. *b* сводится к составу доминантных маркировок внутри основы: если основа заканчивается морфемой с маркировкой «правоударность» и при этом других доминантных маркировок в составе основы нет, соответствующая лексема принадлежит к а.п. *b*. В противном случае соответствующая лексема принадлежит к а.п. *a*.

Таблица 1. Акцентная маркировка окончаний существительных в ПСл

		<i>a</i> -основы	<i>o</i> -основы		<i>u</i> -основы	<i>i</i> -основы		Консонантные основы ⁶			
		f	m	n	m	f	m	f	m, n		
Sg	N	a +	ъ/ь -	o/e -	ъ -	ь -		i -	Ø -		
	A	q -									
	G	y/ë +	a -		u +	i + ⁷		e + ⁸			
	L	ë/i +	ë/i -					e -			
	D	ë/i - ⁹	u -		ovi			Окончания <i>i</i> -склонения			
	In	ojo/ejo +	омъ/емъ -		ъть +	ъјо +	ъть +				
Pl	N	y/ë -	i -	a +	ove	i -	ъје	m: e -	Окончания других типов склонения		
	A		y/ë -		y -	i -					
	G	ъ/ь +			овъ +	ъјъ +					
	L	ахъ +	éхъ/íхъ +		ъхъ +	ъхъ +					
	D	амъ +	омъ/емъ +		ътъ -	ътъ -					
	In	ами +	y/i +		ъми +	ъми +					
Du	NA	ë/i -	a -	ë/i -	y -	i -					
	GL	u +			ovu +	ъји +					
	Din	ama +	oma/ema +		ъма +	ъма +					

⁶ Основообразующие суффиксы консонантных основ (-en-, -es-, -er-, -v-) имеют минусовую маркировку.

⁷ Исторически окончание DSg *i*-основ, по-видимому, было рецессивным (ср., например, древнерусские данные в [Зализняк 1985; 2019]), однако для южнославянского удобнее уже на уровне реконструкции приписывать ему плюсовую маркировку, не различая, отражает ли она древний диалектный вариант или результат аналогии с флексиями GSg и LSg.

⁸ В GSg консонантного склонения положение приблизительно такое же, как в DSg *i*-склонения, т. е. доминантность окончания вторичная, под влиянием форм с *i*-окончаниями. Здесь, однако, случаев, которые можно интерпретировать как следы древней минусовой маркировки, в нашем материале представлено довольно много; см. ниже при разборе материала в § 5.

⁹ Исторически окончание LSg доминантно, а окончание DSg рецессивно, однако, как и в случае DSg *i*-основ и GSg консонантных основ, практически их часто следует рассматривать вместе. Ниже при анализе форм LSg материал DSg привлекается по мере необходимости.

1) Для лексем а. п. *a* — в словоформе *a* поставить автономное ударение¹⁰ на том же от начала слоге основы, что и в исходной словоформе. При присоединении клитик место и тип ударения не меняется. Например, InSg (корыто а. п. *a*): *korýtomъ*, *podъ korýtomъ*, *korýtomъ že*, *podъ korýtomъ že*.

2) Для лексем а. п. *b* — в словоформе *a* поставить автономное ударение на первом слоге окончания. При присоединении клитик место и тип ударения не меняется. Например, InSg (село а. п. *b*): *selótmъ*, *podъ selótmъ*, *selótmъ že*, *podъ selótmъ že*.

3) Для лексем а. п. *c* — определить акцентный тип окончания словоформы *a*: + или – (см. Табл. 1). Далее:

3.1) Если окончание плюсовое, в словоформе *a* поставить автономное ударение на последнем слоге окончания¹¹. При присоединении клитик место и тип ударения не меняется. Например, DInDu (море а. п. *c*): *morjémá*, *podъ morjémá*, *morjémá že*, *podъ morjémá že*.

3.2) Если окончание минусовое, место и тип ударения зависят от состава тактовой группы, содержащей словоформу *a*: тактовая группа без энклитик получает автоматическое ударение¹² на первом слоге; тактовая группа с энклитиками получает автономное ударение на первой по порядку энклитике. Например, InSg (море а. п. *c*): *mòrjetъ*, *pòdъ mòrjetъ*, *mòrjetъ že*, *podъ mòrjetъ že bo*.

Схематически изложенные правила акцентовки представлены в Табл. 2. Основы обозначены квадратом, окончания — кружком, клитики — треугольником. Черная штриховка отвечает автономному ударению на соответствующем компоненте, серая штриховка — автоматическому ударению. Обозначения клитик взяты в скобки, если наличие или отсутствие клитик в указанной позиции не влияет на акцентовку.

Полезно отметить, что эти правила опираются только на словарную морфонологическую информацию о типах лексем и (для лексем а. п. *c*) на морфонологическую информацию о типах окончаний, а также о составе тактовой группы. Они при этом не опираются ни на морфологическую информацию (например, сведения о значении грамматических категорий), ни на информацию собственно сегментного характера. Последнее легко подтверждается, например тем, что, как видно из Табл. 1, окончания с тождественным сегментным составом могут иметь различные акцентные маркировки.

¹⁰ Ниже в условных примерах — знак акута: '.

¹¹ Окончания L, D, InPl и DInDu *a*-основ не в счет.

¹² Ниже в условных примерах — знак грависа: `.

Таблица 2. Правила акцентовки словоформ и простейших тактовых групп в ПСл

Лексема \ Флексия	+	-
a. п. <i>a</i> 	 	
a. п. <i>b</i> 	 	
a. п. <i>c</i> 	 	

3. Акцентные системы исследуемых памятников

Акцентные системы, рассматриваемые в настоящей работе, подобно системе ПСл, могут быть описаны как в технике акцентных парадигм, так и в технике маркировок. Не приводя здесь полных описаний, отметим, что во всех трех системах у существительных выделяется акцентный тип, характеризующийся наличием в парадигме словоформ-энклиноменов, т. е. словоформ, при определенных условиях оказывающих себя безударными¹³. Такой акцентный тип по аналогии с системой ПСл мы будем называть синхронно-подвижным. Описанию именно этого акцентного типа в трех выбранных системах и посвящена основная часть настоящей статьи.

Далее принят следующий порядок изложения. В § 4 вводятся правила акцентовки словоформ непроизводных существительных подвижного акцентного типа, устанавливаемые в качестве эталонных для обсуждаемых акцентных систем. В § 5 разбирается материал исследованных памятников и обсуждаются наблюдаемые девиации. В § 6 полученные данные рассматриваются с точки зрения синхронных характеристик акцентных систем в терминах акцентных парадигм и в терминах маркировок. В § 7 обсуждаются возможности диахронической интерпретации материала.

¹³ Речь, конечно, идет именно о значимом отсутствии ударения у словоформ-энклиноменов в сочетаниях с клитиками, которые и принимают на себя ударение в соответствующей тактовой группе, а не о случаях невыставленных в рукописи акцентных знаков. Фактически стандартные правила акцентовки энклиноменов в исследуемых системах таковы. В Ев. и Ап. любая тактова группа, состоящая из непроизводной именной словоформы-энклиномена и примыкающих к ней клитик (если они есть), получает начальное ударение, ср. Ап. *стражъ*, *стражъ же*, *весь стражъ*, *стражъ*, *й стражъ*, *ш брацъ же*; Ев. *мэрѣ*, *на морѣ*, *морѣ же*. В Тырн. тактова группа, состоящая из словоформы-энклиномена с клитиками, получает начальное ударение при отсутствии энклитики и ударение на энклитике в противном случае, ср. Тырн. *ночи*, *въ ночи*, *ни въ ночи*, *въ ночи же*.

4. Акцентовка словоформ подвижного акцентного типа в дочерних системах

4.1. В каждой из рассматриваемых систем синхронно-подвижный акцентный тип существительных (обозначаемый а. п. С) может быть легко сопоставлен с ПСл а. п. с по правилам акцентовки словоформ парадигмы. Что касается лексемного состава, во всех трех изучаемых системах непроизводные существительные, представляющие синхронную а. п. С, представляют также и историческую а. п. с. Обратное соответствие в целом выполняется в старосербских системах и не выполняется в среднеболгарской, где многие слова исторической а. п. с относятся уже не к синхронной а. п. С, а к другим акцентным типам.

В силу указанного соответствия, можно было бы ожидать, что распределение словоформ-энклиноменов и ортотонических словоформ в парадигмах лексем а. п. С в изучаемых системах будет соответствовать праславянскому (см. Табл. 1). В действительности это не совсем так.

Отклонения от ожидаемого соответствия можно разбить на два основных класса. Во-первых, это простая смена маркировки (с минуса на плюс или с плюса на минус), наблюдаемая у некоторых флексий. Сюда относятся: в Ап. флексии LSg и GSg *a*-основ и DPl и LPl *o*-основ (получающие новую минусовую маркировку), в системе Тырн. — также ставшая минусовой флексия LPl *o*-основ и, вероятно, InSg *o*-основ, напротив, показывающая новый «плюс» (подробнее см.: [OCA 1990: 170–229]). О колебаниях в маркировке окончаний DSg *i*- и *a*-основ и GSg консонантных основ, которые следует относить уже к праславянскому состоянию, см. выше в примечаниях к Табл. 1 (примечания 7–9).

Во-вторых, для исторически плюсовых односложных флексий (в Табл. 1 соответствующие клетки выделены) в исследуемых дочерних системах в ряде случаев наблюдается особое развитие, вообще говоря, не описываемое как простая смена маркировки окончания. Этому второму классу отклонений посвящено дальнейшее изложение.

4.2. В системе ПСл во всех изучаемых словоформах ожидается нафлексионное ударение. Для перехода к дочерним системам, помимо стандартного развития (сохраняющего состояние ПСл), потребуется ввести следующие 3 сорта эволюций.

I. «Антиэнклиномены». Изучаемая словоформа имеет начальное ударение в абсолютном употреблении и нафлексионное (т. е. конечное) ударение при употреблении с проклитикой¹⁴.

II. «Новые энклиномены». Изучаемая словоформа получает статус энклиномена.

¹⁴ Случаи употребления с энклитикой не засвидетельствованы.

III. «Левоударная флексия». Изучаемая словоформа имеет ударение на слоге, непосредственно предшествующем окончанию, независимо от позиций этой словоформы во фразе.

Эти три сорта эволюций действуют независимо в отношении разных флексий (из числа изучаемых) и независимо в отношении словоформ с односложной и неодносложной основой. Так, например, в системе Тырн. наблюдается развитие новых энклиноменов для словоформ с односложной основой при флексиях NAPln *o*-скл., InPl *o*-скл. и некоторых других, однако стандартное развитие для словоформ с неодносложной основой при тех же флексиях.

Фактически представлены следующие варианты нестандартного развития:

α. Антиэнклиномены при односложной основе, стандартное развитие при неодносложной. Этот тип представлен в Ев. для флексий GLSg *u*- и GLDSg *i*-скл., GSg конс. скл. и GSg тв.¹⁵ *a*-скл.

β. Новые энклиномены при односложной основе, стандартное развитие при неодносложной. Этот тип представлен в Тырн. для флексий GLSg *u*- и GLDSg *i*-скл., GSg конс. скл., NAPln *o*-скл., InPl *o*-скл. и GPI *o*- и *a*-скл.

γ. Новые энклиномены при односложной основе, левоударная флексия при неодносложной. Этот тип представлен в Ап. для флексий GLSg *u*- и GLDSg *i*-скл., GSg конс. скл., NAPln *o*-скл., InPl *o*-скл. и GPI *o*- и *a*-скл.

δ. Левоударная флексия при односложной основе, стандартное развитие при неодносложной основе. Этот тип представлен рядом не вполне надежно интерпретируемых примеров¹⁶ из всех трех систем.

ε. Новые энклиномены как при односложной, так и при неодносложной основе. Этот тип равнозначен простой смене маркировки у флексии. Он представлен в Ап. для флексий G и L Sgf *a*-скл., а также рядом примеров в Ап. и в Тырн. для флексий, как правило показывающих в этих системах развитие по типам γ или β.

Схематически указанные типы можно представить так (см. Табл. 3).

Анализ материала показывает, что из представленных пяти вариантов нестандартного развития первые три могут быть признаны эталонными для систем Ев. (тип α), Ап. (тип γ) и Тырн. (тип β), а последние два — девиантными. Распределение эталонных и девиантных

¹⁵ Мягкий вариант флексии GSg *a*-основ во всех памятниках представлен (за одним исключением) только в лексеме земля — с этимологическим конечным ударением. См. ниже § 5.

¹⁶ Поскольку сведений об акцентуации многосложных основ недостаточно, указанная здесь для типа δ простейшая схема должна быть признана условной. Подробнее см. ниже § 5.

Таблица 3. Типы акцентовки словоформ с исторически плюсовыми односложными флексиями в изучаемых памятниках

	Стандарт	α	β	γ	δ	ε
Односложная основа	□● △□●	■○ △□●	■○ ▲□○	■○ ▲□○	■○ △■○	■○ ▲□○
Неодносложная основа	□□● △□□●	□□● △□□●	□□● △□□●	□■○ △□■○	□□● △□□●	■□○ ▲□□○

типов развития по отдельным флексиям и памятникам представлено в Табл. 4. Стандартное развитие (сохранение конечного ударения) обозначено символом нуля — 0. Весь соответствующий материал приводится в § 5.

Таблица 4. Распределение эталонных и девиантных типов развития

Флексии \ Памятники	Ев.		Ап.		Тырн.	
	эт.	дев.	эт.	дев.	эт.	дев.
NSgf <i>a</i> -скл.	0		0	γ, ε		нет
LSgf <i>a</i> -скл. тв./мягк.	0/α ¹⁷	α	ε	δ	0	δ, ε
GSgf <i>a</i> -скл. (тв.) ¹⁸						δ
GSgm <i>u</i> -скл.						(нет) ¹⁹
LSgm <i>u</i> -скл.						δ, ε
GSgmf <i>i</i> -скл.	α	δ	δ	ε		
LSgmf <i>i</i> -скл.						
DSgmf <i>i</i> -скл.					β	
GSgmn конс. скл.						
NAPln <i>o</i> -скл.	0	α				ε
InPlmn <i>o</i> -скл.						
GPllmnf <i>o</i> - и <i>a</i> -скл.		нет				
GLDumnf <i>o</i> - и <i>a</i> -скл.		нет	0	нет	0	δ

¹⁷ Стандартное развитие при твердом варианте окончания (ы), развитие по типу α — при мягком варианте окончания (и). Можно предположить, что нестандартное развитие в словах мягкой разновидности связано с общностью окончания LSg -и в *i*-основах и в мягкой разновидности *a*-основ.

¹⁸ См. выше примечание 15.

¹⁹ Скорее всего, девиации не представлены просто в силу сравнительной малочисленности примеров.

Замечания к Табл. 4:

1. Как уже отмечалось, флексии LSg и GSg *a*-основ в Ап. перешли в класс рецессивных, соответственно, в качестве эталонного развития для них условно постулирован тип ε.

2. Те или иные отдельные формы (как правило, из числа девиантных) могут трактоваться двояко или троеко, если диагностические примеры отсутствуют. В этих случаях при прочих равных постулируется тот тип нестандартного развития, который наиболее характерен для данного идиома, будь то в качестве эталонного или девиантного. Конкретные комментарии см. ниже при разборе материала.

3. Поскольку стандартное развитие как прямое отражение праславянского состояния предполагается исходным для всех обсуждаемых словоформ, отвечающие ему конечноударные формы могут появляться в качестве девиантных в любой позиции; в таблице такие тривиальные девиации не отмечаются, все они выписаны при разборе материала.

4. Легко видеть, что флексии разбиваются на группы по типам склонения: *a*-, *o*- и моновариантные (*i*-, *u*-). Идиомы Ап. и Тырн. показывают нестандартное развитие при *o*- и моновариантных флексиях, идиом Ев. — при *a*- и моновариантных. При этом флексия GSgmn конс. скл. (ε), морфологически примыкающая к моновариантным наборам, по характеру развития в Ев. может быть признана и представляющей группу форм *o*-скл. — дело здесь сводится к тому, какие из встретившихся форм признавать эталонными, а какие девиантными; см. подробнее § 5.8.

5. Обзор материала

Включены, если не оговорено противное, только слова, для которых отнесение к подвижному акцентному типу обосновано по материалу соответствующего памятника. Положение знака титла условно; некоторые графические варианты букв унифицированы. LSg и DSg *a*-скл. рассматриваются вместе, поскольку для части контекстов точно определить, какой из двух падежей в них представлен, невозможно. То же относится к формам LSg и DSg *i*-скл.; кроме того, формы от этимологически консонантных основ, принимающие окончания *i*-скл., рассматриваются в соответствующих рубриках вместе с этимологическими *i*-основами.

5.1. NSgf *a*-скл. *a

Ев. (тип 0) флексионное ударение: вода́ 20^б₅; вода́ 27^a₁₄; ѹ вода́ 288^б₂₀₋₂₁, 304^б₅; ѹ вода́ 301^a₂, 326^б₁₃; земля́ 78^a₁₅; земля́ 123^a₉; ѹ земля́ 224^б₁₇₋₁₈, 234^б₁₆, 259^б₃, 287^а₆; ѹ земля́ 137^a₂, 224^б₁₄, 304^a₆₋₇, 337^б₄, 365^a₄₋₅; нога́ 208^б₂; рука́ 59^б₁₅, 315^a₁₉; рука́ 238^a₁₅; ѹ рука́ 164^a₇; рука́ 158^a₁₄, 158^a₁₉; страна́ 359^б₁₉; цына́ 283^б₂₀, 290^б₆₋₇;

иначе (дев. а): нога 94^б₂₀; роука 94^б₂₀; роука 246^б₂₀; роука 208^a₁₆₋₁₇; страна 360^б₉.

Все девиантные примеры, кроме первого (нога), могут отражать для корневой гласной не обозначение ударения, а обозначение ее длины²⁰. Поскольку развитие по типу а можно предполагать как первичное для Ев., а девиантных примеров с проклитиками нет, здесь постулирован тип а – антиэнклиномены, а не тип б или д.

Ап. (тип 0) флексионное ударение: водा 48^б₁₅; глава же 302^a₁₆; земля 190^б₂, 321^a₂₂; земля 44^б₂₀₋₂₁, 190^б₁₁, 329^б₁₉, 329^б₂₁, 330^a₉, 330^a₁₄; и земля 111^a₉, 125^a₇; и земля 125^a₂₋₃, 125^б₁₋₂; земля же 46^a₁; звезды 200^a₆; рука 38^a₁₉, 60^a₂, 329^б₁₃; рука 56^б₁, 193^a₁; не рука ли 46^a₄; сатана 39^a₁₀; свободы 207^б₁; да не свободы 228^б₁₅;

иначе (дев. γ, ε): глава 239^a₁₈, 239^a₁₉, 253^a₂₀; сатана 217^a₁₀₋₁₁; сатана 183^б₃, 260^б₁₇.

Тырн. (тип 0) флексионное ударение: водь Зогр.Б 31^б; водь Зогр.Е 361^a; вводь Зогр.Е 399^б; и вводь Зогр.Д 139^б; и вводь Зогр.Д 139^б; глава Зогр.Б 53^б, 153^б, 261^a; Григ.1703 4^б; земль Зогр.Б 55^a, Зогр.А 85^a, Зогр.Г 301^a; земль Зогр.Г 95^a; земль Зогр.Б 35^б; звезды Зогр.В 339^б, Зогр.Г 299^б, 300^б, 341^б; нога Зогр.Е 413^a, Толк.пс. 85^б; рука Зогр.А 12^a, Зогр.Б 41^a, Зогр.Г 256^a; рука Зогр.А 395^б, Зогр.Е 409^б, 413^a; страна Зогр.А 354^a; и страна Зогр.Б 159^a; пещера въ Зогр.В 322^a.

5.2.1. LDSg а-скл. тверд. *ě

Как уже указывалось, исторически окончание LSg а-основ доминантно, а окончание DSg рецессивно, однако в силу сегментного тождества они часто смешиваются, и как правило их следует рассматривать вместе. В наших памятниках: в Ев. и Тырн. наблюдается перемаркировка DSg с минуса на плюс; в Ап. наоборот – перемаркировка LSg с плюса на минус. Приведенные начальноударные формы DSg, естественно, можно трактовать и как отражающие сохранение праславянской минусовой маркировки, однако практически видно, что во всех случаях они ведут себя так же, как формы LSg. Формы с предлогом *по*, имеющим двойное управление (L или D), приводятся особняком.

Ев. (тип 0) флексионное ударение:

без проклитик: руцѣ 73^б₁₉; странѣ 353^a₃, 384^б₁₁; также DSg: странѣ 150^a₂;
с проклитиками: въ во|дѣ 363^б₁₈₋₁₉; на глав(ѣ) 26^a₂₀; на главѣ 89^б₈₋₉; въ странѣ
365^a₈; на странѣ 226^б₁₅₋₁₆; по главѣ 233^б₈, 291^б₁₉; по главѣ 285^a₁₀, 285^б₃; по|
главѣ 294^a₈₋₉²¹; также DSg: и водѣ 162^б₁₆;

²⁰ Специально отметим, что по совокупности имеющихся данных ни для одного из старосербских памятников предполагать здесь новоштокавскую оттяжку нет оснований; в частности, в этих памятниках отсутствуют примеры подобных оттяжек в формах лексем неподвижных акцентных типов.

²¹ Отметим также LSg от суффиксальной основы въ пучи|нѣ 94^б₁₆₋₁₇ – а. п. *b* или *c*.

иначе (дев. а или обозначение долготы корня): DSg: *страпнѣ* 372^б₁₇.

Ап. (тип ε) смена маркировки:

с односложной основой: въ *страфнѣ* 54^a₂₁; Adj: по соусѣ (земли) 310^б₄; также DSg: *но́зъ* 43^a₆; *ро́уцѣ* 193^a₁₃;

с многосложной основой: DSg: *сатанѣ* 181^a₉, 269^б₅, 271^б₂₂; *свó|вадѣ* 106^a₆₋₇; приведем также суффиксальные основы синхронно-подвижного акц. типа (для чистот- см. также ниже §5.3.1; в формах с минусовыми окончаниями перенос ударения на проклитики здесь отсутствует): въ *вы́сотѣ* 105^a₅; въ *прóстотѣ* 166^a₁₅, 204^б₁₅; въ *прó|стотѣ* 240^a₁₄₋₁₅; *чýстотѣ* 275^a₁₆; ѹ *чýстотѣ* 204^б₁₅, 272^a₇; DSg: *чýстотѣ* 304^a₂₄; *нечýсто|тѣ* 155^a₆₋₇;

отклонения (дев. 0): въ *зимѣ* 218^a₉; также DSg: *зимѣ же* 99^б₅; многосложные (производные) LSg: ѵ *наготѣ* 218^a₉₋₁₀; ѵ *простотѣ* 214^б₁₇; ѿ *нечи|стотѣ* 220^a₁₁₋₁₂.

Тырн. (тип 0) флексионное ударение: на *главѣ* Зогр.Е 82^б; въ *вадѣ* Зогр.Г 297^a; въ *вадѣ* Зогр.Е 382^б; многосложные: въ *пещерѣ* Зогр.Е 406^б; по ... *страпнѣ* Зогр.Г 98^a; также DSg: *страпнѣ* Зогр.Г 99^a; ѵ *струблѣ* Зогр.Е 129^a; иначе (дев. δ): въ *вадѣ* Зогр.Е 382^б.

5.2.2. LDSgf a-скл. мягк. *j

Многосложные основы не представлены, односложные представлены главным образом лексемой *земля*.

Ев. (тип α) «антиэнклиномены»:

без проклитик: *зéмли* 166^a₁; по ... *зéмли* 288^a₃, 303^б₁₄; также DSg: з(€)мли 58^б₁₄; *зéмли* 66^б₁₈, 77^a₁₀, 150^б₁₆, 243^a₁₃, 292^б₇, 294^б₁₉, 337^a₁₁;

иначе (дев. 0) DSg: *зéмлй* 233^б₁₇; *зéмлй* 84^б₇;

с проклитиками: въ *зéмлй* 123^a₁₇, 139^a₁₅; въ *зéмлй* 261^a₁₆₋₁₇; на *зéмлй* 57^б₁₉, 58^a₃, 78^a₁₉, 106^a₆, 119^б₁₃, 158^a₁₈, 200^б₁₈, 251^a₁₄, 277^a₁₈; на | *зéмлй* 126^б₇₋₈; на *зéмлй* 44^a₅₋₆; на *зéмлй* 57^б₂₀-58^a₁; на *зéмлй* 13^б₁₁, 68^a₃, 85^б₁₉, 95^a₁₆, 95^a₂₀, 98^a₁₉, 122^б₇, 136^б₈, 155^б₁₄, 246^a₁, 249^б₂, 319^б₂, 323^б₁₈, 324^б₈, 324^б₉, 335^б₂₀, 341^a₂₀, 341^б₄, 369^б₁₀, 369^б₁₄, 371^б₁₉, 396^a₈; на | *зéмлй* 131^a₈₋₉, 323^б₁₃₋₁₄; на *зéмлй* 81^б₁₈₋₁₉; на *зéмл(и)* 95^a₁₈, 230^a₁₄, 341^б₁, 369^б₁₁, 385^б₁₄, 396^a₆; ѵ на *зéмлй* 8^б₄, 61^a₁₇, 306^б₄; ѵ на *зéмлй* 171^б₁, 173^б₁₅, 226^б₁, 244^б₁₀, 353^a₁₆; ѵ на *зéмлй* 234^б₈₋₉; ѵ на *зéмл(и)* 116^б₁₈₋₁₉; также DSg: ѵ *зéмлй* 187^a₂₀, 320^a₁₄; ѵ *зéмлй* 192^a₉₋₁₀; ѵ *зéмл(и)* 181^a₁₈;

иначе (дев. ε): на | *дши* 328^б₁₆; неясно место ударения: въ *зé(м)ли* 261^б₁₈.

Ап. (тип ε) смена маркировки:

с односложной основой: ѿ *дши* 246^a₁₈; н(а) *зéмлї* 321^a₅; по | *дши* 172^a₁₅; по (...) *зéмлї* 160^б₁₄, 332^a₂₄; также DSg: *зéмлї* 29^б₁₆, 52^a₂₄, 62^б₁₃, 329^б₂₃;

отклонения (дев. 0) — только слово *зéмлї*: въ *зéмлї* 43^a₁₁, 44^б₇, 45^a₇, 60^б₉; въ *зéмлї* 60^б₄₋₅; на *зéмлї* 32^б₁₁, 110^a₄, 161^б₂, 186^a₁₈, 232^a₁₇, 240^a₉, 251^б₅, 254^б₇, 302^б₅, 316^a₈, 330^б₁, 335^a₁₈; по *зéмлї* 111^a₆.

Тырн. (тип 0) флексионное ударение: на землѣ Зогр.Б 36^a, Е79^a, А88^a, Б152^a, Б259^a, Б260^a, Г396^b, Г301^a, А357^a; на землѣ Зогр.В 322^a; на землѣ Зогр.Д 132^b, Е399^a, Г254^b; на землѣ Зогр.Е 81^a, Е82^a, Е426^b; на землѣ Зогр.Е 405^b, Е407^a, Г245^b; въ землѣ Зогр.Б 259^a; въ землѣ Зогр.Е 409^b; Ѹ землѣ Зогр.Г 300^b; на земѣ Зогр.Б 35^b, Б158^b; на земѣ Зогр.Б 153^a; въ земѣ Зогр.Б 148^b; по ... землѣ Зогр.Б 41^b; Толк.пс. 74^a; по ... землѣ Зогр.Е 410^b; по ... землѣ Зогр.Е 74^a, Е81^b; по ... земѣ Зогр.Б 40^a, Б41^a; также DSg: землѣ Зогр.Б 41^a, Б54^a, Г97^a; землѣ Зогр.Д 133^a, Е411^a; земѣ Зогр.Б 46^b, Б261^a; Ѹ землѣ Зогр.Д 133^a; Ѹ земѣ Зогр.Б 258^a; землї же Зогр.Д 132^b; иначе (дев. ε): на землѣ Зогр.Е 410^b; также DSg: земли же Зогр.Д 132^b.

5.3.1. GSgf а-скл. тверд. *у

Ев. (тип а) «антиэнклиномены»:

без проклитик: в ды 10^a₄, 20^a₁₄, 20^a₁₇, 27^a₁₆, 50^a₇, 89^a₇, 161^b₁₉, 206^a₁₁, 327^b₅, 350^a₁₀, 408^a₂; гла ы 74^a₁₃, 177^a₁₅, 188^a₂, 343^b₃; гла и 286^a₁₇; гла ы 161^b₃, 162^a₁, 162^a₄, 329^b₁, 334^b₅, 390^b₁₀, 399^a₁; ноги 364^b₅; ст ны 174^b₁₁, 226^b₁₈; иначе (дев. 0): гла ы 327^a₇;

с проклитиками: Ѹ в ды 27^a₁₂, 114^a₅; Ѹ в ды 27^a₁₃; Ѹ гла ы 33^b₅; Ѹ гла и 156^a₆; Ѹ гла ы 311^b₁₅₋₁₆; Ѹ ру ки 32^b₁₈; Ѹ ру ки 410^a₂₀;

иначе (дев. δ): Ѹ в ды 10^a₈, 363^a₁₀, 363^b₄.

Примечание. Многосложные основы не представлены. Можно было бы ожидать форм GSg от слов типа сатана, пещера; однако все соответствующие лексемы акцентуируются в Ев. по а. п. В (т. е. имеют колонное конечное ударение).

Ап. (тип ε) смена маркировки:

с односложной основой: в ды 276^b₁₁; в ди 270^a₄; гла ы 254^a₄; зв зди 200^a₆; скв рины 210^b₂₀; Ѹ ц ни 39^a₆; Ѹ ц ни 39^a₁₁;

с многосложной основой: сатани 276^a₁₀; свободи 222^b₁₃; приведем также суффиксальные основы синхронно-подвижного акц. типа (в формах с минусовыми окончаниями перенос ударения на проклитики в Ап. для производных основ отсутствует): Ѹ т плоти 101^b₆₋₇; Ѹ ты ети 99^b₁₃; чисто ты 181^a₂₁; Ѹ чистоти 206^a₂₄; также нечистоты 237^a₁₆; нечистоти 124^a₁₂; Ѹ нечи стоти 123^a₁₂₋₁₃; ни Ѹ нечи стоти 259^b₂₋₃ — при чистотою InSg 273^a₁₂, 274^b₂₁; нечи стота NSg 229^a₁₁, 238^a₁₄. В последних примерах не-, по всей видимости, трактуется как проклитика, а не как полноценная часть словоформы; иначе (дев. 0, δ): Ѹ ру ки 58^a₇, 325^a₁₃; гла ы 324^a₂₁ (акцентный знак отличается от варианта на конце слова — он расположен строго вертикально и заметно короче обычного; второй раз такой же знак встречается, тоже в форме гла ы на л. 325^a₁₃, но там он поставлен явно другими чернилами и, вероятно, позднейшей рукой); Ѹ в ды 48^b₁₉, 117^a₂₃, 125^a₃; Ѹ ру ки 101^b₉₋₁₀.

Тырн. (тип 0) флексионное ударение: *воды* Зогр.В 340^a; ѿ *воды* Зогр.А 23^b, ѿ *воды* Зогр.Д 133^a, Зогр.Е 418^a; ѿ *внды* Зогр.Е 401^a; *безъ воды* Зогр.Д 139^b; *до внды* Зогр.Е 364^a; ѿ *главы* Зогр.Е 397^c, 401^a; ѵ ѿ *главы* Зогр.А 172^b; *себзды* Зогр.Г 300^a (bis); *из ржкы* Толк.пс. 77^b; *страны* Зогр.Е 79^b, 399^b, 402^a, Зогр.А 84^b, Зогр.Г 299^b; *страны Григ.1703* 3^b, 4^a; ѿ ... *страны* Зогр.Е 404^b, 406^b (bis); ѿ *страны* Зогр.Е 400^a; ѿ *страны* Зогр.Е 406^a; иначе (дев. δ): ѵ *главы* Зогр.Е 171^a.

5.3.2. GSgf *a*-скл. МЯГК. *ѣ

Ев. (тип 0) флексионное ударение: *земле* 77^a₁₆₋₁₇, 78^a₁₃, 87^a₁₀, 175^a₉, 224^b₇, 235^a₃, 324^b₁₃; ѿ *земле* 8^a₁₁ bis, 38^a₁₁, 43^a₁₉, 103^a₁₆, 152^a₁₀₋₁₁, 165^a₂, 217^a₁₉, 313^b₁₆, 325^a₃, 372^a₂₀; ѵ ѿ *земле* 8^a₁₁; *дш же* 404^b₁₃²².

Ап. (тип 0) флексионное ударение: *земле* 100^b₁₉, 110^a₁₂, 236^a₂₄; ѿ *земле* 42^b₂₃, 43^a₁, 45^a₂₁, 48^b₇, 87^a₁₄, 139^b₂₁, 200^a₂₄, 303^a₄, 49^a₂₃₋₂₄.

Тырн. (тип 0) флексионное ударение: *землѧ* Зогр.Г 298^b; ѿ *землѧ* Зогр.Б 55^a; ѿ *землѧ* Зогр.Е 417^b; ѿ *землѧ* Зогр.Б 159^b; ѿ *землѧ* Зогр.Е 429^b; ѵ *землѧ* Зогр.Д 132^b.

5.4. GSgm *u*-скл. *ѹ

Многосложные основы не представлены. Ввиду малочисленности примеров, для Ап. и Тырн. обосновать постулированные типы развития невозможно, однако по материалу омонимичной формы LSg *u*-скл. и форм *i*-скл., рассмотренных ниже, принятые решения представляются предпочтительными.

Ев. (тип α) «антиэнклиномены»:

без проклитик: *домоу* 66^a₁₄, 318^b₂₀; *домоу* 7^a₁₁; *дымоу* 7^a₁₁, 7^a₁₃, 145^a₁₂, 186^b₁₀, 186^b₁₁, 186^b₁₃, 186^b₁₆, 197^a₁₅, 339^b₁₆, 344^b₉, 405^b₁₈; *полоу* 58^a₁₁, 118^a₂, 371^a₁₂; *полх* 403^a₁₁; упомянем также атрибутивные употребления в сочетании со словами *владыка*, *господинъ*, *гостарь*, возможно представляющие DSg *o*-скл.: *домоу* 350^b₉; *дымоу* 107^b₁₈, 198^b₉, 202^a₁₁, 225^a₇, 229^a₅, 237^b₁₂, 349^a₁₃; иначе (дев. 0): два знака ударения: *домоу* 400^b₄;

с проклитиками: ѵ *домоу* 66^b₁₅₋₁₆; ѵ *дымоу* 168^a₉; ѿ *домоу* 352^b₁₅; иначе (дев. δ): ѵ *дымоу* 335^a₈, 397^b₆; ѿ *домоу* 376^a₃.

Ап. (тип γ) «новые энклиномены» в односложных основах: *домоу* 52^b₁₄, 249^a₂₁; *домх* 273^a₁₃; *полоу* 146^a₉, ‘sex’;

²² В двух формах с окончанием -и в контексте Gen следует признать либо дательный принадлежности, либо форму по *i*-склонению: *соль земли* 58^b₁₄ (Мф 5:13); *въ рѣци земли* 77^a₁₀ (Мф 12:40). В этих контекстах находим форму *земли* и в древнейших славянских рукописях (во всех, обследованных в [Алексеев 2005] для Мф 5:13, в Мирославовом евангелии и в ряде более поздних памятников для Мф 12:40). Других случаев взаимозамены букв и и є(ie) в рукописи не отмечено, так что предполагать фонетического смешения нельзя.

иначе (дев. δ): ѿ дóмоу 118^б₁₉.

Тырн. (тип β) «новые энклиномены» в односложных основах: ѵ страхъ
Зогр.Е 430^б;

иначе (дев. δ): дø дáмх Зогр.А 72^б.

5.5. LSgt и-скл. *и

Ев. (тип α) «антиэнклиномены»:

без проклитик: дóмоу 335^a₅; дáмоу 168^a₆; пóлоу 99^б₈; возможно, также наречное: дóлоу 323^б₁₃; дóлоу 149^б₁₄;

с проклитиками: въ дóмоу 41^a₁₃, 78^б₈; въ дáмоу 75^a₁₂, 181^a₉, 190^a₁, 218^a₅, 249^a₁, 254^б₁₇, 263^б₁, 264^a₁₃, 271^б₈, 320^б₃, 344^a₂; въ дáмоу 188^a₉₋₁₀; въ дóмоу 25^б₃, 159^б₁₇, 225^a₁₈; ѵ въ дáмоу 205^б₉, 349^б₈; ѵ въ дáмоу 209^a₁₇₋₁₈; ѵ въ дóмоу 86^a₁₇; вероятно, сюда же: не въ редоу 121^б₁₇, 216^a₆; не въ редоу 143^a₁₀; не въ редоу 356^б₁₃₋₁₄;

иначе (дев. δ): въ д(ѡ)моу 249^б₁₄; ѵ въ д(ѡ)моу 129^a₁₅; два знака ударения: въ дáмоу 376^a₁₄; ѵ въ дáмоу 338^a₁₆.

Ап. (тип γ) «новые энклиномены» в односложных основах: дóмоу 282^a₉, 295^a₂₀, 295^б₄; въ дóмоу 49^б₉, 53^б₁₁, 70^a₂₁, 273^б₂₀, 295^б₇; въ дóмоу 321^a₇; въ дóмоу 192^a₄₋₅; на дом^х 306^б₂₄;

иначе (дев. δ): въ дóмоу 44^a₆, 53^б₁₉; въ дóмоу 55^б₁₉₋₂₀.

Тырн. (тип β) «новые энклиномены» в односложных основах: въ дáмх
Зогр.Е 79^a; ѵ ... дáмх Зогр.Е 79^a;

5.6. GSg i-скл. *и

В Ап. и Тырн. многосложные основы не представлены, ср., однако, омонимичные формы LDSg i-скл. Для Ев. формально мог бы быть постулирован тип развития δ (левоударная флексия в односложных основах), однако по данным LDSg i-скл. принято решение в пользу типа α.

Ев. (тип α) «антиэнклиномены»:

без проклитик: въсы 26^б₁₁, 50^a₁₇; нóчи 99^б₁₄; плéти 18^a₁₇, 40^a₁₇, 44^a₁, 144^a₁₂, 277^a₁₃, 310^a₁₇, 335^б₁₆; плéти 197^б₇; пла(б)ти 84^б₁₇; скрьби 46^б₁₉; трéсти 355^б₂₀; конс. основы с оконч. i-скл.: крьви 18^a₁₈;

иначе (дев. 0): въсы 155^a₁₆;

с проклитиками — только дев. δ: ѵз в(б)си 204^б₁; ѿ въсы 253^a₂₀; ѿ плéти 6^a₁₆, 359^a₆;

многосложные основы (только конс. с оконч. i-скл.): ѿсéй 90^б₆.

Ап. (тип γ) «новые энклиномены» в односложных основах: влáсти 167^a₁₅, 187^a₁₀, 187^a₁₁; влáсти 161^a₁, 233^a₄, 268^б₂; нóчи 90^a₆₋₇; плéти 124^a₁₁, 140^a₉, 155^a₄, 157^a₂₃, 181^a₁₀, 218^б₂₄, 228^б₁₆, 233^a₂₁, 233^a₂₂, 253^a₂₄, 254^a₃, 254^a₂₀, 298^a₇, 304^a₁₁; плéти 226^б₂₀₋₂₁; чéсти 276^a₁₇, 276^б₂₁; чéсти 47^б₁₆, 88^б₈; ѿ чéсти 171^б₃; ѿ чéсти 165^a₂, 193^б₁₂, 194^б₁₀, 194^б₁₉, 205^б₁₇; ѿ чéсти же 194^б₇; ѵ

ѡ̄ ѿсти 194^б₈; конс. основы с оконч. *i*-скл.: дô дñи 45^б₁₈; место ударения не вполне ясно: ѿ скрьбы 56^a₁₆; иначе (дев. δ) — только слово пльть: да пльти 292^a₁₄; ѿ пльти 141^a₂₃, 230^a₆, 239^б₁₆; место ударения не вполне ясно: ѿ ѿсти 170^б₂₀.

Тырн. (тип β) «новые энклиномены» в односложных основах: ѿсти Зогр.А 17^б, Зогр.Г 247^a, Зогр.Е 429^a, Сб.764 239^б; ищчи Зогр.Г 295^a, Зогр.Е 402^a, Сб.758 222^a; пльти Зогр.Б 37^a, Зогр.Е 359^б, Зогр.Е 421^a, Зогр.Д 134^a, Соф.сл. 53^a; ѿ ... скрьби Соф.сл. 31^a; власти Зогр.Б 155^б, Зогр.Г 298^a; б з вѣсти Зогр.Б 56^б; конс. основы с оконч. *i*-скл.: кр ви Зогр.А 28^a.

5.7. LDSg *i*-скл. *i

Ев. (тип α) «антиэнклиномены» в односложных основах:
без проклитик: LSg не представлен; DSg ищчи 115^б₁₄; скрьби 122^б₁;
с проклитиками: LSg въ но|ци 253^б₁₉₋₂₀; конс. основы с оконч. *i*-скл.: въ кр ви 105^б₁₅, 319^a₁₀; по пльти 112^a₈, 146^б₁₃; по пльти 24^a₈; по скрьби 107^a₂₀, 259^a₅; иначе (дев. ε, δ): LSg въ въси 204^б₁₀; по пльти 112^б₇; по скр(б)и 224^a₁₉;
многосложные основы (только конс. с оконч. *i*-скл.): LSg на нѣвесій 57^б₁₉; на нѣсій (27 раз — 6^б₁₃, 58^a₁, 61^a₁₇, 95^a₁₇, 95^a₁₈, 107^б₄, 116^б₁₈, 117^б₂, 171^б₁, 173^б₁₅, 186^a₁₁, 207^б₂₀, 210^a₁₄, 224^б₂₀, 226^б₁, 237^a₁₉, 244^б₁₀, 246^a₄, 259^a₉, 306^б₄, 322^б₅, 332^б₇, 341^б₂, 359^a₂₀, 369^б₁₂, 396^a₇, 404^б₄); на| нѣсій 8^б₄; на нѣс(и) 369^б₁₀; въ ѿсій 157^б₁₀, 157^б₁₁, 157^б₁₄; въ ѿс(и) 157^б₁₃₋₁₄; ѡ словесій 210^a₁₅; ѡ слвшесій 110^a₉, 139^a₁₈, 261^a₁₉; ѡ словес(и) 376^a₇; въ слвшесій 196^a₁₇; въ слвшесы 25^a₁₃₋₁₄; DSg и слвшесій 7^б₅; словесій 16^a₁₇; нѣсій 72^б₁₆, 320^a₁₃. Приведем здесь также приставочные производные синхронно-подвижного акц. типа: по за|повѣдій 243^б₁₇₋₁₈; въ немоцій -3^a₂; въ нѣмоцій же -3^a₃₋₄ (sic!); иначе (дев. ε): LSg на ж^арѣ|вети 257^a₂₀-257^б₁.

Ап. (тип γ) «новые энклиномены» в односложных основах: въ брані 310^б₂₄; въ веци 211^б₁₅, 262^a₁₇; на власти 78^б₁₈, 192^б₁₂; мысли 175^б₉²³; въ ноци 68^б₂, 125^a₂₂, 263^a₁₇; въ ноци 57^б₃₋₄; пльти 208^a₁₂, 230^б₁; скрьби 204^a₅; скрьбы 204^a₇, 261^б₃; ѿ скрьби 204^a₂₃; въ скрьбы 258^б₂₃; въ | скрьбы 106^a₁₆₋₁₇; не въ стѣти 262^a₁₃; ѿсти 207^a₇; въ ѿсти 253^б₂₀; ѿсти 217^a₂₂; въ ѿсти 118^б₁₈, 214^a₄; въ ѿсти 213^б₂₂₋₂₃; не| въ ѿсти 254^a₁₉; конс. основы с оконч. *i*-скл.: кр ви 191^б₃; DSg брані 231^б₄; власти 167^б₉; власти 253^a₂₀₋₂₁; й маѣти 164^a₂₀; ноци 263^б₃, 333^a₂₃; пльти 174^a₄, 222^a₆, 294^б₁₉, 312^a₁₁; й пльти 240^б₁₂; конс. основы с оконч. *i*-скл.: кр ви 189^б₂₃, 305^a₈, 305^б₂₃; й | кр ви 222^a₆₋₇; й кр вы 294^б₂₀; по власти 221^a₂; й по ѿсти 196^б₂₃; конс. основы с оконч. *i*-скл.: по дñи 295^б₁₅;

иначе (дев. 0, δ) — слово пльть: въ пльти 136^б₁₆, 143^a₃, 243^б₁₉, 246^б₇, 252^б₁₅; въ пльти 246^б₈, 274^a₁; въ| пльти 135^б₂₄, 156^б₁₃; въ пльти 252^a₁₄; въ| пльти 226^б₂₂₋₂₃.

²³ Синхронно-подвижный акц. тип, ср. въ мысли АР1 303^a₁₀.

не въ| пльти 136^a₉; въ| пльти во 215^a₇; DSg ы пльти 168^a₉; по пльти 227^b₁; по пльти 144^a₁₉, 158^a₄, 159^b₂₄, 190^a₅; по пльти 158^a₃, 215^a₆; не по| пльти 157^a₁₆, 157^b₃; не по пльти 215^a₇₋₈; также единичная форма LSg ы чъсти 262^a₁₃;

многосложные основы (только конс. с оконч. *i*-скл.) — левоударная флексия: словеси 167^b₁₆, 286^b₂₄; ы словеси 267^b₂₃; ѿ словеси 44^b₅, 65^b₅, 75^a₂, 82^a₁₀, 127^b₂₁; въ словеси 47^b₁₇, 210^a₈, 259^b₉; въ сло|веси 250^b₁₅₋₁₆, 276^a₁₈₋₁₉; не въ сло|веси 174^a₁₂; не въ словеси во 180^b₁₅; тѣлеси 140^a₁₈, 166^a₃; въ тѣлеси 313^b₂₁; въ тѣлѣси 193^a₈; ѿ тѣлѣси 252^a₁₅; DSg словеси 176^b₂₄, 230^a₁; телеси 120^a₈ (*sic te-*); тѣ|леси 122^a₄₋₅; место ударения не вполне ясно: тѣлѣси 247^b₁₅;

иначе (дев. ε): LSg тѣлеси 122^a₂; а также в формульном выражении «в Господе»: ѿ гы 75^b₁₅, 172^b₅, 172^b₁₃, 172^b₁₇, 172^b₁₈, 176^b₂₁, 184^b₈, 186^a₂, 187^a₄, 187^a₇, 201^a₁₆, 202^b₃, 216^a₁₀, 235^b₂₄, 257^a₁₅, 291^a₂₃, 291^a₂₄, 323^a₉.

Тырн. (тип β) «новые энклиномены» в односложных основах:

односложные основы: LSg въ ... чъсти Зогр.Б 157^a; въ ... нычи Зогр.Д 131^a; въ нычи Зогр.Е 432^b; ны въ нычи Соф.сл. 77^a; въ нычи же Зогр.Е 79^a; при пеци Мин. 515^b; ѿ пльти Зогр.Г 252^a; въ пльти Зогр.Г 266^a, 295^b, 296^b, 297^a, 297^b, 301^b; въ ... ы скръби Зогр.Е 402^b; въ сласти Зогр.Г 247^a; конс. основы с оконч. *i*-скл.: въ ... кръви Зогр.Б 148^b; въ дѣни Зогр.Г 252^b; ы въ дѣни Зогр.Е 432^b; ны въ дѣни Соф.сл. 77^a; DSg вѣчи Зогр.Е 411^b; къ ... чъсти Зогр.А 315^b; чъсти Зогр.А 391^a; къ чъсти Зогр.Е 80^b; пѡ чъсти Зогр.Б 258^b; нычи Толк. пс. 70^a(bis); пльти Зогр.Д 135^b; пльти Соф.сл. 32^b, 46^b; по пльти Зогр.А 69^b, 313^b, 344^a, 395^a; Зогр.Б 146^a, 259^b, 260^a, 261^a, Зогр.Г 252^b(bis), 266^a, Зогр.Д 133^b(bis); по пльти Зогр.А 313^b; по пльти Зогр.Г 252^a, Зогр.Д 136^a; по| пльти Зогр.Г 266^a; къ сласти Зогр.Г 247^b; ы сласти Зогр.Г 100^b; конс. основы с оконч. *i*-скл.: кръви Сб.764 242^b; ы кръви Соф.сл. 32^b;

иначе (дев. δ) LSg: въ пеци Мин. 516^a;

многосложные основы (только конс. с оконч. *i*-скл.): LSg ѿ гы Зогр.Б 37^b; въ квасъ Зогр.Г 89^b; въ тѣлесъ Зогр.Г 92^a; въ тѣлесъ Зогр.Е 432^a; DSg тѣлесъ Зогр.Е 428^b; по словесъ Зогр.А 183^b;

иначе (дев. ε): LSg ѿ словеси Зогр.Е 430^b; DSg врѣмени Зогр.Г 102^a, Зогр.Д 132^a; врѣмени же Зогр.Г 95^a; словеси Зогр.Е 170^b; по ... сло|веси Зогр.Е 399^a.

5.8. GSg конс. скл. *e

Ев. (тип α) «антиэнклиномены» в односложных основах. Тип α постулируется здесь условно. Нетрудно видеть, что по количественному соотношению конечноударных и начальноударных двусложных тактовых групп можно признать эталонным стандартный тип развития, а формы кръве — девиантными по типу α. Тогда данная флексия окажется примыкающей к флексиям *o*-скл., показывающим в Ев. стандартное развитие (см. § 5.9–12):

без проклитик: кръве 128^a₂₀, 401^a₆;

иначе (дев. 0): кръвे 178^б₁₃, 267^a₆, 290^б₇; кръвे 178^б₁₈, 284^a₃, 290^б₁₀, 301^б₅;

с проклитиками: ѿ кръвے 302^б₃; ѿ кръвे 176^б₅, 284^б₁₇;

иначе (дев. δ): до| кръвे 348^б₃₋₄;

многосложные основы: съ не|бесе 17^a₁₉₋₂₀; съ ю|бесе 8^a₂ и др. (всего 35 раз); изъ ѿ-
чесе 64^a₁₉, 64^a₂₀, 157^б₁₇; изъ ѿ|чесе 64^a₁₆₋₁₇; словесе 29^a₁₀, 195^a₁₅; славесе 108^б₁₅,
278^a₁₅, 400^a₂₀; словесе 123^б₅, 145^a₇; тълесе 3^б₂₀, 74^б₆, 79^б₈, 138^a₁₄, 188^a₁₈,
304^б₁₉; тъ|лесе 309^a₁₆₋₁₇; не тълесе -3^a₄;

иначе (неясно место ударения): славесе 11^a₁₉; т(ъ)лесе 193^a₂.

Ап. (тип γ) «новые энклиномены» в односложных основах: до дн€ 33^б₇,
97^a₅; кръве 73^a₁₁, 112^a₁₀, 149^б₆; до кръве 311^б₁₈;

иначе (дев. δ): бес кръве 303^б₂₂; ѹ кръве 67^a₁₁, 84^a₁₇, 313^a₁₇; с двумя знаками
ударения: кръве 30^б₁₂; кръве 310^a₂₄; бе|з кръве 304^б₁₉;

многосложные основы — левоударная флексия: словесе 87^a₁₃, 207^б₁₀; сло|бесе
268^б₁₇₋₁₈; тъ|лесе 239^б₁₅₋₁₆; место ударения не вполне ясно: съ не|е 31^a₁₉.

Тырн. (тип β) «новые энклиномены» в односложных основах:

односложные основы: ду дн€ Зогр.Е 78^б; не пюль дн€ Зогр.В 61^б; кръве Зогр.Е
405^a, Соф.сл. 55^б; кръве Сб.764 247^a; ѹ кръве Соф.сл. 78^a;

многосложные основы: тълесе Зогр.Е 81^a, Сб.764 243^a; тълесе ю|в Зогр.Е 165^a;

иначе (дев. ε): корене Зогр.А 25^a, Зогр.А 351^б; кшрене Зогр.Б 31^a; ѹ корене
Зогр.Г 342^б, Зогр.Е 170^a; тълесе Зогр.Е 79^a, Соф.сл. 56^a; дъщер€ Зогр.А
10^a, Зогр.Б 33^б, Зогр.Г 252^б; ѹ дъщер€ Зогр.А 176^б; здесь же отметим до
врѣмене Зогр.А 344^б без переноса ударения на предлог.

5.9. NAPIn o-скл. *а

Ев. (тип 0) флексионное ударение²⁴: дрѣвѣ 201^a₈; ѿстѧ 200^a₅, 334^a₁₉, 398^б₁₄;

ѹ|стѧ 341^б₁₈₋₁₉; ѹ|вѣлѧ 197^a₁, 318^б₅, 405^б₃; с проклитиками: въ ѿстѧ 87^б₁₇; въ

ѹ|стѧ 88^a₁₁; въ вратѧ 269^a₄; многосложные основы: не|беса 248^a₁₅₋₁₆; ю|беса 114^a₆,

363^б₅, 388^a₁₄; ѹ|чеса 81^a₂₀, 230^б₆, 267^a₁₆; славеса 3^б₃, 79^a₁₁, 308^б₂₀, 310^б₅; славес|са

68^б₁₂₋₁₃; словеса 68^б₁₉; славеса 68^б₅, 85^a₄, 95^б₉, 166^б₁₅, 192^б₆, 197^б₁₄, 263^a₁₅;

славес(а) 40^б₆; славес(а) 137^б₁₇, 144^a₁₉; а словеса 201^a₁₄; а славеса 234^б₁₇; за

словеса 32^a₁₀; славеса же 137^a₃, 224^б₁₈; сл(в)веса же 259^б₃; тълеса 300^б₁₃, 304^a₁₅;

тълеса 287^a₈, 288^б₁₁, 293^a₁, 337^б₆; тъ|леса 326^б₄₋₅; тълес(а) 304^a₈;

иначе (дев. α): ѿстѧ 58^a₁₅, 82^б₁₇, 387^a₇; ѿ|ста 357^б₁₁₋₁₂; (ѹ|)ста 102^б₄; (? дев. δ):

и вратѧ 324^б₆; с двумя знаками ударения: ѿ|стѧ 403^a₁₄₋₁₅; ср. еще²⁵: вратѧ
202^a₈; въ вратѧ 281^б₂; ѹ вр(а)та 385^б₁₁.

Ап. (тип γ) «новые энклиномены» в односложных основах: въ ѿ|ьца 152^б₁,
226^б₁, 235^б₇; на ѿ|ьца 306^б₁₂;

²⁴ Для Pl tant. ѿстѧ, вратѧ, ѹ|вѣла и консонантной основы ложить установление а. п. С не вполне надежно.

²⁵ В этих примерах знак варии над корневой гласной может обозначать ее долготу, а не место ударения.

многосложные основы — левоударная флексия: дрѣвѣса́ 140^б₉₋₁₀; ѡчѣса́ 227^а₄₋₅; словѣса́ 39^а₁₆, 40^б₅, 45^а₁₅, 70^б₈, 118^а₁₉, 144^а₁₀, 148^б₁₆, 174^б₂₁, 231^а₂₂, 238^б₂, 274^а₂₂; сло|вѣса́ 66^а₉₋₁₀; тѣлѣса́ 157^б₂₄, 182^б₁₄, 239^б₁₀; иначе (дев. 0): тѣлеса́ 165^б₁₀, 183^а₄, 314^а₂₃; ѵ тѣлеса́ 200^а₁(bis).

Тырн. (тип β) «новые энклиномены» в односложных основах:

односложные основы: ѵ лъста Зогр.А 27^б;

многосложные основы: въ врѣмена́ Зогр.Б 260^б; дрѣвеса́ Зогр.Е 403^б; ѵ дрѣвеса́ Зогр.Г 96^а; ѵ дрѣвеса́ Зогр.Е 423^б; ѵ на дрѣвеса́ Зогр.Е 399^а; ѡчеса́ Зогр.Д 131^б; ѡчеса́ Зогр.Е 397^б; ѡчеса́ Сб.758 215^б; словеса́ Зогр.А 12^а, Зогр.А 27^б, Зогр.Г 299^б; словеса́ Зогр.А 71^а, Зогр.Б 48^б, Зогр.В 61^б, Зогр.Г 246^а, Сб.758 240^а; слввеса́ Зогр.Е 168^а(bis); словеса́ Зогр.Е 429^б; слввеса́ Зогр.Г 296^б; въ слввеса́ Соф.сл. 64^а; ѵ словеса́ Зогр.Д 142^а, Зогр.Е 423^б; тѣлеса́ Зогр.Б 258^а, Зогр.Г 297^а, Зогр.Е 399^а; тѣлеса́ Зогр.Б 261^а, Зогр.Е 407^а, Соф.сл. 18^а, Сб.758 215^б, 217^б, 236^а; тѣлеса́ Зогр.Е 406^а(bis); ѵ тѣлеса́ Зогр.Д 144^б; ѵ тѣлеса́ Соф.сл. 21^б; ѵ тѣлеса́ Соф.сл. 70^б; ѵ тѣлеса́ Соф.сл. 66^а;

иначе (дев. ε): Ѽзера Сб.758 256^б, 257^а.

5.10. InPlmn о-скл. *у/²⁶

Ев. (тип 0) флексионное ударение: власы́ 256^б₁₅; гласы́ 242^б₅; глас(ъ) 296^б₈; ѿжѣ́ 174^а₁₁²⁷; ѿсты́ 87^б₁₁; с проклитиками: ѵ власы́ 161^б₃, 162^а₁; ѵ ѿжѣ́ 124^а₁₄; да съ дру|гы́ 227^б₁₃₋₁₄; на^а дѹхы́ 129^б₂, 129^б₆, 377^б₂; многосложные основы: слввеси́ 241^б₁₆; сл(ѡ)веси́ 296^а₁; ср. еще производные основы (отнесение к подвижному акцентному типу предположительно): съ ков-н(и)кѣ́ 293^б; «подельники»; ѵ с(ъ)ѹды́ 200^а₁₈ «сосуды»; иначе²⁸: влѣсы́ 253^б₃; ѵ влѣсы́ 327^а₇, 327^б₆; ѵ вл(ѧ)с(ы) 409^б₃; с двумя знаками ударения: ѵ дроѹгы́ 334^б₃.

Ап. (тип γ) «новые энклиномены» в односложных основах: зѹбы́ 46^а₁₆; сѹѣ|ци 46^а₁₅₋₁₆;

иначе (дев. 0): слѹхы́ 284^а₉, 298^а₂₂;

многосложные основы — левоударная флексия: словѣси́ 66^б₁₈, 138^а₁₇, 173^а₁₀, 238^б₂, 274^а₂₂; ѵ ѿшѣси́ 46^а₆; со вторым знаком ударения (дев. 0) или с обозначением долготы: словѣси́ 34^а₁₈.

²⁶ Вопрос о взаимовлиянии сегментно омонимичных форм InPl и APlm (NPlm) о-скл. здесь не рассматривается; ср. [Зализняк 1985: 265]. Отметим только, что в силу развития в Ап. и Тырн. новых энклиноменов в InPl односложных основ для этих идиомов формы N, A, In Pl соответствующих слов а. п. С в большинстве случаев оказываются и акцентно омонимичными. Что касается Ев., надежных примеров слишком мало.

²⁷ Для слова ѿже установление а. п. С не вполне надежно.

²⁸ Знак варианта над корневой гласной может обозначать ее долготу, а не место ударения; ср. также выше.

Тырн. (тип β) «новые энклиномены» в односложных основах:

односложные основы: съ дары Зогр.Г 300^a; и гласы Зогр.Е 402^b; глáсы Зогр.Б 156^a, Зогр.Г 245^a; съ ... и миры Зогр.Е 80^b; слáхы Зогр.Е 432^b;

многосложные основы — флексионное ударение: словесы́ Зогр.Б 151^b; словесы́ Зогр.А 19^b, Сб.764 233^a, 250^b; и словесы́ же Зогр.А 69^a;

иначе (дев. ε): слáвесы́ Зогр.Д 141^b, Зогр.Д 142^a, Зогр.Г 299^b; словесы́ Зогр.Г 296^b, Зогр.Е 366^a, Зогр.Е 391^a, Зогр.Е 425^b; и с ... слáвесы́ Зогр.Е 420^b.

5.11. GPlmnf o, a-скл. *ъ/ъ

Ев. (тип 0) флексионное ударение²⁹: бъсъ́ 14^a₁₈; бъсъ́ 39^a₁₉, 126^b₁₈, 245^a₁; б(ъ)съ́ 69^a₁₇; бъ|съ́ 307^a₁₃₋₁₄; бъсъ́ 183^a₁₁; вльсъ́ 348^a₇; вльсъ́ 380^b₁₇; посрѣ́а вльсъ́ 167^b₂₀; посрѣ́а вльсъ́ 334^b₁₉, 397^a₁₅, 398^a₉; посрѣ́а влъ|къ́ 67^a₃₋₄; вранъ́ 179^b₁₉; градъ́ 403^a₁₀; градъ́ 67^b₄, 191^a₁₉, 191^b₁, 379^b₁₈; гра|дъ́ 130^a₁₂₋₁₃; дроу́гъ́ 184^b₁₆; дшъ́ 390^a₁₀; дшъ́ 167^b₁₀; моужъ́ 27^b₃; моужъ́ 198^b₁₇; моужъ́ 203^a₁₂; моуж(ъ) 349^b₁; роукъ́ 87^a₁₉, 240^a₁₂; срѣ́цъ́ 246^b₁₈, 370^b₁₆; оу́стъ́ 55^b₂; с проклитиками: ѿ|власъ́ 359^b₁₄₋₁₅; ѿ|градъ́ 153^a₁₇₋₁₈; ѿ|градъ́ 87^a₇; ѿ|дрѣ́въ́ 228^b₂; ѿ|дрѣ́въ́ 256^a₁₀₋₁₁; ѿ|доу́хъ́ 154^b₉; ѿ|дхъ|хъ́ 162^a₁₇₋₁₈; ѿ|д(оу)хъ́ 332^a₁₄; ѿ|доу́хъ́ 158^b₁₃; ѿ|кнезъ́ 50^b₈; и ѿ|кнє́зъ́ 39^a₁₋₂; ѿ|ногъ́ 177^b₂₀; ѿ|ногъ́ 66^b₁₇; ѿ|ногъ́ 378^a₁₅; ѿ|срѣ́цъ́ 110^b₁₉; ѿ|странъ́ 37^a₈; изъ|оу́стъ́ 364^a₁₈; изъ|оу́стъ́ 150^b₂, 256^b₃; и|зъ|оу́стъ́ 381^a₉₋₁₀; изъ|оу́стъ́ 150^b₅₋₆; изъ|оу́стъ́ 87^b₁₈; ѿ|оу́стъ́ 176^b₁₄, 191^b₆, 241^a₁₁, 348^b₁₃; **многосложные основы:** лакътъ́ 103^a₁₇, 217^a₂₀, 313^b₁₇; нбесъ́ 107^b₁₀; нбесъ́ 259^a₁₅; до нбесъ́ 72^b₈; съ нбесъ́ 363^b₇; съ нбес(ъ)|ли 142^a₁₇₋₁₈; словесъ́ 250^a₁₅; словесъ́ 340^a₁₂; слáвесъ́ 66^b₁₅, 166^b₇, 328^b₁₇, 361^b₂₀, 382^a₆, 399^a₁₂; сло|весь́ 273^a₁₋₂; и ѿ|словесъ́ 93^a₁₄³⁰;

ср. также с окончанием -склонения: бъсөвъ́ 162^a₁₉; бъсөвъ́ 387^b₁₂; дхъ|хвъ́ 173^a₈₋₉; ду|хвъ́ 77^b₅₋₆; и ду|хвъ́ 373^a₆; ѿ|ду|хвъ́ 387^b₁₀; ѿ|градувъ́ 391^b₁.

Ап. (тип γ) «новые энклиномены» в односложных основах: и гль 61^a₁₄; ѿ|кнє́зъ́ 177^a₂₀₋₂₁; непоказательны формы без предлога (см. примечание 29): власъ́ 116^a₅; въкъ́ 189^b₈, 235^a₁₆, 235^b₂₂; градъ́ 40^a₂; вльнъ́ 101^a₉; моужъ́ 41^a₁₉; роукъ́ 47^b₉, 298^b₁₇; скврънъ́ 124^a₁₉;

иначе (дев. 0): изъ|роукъ́ 91^a₂₂; ни ѿ|роукъ́ 73^a₆₋₇;

²⁹ Фактически ударение приходится на слог, предшествующий окончанию со слабым редуцированным. Однако, как и в современном сербском, этот редуцированный не падает по общим правилам, а проясняется, причем в долгий гласный. В Ев. долгота окончания GPl систематически обозначается знаком кендемы (ъ) или изредка двойным гласным (ъъ), сп.: изъ|гробъ́ 304^a₉; изъ|гробъ́ 287^a₉; изъ|гробъ́ 293^a₃, изъ|гробъ́ 337^b₇₋₈. Знак ударения на последнем слоге основы при этом часто опускается (ср. еще: ѿ|въстокъ́ 75^b₅, 107^a₁₆; ѿ|въстокъ́ 259^a₁, 351^a₃, 353^b₂₀ — а. п. а). Таким образом, в случае многосложных основ развитие по типу 1 (антиэнклиномены) не отличается от стандартного рефлекса праславянской акцентовки (развития по типу 0). Для Ев. постулируется стандартная рефлексация по типу 0 во всех типах основ.

³⁰ См. примечание 24.

место ударения неясно: ѿ вѣкъ 252^a₂₀; ни кнезъ 177^a₁₆; ѿ ногъ 63^a₁; срѣцъ 145^b₁₉, 206^b₁₂, 295^b₁₄, 296^a₁₄, 297^a₄;

многосложные основы: словесъ 196^a₁₀; словесъ 196^a₁₂; также в производных синхронно-подвижного акц. типа: везъ щедротъ 307^a₂₄ (ср. NPl ѡедроты, InPl ѡедротами).

Тырн. (тип β) «новые энклиномены»:

односложные основы: мжжъ жѣ Сб.764 236^a; ср. также мжжъ жѣ Зогр.А 66^a; ѡрѣслъ Зогр.А 17^a; вѣи Соф.сл. 69^a;

многосложные основы (дев. ε): пѣленъ Григ.1703 4^a (при пѣленами Зогр.Г 292^a).

Таким образом, формально можно было бы признавать в Тырн. перенаркировку флексий, однако поскольку многосложные основы представлены всего одним примером, здесь принято за эталон состояние, отражающее менее радикальную перестройку.

5.12. GLDumnf o, a-скл. *и

Ев. (тип 0) флексионное ударение: ѿю^у 304^b₁₅; днѹю^у 225^a₁₂; днѹю^у 263^a₁₆; ногѹ^у 265^a₁₆; ногѹ^у 269^b₂₀; с проклитиками: на ногѹ^у 255^a₂; при ногѹ^у 125^a₁₆, 203^a₁₉, 321^b₅; пр(и) ногѹ^у 178^b₈; при ногѹ^у 327^a₅; ѡ ногѹ^у 33^b₅₋₆; ѡ ногѹ^у 311^b₁₆; на рѹкѹ^у 9^a₉, 212^a₁₆; на рѹк(ѹ)^у 99^a₆; на рѹкѹ^у 312^b₁₂; на рѹ|кѹ^у 370^a₂₀.

Ап. (тип 0) флексионное ударение: ногѹ^у 44^b₁₉, 317^b₁₂; рѹкѹ^у 45^b₁, 280^a₅, 293^b₁; рѹк(ѹ)^у 333^a₁₉; при ногѹ^у 46^b₂; при ногѹ^у 85^b₁₉; на ногѹ^у 53^a₁₈, 63^b₁₁, 96^b₄; съ рѹкѹ^у 57^b₁₃.

Тырн. (тип 0) флексионное ударение: бокъ Толк.пс. 71^a; ннгжъ Зогр.Г 267^a; до ннгжъ Зогр.Е 397^b; ѡ ннгжъ Зогр.Е 171^a; при ннгжъ Зогр.Е 404^a; ржкъ Толк.пс. 67^a; ѿ ржкъ Зогр.Г 97^b; въ ржкъ Зогр.Г 255^a; ѡ на ржкъ Зогр.Б 32^b; иначе (дев. δ): ннгжъ Зогр.Б 41^a; ржкъ Зогр.Г 342^b, Зогр.Е 382^b. Тип девиации (δ, а не α) постулируется исходя из общих характеристик Тырн.

6. Правила акцентовки словоформ подвижного акцентного типа. Синхронная интерпретация

Теперь мы можем рассмотреть правила акцентовки словоформ подвижного акцентного типа в целом для каждого из рассматриваемых идиомов. В Табл. 5.1–4 показаны эталонные наборы акцентных контуров³¹ словоформ и их тактовых групп в парадигме S-лексем подвижного акцентного типа для ПСл, Ев., Ап. и Тырн.

Табл. 5.5 отвечает набору, содержащему акцентные контуры, признанные девиантными (типа δ), а Табл. 5.6 – набору, получающемуся

³¹ Акцентным контуром словоформы называется указание места ударения в данной словоформе с точностью до морфологического компонента (основа или окончание) и номера слога внутри этого компонента (например, «последний слог основы», «первый слог окончания»).

при наложении девиации типа δ на эталонный набор типа γ (ср., например, LSg *i*-скл. в Ап., см. §5.7). Принципиально эти девиантные наборы ничем не отличаются от принятых в качестве эталонных и обсуждаются наравне с ними ниже.

Девиации типа ε (перемаркировка) дают набор акцентных контуров, совпадающий со стандартным набором ПСл (ср. Табл. 5.1 и Табл. 5.7).

Обозначения основ, флексий и клитик — те же, что в Табл. 2. Закрашен ударный компонент.

Таблица 5.1. ПСл Стандарт

Флексии Основы \	+	-
Односложная	□● △□●	■○ ▲□○
Неодносложная	□□● △□□●	■□○ ▲□□○

Таблица 5.2. Ев. α — Антиэнклиномены

Флексии Основы \	+	α	-
Односложная	□● △□●	■○ △□●	■○ ▲□○
Неодносложная	□□● △□□●		■□○ ▲□□○

Таблица 5.3. Тырн. β — Новые энклиномены

Флексии Основы \	+	β	-
Односложная	□● △□●		■○ ▲□○
Неодносложная	□□● △□□●		■□○ ▲□□○

Таблица 5.4. Ап. γ — Новые энклиномены и левоударные флексии

Флексии Основы \	+	γ	-
Односложная	□● △□●		■○ ▲□○
Неодносложная	□□● △□□●	□■○ △□■○	■□○ ▲□□○

Таблица 5.5. Дев. Левоударные флексии при односложных основах

Флексии Основы \	+	δ	-
Односложная	□● △□●	■○ △■○	■○ ▲□○
Неодносложная	□□● △□□●	□■○ △□■○	■□○ ▲□□○

Таблица 5.6. Дев. Левоударные флексии

Флексии Основы \	+	$\delta+\gamma$	-
Односложная	□● △□●	■○ △■○	■○ ▲□○
Неодносложная	□□● △□□●	□■○ △□■○	■□○ ▲□□○

Таблица 5.7. Дев. Перемаркировка

Флексии Основы \	+	$\varepsilon (-)$	-
Односложная	□● △□●	■○ ▲□○	
Неодносложная	□□● △□□●	■□○ ▲□□○	

6.1. В ПСл, как уже было сказано, всякая словоформа лексемы, относящейся к подвижной акцентной парадигме, либо является энклиноменом и, соответственно, безударна в неодночленной тактовой группе и начальноударна в самостоятельном употреблении, либо — при плюсовой флексии — имеет ударение на флексии. То же верно для исследованных выше систем, показывающих в тех или иных формах нестандартное развитие по типу β или по типу ε (новые энклиномены при односложных или при любых основах). Если ограничить рассмотрение тактовыми группами без клитик, то же верно и для систем, показывающих нестандартное развитие типа α : действительно, антиэнклиномены, не сопровождаемые клитиками, имеют такое же ударение, что и обычные энклиномены³².

³² Конечно, могло бы оказаться, что автоматическое начальное ударение энклиноменов просодически отличается от начального ударения в антиэнклиноменах. Однако по данным имеющихся южнославянских памятников установить следы такого рода отличия, если оно имелось, невозможно. Аналогичные данные древнерусских рукописей, различающих фонемы /ô/

Напротив, нестандартное развитие с введением левоударных флексий (типы γ и δ) приводит к появлению среди словоформ подвижной а.п. форм с новым акцентным контуром, имеющих автономное ударение на последнем слоге основы.

Таким образом, при описании в терминах акцентных парадигм специальные поправки в определении подвижной а. п. требуются в случае развития по типам γ и δ . В остальных случаях достаточно указать, как меняется распределение начальноударных и флексионно-ударных словоформ в парадигме для того или иного морфологического класса слов.

Для правильной акцентовки неодночленных тактовых групп понадобится также особое указание клеток, представленных антиэнклиноменами. Кроме того, для правильной акцентовки слов с многосложной основой могут потребоваться дополнительные сведения о некоторых формах, т. е., фактически, придется рассматривать лексемы с многосложной основой как самостоятельный тип склонения. На практике, однако, большинство многосложных основ, требующих такого рода поправок, и так принадлежат словам особого словоизменительного типа (консонантные основы). Имеющиеся данные показывают, что именно в этом морфологическом типе последовательно проводится та или иная акцентовка многосложных основ, отличающая их от акцентовки односложных. А в немногочисленных лексемах иной морфологической структуры, принадлежащих подвижной а. п., ударение часто колеблется.

6.2. Несколько сложнее обстоит дело с формулировками на языке маркировок. Простейший случай представляет здесь только развитие по типу ϵ , т. е. перемена маркировки флексии с «плюса» на «минус».

При описании развития по типу β нужно вводить «расщепленные» маркировки окончаний — «плюс» при многосложных основах vs «минус» при односложных. Ср. расщепление маркировок окончаний и суффиксов в зависимости от сегментных характеристик корневых морфем, постулируемое для древнерусского в [Зализняк 1985: 145 (§ 2.21. 5–6), 121 (§ 2.7)].

Развитие по типу δ или γ требует, по существу, введения новых маркировок окончаний: в дополнение к уже имеющимся «самоударному плюсу» и «минусу» целесообразно ввести маркировку «левоударный плюс», требующую постановки ударения на ближайшую гласную слева, подобно тому как для нефлексионных морфем различаются плюсовые маркиров-

---

и / $\circ$ / (континуанты праславянского * o в зависимости от характера ударения: автономного или автоматического), показывают в случаях, сопоставимых с нашими антиэнклиноменами, фонему / $\circ$ / — рефлекс автоматического ударения. См.: [Зализняк 1985: 245–252].

ки «самоударность» и «правоударность» (см. § 2.1). Ср. помету Re («ретракция»), вводимую для древнерусского в [Зализняк 1985: 121 (§ 2.7)].

При этом описание актуальных для нашего разбора типов δ и γ потребует не только введения новой маркировки, но также и «расщепления» маркировок по той же модели, что при типе β.

Наконец, чтобы описать развитие по типу α, также потребуется введение новой маркировки, обозначим ее « $+_{\text{Min}}$ », и дополнительного правила, предписывающего трактовать эту маркировку как «минус» в случае, если данное окончание входит в словоформу с односложной основой, составляющую самостоятельную тактовую группу, и как «плюс» во всех иных случаях. Ср. подобное обозначение в [Зализняк 1985: 121], используемое в несколько другом смысле.

В заключение заметим следующее. Парадоксальным образом, тогда как для ПСл при описании ударения в неодночленных тактовых группах язык маркировок был значительно удобнее, чем язык акцентных парадигм, в наших системах попытка описать «антиэнклиномены» на языке маркировок практически обречена на провал — ведь получается, помимо прочего, что в сочетаниях с клитиками разные словоформы должны подвергаться разным модификациям акцента, причем это зависит не от клитики, а от грамматической характеристики словоформы (см. Табл. 5.2). Таким образом, нельзя даже по-разному промаркировать клитики, а придется опять же по-разному маркировать флексии, и эта разница будет проявляться только в сочетании с клитиками. Т. е., как отмечал А. А. Зализняк, техника маркировок «уже [...] вообще не дает выигрыша в простоте по сравнению с более прямолинейными способами описания» [Зализняк 1985: 5], и более того — попытки ее применить до некоторой степени могут даже дискредитировать саму идею маркировок.

7. Диахроническая интерпретация

Диахронический анализ приведенных данных может идти в двух основных направлениях. С одной стороны, можно говорить о поиске распределения обнаруженных эволюций (типы развития α–ε) относительно тех или иных характеристик словоформ-носителей этих эволюций. Это могут быть этимологические, грамматические, синтаксические или иные характеристики соответствующих основ, флексий или словоформ в целом. С другой стороны, мы можем предпринять попытку упорядочить те или иные из установленных типов развития так, чтобы рассматривать их как разные этапы единой эволюции или как диалектные варианты такой эволюции.

Что касается возможностей распределения найденных эволюций по тем или иным параметрам, какие-либо определенные выводы

представляются преждевременными. Простого распределения по этимологическим характеристикам окончаний нет: среди релевантных окончаний представлены и этимологически краткие (GSg конс. скл.), и этимологически долгие (все прочие), и этимологически акутированные (NSg *a*-скл., NAPIn *o*-скл., GLDu *o*-скл., LSg *i*-скл., LSg *u*-скл.), и этимологически циркумфлектированные (GSg *a*, *i*, *u*-скл., GPl *o/a*-скл., InPl *o*-скл.; см., например: [Дыбо 2000: 43]). Отметим, что привлекательной была бы возможность представить как ядро рассматриваемых эволюций группу словоформ с флексиями, показывающими долготу или краткость в соответствующей диалектной группе (см.: [Ibid.: 37–43; ОСА 1993: 22–30]), или связать наблюдаемые эволюции конечноударных словоформ а. п. *c* с модификациями ударения в а. п. *b* и ее варианте – так наз. а. п. *d*; см.: [Ibid.: 27–30; 95–148].

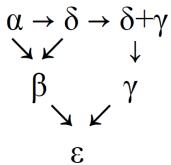
Относительно лексического распределения, для Ап. следует отметить, с одной стороны, реликтовые стандартные конечноударные формы в позиции LSg *i*-скл., представленные только в устойчивом предложном сочетании *vъ пльти*; ср. в этой связи сохранение конечного ударения в таких наречных сочетаниях, как *ро посі* в штокавских диалеках [Rešetar 1900: 104]³³. С другой стороны, также в Ап. – последовательную оттяжку ударения на предлог в формульном выражении «в Господе»: *ѡ ги* при не менее последовательном развитии левоударности той же флексии LSg в формах типа *словеси*, *тълеси* (см. § 5.7).

Что касается возможностей динамической (в частности, хронологической) интерпретации данных, обращают на себя внимание следующие факты. Наиболее архаичный вид имеет тип *α* (Табл. 5.2), здесь отличие от стандарта сводится к оттяжке ударения с конечного слога в двусложных тактовых группах. Картина, соответствующая развитию левоударных флексий (типа *δ* и *δ+γ*: Табл. 5.5–6) может быть получена непосредственно из типа *α* путем распространения той же оттяжки на тактовые группы любого вида. В типе *β* (Табл. 5.3) можно усматривать последовательно проведенный переход двусложных форм с оттянутым ударением (как в типе *α*) в ранг форм-энклиноменов, т. е. унификацию их акцентных контуров в рамках ассортимента акцентных контуров а. п. *c*. В типе *γ* (Табл. 5.4) – такой же переход двусложных форм с оттянутым ударением в ранг форм-энклиноменов, происходивший из системы, развившей левоударные флексии (тип *δ+γ*). Наконец, перевод многосложных форм в ранг энклиноменов мог происходить и при

³³ В говоре Дубровника антиэнклиномены представлены и в свободных сочетаниях. Ср. LSgm (окончание старого *u*-скл.): *nà tvômu nòsu* (< *nòsu), но *ro nòsu* (< *po nosu); LSg f *i*-скл.: *na òvój kôsti* (< *kôsti), но *na kôsti* (< *kostî); см.: [ОСА 1993: 30], [Rešetar 1900: 63, 104].

наличии в них оттяжки ударения с флексии, и просто в силу аналогии с двусложными формами, приобретшими статус новых энклиноменов (стремление к единой маркировке окончания).

Схематически это можно представить так:

Развитие в соответствии с приведенной схемой (в частности, эволюции типа $\alpha \rightarrow \delta$ и $\alpha \rightarrow \beta$, $\delta \rightarrow \beta$) можно непосредственно обнаружить в некоторых древнерусских памятниках. Так, в Троицком летописце сер. XVI в. в LSg и-скл. находим³⁴ тип а: *на броду, в дому, на дону, в леду, на леду, на миру, на пиру, в пльну, в стану, в полону, на низу, на бою, в полку, на полку* vs *ω чёрном бору, ω ньмёцком миру, в вечном миру, на том мосту, ω аврамли робу, в том сану, ω блудном сыну, во мнишеском чину, на том бою*; изредка — отклонения по типу δ: *в пиру, в рыму, ω миру*, а также — по типу 0: *во мнишеском чину*; и, наконец, переход в тип β (с предлогом *ω* в изъяснительном значении): *ω миру, ω мору*; (LSg с предлогом *по*): *по миру*.

Как мы видим, эти древнерусские примеры показывают зарождение современного русского «второго предложного»; см.: [Зализняк 1985: 245–246, Зализняк 1973/2002: 637–638].

И если для слов м.р. древнерусские «антиэнклиномены» в ходе развития, по-видимому, вполне перераспределились по значению предложных конструкций — сейчас у нас в локативном значении употребляется второй предложный (П2): *в лесу, в темном лесу, на длинном носу, на мосту*, независимо от положения предлога — соседствует он с субстантивной формой, или нет, а в изъяснительном значении — первый предложный (П1): *о лесе, о мосте, о длинном носе*, — то для слов ж.р. и-склонения, где окончания П1 и П2 совпадают, а разница только акцентная, возможно, следы антиэнклиноменов остаются, ср. *весь в крови* (П2), *говорю о крови* (П1), *есть ли антитела в крови* (П2), *есть ли антитела в переливаемой крови* (?). Ср.: *Это бродит грусть впомьмах, / Душу мучит в мокрой сети, / И тревожит в томных снах / Память о лесах и лете.* (Э. Багрицкий, 1930) и *Как ни прыгнешь — некуда уйти, / Кувыркайся да барахтайся в сети.* (Э. Багрицкий, 1929); *Лишь редко-редко, над осокой, / В пустынной дали без границ, / Темнеет тополь одинокий — / Пристанище заморских птиц.* (Д. Андреев, 1950) при *И задача книги*

³⁴ См.: [Зализняк 1985: 251]. Орфография упрощена.

разве та, / Чтоб кровавой памятью земли / Вновь и вновь смутилась чистота / Наших внуков в радостной дали? (Д. Андреев, 1951) и ряд других примеров из Поэтического корпуса русского языка³⁵.

Анализ такого рода примеров представляет нетривиальный вопрос для описания русской падежной системы. В самом деле, если *крóви* и *кровí* – это формы разных падежей, то у предлога *в*, например, следует предполагать разное управление для одиночного субстантива и для группы адъектив + субстантив. Однако это, конечно, уже вопрос исключительно синхронной русской грамматики, хотя этимологически, возможно, и восходящий к обсуждавшимся в статье историческим феноменам.

Список сокращений

ПСл – Праславянский язык

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

НБКМ – Национальная библиотека имени святых Кирилла и Мефодия (София)

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)

Зогр. – Библиотека Афонского Зографского монастыря

Библиография

Источники

Рукописи, сиглы рукописей

An.

НБКМ № 889, Апостол, середина XV в. См. [Стоянов, Кодов 1964: 60].

Eв.

РГБ, ф. 178, Музейное собрание № 7364, Евангелие-апракос полный, первая треть XV в.

Тыри. – группа восточноболгарских памятников XIV–XVI вв., согласно описанию В. А. Дыбо

[OCA 1990: 160–253], представляющих единую старотыровскую систему акцентовки.

По [OCA 1990: 160–229] цитируются примеры из следующих рукописей старотыровской системы:

Григ.1703

РГБ, ф. 87, собрание Григоровича № 1703, Отрывки из трех южнославянских сборников слов и поучений, полуустав XV в.

Зогр.

Зогр № 171 (более раннее обозначение Зогр. № 103 II г б), Сборник слов и житий, XIV в. (различаются почерки А–Е, при цитировании соответствующая буква ставится перед номером листа рукописи; подробнее см.: [OCA 1990: 167]).

---

³⁵ <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html#>

Мин.

РГБ, ф. 304.І, Троицкое собрание № 678, Минея четья на июль, XV–XVI в. К старотырновской системе относится Житие Евпраксии Олимпийской (лл. 503а–534б) – русская копия среднеболгарского текста, извлеченная из рукописи Сб.758. См. [Дыбо, Кучкин 1966]. Ср. Сб.764.

Сб.758

РГБ, ф. 304.І, Троицкое собрание № 758, Сборник, XV в. Русская копия среднеболгарского текста старотырновской системы. См. [Мoldovan 1981].

Сб.764

РГБ, ф. 304.І, Троицкое собрание № 764, Сборник, XV–XVI в. К старотырновской системе относится Житие Февронии (лл. 225–252) – русская копия среднеболгарского текста, извлеченная из рукописи Сб.758. Ср. *Мин.*

Соф.сл.

НБКМ № 231, Служебник, XIV в. Факсимильное изд.: [Коцева 1985].

Толк.пс.

РГБ, ф. 173.І, собрание Московской духовной академии № 18, Толкование псалмов: восточноболгарская рукопись, 2-я пол. XIV в.

*Издания**Дыбо, Кучкин 1966*

Дыбо В. А., Кучкин В. А., Болгарский текст в русской минее XVI в., *Byzantino-bulgarica*, II, Sofia, 1966, 279–301.

Коцева 1985

Коцева Е., *Евтимиев служебник*, София, 1985.

*Интернет-ресурсы**Национальный корпус русского языка*

<https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html#>

*Литература**Алексеев et al. 2005*

Алексеев А. А., Азарова И. В., Алексеева Е. Л., *Евангелие от Матфея в славянской традиции*, С.-Петербург, 2005.

Булатова 1981

Булатова Р. В., Акцентуация непроизводных имен существительных *a*-основ в древнесербских рукописях XIV–XVI вв., *Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии*, Москва, 1981, 60–89.

Дыбо 1981

Дыбо В. А., *Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском*, Москва, 1981.

_____ 1983

Дыбо В. А., Распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (Материалы к реконструкции), Часть II, *Балто-славянские исследования 1982*, Москва, 1983, 3–67.

_____ 2000

Дыбо В. А., *Морфонологизированные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис*, I, Москва, 2000.

Зализняк 1973/2002

Зализняк А. А., О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях, «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, Москва, 2002, 613–647. [Первое изд.: Проблемы грамматического моделирования, Москва, 1973, 53–88.]

— 1985

Зализняк А. А., От праславянской акцентуации к русской, Москва, 1985.

— 2019

Зализняк А. А., Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь, 2-е изд., Москва, 2019.

Молдован 1981

Молдован А. М., К истории составления троицкой Минеи № 678, Записки Отдела рукописей (ГБЛ), 42, Москва, 1981, 64–76.

ОСА 1990

Дыбо В. А., Замятин Г. И., Николаев С. Л., Основы славянской акцентологии, Москва, 1990.

ОСА 1993

Дыбо В. А., Замятин Г. И., Николаев С. Л., Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода, 1, Москва, 1993.

Пекунова 2009

Пекунова И. С., О некоторых акцентуационных особенностях существительных а.п. с в старосербских памятниках. Т. Olander, J.H. Larsson, eds., *Stressing the Past. Papers on Baltic and Slavic Accentology. Studies in Slavic and General Linguistics*, 35, Amsterdam, New York, 2009, 93–100.

Поливанова 2013

Поливанова А. К., Старославянский язык. Грамматика. Словари, Москва, 2013.

Стоянов, Кодов 1964

Стоянов М., Кодов Хр., Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека, 3, София, 1964.

Rešetar 1900

Rešetar M., Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten, *Südslavische Dialektstudien I*, Wien, 1900.

References

Alekseev A. A., Azarova I. V., Alekseeva E. L., *Evangelie ot Matfeia v slavianskoi traditsii*, St. Petersburg, 2005.

Bulatova R. V., Aktsentuatsiya neproizvodnykh imen sushchestvitel'nykh a-osnov v drevneserbskikh rukopisiakh XIV–XVI vv., *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Problemy morfonologii*, Moscow, 1981, 60–89.

Dybo V. A., *Slavianskaia aktsentologija: Opyt rekonstruksii sistemy aktSENTnykh paradigm v praslavianskom*, Moscow, 1981.

Dybo V. A., Praslavianskoe raspredelenie aktSENTnykh tipov v prezense tematiceskikh glagolov s korniami na neshumnye (Materialy k rekonstruksii). 2, *Balto-slavianskie issledovaniia* 1982, Moscow, 1983, 3–67.

Dybo V. A., *Morfonologizirovannye paradigmaticeskie aktSENTnye sistemy. Tipologija i genezis*, I, Moscow, 2000.

Dybo V. A., Kuchkin V. A., Bolgarskij tekst v russkoj mineei XVI v., *Byzantino-bulgarica*, II, Sofia, 1966, 279–301.

Dybo V. A., Zamiatina G. I., Nikolaev S. L., *Osnovy slavianskoi aktsentologii*, Moscow, 1990.

Dybo V. A., Zamiatina G. I., Nikolaev S. L., *Osnovy slavianskoi aktsentologii. Slovar'. Neproizvodnye osnovy muzhskogo roda*, 1, Moscow, 1993.

Koceva E., *Evtimiev sluzhebnik*, Sofia, 1985.

Moldovan A. M., K istorii sostavlenija troitskoi Minei N 678, *Zapiski otdela rukopisei (GBL)*, 42, Moscow, 1981, 64–76.

Pekunova I. S., O nekotorykh aktSENTuatsionnykh osobennostiakh sushchestvitel'nykh a.p. c v staroserbskikh pamiatnikakh. T. Olander, J.H. Larsson, eds., *Stressing the Past. Papers on Baltic and Slavic Accentology. Studies in Slavic and General Linguistics*, 35, Amsterdam, New York, 2009, 93–100.

- Polivanova A. K., *Staroslavianskii iazyk. Grammatika. Slovari*, Moscow, 2013.
- Rešetar M., Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten, *Südslavische Dialektstudien I*, Wien, 1900.
- Stoianov M., Kodov Khr., *Opis na slavianskite r"kopisi v Sofiiskata narodna biblioteka*, 3, Sofia, 1964.
- Zaliznyak A. A., O ponimanii termina «paradezh» v lingvisticheskikh opisaniiakh, *Problemy grammaticheskogo modelirovaniia*, Moscow, 1973, 53–88.
- Zaliznyak A. A., *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoj*, Moscow, 1985.
- Zaliznyak A. A., «Russkoe imennoe slovoizmene-nie» s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremen-nomu russkomu iazyku i obshchemu iazykoznaniiu, Moscow, 2002.
- Zaliznyak A. A., *Drevnerusskoe udarenie. Obshchie svedeniia i slovar'*, 2nd ed., Moscow, 2019.

Ирина Семеновна Пекунова

младший научный сотрудник

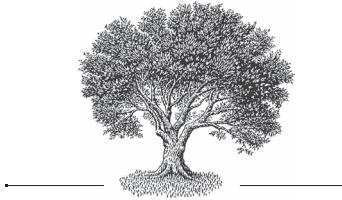
Института восточных культур и античности

Российского государственного гуманитарного университета

Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6

irapek@gmail.com

Received January 1, 2022

Развојот на постпозитивниот морфолошки член во македонскиот јазик како експонент на генеричната референција

Бобан Карапејовски

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“
во Скопје, Филолошки факултет
„Блаже Конески“,
Република Северна Македонија

Развитие постпозитивного артиклия как показателя генерической референции в македонском языке

Бобан Карапейовски

Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье, Филологический факультет им. Блаже Конеского,
Республика Северная Македония

Апстракт

Постпозитивниот морфолошки член е главниот експонент на граматичката категорија определеност, заедно со показните заменки, во македонскиот јазик. Сепак, постојат видови определеност каде што членот се специјализирал и станал единственото средство што може да се употреби како маркер на соодветната референција. Сфаќањето на нешто како идентификувано, издвоено, определено, детерминирано итн. е субјективно и припаѓа во доменот на комуникацискиот чин, па затоа определеноста, *sensu lato*, и членост, *sensu stricto*, може да се означат како егоцентрички единици на јазикот (егоцентрици). Од друга страна, пак, генеричност, која подразбира

Цитиранение: Карапејовски Б. Развитие постпозитивного артиклия как показателя генерической референции в македонском языке // Slovène. 2022. Vol. 11, № 2. С. 244–263.

Citation: Karapejovski B. (2022) The Development of the Postpositive Morphological Article in Macedonian as an Exponent of Generic Reference. Slovène, Vol. 11, № 2, p. 244–263.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.11

упатување кон цело множество, т.е. род (*genus*), *grosso modo*, го исклучува членот како експонент на определеноста сфатена како множество од конечен број елементи, кои можат да се идентификуваат. Историскиот развој на членот упатува на тоа дека кај овој тип референција тој најдоцна се појавува како показател, а за тоа влијаеле извесни синтаксички и прагматички фактори, односно устројството на реченицата и актуелното реченично раслојување — тематско-рематската структура на исказот.

Клучни зборови

определеност, член, референција, генерична референција, експоненти

Резюме

Продефинировать категорию определенности достаточно сложно из-за высокой степени абстракции этого понятия. Тем не менее определенный артикль, если таковой присутствует в структуре языка, представляется важным грамматическим средством референции. В македонском языке главный маркер грамматической категории определенности (помимо указательных местоимений) — это постпозитивный артикль. Существуют типы значений категории определенности, которые могут быть выражены только артиклем. Предмет наделяется качеством определенности субъективно, что происходит в рамках конкретного коммуникативного акта, поэтому определенность, *sensu lato*, и артилевость, *sensu stricto*, могут быть названы эгоцентрическими единицами языка (эгоцентриками). С другой стороны, родовая референция, которая указывает на целое множество, т. е. род (*genus*), *grosso modo*, не включает артикль в ряд показателей со значением «конечное множество элементов, которые могут быть определены». Историческое развитие артикля указывает на то, что он становится маркером генерической референции очень поздно. На данный процесс повлиял целый ряд синтаксических и прагматических факторов: структурное устройство и актуальное членение предложения, а также тема-рематические отношения в высказывании.

Ключевые слова

определенность, артикль, референция, генерическая референция, маркер

Потребата за искачување на надворешнојазичниот свет со јазични средства е инхерентна човекова особина. Како нејзин производ веројатно се пројавува јазикот, сфатен како систем од знаци (*langue*, во значењето на Фердинанд де Сосир; сп. [Sosir 2004]), каков што го знаеме денеска, односно, уште повеќе, говорот (*parole*, сп. [*Ibid.*]), како негова конкретна реализација. Всушност, сооднесеноста меѓу пораката и референтот, кој може да биде и конечно и бесконечно множество, и непознат и познат, и идентификуван и неидентификуван, во својата основа ја содржи рефренцијалната функција на јазикот (сп. [Jakobson 1960]).

Во основата на референцијата, сфатена како „однос на јазичните изрази со стварноста — механизми што дозволуваат да се поврзуваат зборовните искази и нивните компоненти со нејазични објекти, ситуации, настани, факти, положби на нештата во реалниот свет“ [Падучева 2010: 7] се појавува клучниот сооднос јазик — стварност. Се работи за начинот на кој дејствителноста се концептуализира, се сведува на апстракција, па потоа се материјализира (во говорена или во пишувана форма) и се продуцира како јазичен израз (како говор што е дизајниран според расположливите средства што ги нуди јазичниот код). Во чисто лингвистичка смисла, се мисли на „граматикализира[ње] информација за тоа кои елементи од посоченото и/или именуваното множество (кои денотати на посочениот и/или именуваниот поим) се посочуваат во фразата“ [Тополињска 1974: 62].

Со оглед на тоа што материјализацијата е дело на човекот, на првото лице, таа е, условно, оптоварена од субјективното во стварноста, па во таа смисла и во јазикот¹. Па, така, во јазикот се идентификуваат појави (пред сè, на граматичко рамниште), кои можеме да ги наречеме *егоцентрици*. Во основата на ова сфаќање се погледите на Е. Падучева (сп. [Падучева 2019]), која тргнува од два става — на Емил Бенвенист и на Карл Билер: првиот вели дека јазикот толку силно се одликува со исказување на субјективноста, што се поставува прашањето дали тој воопшто би можел, ако се устрои поинаку, да функционира и да се нарекува јазик; вториот (Билер), всушност, е авторот на терминот „егоцентрички/егоцентричен“ (во образувањата на именски групи/колокации од типот на egoцентричко укажување, egoцентрички аспект на јазикот) [Падучева 2019: 18]. Овој термин ги означува „оние зборови, граматички категории, синтаксички конструкции, чија семантика го подразбира говорителот, во однос на учесниците во описаната ситуација“ [Падучева 2019: 17].

За класични egoцентрици Падучева ги смета деиктиците, бидејќи „тие дозволуваат упатување (посочување, реферирање) кон лица, објекти, настани, случувања, делови од просторот и времето преку односот со говорителот во моментот на зборувањето и на местото на зборувањето“ [Падучева 2019: 17].

Поимот на egoцентриците го доведуваме во релација со експонентите на определеноста. Имено, прикажувањето на нешто како определено или неопределено, издвоено од множеството и познато или само неозначен/непознат елемент, може да биде одлука на говорителот и да зависи само од него. Кaj неопределеноста веќе имаме експлицитни

¹ Според С. Керкегор, на пример, вистината е (само) субјективното (сп. [Kierkegaard 1992]).

показатели на ваквиот (со)однос, па во македонската лингвистичка литература се прави разлика меѓу „објективна“ и „субјективна неопределеност“ и преку различни експоненти – *еден* наспрема *некој* (сп. [Тополињска 1974: 74–75; Минова-Гуркова 2000: 63, 124–125]).

Определеноста, или „определените референцијални изрази“, според Ц. Лајонс [Lyons 1977: 179], во английскиот (како и во другите јазици, заб. наша) се пројавуваат во три вариетети, определени именски групи, лични имиња и лични заменки. Она што ги обединува, т.е. она што е заедничко за нив, е дефиницијата на определеноста, која низ лингвистичката литература е мошне хетерогена. Со оглед на комплексноста на поимот и високиот степен на апстракција, често се тргнува или од нејзините експоненти и конечниот или потенцијалниот регистар начини за исказување (в. [Karlić 2011: 321]) или таа се врзува за низа поими од типот на „познатост“, „препознатливост“, „специфичност“, „референцијалност“, „единственост“, „инклузивност“, „кардиналност“ и „генеричност“ [Ibid.], кои честопати не се сфаќаат на идентичен начин кај различни автори. Сепак, во основата на дефинирањето на определеноста се тргнува од два различни, но комплементарни става, изложени кај А. Агелјар-Гевара и др. [Aguilar-Guevara et al. 2019, iii]. Тие се концентрирани меѓу погледите на Г. Фреге, Б. Расел и П. Стросон, кои тврдат дека „определеноста првенствено вклучува состојба – утврдена или претпоставена – во која описаната содржина има единствен ентитет (во дадениот контекст)“ и, наспрема нив, ставот на П. Кристоферсен, разработен и образложен од И. Хајм и Х. Камп, во чија основа се наоѓа тврдењето дека определеноста „зависи од постоењето референт, заеднички познат и за зборувачот и за слушателот“ [Ibid.]. Современите истражувања ја дисецираат определеноста и натаму, покажувајќи и известни нејзини други специфики (сп. [Aguilar-Guevara et al. 2019: iii–iv]).

Членот претставува ознака за „определеноста на даден предмет, неговото обособување од родовиот поим под кој потпаѓа“ [Конески 1999: 228], „детерминатор чија главна улога е да ја маркира именската група како определена или како неопределена“ [Matthews 2005: 25]. За членот велиме дека врши „идентификација на предметот наспрема други предмети во непосредна зависност, споредување или противставување“ [Георгиев 1999: 260]. Се работи за „морфолошко јадро на категоријата определеност“ (во некои јазици слободна морфема, одделна лексема или, во други, како во македонскиот, афикс, сп. [Минова-Гуркова 2000: 38]) и со него се „сигнализира оти се посочуваат предмети на мислата однапред идентификувани за говорителот“ [Тополињска 1974: 62]. Тој ѝ припаѓа на именската група, се појавува кај иницијалниот член на групата, на нејзиниот апсолутен почеток, па дури врши и „синтагматска

делимитациона функција – сигнализира почеток на фразата, пружа помош при сегментација на текстот, сп. на пр. *Разочаран трговецот бргу отиде.* спрема: *Разочараниот трговец брзо отиде.*“ [Ibid].

Кога ја имаме предвид најраспространетата теорија за членот, според Ј. Крамски [Krámský 1972: 23], онаа за неговата детерминативност (определеност), маркираноста со нулти експонент на определеноста подразбира неопределен² опфат (indefinite extent), додека, пак, определениот член го намалува опфатот и поставува извесни граници vis-à-vis целиот род. Во таа смисла, контрастот што може да се воспостави не ги противставува определениот и неопределен член, туку определениот со сите други елементи на множеството. Според Крамски [Krámský 1972], главната одлика на членот е неговата употреба во генерични конструкции. Наспрема тоа, З. Тополињска [1982] ја дава и ситуациската определеност како контекст во кој ексклузивитетот го има членот.

Употребата на членот во генерични определени именски групи на видум се коси со поимот на индивидуализацијата. Сепак, Ј. Курц [кај Krámský 1972: 21] тоа го толкува како земање на индивидуализиран елемент како претставник на родот (генусот), но повеќе како индивидуализација на извесен тип единки наспрема друг тип единки [Ibid.]. Тоа би значело дека генеричната определеност ја носи ознаката /+определеност/, ако ја претпоставиме идентификацијата на родот преку секој член на родот (во примерот (1) во обликот: инженер = инженер₁ + инженер₂ + инженер₃... + инженер_n, но и инженер = инженер₁, истовремено: инженер = инженер₂; инженер = инженер₃; инженер = инженер_n), во смисла на тоа дека родовата определеност е збирот на сите елементи, но името на збирот може да подразбере идентификацијата што се врши преку заедничкото име на множеството и за секој одделен елемент.

(1) *Инженерот ја проектира инсталацијата (а не архитектот).*

Според О. Младенова [Mladenova 2007: 9], средствата за исказување на определеноста се наоѓаат во рамките на именската (номиналната) структура, а нејзината содржина е прагматичка, семантичка, лексичко-морфолошка и синтаксичка; всушност, граматичката категорија определеност има полнеж на повеќе јазични/лингвистички нивоа. Младенова се повикува на моделот на А. Шмельов [Mladenova 2007: 48), кој се занимава со опозициите: тривијално наспрема нетривијално индивидуализирање (првично може да се најде кај М. Селезнев); константен наспрема променлив (варијабилен) денотативен простор; конкретна наспрема генерализирана референција. Последната поделба на Шмельов

² Повеќе за една класификација на експонентите на неопределеноста во македонскиот, в. во нашата статија [Карапејовски 2018g].

[Шмелев 1992: 266–278] најмногу одговара на онаа на Л. Минова-Гуркова [2000: 119–137], каде што конкретната (кај Шмельов) е специфична референција, а генерализираната во еден свој дел ја опфаќа генеричната, односно, пред сè, се однесува на неа, а во друга на она што тој го нарекува „општоегзистенцијални ИГ“. Тука можеме да ја споменеме, како блиска на генеричната, и нереферентната употреба. Тие се мошне близки и во нивната интерпретација „има извесни разлики во третманот: некои автори сметаат дека се работи за генерична референција, а други – за отсуство на референција, за нереферентни ИГ, што е поприфатливо...“ [Минова-Гуркова 2000: 132]. Всушност, на извесен начин Шмельов нереферентните ИГ индиректно ги третира како генерично определени, бидејќи наведува дека она од што тргнува, основниот критериум, т.е. условот што треба да го исполнит некоја ИГ за да ја класификува во некоја од зададените категории е тоа дали таа упатува кон „конкретен, индивидуален објект или кон отворено, во принцип, неограничено множество објекти“ [Шмелев 1992: 277].

За да направи дистинкција меѓу референтната и атрибутивната употреба на именските групи, Шмельов го наведува примерот: *Самый опасный хищник живет в Африке* ('Најопасниот грабливец живее во Африка', за кој вели дека е подложен на две интерпретации – *самый опасный хищник* е референтна (заправо, генерична) ИГ, ако со неа се мисли на леопардот. Наспрема ова, ако говорителот не ја врзува содржината на ИГ со својствата на конкретна класа, кои не се исказани во описот, употребената ИГ е атрибутивна [*Ibid.*]. Практично, затоа Шмельов зборува и за „општородова ИГ“ (генерична) насспрема атрибутивна употреба, кога „говорителот не располага со какви било релевантни информации за индивидуализација на референтот, освен оние што ги соопштува во исказот“ [Шмелев 1992: 276].

Па, така, ако речеме: *Најпознатиот цезер живее во Америка*, можеме да мислим на некој конкретен цезер и ИГ да биде референтна и определена (специфична), но можеме определеноста да ја врземе само за карактеристиката што му е дадена на 'X' (икс) во исказот, па модifikаторот, кој е во атрибутска функција, да го ситуира овој пример во групата „атрибутивни“, според Шмельов. На овој начин уште еднаш доаѓа до израз egoцентричноста како карактеристика на определеноста.

Ваквите различни погледи и обиди за дефинирање на определеноста, како и за класификација на видовите определеност со референцијалните карактеристики на ИГ, се групираат околу степенот на индивидуализација на споменатиот елемент, т.е. степенот на познатост и издвоеност за учесниците во говорната ситуација, која нужно ги подразбира испраќачот и примачот на пораката, граматикализирани преку

[Шмелев 1992: 266–278] најмногу одговара на онаа на Л. Минова-Ѓуркова [2000: 119–137], каде што конкретната (кај Шмељов) е специфична референција, а генерализираната во еден свој дел ја опфаќа генеричната, односно, пред сè, се однесува на неа, а во друга на она што тој го нарекува „општоегзистенцијални ИГ“. Тука можеме да ја споменеме, како близка на генеричната, и нереферентната употреба. Тие се мошне блиски и во нивната интерпретација „има извесни разлики во третманот: некои автори сметаат дека се работи за генерична референција, а други – за отсуство на референција, за нереферентни ИГ, што е поприфатливо...“ [Минова-Ѓуркова 2000: 132]. Всушност, на извесен начин Шмељов нереферентните ИГ индиректно ги третира како генерично определени, бидејќи наведува дека она од што тргнува, основниот критериум, т.е. условот што треба да го исполнi некоја ИГ за да ја класификува во некоја од зададените категории е тоа дали таа упатува кон „конкретен, индивидуален објект или кон отворено, во принцип, неограничено множество објекти“ [Шмелев 1992: 277].

За да направи дистинкција меѓу референтната и атрибутивната употреба на именските групи, Шмељов го наведува примерот: *Самый опасный хищник живет в Африке* (‘Најопасниот грабливец живее во Африка’, за кој вели дека е подложен на две интерпретации – *самый опасный хищник* е референтна (заправо, генерична) ИГ, ако со неа се мисли на леопардот. Наспрема ова, ако говорителот не ја врзува содржината на ИГ со својствата на конкретна класа, кои не се искажани во описот, употребената ИГ е атрибутивна [*Ibid.*]. Практично, затоа Шмељов зборува и за „општородова ИГ“ (генерична) наспрема атрибутивна употреба, кога „говорителот не располага со какви било релевантни информации за индивидуализација на референтот, освен оние што ги соопштува во исказот“ [Шмелев 1992: 276].

Па, така, ако речеме: *Најпознатиот цезер живее во Америка*, можеме да мислим на некој конкретен цезер и ИГ да биде референтна и определена (специфична), но можеме определеноста да ја врземе само за карактеристиката што му е дадена на ‘X’ (икс) во исказот, па модifikаторот, кој е во атрибутска функција, да го ситуира овој пример во групата „атрибутивни“, според Шмељов. На овој начин уште еднаш доаѓа до израз егоцентричноста како карактеристика на определеноста.

Ваквите различни погледи и обиди за дефинирање на определеноста, како и за класификација на видовите определеност со референцијалните карактеристики на ИГ, се групираат околу степенот на индивидуализација на споменатиот елемент, т.е. степенот на познатост и издвоеност за учесниците во говорната ситуација, која нужно ги подразбира испраќачот и примачот на пораката, граматикализирани пре-

ку категоријата лице, со површински експоненти во лични заменки за прво и за второ лице, односно наставките за лица кај глаголите во личноглаголска форма.

Еден можен поглед кон генеричната референција е дека таа, *mutatis mutandis*, својот еквивалент го наоѓа во поимот и во значењето, како и во практичната примена на денотацијата. Од друга страна, можеме да претпоставиме апстракција кај денотацијата и сите елементи на денотираниот поим, во сферата на замисленото — да бидат дел од множеството што ќе може да се подведе под именителот — генерична референција.

Системот на старословенскиот јазик е лишен од граматикализиран начин за исказување на определеноста во именски групи немодификувани од придавка³. Во постканонскиот период, особено на јужнословенска почва, забележуваме тенденции кон развој на член.

„Развивањето на категоријата определеност може да се насети и од извесен број примери во кои формите од показните заменки тъ, онъ се во постпозиција, на пр. во *Шаф*: гласъ *ѡнъ* 10v, данилъ *ѡнъ* 32г, дръво *ѡнъ* 45v, смоковницъ *ѡнъ* 66v, во *Орб*: смоковница *ѡнъ* 102а. Примери со ваква употреба на показната заменка се забележани и во *Лобк*... Во однос на застапеноста на формите од показните заменки во ваква функција се забележува дека најчести се формите со заменката съ, па со онъ и отъ, додека формите со овъ речиси воопшто не се застапени. Со вокализацијата постпозитивно употребената показна заменка се спојува со претходната именка и претставува членска морфема..., во *Дбм*: обра́зъсъ 10г, родосъ 15v, гласосъ 162v, үлко́вѣ́сьсъ 24v, сто́дне́сьсъ 131v, работъ 80v, де́ньтъ 125г.“

За разлика од состојбата во старословенските текстови, во разгледуваниот црковнословенски корпус се забележуваат и примери на постпозитивна употреба на заменката во кос падеж во *Рад*: и аще не бы гостодъ съкратиль днии тѣхъ 132b/Mc13,20, во *Лобк*: прѣждѣ дъненъ онѣхъ 17г, въ жыцтѣхъ онѣхъ 141v, и положн каменъ ономоу 149г“ [Црвенковска, Макаријоска 2018, 16–17].

Во литературата речиси едногласно за прв писмено фиксиран пример на целосно развиен морфолошки врзан член во македонската редакција на црковнословенскиот се смета оној од Добрејшовото евангелие од XIII в. — զлъютъ րաբъ, бидејќи во него може да се види и карактеристиката членот да се појави кај првиот елемент од именската група⁴, односно тоа „ни покажува дека членската морфема *-от* се пренесувала веќе како посебен морфолошки елемент од именката на придавката (кон нејзината определена форма која сега станува само основа на членуваната придавска форма)“ [Конески 1996: 153].

³ Одделен предмет на интерес се модификуваните именски групи со придавка, зашто во адјективниот систем постојат долги и кратки — определени и неопределени форми.

⁴ Се работи за прв пример на целосна развиеност, но не и прв пример воопшто.

Сепак, тоа не е првиот пример на употреба на демонстратив во постпозиција и негово слевање со претходниот збор. На пример, во Асемановото евангелие од крајот на X или почетокот на XI век забележуваме:

- (2) *26. падъ же оубо работъ кланѣаше са гла. гн потрѣпн на мънѣ и въсѣ ти въздамъ. ѹ. многорѣдовавъ же гѣ раба того поусти и и длѣгъ отъпоустн емоу. ѹ. ишедъ же работ. обрѣте єдиного ѻ клемврѣтъ свонхъ.. [...] [Добр., Матеј 18, 26–28]*

Како што наведува Д. Пандев [2011: 10], една од морфолошките особености на Асемановото евангелие се токму „зачетоци[те] на членувани форми кај именките од машки род како резултат од вокализацијата на еровите во позиција на крајот на именката и пред показната заменка: **работъ**“.

Се разбира, тука не можеме да зборуваме за добро изградена и развиена парадигма, односно за каква било граматикализација, но јасно се гледа формалниот образ на подоцнежната регуларност. Може да се каже дека вакви членувани примери, „[...] од типот: **родось, обрадось, работъ, домотъ** и др. среќаваме уште во најстарите словенски писмени споменици од X и XI век...“ [Илиевски 1988: 118].

Доказ за обопштувањето на тврдата промена во почетокот на XIII век се и примерите од Добрејшовото евангелие (сп. [Конески 1996: 154]) – **стоуденецъсъ, денотъ**. И тука има простор да се реафирмира тврдењето дека се работи само за дистрибуциска варијанта на показните заменки – погорните примери тешко дека може семантички, т.е. категоријално да се третираат како форми со изграден член – но, делумен демант на ова тврдење доаѓа од употребата на анафорската заменка **нже, на же, ю же** како преводен еквивалент на грчкиот член: **нже ѹловък, на же слава, ю же небо**, иако тоа не се вклопувало во системот на старословенската синтакса [Мирчев 1953: 48]. Во таа смисла, К. Мирчев [Ibid., 45–50] влегува во суптилен дијалог со некои тврдења на Љ. Милетич за можноста од самостоен развој на членот и ја поддржува тезата (и) за нејзиниот балкански карактер. Отфрлувањето на прасловенскиот происход на членот е присутно и кај П. Хр. Илиевски [1988: 115–118], кој како причина за појавувањето го наведува, пред сè, феноменот на јазиците во контакт⁵, во овој случај во прв ред со грчкиот.

Од примерите јасно може да се увиди дека членот, макар и само како дистрибуциска варијанта на показните заменки (постпозиција, па вокализација на еровите и сраснување со претходниот збор) се јавува многу рано, додека синтетичката деклинација сè уште е мошне жива. По маке-

⁵ „...за два или повеќе јазици може да се каже дека се во контакт ако се користат едновремено од исти луѓе. Корисниците на јазикот се локусот на тој контакт“ [Weinreich 1970: 1].

донските дијалекти се забележуваат и примери со членски морфеми на кои се додадени падежните наставки: *старцатого*, *старцутому*, *старцитим*, во корчанскиот говор (в. кај Конески 1996: 152); односно, според Б. Видоески:

„остатоци од синтетичката деклинација на членските морфеми освен во горанскиот, скопскоцрногорскиот и кривопаланечкиот [...], се запазиле во живата реч уште во бобоштенскиот (корчанскиот) македонски говор и делумно во кумановскиот [...] ; [Д]ативната синтетичка форма од машки род може да се сртне уште во полноцрногорскиот и во југозападните костурски села, но веќе како лексикализирана особеност и во посесивни искази и тоа претежно кај личните имиња“ [Видоески 1999: 196–197].

Ова е делумен доказ на хипотеза дека членот се развиил додека морфолошките падежни наставки сè уште биле актуелни и дека тие коегзистирале, што може да се потврди преку дијалектните форми, во кои се среќава и едната и другата наставка.

Примерот од Добрешовото евангелие е мошне важен, бидејќи кај него се работи за членот употребен нереферентно, со извесна потенцијална специфична референција [сп. го примерот (3) и преводот од Библијата на современ македонски јазик, пр. (4)]:

(3) *аще ли рѣТЬ злънот рабъ въ ср҃цн своеМъ* [...] (Добр. Матеј XXIV, 48)

Интересно е што во современиот превод на Библијата на македонски во истиот стих се користат демонстративот *той*, наместо наставката *-ом*:

(4) 48 Ако, пак, *той* слуга е лош и си рече во ср҃цето свое [...]

Ваквата употреба во современиот јазик има своја паралела во примери од типот на:

(5) Да го видам *јунакот / той јунак* што ќе го реши проблемов.

(6) Ќе се најде ли *мажот / той маж* што ќе му се спротивстави.

Во сите овие примери членот се употребува како позициска варијанта на демонстративите и речиси без проблем може да се замени членската постпозитивна морфема со соодветната показна заменка од која потекнува. Тоа го ограничува членот на деиксис и, особено, на ендофорично ситуирање во просторот, во смисла на упатувањето назад (меѓу другото и поради тоа што нема текст без анафора, а демонстративите фреквентно се користат за такво упатување). Отсъството на примери со генерична и ситуациска референција речиси до XIX век, според текстовите од македонската редакција на црковнословенското што ги имавме предвид,

покажува отсуство на граматикализација⁶ на членот во македонскиот сè до јазикот на Пејчиновиќ и Крчовски, земен како парадигма на деветнаесеттовековното просветителство во македонски контекст. Имено, дури и дамаскините, пред сè, во Крнишкиот и во Киевскиот дамаскин, каде што јасно се гледа навлегувањето на народниот јазик (сп. Илиевски 1972; 1988; Илиевски, Илиевска 2015), не може да се издвои таков пример. Се насочуваме кон Тиквешкиот зборник, особено на Физиологот. Се работи за превод/адаптација на текст што е „анонимно дело, напишано на грчки јазик во ранохристијанскиот период (најдоцна во IV в.), во кое на алегоричен начин се зборува за разни животни, билки и минерали“ (сп. [Поп-Атанасов 1989: 289]. Со оглед на тоа што животните се внесуваат со нивните општи (генерични) својства, интересно е да направиме споредба со современата состојба во јазикот, каде што во таквите случаи би се појавил членот со неговото генерично значење, односно во именски групи со генерична референција⁷.

- (7) *З’б’р* јест в пустинах и не пијет води...
- (8) *Идроп* јест в мори всем рибам војевда.
- (9) *Орел* јест всем птицам цар и живет т једин...
- (10) СЛОВО ЗА ДЕТЛА / *Дет* јест пастра птица.
- (11) *Голуб* јест мека птица.
- (12) *Змија* јест лјута вешт парaje всех вешт.
- (13) *Паун* јест лепа вешт.

наспрема, во современиот јазик:

- (14) *Орелом* е грабливец.
- (15) *Змијата* е опасно животно.

Од погорните примери јасно е дека генеричната референција останува

⁶ Под граматикализација го имаме предвид, како што наведува К. Леман, сфаќањето на „Лајонс [кој] конзистентно го користи изразот ‘х е граматикализиран во јазикот Ј’ само ако х е семантичка категорија што е претставена со граматичка категорија во Ј“ [Lehman 2002: 10].

⁷ Примерите во современа транскрипција се според Страници од средновековната книжевност [Антиќ, Поленаковиќ 1978].

И покрај тоа што текстовите од овој период, главно, се под влијание на постарите ракописи и на црковнословенската традиција, каде што живо се користи целосната деклинациска парадигма, сепак, некористењето на членот во ваквите контексти не може сосема да се врзе со пишаната традиција: во ракописите членот се користи во другите негови значења и употреби.

во функционалното поле на нечленуваните именски групи. Примерите што се појавуваат во Тиквешкиот зборник (в. [Пандев 1984: 63–65]), најчесто го носат значењето на деиксисот (просторна определба /+блиску/ или /+далеку/), односно — покрај дисталноста и проксималноста — употреба за деиксис *sensu lato*, т. е. земајќи го текстот како простор во смисла на анафората:

- (16) *повели аглоу прѣстами ѡнои дии. и то^м ч^са прѣдѣсташе посрѣдъ и позна диш”тмаа.* [Пандев 1984: 64]

Ако генеричноста, *ex definitione*, се коси со членот и ако се појавува доцна во македонскиот јазичен простор, се поставува прашањето на причините и начинот на нејзиното појавување воопшто. Постојат две можни толкувања зошто се појавува членот кај генеричните примери, кои можат да се наречат, условно, *сintаксичко* и *семантичко* (сп. [Тополињска 1982; Карапејовски 2017; Idem 2018a; Idem 2018b]).

Синтаксичкото подразбира поголем акцент кон тематско-рематската структура на реченицата, прагматиката и принципот на аналогијата во врска со познатоста на субјектот, кој вообичаено оди на почетокот на реченицата, пред предикатот и пред објектот. Претпоставуваме дека, ако нешто стои во иницијална позиција во реченицата и е тема, тогаш добива член, независно дали навистина има (= употребено е *in suppositio formalis*) или нема свој референт во стварноста (сп. [Карапејовски 2017; Теунисен 1984; Тополињска 1982]).

Семантичкото толкување вели дека поим/множество означено генерично се подложува на идентификација како и секој член на множеството. Ergo, синтагмата што го посочува добива член.

„Едно множество и/или еден поим посочен со генеричка синтагма, на ист начин како и секој индивидуализиран елемент на множеството (денотат на поимот), се подложува на идентификација и следствено синтагмата што го посочува може да се појави во текстот со соодветен членски оператор“ [Тополињска 1982: 708].

Се очекува дека и контекстот игра извесна улога, а аналогијата се согледува и од бугарските примери на Младенова [Mladenova 2007: 125]⁸:

- (17) *Дръжката на лопатата се счупи.*

- (18) *Дръжката на лопатата се прави от буково дърво.*

каде што може да се претпостави дека по аналогија од (17) — специфич-

⁸ Тука ги предаваме во кирилична транслитерација. Оригиналот е на латиница:
Družkata na lopatata se sčupi. Družkata na lopatata se pravi ot bukovo dřívо.

на определеност, членот се појавува и во (18) — генерична определеност. Дури и ако го немаме предвид поширокиот контекст, самото глаголско дејство во овие изолирани реченици (аорист : презент) станува — контекст.

Во основата, ние го прифаќаме т.н. синтаксичко толкување на појавувањето на членот во генерично определени именски групи, односно воздејството на принципот на аналогијата: во јазиците што немаат морфолошки падеж, како македонскиот⁹, редот на зборовите има поголем степен на фиксност или барем на очекуваност. Па, така, најчесто подметот се наоѓа во позиција пред предикатот. Со оглед на тоа што подметот е, обично, вршител на дејството и тој е познат, т.е. е тема во актуелното расчленување, а членот го означува познатото (пред сè, но не само тоа), логично е тој да добие член. Па, сега, и сите други именски групи во таа позиција добиваат член, дури и да не се специфично определени.

(19) **Доктором** ме прегледа.

(20) **Докторите** се хумани луѓе.

Во примерот (19) се работи, надвор од контекст, за ситуациска определеност — единствениот доктор што се наоѓа во конкретниот контекст / конситуација ('тој доктор што беше на смена тој ден / што беше во болницаата..., ме прегледа'). Во примерот (20), пак, се работи за генерична определеност ('ако е доктор, тогаш е хуман човек'; 'кој било доктор / секој доктор е хуман човек'). Кога би ја замениле соодветната членска морфема со нејзиниот парник во системот на демонстративите, ќе се види дека показните заменки се блокирани во однос на исказувањето генерична референција, па нивната евентуална употреба ќе ја изменат семантичката парафраза на исказите¹⁰:

(21) **Toј доктор** ме прегледа.

(22) **Тие доктори** се хумани луѓе.

И во двата примера ((21) и (22)) јасно се ограничува референцијата и од ситуациска/генерична преминува во специфична или, пак, анафорски се определуваат именските групи ('onoј доктор за кој зборувавме / што го споменавме претходно, ме прегледа'; 'тие доктори за кои зборувавме / ги знаевме, се хумани луѓе').

Тргајќи од вообичаената претпоставка дека во најголемиот број

⁹ Во македонскиот отсуствува морфолошкиот падеж во именскиот систем, освен остатоците за датив и акузатив, како и *casus generalis* (формално еднаков со долгата акузативна форма, кој оди со предлози) кај личните заменки.

¹⁰ За повеќе в. [Карапејовски 2017].

случаи субјектот е тема, особено кога е во иницијална позиција во реченицата, а темата е позната, идентификувана, тој реченичен член добива и маркер за определеност во вид на членска морфема, дури и кога семантички не му „следува“:

(23) *Луѓето живеат на Земјата.*

Примерот (23) може да добие адверсативно дополнение во вид на конструктирање: *...а не на Марс*, па може да се претпостави дека *Земјата* е рема. Темата *луѓето* реферира генерично, на цел род. Како што споменавме претходно, идентификацијата на родот е условна, ние немаме вистински издвоен, единствен референт. Затоа можеме да претпоставиме дека тезата на Тополињска [1981], за која ние се изјасниме претходно [Карапејовски 2017; Idem 2018a; Idem 2018б], дека во индикативна иницијална ненегирана субјектна позиција членот е речиси задолжителен по аналогија, веројатно е најлогичното и најточно решение за проблемот со појавата на членот кај генеричната референција.

Во прилог на ова оди и тезата дека, при варирање на позицијата на субјектот и неговата промена од вообичаената иницијална во финална, на пример, членот ќе се изгуби, неговата употреба нема да биде можна, па примерот (24), *mutatis mutandis*, ќе гласи:

(24) *На Земјата живеат луѓе.*

Такви се и примерите од типот на:

(25) *Студенти(me) прават револуции.*

(26) *Револуции прават студенти.*

(27) *Главата ме боли (од тебе).*

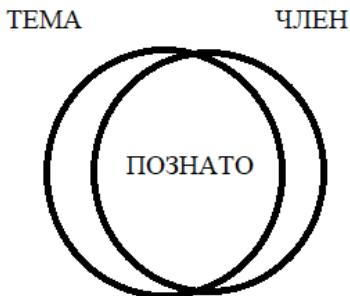
(28) *Ме боли глава(ta).*

И покрај тоа што се работи и за посесивност (својата) и за нешто што е единствено и еднозначно идентификувано, па затоа и деловите од телото, според нормата одат со член, сепак, разговорниот стандард покажува речиси целосно отсуство на овој маркер кај помладите генерации, особено во наддијалектот на Скопје. Но, дури и кај таквите говорители, кои во други позиции, како во (28), би го испуштиле членот, речиси без исклучок не можат да го направат тоа, од синтаксички причини, во примерот (27).

Во овој правец одат и забележувањата на Теунисен [1984], која тргнува од вообичаената претпоставка за врзување на членот со темата. Таа акцентот го става на тоа дека дефинирањето на членот и дефини-

рањето на темата се пресекуваат:

„Зборовите се членуваат кога означуваат некој познат, определен предмет. А за темата во повеќето случаи важи истото: Темата на реченицата е нешто што е веќе познато“ [Теунисен 1984: 45].

Па, така,

„темата на реченицата треба да е членувана (се разбира, ако е тоа возможно, ако не постојат граматички причини поради кои членувањето е исклучено); членот би можел да биде формален признак на темата, значи едно од средствата за изразување на комуникативното расленување“ [Теунисен 1984: 45].

Во тој контекст може да се толкува и дефинирањето на членот од Падучева [1981] (сп. кај [Боронникова 2002: 6]) како „актуализатор на денотативниот статус“: апстрактизацијата на поимот се конкретизира, тој станува актуелен, „јазикот станува говор“ (Бали кај Боронникова, [Ibid.]); денотатот, т. е. поимот „оживува“, се актуализира преку референт (макар толкуван и генерично – секој елемент од множеството, бидејќи сите тие постојат како реални единици) и станува предмет (физички или на мислата, сеедно).

Ако ги земеме предвид наведените примери од Теунисен:

- (29) *Убавата жена пее.*
- (30) *Една убава жена пее.*
- (31) *Убава жена пее.*

ќе се дојде до заклучокот што го споделуваат со Иванчев: ако субјектот е тема, мора да биде членуван. Ако не е, тогаш се употребува *еден/некој*, но може да биде тема само во иницијална позиција, т.е. ако примерот (30) се трансформира во:

- (32) *Пее **една** убава жена.*

тогаш нечленуваниот субјект станува рема. Збороредот и членот, кои за Теунисен (сп. [Теунисен 1984: 46]) се двете средства за обележување на темата, тука се дополнуваат.

Примерот (31) покажува дека темата треба да се бара кај *ne*, а не кај субјектот (*убава жена*), па по погорниот тест, со адверсативно надополнување оваа реченица би гласела:

(33) *Убава жена пее... а не маж; а не неубава... итн.*

Третата варијанта што ја наведува Теунисен [1984: 47] ја поставува членуваната тема субјект или како тема или како дел од комплексна рема. Во примерот:

(34) *На ливадите беше рамно, широко и убаво. Покрај нив течеше реката.*

или, пак:

(35) *Војниците дојдоа.*

(36) *Дојдоа војниците.*

сосема јасна е работата во примерот (35), во кој субјектот е тема. Но, примерите (34) и (36) покажуваат дека е можно субјектот што е членуван да биде рема, но во специјални услови — кога реченицата е нерасчленета, односно целата е рема, бидејќи во примерот (36) Теунисен претполага одговор на прашањето: *Што се случи?* Исто и кај (34), каде што ремата се наоѓа кај „течеше реката“. Ова наведува на нејзиниот заклучок дека темата субјект е секогаш членувана. Членуваниот субјект не може да биде рема самостојно, туку е дел од комплексна рема — покрај кај подметот, ремата треба да се бара и на некое друго место. Кај О. Мишеска-Томиќ се наоѓа и тврдењето дека

„тематски номиналните изрази што се во почетокот на реченицата, по правило, се определени (било да се лексички определени како такви или не), испитувачите на јазикот заклучуваат дека во јазиците кои немаат лексеми што одбележуваат определеност, почетната положба во реченицата означува определеност, а поглаголската положба неопределена. Овој заклучок, меѓутоа, е резултат на коинциденција. Редот на зборовите не обележува определеност, тој само корелира со неа“ [Мишеска-Томиќ 1977: 93].

Во употребата на експонентите се појавува и почнува силно да влијае врз дистрибуцијата (се разбира, и врз значењето) и комуникациската структура на реченицата. Логично е да се претпостави дека актуелното реченично расчленување бара член кај познатото, кај темата, а таков индикатор може да отсуствува кај новото, кај ремата. Членот, како што

видовме, сепак, може да биде и дел од рема, ако се работи за нерасчленената реченица или, пак, ако е таа комплексна по својата структура и пројава (зада́ка повеќе елементи, освен членуваната именска група).

Библиографија

Антиќ, Поленаковиќ 1978

Антиќ В., Поленаковиќ Х., *Страници од средновековната книжевност*, Скопје, 1978.

Боронникова 2002

Боронникова Н. В., *Функционалниот анализ семантики артикля* (дисертација на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Пермь, 2002).

Видоески 1999

Видоески Б., *Дијалектите на македонскиот јазик*. З, Скопје, 1999.

Георгиев 1999

Георгиев Ст., *Морфология на българския книжовен език*, В. Търново, 1999.

Илиевски 1972

Илиевски П. Хр., *Крчински дамаскин*, Скопје, 1972.

— 1988

Илиевски П. Хр., *Балканолошки лингвистички студии*, Скопје, 1988.

Илиевски, Илиевска 2015

Илиевски П. Хр., Илиевска Кр., *Киевски дамаскин*, Скопје, 2015.

Карапејовски 2017

Карапејовски Б., Показните заменки наспрема морфолошки врзаниот член како експоненти на категоријата определеност во македонскиот јазик, *Прилози на Одделението за лингвистика и литературна наука на МАНУ = Contributions. Section of Linguistics and Literary Science*, 42/1–2, 2017, 5–18.

— 2018a

Карапејовски Б., *Јазикот и стварноста: дистрибуцијата на заменските клитики во македонскиот јазик*, Скопје, 2018.

— 2018b

Карапејовски Б., Една можна класификација на експонентите на неопределеноста во македонскиот јазик = A possible classification of indefiniteness exponents in Macedonian, *Slavia Meridionalis*, 18, 2018.

Конески 1996

Конески Бл., *Историја на македонскиот јазик*, Скопје, 1996 [1986].

— 1999

Конески Бл., *Граматика на македонскиот литературен јазик*, Скопје, 1999 [1982].

Минова-Ѓуркова 2000

Минова-Ѓуркова Л., *Синтакса на македонскиот стандарден јазик*, Скопје, 2000.

Мирчев 1953

Мирчев К., Кога възниква членната форма в българския език, *Български език*, 1, 1953, 45–50.

Мишеска-Томиќ 1977

Мишеска-Томиќ О., За комуникативната перспектива, *Годишен зборник на Филолошкиот факултет*, 3, 1977, 73–98.

Падучева 2010

Падучева Е. В., *Высказывание и его соотнесенность с действительностью* (Референциальные аспекты семантики местоимений), Москва, 2010.

— 2019

Падучева Е. В., *Эгоцентрические единицы языка*, 2-е изд. (= *Studio philologica*), Москва, 2019.

Пандев 1984

Пандев Д., *Тиквешки зборник – лингвистичка анализа* (магистерски труд, Скопје, 1984).

— 2011

Пандев Д., *Македонска хрестоматија*, Скопје, 2011.

Поп-Атанасов 1989

Поп-Атанасов Г., *Речник на старата македонска литература*, Скопје, 1989.

Теунисен 1984

Теунисен М., Улогата на членот при комуникативното и синтаксичкото раслојување на реченицата, *X научна дискусија на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура*, Скопје, 1984.

Тополињска 1974

Тополињска З., *Граматика на именската фраза во македонскиот литературен јазик*, Скопје, 1974.

— 1982

Тополињска З., Мак. еден – неопределен член? *Македонски јазик*, 32–33 (1981–1982), 1982, 705–715.

Црвенковска, Макаријоска 2018

Црвенковска Е., Макаријоска Л., Заменските форми во црковнословенските ракописи од македонска редакција, *Реферати на македонските слависти на XVI меѓународен славистички конгрес во Белград, Република Србија, август 2018 година (специјално издание)*, Скопје, 2018, 5–28.

Шмелев 1992

Шмелев А. Д., Определенность–неопределенность в аспекте теории референции, А. В. Бондарко, ред., *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность*, С.-Петербург, 1992, 266–278.

Aguilar-Guevara et al. 2019

Aguilar-Guevara A., Pozas Loyo J., Vázquez-Rojas Maldonado B., eds., *Definiteness across languages* (= *Studies in Diversity Linguistics*, 25), Berlin, 2019.

Jakobson 1960

Jakobson R., *Linguistics and poetics, Style in Language*, New York, 1960.

Karlić 2011

Karlić V., Категорија (не)одређености у хrvatskom i makedonskom jeziku, G. Kalogjera, ed., *Zbornik radova s Međunarodnog znanstvenog skupa Hrvatsko-makedonske književne, jezične i kulturne veze održanog u Rijeci od 23. do 25. ožujka 2011*, Rijeka, 2011, 319–332.

Kierkegaard 1992

Kierkegaard S., *Concluding unscientific postscript to philosophical fragments*, Princeton, 1992.

Krámský 1972

Krámský J., *The article and the Concept of Definiteness in Language*, Hague, Paris, 1972.

Lehman 2002

Lehman C., *Thoughts on grammaticalization*, 2nd ed. (= *Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt*, 9), Erfurt, 2002.

Lyons 1977

Lyons J., *Semantics*, 1, Cambridge, 1977.

Matthews 2005

Matthews P. H., *The concise Oxford dictionary of linguistics*, Oxford, 2008.

Mladenova 2007

Mladenova O., *Definiteness in Bulgarian: Modelling the processes of language change*, Berlin, New York, 2007.

Sosir 2004

Sosir F., *Spisi iz opšte lingvistike* (= Biblioteka Theoria), Sremski Karlovci, Novi Sad, 2004.

Weinreich 1970

Weinreich U., *Languages in Contact*, The Hague, Paris, 1970.

Boban Karapejovski

Ss. Cyril and Methodius University in Skopje

The Development of the Postpositive Morphological Article in Macedonian as an Exponent of Generic Reference

Abstract

The postpositive morphological article is a main exponent of the grammatical category of definiteness, alongside demonstrative pronouns, in Macedonian. Yet, there are types of definiteness where the article has specialized and has become the only instrument that can be used to mark the corresponding reference. Understanding of how something is identified, abstracted, defined, determined etc., is subjective and is within the act of communication, hence, the definiteness, sensu lato, and the article, sensu stricto, can be marked as egocentric units of the language (egocentricks). Contrary to that, the generalness, which means indication to a set as a whole, i.e., genus, grosso modo, excludes the article as an exponent of definiteness taken as a set of a finite number of elements that can be identified. Historical development of the article shows that the article was the last to occur as an indicator in this type of reference, and it was influenced by syntactic and pragmatic factors: the structure of the sentence and the current sentence layering, i.e., theme-rheme structure of the utterance.

Keywords

definiteness, article, reference, generic reference, exponents

References

Aguilar-Guevara A., Pozas Loyo J., Vázquez-Rojas Maldonado B., eds., *Definiteness across languages* (= Studies in Diversity Linguistics, 25), Berlin, 2019.

Antík V., Polenakovík H., *Stranici od srednovekovnata kniževnost*, Skopje, 1978.

Crvenkovska E., Makarijoska L., Zamenskite formi vo crkovnoslovenskite rakopisi od makedon-

ska redakcija, *Referati na makedonskite slavisti na XVI međunaroden slavistički kongres vo Belgrad, Republika Srbija, avgust 2018 godina (specijalno izdanie)*, Skopje, 2018, 5–28.

Georgiev St., *Morfologija na būlgarskiia knizhoven ezik*, V. Tarnovo, 1999.

Glovacki-Bernardi Z. et al., *Uvod u lingvistiku*, Zagreb, 2007.

- Ilievski P. Hr., *Balkanološki lingvistički studii*, Skopje, 1988.
- Ilievski P. Hr., Ilievski P., *Kievski damaskin*, Skopje, 2015.
- Ilievski P. Hr., *Krninski damaskin*, Skopje, 1972.
- Jakobson R., Linguistics and poetics, *Style in Language*, New York, 1960.
- Karapejovski B., Pokaznite zamenki nasprema morfološki vrzaniot člen kako eksponenti na kategorijata opredelenost vo makedonskiot jazik, *Prilozi na Oddelenieto za lingvistika i literaturna nauka na MANU = Contributions. Section of Linguistics and Literary Science*, 42/1–2, 2017, 5–18.
- Karapejovski B., A possible classification of indefiniteness exponents in Macedonian, *Slavia Meridionalis*, 18, 2018.
- Karapejovski B., *Jazikot i stvarnost: distribucijata na zamenenskite klitiki vo makedonskiot jazik*, Skopje, 2018.
- Karlić V., Kategorija (ne)određenosti u hrvatskom i makedonskom jeziku, G. Kalogjera, ed., *Zbornik radova s Međunarodnog znanstvenog skupa Hrvatsko-makedonske književne, jezične i kulturne veze održanog u Rijeci od 23. do 25. ožujka 2011*, Rijeka, 2011, 319–332.
- Kierkegaard S., *Concluding unscientific postscript to philosophical fragments*, Princeton, 1992.
- Koneski Bl., *Gramatika na makedonskiot literaturni jazik*, Skopje, 1999 [1982].
- Koneski Bl., *Istorija na makedonskiot jazik*, Skopje, 1996 [1986].
- Krámský J., *The article and the Concept of Definiteness in Language*, Hague, Paris, 1972.
- Lehman C., *Thoughts on grammaticalization*, 2nd ed. (= Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt, 9), Erfurt, 2002.
- Lyons J., *Semantics*, 1, Cambridge, 1977.
- Matthews P. H., *The concise Oxford dictionary of linguistics*, Oxford, 2008.
- Minova-Ćurkova L., *Sintaksa na makedonskiot standarden jazik*, Skopje, 2000.
- Mirtschew K., Koga vúznikva chlennata forma v búlgarskiia ezik, *Balgarski ezik*, 1, 1953, 45–50.
- Mišeska-Tomik O., Za komunikativnata perspektiva, *Godišen zbornik na Filološkiot fakultet*, 3, 1977, 73–98.
- Mladenova O., *Definiteness in Bulgarian: Modelling the processes of language change*, Berlin, New York, 2007.
- Paducheva E. V., *Egotsentricheskie edinitsy iazyka*, 2nd ed. (= Studia philologica), Moscow, 2019.
- Paducheva E. V., *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu (Referential'nye aspekty semantiki mestoiemenni)*, Moscow, 2010.
- Pandev D., *Makedonska hrestomatija*, Skopje, 2011.
- Pop-Atanasov G., *Rečnik na starata makedonska literatura*, Skopje, 1989.
- Shmelev A. D., Opredelenost'-neopredelenost' v aspekti teoriji referentsii, A. V. Bondarko, ed., *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Sub"ektnost'. Ob"ektnost'. Kommunikativnaia perspektiva vyskazyvaniia. Opredelenost' / neopredelenost'*, St. Petersburg, 1992, 266–278.
- Sosir F., *Spisi iz opšte lingvistike* (= Biblioteka Theorija), Sremski Karlovci, Novi Sad, 2004.
- Teunisem M., Ulogata na členot pri komunikativnoto i sintaksičkoto raslojuvanje na rečenicata, *X naučna diskusija na Međunarodni seminar za makedonski jazik, literatura i kultura*, Skopje, 1984.
- Topolinjska Z., *Gramatika na imenskata fraza vo makedonskiot literaturni jazik*, Skopje, 1974.
- Topolinjska Z., Mak. eden – neopredelen člen? *Makedonski jazik*, 32–33 (1981–1982), 1982, 705–715.
- Vidoeski B., *Dijalektite na makedonskiot jazik*, 3, Skopje, 1999.
- Weinreich U., *Languages in Contact*, The Hague, Paris, 1970.

Бобан Карапејовски

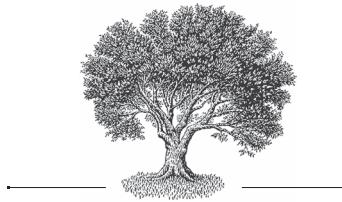
Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје, Филолошки факултет „Блаже Конески“

д-р по хуманистички науки — македонски јазик и лингвистика, доцент

Бул. Гоце Делчев, 9а, Скопје, Македонија

karapecjovski@flf.ukim.edu.mk

Received February 13, 2021

Сыновья Всеслава Брячиславича. Стратегия и порядок имянаречения*

Vseslav
Bryachislavich's Sons.
Strategy and the
Order of Name-giving

**Антон Михайлович
Введенский**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»;
С.-Петербургский институт истории РАН,
С.-Петербург, Россия

Anton M. Vvedenskiy

HSE University;
St. Petersburg Institute of History
of Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Статья посвящена важному дискуссионному вопросу о старшинстве сыновей полоцкого князя Всеслава Брячиславича. В статье высказывается гипотеза, что Всеслав Брячиславич нарек своих старших сыновей в честь Бориса и Глеба — сыновей Владимира Святославича. Борис и Глеб Владимировичи обладали не только династическими именами, но и крестильными (Роман и Давыд). В имянаречении своих сыновей Всеслав Брячиславич использовал «логичную» последовательность — назвав первых двух своих сыновей династическими именами Владимировичей, а третьего и четвертого — их крестильными именами (Роман и Давыд). В статье также высказывается гипотеза о том, что у Всеслава Брячиславича не было сына по имени Рогво-

* Автор выражает благодарность Ф. Б. Успенскому за ценные рекомендации и советы.

Цитирование: Введенский А. М. Сыновья Всеслава Брячиславича. Стратегия и порядок имянаречения // Slověne. 2022. Vol. 11, № 2. С. 264–277.

Citation: Vvedenskiy A. M. (2022) Vseslav Bryachislavich's Sons. Strategy and the Order of Name-giving. *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 264–277.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.12

лод. Все летописные контексты, в которых исследователи склонны видеть сына Всеслава с таким именем, относятся к внуку Всеслава — Рогволоду Борисовичу.

Ключевые слова

Полоцк, Всеслав Брячиславич, имянаречение, Рогволод Борисович, Борис и Глеб, Святослав Ярославич, Борис Всеславич, Глеб Всеславич

Abstract

The article is devoted to the issue of the seniority of the sons of the Polotsk prince Vseslav Bryachislavich. The article hypothesizes that Vseslav Bryachislavich named his eldest sons in honor of Boris and Gleb—the sons of prince Vladimir Svyatoslavich. Boris and Gleb Vladimirovich had not only dynastic names, but also baptismal names—Roman and Davyd. Vseslav Bryachislavich named his first two sons the dynastic names of the Vladimirovichs (Boris, Gleb), and the third and fourth—their baptismal names (Roman, Davyd). The article also hypothesizes that Vseslav Bryachislavich did not have a son named Rogvolod. All chronicle contexts in which researchers tend to see Vseslav's son with that name refer to Vseslav's grandson, Rogvolod Borisovich.

Keywords

Polotsk, Vseslav Bryachislavich, name-giving, Rogvolod Borisovich, Boris and Gleb, Svyatoslav Yaroslavich, Boris Vseslavich, Gleb Vseslavich

Всеслав Брячиславич — правнук Владимира Святославича — стал полоцким князем в 1044 г. после смерти своего отца Брячислава Изяславича и правил Полоцкой землей до самой своей смерти, которая наступила в 1101 г. О вокняжении и смерти князя сообщает Лаврентьевская летопись: «В се же лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимеръ, отецъ Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его» [ПСРЛ, 1: 155]. «Преставися Всеславъ Половыцьскии князъ мѣсяца апреля въ 14 день, въ 9 час дьне в среду» [Ibid.: 274]. Год же рождения князя нам неизвестен.

Скудные источники ничего не сообщают ни о женах Всеслава, ни о его дочерях. Зато точно известно, что у Всеслава было несколько сыновей, однако вопрос об их количестве и старшинстве остается в историографии дискуссионным [Рапов 1977: 54]. Летопись называет следующие имена сыновей Всеслава: Рогволод, Борис, Глеб, Роман, Давыд, Святослав, Ростислав. Однако количество имен не сообщает о количестве их носителей. Связано это с тем, что в домонгольской Руси князья почти всегда носили два имени — родовое и христианское (см.: [Литвина, Успенский 2006: 11–30]).

В историографии существуют различные точки зрения, сколько сыновей скрывается под этими именами. Как известно, сыновей Владимира Святого, погибших в братоубийственной войне 1015–1019 гг., звали Борис и Глеб. Они также носили и христианские имена, соответственно Роман и Давыд. В связи с наличием в ономастиконе сыновей Всеслава всех четырех имен (Борис, Роман, Глеб, Давыд) высказывалась даже точка зрения о том, что один из сыновей Всеслава носил имя Борис-Роман, как и сын Владимира Святого [Янин 1960: 130]. Это ошибка исследователя, так как Борис Всеславич и Роман Всеславич, безусловно, разные люди, ведь по свидетельству летописей они умерли в разные годы (см. ниже).

Поздняя Густынская летопись сообщает, что второе имя Бориса было Рогволод [ПСРЛ, 40: 301]. Поэтому большинство исследователей считало, что вторым именем Бориса было Рогволод, а не какое-то иное [Алексеев 1966: 252; Рапов 1977: 56].

Однако А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский показали, что синтаксически конструкция Густынской летописи нехарактерна «для древнейших летописных памятников», что скорее всего говорит о конструировании данного сообщения составителем летописи [Литвина, Успенский 2006: 273–274]. Как показали исследователи, Борис Всеславич не мог носить второго имени Рогволод, так как у Бориса Всеславича был сын с именем Рогволод, а в XI–XII вв. Рюриковичи никогда не нарекали сына именем здравствующего отца [Ibid.: 267–269].

Данные наблюдения позволяют предполагать, что у Всеслава Брячиславича было семь сыновей. Однако вопрос о существовании Рогволода Всеславича остается спорным. Связано это с тем, что во всех известных нам свидетельствах о Рогволоде нет ни одного, которое бы достоверно сообщало именно о сыне Всеслава, а не о его внуке — Рогволоде Борисовиче.

Рассмотрим эти свидетельства. Лаврентьевская летопись в конце летописной статьи 1127 г. сообщает: «И тако пополочане сътснувшеси, выгнаша Давыда и с сынъми и поемше Роговолода идоша къ Мстиславу просяще и собѣ князем и створи волю ихъ Мстиславъ и поимше Роговолода, ведоша и Полотьску» [ПСРЛ, 1: 299]. В начале следующей летописной статьи 1128 г. читаем: «Преставися князь Полотьский Борис» [Ibid.: 299]. Ипатьевская летопись вторит сообщению Лаврентьевской, а под 1129 г. в той же Ипатьевской сообщается о смерти Бориса Всеславича [ПСРЛ, 2: 289].

Большинство исследователей, считавших, что Борис и Рогволод являются одним и тем же лицом, полагали, что летопись сообщает о приглашении в Полоцк Бориса-Рогволода Всеславича на место Давыда

Всеславича, а в следующей годовой статье — о смерти Бориса-Рогволода (к примеру, [Рапов 1977: 56; Войтович 2006: 283–284]). Так как упоминаемый Рогволод не является Борисом, то встает вопрос о том, кого пригласили жители Полоцка к себе на княжение.

По летописным данным получается, что Давыд Всеславич был полоцким князем при живом Борисе Всеславиче, а потом, также до смерти Бориса, править стал Рогволод. В летописях нет никаких указаний о начале правления Давыда Всеславича в Полоцке, что заставляет исследователей гадать о начале правления Давыда Всеславича.

Л. В. Алексеев считал, что Давыд был старшим сыном Всеслава, и поэтому правил после его смерти с 1101 до 1128 г. [Алексеев 1966: 252]. Однако в этом утверждении видится противоречие, так как, во-первых, в сообщении о смерти Бориса Всеславича он назван полоцким князем, а во-вторых, в «Хождении игумена Даниила»² в списке князей, правивших в различных русских городах, фигурирует князь Борис Всеславич, находящийся на предпоследнем месте списка. Нет никаких сомнений, что речь идет о Борисе Всеславиче Полоцком, так как после него, последним, указан его брат «Глеб Минский» [Янин 1960: 125]. Следовательно, Борис Всеславич был полоцким князем, во всяком случае, в какой-то период первого двадцатилетия XII в. Вполне можно предположить, что Борис правил Полоцком после смерти Всеслава Брячиславича, а упоминание под 1127 г. Давида Всеславича свидетельствует о приглашении его полочанами, скорее всего, из-за болезни Бориса, который не мог управлять княжеством. Однако отношения полочан с братом Бориса не сложились, и они, выгнав его, пригласили то ли другого сына Всеслава, то ли сына самого Бориса.

Если считать, что приглашен был Рогволод Всеславич, то это первое и последнее упоминание о нем в летописи. О смерти Бориса, Глеба и Романа летописцы сообщают, а о судьбе трех других — Давыда, Святослава и Ростислава, после высылки их в Византию в 1129 г., ничего не известно. Если Рогволод не был выслан в Византию, то почему о нем ничего больше не сообщают летописи? Если же он был выслан, почему он не упомянут среди других высланных сыновей Всеслава?

Если же предположить, что жители Полоцка призвали к себе Рогволода Борисовича, то это вполне вписывается в логику происходящего. Давыд, призванный заменить по «лестничному» принципу, скорее всего, смертельно больного Бориса, пришелся не ко двору, и жители По-

² Поездка игумена Даниила в Палестину имела место не раньше 1104 г., так как Даниил посетил Акру, которая была отвоевана христианами лишь в 1104 г., наличие же в списках русских князей на первом месте Святополка Изяславича, который умер в 1113 г., свидетельствует о том, что поездка Даниила в Иерусалим началась до смерти князя.

лоцка решили пригласить сына Бориса, который, вероятно, был князем в одном из городов Полоцкой земли.

Под 1128 г. Лаврентьевская и под 1130 г. Ипатьевская летописи сообщают об отправке полоцких князей в Константинополь с женами и детьми, но не упоминают имен [ПСРЛ, 1: 301; ПСРЛ, 2: 293].

Под 1140 г. Ипатьевская летопись рассказывает еще раз о том, что в Византию были отправлены полоцкие князья. Среди высланных упомянуты три сына Всеслава Брячиславича и «Рогъволодича два» [ПСРЛ, 2: 300]. В Московском своде 1479 г. (далее — МС) оба свидетельства Ипатьевской летописи читаются под 1129 г., причем, в отличие от Ипатьевской, МС сообщает имена Рогволодичей — Василий и Иван [ПСРЛ, 25: 31].

Кто же эти Рогволодичи — сыновья Рогволода Всеславича или Рогволода Борисовича?

Большинство исследователей считали упомянутых Рогволодичей сыновьями Рогволода-Бориса, а Василия его сыном Рогволодом-Василием (к примеру, [Флоря 1995: 113]). Но теперь становится ясно, что Василий и Иван могут быть либо сыновьями Рогволода-Василия Борисовича, либо его двоюродными братьями.

На мой взгляд, в пользу того, что Иван и Василий — дети Рогволода-Василия Борисовича, свидетельствует летописное сообщения об отправке полоцких князей, где сказано, что трех сыновей Всеслава выслали в Византию на трех кораблях с женами и детьми, т. е. для двух Рогволодичей не было предусмотрено отдельных кораблей, что, скорее всего, говорит об их малом возрасте и отсутствии у них жен и детей, в отличие от сыновей Всеслава.

Если же это так, то подростковый возраст Рогволодичей скорее свидетельствует в пользу того, что перед нами сыновья Рогволода Борисовича, которые и должны быть подростками. Отсутствие же в сообщении об отправке полоцких князей в Византию имени самого Рогволода Борисовича может говорить о том, что его пленить не удалось. Тот же факт, что он стал полоцким князем в 1144 г.³ [ПСРЛ, 1: 311], как раз свидетельствует о том, что он стремился занять стол своего отца, как уже однажды случилось.

Правда, из ранних летописных источников мы знаем о других сыновьях Рогволода Борисовича — Глебе и Всеславе. Первый из них упомянут под 1180 г. в Ипатьевской летописи как князь друцкий [ПСРЛ, 2: 620], а второй — под 1160 г. как участник похода на Вщиж [Ibid.: 508].

³ Скорее следует сказать, что в 1144 г. он уже был полоцким князем, так как под этим годом летопись сообщает о женитьбе Рогволода Борисовича на дочери Изяслава Мстиславича.

Однако Всеслав под 1160 г. упомянут без отчества — «Всеславъ ис Полотьска». Без отчества упомянут Всеслав и под 1186 г. как князь друцкий, и некоторые исследователи в обоих случаях видят не Всеслава Рогволодича, а Всеслава Васильковича — сына Василько Святославича [Рапов 1977: 62; Алексеев 1966: 282]. Нам представляется, что отрицать тот факт, что у Рогволода Борисовича мог быть сын с именем Всеслав, не следует, но вопрос требует дальнейшего изучения⁴.

О сынах же Иване и Василии ничего более не известно, как и об их потомках. Однако следует отметить, что, как показал А. А. Гиппиус, составитель МС, вполне возможно, в своей работе использовал летописный текст общего протографа Ипатьевской и Хлебниковской летописи [Гиппиус 2007: 30–33]. Следовательно, можно предполагать, что имена Рогволодичей не были придуманы составителем МС, а были взяты из протографа Ипатьевской/Хлебниковской, а в самих этих летописях имена Рогволодичей были опущены.

Если имена Рогволодичей, зафиксированные в МС, настоящие, то кроме сына Глеба у Рогволода Борисовича были сыновья Иван и Василий. Назвать сына своим крестильным именем Рогволод вполне мог. В отличие от запрета на передачу сыну своего родового имени, передача крестильного имени отца сыну была возможна и практиковалась [Литвина, Успенский 2006: 141–143].

Конечно, настораживает сочетание имен Иван и Василий, появившихся в московском летописном своде 1470-х гг.; общеизвестна популярность этих имен в велиокняжеском роду Даниловичей. С другой стороны, если составитель МС добавил имена Рогволодичей, исходя из современного ему московского княжеского ономастикона, то причина такого авторского имяпорождения остается не совсем ясной — наделять полоцких князей XII в. именами московских князей XV в., как кажется, незачем.

Несмотря на сложность в оценке правдоподобности имен Рогволодичей, высланных в Византию, мне представляется, что эти Рогволодичи были сыновьями Рогволода Борисовича (в связи с косвенным указанием на их малый возраст), а сына Всеслава по имени Рогволод, вполне возможно, никогда не существовало.

Наличие же молодых сыновей у Рогволода Борисовича в конце 1120-х гг. дает возможность предполагать, что Рогволод родился в начале 1100-х гг. и, приближаясь к своему 30-летию, имел уже двух сыновей-подростков. Эти наблюдения о возрасте Рогволода Борисовича не противоречат свидетельству знаменитого камня, найденного под

⁴ В поздних источниках встречаются и другие сыновья Рогволода — Борис и Ростислав, но эти свидетельства большого доверия не вызывают.

Оршей в 1792 г. и получившего названия «Рогволодова». На камне высечен крест и надпись: «В лѣто 6679 [1171] мѣсяца маия въ 7 день до спенъ крестъ сии, Господи, помози [р]абу своему Василию в крещении, именемъ Рогволоду сыну Борисову» [Рыбаков 1964: 33].

Следовательно, в начале 1170-х гг. Рогволод Борисович был жив, и надпись была сделана, когда ему было около семидесяти лет, т. е. в конце его жизненного пути. Рогволод Борисович дожил до вполне преклонного по меркам средневековья возраста.

Переходя к вопросу о порядке именаречений Всеславом своих сыновей, следует еще раз отметить скучное количество дошедших до нас свидетельств о Всеславичах.

Впервые летописи сообщают о сыновьях Всеслава под 1067 г., не называя их имен: «Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву всади и в порубъ съ двѣма сынами» [ПСРЛ, 1: 167].

Кто были эти сыновья, которые, по всей видимости, были старшими из сыновей Всеслава? Л. В. Алексеев считает старшими сыновьями Давыда и Бориса-Рогволода [Алексеев 1966: 252]. В. Л. Янин называет старшим Романа-Бориса [Янин 1960: 130]. Ю. А. Артамонов, по всей видимости, исходя из того, что Роман и Глеб умерли раньше всех, определяет именно их старшими Всеславичами [Артамонов 2005: 181]. В недавно вышедшей работе Л. В. Левшун старшими названы Рогволод и Борис [Левшун 2020: 23].

Если об именах старших сыновей Всеслава в историографии явно наличествуют разные мнения, то с младшими царит полное единодушие, так как Ипатьевская летопись называет имена высланных в Византию сыновей в следующем порядке: «Посла по кривитьстѣи князѣ по Давида, по Ростислава и Святослава...» [ПСРЛ, 2: 304].

Про Ростислава и Святослава больше ничего ни один источник не сообщает. Ничего мы не знаем и о женах и детях Ростислава. А вот дети Святослава хорошо известны — Василько, Вычеслав, Давыд и дочери Предслава и Градислава. Несмотря на это, единственное упоминание двух высланных Всеславичей в историографии расценивается как указание на то, что именно они — самые младшие сыновья Всеслава [Данилович 1896: 71; Рапов 1977: 56; Войтович 2006: 285–286], что, за неимением каких-либо иных свидетельств о них, стоит признать справедливым.

Давыд Всеславич в летописях упоминается еще дважды: под 1104 г. и, как мы уже писали выше, под 1127 г., когда его выгоняют полочане и приглашают Рогволода Борисовича.

Причиной приглашения Давыда в Полоцк, на наш взгляд, стала тяжелая болезнь Бориса, который не был в состоянии управлять кня-

жеством. Появление именно Давыда Всеславича в Полоцке следует считать наиболее логичным, так как он на тот момент был вторым по старшинству после Бориса среди сыновей Всеславича, ведь Ростислав и Святослав были младше, а два других брата — Глеб и Роман — к этому времени уже умерли.

Если это утверждение верно, то оно, конечно, не дает ответа на вопрос, каким по старшинству был Давыд относительно Глеба и Романа.

Обратимся к свидетельствам источников. Кроме указания на смерть Бориса в Лаврентьевской и Ипатьевской летописи, никаких иных сообщений о Борисе ранний летописный материал не содержит. Однако, как уже сообщалось выше, Борис назван в «Хождении игумена Даниила» полоцким князем, где он завершает список, вместе с «Глебом Минским».

Изначальный список русских князей в «Хождении игумена Даниила» реконструировал в своей работе В. Л. Янин, так как разные редакции памятника содержат некоторые отличия [Янин 1960: 123–131]. На самом деле, лишь в списках первой группы второй редакции одновременно встречаются имена Бориса и Глеба, причем Глеб назван мезенским князем. Несмотря на это, реконструкция В. Л. Янина представляется нам аргументированной — во всех редакциях (кроме первой группы второй редакции) список князей заканчивается либо именем Бориса, либо именем Глеба. Вряд ли появление имени какого-либо из князей следует относить к позднейшим редактированиям текста «Хождения», скорее перед нами лакуны, восходящие к протографам редакций памятника, а в первоначальном тексте читались оба имени, о чем и свидетельствуют списки первой группы второй редакции.

Важно, что Борис Всеславич назван в списке князей перед Глебом Минским. Это свидетельствует о том, что Борис был старше Глеба, а Минск рассматривался в начале XII в. как второй город Полоцкой земли.

Данное свидетельство «Хождения» должно было бы навести исследователей на логичную мысль о том, что именно Борис и Глеб в момент составления списка князей занимали два главных стола Полоцкой земли и были старшими сыновьями Всеслава.

Как бы ни датировать «Хождение игумена Даниила», даже если взять самую широкую датировку 1104–1115 гг., в этом временном промежутке Борис, Глеб, Роман и Давыд живы и здоровы. Правление Бориса и Глеба в Полоцке и Минске свидетельствует об их старшинстве относительно Романа и Давыда.

Первое свидетельство о Глебе, как и о Давыде, находится в тексте Лаврентьевской летописи под 1104 г.: «Сего же лѣта исходяще послা

Святополкъ Путяту на Мѣнскъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олег сам иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича, и не успѣша ни-чтоже и възвратиша опять» [ПСРЛ, 1: 280]. Следовательно, в 1104 г. Глеб уже был минским князем. Ныне принятая в историографии ранняя датировка «Хождения» 1104–1106 гг. [Прохоров 1997: 585] позволяет предположить, что не только Глеб, но и Борис сидел на своем столе к 1104 г. Вполне вероятно, они заняли свои столы сразу после смерти Всеслава в 1101 г.

Почему Давыд выступил против Глеба? Есть точка зрения, что его обделили братья после смерти Всеслава, хотя он и был старшим [Очерки 1953: 385]. Л. В. Алексеев же считает Давыда старшим [Алексеев 1966: 252], на основании неправильной интерпретации данных «Хождения», в некоторых редакциях которого названный на третьем месте Давыд Святославич, князь черниговский, ошибочно получил отчество Всеславич [Янин 1960: 127].

Дальнейшая же судьба Глеба известна по летописным свидетельствам. В 1119 г. Владимир Всеволодович Мономах ходил походом на Глеба и «взя Менескъ у Глѣба, у Всеславича, самого приведе Кыеву. Томъ же лѣ преставися Глѣбъ в Киевѣ Всеславичъ, сентября въ 13» [ПСРЛ, 2: 285].

Под 1158 г. летопись сообщает о смерти вдовы Глеба Всеславича и ее погребении в Киево-Печерском монастыре. Летописец пишет, что Глеб и его жена пожертвовали Киево-Печерской лавре внушительную сумму серебром и золотом [ПСРЛ, 2: 492–493].

Ю. А. Артамонов считает, что «хорошее отношение Глеба к Печерской обители было воспринято им от отца, являясь прямым следствием дружбы Всеслава с Антонием, которая могла сложиться в период правления полоцкого князя в Киеве (сентябрь 1068–апрель 1069). Существенно и то, что сам Глеб был свидетелем и непосредственным участником этих событий» [Артамонов 2005: 181–182]. Однако, как мы указывали выше, исследователь считает, что плененными вместе с отцом сыновьями Всеслава были Роман и Глеб.

О самом Романе Всеславиче нам почти ничего не известно. В Ипатьевской летописи под 1116 г. читаем: «В се же лѣ преставися Романъ Всеславичъ» [ПСРЛ, 2: 284]. В. Н. Татищев датирует смерть Романа 1113 г., а Никоновская летопись 1114 г. Несмотря на это, в историографии встречаются спекулятивные гипотезы о его княжении в каком-либо из городов Полоцкой земли (к примеру, [Войтович 2006: 285]).

На наш взгляд, гипотеза Ю. А. Артамонова вполне правдоподобна, но княжичами, которые были посажены в киевский поруб вместе с Всеславом, следует считать Бориса и Глеба, а не Романа и Глеба.

Все вышеприведенные аргументы в пользу старшинства Бориса и Глеба не позволяют дать ответ на важный вопрос, кто был третьим сыном Всеслава Брячиславича, ведь Роман и Давыд вполне могут претендовать на такой статус. То, что Давыд был приглашен на княжение в Полоцк, не говорит о его старшинстве по отношению к Роману, так как к этому моменту Роман был уже мертв.

Нам представляется, что ответить на вопрос о том, кто был старше – Роман или Давыд, можно, если воспользоваться данными о стратегиях имянаречений других членов династии Рюриковичей в это время.

Борис и Глеб Всеславичи попали в киевский поруб, когда были еще подростками, следовательно, датировать их появление на свет следует 1050-ми гг.

В 1040-е – 1050-е гг. в семье черниговского князя Святослава Ярославича рождаются сыновья. Старший из них Глеб упомянут в летописи под 1064 г. как тмутараканский князь [Новгородская 1950: 184]. В 1068 или 1069 г. Глеб становится новгородским князем, а тмутараканский стол занимает его брат Роман⁵. Сомнений в том, что новгородский стол имел более высокий статус, нежели тмутараканский, как кажется, нет, что говорит о старшинстве Глеба.

Однако в 1073 г. в результате заговора против брата Изяслава Святослав стал киевским князем; по мнению В. Н. Татищева, он посадил в Переяславле своего третьего сына Давыда. Однако сведения В. Н. Татищева другими источниками не подтверждаются. Ранние, а следовательно более надежные источники, сообщающие о Давыде, – это летописи. Новгородская первая летопись сообщает под 1095 г.: «Иде Святополькъ и Володимиръ на Давыда Смольньску, и вдаша Давыду Новъгородъ» [Новгородская 1950: 19]. В Новгородской первой летописи младшего извода под 989 г. сообщается: «И присла Всеволод внука своего Мъстислава, сына Володимира, и княживъ 5 лѣт, иде к Ростову, а Давыдъ прииде к Новугороду княжить, и по двою лѣту выгнаша и» [Ibid.: 161]. В связи с этим следует считать справедливым замечание О. М. Рапова, что Давыд Святославич правил в Новгороде с 1093 по 1095 г., после чего ушел в Смоленск [Рапов 1977: 99].

В некоторых поздних летописях под 1088 г. находится свидетельство об уходе Святополка к Турову и в окончании в Новгороде Давыда (к примеру, [ПСРЛ, 15: 76]). Как бы к этому сведению ни относиться, достоверных сведений о деятельности Давыда Святославича до конца 1080-х гг. у нас нет. Таким образом, появление Давыда Святославича на политической арене через 10 лет после смертей его старших братьев

⁵ Правда, не совсем ясно, когда начинает править Роман Святославич в Тмутаракани; нам лишь точно известно, что он княжил там с 1077 по 1079 г.

(Глеб и Роман погибли 1078/1079 гг.) свидетельствует о том, что он был младше Глеба и Романа.

Однако встает вопрос о старшинстве Давыда относительно еще одного сына Святослава — Олега. Из «Поучения Владимира Мономаха» становится ясно, что в 1076 г. Олег был князем во Владимире-Волынском, откуда после смерти отца был выведен в Чернигов, где правил его дядя Всеволод Ярославич [ПСРЛ, 1: 247–248]. Убежав из Чернигова в апреле 1078 г., он отправился в Тмутаракань к брату Роману [Ibid.: 199] и, набрав войско, в том числе и половецкое, пошел войной на Всеволода и захватил Чернигов [Ibid.: 200]. Из Чернигова Олега выгнали Всеволод и Изяслав Ярославичи, победившие его 3 октября 1078 г. в битве на Нежатиной Ниве, и Олег вновь ушел в Тмутаракань [Ibid.: 201–202]. После этого он был взят в плен хазарами и отправлен на Родос [Ibid.: 204]. В 1083 г. Олег возвратился в Тмутаракань и, выгнав правящих там князей, стал княжить [Ibid.: 205]. В 1094 г. Олег начал войну против Всеволода Мономаха и выбил его из Чернигова. Выбитый же сам из Чернигова в 1096 г., захватил Муромскую и Ростовскую землю [Ibid.: 226, 230, 237]. Вся эта военная активность Олега Святославича привела к Любечскому съезду, по решению которого внуки Ярослава Мудрого получили в держание «отчину свою»: «Святополкъ Кыевъ Изяславль, Володимеръ Всеволожъ, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославъ» [Ibid.: 257]. Из решения Любечского съезда, где перечислены сыновья Святослава, следует сделать вывод, что, несмотря на то что Олег Святославич впервые упомянут в летописях на 10 лет раньше своего брата Давыда, Давыд все же оказывается старше Олега, так как возглавляет список сыновей Святослава.

В связи со всем вышеизложенным напрашивается вполне логичный вывод, что Святослав Ярославич назвал своих первых трех сыновей в следующей последовательности — Глеб, Роман, Давыд. Отличие перечня имен первых сыновей Святослава от перечня имен Всеславичей заключается в отсутствии Бориса. Но вполне можно предполагать, что сын с именем Борис у Святослава был, но он умер в младенчестве. Летописи не сообщают о рождении ни одного из Святославовых сыновей, поэтому, если Борис родился и в скором времени умер, летописи и не должны были об этом упомянуть.

Святослав Ярославич называет своих сыновей в честь погибших дядей, причем в весьма примечательной последовательности. Сначала он использует династическое имя (если предположение о первенце Борисе справедливо, то два имени), а потом два крестильных имени, сначала второе имя Бориса Владимировича — Роман, а потом его брата Глеба Владимировича — Давыд.

В то же самое время правнук Владимира Святого — Всеслав Брячиславич — дает своим первым четырем сыновьям те же имена свв. Бориса и Глеба.

Последовательность имянаречения Святославичей позволяет предполагать, что Всеслав назвал своих сыновей в той же последовательности, сначала дав династические имена Борис и Глеб, а потом — крестильные, Роман и Давыд. Следовательно, вопрос о том, кто старше, Роман Всеславич или Давыд Всеславич, следует решить в пользу старшинства Романа.

Всеслав назвал своих четырех сыновей в честь Бориса и Глеба в порядке старшинства сыновей Владимира, в той последовательности, которую можно назвать «логичной» — первым двум сыновьям Всеслав дал династические имена Владимировичей, а вслед за ними вторую пару сыновей назвал крестильными именами Бориса и Глеба Владимировичей — Роман и Давыд.

Таким образом, и Святослав Ярославич, и Всеслав Полоцкий — два потомка Владимира Святого — в одно и то же время, 40-е — 50-е гг. XI в., нарекают своих сыновей именами погибших Владимировичей, причем, по всей видимости, в одной и той же последовательности и династические, и крестильные имена Бориса-Романа и Глеба-Давыда.

Следует отметить, что наша гипотеза не противоречит никаким аутентичным свидетельствам ранних источников о сыновьях Всеслава Брячиславича.

Библиография

Источники

Новгородская 1950

Новгородская первая летопись старшего и младшего извода, Москва, Ленинград, 1950.

ПСРЛ, 1

Полное собрание русских летописей, 1, Москва, 1997.

ПСРЛ, 2

Полное собрание русских летописей, 2, С.-Петербург, 1908.

ПСРЛ, 15

Полное собрание русских летописей, 15, Москва, 2000.

ПСРЛ, 25

Полное собрание русских летописей, 25, Москва, Ленинград, 1949.

ПСРЛ, 40

Полное собрание русских летописей, 40, Москва, 2003.

Литература

Алексеев 1966

Алексеев Л. В., *Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII веках*, Москва, 1966.

Артамонов 2005

Артамонов Ю. А., Князья полоцкие — «Великие милосники великой Лавры Печерской», *Ad fontem = У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Кащенова*, Москва, 2005, 176–182.

Войтович 2006

Войтович Л., *Княжжа доба: портреты еліти*, Біла Церковь, 2006.

Гиппиус 2007

Гиппиус А. А., К проблеме редакций *Повести временных лет*, 1, *Славяноведение*, 5, 2007, 20–44.

Данилович 1896

Данилович В. Е., *Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия*, Киев, 1896.

Левшун 2020

Левшун Л. В., *Полоцкий князь Борис Всеславич*, Москва, 2020.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

Очерки 1953

Очерки Истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. в двух частях, под ред. Б. Д. Грекова, 1, Москва, 1953

Прохоров 1997

Прохоров Г. М., Хождение игумена Даниила. Комментарии, *Библиотека литературы Древней Руси*, 4, 1997, 584–599.

Рапов 1977

Рапов О. М., *Княжеские владения на Руси в X – первой половине XII века*, Москва, 1977.

Рыбаков 1964

Рыбаков Б. А., *Русские датированные надписи XI–XIV веков*, Москва, 1964.

Флоря 1995

Флоря Б. Н., Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка, *Отечественная история*, 5, 1995, 110–116.

Янин 1960

Янин В. Л., Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила», *Труды отдела древнерусской литературы*, 16, Ленинград, 1960, 112–131.

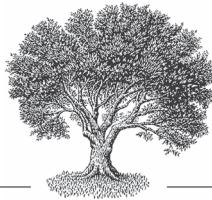
References

- Alekseev L. V., *Polotskaia zemlia (Ocherki istorii Severnoi Belorussii) v IX–XIII vekakh*, Moscow, 1966.
- Artamonov Yu. A., Kniaz'ia polotskie — «Velikie milosniki velikoi Lavry Pecherskoi», *Ad fontem. Sbornik statei v chest' Sergeia Mikhailovicha Kashtanova*, Moscow, 2005, 176–182.
- Florya B. N., Istoricheskaiia traditsiia ob obshchestvennom stroe srednevekovogo Polotska, *Otechestvennaia istoriia*, 5, 1995, 110–116.
- Gippius A. A., Toward the Problem of “*Povest Vremennych Let*” Versions, 1, *Slavianovedenie*, 5, 2007, 20–44.
- Grekov B. D., ed., *Ocherki Istorii SSSR. Period feodalizma IX–XV vv. v dvukh chastiaakh*, 1, Moscow, 1953.
- Levshun L. V., *Polotskii kniaz' Boris Vseslavich*, Moscow, 2020.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaiia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2006.
- Prokhorov G. M., Khozhdenie igumena Daniila. Kommentarii, *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 4, 1997, 584–599.
- Rapov O. M., *Kniazheskie vladeniia na Rusi v X – pervoi polovine XII veka*, Moscow, 1977.
- Rybakov B. A., *Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vekov*, Moscow, 1964.
- Voitovich L., *Princeli Era in Rus': The Portraits of Ruling Elites*. Bila Tserkva, 2006.
- Yanin V. L., Mezhdukniazheskie otnosheniiia v epokhu Monomakha i «Khozhdenie igumena Daniila», *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 16, Lenigrad, 1960, 112–131.

Антон Михайлович Введенский, магистр культурной антропологии,
старший преподаватель
Национального исследовательского университета
Высшая школа экономики
190121, С.-Петербург, ул. Союза Печатников, 16.
Россия / Russia
научный сотрудник
С.-Петербургского института истории
Российской академии наук
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7.
Россия / Russia
3103104@mail.ru

Received July 27, 2021

Имена московитов: ономастика российских эмигрантов в Речи Посполитой во второй половине XVI — начале XVII в.*

Константин Юрьевич
Ерусалимский

Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия

The Names of the Muscovites: Onomastics of the Russian Emigration in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16th — Early 17th Centuries

Konstantin Yu. Erusalimskiy

Russian State University
for the Humanities,
Moscow, Russia

Резюме

В статье выявлены пути трансформации личных имен выходцев из Российского государства в Короне Польской и Великом княжестве Литовском, а также в первые десятилетия существования Речи Посполитой. Выявлено

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00432). Помимо коллег, на чьи исследования ясылаюсь в данной статье, хотелось бы поблагодарить Ролана Марти, О. А. Остапчук и М. Н. Саенко за ценные замечания, которые существенно помогли мне и позволили уточнить и исправить ряд тезисов.

Цитирование: Ерусалимский К. Ю. Имена московитов: ономастика российских эмигрантов в Речи Посполитой во второй половине XVI — начале XVII в. // Slověne. 2022. Vol. 11, № 2. С. 278–316.
Citation: Erusalimskiy K. Yu. (2022) The Names of the Muscovites: Onomastics of the Russian Emigration in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16th — Early 17th Centuries. *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 278–316.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.11.2.13

девять типов формирования фамильных прозвищ, общие тенденции в интеграции патронимов и личных имен, изучены причины сохранения ряда имен без изменений, а также рассмотрены имена уникальные и не характерные для российского контекста. Работа позволяет уточнить и дополнить словарные данные Н. М. Тупикова и С. Б. Веселовского и обосновать возможные способы идентификации личности эмигрантов на основе сохранившихся форм.

Ключевые слова

ономастика, российская эмиграция в Речи Посполитой, Московская Русь

Abstract

The article describes the ways of transformation of the personal names of the émigrés from the Russian state in the Polish Crown and the Grand Duchy of Lithuania, and during the first decades of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The family names could undergo transformations in nine possible ways. The peculiarities of integration of the patronyms and personal names are also studied, along with the rare and unique names, untypical for the Russian cultural context. The author extends the onomastic databases by Nikolai Tupikov and Stepan Veselovsky and elaborates on the means of personal identification based on the forms extant in the sources.

Keywords

onomastics, Russian emigration in the Polish-Lithuanian Commonwealth, Muscovite Rus'

Историческое значение личных имен и образованных от них ономастических форм в изучении межкультурной коммуникации — отдельный предмет ономастики как науки. В этом смысле смена имени при переходе его носителя в новую культурную среду заслуживает исследований уже в силу того, что позволяет решать вопросы идентификации личности, генеалогии, религиозных контактов, политической истории. Как мы постараемся показать в данной работе, смена и сохранение имени в эмиграции — еще и ответственное решение, выбор, осуществляемый личностью перед лицом интеграции. Попытки изучить имена московитов в Короне Польской и Великом княжестве Литовском предпринимались еще в XIX в., однако выводы делались на узком круге источников, а понятийный аппарат исследователей, как правило, сводился к этнополитическим проблемам. Историки рубежа XIX–XX вв. видели в именах проявление культурного присутствия на спорных землях или родства между национальными традициями, которые условно определялись как «русские» или «древнерусские». При этом значение этих понятий нередко вызывало дискуссии [Владимирский-Буданов 1886; Jabłonowski 1893; Грушевский 1995; Tomkiewicz 1948]. Настоящая работа выполнена на основе базы примерно на 1200 имен эмигрантов-московитов,

оказавшихся на землях Короны Польской и Великого княжества Литовского во второй половине XVI – начале XVII в. Нет оснований сомневаться в иностранном происхождении московитов, упомянутых с соответствующими прозвищами. Крайне редко так могли называть местных жителей (например, какое-то время проведших в Российском государстве) и в единичных случаях – потомков эмигрантов (хотя подобные случаи известны, не всегда можно доказать, что данный потомок родился уже в эмиграции на территории Короны или Литвы).

К «московитам» источники относят подданных великого князя московского, однако вплоть до Ливонской войны выходцы из северских земель, Твери, Новгорода, Пскова и др. в Короне Польской и Великом княжестве Литовском иногда выступают с их признанными здесь политонимами «со Тверя», «Новгородец», «Псковитин» и т. п.¹ Например, в первой половине XVI в. идентификации местных *русинов* «Львовской Руси» и, видимо, других земель Короны Польской накладывались на *московитов*. Об этом говорит использование то одного, то другого идентификата к Василию Кибалке (Кибальчичу) или Ивану Федорову (Федоровичу) [Крип'якевич 1994: 192 (№ 377, 31 октября 1531 г.: «pro Waskione Mosquuczyn»), 197 (№ 394, 28 августа 1532 г.: «adversus... Wasilconem Kybalka Rutenum»), 222 (№ 486, 10 сентября 1535 г.: «Waskio Kybalka Rutenus») и т. д. по указателю]². Прозвище, образованное от этнонима, в польско-литовских источниках указывало на этнополитическое происхождение человека, однако основывалось на единственном критерии – подданстве его носителя до получения прав во владениях польского короля и великого князя литовского. К этой же группе могут быть отнесены списки, в которых зарегистрированные лица не содержат этнических прозвищ, но распределены по этническим группам. Показательны в этом ряду списки пленных, реестры Архива войсковой казны, Архива коронной казны Короны Польской,

¹ Купцы и другие агенты великого князя московского обычно четко идентифицируются в источниках и отличаются от перебежчиков-московитов. Во львовских актовых книгах сведения о купцах из русских княжеств встречаются уже в начале XV в. (1405, 1438, 1445 гг.). Упоминания московских купцов во второй половине XVI в. включают их определения «купец князя великого московского» (о смоленском купце Василии Ивановиче Познякове, Луцкий городской суд, 16 февраля 1561 г.), «торговый российский человек» (о Степане Котове, 1593 г.), «московские купцы» (Дубенский городской суд, 10 мая 1658 г.) и т. п. Но имена российских подданных пишутся в ряде случаев так же, как и имена польско-литовских московитов. В 1640 г. на ярмарку в Ярославль, Луцк и Константинов приезжал царский купец И. С. Кадашевец, который фигурирует в львовских актовых книгах как «Иван Стефанович» и «Иван Москвитин»: [Крип'якевич 1953; Ковальский 1956: 387–401; Idem 1985: 7–24].

² Все опубликованные здесь выдержки из актовых книг основаны на [КМЛ, спр. 10]. Иван Федоров в актовых записях Львова – «друкарь-русин» и «Иван Москвитянин» [Ковальский 1972: 60–61].

люстрации замков, реестры присяги шляхты Короне Польской после заключения Люблинской унии.

Ко второй группе следует отнести перечни имен без дополнительной этнической маркировки. Московское происхождение названных в них лиц может подразумеваться и не требовать дополнительного обоснования. В этом качестве выступают, например, реестры московского делопроизводства — родословные, разрядные, а также поминальные книги православных храмов и монастырей России и Польско-Литовского государства. Не поддается такому исследованию реестр имений шляхтича, где упомянуты плательщики под именами «Иванко», «Федец», «Гарасим» и т. д.³ Не поддается ему и список запорожских казаков, принесших присягу царю, так как в нем обозначены этнографическими прозвищами или этнографическими только иноземцы по отношению к самим запорожцам и по отношению к России [ДРАИУ, 1: 200–218 (реестр казаков 4 января 1619 г.)]. Вычленить московитов при этом невозможно.

Не во всех случаях прозвище «Московит» и т. п. приписано к имени выходца из России. Различные источники, в том числе и однотипные, то отражают факт происхождения человека, то замалчивают. Солдат венгерской гвардии Стефана Батория Афанасий в одних реестрах выступает под одним только именем «Opanas», а в других — в сопровождении политонима «Moschus»⁴.

В тех случаях, когда имя, обнаруженное в польско-литовской документации, может свидетельствовать о московском происхождении, мы предпочитаем не опираться на антропонимические предположения, а по возможности проверять гипотезу другими источниками⁵. Связано это, прежде всего, с тем, что различия между русскими именами в Польско-Литовском и Московском государствах были незначительны и отличить польско-литовского русского от московита по одному личному имени практически невозможно⁶. Примером научной осторожности в обра-

³ Такие реестры часто встречаются в актовых книгах местных судов Речи Посполитой. См., например: [КЗК, оп. 1, спр. 5, арк. 11–11зв. (реестр кременецкого имения Корытна Павла Корытенского, октябрь 1577 г.)].

⁴ См., например: [ASK, dz. 1, Rachunki Królewskie, № 259, k. 34v, 49v, 96 (реестры 1580–1581 гг.)].

⁵ В польско-литовских источниках раннего нового времени этнический состав населения прописан фрагментарно, и опасность антропонимической методики в реконструкции этнотерриториального происхождения жителей Речи Посполитой осознавалась уже давно. См. дискуссии: [Lück 1934; Górska 1954; Sękowski 1964; Urban 1983].

⁶ А. Янечек вслед за В. Урбаном (см. предыд. прим.) признает, что масштабные национально-территориальные идентификации в источниках XVI–XVII вв. неточны, а антропонимические данные ненадежны. В. Урбан особый акцент делал на изучении подписей в актах, считая, что они позволяют на основе языкового и графического анализа добиваться лучших результатов. Однако,

щении с реестрами может служить рассуждение А. Яблоновского о полиэтнической основе украинского населения конца XV – середины XVI в.:

Кто усомнится в чистоте славянской крови, например, потомков Манчура из Житомира – Чернышевичей? А подумает ли кто-то, что Бовчок в Виннице не прирожденный русин, если в реестре к его имени не добавлено «Ляшков сын»? Кто вспомнит, что киевские земяне Ивашкевичи, Ленькевичи армянской крови? А когда встречают прозвища Аксак, Байбуза, Балакиер, Берендей, Сынгур или Солтан и т. п., тогда только ставят знак вопроса [Jabłonowski 1893: 427].

Таким образом, А. Яблоновский показал бесперспективность поисков «славянской крови» и обозначил осторожную методику выявления исторической родины личности по территориальным, этнополитическим и этноконфессиональным прозвищам.

Интерпретации места происхождения носителя имени охватывают в нашей работе только те имена, в которых содержится обозначение региона, местности, города и т. п.⁷ Наконец, необходимо обозначить проблему, решить которую мы уже, видимо, не в силах. Дело в том, что ни реестры, ни прочие известные ныне источники не позволяют понять, в каких случаях прозвище «Москаль» является идентификатором этничности, политического подданства, в целом – принадлежности в прошлом к московским землям, аналогичным прозвищам «Влох», «Татарин», «Сербин», «Литвин», «Полешенин», а в каких – окказиональным наименованием или пейоративом. Мы исходим из того, что подобные прозвища, как правило, содержат информацию о происхождении и продолжительной региональной причастности их носителей.

Когда А. Яблоновский по именам прослеживает следы заселения украинских земель поляками, армянами и татарами, он не упоминает имен, сохраняющих следы своего пришлого московского происхождения. В тех случаях, когда московиты меняли свои имена на местные частично или полностью, установить факт таких замен источники позволяют лишь в единичных случаях. Эту проблему пересматривал В. Томкевич, дискутируя с украинскими историками о поляках в рядах казаков:

Из-за совершенно иных сегодняшних критериев в определении национальности, из-за звукового подобия польских и украинских фамилий, из-за фантастической орфографии того времени, наконец, из-за того факта, что запорожские иммигранты (о чем, кажется, совершенно забывают украин-

как отметил А. Янечек, эта методика ущербна, если изучению подлежат «круги, подверженные сильной культурной диффузии». Для таких общностей важно использование генеалогической методики [Janeczek 1991: 200, przyp. 27].

⁷ Мы следуем уже сложившейся исследовательской практике. См., например: [Luber 1983: 370–371].

ские историки) почти всегда и особенно в XVII в. меняли фамилии и были известны под довольно часто меняющимися прозвищами — сегодня неизмеримо трудно выловить в ряду казаческих фамилий тех, кто имел польское происхождение [Tomkiewicz 1948: 257].

Для реалий московско-литовских отношений эта проблема не стояла так остро, как для польско-литовских, однако ее необходимо, с соответствующими оговорками, переформулировать и задуматься о «говорящих» именах московского происхождения. Придать всем московским личным именам сугубо польско-литовское звучание не составляло труда, и этому также способствовали и «звуковое подобие» имен, и «фантастическая орфография» XVI–XVII вв.

Можно допустить, что некоторые литвины и поляки, носившие общерусские имена, происходили из России и с подвластных ей земель. Указаниями на территориальную идентичность иногда служили характерные для московитов суффиксы в именах. Московские имена чаще встречаются с конечными *-ов* и *-ин* вместо характерных для польско-литовского континуума *-ский*, *-ски*. Для Москвы XV–XVII вв. суффикс *-ский* в отчестве и дедичестве был показателем высшего придворного статуса носителя такого имени, тогда как в Польско-Литовском государстве он не был показателем особой милости короля или приближенности к трону его носителя [Казаков 2009; Казакоў 2010: 31–35]. Еще один признак московского звучания имени — наличие слова *сын* в предпозиции или постпозиции по отношению к имени отца (Иван Петров сын).

Впрочем, методика разграничения имен по этим признакам в польско-литовских источниках не может принести во всех случаях надежные результаты. Дело в том, что литвины и польские русские нередко образовывали от своих родовых имен прозвища на *-ов* и *-ин*⁸,

⁸ Примером может служить имя лесничего крынского, одельского и кузницкого — Ивана Собакина [ЛМ-47, л. 123–123об. Кньшин, 27 января 1567 г.]. Нет сведений, что эмигранты из восточных русских земель были, к примеру, ездивший в уряд жаловаться на кн. А. М. Курбского слуга княгини Ганны Деспотовны Збаражской Олехно Духов [КГВ, спр. 8, арк. 73зв.–76зв. 30 апреля 1574 г.], вдова Евфимия Савина [КМЛ-19, с. 239–240]. После дня св. Франциска 1585 г.] или Орихна Бубнова Иванова [КМЛ-19, с. 463–464. 1 мая 1586 г.], витебские мещане Митяевы [ЛМ-77, л. 64об.–649. Krakow, 7 ноября 1595 г.], могилевский мещанин Канюта Морозов [ЛМ-286, л. 105об. Варшава, 14 апреля 1597 г.], Иван Греков (Кгреков), владевший на пожизненном праве с. Справдайти волости Пойорской Упитского повета [ЛМ-285, л. 311–311об. Варшава, 18 ноября 1597 г.], держатель с. Решкетыны на Жмуди Иван Борыгин (Борыкгин) [ЛМ-285, л. 464–464об. Варшава, 20 марта 1599 г.], возный Жмудского земского уряда Лукаш Колотов [ŽŽT 1601, passim], шляхтич Луцкого и Менского повета Матфей Оков [Canegi, спр. 208, арк. 1–1зв. 20 апреля 1607 г.]. В реестре выплат за реставрацию Каменецкого замка 1546 г. носителей имен «Ioannes Lwow», «Vasko Kulikow», «Valen-Lukow», «Jacobus Orlow» и т. п. нет оснований причислять к московитам. «Львов» является оттопонимическим прозвищем и встречается с рядом других имен (Franciscus, Jaroszus, Andr-, Jacobus, Stefanus, Simon, Micolaus). Имя Франциска Львова

а написание имени литвина и польского русского с *сын* встречается в источниках XVI–XVII вв.⁹ В тех случаях, когда нет ни прямых, ни косвенных оснований причислять данных лиц к московитам, строить предположения на основе одних только прозвищ опасно, особенно учитывая, что эти лица выступают в источниках заурядно в одном ряду с подданными польско-литовских суверенов. К сходным выводам подталкивают наблюдения Ирены Мытник за антропонимией украинской шляхты и боярства XVI–XVII вв. Форманты *-ов* и *-ин* (*-ын*) были значительно менее продуктивны, чем *-ский* (*-скый*) и *-вич*, и тем не менее были известны [Mytnik 2013: 193]. Общая тенденция к полонизации ономастикона обнаруживается и на материалах холмского ономастикона XV–XVII вв. и связывается исследовательницей со все большим проникновением шляхты польского происхождения в данный регион [Eadem 2019].

Тем не менее есть ряд общих тенденций, характеризующих имена московитов в эмиграции, о которых можно сказать, опираясь на обширный, хотя и не всегда репрезентативный, комплекс данных реестра эмигрантов и пленных за середину XVI – начало XVII в. Специфические процессы в прозвищах можно описать, распределив эти процессы на девять типов.

Первый тип. Фамильное прозвище иногда испытывает амплификацию по модели *Бурцев* (*Бурцов*) – *Бурцевич* (*Бурцович*) – *Бурцевский* (*Бурцовский*). В ряде случаев в источниках фиксируется только первый и второй либо первый и третий этап в этой модели: *Борисов* – *Борисович*; *Валуев* (*Волуев*) – *Волуевич*; *Дударов* – *Дударович* (*Дудорович*); *Казанов* (*Козунова*, *Козонов*, *Кузонов*, *Кузанов*) – *Казинович* (*Козинович*); *Иевлев* (*Iewlew*, *Iawlew*) – *Иевлевич (в лат. *Iewlewick*)¹⁰; *Кошелев (в лат.

пишется также в латинской форме «*Franciscus d- Leopo-*», т. е. Франциск из Львова. Оттопонимическими прозвищами являются также «*Cracovia*», «*Garwolin*», «*Wissnia*», «*Grodek*», «*Lomza*», «*Vilno*», «*Warssawa*», «*Sambor*», «*Ostrog*» и др. Это заставляет видеть также и в других названных прозвищах топонимическую основу (города Луков, Куликов, Орлов), допустимую и в польско-литовских прозвищах [ASK, dz. 1, № 133, k. 7–11v, 21–24v, 26–29, 88–97 etc.; № 136, k. 8–27, 61–97 etc.].

⁹ См.: [ASK, Archiwum Skarbu Wojskowego, dz. 85, № 67, Kk. 26–26v]. Здесь в реестре войнов Псковского похода короля Стефана Батория, составленном под Витебском 6 августа 1581 г., форма с *сын* не может быть показателем московского происхождения личности. Вот запись состава первого десятка роты Бельского воеводства: «*Dzie 1: Missko Sokoly Voly. Michailo Charithanowicz s Xieza. Liewko Chwiodorow sin z Usthiskowa. Fider Sienkow sin z Udynicz. Pawel Klikow sin z Rakowod. Chrizc Sthephanow sin s Pobuza. Boris Korosthka Sokoly Voly. Oliexa Piothrow sin s Czaniiza. Ichnath Kniaziow sin Phiedorowiczow z Nieznanova. Ichnath Kniaziow sin z Grubony Voly*», и т. д. Данная форма с *сын* является не единственным, но устойчивым обозначением выходцев из восточных земель Речи Посполитой на всем протяжении данного реестра.

¹⁰ Здесь и далее знаком «*» обозначаем формы, которые в рассмотренных нами источниках о московитах в эмиграции не встречались, но известны по другим современным источникам.

Kussielow; предположительное родство см.: В. Я. Кушелев) — Кошелевский (Кушелевский, Кишелецкий); *Левантин (в лат. *Levantin*) — *Левантович (в лат. *Lewantowicz*); *Мамкеев (в лат. *Mamkieiew*) — *Мамкевич (в лат. *Mamkiewicz*); Милюков — Милюкович; Некрашев (Некрашов) — Некрашевич (*Некрашович, *Niekraszowicz*); Федоров — Федорович; *Щеголев — Щоголевич. Московским является только первый этап в данной модели. Второй и третий тоже напоминали московские высокопоставленные, нередко княжеские и думные фамилии, а также прозвища польско-литовских иноземцев на царской службе. В украинской традиции, прежде всего на Волыни XVI–XVII вв., формы на *-ский* (*-скый*) были выражены слабее, чем в западных землях Короны Польской. При этом формант *-овиц* (*-евиц*), *-ович* (*-евич*) закрепился еще в XV в. (особенно у шляхты львовской и галицкой), чаще всего — при создании патронимов, и восходит ко временам русских княжеств [Mytnik 2013: 191–192]¹¹. В случае И. И. Бурцева данный механизм воспринимался как интегративный, а прозвище *Бурцевский* — как знак вхождения в шляхетский социум. Близкой к данному типу является форма фамильного прозвища, образованная прямо от отчества — прямо можно выявить подобный тип в прозвище сына эмигранта, Ивана Умаровича Сарыхозина, который нередко выступает в актовых книгах жмудских судов под своим полным именем или сокращенно *Умарович*. Предположительно потомком эмигранта Золотого Квашнина был шляхтич А. Квасниковский-Золотый, что позволяет наметить развитие прозвища: *Квашнин* — *Квасниковский*. Недостаточно данных, чтобы понять, был ли «москоленок» Иван Милютинич сыном *Милютина* или *Милюты*. И как звучало бы «московское» прозвище боевого слуги кн. А. М. Курбского *Крышковский* и плененного С. Стадницким в Псковском походе сына боярского по фамилии *Лабодинский* (*Лабондинский*). Приходится оставить без объяснения и формальное отчество (второй компонент имени) Ивана Панкратовича, известное только в латинской форме *Iwan Panglatowicz* или *Panglathovicz* (его жена названа в тех же реестрах пленных из Архива Войсковой Казны — в дат. п. *Iwanowej Pugayelowej*). Фамилия *Куницкий* при этом встречается уже явно в одном из самых ранних пожалований Андрею Куницкому, по всей видимости, вскоре после эмиграции в Великое княжество Литовское — в таком виде его и следует видеть еще в России, где С. Б. Веселовский [1974: 171] отмечает прозвища *Куница*, *Куницын*, известные в дьяческой среде. Формально похожая

¹¹ Показательно в данном контексте, что московиты в первом поколении, не имеющие местных корней в украинских воеводствах, не носили и не принимали, выехав на королевскую службу из России, типичных для местных жителей прозвищ с формантами *-ук* (*-юк*, *-чук*), *-еня* и *-енко*.

фамилия без суффикса *-ский* (см. *Кункин*) вряд ли имеет отношение к этому московиту, тогда как эмигрировавшие за несколько лет до пожалования А. Куницкому Сергей и Степан Андреевичи Кучицкие (также *Кучыцкий*, *Кучинский*) вряд ли по стечению обстоятельств оказались в тех же краях, что и этот сын боярский (под Олитой). Возможно, он – их отец, а фамильные прозвища отца и сыновей по каким-то причинам претерпели незначительные изменения. Служилый татарин по фамилии *Купцевич* мог получить эту фамилию уже в эмиграции (возможно, от прозвища *Купец*).

Второй тип – устранение суффикса из прозвища. Например, *Бибиков* превращался в *Бибик* (*Бибин*), *Бунаков* – в *Бунак* (*Буйнак*, *Бонак*), *Воейков* – в *Воейк или *Воейко (*Woieiko*), *Голохвастов* – в *Олофаст*, *Дурасов* (*Дарасов*, *Рудасов*) – в *Дурас*, *Жуков* – в *Жук*, *Зверев* (*Зверов*) – в *Зверь*, *Коверзин* (*Коверзиных*) – в *Коверза*, *Кокошkin* – в *Кошкин* и *Кокошник*, *Нащекин* (*Нащокин*, *Nassczokin*, *Nasciokinius*, *Naszczekin*, *Naszczekin*, *Naszczakien*, *Naszczekin*, *Nasieykin*, вин. *Naszczoknia*, вин. *Naszczokina*) – в *Нащек (*Nassczek'*), *Охлябинин* – в *Охлебин*, *Салтыков* – *Солтык* (*Sołtyk*), *Слизов* (*Slizow*, *Slisow*) – в *Слизень*, *Трубицын* (*Трубицин*, *Трыбицин*) – в *Трубича*, *Цвиленев* – *Цвелень*, *Чихачев* (*Чихочев*, *Чихочев*) – в *Чихач (род. *Czuchaczza*), *Шереметев* – в *Шеремет (*Seremetus*, *Seremet*). Возможно, по этой же модели менялось прозвище В. З. Жохова (*Zochow*), который в латинском реестре Королевской Казны значится в дат. *Vasylio Sooko* (т. е. *Жох или *Жохо). Возможно развитие по этому же типу прозвища *Карамышев* – *Крамисса или *Крамиша (*Kramissa*). Неясно, был ли сын боярский Иван Дмитров Бахтияр (*Бахтыяр*) до эмиграции *Бахтияров* или его прозвище в Литовской Метрике и есть его московское третье имя (ср. с прозвищами пятого типа). Впрочем, в имени О. Бахтияра Измайлова сходный механизм работал: *Бахтияров (*Бехтияров*) – *Бахтияр* (*Бахтыяр*, *Бехтеяр*, *Bachtaier*, *Bachtaier*, *Bechtiar*, дат. *Bechderowi*). В свою очередь нет никаких данных, что слуги кн. А. М. Курбского татарского происхождения Калыметы (*Калымет*, *Калемет*, *Келемет*, *Килемет*, *Канымет*) до эмиграции носили прозвище с суффиксом *-ов*. Редукция суффикса из фамильного прозвища после эмиграции может рассматриваться как возвращение к исключенному прозвищу, от которого образованы эти фамилии, однако вряд ли речь идет о функционировании исторической памяти и воспоминаний Бунаковых о своем предке Бунаке, Дурасовых – о Дурасе и т. д. Скорее происходила стилизация аналогичных польско-литовских шляхетских фамилий.

Третий тип соединял элементы первых двух. С одной стороны, происходило сокращение фамилии, с другой – расширение обновленного

прозвища за счет местных суффиксов. Например, так преобразовались прозвища *Кайсаров* – в *Кайкар* или **Кейкар – Кейсарович* (о нем см. также девятый тип), *Криженин* – *Крижин* (*Крижын*, *Крыжын*, дат. *Chryzini*) – *Крейжич*; *Кушников* – *Кушник* – *Кушникович*; *Ододуров* (*Ододоров*) – *Одоров* – *Ододорович*; **Ушаков* (*Isakow*) – *Ушак* (*Ushak*, *Uszak*) – **Ушакович* (*Ussakowicz*); *Шарапов* – *Шарана* – *Шарапович* (*Шерапович*). Показательно, что и прозвище князей Пятигорских из России претерпевало в Речи Посполитой модификации по данному типу: *с Пятигорских Черкас, Петигорский, Петигорец, Печигорский, Piethyhorecz, Pieth.*

Четвертый тип – фонетические замены по разнообразным языковым и экстралингвистическим причинам (ряд мен см. также в трансформациях первого – третьего типов). Русское-московское произношение накладывалось после эмиграции на местные речевые особенности¹². Общие процессы отражают фонетические и прочие языковые различия между московским письменным русским языком и языками Короны Польской и Великого княжества Литовского¹³. Например, фамилии Гаврютиных и Голохвастовых имели тенденцию восприниматься с г фрикативным, поскольку их написание по московскому образцу (а не через диграф *kg*) заставляло принимать начальную букву как обозначение фрикативного звука. В позиции перед -o- звук г мог терять устойчивость и опускаться (*Obrutin, Olofaст*). Нельзя исключать и того, что и в московском, и в рутенском языках звук г произносился как фрикативный, но утрачивался он уже в польско-рутенском языковом окружении. Фамилия А. И. Вельяминова пишется в польско-литовских источниках: *Велеминов, Wielaminow, Wyliamunow, Wieliaminów, Wielgiminow, Wielgiemino, Weldzemino*. Князья Желиховские свое фамильное прозвище поддерживают именно в этой форме, сильно искажающей их древнюю княжескую фамилию *Селиховский, Селеховский*. В. Замесский выступает также под своей фамилией в форме *Амасский*. К. И. Зубцовский

¹² Модификации европейских имен в России XVI–XVII в. изучались в [Полонский 2012]. Очередная смена подданства и репатриация европейцев также приносят ценные источники для данной проблемы, которые в этой работе специально не рассматриваются. При этом показательно, что для польско-литовского делопроизводства XVI–XVII вв. нехарактерно использование московских уничижительных формантов, а имена подлежат особым модификациям (в том числе маркирующим статус), которые мы рассмотрим ниже в этой работе.

¹³ Следует оговориться, что часть имен пленных и эмигрантов в Речи Посполитой известна нам только по московским посольским источникам, оговаривающим их репатриацию (об этом см. здесь ниже). Тенденции к славянизации имен местных неславян в XVI–XVIII вв. исследователи отмечают в актовых книгах судов Великого княжества Литовского. В этом ряду выходцы из Московского государства не привлекали внимания исследователей. По всей видимости, они рассматриваются как часть местных русинов [Ragauskaitė 2005].

(*Zubcowski*) также – Жубцовский. Прозвище сына боярского В. Ильина пишется латиницей: *Ilyun*, *Igin* (при этом вдова какого-то московита Ильи или Ильина – в дат. *Ilyinowej*). Фамильное прозвище Кашкаровых выступает в польско-литовских источниках во множестве несходных между собой вариантов: *Кошкаров*, *Кошкорев*, *Кошкорон*, *Кошкорын*, *Koskuraw*, *Kaszkarow*, *Asczarow*. Сын боярский Киселев пишется также *Солев* и *Селев*. Неясно, по каким причинам прозвище *Кореев* применяется к тому же сыну боярскому, который носит фамилию *Каратаев*, а *Костомаров* (*Кастомаров*, *Костамаров*) выступает под фамилией *Короваев*. Прозвище *Моневский* в латинской версии претерпевает самые необычные преобразования: *Moniewski*, *Mamieiewski*, *Moniaski*. Родовое и фамильное прозвище князей Курбских нередко пишется в форме *Курпский* и смешивается с местным прозвищем *Крупский*, что привело во второй половине XVII в. даже к подмене и самозванству со стороны польско-литовских шляхтичей Крупских, которые эмигрировали («вернулись») в Москву под именем князей Курбских. Написание родового прозвания князей Оболенских варьирует, встречаются формы *Оболинский*, *Обылинский*, *Obolinsky*. В одном из прозвищ князей Телятевских Микулинских в эмиграции – *Telatowski*, *Telakowski*, *Tilakowski*. Предсказуемые мены происходят также и в прозвище кн. П. И. Хворостинина – *Форощенин*, *Форостенин*. Прозвище кн. В. И. Темкина также – *Томкин*. Прозвище *Огалин* пишется также: *Агалин*, *Огилин*. Прозвище *Одоевцов* также: *Одоевцов*, *Одуевцов*. Или *Османов* – также: *Есманов*; *Перхуров* – *Перфуров*, *Перфурьев*, *Пертенов (вин. *Piertenowa*); *Поросуков* – *Парсуков*, *Порсуков*, *Parasukow*; *Похвинов* – *Похвистнев*; *Проваторхов* – *Проваторф*; *Ржевский* – *Ржовский (*Rzowski*, *Rzowski*, *Rzowski*); *Рупосов* – *Русопов*; *Сарыхозин* (*Сарыгозин*) – *Сарихозин*, *Сарисозин*, *Серехозин*, *Ярихозин*, *Сарихожин*, *Сырозин*, *Sarychozin*, *Sarychozin*, *Scariguzin* и др.; *Тараканов – *Тороканов*; *Хвостов* – *Фостов* (*Chwostow*); *Щербачев (*Sczerbaczow*) – *Щербаков (*Sczerbakow*). Неясно, какая форма исходная в прозвище: *Iablow*, *Siablow*. Вероятно, *Зяблов – ее мы и принимаем как основную. Подобные мены были весьма популярным средством диалога и борьбы в годы Смуты [Флоря 2002: 130–131].

Пятый тип – превращение прозвания в основное имя или даже в фамильное прозвище. По этой схеме в источниках выступают как исключительно первые имена *Бахтияр* (*Бахтыяр*, *Бехтеяр*, *Бехтияров*, *Bachtaier*, *Bachtaier*, *Bechtiar*, дат. *Bechderowi*) (см. также фамилии второго типа), *Водопьян* (*Wodopian*, *Wodopiiān*), *Детина* *Полонничок*, *Дружина* *Зять*, *Орел* (*Orzel*) (в функции отчества – *Орлов Дмитров* (*Orlow Dmitrow*)), так и вторые – *Обрутин* (см. четвертый тип) или *Умарович* (см. первый тип). Эта логика сходна с той, которая превратила в ряде источников

имена Заболоцкого *Владимир*, Сарыхозиных *Умар* и *Агиш* в своем роде в персональное имя, при помощи которого называлось одно единственное лицо. Однако по форме она же приближает некоторые из названных имен к названному выше второму типу — *Водопьян* (возможно, от *Водопьянов*) или *Орел* (от *Орлов*). Некоторые прозвища вполне сходно с московскими делопроизводственными источниками прибавлены к личным именам, образуя двуединство: *Богдан Спящий*, *Василий Голова*, *Василий Кибалка* (*Кибалчик*), *Василий Шишка Ласица*, *Василий Чапля*, *Василий Черный*, *Иван Акушкович*, *Иван Блохима* (*Iwan Blochima*), *Матвей* (*Матфей*) *Брычиха*, *Иван Бобровник*, *Иван Бузя* (*Buzan*) (*Ioanness Buza*), (*Иван*) *Иванов Верещака*, *Иван Водопьян*, *Иван Гломаздич*, *Иван Грешный*, *Ларион Остафьевич Домашний* и *Иван Домашний*, *Иван Лосинич* (в дат. по лат. *Iwano Losincz*), *Михаил Невежа*, *Иван Норовитый* (*Нороватый*) (в вин. *Ywana Norowatoho*), *Иван Платнер*, *Иван Погожий* (в вин. *Ywana Pohozoho*), *Иван Путята* (*Iwan Puszczyaczny*), *Иван Смирный* (*Ильич*), *Кирилл Борисович Смирный*, *Иван Толстый* (*Tolsti*) (см. также ряд примеров седьмого типа). Пример образования *Кибалчик* говорит о том, что подобные имена могли трансформироваться по модели первого типа (из *Кибалка*), а пример *Чапля* — возможно, по модели второго типа (из *Чаплин*). Впрочем, возможно, что известный Литовской Метрике за конец 1550-х гг. *Василий Чаплинка* идентичен с берестейским шляхтическо-московитом 1560-х — конца 1590-х гг. *Василием Чаплей*. В таком случае превращение *Чаплинки* в *Чаплю* происходит по особой модели, предполагающей устранение уменьшительного суффикса из прозвища для образования стабильного местного прозвания.

Шестой тип представлен именами с указанием старшинства или номера в череде рождений в родительской семье: *Третьяк* (*Trecziak*) (1569 г.), *Третьяк* (*Trzecziak*) (1576 г.), *Третьяк Богданович Матюков*, *Третьяк Бурков* (*Trzecziak Ivanow sin Burkow*), *Третьяк Иванович*, *Третьяк Лукьянович*, *Третьяк Остафьевич Моневский* (*Trzecziak Moniewski, Matieiewski, Moniaski*), *Третьяк Федорович*, *Ян Третьяк*, *И. Третьяков* (*Иванко Третяков*), *Б. В. Третьяков*, *Л. М. Третьяков Раков* (*Lukian Tretrakosz Rakoff, Lukian Tretiakow Rakow, Lukian Tretiakow Rakou, Lukian Trzeciakow Rakow, Lukian Tretiakow*), *Четвертой Кудеяров*, *Пятый* (слуга *И. В. Ляцкого*), *Пятый Духанин*, *З. В. Пятый Венрев* (*Zахар, Захаряши др., Zachariasz Piąti*), *Пятый Мартин*, *Иосиф* (*Есиф*) *Пятый Микитич Тарakanov* (*Гороканов*) *Калиновский* (см. также девятый тип), *Пятой Фурсов*, *В. Шестого Нармоцкий* (*Васька Шестово сын Нармотцково*), *Шестак Трубицын* (*Трубицин, Трыбицин*), *Василий Великого Шестунов*, *Семашко Сединцович*, *Осмой Михайлов Непейцын* (*Asmoi Michalowicz*), *Н. И. и Ю. Ф. Девятые Кацкаровы*, *Михаил Григорьев Десятого* (*Десятый*) и его

сын *Иван Десятый*. Старшинство лишается генеалогического смысла вне московских связей эмигранта (что косвенно доказывает превращение таких прозвищ в именные), однако не исчезает в польско-литовской эмиграции, нередко сохраняясь в функции первого имени: *Малец* (*Malecz*), *Мальцов*, *Меньшак* (*Menszak*, *Menszik*), *Меньшой Артемов*, *Меньшой Калитин*, *Б. Меньшой Колычев* (*Mindzan Kołyczow*, *Mienszoy Koliczow*, *Mienszey Koliczow*), *Н. Меньшой Радилов* (*Mienczay Radzilow*). Иногда подобные дополнения превращаются в основные прозвища и выступают в польско-литовских источниках без личных и фамильных имен. Однако можно предположить, что имена типа *Ян Третьяк* образованы из имени личного *Иван* (*Ян*) и отчества или дедичества *Третьяков*, лишенного суффикса по модели второго из названных здесь типов образования фамильных прозвищ. В таком случае *Третьяк* в позиции первого имени значит личное имя, а в позиции второго — отчество или дедичество (т. е., по сути, фамильное прозвище). В целом, имена, отражающие отношение родителей к своему чаду, были часты в России и переносились с минимальными изменениями в эмиграцию, главным образом в роли первых имен (см. ниже об имени *Теодор* / *Федор* / *Богдан*).

Седьмой тип. Имеется ряд прозвищ, которые трудно отнести к какой-либо категории, но они говорят о том, что прозвища в эмиграции служили нередко единственными обозначениями личности, и сегодня трудно разгадать, почему до нас дошли только эти следы от человека, оказавшегося за границей. Среди таких уникальных имен и прозвищ *Балдыш Нещедра* (*Baldzisz Nieszczerda*), *Барнава* (возможно — *Варнава*), *Барнаш*, *Бебеница* (возможно, он же — *Тимпаниста*), *Безносый*, *Буйно* (*Buiño*) (в роли третьего имени), *Гайдар*, *Голайко* (род. *Golaiki*, дат. *Moscho* (*Golaiki*, *Golaiky*), *Golaikowi Golaikowi*, им. *Golaski*), *Голова*, *Горбатый* (в роли третьего имени), *Зык* (*Азык*) (в роли третьего или четвертого имени), *Калк*, *Конша*, *Косой* (*Кривой*) (иноческое прозвище), **Кравец* (дат. *Krawczowi*, *Krawczowy*), *Кривонога* (в роли третьего имени), *Кропотка*, *Купец*, *Кучин* (в роли первого имени), *Лагута*, *Лобан*, *Лугвица* (дат. *Лугъвици*), *Ляпун* (*Лепун*), *Москва* (в роли одного имени и первого из двух), *Новик* (в роли первого имени из двух), *Обланко* (первое имя из двух), *Перхин Неотзорок*, *Погожий* (первое имя из двух), *Посник* (*Посничко*), *Приеждчий* (первое имя из двух), *Прудник*, *Птицелов*, *Пунко* (третье имя), *Пушкарь* (*Puszkarz*), *Радко* (*Радка*), *Ратман* (см. Р. Дуров), *Ривко*, *Рудак* (вин. *Rudaka*), *Салтан* (см. С. Зеленин), *Сапун* (см. С. Дубровский), *Северь* и *Северга* (первое имя из двух, возможно — личное имя *Северин* или *Сиверга*), *Серый*, *Смирной* или *Смирный* (единственное или третье имя), *Соломей* (второе имя из двух: *Федор Соломей*), *Ступа* (*Стуба*) и *Сутурма* (оба прозвища выступают в роли вторых имен из двух или

третьих у братьев Телесниных), *Сухой (*Suchim*¹⁴, Тебенка (первое имя из двух), Тонкий, Турин (второе из трех, возможно — фамильное), Углик (третье имя), *Утеша (в роли второго имени от Утешов), Ушак (Вшак — третье имя, см. также третий тип), Хан (*Han*), Харепа (третье имя), Чаплинка (второе имя из двух, возможно — связано с Чаплином), Черник, Чудин, Шамахея* (*Шамахей*, *Шемахея* — шестое или седьмое имя), Ширяй. Конечно, прозвища Бебеница (литаврщик), Птицелов (сокольничий при королевском дворе) или Пушкарь (пушкарь-артиллерист) — говорят лишь об устойчивой практике регистрировать некоторых московитов по имени, созданном на основе их бывшей или действующей должности. Не единичны случаи, когда в сочетании двух имен второе выступает в функции прозвища: Конон Путило, *Kornilo Wasko* или дат. *Kornilovi Wasskovi* (т. е., вероятно, Корнилий Васильевич).

Восьмой тип представлен прозвищами, в которых сохраняются следы городской идентичности, отличной от рассмотренной в начале этой главы «московитской» идентификации. Возможность уже приводившегося имени «Иванови Матфееву сыну Курчанину Москалеви» во второй половине XVII в. не вызывала сомнений. Столетием ранее прозвища Смольнянин (*Полочанин*, *Воротынец* и др.) и Москаль могли еще восприниматься как недопустимое удвоение политической идентичности. Причиной этому служило то, что ряд западных по отношению к Москве земель в Европе, а особенно в Короне Польской и Великом княжестве Литовском, не считались подвластными Москве: *Иван из Смоленска*, *Иван Андреевич Новгородец*, *Детина Полонничок* (из Погоцка — о нем см. также пятый тип), *Кузьма из Путивля** (*Kuzma de Putivel*), *Кузьма* Татарин* (*Кузма Татарын*), *Себастьян из Радошковичей* (дат. по лат. *Sebestiano de Radoskowicze*), *Семен Стародубец* (*Сенько Старядубец*). Известны также случаи, когда за выходцем из Российского царства закрепляется греческая (возможно, в значении: православная) идентичность: *Иван Яковлевич Грек*. О московском происхождении жителя Речи Посполитой может свидетельствовать и принадлежность к «Севрюкам». Это прозвище говорит о причастности его носителя к Чернигово-Северской земле, которая в 1503–1523 гг. была присоединена к Великому княжеству Московскому и *de jure* оставалась в его составе вплоть до Деулинского перемирия 1618 г.¹⁵ В таком источнике, как Киевский налоговый

¹⁴ В реестре выплат Королевской Казны 1565 г. читается форма «Suchim» в списке имен, приведенных в им. п., но с преамбулой и суммарием в дат. п.: «Wieżniom Moskiewskim: Iwan, Siemion, Han, Hawrilo, Oszip, Maliecz, Naum, Iwan Prokozewicz, Wasziel, Zdaniecz, Suchim — Thim dnia 15 Maya dalem za wlasnym Krolia Iego M-czi roskazanim... » [ASK, dz. 1, № 192, k. 49v].

¹⁵ М. Ф. Владимирский-Буданов, М. С. Грушевский и А. Стороженко предполагали, что под «севрюками» в XVI в. понимались летописные северяне. Это предположение П. Г. Клепатский отводит, считая, что «в числе севрюков мы

реестр 1571 г., раздел, озаглавленный «Siewruki tho yest strzelczi», может содержать список выходцев как из московской, так и из польско-литовской Северщины (о «стрельцах» см. ниже) [КТВи, арк. 436зв.]. Впрочем, по мнению Натальи Белоус, это упоминание относится к «лицам местного происхождения или пришлым литвинам (белорусам), на что указывают их имена и прозвища» [Белоус 2008: 86].

Девятый тип представляют местные прозвища, которые добавляются к прежним именам и фамильным прозвищам, приобретенным еще в период жизни в России. В ряде случаев местные имена вытесняют те, которые были получены еще в российский период эмигранта. Однако не всегда. От луцкого имения Кнежи образовалось прозвище *Князский*, которое носили совладельцы-московиты, друг другу, по всей видимости, вовсе не приходившиеся кровными родственниками. От кременецкого имения Вороновцы — *Вороновецкий*, за которое также конкурировали несколько человек. От ковельского имения Секунь и Шушки — *Секунский*, присвоенное слуге кн. А. М. Курбского М. Я. Калымету и его семье. От другого ковельского имения Колодежно — *Колодеженский* (*Клодеженский*), полученное Г. Кайсаровым (Кайсаром, Кейсаром) (см. о его прозвище также третий тип). От имения Калиновка (Калиновцы) под Старыми Кошарами на Волыни прозвище — *Калиновский*, которое носил И. Пятый Тараканов (Тороканов) (см. о его прозвище также четвертый и шестой типы)¹⁶. От с. Куликова Кременецкого повета получил свое прозвище московит О. О. Ушак и его потомство — *Куликовский*. Показательно, что это, по сути, титульное (владельческое) определение присоединяется к имени по наиболее рафинированной схеме первого типа, приближая его носителя к полной интеграции в местный социум. Конечно, нередко подобное наречие служило аргументом в борьбе за недвижимость — при помощи прозвища лицо приобретало не только статус местного «доброго» человека, но и первенство в правах на земельный надел по отношению к своим конкурентам. Нам не известен ни один пример, когда бы

иногда находим лиц, которые ни в каком случае не могут быть чистокровными потомками северян», и приводит тюркские имена, содержащие прозвище «Севрюк». На этой основе, со ссылкой на А. И. Соболевского, высказывается предположение о том, что «севрюков лучше всего производить от татар. sauriqu — суровый, одичалый = влkr. севрюк» [Клепатский 2007: 404–405, примеч. 1841, здесь же обзор точек зрения]. Однако связь между этническим составом всех севрюков и номинацией севрюков-тюрков не доказана: в реестрах второй половины XVI в. подавляющее большинство «севрюков» — носители общерусских имен. С тем же успехом можно вспомнить московитов-тюрков на литовской службе: их имена также могут состоять из тюркского первого имени или фамильного прозвища и прозвища «Москвитин» («Агиш Москвитин», «Остайф Бахтияров Москвитин» и т. д.), но этот факт, конечно, не решает вопрос об «этническом происхождении» королевских и господарских московитов.

¹⁶ Подробнее о нем см.: [Auerbach 1985: 15, 100, 208, 246, 257, 323, 367, 372–373].

приобретенная владельческая фамилия московита была получена им от жены или наследником московита «по кудели», т. е. по материнской линии, по названию владений, которые были получены ею в приданое или в качестве вдовьего надела. Важным является тот факт, что фамильное прозвище используется по принципу мужского «геральдического» единства, основой для которой служит феодальное держание. Однако само по себе держание не было гарантией вхождения в ряды местной шляхты.

Случаев присоединения московитов — в первом поколении — к геральдическим объединениям не известны. Косвенным доказательством обособленности эмигрантов в новом социуме служат в этом смысле сфрагистические и геральдические данные. Наиболее статусные геральдические символы московской эмиграции — «Русская Погоня» князей Шуйских, «Лев» Курбских Ярославских, «Змей» Ляцких¹⁷. Все это символы, не позволявшие присоединиться ни к одной геральдической корпорации Короны Польской и Великого княжества Литовского, хотя они и содержали древние русские и литовские или современные параллели с геральдикой местной шляхты. Нет и ни одного примера, когда бы геральдисты отметили принятие шляхтича московского происхождения под герб местной шляхты. Усилия В. С. Заболоцкого по возвращению себе княжеского титула на рубеже 1560–1570-х гг. также говорят в пользу версии о его попытках воссоздать магнатский род, который не считался бы родом местного происхождения. Шляхтичи-московиты из детей боярских обычно решали проблему родовой принадлежности при помощи матrimoniальных связей с местной шляхтой, хотя пример матrimoniальной политики князей Оболенских — Бельских — Крижениных говорит о том, что существовали и иные взгляды на перспективу интеграции, в которой не придавалось значения геральдической солидарности, а на первый план выступала близость к бывшим соотечественникам. Впрочем, вдова Оболенского Федора Мироновна после смерти мужа предпочла удержать имения покойного мужа при помощи брака с кн. Станиславом Юрагой Гедройцем.

Возможно, эта же причина заставляла отдельных эмигрантов сохранять свои прозвища без существенных изменений на протяжении долгих лет. Ряд фамилий звучали вполне типично для польско-литовской шляхты или даже были связаны с нею далеким родственным единством. На прозвища Бухвостов (*Buwostow*), Вепрев, Головин, Дуров (*Durow*), Игнатьев, ¹Канедов¹⁸ (*Kaniedow*), Кафтырев, Кашин (*Kassen*, *Kassin*), ¹Кашинцев, ¹Кимашев (*Kimasiow*), ¹Кирдев, ¹Кобяков (*Kobyakow*),

¹⁷ Подробнее см.: [Grala 1999].

¹⁸ Обозначение «¹» сопровождает прозвища, известные по уникальным упоминаниям в источниках. О них см. ниже в данном абзаце.

¹Коведяев, ¹Козарин, Козлов, Колычев (*Koliczow, Kołyczow*), ¹Кондаков или Киндяков (*Kindakow*), ¹Кондырев, ¹Коноплев (*Konoplow*), Коншин, ¹Коптев, Кореев (*Karamtaev*), ¹Крыпичин, ¹Кузьмин (*Kuzmin*), ¹Кулаков, Кульнев (*Kulnev*), ¹Кункин, Кутузов, ¹Кучуков, ¹Левошин, ¹Левшин, ¹Лижиносов, ¹Лизунов, Лихарев (*Lixarov*), ¹Лихачев, Лодыгин (*Lodihin*), ¹Лопатин, Лутовин (*Luthowin*), Лыков (*Likow, Lykow*), Ляцкой, ¹Мальцов, ¹Масалягин, ¹Маслов, ¹Матюшкин, ¹Межининов, ¹Мелдешов (*Mieldeszow*), Минин, Молчанов, Монастырев, ¹Мордасов, ¹Мордвинов, ¹Мормылев, ¹Муратов, ¹Назимов, ¹Нарбеков (*Narbieykow, Narbiekow*), ¹Насупов, Неелов, Нелидов, Непейцын (*Nepieciuin*), ¹Нестеров, ¹Новокщенов, ¹Ноздроватый, ¹Овдин, ¹Огарев, ¹Оникеев, ¹Онорков, Панов, ¹Пантелеев, ¹Патрикеев, ¹Пересветов, ¹Петелин (*Petelin, Pethelyn*), ¹Пивов, ¹Плихин, Полтев, ¹Полукнязев, ¹Поповкин, ¹Постельников, ¹Приимков, ¹Протасов, ¹Пущечников, ¹Пушкин, ¹Пущин, ¹Пыхачев, ¹Радилов (*Radzilow*), Раков (*Rakoff, Rakow, Rakou, Rakow*), ¹Редкин, ¹Резанов, ¹Резанцов, ¹Реозов (*Reozow*), ¹Саковков (*Sakow-kow*), Самарин (*Samarin*), Сафонов (*Saphonow*), ¹Свиридов (*Swirzow*), ¹Святин, Седилов* (или Цедилов*, *Sadziłow*), ¹Серков, ¹Серменин, ¹Ситчин, ¹Смолин, Солнцев (*Solnцов*) Лолиндов, Стрешнев (*Стречнев*), Стырев (*Stryiow*), ¹Сыривков, ¹Сычев (*Sychow*), ¹Сюлименев, ¹Тверенев, Телеснин, Тетерин, ¹Тимиров, ¹Толстыкин, Третьяков, ¹Трицков, ¹Турин Озношибин, ¹Тютчев, ¹Фатьянин (*Fatjajowa, Fatjajova*), ¹Хворощин, Хлусов (*Chłusow*), Хлыстов, ¹Хомин (*Xomina*), ¹Хомяков (*Chotekow*), ¹Хохолин, ¹Хрущов Болтин, ¹Цвиленев, Чаплин (*Chaplin, Czaplin*), ¹Чепчуков, ¹Чертов, ¹Чоглоков (*Chogokova*), Чудов, Чухнов, ¹Шапкин (*Sapkin*), ¹Шеметов, ¹Шемякин, ¹Шилин (*Szilin*), Ширагов, ¹Ширяев (*Shiraev*), Шишкин, ¹Шишимарев (*Shishimarov*), Шокуров, Шушерин, ¹Щенягин, ¹Юдин, ¹Юдин Тулубьев, Юрьев (*Юрьев*), Ярцов названные выше языковые и культурные механизмы не подействовали или нам не известны преобразования этих прозвищ за годы эмиграции их носителей (не учитываем в именах из двух компонентов вторых имен, формально сходных с отчествами: Кириллов, Лаврентьев, Никифоров, Терентьев (*Terenteiow*), Тимофеев, Федоров, Филиппов и др.). В ряде названных случаев интеграции лица и адаптации фамильного прозвища еще не произошло, наоборот — в нашем распоряжении есть только сведения о пленении или переходе на службу, практически не отстоящие по времени от самих этих событий или почерпнутые только из материалов московского Посольского приказа (все подобные случаи обозначены знаком «¹»). Из названных выше 144 прозвищ 97 (67,4 %) уникальны, а следовательно, совсем не репрезентативны для вопроса о трансформации имен. При этом более половины из оставшихся имен встречаются в источниках не более 2–3 раз на протяжении короткого исторического промежутка, и также

мало пригодны в интересующем нас качестве. При этом можно догадываться, нет ли родства между рядом лиц. Например, Б. Юдин и М. Юдин Тулубьев могут быть родичами или даже одним человеком.

Обратная ситуация — требуются дополнительные источники, чтобы получить московскую версию прозвища, если оно известно только в своих заграничных версиях, уже бытовавших в Московском государстве (см. Ф. Ф. Бедрынский, Василий Карпович, Б. Горский, Вербицкий, И. Кодрицкий, К. Козловский, П. Колтовский, А. Куницкий, Ср. А. и Ст. А. Кучицкий, Ю. В. Кушецкий, А. Лодыгинский, А. Г. Мазовский, Т. О. Моневский, В. Ш. Нармоцкий, А. С. Островский, Ю. Петровский, А. Ржевская, М. И. и Ф. Ржевский, В. И. Суходольский, Ф. Д. Ункевский, Р. Ф. Унский, Ф. Чеховский).

Нельзя исключать, что такие знатные московские деятели, как Головины, Колычевы, Квашнины, Ляцкие, Монастыревы, Нееловы, Плещеевы, Раковы, Тетерины считали в эмиграции достойным сохранять московское звучание своих прозвищ без значительных изменений. О Ляцких это можно сказать уверенно — они создали даже пышную «польско-молдавскую» легенду о происхождении своего фамильного прозвища. Титулованные слуги московских государей поступали подобным образом, сохраняя и расширяя в эмиграции свои титульные определения московского периода (см. С. Ф. Бельский, М. Ф. Гвоздев Ростовский, Б. Ф. Желиховский, А. М. Курбский Ярославский, М. Нелединский, М. А. Ноготков Оболенский, И. Д. Губка Шуйский, И. Сеитов, П. И. Татев, В. И. Телятевский Микулинский, В. И. Темкин Ростовский, И. Б. Тюфякин Оболенский, П. И. Хворостинин, Ф. Хотынский, Г. Шаховской, П. Шелешпанский, В. А. Шамахея Шестунов, И. Д. Губка Шуйский, Д. М. Щербатый Оболенский, И. Щербатый)¹⁹. Возможно также, что в ряде случаев языковые механизмы не работали и местные формы от московских не образовывались как раз потому, что это привело бы к возникновению прозвища, которое уже было в ходу у местных жителей — и прежде всего у шляхтичей. Так, прозвище боярича-эмигранта Заблоцкий не встречается в источниках в форме Заблоцкий, скорее наоборот, Владимир Семенович лишается фамилии и сохраняет только первое имя. Сходным образом Тетерин никогда не пишется Тетерей, хотя такой род в Речи Посполитой был.

¹⁹ И. Мытник полагает, что кн. А. М. Курбский принял в эмиграции титульные определения Ярославский и Ковельский в память о происхождении от великих князей ярославских и по своему основному имению-старству. Впрочем, мы в другом месте допускаем претензии Курбского на ярославский титул еще в России, а ковельский титул, закрепившийся за одной из ветвей князей Сангушко, не прижился в основной массе документации самого кн. А. М. Курбского и совсем исчез у его потомков в Речи Посполитой. Ср.: [Mytnik 2013: 196–197; Ерусалимский 2018: 474–482].

Вторые имена в сохранившихся источниках тесно связаны с личными и фамильными. Как уже мы видели, типологизируя формы третьего имени (фамильного прозвища), в польско-литовской культурной среде сохранялся приоритет социального статуса при использовании имен. Три и более компонентов имени обычно говорили о высокопоставленной особе или о полноправном субъекте. Определение личности при помощи двух имен, как правило, не говорит о существенном дефиците статуса, но применительно к детям боярским скорее свидетельствует о наследовании норм регистрации, которые сложились в московском контексте и были принесены в эмиграцию. Одно имя в роли адресного прозвища — это, как правило, свидетельство выдающегося признания и всеобщей известности, а в случае применения обычных личных имен без дополнительных идентификаций, наоборот и гораздо чаще, — неполноты социального положения. В именах казаков, впрочем, оба эти качества одноименности срастаются: вольный человек гордится своим независимым и обособленным от иерархий статусом. Два имени и более почти всегда означает, что второе выступает в роли отчества, дедичества или фамильного прозвища. Отличить в таких двуединствах имя отца от дедичества или фамильного прозвища непросто. По своей форме они нередко совпадают: *Мартин Игнатович, Лаврин Климентович (Москович)*, *Леонтий Овдеевич, Гаврило Перфильевич (Perffiriowicz, Perfirjowicz, Pierfierzewicz) (Лодыгин)*, *Сильвестр Сидоров (Сыдоров, Сидорович) (Кулешин)*, *Иван Федоров (Федорович)*, *Матвей Федоров (Федорович) (dat. также Matwieiowi Fiedorowiczowi)*, *Микита Григорьев (Григорьевич) (Mikita Rihorev, Mikita Hrehorew)*, *Микита Иванович, Наум Еремеевич (Naum Jeremiewicz)*, *Осьмой Михайлов (Astmoi Michalowicz) (Непейцын)*, *Родион Булгакович, Семашко Сединцович, Семен Андреев, Степан Ерофеев (Срофеев)*, *Степан Лавринов, Степан Логинович (Логгинович)*, *Тимофей Андреев (Андреевич)*, *Томила Кузьмин (Thomilo Kusmin)*, *Степан Протасович (Протасов) Фатьянов, Федор Андреев (возможно, брат Тимофея Андреева (Андреевича))*, *Федор Игнатов, Федор Матвеевич (Матфеевич, Матвеев)*, *Фома Сергеев, Якуш Антонов и др.* Как уже говорилось выше, вторые имена в «московской» (русской) форме, даже при наличии прямого указания на «сыновство», не гарантируют, что перед нами именно отчество, а не дедичество или более отдаленная степень происхождения. Бывали случаи, когда польско-литовская деловая культура превращала отчество эмигранта или его ближайшего потомка в фамильное прозвище (так случилось с именем Я. У. Сарыхозина — см. об этом первый тип фамильных прозвищ). Можно лишь предположить, что отдаленность происхождения во втором имени зависит от социального статуса его носителя. Наименее статусные лица определялись

чаще по личному имени и имени отца. Более статусные могли опираться на личное имя и фамильное или родовое. При таком понимании, например, мещане *Микита Иванович*, *Степан Максимов*, слуга шляхтича *Ян Тишкевич* или «простой» человек *Нерон Иванов* скорее известны нам по личному имени и отчеству, а вот сыны боярские *Микита Григорьев* или *Прокоп Федоров* – по личному имени и фамильному прозвищу. Это очень ненадежная догадка, тем более что нередко мы не располагаем данными даже о социальном статусе пленных и эмигрантов (см. *Петр Дмитров*, *Петр Иванов*, *Петр Семенов*, *Прокоп Бурсилович*, *Прокоп Григорьевич*). В редких случаях в источниках обнаружены два личных имени (например, *Юдин Матвей* – см. *Ю. М. Тулубьев*), только два имени без личного – т. е. имена в функции второго и третьего (см. *Онисимов Бокланов* или только форма непервого имени (см. *Сергеевич*).

Личные имена претерпевают за границей в целом предсказуемые преобразования, впрочем, не всегда, а часто отнюдь не сразу после эмиграции [см. также: Селин 2010]. Во многих случаях, особенно при единичных упоминаниях, в нашем распоряжении нет ничего, кроме адаптированных московских имен, и они мало говорят об интеграции эмигрантов: *Авдотья (*Овдотья*), *Агиш*, *Аксентий* (в отчестве *Axieneiewicz*), *Аксинья* (*Оксимка*), *Алексей* (*Олексей*) / *Alexi*, *Ананья (во втором имени *Ананын*), *Андрей* / *Andrei* (*Andrzei*), *Аникий (*Оникий*), *Анисим (*Онисим*, *Онисий*), *Анна* (*Ганна*), *Антифор*, *Антон* (*ОНтон*) / *Anton*, *Артем (*Ортем*), *Ахрем*, *Безсон*, *Борис*, *Варвара* (*Варка*) / *Barbara*, *Веревка*, *Власий (*Balás*, *Blasius*, *Blasius*), *Война* / *Woina* (вин. *Woynę*), *Гликерия (жен. *Луна* – см. также *Лукерья*), *Вышата* (*Висчата*, *Вишата*), *Давыд*, *Даниил* (*Данило*) / *Daniel* (*Danilo*), *Дементий*, *Демид*, *Денис*, *Домна*, *Елизарий (*Олизар*), *Елисей* (*Елка, *Ielka*), *Еремей (дат. *Jeremieiewiczu*, *Jeremiewicz*), *Ермолай (*Ермола*, *Ярмола*), *Есиф*, *Ефим*, *Ждан* (*Жданец) / *Zdan* (*Sdan*, *Zdaniecz*), *Замятня*, *Зиновий (во втором имени *Зензин*, *Зендзин*, т. е. сын *Зензы* или *Зенды*), *Измайло* (*Змайло*), *Илья*, *Иов (*Ивко*, *Иев*), *Исаак*, *Казарин* (*Kozarin*), *Каленик*, *Карп* (*Карпъ*, *Карпуня*), *Кирей*, *Клим* (в роли второго имени *Климец), *Кондратий (*Кондрашка*), *Константин (*Костянтин*, *Костя, *Kosczia*, *Kosczieia*), *Корнилий (*Корнило, *Kornilo*), *Кузьма* (*Кузма*) / *Kuzma*, *Кузяй* (возможно – *Кузьма*), *Ларион* (*Ларя*, *Ларко*), *Лих (*Лишко*), *Лобан* (*Лобанко*), *Логин или *Логвин / *Loguyp*, *Лукерья (*Lukoy Bibi*, *Луния*), *Лукьян*, *Лыко (во втором имени *Лыков*), *Макар* (*Макав*), *Максим*, *Малахия* (*Малах*), *Марина*, *Мария*, *Матвей*, *Матрона* (*Матруна*), *Мелан*, *Мирон (*Нерон*, в жен. отчестве *Мироновна*), *Митрофан*, *Моисей*, *Мокей* (*Макей*) / *Mokiei*, *Надежда* / *Nadzieza* (муж.), *Назар*, *Наум* (*Навум*) / *Naum*, *Нерон*, *Орефий* (возможно, его уменьшительная форма – *Орешко*), *Остафий* / *Ostaphieie*,

Павел / дат. Paulo, Павлин (см. П. Огалин), *Пелвян (его вдова дат. *Pelvi-anowej* – возможно, также *Павлин*), *Параскева (*Порася, Парася, Парашика*), *Пелагея (**Палаша, Połaszka*), *Полония, Потап, Протас, Путило, Ратай, Родион* (*Радивон*), *Роман, Рычко, Рюма, Савва* (*Сава*), *Севастьян / Sebastian, Селиван* (*Селивон*), *Серап, Сергей* (*Surgiel, Sierii*), *Сидор* (*Сидор, Садыр, Sidor, Szidor, Shydor*), *Сильвестр* (*Селивестр, Селиверст*), *Солман, Солтан, Соломонида, Тарас, Тарх, Татьяна* (*Тацыяна*), *Тимофей* (*Тимошка*), *Тихон* (**Тишко, Thischko*), *Томила* (**Томило, Thomilo, Томилка / Thomilo, Томко* (возможно – *Томило*, менее вероятно: *Тимофей*)), *Трифон (*Трухан*), *Троста (тв. с *Тростою*, т. е. *Трофим или *Трифон), *Трофим (*Отрохим*), *Ульяна* (*Уляна*) / *Uliana* (*Ulca*), *Умар* (*Марк*), *Устим, Феврония* (*Ховра*), *Федосья, Филимон, Фома* (*Хома, Thomas*), *Фрол, Хвена* (возможно – от *Федора, Феодосия, Феофания*), *Яким*.

Во всех случаях, когда в источниках зарегистрированы полные формы имени, мы опираемся на них, а не на уменьшительные варианты (это не удается сделать применительно к имени *Луна* или *Ielka*)²⁰. Впрочем, не всегда на основе этих полных форм удается безальтернативно восстановить их московские аналоги. Ряд замен может быть сведен к двойчной или троичной модели от основных московских форм к основным польско-литовским и уменьшительным. Здесь мы назовем только те имена, которые встречаются в нашем реестре, т. е. отражают, прежде всего, ономастические реалии середины XVI – начала XVII в.

Полная форма	Уменьшительная форма	Сниженная форма
* <i>Аграфена</i>	<i>Огруха, Агреня, *Груша</i>	<i>Грушка (Кгрушка)</i>
* <i>Александр, Алексей</i>	<i>Олеша</i>	<i>Олешка, Олешко, Oleszko</i>
* <i>Алферий</i>	<i>Олихвер, Олифер</i>	—
* <i>Анна, Ганна</i>	—	* <i>Ганка</i>
* <i>Анастасия</i>	<i>Настасья</i>	<i>Сташка</i>
* <i>Афанасий, Офанасий</i>	<i>Офанас, Афанас, Опанас, Ophanas, Offanasz, Opanas, Opanasz, Ophanas, в дат. Afanasio</i>	<i>Офонко, в вин. Ofonku, Офанаско</i>
* <i>Василий, Василей, Basilius, Basileus, Vasili, Waszielei, Basily, в дат. Vasylio</i>	<i>Василь, Basil, Vaschil, Vasyl, Vasil, Vasyll, Wasyl, Wasil, Wassiel, Waszil, Waszyl, Waszil, в дат. Wassilowi, Waszelowi</i>	<i>Васко, Васка, Васько, Wasko, Bacyma, Василец</i>

²⁰ Ценный сборник вариантов: [Трійняк 2005].

Полная форма	Уменьшительная форма	Сниженная форма
Владимир, Володимер, <i>Włodimir</i>	—	Володко
*Гавриил (<i>Gawriel</i>)	*Гаврила, Гаврило, <i>Hawrilo</i> , *Гаврюша	—
Герасим, Гарасим, <i>Hahazym</i> , <i>Garasym</i> , <i>Grassim</i> , <i>Gorassi</i>	—	Герасимец
Григорий, Грыгорей, <i>Gregorius</i> , <i>Hrihori</i> , <i>Hrehori</i>	Григор, Грэгор (<i>Grzegorz</i> , <i>Gregior</i> , <i>Grehor</i> , <i>Gregier</i> , <i>Rihor</i> , <i>Reor</i> , <i>Hrehor</i>), *Ежи (*Irzy — нам доступна только форма дат. <i>Irzemi</i>), Гриша, Грыша, Грыши, Рыша, <i>Hrischa</i> , <i>Hrissa</i>	Гришко, Гришка, Гришко, Гридя, <i>Chrisko</i> , <i>Griczka</i> , <i>Hrisko</i> , <i>Hrisco</i> , <i>Hrycko</i> , <i>Hrysko</i> , * <i>Riszko</i> или * <i>Riska</i> (известна форма дат. <i>Riscze</i>)
*Дмитрий, *Димитрий, <i>Demetrius</i>	Димитр (<i>Dimitr</i> , <i>Diimir</i>) или Дмитр (<i>Dmitr</i>); Митя (<i>Mita</i>) — возможны для имени Микита	Митко (<i>Mithko</i> , * <i>Mietko</i> (дат. <i>Mietkowi</i>) — возможны для имени Микита
*Евстафий	Остапий, <i>Ostaphiei</i> , <i>Ostafiej</i> , * <i>Ocman</i>	*Остапко, <i>Ostapko</i>
Елизарий	Олизар (<i>Olizar</i> , <i>Wlizi</i>)	*Олизарко
Захарий, Захари, Захарияи Захарияи, Захариаш, <i>Zachariasz</i>	Захар (<i>Zachar</i> , <i>Zacharz</i>), Захария (<i>Zacharia</i> , <i>Zachora</i>)	—
*Иоанн, <i>Joannes</i> , <i>Ioanness</i>	Иван, <i>Iwan</i> , вин. <i>Ywana</i> , Ян (<i>Jan</i>)	Иванко (<i>Iusko</i>), Ванько, Ивашка (<i>Ivaško</i>), *Иванец (в лат. <i>Iwaniecz</i>), Иванюк, *Янек (<i>Janek</i>)
Игнатий	Игнат	Игнатко
*Иосиф	*Осип, <i>Osib</i> , <i>Ossip</i> , во втором имени Осипов, *Юзеф (<i>Józef</i>), *Есиф	Иосъко
Истома	Стома	Истомко
*Кирилл	Кирило, Курило, дат. о вдове <i>Kyerillowej</i>	Кирилко
Лаврентий	Лаврин	—
*Левонтий, *Леонтий, *Лев, Левон, Леон, <i>Lewon</i> , <i>Liewon</i> , <i>Lyewon</i>	Лева, *Леваш	Левко (<i>Lewko</i> , <i>Liewko</i>), Левашко, Левошко
Лука, <i>Luca</i>	Лукаш	—

Полная форма	Уменьшительная форма	Сниженная форма
<i>Марина, Марына</i>	<i>Маруша</i>	—
<i>Матвей, Матфей, *Мамиас (Matias)</i>	* <i>Матей, *Мацей</i> (в прозвище <i>Maccieowicz</i>), * <i>Мамис (Mathys)</i>	* <i>Матюшко, Matysko</i>
<i>Михаил, Michael</i>	<i>Михайла, Михайлло, Michaiło, Michailo, Michaylo, Mihaylo, *Михал (Michał, ВОЗМОЖНО, ОНО ЖЕ Михоль)</i>	<i>Михно, Михалко, Миско</i>
* <i>Некрас</i>	—	<i>Некраско</i>
* <i>Никита, Микита, Mikita, Mikitha, Mikieta</i>	—	<i>Микитко</i>
<i>Никифор, Микифор, Mikifor, Mikiffor</i>	<i>Никипор, Nikipor, Nicefor, Оникифор</i>	—
* <i>Парфений</i>	* <i>Феня</i>	* <i>Фенько</i> (дат. <i>Fenkowi</i>)
<i>Петр, Petrus, Peter, Piotr</i>	* <i>Петро, Petro</i>	<i>Петруша, Piotrusza</i>
<i>Прокофий (Прокофей), Прокопий (Procopii)</i>	<i>Прокоп (Procop), Прокоф</i>	* <i>Прокош</i> (в прозвище <i>Prokosewicz</i>)
* <i>Савватий, Савадей</i>	* <i>Савва, Ssawa, Ssafa</i> — возможно, также <i>Saulus</i> , см. ниже о католических именах	<i>Савка, *Савко</i>
<i>Семен, Siemion, Simion, Sziemion (в отчестве Szkiemianowicz, Szkiemianowicz, Siemienowicz)</i>	<i>Симон, Simon</i>	<i>Семейка, Сенко, Сенько, Senco, Семашко</i>
<i>Степан, Стефан, Stepan, Stephan, Zdipan</i>	* <i>Стена, Czepa</i>	<i>Степанко, Стецко, *Пац</i> (в прозвище <i>Пацевич</i>)
* <i>Терентий</i>	—	<i>Тренко</i>
<i>Филипп (дат. Philippo)</i>	* <i>Пилип (в отчестве Пилипович), Пиля</i>	—
* <i>Харитон</i>	—	<i>Харко</i>
<i>Юрий (Jurgi), *Георгий (Georgius, Georius, Geor', Jeorgius)</i>	* <i>Юпа (Jura)</i>	* <i>Юрак (Urak), Юрко, Ижик (Irzik)</i>
<i>Яков, Jacobus, Jakob (дат. Jacopo)</i>	<i>Якуш</i>	<i>Яковец, Яцко (Jaczko, Jacko), Яско (Jasko)</i>

Польско-литовские и европейские источники в целом точно передают и те формы, которые не носят выраженного местного колорита, но приняты также и для обозначения местных жителей. Это, как можно видеть по доступным нам примерам, нередко связано с бытованием греко-латинских аналогов, которые поддерживали в одних случаях московские формы (*Gregorius*), в других — польско-литовские (*Basil*).

Для польско-литовских контекстов употребление уменьшительных форм характеризует самоидентификацию, принесенную из Московского государства, либо невысокий статус — нешляхетское происхождение, положение челядина, селянина, мещанина, простого ремесленника или огородника. Восточнорусские уменьшительные формы встречаются не так часто: *Варька, Васька, Веревка, Гриша (Гришка), Жданец, Иванец (Ивашка), Кондрашка, Лева, Ларя, Митя, Михайла, Петруша, Стома, Тимошка, Томила (Томилка), Ховра*. Обычны в инвентарях и записях актовых книг именно местные аналоги. Конечно, во всех подобных случаях маркером московского происхождения служит в первую очередь не форма имени, а этническое прозвище при нем. Из уменьшительных форм приходится выбирать те варианты, которые вероятны, но не всегда в равной мере надежны. Например, *Олешко* может относиться как к имени Алексей, так и Александр. Мы принимаем за Алексеев только тех, кто в источниках зарегистрирован как Алексей, Олексей или Alexi, принимаем *Олешко* как обозначение Александра.

На фоне сказанного выше не удивляет, что доступные в источниках имена московитов в эмиграции находят множество параллелей с их московскими аналогами и прототипами. В «Словаре» Н. М. Тупикова^(т) и «Ономастиконе» С. Б. Веселовского^(в) зафиксированы многие из имен и прозвищ российских эмигрантов XVI — начала XVII в. (в скобках указываем форму, если она заметно отличается от учтенных в словарях [Тупиков 2004; Веселовский 1974])²¹: *Агиш^в, Аксаков^{тв}, Анисимов^в (Онисимов), Арцыбашев^{тв}, Ахмат^{тв}* (в отчестве: *Ахматкович*), *Ахрем^в, Бажен^т* или *Бажанов^т* и др. (*Бажан*), *Бакланов^{тв}* (*Бокланов*), *Балабанов^в* или *Балобанов^т* (*Болобанов*), *Баранов^{тв}*, *Бахтияр^{тв}*, *Башкин^{тв}*, *Башмаков^{тв}*, *Бебеня^{тв}* (*Бебеница*), *Бедрин^{тв}* (*Бедринский*), *Безнос^{тв}* или *Безносой^{тв}* и др. (род. п. *Beznosego*), *Бельский^{тв}*, *Бесчастный^{тв}*, *Бибиков^{тв}*, *Блудов^{тв}*, *Бобров^{тв}*, *Бобровников^{тв}* (*Бобровник*), *Богдан^т*, *Болдырев^{тв}*, *Болотников^{тв}*, *Борис^т* (*Борисов*), *Бошман^т*, *Бранец^т* (*Брянцов*), *Бузат^т* (*Buza*), *Буй^{тв}* или *Буев^т* (*Буйно*), *Буйносов^{тв}*, *Булат^{тв}*, *Булгаков^{тв}*, *Бунаков^{тв}*, *Бунков^{тв}*, *Бурков^{тв}*,

²¹ Для женских имен оба словаря не препрезентативны, поэтому наша работа нуждается в дальнейшем сравнении с корпусом таких имен, который еще не составлялся. Не учитываем также имен литвинов, поляков и немцев, перешедших из России в Корону Польскую и Великое княжество Литовское (т. е. не впервые сменивших свое место обитания).

Бурцов^{тв}, Бутурлин^{тв}, Бухвостов^{тв}, Быков^{тв}, Вадбальский^в, Валуев^{тв}, Великого Гагин^{тв}, Венрев^{тв}, Верещага^{тв} (Верещака), Вешняков^{тв}, Водопьян^{тв}, Войков^{тв}, Волков^{тв}, Волынский^{тв}, Воронов^{тв}, Воронцов^{тв}, Выродков^{тв}, Вышата^{тв}, Гломазда^т (Гломаздич), Гнедой^т или Гнида^в (*Hniad*), Голенищев^{тв}, Голова^{тв}, Головин^{тв}, Голохвастов^{тв}, Горбатый^{тв}, Грешик^в (Грешный), Грия^в, Груздев^{тв}, Губин^{тв}, Дашков^в, Девятого^{тв}, Десятого^{тв}, Дивов^{тв}, Добровацкий^в (Добровицкий, ср. также Дуброва^{тв} и др.), Домашний^{тв}, Доможиров^{тв} (Домажиров), Дружина^{тв}, Дубровский^{тв}, Дудоров^{тв} или Дударев^{тв} (Дударов и др.), Дурасов^{тв}, Дуров^{тв}, Духаня^в (Духанин, ср. Духнин^{тв}), Дьяков^{тв}, Дымов^{тв}, Елагин^{тв}, Елка^{тв}, Ждан^{тв}, Жегалов^{тв}, Жеребец^{тв} (Жеребцов), Жохов^{тв}, Жуков^{тв} или Жук^{тв}, Заболоцкий^в, Замеса^в (Замесский), Замятин^{тв} (Замятин), Замятня^{тв}, Зверев^{тв} или Зверь^в, Зеленин^{тв}, Злобин^{тв}, Зубарев^{тв} (Зубаров), Зубатый^{тв}, Зубец^т или Зубцов^т (Зубцовский), Зыбин^{тв}, Зык^{тв}, Зюзин^{тв}, Зяблый^{тв} (Зяблов), Иващенцев^в (Ивашинцов), Измайлова^в, Истома^{тв}, Истомин^{тв}, Казант^т или Казанов^{тв} (Козунов и др.), Кайсаров^{тв}, Калемет^в (также Калымет и др.), Калитин^{тв}, Карамышев^{тв}, Каратеев^в (Каратеев), Кафтырев^в (ср.: Катырев^{тв}), Кашин^{тв}, Кащинцов^{тв}, Кашкаров^{тв}, Квашинин^{тв}, Кирдей^т или Кирдеевич^т (Кирдев), Кирей^т (ср. Киреев^в), Киселев^{тв}, Клобуков^{тв}, Кобяков^{тв}, Коведяев^{тв}, Коверзин^{тв}, Козарин^т или Казарин^в, Козлов^{тв}, Кокошкин^{тв}, Колтовский^{тв}, Колычев^{тв}, Кондаков^{тв}, Кондырев^{тв}, Коноплев^{тв}, Коншин^{тв}, Коня^т или Коняй^в (Конан, Конон), Контьев^{тв}, Кореев^в (он же Каратеев, ср.: Кора^т, Коротай^{тв}), Коркодинов^в, Короваев^{тв}, Костомаров^{тв}, Кошелев^{тв}, Кравец^т, Кривоног^т (Кривонога), Кропотка^{тв}, Крыж^т или Крыжин^в (Криженин и др.), Кулаков^{тв}, Кулешин^{тв}, Кульев^{тв}, Кунай^{тв}, Куницаин^{тв} (Куницкий), Кункин^{тв}, Курба^т (Курбский), Кутузов^{тв}, Кучецкий^в (Кучицкий), Кучин^{тв} или Кучук^{тв} (Кучун), Кучуков^{тв}, Кушелев^{тв} (ср. Кошелев^{тв}), Кушников^{тв}, Лабодинский^в (Лабондинский, ср. Лабутин^{тв}), Лавр^в (Лаврин), Лагута^т (ср.: Лагун^{тв}), Ласица^в (ср. Ласицин^т), Леваш^{тв} и др., Левушин^{тв} (Левошин), Левшин^{тв}, Лизунов^{тв}, Лихарев^{тв}, Лихачев^{тв}, Лихоня^{тв} или Лихой^{тв} (Лишко), Лобан^{тв}, Лодыгин^{тв}, Лодыженский^в или Лодыжников^т (Лодыжинский), Лопатин^{тв}, Лосинат^{тв} (Лосинич), Лугвица^{тв}, Лутовинин^{тв} (Лутовин), Лущихин^{тв} (Лущин), Лыков^{тв}, Ляпун^{тв}, Ляцкой^в, Малец^{тв}, Мальцов^{тв}, Масалитинов^в (Масалягин), Мамкеев^т, Маслов^{тв}, Матюков^в, Матюшкин^в, Меженинов^{тв} (Межининов), Мелен^т или Мельнь^т (Мелан), Менишак^т, Милюков^{тв}, Милюта^{тв} (Милютинич), Мир^{тв} или Мирон^{тв} (у нас в отчестве: Мировна), Молчанов^{тв}, Монастырев^{тв}, Мордасов^{тв}, Мордвинов^{тв}, Морин^{тв} (Моринс), Мормуль^т или Мормуля^т (Мормылев), Москаленко^т (также Москаленя), Москалев^т, Москаль^т, Москва^{тв}, Москвин^{тв}, Москвитин^т, Москвитинов^т, Московка^{тв}, Москович^т (у эмигрантов ряд других «московских» прозвищ), Муратов^{тв}, Назимов^{тв}, Нарбеков^{тв}, Нармацкий^в (Нармоцкий), Нащокин^{тв}, Невежа^{тв}, Неч-

взор^{тв}, Неелов^{тв}, Неждан^{тв}, Некрас^{тв}, Некрашев^т, Нелединский^в, Нелидов^в, Непейцын^{тв}, Нестеров^в, Нечай^{тв}, Новик^т (ср. Новиков^в), Новокщенов^{тв}, Ноготков^{тв}, Ноздроватой^{тв}, Нороватово^{тв}, Обланов^в (Обланко), Огалин^{тв}, Огарев^{тв}, Ододуров^в, Одоевцов^{тв}, Орел^{тв} или Орлов^{тв}, Орех^{тв} (Орешико), Островский^в, Охлябинин^{тв}, Панай^т (Panak), Панов^{тв}, Патока^{тв} или Патокин^{тв} (Паточич), Пересветов^{тв}, Петелин^{тв}, Петровский^в, Пивов^{тв}, Платнер^в (ср. Платун^в, Платнур^т), Плещеев^{тв}, Плишкин^{тв} или Плехан^т (Плихин), Погожий^{тв}, Подгорецкий^в и др., Полтев^{тв}, Поповка^{тв} (Поповкин^{тв}), Поросуков^{тв}, Посник^т или Постник^в, Постельников^в, Похвистнев^{тв} (Похвинов^в), Правоторх^{тв} (Правоторхов и др.), Приезжий^т (Приеждчий), Приимков^в (ср. Приймат^т), Промас^в (Протасов), Прудников^т (Прудник), Пунко^{тв}, Путило^{тв}, Путята^{тв}, Пухов^{тв}, Пушечников^{тв}, Пушкиарь^т (Puszkarz), Пушкин^{тв}, Пущин^{тв}, Пыхачев^{тв}, Пятой^т, Радилов^{тв}, Радко^т, Раков^{тв}, Ратман^{тв}, Редъкин^в, Резанов^в, Ремезов^{тв} (Реозов), Ржева^{тв} (Ржовский), Садырь^в (Садыр), Самарин^{тв}, Сарыхозин^{тв}, Свитин^{тв}, Северин^т и др. (Северь), Северга^в, Селеховский^в (Желиховский), Ситич^т (Ситчин), Серков^в, Слизень^{тв}, Смирной^{тв}, Смолин^т (ср. Смоля^в), Солнцов^{тв}, Солтан^т, Спящий^{тв}, Соломеин^в (Соломей), Станислав^т, Стародубец^т, Стречнев^{тв}, Стырев^в (ср.: Стыревич^{тв}), Ступа^{тв} (Стуба), Сур^{тв}, Суторма^{тв} (Сутурма), Сухой^{тв}, Сычев^{тв}, Сюльменев^в и др. (Сюлименев), Таганаев^в, Тараканов^{тв}, Татев^{тв}, Тебенек^{тв} (Тебенка), Телятевский^{тв}, Темкин^{тв} (или Томкин^в), Тетерин^{тв}, Темирев^{тв} или Тимиров^в, Толстый^{тв}, Томило^{тв}, Тонкий^{тв}, Третьяк^{тв} (Третьяков^{тв}), Тростенский^в (Троста), Трубицын^{тв}, Трухан^{тв}, Тулупов^{тв} (Тулубьев), Тучков^{тв} (Тючков), Тютчев^{тв}, Тюфякин^{тв}, Унковский^в (Унковский), Унский^в, Ускович^т, Ушак^{тв} (Ушаков^в), Хамин^т (Хамина, Фолина), Хворостинин^{тв}, Хворощин^{тв}, Хвостов^{тв}, Хлуденев^{тв}, Хлусов^{тв}, Хлыстов^т, Хомяков^{тв}, Хохлов^{тв} (Хохолин), Хрипун^{тв} (Герибин), Хрушев^{тв}, Цвилленев^{тв}, Чапля^{тв}, Чаплин^{тв}, Чеглоков^{тв} (Чоглоков), Чепчугов^в (Чепчуков), Черемисинов^{тв}, Черник^{тв}, Черница^{тв} (Черницын), Чертов^{тв}, Чихачев^{тв}, Чудин^{тв}, Чудо^{тв} (Чудов), Чухин^в (Чухнов), Шапкин^{тв}, Шарапов^{тв}, Шаховской^{тв}, Шеметов^{тв}, Шемякин^{тв}, Шереметев^{тв}, Шестак^{тв}, Шестун^{тв} (Шестунов^{тв}), Шилов^{тв} (Шилин), Ширяй^{тв} (Ширяев^в), Шишката^{тв}, Шишкун^{тв}, Шишмарев^{тв}, Шокуров^{тв}, Шушерин^{тв}, Щеголов^{тв}, Щенятив^{тв} (Щенягин), Щербатый^{тв}, Щербачев^{тв}, Юрнев^в, Ярцев^{тв}.

Некоторые особенности развития форм позволили бы расширить предложенный список. Так, ряд имен в словаре Н. М. Тупикова встречается только в «исходной» или, наоборот, «производной» форме. Скажем, Квашина^т (ср. Квашин), Кисель^т (ср. Киселев), Клобук^т (ср. Клобуков), Кобяк^т (ср. Кобяков) и т. п. Однако не во всех случаях было бы справедливо производить от таких форм известные имена эмигрантов. Например, прозвище Бабан^т не идентично прозвищу сына боярского Мики-

ты Бабина (нач. 1580-х гг.); *Блоха^т* или *Блохин^т* — прозвище пленного сына боярского Ивана Блохимы (нач. 1580-х гг.); *Дубинин^т* — прозвище сына боярского нач. 1580-х гг. Ильи Дубенского; *Духнин^т* — прозвище предполагаемого слуги кн. А. М. Курбского Пятого Духанина; неясно, можно ли прозвести фамильное прозвание сына боярского 1530-х гг. Ерышкина от прозвищ *Ерга^т*, *Ерж^т* или *Ериш^т*; *Киба^т* или *Кибалов^т* (*Кибяник^т*) — прозвище львовского московита (в источниках в 1530-х — нач. 1540-х гг.) Василия Кибалки (Кибалчича), предок Коверзиных — *Коверза* (ср. *Коверя^т*); прозвище *Лодыжинский* имеет ряд близких, но не идентичных аналогов (ср.: *Лодыжкин^т*, *Лодыжников^т*); имя сына боярского Троцкого повета в 1530-е гг. Михаила Овдина — возможно, от *Овод^т*; имя сына боярского начала 1580-х гг. Девлета Таганаева лишь отчасти сходно с прозвищем *Таганицын^т*; вряд ли имя пленного московита 1560-х гг. *Хан* связано с прозвищем *Ханев^т*; вряд ли *Хомин* может происходить от *Хомяк^т*, но вероятно также — от *Хома* (*Фома*); прозвище слуги Ю. М. Радзивилла в нач. 1540-х гг. Василия Черного (*Васко Черный*) не находит прямого аналога в обоих словарях (ср. *Чернь^т*, *Черняй^т*). Предположения нуждаются, конечно, в дальнейшем осмыслении. Некоторые прозвища известны в иной огласовке или в другой части полного имени — например, *Кошкар^т* (ср. *Кашкаров*), *Кропот^т* (ср. *Кропотка*), *Лагунов^т* (ср., возможно, сходное *Лагута*). Наконец, важно было бы разделить примеры имён из западных и восточных русских земель. Так, в нашем списке прозвища *Свитин* и *Стрыев* — в «Словаре» имена *Свита^т* (*Свитко^т*) и *Стрыевич^т* указаны только применительно к выходцам из Великого княжества Литовского XVI — начала XVII в.

В качестве курьеза можно отметить, что названные в «Словаре» Н. М. Тупикова Т. Зык Князский и Ушаки Куликовские XVII в. не распознаны как выходец и потомки выходца из Российского государства, а лишь как западнорусский дворянин («дворянин, зап.») и луцкие землевладельцы («луцкий землевладелец», «волынский дворянин» и др.) [Тупиков 2004: 164, 412]²², а упомянутые в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского И. Я. Кореев и И. Ф. Лабодинский известны были исследователю как погибшие в 1580 г. [Веселовский 1974: 155, 176], тогда как оба оказались в пленау, откуда в 1583 г. один из них бежал, а другой вернулся в Москву под слово чести. Интерес представляет отмеченная Н. М. Тупиковым Барбара Бунаковна («служанка в княжестве Литовском»), которая попала в список мужских имён, при этом происходит

²² Имена выходцев из Российского государства в Великом княжестве Литовском в словаре Н. М. Тупикова все же иногда маркируются. Так, под 1502 г. упомянут «Михаил Смолко Иванов сын Слизнева, москвитянин» [Тупиков 2004: 364, 751]. Или: «Бунко, московский изменник» [Ibid.: 70].

из рода, представители которого были в России, Великом княжестве Литовском, а с 1560-х гг. — часть московского в эмиграции [Тупиков 2004: 492].

Всего, таким образом, нам известно 373 уникальных имени эмигрантов (не считая фонетических версий и производных форм тех же имен), более или менее сходно зафиксированных в российских источниках. Из них 326 находят аналоги в «Словаре» Н. М. Тупикова, 334 — в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского. В подавляющем большинстве случаев связать носителей этих прозвищ за границей с известными под такими же именами лицами в российских памятниках не представляется возможным. Это следствие и распространенности подобных имен в различных семьях и родах (*Водопьян, Груздь, Дурас, Жук, Зык*), и нашей недостаточной осведомленности о самих эмигрантах и их родстве у себя на родине (*Бунаков, Волынский, Костомаров-Короваев, Криженин, Нащокин, Телеснин*).

Некоторые прозвища дополняют словарную работу Н. М. Тупикова и С. Б. Веселовского и сведены на сегодня только на основе данных по выходцам из Российского государства в эмиграции. Среди них формы *Артемов, Байкаров, Балдиш, Бебеница, Бедринский, Бобровник, Борягинский, Боховец, Брычиха, Буйно* (С. И. Кутузов), *Бурсилович, Вадбальский, Вакула, Варлаам, Варсобин, Вельяминов, Володков* (предположительно — московит-слуга перебежчика М. И. Головина в 1580-е гг.), *Гаврютин, Гайдар, Гломаздич* (у Тупикова — *Гломазда*), *Голайко (Голайский), Горенский, Давыдов, Дементьев, Детина, Дионисий, Желиховский* (от: *Селеховский*), *Залупа* (кн. И. П. Охлябинин), *Знаменщиков, Зубцовский, Иевлев, Иловков, ряд форм имени Козунов (Казан^т, Козун^т и др.), Карагаев или Кучун, Солев и Селев* для прозвища *Киселев, Кимашев, Кодрицкий*, ряд форм прозвища *Криженина* (ср. *Крыжин^в*), *Козловский, Конан и Конон* (ср. *Коня^т*), не встречающееся у Веселовского княжеское прозвище *Кривонога*, варианты прозвища *Криженин* (ср. *Крыж^т*), *Крыничин* (возможно, из *Круничин*, ср. *Крупча^т*), *Крышковский* (Юрий, слуга кн. А. М. Курбского, предположительно — эмигрант-московит) прозвище *Купец*, переданное в источнике латиницей прозвище *Кушецкий (Kussieczkoi)*, а также *Лавринов, Лагута, Лев* (и *Левашко*, ср. *Леваиш^в*), *Ласица* (ср. *Ласицин^т*), *Левонтин, Лижиносов, Лишко, Лутовин, Лущин, Мазовский (Мозовский), Максимов, Масаллятин, Мелан, Мелдешов, Метрикач, Микитин, Минин, Мировна, Мичура, Моневский, Мормылев, Нарбут, Нармоцкий, Насупов, Незнаков, Некрашов, Неотзорок, Нерон, Нещерда, Новик, Ноздроватый, Нозовник, Обланко, Оболенский, Овдин, Озюбшин, Онорков, Орефий, Османов, Остафьев, Патрикеев, Перхин, Перхуров и др., Плихин, Подгорский, Подскарбский (Podskarbski)*.

Полукнязев, Поквинов, Птицелов, Пятигорский, Резанцов, Реозов, Ржовский, Ривко, Ростовский, Рупосов, Саковков, Сафонов, Свиров, Седилов (Цедилов), Сединцович, Сеитов, Селивестров, Серменин, Серый, Ситчин (ср. Ситич^г), Скендер, Соломей, Солтаков, варианты отраженных в «Ономастиконе» прозвищ Стуба, Сутурма, Сыривков, Таганаев, Таубе (Тув), Твиренев, Телеснин, Тимпаниста, Томкин, Тулубьев, Углик, Уфреев, Фатъянов, Федьцов, Филипович, Фурсов, Харепа, Хлыстов, Ховра, Хомин, Хотынский (ср. Хотенев^г), Хохолин, Чаплинка, Черницын, Чорный (ср. Черний^г), Чудов, Чухнов, Шелештанский, Шестунов, Шилин, Ширагов, Шуйский, Щенятин, Юдин.

Из наших сравнений эмигрантских имен с ономастическими данными Н. М. Тупикова и С. Б. Веселовского следует, что прозвища перебежчиков и пленных из России в Короне Польской и Великом княжестве Литовском возникали в подавляющем большинстве случаев еще до эмиграции и в таком виде отражались, по меньшей мере, в первые годы жизни за границей. В большинстве случаев, как мы уже видели из обзора модификаций фамильных прозвищ, именно на основе московских имен составлялись местные формы, которые передавались по наследству потомкам эмигрантов. При этом нам не известны значительные преобразования или случаи отказа от своего московского имени в пользу какой-то местной версии, если только эмигрант не переходил в иную веру, что в первом поколении случалось все-таки крайне редко. Наоборот, прозвища эмигрантов, за единичными исключениями, происходят также из российского региона и служат дополнением к тем ономастическим данным, которые известны по источникам российского происхождения, поскольку нередко мы имеем дело с уникальными упоминаниями выходцев из Российского государства, возникшими благодаря тому, что неизвестные российским источникам лица оказались по тем или иным причинам за границей.

Впрочем, в отдельных случаях нам известны только нетипичные для российских источников имена московитов, которые не находят прямого непосредственного аналога в православном именослове и в российско-татарских традициях наречения. Так, *Ориуля* (*Орвиуля*) восходит к имени святой IV в. Урсулы (лат. Ursula) – для московитки непривычное имя. Подобным образом вызывает интерес имя жмудской московитки конца XVI в. по имени *Магдалена* (*Макгдалена*). Это имя кающейся блудницы Марии Магдалины типично для католической традиции, в православии память связана с его первым элементом (Мария). Кн. А. М. Курбский упоминает в «Истории» польскую пленницу в Москве с именем *Мария-Магдалина*. И важно, что оба имени указаны им применительно к одной женщине, которая была полька и, видимо,

католичка. Но следует ли из этого, что жмудский источник донес до нас имя женщины из Московского государства, принявшей католическое крещение, сказать трудно. Среди эмигрантов из Российского царства не только Магдалина, но и Мария — нечастое имя, как и Николай (Николай). Нам известна едва ли не одна-единственная Мария (в начале XVII в. в Могилеве), хотя во втором поколении, у дочерей эмигрантов это имя неоднократно встречается.

Имя тринецкого кметя-московита 1580-х гг. *Войцех* (*Woicziech*) адресует к памяти святого X в. Войцеха-Адальберта (лат. *Adalbertus*). Подобные же примеры — *Станислава* (*Стася*) Федоровна и, возможно, *Станислав* (*Stanisław*) и *Станислав-Стась Метрикач* (*Sztaś Metrikacz*) [древнерусские примеры мужского имени Станислав см.: Тупиков 2004: 372]. Крещеный в 1579 г. в католичество московит по имени *Saulus* (возможно, *Савва*) становится *Себастьяном* (*Sebastian*). Имя *Севастьян* есть и у православных, однако в данном случае известно только в латинской форме и как католическое. Менее надежен случай *Себастьяна из Радошковиц*, который по происхождению мог быть выходцем из Великого княжества Литовского. Имя *Вакула* встречается применительно к сыну москвитина, Вакуле Москалевичу, и В. В. Варсобину может происходить от *Вукол* или *Вукола* (греч. *Βούκολος*). Оно отражает, видимо, уже западные русские ономастические реалии. Имя львовского мещанина *Криштоф* (*Москва*) известно только по польской форме *Krzysztof*, однако ее происхождение возможно напрямую от какого-то московского имени (ср. Христофор, греч. *Χριστόφορος*). Это имя носил и сын боярский *Криштоф* (*Крыштоф*, *Крышътофор*) Прокопович Свитин. По всей видимости, был московитом по происхождению и глава королевской медвежьей охоты в середине XVI в. по имени *Мартин* *Подскарбский (*Martin*, дат. *Martino Podskarbski*). В Москве его могли звать *Мартын*, однако в нашем распоряжении еще несколько московитов в эмиграции по имени *Мартин*, чье имя сохранило исключительно местную версию этого имени (им. *Marcin*, вин. *Martina*). По всей видимости, турецкого и южнославянского происхождения имя Скендер (тур. *İskender*), под которым в 1565–1568 гг. в Луцке на Волыни проживал московит.

Во втором и третьем поколении выбор имен подчиняется уже в полной мере местным традициям и конфессиональной ориентации семьи. Сын православного апологета князь Дмитрий Курбский переходит, видимо, в католицизм под именем Миколай, а возможно, тогда же или вскоре после этого отказывается и от княжеского титула. При этом его сестра Маруша сохраняет верность православию, будучи и замужем за местным шляхтичем. Ранние потомки князя Ивана Дмитриевича Губки Шуйского носят такие необычные и нечастые имена для русских

князей, как Мануйло (возможно, он же – Михаил) и Теодор. Теодором был и один из сыновей Тимофея Тетерина. Показательно, что сразу у двух братьев Богдана и Василия Бунаков появляются сыновья по имени Ярош. Один из них ходит в католический костел, где даже встречает замужнюю женщину, которую склоняет к браку в кальвинистском «зборе». При этом Василий называет одного сыновей Себастьяном...

Татарские имена не препятствовали записывать эмигрантов и пленных в «москали», если новоприбывшие отметились на службе московского государя или сами себя считали его подданными. Среди таковых Челибей Бахтеяров, Бошман Якушкин, Булат Иванович, Булат-мирза, Булат Михайлович, Василий Мамай (Хлыстов), Данила (Данил, Данило) Мурза Купцевич (в дат. *Danilo Murze, Danielo Murze*), Кунай Татарин, Кучун Лукьянович, возможно – Остафий Ихватович (*Ichuathowicz*), Улан Исловков (*Ulan Isnofkow*), Агиш и Умар Сарыхозины, Курган Солтаков (*Curgan Soltakow*) и Солтан (возможно, отец Кургана), Степан Байкачаров (Бачкачкарев), Сур (дат. *Schurowi*) и, возможно, он же – Сур (*Schure*), Девлет Таганаев, Тихон Казанский, Деменша Черемисинов (*Dementinus, Demenczy, Demense Czeremessinus*), возможно – Хан. С Северного Кавказа были, по всей видимости, С. С. и С. Подгорецкие (если это не одно лицо) и несомненно – черкасские князья по прозвищам Подгорский или Пятигорский (в источниках также Подгорецкий, *Podgorsski* – см. также третий тип фамильных прозвищ выше). Имена немецкого происхождения звучали в Европе более привычно для их исторической родины: слуга кн. А. М. Курбского Александр Кениг, немец-переводчик Вильгельм Пеплер (*Vilhelmus, Gwilhelm Pepler*). В эмиграции А. Шлихтинг – Войтех Шлихтинг. Э. Крузе (в Москве Илерт или Йлерт Круз) – Ергарт Крауз (*Herhard, Erhard Craus, Kraus, Elhardus Kranse de Keless, de Keless, Elearodus Krausse*, вин. *Gilhardum Krausen*), а И. Таубе (в Москве Иван Володимерович Тув или Туд) – Ян Тауб (*Ioannes Taub, Joannes Thaube de Tir*).

Вряд ли парадокс, что эмигранты из Московского государства в европейских источниках изучаемого периода почти никогда не носят двойных имен²³. Нам известен всего один бесспорный случай, когда сын боярский выступает под двойным или даже тройным именем. Это Марк-Умар (*Umar-Humer*) (Спиридон) Сарыхозин. Впрочем, Марком Умара могли называть современники в книжных контекстах по созвучию с его именем, тогда как Спиридон было, по всей видимости, крестильным именем этого ученого московита – Агиш Сарыхозин так называл в 1584–1585 гг. умершего брата, борясь за сохранение за него несовершеннолетним сыном имения отца [Ерусалимский 2018: 287]. Впрочем, эти имена никогда не выступают применительно к Марку-

²³ См. о двуименности в российском XVI в.: [Литвина, Успенский 2020а].

Умару-Спиридону Сарыхозину одновременно. Эмигранты из Российского государства, если они носили два и более «первых» имен, должны были остановиться на одном своем имени и исключить из деловой практики в новом отечестве второе имя.

Как и можно было ожидать, зная московские источники периода, крайне редким для эмигрантов было имя Николай (Миколай) [Успенский 1982: 18–30]. Нам известно всего два примера, причем оба небесспорные. Первый – Николай Ростовский (Mikolai Rostowski). Второй – Николай Клементьев (Nicolaus Clementis), ученик Иезуитской академии в Вильно с 1580 г. В обоих случаях «московское» (т. е. российское) происхождение спорно, хотя Николай Клементьев и отнесен самими иезуитами к московской нации. Их имя свидетельствует скорее в пользу другого решения. Есть также предполагаемый сын боярский в эмиграции середины XVI в. по имени *Микула*, плененный войском Стефана Батория стрелецкий сотник Микула (предположительно, его принятное в московской документации имя – Павлин Братцов) [Ерусалимский 2020], а также пример принятия имени *Миколай* сыном московита – юным кн. Д. А. Курбским, принявшим католичество как Миколай Курбский, по всей видимости, около 1611 г. [Idem 2018: 604–607].

Ономастическая граница возникает между московским и польско-литовским написанием имени *Theodorus* (*Theodorius*) / *Федор* (*Xwedor*, *Phiedor*, *Phedor*, *Fedor*, *Fiodor*, *Fiedor*, *Chwiedor*) или *Ходор* (ж. *Федора*), уменьш. *Федко* (*Федъко*, *Хведко*, *Chwieczko*) или *Федорок* и *Богдан* / *Bohdan* (*Bogdan*), хотя в обоих регионах встречаются и обе его версии (греческая транслитерация и славянская калька), и уменьшительные **Федъка* (*Федъко*) и **Богдашка* (*Богдашко*). Показателем расхождений служит использование в отдельных семьях московитов обоих этих имен как неидентичных. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, впрочем, опровергают параллелизм имен *Федор* / *Богдан* и доказывают, что имя *Богдан* рассматривалось как прозвище, замещающее любое имя, хотя не калькирующее близкого ему по значению календарного *Феодот* [Литвина, Успенский 2020б]. В Короне и Литве нередко имена *Федор* и *Богдан* считались версиями одного и того же (можно предположить также, что он носил двойное имя *Федор-Богдан*). Перебежчика Федора Зубатого польские авторы называют Богданом. В реестрах пленных 1562 г. встречается два полных тезки – дети боярские по имени Богдан Федорович. Так же зовут кн. Б. Ф. Желиховского. Один из сыновей Богдана Бунака носит имя *Федор*. При этом *Федор Кафтырев* выступает в польских источниках как *Богдан*²⁴. Близки по семантике имена, от-

²⁴ См. также об имени «Богдан» в тайной политике Великого княжества Литовского в 1581 г.: [Ерусалимский 2018: 306–323].

ражающие отношение родителей к своим детям, — *Ждан / Бажан* (ср. также *Неждан*, *Нечай*). Впрочем, на доступных нам источниках об их взаимозаменяемости говорить нет оснований. В одном акте Литовской Метрики под именами *Ждан Иванович* и *Бажан Иванович* выступают два разных московских стрельца, тогда как в паре применительно к одному и тому же человеку эти имена не встречаются.

Крайне редки данные о перекрещивании эмигрантов в первом поколении. Но даже немногие свидетельства очень ценные. В польско-литовском плену побывали архиепископ великолуцкий и полоцкий *Киприан* (*Cyprianus*) и протопоп *Марк* (*Марко*). Челядница из Полоцка *Агафья* после его взятия войском Стефана Батория переходит в католицизм под именем *Зофья* (*Zophia*). Иноческими являются имена учителей особого религиозного учения в рамках православия *Феодосий Конской* (*Кривой*), *Вассиан*, *Игнатий*, *Фома*. Тимофей Тетерин перед побегом из России был пострижен в монашество под именем Тихона, однако не принял это имя, сбросив с себя монашеский клубок (по крайней мере, он ни разу не встречается под этим именем в многочисленных источниках до конца своей жизни в эмиграции). Монах московского происхождения Дионисий (Деонисей) был сотрудником кн. А. М. Курбского, а позднее бежал от него. Имена *Лже-Дмитрия I* и сопровождавших его монахов при побеге хорошо известны. В «воровстве» московские власти обвинили *Григория (Юрия) Отрепьева*, *Варлаама (Яцкого)*, а также монаха Крыпецкого монастыря *Леонида*.

Каким бы ни было прошлое претендентов на московский престол, они все, начиная с *Лже-Дмитрия I*, отстаивали в своем отечестве и за рубежом, что их подлинное имя царственное — *Дмитрий Иванович*, а для широких масс российского населения они им и были. Переход через границу государства содействовал смене идентичности. Это был переход в другой мир, в котором все было иначе, новая жизнь начиналась, старая — заканчивалась. Определение новоявленного в Речи Посполитой царевича Дмитрия *Расстригой*, зафиксированное и в отношении других лиц в российских источниках, все же нельзя считать даже в его польских транслитерациях (*Rozstryga*) актуальным прозвищем лже-царевича в эмиграции²⁵. «Вернуться» домой таким же, как и прежде, было невозможно, и на этом строились сложные механизмы политической и социальной мобильности, грозившие полностью поменять и эмигрировавшего подданного, и даже правящего монарха. Те или иные попытки эмигрировать предпринимали Василий III (до восшествия на великокняжеский престол) и Иван Грозный. Статус государя и его семьи лишь подчеркивался их многоименностью, которая в XVI–XVII вв. выросла в

²⁵ См. о прозвище *Расстрига* (*Расстригин*, *Розстригин*): [Веселовский 1974: 266].

заметную тенденцию к выпадению великокняжеского и царского рода из общего ряда в России [Литвина, Успенский 2006]. Византинизация имен правящей династии наталкивалась на резкую критику со стороны властей Речи Посполитой — так, предметом полемике в переписке Ивана Грозного со Стефаном Баторием стало имя *Иоанн*, которое король считал неприменимым к московиту греческим, а царь — единственно возможным для царя в окружении простых *Иванов*²⁶.

Выезд государя за границу угрожал потерей части имен и «высоких» именных форм, что и происходило с царственными эмигрантами и заложниками. Царевичи Федор, Иван и Дмитрий в XVI в. рассматривались как претенденты на польско-литовские престолы. Царь Дмитрий Иванович был «вернувшимся» монархом и основал династию, которой не суждено было утвердиться, как и династии Бориса Годунова, о котором ходили слухи, что он бежал, как планировал еще Иван IV, в Англию. «Цари» Шуйские окончили свою жизнь в Короне Польской, и все эти плениники Сигизмунда III Вазы были известны за границей только под своими «основными» именами. В правление династии Романовых, царей Михаила и Алексея, для многих было ясно, что высшая власть восходит к ставленнику Тушинского лагеря и затворнику Сигизмунда III Вазы — государю и патриарху Филарету Никитичу. Наконец, такие правители XVII в., как Федор Алексеевич и Петр Алексеевич, были тесно связаны с европейскими проектами, первый — теми же проектами восшествия на польско-литовские престолы, европейским воспитанием и своим браком с А. С. Грушевской, второй — исчезнением в Европе под вымышленным именем *Петра Михайлова*, которое он также приобрел, пересекая границы России и Европы. Фамильное прозвище Петра I при этом было составлено по неброскому для европейских правителей московскому образцу и маркировало происхождение от царственного Михаила Федоровича, а не от боярских родов Романовых и Захарьиных-Юрьевых. Уже в свое отсутствие дома Петр Алексеевич обрек подданных на догадки относительно своей участи, а когда он вернулся из Европы, многие не поверили, что это все еще он.

В заключение следовало бы оговориться, что стратегии трансформации имен эмигрантов в редких случаях проверяются данными об апpropriации новых имен самими их носителями. Большинство данных почерпнуто нами из таких публичных источников, как актовые книги местных судов Речи Посполитой, Архив Королевской Казны и Литовская Метрика. Эмигранты из московских земель Нового времени

---

²⁶ Это и подобные столкновения могут подкрепить исследования изменений в «русской антропонимической парадигме». Концепция выдвинута и обоснована в [Вардиц 2019].

остаются одной из самых «молчаливых» групп, однако в ряде случаев (прежде всего, кн. Андрей Курбский, Владимир Заболоцкий, Михаил Головин, Сарыходзины, Тетерины, Иван Бурцев) даже публичные источники отражают готовность или нежелание менять свое имя, а также позволяют проследить горизонты этой готовности. Кроме того, складывающиеся различия в имянаречении в России и Речи Посполитой заставляют задаться вопросом, насколько эти различия были преодолимы для эмигрантов, которые оказывались в непривычной для них языковой ситуации, где их имя становилось слишком выразительным маркером их происхождения.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

ЦДІАУ-К – Центральний державний історичний архів (у Києві)

ЦДІАУ-Л – Центральний державний історичний архів (у Львові)

AGAD – Archiwum Główne Akt Dawnych (w Warszawie)

VUB – Vilniaus universiteto biblioteka

Библиография

Источники

Рукописи

КГВ

ЦДІАУ-К, ф. 28 (Володимирський гродський суд), оп. 1, Книга гродская Владимирская 1574 г.

КГВн

ЦДІАУ-К, ф. 44 (Вінницький гродський суд), оп. 1, № 1, Книга гродская Винницкая , актовая книга за 1543–1565 гг.

КЗК

ЦДІАУ-К, ф. 22 (Кременецький земський суд), оп. 1, спр. 5. Книга земская кременецкая, 1577 г.

КМЛ

ЦДІАУ-Л, ф. 52 (Львівська лава), оп. 2, спр. 10, 19. Книги магістрата Львова (Магістрат міста Львова, 1356–1939 pp).

ЛМ

РГАДА, ф. 389, оп. 1, Литовская Метрика, № 47, 77, 285, 286.

Сапеги

ЦДІАУ-К, ф. 48 (Сапеги), оп. 1, спр. 208.

ASK

AGAD, Archiwum Skarbu Koronnego., dz. 1, № 67, 133, 192, 259.

ŽŽT

VUB, F 7 (Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teismų aktai), Žemaitijos žemės teismo bylos, 1600.

Издания

ДРАІУ, 1

Документы российских архивов по истории Украины, 1: Документы по истории запорожского казачества 1613–1620 гг., сост. Л. Войтович, Л. Заборовский, Я. Исаевич, Ф. Сысин, А. Турцов, Б. Флоря, Львов, 1998.

Литература

Білоус 2008

Білоус Н., *Київ наприкінці XV – у першій половині XVII століття. Міська влада і самоврядування*, Київ, 2008.

Вардиц 2019

Вардиц В., Русское имянаречение Нового времени: социально-культурные и политико-идеологические механизмы антропонимических сдвигов, *Вопросы ономастики*, 16/2, 2019, 129–144.

Веселовский 1974

Веселовский С. Б., *Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии*, Москва, 1974.

Владимирский-Буданов 1886

Владимирский-Буданов М. Ф., Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века, *Архив Юго-Западной России*, 7, 1, 1–2, Киев, 1886, 1–85.

Грушевський 1995

Грушевський М. С., *Історія України-Руси в одинадцяти томах, дванадцяти книгах, 6: Жите економічне, культурне, національне XIV–XVII віків*, Київ, 1995.

Ерусалимский 2018

Ерусалимский К. Ю., *На службе короля и Речи Посполитой*, Москва, С.-Петербург, 2018.

— 2020

Ерусалимский К. Ю., Стрелецкий сотник Микула — *Московит*, о котором узнала Европа, *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории*, О. И. Тогоева, И. Н. Данилевский, ред., 15, Москва, 2020, 187–214.

Казаков 2009

Казаков А. В., Имена русских эмигрантов на фоне антропонимии Великого княжества Литовского (конец XV – первая половина XVI вв.), *Верхнее Подонье: Археология. История*, 4, Тула, 2009, 236–239.

Казакоў 2010

Казакоў А. У., *Эміграцыя знаці з рускіх княстваў у Вялікае княства Літоўскае (40-я гг. XV – 30-я гг. XVI ст.)* (диссертация на сусідск. вуч. ступ. канд. гіст. навук, Мінск, 2010).

Клепатский 2007

Клепатский П. Г., *Очерки по истории Киевской Земли. Литовский период*, Біла Церква, 2007.

Ковальский 1956

Ковальский Н. П., *Связи западноукраинских земель с Русским государством (вторая половина XVI–XVII вв.)* (Диссертация на соискание ученої степени кандидата исторических наук, Львов, 1956).

— 1985

Ковальский Н. П., *Источниковедение истории украинско-русских связей (XVI – первая половина XVII в.)*, Днепропетровск, 1985.

Ковальский 1972

Ковальский М. П., *Джерела про початковий етап друкарства на Україні: Діяльність першодрукаря Івана Федорова в 70-х – на поч. 80-х рр. XVI ст.* Посібник для студентів, Дніпропетровськ, 1972.

Кріп'якевич 1953

Кріп'якевич І. П., *Зв'язки Західної України з Росією до середини XVII ст.: Нариси*, Київ, 1953.

— 1994

Кріп'якевич І. П., *Львівська Русь в першій половині XVI ст.: дослідження і матеріали*,
Львів, 1994.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая
история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

— 2020a

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт
древнерусской культуры, С.-Петербург, 2020.

— 2020b

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Подлинные и мнимые имена Бориса Годунова, *Slověne*, 1,
2020, 185–231.

Полонский 2012

Полонский Д. Г., Самоуничижительная модификация имен «иноzemцев» под первом
русских приказных конца XVI – XVII в., *Именослов. История языка. История культуры*,
Ф. Б. Успенский, отв. ред., Москва, 2012, 81–112.

Селин 2010

Селин А. А., Имена служилых людей Новгорода начала XVII в., *Palaeoslavica*, 18/1, 2010,
32–50.

Трійняк 2005

Трійняк І. І., *Словник українських імен*, Київ, 2005.

Тупиков 2004

Тупиков Н. М., *Словарь древнерусских личных собственных имен*, В. М. Воробьев, сост.,
Ф. Б. Успенский, авт. ст., Москва, 2004.

Успенский 1982

Успенский Б. А., *Филологические разыскания в области славянских древностей:
(Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского)*, Москва,
1982.

Флоря 2002

Флоря Б. Н., К истории Смуты на Западе России, *Отечественная история*, 3, 2002, 130–134.

Auerbach 1985

Auerbach I., *Andrej Michajlovič Kurborskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16.
Jahrhunderts*, München, 1985.

Górski 1954

Górski K., W sprawie statystyk narodowościowych w późnym średniowieczu, *Przegląd
Zachodni*, 10/7–8, 1954, 445–454.

Grala 1999

Grala H., “Ex Moschouia ortum habent”. Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców
moskiewskich, *Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej Serii*, 4 (15), Warszawa,
1999, 101–130.

Janeczek 1991

Janeczek A., *Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo Bełskie od schyłku XIV do
poczatku XVII w.*, Warszawa, 1991.

Jabłonowski 1893

Jabłonowski A., Etniczna postać Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Koroną, *Kwartalnik
historyczny*, 7/3, 1893, 408–435.

Luber 1983

Luber S., *Die Herkunft von Zaporoger Kosaken des 17. Jahrhunderts nach Personennamen*, Wiesbaden, 1983.

Lück 1934

Lück K., *Deutsche Aufbaukräfte in der Entwicklung Polens*, Plauen, 1934.

Mytnik 2013

Mytnik I., Antropomimia szlachty ukraińskiej i bojarów w XVI–XVIII w., *Studia Ucrainica Varsoviensis*, 1, Warszawa, 2013, 189–205.

— 2019

Mytnik I., *Imiennictwo ziemi chełmskiej w XVI–XVII wieku*, Warszawa, Lublin, 2019.

Ragauskaitė 2005

Ragauskaitė A., *XVI–XVIII a. kauniečių asmenvardžiai*, Vilnius, 2005.

Sękowski 1964

Sękowski R., Przyczynek do dyskusji w sprawie kryteriów przynależności narodowościowej w epoce feudalnej, *Acta Universitatis Wratislaviensis. Historia*, 8 (23), 1964, 207–217.

Tomkiewicz 1948

Tomkiewicz W., O składzie społecznym i etnicznym Kozaczyzny Ukrainskiej na przełomie XVI i XVII wieku, *Przegląd historyczny*, 37, 1948, 249–260.

Urban 1983

Urban W., Skład narodowościowy mieszczaństwa krakowskiego w latach 1574–1660 w świetle akt grodzkich, *Spoleczeństwo staropolskie*, 3, Warszawa, 1983, 121–138.

References

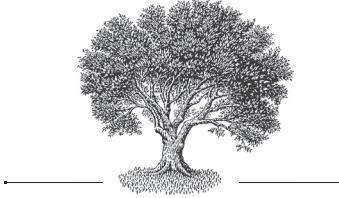
- Auerbach I., *Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts*, München, 1985.
- Bilous N., *Kyiv in the Late 15th–Early 17th Centuries. Town Authorities and Self-Government*, Kyiv, 2008.
- Erusalimskiy K. Yu., *At the service of the king and the republic*, Moscow, St. Petersburg, 2018.
- Erusalimskiy K. Yu., The captain of the arquebusiers Mykula: A Muscovite, who was made known in Europe, O. Togoeva, I. Danilevsky, eds., *Casus. The individual and unique in history*, 15, Moscow, 2020, 187–214.
- Florya B. N., K istorii Smuty na Zapade Rossii, *Otechestvennaia istoria*, 3, 2002, 130–134.
- Górski K., W sprawie statystyk narodowościowych w późnym średniowieczu, *Przegląd Zachodni*, 10/7–8, 1954, 445–454.
- Grala H., "Ex Moschouia ortum habent". Uwagi o sfragistyczce i heraldyce uchodźców moskiewskich, *Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej Serii*, 4 (15), Warszawa, 1999, 101–130.
- Hrushevsky M. S., *Istoriia Ukrayny-Rusy v odnadtisiaty tomakh, dvanadtsiaty knyzhakh*, 6: *Zhytie ekonomiche, kul'turne, natsional'ne XIV–XVII vikiv*, Kyiv, 1995.
- Janeczek A., *Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo Bieckie od schyłku XIV do początku XVII w.*, Warszawa, 1991.
- Kazakou A. U., Imena russkikh emigrantov na fone antroponomii Velikogo kniazhestva Litovskogo (konets XV – pervaia polovina XVI vv.), *Verkhnee Podon'e: Arkheologija. Iстория*, 4, Tula, 2009, 236–239.
- Klepatsky P. G., *Ocherki po istorii Kievskoi Zemli. Litovskii period*, Bila Tserkva, 2007.
- Koval's'ky M. P., *Dzherela pro pochatkovyi etap drukarstva na Ukrayni: Diial'nist' pershotrukaria Ivana Fedorova v 70-kh – na poch. 80-kh rr. XVI st.*, Dnepropetrovsk, 1972.
- Koval's'ky M. P., *Ystochnykovedenye ystoryy ukrayansko-russkikh sviazei (XVI – pervaia polovyna XVII v.)*, Dnepropetrovsk, 1985.
- Krypiakevych I. P., *Istoriia Ukrayny-Rusy v odnadtisiaty tomakh, dvanadtsiaty knyzhakh*, 6: *Zhytie ekonomiche, kul'turne, national'ne XIV–XVII vikiv*, Lviv, 1994.
- Krypiakevych I. P., *Zv'iazky Zakhidnoi Ukrayny z Rosiieiu do seredyny XVII st.: Narysy*, Kyiv, 1953.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., «Se iaz rab Bozhii...» *Mnogoimennost' kak faktor i fakty drevnerusskoi kul'tury*, St. Petersburg, 2020.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., The True and Fake Names of Boris Godunov, *Slovène*, 1, 2020, 185–231.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskai istoriia skvoz' prizmu antroponomiki*, Moscow, 2006.

- Luber S., *Die Herkunft von Zaporoger Kosaken des 17. Jahrhunderts nach Personennamen*, Wiesbaden, 1983.
- Lück K., *Deutsche Aufbaukräfte in der Entwicklung Polens*, Plauen, 1934.
- Mytnik I., Antroponimia szlachty ukraińskiej i bojarów w XVI–XVIII w., *Studia Ucrainica Varsovienia*, 1, Warszawa, 2013, 189–205.
- Mytnik I., *Imiennictwo ziemi chełmskiej w XVI–XVII wieku*, Warszawa, Lublin, 2019.
- Polonski D. G., Samounichizhitel'naia modifikatsiia imen „inozemtsev“ pod perom russkikh pri-kaznykh kontsa XVI –XVII vv., F. B. Uspenskij, ed., *Imenoslov. Iстория языка. История культуры*, Moscow, 2012, 81–112.
- Ragauskaitė A., *XVI–XVIII a. kauniečių asmenvardžiai*, Vilnius, 2005.
- Sękowski R., Przyczynek do dyskusji w sprawie kryteriów przynależności narodowościowej w epoce feudalnej, *Acta Universitatis Wratislaviensis. Historia*, 8 (23), 1964, 207–217.
- Selin A. A., Imena sluzhilykh liudei Novgoroda nachala XVII v., *Palaeoslavica*, 18/1, 2010, 32–50.
- Tomkiewicz W., O składzie społecznym i etnicznym Kozaczyzny Ukrainnej na przełomie XVI i XVII wieku, *Przegląd historyczny*, 37, 1948, 249–260.
- Triynyak I. I., *Slovnyk ukrainskykh imen*, Kyiv, 2005.
- Urban W., Skład narodowościowy mieszkańców krakowskiego w latach 1574–1660 w świetle akt grodzkich, *Społeczeństwo staropolskie*, 3, Warszawa, 1983, 121–138.
- Uspenskij B. A., *Filologicheskie razyskaniia v oblasti slavianskikh drevnostei: (Relikty iazychestva v vostochnoslavianskom kul'te Nikolaia Mirlikiiskogo)*, Moscow, 1982.
- Veselovskii S. B., *Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvishcha i familiï*, Moscow, 1974.
- Vorob'ev V. M., Uspenskij F. B., eds., Tupikov N. M., *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen*, Moscow, 2004.
- Warditz V. V., Russian Name-Giving of the New Time: Socio-Cultural and Political Ideological Mechanisms of Anthroponymic Shifts, *Problems of Onomastics*, 16/2, 2019, 129–144.

Константин Юрьевич Ерусалимский, доктор исторических наук
доцент, главный научный сотрудник
Российского государственного гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Россия / Russia
kerusalismki@mail.ru

Received April 25, 2021

Светская
христианская
двуименность
в эпитафиях
Московской Руси
(округл трех
неопубликованных
надписей XVI–XVII вв.)*

Secular Christian
Dual Naming
in the Epitaphs
of Moscow Rus
(Around Three
Unpublished
Inscriptions of the
16th–17th centuries)

**Александр Григорьевич
Авдеев**

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет,
Москва, Россия

Анна Феликсовна Литвина

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Ольга Николаевна Радеева

Отдел рукописей Российской
государственной библиотеки,
Москва, Россия

**Федор Борисович
Успенский**

Институт русского языка имени
В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Alexander G. Avdeev

St. Tikhon's Orthodox University,
Moscow, Russia

Anna F. Litvina

HSE University,
Moscow, Russia

Olga N. Radeeva

Department of Manuscripts
of the Russian State Library,
Moscow, Russia

Fjodor B. Uspenskij

Vinogradov Institute for Russian
Language of the Russian Academy
of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Настоящая работа посвящена малоизученному феномену запечатления светской христианской двуименности на надгробных плитах XVI–XVII вв. В исследовании анализируются основные лингвистические параметры презентации нескольких имен усопшего и воссоздаются те принципы имянаречения и функционирования разных имен одного и того же человека при его жизни и после кончины, которые можно проследить, опираясь на эпитафии. Благодаря ономастическому ракурсу авторам удалось атрибутировать несколько надгробных плит, в научный оборот вводятся ряд ранее не публиковавшихся надписей.

Ключевые слова

старорусская эпиграфика, Свод Русских надписей, эпитафия, историческая ономастика, средневековая Русь, многоименность, месяцесловная традиция, имянаречение в допетровской Руси, культ святых, светская христианская двуименность, личные небесные покровители

Abstract

The article analyses the little-explored cultural practice of dual Christian naming as reflected on 16th and 17th century gravestones. The study focuses on key linguistic aspects of representing several names of the deceased; the principles of name-giving and dual name functioning – both during a person's life and after their passing—are reconstructed with special attention to epitaphic texts. By adopting an onomastic approach, the authors are able to attribute several gravestones; a number of inscriptions, previously unstudied, are researched for the first time.

Keywords

onomastics, name-giving in pre-Petrine Rus', Medieval Russian polyonymy, dual naming of lay Christians, cult of saints, Church calendar, patron saints

---

* В основу статьи положены материалы исследовательского проекта «Корпус русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum», разработанного при поддержке Университета Дмитрия Пожарского, Лаборатории RSSDA и ПСТГУ (<https://www.cir.rssda.su>). Научный руководитель проекта — А. Г. Авдеев, технический руководитель — Ю. М. Свойский. Кроме того, в данной научной работе использованы результаты проекта «Семиотика книжного и некнижного текста — славянский мир между Западом и Востоком», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

Цитирование: Авдеев А. Г., Литвина А. Ф., Радеева О. Н., Успенский Ф. Б. Светская христианская двуименность в эпитафиях Московской Руси (вокруг трех неопубликованных надписей XVI–XVII вв.) // Slověne. 2022. Vol. 11, № 2. С. 317–346.

Citation: Avdeev A. G., Litvina A. F., Radeeva O. N., Uspenskij F. B. (2022) Secular Christian Dual Naming in the Epitaphs of Moscow Rus (Around Three Unpublished Inscriptions of the 16th–17th centuries). *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 317–346.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.14

У множества людей средневековой Руси было по два христианских имени в миру — сегодня это утверждение уже не вызывает у исследователей такого удивления, как десятилетие назад, однако традиция светской христианской двуименности по-прежнему нуждается в описании и анализе. Здесь одинаково увлекательным оказываются и выявление общей структуры и смыслового наполнения этой причудливой практики, и элементарное пополнение коллекции — установление простого факта, что тот или иной персонаж, зачастую весьма знаменитый, носил не только то имя, под которым известен всюду, вплоть до учебников по истории, но был обладателем еще одного именования, быть может, самого главного с его собственной точки зрения.

Эта последняя задача изучения конкретных казусов иногда требует почти детективных разысканий, и затруднения, возникающие на пути исследователя, отнюдь не случайны — они связаны с самими принципами функционирования системы светской христианской двуименности в допетровской Руси, когда в некоторых ситуациях человек появляется под одним именем, а в других — под совсем иным, и найти точки пересечения, по которым можно отождествить, к примеру, раба Божьего Козму и князя Дмитрия Михайловича Пожарского, порой оказывается весьма непросто.

Помимо всего прочего, публичное имя у обладателя такой пары мирских христианских имен фиксируется в куда большем количестве документов, имя же крестильное используется в доходящих до нас источниках сравнительно скромно. Одним из важнейших ресурсов, позволяющих составить полное антропонимическое досье того или иного исторического лица, служит коммеморативный обиход — записи, так или иначе фиксирующие и регулирующие поминование людей после кончины. Здесь мы впервые можем обнаружить крестильное имя человека, до той поры по десяткам, если не по сотням документам известного нам под именем публичным.

Существеннейшим подспорьем в подобной ситуации оказываются тексты, вырезанные на надгробных плитах: немало исторических персонажей, при жизни известных широкому кругу современников, скажем, как *Ирина* или *Александр*, явлены на них как *Домника* или *Меркурий*. Можно вспомнить, например, надгробье дочери князя Кубенского, супруги воеводы Петра Васильевича Морозова († после июня 1579 г.). Надпись на ее саркофаге гласит:

|¹*книж* ми²хайлова до³ кубе⁴ско глик⁵ра петро|³ва жена вас⁶и⁷ морозова
княж Михайлова дочь Кубенског(о) Гликъра Петрова жена Васил(ь)-
евич(а) Морозова¹.

¹ См.: [Гиршберг 1960: 47 <№ 102>]; новейшую публикацию этой надписи см. в работе: [Беляев et al. 2021: 93].

Между тем, из других источников известна жена П. В. Морозова по имени Елена. Правомерно было бы предположить, что речь идет о двух разных женщинах, в разное время состоявших с ним в супружестве, однако благодаря вкладной книге московского Новодевичьего монастыря мы узнаем, что эту Елену Морозову предписывалось поминать на празднование мученице Гликерии (13 мая) ([Павлов-Сильванский 1985: 196 <л. 304>]; ср.: [Ibid.: 199 <л. 322>]). Это обычная практика, коль скоро речь идет о людях с двумя христианскими именами, и, соответственно, такое соотношение источников позволяет уверенно говорить о том, что Елена и Гликерия — не две разные женщины, а одна и та же обладательница двух христианских антропонимов, публичного и крестильного, тем более что женские имена Гликерия и Елена из-за календарной близости празднований соответствующим святым (13 и 21 мая) в XVI–XVII вв. образовывали своеобразную пару [Литвина, Успенский 2021: 103–105]².

Два князя Долгоруких, дядя и племянник, жившие в XVII в., были широко известны как Юрий Алексеевич и Владимир Дмитриевич, соответственно. С другой стороны, у нас есть надписи на надгробных плитах, в одной из которых фигурирует «рабъ Божій бояринъ князь Софоній Алексєевичъ Долгоруковъ» [Снегирев 1864: 54 <№ 104>; ДРВ, 19: 339–340], а на другой — «рабъ Божій бояринъ князь Аѳанасій Дмитріевичъ Долгоруковъ» ([ДРВ, 19: 341 <№ 110>]; ср. также: [Снегирев 1864: 55 <№ 110>]). Можно было бы подумать, что перед нами какие-то иные представители рода Долгоруких, родственники Юрия Алексеевича и Владимира Дмитриевича, однако, к счастью, в нашем распоряжении есть другие коммеморативные источники, позволяющие уверенно отождествить Юрия и Софония, Владимира и Афанасия и опознать в дяде и племяннике обладателей светской христианской двуименности.

На надгробном камне князя Щетинина, скончавшегося в 1606 г. и погребенного в рязанском Ольгове монастыре, он именуется Ильей:

² Совершенно симметричным образом устроена, например, и антропонимическая ситуация с женами Дмитрия Ивановича Годунова († 1605), знаменитого дяди царя Бориса. Долгое время считалось, что Матрона и Степанида — имена двух его разных жен, однако сопоставление источников не оставляет сомнений в том, что перед нами одна и та же женщина, обладательница двух мирских христианских имен Матрона и Степанида. Более того, эти имена, благодаря календарной близости празднований (11 ноября отмечается единственная в году память св. Стефаниды, 9 ноября — Матроны Цареградской, а 6 ноября — Матроны Коринфской), также образуют устойчивую пару. Кроме Матроны / Степаниды Андреевны Годуновой, эти имена носили в миру Степанида / Матрона Яковлевна Хвостова, урожденная Путилова, и княгиня Мезецкая († 1627), урожденная Безобразова, жена боярина Данилы Ивановича Мезецкого. См. подробнее: [Литвина, Успенский 2022: 100–143].

Лѣта 7114 <1606> мѣсяца декабря въ 20 день преставися рабъ Божій, убіеный князь Илья Семеновичъ Щетининъ Ярославский [Макарий Миролюбов 1863: 293].

Надпись же на колоколе, пожертвованном в тот же монастырь его сыном, свидетельствует о том, что усопший был обладателем двух христианских имен, причем имя *Илья* было, со всей очевидностью, получено им при крещении:

Лѣта 7157 <1649> многогрѣшный рабъ Божій Князь Михаилъ Княжъ Ивановъ сынъ Щетининъ, приложилъ си колоколь въ монастырь на Рязань въ домъ Пресвятыя Богородицы Успенію, да Чудотворцу Николѣ, да Преподобному Сергию, по Отцѣ своемъ Князѣ Ильѣ Семеновичѣ, прозвище Иванъ, и по своихъ родителяхъ, въсъ 19 пудъ 23 фунта [Макарий Миролюбов 1863: 292]³.

В только что приведенных казусах — а число их нетрудно многократно умножить — надписи с надгробий служат одним из важных элементов той картинки пазла, который необходимо собрать, чтобы обнаружить еще одно христианское имя у мужчины или женщины, князя или купца, представителя бюрократической элиты или беглого холопа. Однако особенно ценными оказываются записи, которые сами по себе являются нашему взору целостное свидетельство двуименности усопшего — они позволяют не только обнаруживать новые примеры присутствия двух христианских имен у мирянина, но и пронаблюдать, как в общерусской коммеморативной традиции сочетаются начала публичные, практические и собственно религиозные. Помимо всего прочего, надписи на надгробиях — это ресурс активно пополняемый, на сегодняшний день появились прежде отсутствовавшие возможности разыскания неизвестных текстов этого жанра и нового, уточняющего, прочтения многих ранее опубликованных epitafий.

Наше внимание будет сосредоточено на прежде не публиковавшихся надписях, так или иначе сообщающих о многоименности усопшего. Начнем с самой наглядной из них — с текста, сохранившегося на надгробной плите из ярославского Спасо-Преображенского монастыря (CIR0568, Приложение 1, Ил. 1).

³ Здесь и далее разрядка в цитатах принадлежит авторам статьи. В передаче А. И. Пискарева надпись на колоколе выглядит несколько иначе, хотя никаких сомнений в том, что Иван Семенович Щетинин носил еще имя *Илья* и при таком прочтении не остается: «Лѣта „ЭРНЗ году многогрѣшный рабъ Божій Князь Михаила Княжъ Ивановъ сынъ Щетининъ приложилъ сей колоколь въ Олговъ монастырь Успенію на Резани въ домъ Пресвятые Богородицы да Чудотворцу Николѣ да преподобному Сергию по отцѣ своемъ Князь Ильи Семеновича и по своихъ родителяхъ. А въсъ еї пудовъ» [Пискарев 1856: 283 <№ 27>].

|.

Эпитафия Боркову

[Лета 71-- месяца ----- в – день] престави[с](ь) раб [Божий]
 Иаким, а прозви[ще] Семен Ермола[е]вич Борков во ин[оцех]
 Иасаф схим[ни]к.

Эта надпись – своеобразный подарок исследователю: счастливым образом в ней представлены три христианских имени Боркова, два мирских (*Семен и Иоаким*) и иноческое (*Иоасаф*). Такое сочетание вызывает неизменный интерес у историка светской христианской двуименности, да и русской полиномии в целом.

Прежде всего, у нас появляется возможность лишний раз убедиться, что на Руси традиция идет по пути накопления имен, и для поминальной практики значимыми могут оказаться все антропонимы, которым человек обладал при жизни. В самом деле, монашеский постриг и приобретение нового – иноческого – имени, казалось бы, должны кардинальным образом изменить антропонимическое досье человека, сделать ненужными его прежние имена. Однако зачастую христианские антропонимы, которые он носил в миру, продолжают достаточно активно использоваться в разных ситуациях. Так, монах при жизни может праздновать именины в день своего тезки по крестильному (а не иноческому) имени и совершать сделки под светским публичным именем [Литвина, Успенский 2020: 11–14]. Надгробные плиты, как и завещания, в совокупности с различными поминальными записями в синодиках и других коммеморативных текстах демонстрируют, что эти имена остаются с человеком и после его кончины. Здесь в качестве своеобразных аналогов надписи Боркова можно привести, например, эпитафию окольничему Федору Васильевичу Головину († 1625)⁴ или человеку куда менее известному, Ивану Кириллову († 1667), погребенному в рязанском Богословском общежительном монастыре:

Лета 7133 <1625> году, апреля в 16 день, на память святых мучениц Ирины, Агапии и Хионии, преставись раб Божий Окольничий Федор Васильевич Головин, а прямое его имя Перфирей – во иноцах Пафнутий, а подле его сын Алексей, а под гробом Михаил Петрович Меньшой Головин (РГАЛИ, ф. 544, оп. 2, д. 5: л. 3–Зоб.) [Шокарев 1998: 38–39].

Лѣта 7175 <1667> преставися рабъ Божій Алексѣй Кириловъ сынъ Иванъ, а во иноцѣхъ скимникъ Авраамій [С-ов 1882: 137]

⁴ Головин был погребен в московском Симоновом монастыре. Само надгробие не сохранилось, однако полный его текст воспроизводится в Описании кладбища Симонова монастыря, составленном в 1847 г. См. подробнее: [Шокарев 1998: 38–39].

Не менее существенно, что присутствие трех имен в таких эпитафиях прекрасно демонстрирует, как в XVI–XVII столетиях подбирались иноческие имена, а заодно и намечает тот путь, по которому современный исследователь может «вычислить», какое из двух мирских христианских имен усопшего было получено при крещении.

Обратим внимание, что иноческое имя Боркова *Иасаф* (*Иоасаф*) наглядно коррелирует с другим его христианским именем, приведенном на надгробии — *Иаким* (*Иоаким*). Подобная корреляция совершенно закономерна, так как в эту эпоху доминировала тенденция подбирать имена при постриге по звуанию и/или графическому соответству (обыкновенно, по первой букве или звуку) к тому имени, что человек носил в миру. Если нарекающие руководствовались этим принципом, то в расчет бралось исключительно имя крестильное, а не публичное, причем правило это, насколько можно судить по всей совокупности данных о мирской христианской двуименности на Руси, не знало никаких исключений [Литвина, Успенский 2018]. Таким образом, мы можем уверенно говорить, что Семен / Иоаким Борков в крещении был *Иоакимом*.

Кроме того, у нас есть возможность убедиться, что проблема функционального статуса того или иного христианского имени, которым человек обладал при жизни, беспокоила отнюдь не только современных исследователей. Чаще всего, коль скоро несколько таких имен сходятся вместе, заказчик или составитель записи считает нужным каким-то образом обозначить статус антропонимов или как-то иначе — в зависимости от жанра и природы текста — задать своеобразную иерархию имен.

Собственно говоря, предельный случай формирования подобной иерархии — это простое отсутствие «ненужного» в рамках данной ситуации имени. Такой способ как раз и ведет к тому, что в документах сугубо светских или деловых, вроде купчих, меновых грамот или разрядных записей, мы находим только публичные имена обладателей светской христианской двуименности и почти никогда не встречаем здесь их крестильных имен. Эпитафии же в этом отношении демонстрируют, подобно завещаниям, важность всех имен человека — публичного, того, под которым он был известен множеству людей в обиходе, данного ему при крещении и полученного при постриге. Однако даже если руководствоваться только этим критерием простого присутствия, иерархически более значимыми оказываются, скорее, два последних — крестильное и монашеское, коль скоро человеку довелось постричься.

В самом деле, мирское христианское имя в эпитафии может опускаться, тогда как два звучных антропонима — крестильный и иноческий — в тексте обыкновенно присутствуют, как это происходит, на-

пример, в надгробных надписях двух знатных женщин, соперничавших между собой при жизни, княгини Лыковой и княгини Пожарской. Обе они были обладательницами двух христианских в миру, обе приняли постриг, обе носили публичное имя *Мария*, зафиксированное во множестве светских документов, и у обеих его нет на надгробной плите⁵. Налицо здесь лишь крестильное *Евфимия* и иноческое *Евфросиния* у Лыковой и, соответственно, крестильное *Евфросиния* и схимническое *Евникия* у Пожарской. Случай, когда публичное мирское имя на надгробье сохраняется рядом с монашеским, а крестильное отсутствует, несколько более раритетны⁶.

Вообще говоря, простое употребление/неупотребление того или иного элемента антропонимического досье в конкретном типе записей позволяет говорить о более или менее мощных тенденциях, но не о жестких, однозначных правилах. Кроме того, отнюдь не все обладатели двух мирских христианских имен принимали постриг, и, соответственно, далеко не всегда у человека XVI–XVII столетий была возможность накопить к моменту кончины в своем антропонимическом досье три христианских имени, а у современного исследователя — «вычислить» крестильное имя по монашескому.

Однако для выстраивания иерархии имен, принадлежащих одному и тому же человеку, есть и другие средства, о чем недвусмысленно свидетельствует интересующая нас эпитафия Семену/Иоакиму Боркову. Как мы можем убедиться, имени *Семен* предпослана здесь характеристика «прозвище» («...прозвище Семен Ермолов[е]вич Борков»), весьма распространенная в коммеморативных текстах самого разного типа и в

⁵ Ср. надгробную надпись Лыковой из Пафнутьева Боровского монастыря («Лѣта 7112 <1604> году, Июня въ 9 день, на память Святаго Пророка Іосіи преставись раба Божія Княгиня Еуфимія Князя Михаила Георгіевича Лыкова, а во иноцѣхъ Княгиня Еуфросинія Схимница» [ДРВ, 19: 354; Леонид Кавелин 1907: 177 <№ 20>]) и надгробную надпись княгини Пожарской из сузальского Спасо-Евфимиева монастыря: «Лета 7148 <1640> апрѣля в 7 день преставися раба Божия княгиня Еуфросинія Федоровна князь Михайлова жена Федоровича Пожарскаго во иноцах скимница Евъникея» (первая публикация: [Курганова 1994: 399–400]; см. существенные поправки к чтению надписи в: [Беляев 2009: 162; Idem 2013: 242 <прилож. 6>]).

⁶ Так, боярин и воевода Тимофей Трубецкой († 1602) показан на надгробной плите из Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря как «кнзь Тимофей Романович Трубецкой а во иноцах Феодорит» ([Николаева 1958: 105 <№ 17>]; ср.: [ДРВ, 16: 319]). Между тем, доподлинно известно, что в крещении он был *Фотием*, и это обстоятельство обусловило выбор его иноческого имени *Феодорит*. Публичным (*Борис*) и иноческим (*Кирилл*) ограничивается и набор антропонимов на надгробной плите дьяка и печатника Бориса / Каллиника Сукина († 1578), о котором речь еще пойдет ниже: «лѣта 7086 <1578> мѣсяца июля в 14 дн на памят стго апостла Акилы стго о(тца) Иосифа преставися раб божи инокъ скимникъ Кирило а в мире был Борисъ Иванович Сукинъ» [Николаева 1960: 182 <табл. 87б>].

эпитафиях как таковых. Она неизменно соотносится с публичным, а не с крестильным именем, и позволяет надежно противопоставить одно — другому, подчеркивая значимость антропонима, полученного в крещении⁷. Собственно говоря, такого рода пометы — едва ли не самый популярный инструмент для обозначения разного статуса нескольких имен одного и того же лица, коль скоро жанр текста делает желательным их совместное присутствие.

С той же целью в эпитафиях крестильное имя может снабжаться характеристиками «молитвенное» или «прямое», как это происходит в уже приведенной нами надписи на надгробии Федора / Порфирия Головина, князя Василия Сицкого и множества других лиц:

Лѣта 7077 <1568> сентября 30 дня на память священномуученика Григоріа преставися рабъ Божій князь Василій Васильевичъ, молитвенное имя Кононъ, Сицкой⁸.

Вообще говоря, репертуар таких характеристик в текстах разных типов сравнительно широк⁹, самыми безошибочными из них являются, пожалуй, непосредственное указание «крестное» и его производные при

⁷ Значение слова «прозвище» в XIV–XVII вв. заметно отличается от современного. В сущности, так может быть охарактеризовано любое личное имя человека — христианское и нехристианское — кроме тех, что получены в крещении или в иночестве. Ср., с одной стороны, упоминания «Григорья, а прозвище Вихтора» [AC3, 4 (2008): 50 <№ 66>], Козмы прозвище Дмитрия Пожарского [Вахрамеев, 1896: 21], Иакинф прозвище Андрея (CIR4004, Костромской Богоявленско-Анастасиин монастырь, 1655 г.) и, с другой стороны, Симеона прозвище Богдана (CIR0772, Лужецкий Ферапонтов монастырь, 1653 г.), Павла прозвище Деревня (CIR0219, Псково-Печерский монастырь, 1575 г.), Симеона прозвище Северга (CIR0252, Псково-Печерский монастырь, 1627 г.), Симеона прозвище Булуш (CIR0022, Москва, церковь Сергия Радонежского в Крапивниках, 1641 г.) и Михаила прозвище Богдана (CIR0374, Псково-Печерский монастырь, 1664 г.).

⁸ Князь Василий / Конон Сицкий был погребен в московском Новоспасском монастыре, надгробная плита не сохранилась, но была опубликована в XIX в. ([Ювеналий Войников 1802: 29 <№ 13>; ср.: [Авдеев, Станюкович 2005: 128–129]).

⁹ Для обозначения публичного некрестильного имени в источниках могут использоваться пометы «прозвище», «прозвание», «пореклу», «рекомый», «зовомый». Маркер «нарицаемый» в различных вкладных и поминальных записях также обычно применяется к тому из имен, которое не является крестильным, с другой стороны, сам по себе глагол «нарицати» относительно нейтрален и может сообщать как о получении крестильного, так и некрестильного имени.

Крестильное же имя может снабжаться пометами «прямое», «молитвенное», «подлинное», «крестное (крещеное)», «в крещении...», «по крещенью...». Чаще всего, если в источнике присутствуют два христианских антропонима одного и того же лица и один из них снабжен специальной характеристикой «имя» без каких-либо уточнений, то он-то с очень большой вероятностью и был дан в крещении. Конструкция же «именуемый» может, по-видимому, применяться и к некрестильному имени, во всяком случае, ее нельзя рассматривать как надежный маркер имени крестильного.

имени крестильном и «прозвище, прозвание» при имени публичном, некрестильном. Другие лексические маркеры не всегда столь однозначны, хотя в целом, скорее, надежны.

Нет ли каких-либо еще примет и правил, противопоставляющих крестильное и публичное имя в надгробной надписи XVI–XVII вв.?

Здесь довольно трудно говорить о чем-либо с уверенностью. Совершенно очевидно, что эпитафии этой эпохи выстроены по определенным формулярам, однако эти формуляры вариативны сами по себе, а место, отводимое в них как крестильному, так и публичному имени, оказывается достаточно подвижным. Можно, к примеру, сгруппировать эпитафии в зависимости от того, противопоставлено ли в них крестильное имя позиционно всем прочим именованиям человека¹⁰ или (что встречается заметно реже) встроено внутрь антропонимического комплекса¹¹. Однако подобная систематизация, как кажется, пойдет на пользу скорее дипломатике, нежели исторической ономастике.

Остается, пожалуй, еще один – довольно любопытный – аспект антропонимической информации, которую удается извлечь из, в сущности, лаконичной надгробной надписи Семена / Иоакима Боркова. Речь идет о способах подбора двух светских христианских антропонимов в интересующую нас эпоху. Хотя об обстоятельствах имянаречения Боркова никаких сведений нет, трудно не обратить внимание на возможную календарную связность его имен – память богоотцов Иоакима и Анны празднуется 9 сентября, тогда как 1 сентября отмечается память св. Симеона Столпника.

Симеон Столпник – не единственный, но один из самых почитаемых святых с таким именем, так что можно предположить, что нашего Боркова нарекли в соответствии с очень мощной традицией, когда крестильное имя выпадало человеку по дню появления на свет, а публичное подбиралось, исходя из предпочтений семьи, в ближних календарных окрестностях. Об отражении подобной практики нам еще предстоит подробнее сказать ниже, здесь же отметим только высокую

¹⁰ Именно так обстоит дело в эпитафии Боркову, где помета «прозвище» («...Иаким, а прозвище Семен Ермолович Борков») как будто предваряет все то в его именовании, что не является именем крестильным – публичное имя, отчество, родовое прозвание. Аналогичным образом устроены и целый ряд других эпитафий, например, Ивану / Никифору Зыбину, погребенному в Одоевском Анастасовом Богородице-Рождественском монастыре: «Лета 7144 <1636> месяца августа в 28 день на память преподобного отца нашего Моисея Мурзина преставися раб Божий Никифор прозвище Иван Михайлович Зыбин» [Троицкий 2002: 273 <№ 1>], или Ивану / Евсевию Салтыкову, похороненному в Троице-Сергиевом монастыре: «Евсевий, прозвище Иван, Лвович Салтыков, преставися 7100 <1592> году февраля в 20 день» [Леонид Кавелин 1879: 82].

¹¹ Ср., например, надпись на надгробной плите князя Василия / Конона Сицкого, которую мы привели выше (с. 325).

вероятность такого соответствия в именах уже знакомого нам Федора/Порфирия Головина. Хотя свв. Порфириев в месяцеслове довольно много, достоверно известно, что крещен Головин был во имя Порфирия, мученика Палестинского [Алексеев 2006: 85], чья память отмечалась 16 февраля. На следующий день после празднования мученику Порфирию Палестинскому приходится память Федора Тирона, одного из самых популярных на Руси святых с этим именем. В качестве публичного его патронат и его имя как нельзя лучше подходили отпрыску Головиных, родившегося, по всей вероятности, в канун этой Федоровской даты, на память двенадцати палестинских мучеников, в числе которых был св. Порфирий.

||.

Эпитафия Беклемишеву

Еще одна — прежде никогда не публиковавшаяся — надпись на надгробной плите содержит только светские христианские имена усопшего, но при этом является, пожалуй, почти столь же информативной в перспективе изучения русской полиномии. Речь идет об эпитафии Беклемишеvu, происходящей из Мещовского Георгиевского монастыря (CIR0593, Приложение 2, Ил. 2):

Лета 7208г(о) <1699> декабря в 5 д(е)н(ъ) на памят(ъ) преп(о)-д(о)бног[о] и б(о)гоносного отца н(а)шего Савы Осв(я)щенного преставис(ъ) раб Б(о)жий стол(ъ)ник Калинник, завомый Борис Иванович Беклемишев

Итак, надпись на плите стольника Беклемишева свидетельствует о том, что он был обладателем двух мирских христианских имен, *Борис* и *Калинник*, причем в эпитафии они отделены друг от друга интерпункционными знаками в виде точек. Какое же из них было для него крестильным?

Вообще говоря, характеристика «зовомый» — это своеобразный аналог пометы «прозвище», обыкновенно применяемой, как мы убедились выше, в отношении публичного, некрестильного имени. Соответственно, всего вероятнее, что Беклемишев в крещении стал *Калинником*, а *Борис* — это не что иное, как его публичное имя. Такое предположение выглядит тем более достоверным благодаря тому, что в сугубо светских официальных документах этот воевода и стольник стабильно фигурирует под именем *Борис*.

Кроме того, говоря о календарных закономерностях при выборе двух светских христианских имен, нельзя не отметить, что *Калинник* и

Борис или Каллиник и Глеб образуют своего рода устойчивую пару. Так, имена *Каллиник* и *Борис* носил знаменитый дьяк и печатник Борис Иванович Сукин († 1578), причем в данном случае мы можем быть уверены, что имя *Каллиник* он получил в крещении — именно к нему было подобрано монашеское имя Сукина, *Кирилл*, а поминать его предписывалось 29 июля, на память Каллинника, мученика Гангрского. Имя *Каллиник* несомненно получил в крещении и известный с середины XVI в. князь Оболенский, носивший публичное имя *Глеб*. Если учесть, что память первых русских святых, Бориса и Глеба, отмечается 24 июля, кажется вполне естественным, что многие люди, родившиеся 29 июля и ставшие в крещении *Каллиниками*, получали публичные имена *Борис* или *Глеб*.

Все это свидетельствует в пользу того, что в данном случае эпитет «зовомый» работает стандартно и маркирует публичное, некрестильное имя усопшего. Однако кажется нeliшним отметить, что во второй половине XVII в. в текстах разных жанров, в том числе и в эпитафиях, у пометы «зовомый» можно наблюдать своеобразное смещение функций, когда с его помощью вводится как раз крестильное имя. Правда, это касается довольно ограниченного круга лиц, приближенных к царскому дому, прежде всего, Морозовых и Хитрово (подробнее об этом см.: [Литвина, Успенский 2022а: 80–82]). Так, окольничий и воевода Иван Севастьянович Хитрово в крещении несомненно был *Анфимом*, однако в тексте надгробной надписи из Свято-Троицкого Перемышльского Лютикова монастыря имени *Анфим*, вопреки обычной практике, предположена помета «зовомый»:

Лѣта 7205 <1697> Генваря въ 28 день на память преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина преставися рабъ Божій окольничей Иванъ большой Савостіановичъ Хитрово, зовомый Анфимъ, во иноцѣхъ монахъ Антоній, а отъ рожденія поживе 73 г. [Хитрово 1867: 234–235].

В подавляющем большинстве аналогичных надписей, повторимся, с помощью этого маркера по-прежнему обозначается публичное, некрестильное имя¹². Иными словами, у нас нет повода усомниться, что крестильным именем нашего Беклемишева было *Каллиник*, а

¹² Ср.: «Лета 7163 <1655> в день на светлое воскресение Христово день памяти Апостол Аристарха, Петра и Трофима преставися раб Божій зовомый Андреем молитвенное имя Варфоломеем Михайловичем Зыбином [Троицкий 2002: 273 <№ 4>]; «¹лѣтъ зѣ(крест)ру² дѣ³лъ въ . ⁴ . преставѣ⁵ рабъ бѣжї⁶ . ⁷хрї⁸нгтонъ зовомы⁹ грї¹⁰горї¹¹брїшникъ . лета 7194г(о)<1686>апреля в 4 де(нь) преставис(ъ) раб Б(о)жий Харитон, зовомый Григорей Орешник» [Беркович, Егоров 2017: 276 <ВСК-45, илл. 463, 464, 465>]; «Лета 7215 <1707> года июня в 24 день на память преподобнаго отца нашего иже на Дивной горе в четвертом часу дни преставися раб божий князь Кир зовомый князь Василий Матвеевич Оболенский» [Панова 2003: 52 <№ 252>]; «1680 года Декабря 7 дня, преставися раб Божій думный дворянинъ Гоакинъ,

публичным — *Борис*, но в целом при обращении с лексемой «зовомый», коль скоро она появляется в текстах второй половины XVII — начала XVIII в., требуется особая осторожность.

В эпитафии Беклемишева (в отличие от эпитафии Боркова) указана точная дата его кончины, которая сама по себе является важнейшей составляющей формуляра надгробных надписей. Более того, она представлена здесь в традиционной расширенной форме, когда число и месяц кончины сопровождаются указанием имен святых, чья память празднуется в этот день («...декабря в 5 д(е)н(ь) на памят(ь) преп(о)д(о) биог(о) и б(о)гоносного отца н(а)шего Савы Осв(я)щенного»). Эта формула важна в первую очередь потому, что один из дней поминовения того, кто лежит под плитой, благодаря ей навсегда соотнесен с именем св. Саввы. Коммеморативная практика как бы заключает жизнь человека в своеобразную антропонимическую рамку¹³ — после кончины службы по нему будут совершаться в его именины, на память его тезки по крестильному имени Каллиника (Гангрского?), и в празднование св. Савве, когда Беклемишева не стало. Помимо всего прочего, подобный способ датировки демонстрирует родство эпитафии с другими источниками коммеморативного типа, прежде всего, с записями в синодиках, во вкладных и кормовых книгах¹⁴.

зовомый Василій Яковлевичъ Дашковъ, и погребенъ противъ сей таблицы» [Мартынов 1895 (№ 2): 283; МН, 1: 361].

¹³ Это чрезвычайно распространенный способ указания дня кончины в эпитафиях. Помимо уже приведенных нами по другому поводу примеров такого рода, обратим внимание на еще две надгробные надписи, Татьяны / Наталии Милославской («Лѣтъ 71... ноября въ 1 день, на память святыхъ чудотворцевъ Космы и Доміана преставися раба Божія Михайлова жена Васильевича Милославского Татьяна Андреевна, а молитвенное имя Наталия» [Березин, Добронравов, З (1896): 448; РПН: 555]) и Ивана / Флора Есипова, погребенного в московской церкви Зачатия Иоанна Предтечи на Ленивом Торжке («¹⁴ [...] въ фѣрмѣ въ 17го [...] на память цѣпнно^[2] [мученика по]ликапа ѿїнъ рѣ кѣй фло зовоѣ нѣй ликимо ѿїнно^[3] [и] погреѣ въ 17-и лѣтнеге [71]-2 февраля в 23 д(е)вь на памят(ъ) с(в)ѧщеню [мученика Пбо]ликарпа убит раб Б(о)жий Флор, зовом(ый) Иван Акимов сын Есиоп[и]н[и] погребен в сем месте [...]» [Беркович, Егоров 2017: 128 <ИП-3, илл. 219>]; сверка с фотографией надписи дает иные, нежели предложенные издателями, чтения).

¹⁴ Из всего обширнейшего корпуса подобных текстов приведем лишь два — поминальную запись из синодика князей Шелепальских и фрагмент из вкладной и кормовой книги московского Симонова монастыря: «Лета 7145-го <1636> году месяце октября в 10 день на память святых мученик Евлампия и Евлампии, престався раб Божий и князь Михаило Ивановичъ Шелепальскій. А молитвенное имя князь Ларион. А памят по князе Михаиле Ивановиче того же месяца октюбрвя в 21 день на памят преподобного отца нашего Илариона Великаго» [Васильев, Грязнов 1998: 127 <л. 76>] или «...А на его царевичево Иваново рождение марта в 30 день, на память преподобного отца нашего Иоанна, списатель Лествицы, да его преставление ноября в 19 день, на память святого пророка Авдия и святого мученика Варлаама, понахили и обедни архимандит служит собором...» [Алексеев 2006: 23].

III.

Эпитафия Годунову

Еще одна неопубликованная надпись на надгробной плите из костромского Ипатьевского монастыря (CIR0102, Приложение 3, Ил. 3) сохранилась лишь фрагментарно, и дошедшая до нас часть несет на себе всего одно личное христианское имя усопшего:

[--- Году]
 но^[в] . а прозвѣще мнхайн
 ло
 [... Году]но[в], а прозвеще Михайло

Тем не менее у нас есть все основания утверждать, что в своем первоначальном виде она являла собой еще одно свидетельство мирской христианской двуименности. Более того, мы обладаем возможностями для установления этого другого христианского имени, которое, как мы полагаем, здесь в свое время наличествовало.

Каковы же эти основания и что за имя было на надгробной плите, пока она была цела?

Как мы помним, помета «прозвище» достаточно однозначно и последовательно указывает на публичное, некрестильное имя двуименного человека (каковым для усопшего, со всей очевидностью, было *Михайл*). Функция этой пометы — отделение такого антропонима от того, что был дан в крещении, соответственно, в коммеморативном тексте она возникает тогда и только тогда, когда рядом присутствует другое имя — имя крестильное.

Знаем ли мы кого-то из Годуновых, кто не просто носил бы два имени в миру¹⁵, но и обладал бы при этом публичным именем *Михайл*?

Как известно, костромской Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь был родовой усыпальницей этой семьи, поэтому именно здесь следует искать в первую очередь те показания коммеморативных источников, которые помогли бы нам установить, кто лежал под интересующей нас частично разрушенной плитой. Счастливым образом нужные сведения и в самом деле обнаруживаются.

Во вкладной книге Ипатьевского монастыря сохранилась запись, которая отчетливо содержит два мирских христианских имени Михаила Осиповича (Иосифовича) Годунова, одного из сыновей Осипа / Осана (Асана) Дмитриевича:

¹⁵ О светской христианской двуименности у Годуновых см. подробнее: [Литвина, Успенский 2022, *passim*].

Пожаловалъ: Г^одърь б^лговърны Црь великии К^изь Ф^ешдорпъ Ивановичъ Всеа Россіи: по Михаиле Иосифовиче Годнове дватца^{тв} р8блев^б. Да дѣти Михаиловы, Матоси да Иванъ, дали по оїѣ Своемъ, девятнадцать р8блевъ. И за т8 дачо написа^{тв} в вѣчныи Сенадикъ Нестора.: кормить еже годъ безпереводно на Егѡ преставленїе: майа въ ѳ <4> день [Книга вкладная... 1728: л. 16]

В соответствии с волей вкладчиков, крестильное имя Михаила Годунова, *Нестор*, было внесено в Синодик Ипатьевского монастыря, где мы находим его в главах «Род Годуновых», «Род Матфея Михаловича Годунова» и «Род Петра да Никиты Васильевичев Годуновых» (ЦИАМ БВП № 252; КМЗ-КОК-24534, л. 19/15, 32об./28об., 33/29).

Со всей очевидностью, Михаил / Нестор Годунов, как и многие его родичи, был погребен в Ипатьевском монастыре¹⁶. Здесь, помимо всего прочего, хранился его надгробный покров, известный нам по описным книгам этой обители:

На Михайлѣ на Осифовиche покровъ сукно багрецъ, на немъ крестъ вышито 14 плащѣ золотомъ, обшиваны серебромъ, а подпись у креста шита серебромъ на зеленой таѣтѣ [Соколов 1890: 46].

Таким образом, есть все основания именно с ним связать этот дошедший до нас фрагмент надгробной плиты с частично сохранившейся надписью.

К сожалению, мы не располагаем более подробными данными о небесных покровителях и обстоятельствах имянаречения Михаила / Нестора Годунова. В церковном календаре есть дата, 27 октября, когда памяти св. Нестора Солунского и архангела Михаила празднуются в один день. На Руси вполне практиковалась своеобразная традиция антропонимической однодневности, в соответствии с которой ребенок получал оба своих имени, публичное и крестильное, в честь святых, чья память приходилась на одну и ту же дату, обыкновенно являвшуюся и днем его

¹⁶ В монастыре сохранилась, в частности, надгробная плита родного брата Михаила / Нестора, Василия Осиповича Годунова (CIR0081): «¹лѣтъ ³ (клеймо) ²лѣтъ ¹пояръ ³на ²пам^и ³чудо⁴ ³творѣ ⁵кѣстрилъ ⁶ко⁷змы ⁴и ⁵дѣланы ⁶преставленія ⁷ ⁸ко⁹жъ ¹⁰василѣ ¹¹энадикъ ¹²годуновъ Лета 7069 <1560> м(е)с(я)ца ноября в 1 д(е)нь на памят(ъ) с(вя)тых чудотворцев безсер(е)брянник Козмы и Дем(ъ)яна преставися раб Б(о)жий Василий Осиповичъ Годуновъ» (ср.: [Сирцов 1902: 6; Баженов 1909: 34–35 <примеч. **>]). Как нетрудно убедиться, на плите Василия Осиповича не приведено никакого иного его христианского имени, кроме *Vasiliy*, да и каких-либо других свидетельств его двуименности, прямых или косвенных, мы не знаем, хотя полностью исключать ее не можем. Так или иначе, ситуация, когда в одной семье, кто-то из братьев и сестер обладал двумя христианскими именами в мире, а кто-то — лишь одним, совершенно типична для всей истории русской полиномии (см. подробнее: [Литвина, Успенский 2020: 17–18]).

появления на свет¹⁷. Однако так ли это происходило в случае с Михаилом Осиповичем, в какой мере 27 ноября определило его имянаречение, сказать невозможно — в церковном календаре есть целый ряд дат, связанных со свв. Несторами, и еще больше — со свв. Михаилами.

В не слишком многочисленных источниках светского характера Михаил / Нестор Годунов, ожидаемым образом, появляется под своим публичным именем *Михаил* (ср., например: [Антонов 2004: 97 <л. 69>; Антонов et al. 2010: 1054]).

Как явствует из приведенной выше записи во вкладной книге, Михаил / Нестор умер 4 мая (можно предположить, что эта дата в том или ином виде присутствовала на несохранившейся части надгробной плиты). Что же касается года его кончины, то с осторожностью следует допустить, что она приходилась на время правления царя Федора Ивановича, который счел нужным дать 20 рублей на помин своего свойственника¹⁸. Судя по всему, Михаил / Нестор Годунов умер не ранее 18 марта 1584 г. (день воцарения Федора Ивановича) и не позднее 4 мая 1594 г., так как в Описи Ипатьевского монастыря, проводившейся 11 апреля 1595 г., упоминание его гробницы уже присутствует. Вместе с

¹⁷ Таким образом получили, например, свои имена Юрий / Алипий Федорович Безобразов (XV–XVI в.) или Глеб / Борис Иванович Морозов († 1662). Обратим внимание, что при «однодневном» наречении могли задействоваться как имена святых, неразрывно связанных друг с другом агиографически (Борис и Глеб, Кир и Иоанн), так и тех, кто подвизался в разное время, в разных местах, но волею судеб поминался под одной датой в месяцеслове (Георгий и Алипий, Петр и Палиевкт). Эпитафии порой отражают довольно любопытные и причудливо устроенные факты однодневности в имянаречении. Так, на надгробной плите Пил(ь)емова в Троице-Сергиевом монастыре отражены два его светских христианских имени — Фотий и Никита: «|¹ мѣсяца ² (клеймо) рмд¹ |² гд² десѧтка въ лѣт³ пре⁴страдаисѧ рѣ скжѣ фла⁴те прозвище никиты⁵ гра дми⁶ Троицк⁷ пн⁸емовъ лета 7144(о)<1635> году декабря въ 11 д(е)н(ь) преставися раб(о)жий Фатей прозвище Никита Дмитреевич(ь) Пил(ь)емовъ» ([Гиршберг 1962: 249–250 <№ 222>]; ср. также: [Николаева 1960: 186–187]). Однако на деле он, скорее всего, был наречен в честь святых сомучеников Фотия и Аникиты (память 12 августа), имя же Аникита очень часто приобретало форму *Никита*, хотя исходно это два разных антропонима. Если наши догадки относительно использования принципа однодневности в имянаречении Михаила / Нестора Годунова верны, то здесь — в отличие от казуса Пил(ь)емова — мы имеем дело с именами святых, ничем, кроме даты празднования, между собою не связанных.

¹⁸ Ближайшие датированные записи на л. 16 вкладной книги относятся к 1596 и 1589 гг. Родство между Ириной Годуновой, супругой царя Федора, и Михаилом / Нестором было довольно дальним — 7-я степень, т. е. Михаил приходился царице троюродным дядей. Быть может, особое внимание к покойному со стороны царской четы было обусловлено тем, что сын Михаила / Нестора, Матвей († 1639), упомянутый во вкладной книге в качестве вкладчика, был близок с царским шурином Борисом Годуновым — во всяком случае, при воцарении последнего Матвей Михайлович сразу же сделался окольничим, а со временем и боярином, входя в круг тех родственников, которые составляли непосредственное окружение этого правителя.

тем, декоративное оформление плиты имеет архаичные для этого времени признаки, встречающиеся на надгробиях середины XVI в. Ближайшие аналогии – надгробие Юрия Федоровича Очина-Плещеева († 1550) и Орины Плещеевой (середина XVI в.) [Вишневский 2004: 380 <Рис. 6>, 381 <Рис. 9>].

*

Итак, впервые публикуемые эпитафии, содержащие два мирских христианских имени усопшего, служат еще одним наглядным доказательством того, что этот малый текстовый жанр является исключительно ценным источником по истории русской полиномии, да и русской культуры позднего Средневековья в целом. Количество таких надгробных плит, где отразилась светская христианская двуименность, исчисляется десятками, и этот корпус постоянно пополняется. Засвидетельствованные здесь имена собственные позволяют убедиться, что эпитафия, как и завещание (духовная), принадлежит очень своеобразной и интересной зоне пересечения двух сфер – обиходного, вполне мирского, и сакрального. На надгробной плите уместным оказывается свести воедино и сохранить все те имена, под которыми умерший действовал в разных стратах своего существования.

С другой стороны, эти микротексты, как правило, далеки от нейтрального перечисления всего имеющегося набора антропонимов – они выстраивают своеобразную иерархию и дифференциацию имен, выделяя те из них, которые являются наиболее значимыми в перспективе коммеморативной практики. Характерно, что антропонимическая система, в которой христианин на Руси существует при жизни и после кончины, может не ограничиваться теми именами, которыми он был наречен. Нередко случается так, что имена святых, на память которых он родился или принял постриг, сопровождают его до гроба и за гробом, даже если они не были ему даны родителями или игуменом; в коммеморативной же практике к ним присовокуплялись имена тех святых, в день поминовения которых его не стало. Вопрос же о том, чем именно могли руководствоваться в каждой конкретной ситуации, включая в эпитафию тот или иной набор именований покойного, нуждается, как нам представляется, в дальнейшем исследовании.

Приложения

1. CIR0568. Эпитафия Иоакиму, по прозвищу Семен, Ермолаевичу Боркову, в схиме Иасафу (*Ил. 1*). Вторая половина 30-х гг. — 40-е гг. XVII в., но не позднее 1648 г. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь (Ярославский государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник). Хранится в звоннице.

Местонахождение памятника: Ярославский Спасо-Преображенский монастырь (Ярославский государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник). Хранится в звоннице.

История памятника. Плита, вероятно, происходит с грунтового некрополя Спасо-Ярославского монастыря. Была использована вторично в качестве строительного материала.

Описание носителя. Средняя часть белокаменной надгробной плиты трапециевидной формы. По левой грани проходит полоса декоративного узора в виде плетенки. На боковой грани Правая грань плиты стесана. Верхняя часть плиты отбита, нижняя спилена.

Описание надписи. Надпись в 7 строк, выполненная в технике обронной резьбы. Стк. 1 утрачена. Правая часть надписи сбита.

Транскрипция:

[лета 71-- месяца ----- в – день]
 престави^[с] ѿ [божий]
 іакі^м а прօвн[ще]
 сел^е єрмола[е]
 ві^и борко^о во н[оцех]
 іасафъ схі^мни[ни]
 (vacat) к^т (vacat)

[Лета 71-- месяца ----- в – день] престави[с](ъ) раб [Божий] Иаким, а прозви[ще] Семен Ермола[е]вич Борков во ин[оцех] Иасаф схим[ни]к.

Датировка. Вторая половина 30-х гг. — 40-е гг. XVII в., но не позднее 1648 г.

Палеографический комментарий. Эпиграфический полуустав высокого качества. Буква I (стк. 3, 6) в центральной части имеет шаровидное утолщение. Средняя мачта буквы M (стк. 4) имеет Y-образную форму с шаровидным утолщением в центре. Перекладина буквы Т (стк. 2) заканчивается шаровидными утолщениями.

Лигатуры: стк. 2 — **с**т и **и**в в слове «престави^[с]»; стк. 3 — ап^р в слово-сочетании «іакі^м а прօвн[ще]».

Оформление начала слов с помощью выносных букв: *н[оцех]* (стк. 5). Оформление окончаний слов с помощью выносных букв: *семѣ* *емола[е]внѣ* *боркѣ* (стк. 4–5).

Ил. 1. СИР0568. Эпитафия Иоакиму, по прозвищу Семен, Ермоловичу Боркову, в схиме Иасафи. А. Визуализации модели памятника по схеме Х. Б. Поверхность модели с наложенной фотографической текстурой (схема Т). В. Улучшение читаемости надписи инструментами математической визуализации рельефа поверхности памятника относительно условной «нулевой» плоскости (схема Г).

Реально-исторический комментарий

Обоснование датировки

Аналогичное декоративное оформление боковых сторон надгробных плит Л. А. Беляев [1996: 150 <Табл. XLV, 2>] датирует концом 30-х гг. XVII в., В. А. Беркович и К. А. Егоров [2017: 238 <№ ВСК-2>, 250 <№ ВСК-10>, 251 <№ ВСК-12>, 270 <№ ВСК-36> и др.] – первой четвертью или второй третью XVII в. Известно, что в 1648 г. С. Е. Боркова уже не было в живых [Антонов et al. 2010: 1077–1078 <№ 6066-6>]. Очевидно, надгробие может быть датировано второй половиной 30-х – 40-ми гг. XVII в., но не позднее 1648 г.

Просопографический комментарий

4–5. *семѣ* *емола[е]внѣ* *боркѣ*. Ярославский служилый человек. Владел вотчиной в Ярославском уезде – сельцом Мальгиным с пустошами в Закоторском стане и жеребьями деревень Замарино и Вzmanово в Кузьминской волости, заложенную ему Иваном Петровым сыном Мусоргского. После смерти С. Е. Боркова вотчина была разделена между его двумя сыновьями. О постриге в схиму и захоронении в Спасо-Ярославском монастыре известно только из эпитафии. Сын С. Е. Боркова, Афанасий, в 1623 г. был записан по жилемецкому списку, а в 1635–1639 гг. был

письменным головой в Томске [Ельчанинов 1913: 42]. Второй сын, Иван Семенович, умер незадолго до 1648 г., а его вдова Стефанида Павлова дочь Теприцкого вторично вышла замуж за ярославского служилого человека Семена Алексеева сына Карбышева, в связи с чем последнему в 1648 г. была передана ее приданая вотчина — четверть деревни Поляна Шарапова в Едомской волости Ярославского уезда и купленная ее мужем у вдовы Петра Болтина Мавры Второго дочери Страхова сельца Мальгино на реке Шакше с пустошами в Закоторском стане Ярославского уезда. Хлопотами по передаче вотчин занимался Афанасий Семенович Борков [Антонов et al. 2010: 1077–1078 <№ 6066-6>].

Полевое документирование. Документировано 21.06.2017 г., код документирования OG0745, код надписи CIR0568.

Операторы документирования. Сергей Пешков, Виталий Красноруцкий, Антон Клейменов, Александр Сидоров, Евгений Юшин, Дарья Анисимова.

Авторы описания. Александр Авдеев, Алексей Зубатенко, Анна Литвина, Ольга Радеева, Федор Успенский.

2. CIR0593. Эпитафия стольнику Борису / Каллинику Ивановичу Беклемишеву. 5 декабря 1699 г. Мещовский Георгиевский монастырь (Ил. 2).

Местонахождение памятника: Мещовский Георгиевский монастырь.

История памятника. Плита найдена во время восстановительных работ на территории монастыря в 2010-е гг.

Описание носителя. Белокаменная намогильная плита трапециевидной формы. Поверхность плиты повреждена, края оббиты.

Описание надписи. Надпись на торце плиты. Трехгранно-выемчатая резьба. Графья отсутствует. Надпись в 4 строки заключена в прямоугольную нишу, врезанную в торец плиты.

Транскрипция:

Лѣтъ зѣнѣ дѣкаря въ є на памѧтъ препѣнѹ[о]
 і егѹснѹго ѿца ишего сабы обѹщенѹго . прѣгабнї
 рѣ б҃жнї стѹнї каллиникъ . злобомъ
 борнї івѡновнѹу беклемишиевъ .

Палеографический комментарий. Эпиграфический полуустав высокого качества, тяготеющий к вязи. Диакритика нерегулярная. Разделение на слова отсутствует. Смысловые и датирующие элементы выделены интерпункционными знаками в виде точки. Буква **З** в

обозначении года (стк. 1) по форме напоминает цифру 3 с удлиненным и изогнутым окончанием нижней дуги. Знак тысячи в виде наклонной линии прикреплен к месту соединения дуг буквы 3. Выносная буква Б (стк. 1, 3) имеет скорописное начертание.

Лигатуры: стк. 1 — **лѣтъ** в слове «**лѣтъ**», **мн** в слове «**декабрь**», **дн** в слове «**ес**», **лп** в словосочетании «**на память**», **ми** в слове «**память**», **пв** в слове **препеног[о]**; стк. 2 — **нг** в слове «**егонсного**», **лв** в слове «**савы**», **лв** в слове «**преглбн**»; стк. 3 — **ни** в слове «**стони**»; стк. 4 — **чв** в слове «**блановнчъ**».

Супенсия: **з-сн** (стк. 1). Контрактуры: **сн** (стк. 1), **препеног[о]** (стк. 1), **егонсного** (стк. 2), **ншаго** (стк. 2), **овциеного** (стк. 2), **бжн** (стк. 3).

Оформление окончаний слов с помощью выносных букв и буквенных титл: **памъ** (стк. 1), **лв** (стк. 3), **бжн** (стк. 3), **стони** (стк. 3), **корн** (стк. 4). Оформление окончаний строк с помощью выносных букв и буквенных титл: **преглбн** (стк. 2), **злбомъ** (стк. 3).

Ошибки резчика: титло в слове **шцл** (стк. 2) нефункционально.

А

Б

В

Ил. 2. CIR0593. Эпитафия стольнику Борису / Каллинику Ивановичу Беклемишеву. А. Визуализации модели памятника по схеме Х. Б. Поверхность модели с наложенной фотографической текстурой (схема Т). В. Улучшение читаемости надписи инструментами математической визуализации рельефа поверхности памятника относительно условной «нулевой» плоскости (схема Г).

Просопографический комментарий. 4. корн блановнчъ беклемишевъ.

Представитель калужской ветви рода, происходил из Мещовска. В описных и вкладных книгах Георгиевского Мещовского монастыря упоминаются многие представители данной ветви рода Беклемищевых, стольники и воеводы г. Мещовска, делавшие вклады в обитель. Среди них: братья Иван Иванович и Ермил Иванович Беклемищевы, а также Алексей Васильевич Беклемишев [Леонид Кавелин 1870: 28, 34 <примеч. 7>, 35 <примеч. 1>, 47, 49, 156, 171]. В Благовещенской церкви г. Мещовска на восточной стене за жертвенником придела св. Иоанна Богослова сохранилась строительная надпись, свидетельствующая о возведении храма воеводой Борисом Ивановичем Беклемищевым в 1678 г.

В 1676/77 г. Б. И. Беклемишев — стряпчий, в 1677/78 г. — дворянин по московскому списку. С 1678/79 г. — стольник [Иванов 1853: 25]. В 1677–1681 гг. — воевода в Мещовске [Барсуков 1902: 136; Третьяк 1898: 16; Опись городов 1998: 431]. С января 1687 до августа 1688 г. Б. И. Беклемишев фигурирует как стольник в списке воевод г. Яренска [Воскобойникова 1997: 114]. Сохранилась грамота 1687 г., написанная от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей воеводе Б. И. Беклемишу в Яренск по обвинению его архиепископом Устюжским Александром в незаконном взыскании денег, вмешательстве в духовные дела и т. д. [Тимошина 2007: 38]. В марте 1688 г. как воевода Б. И. Беклемишев участвовал в судебном разбирательстве между гостем И. Д. Панкратьевым и властями Соловецкого монастыря относительно земельных владений в Сергиевской волости Яренского уезда [Едем 2007: 368–369]. В «Боярском списке 1700 г.» говорится о стольнике Борисе Иванове сыне Беклемишеве как об умершем (РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 2 (Москва), д. 43, л. 381об.).

Эпитафия сообщает информацию, не отразившуюся в других письменных источниках, — имя Б. И. Беклемишева «Калинник» и дату его смерти.

Полевое документирование. Документировано 23.07.2017, код документирования OG0772, код надписи CIR0593.

Операторы документирования: Александр Пешков, Виталий Красноруцкий, Антон Клейменов, Александр Сидоров, Дарья Анисимова.

Авторы описания: Александр Авдеев, Глеб Донской, Анна Литвина, Ольга Радеева, Федор Успенский, София Бузланова, Арсений Козуля.

3. CIR0102. Эпитафия Нестору Иосифовичу Годунову по прозвищу Михайло (Ил. 3). Между 18 марта 1584 и 4 мая 1594 г.

Местонахождение памятника: Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь. Крипта под западным гульбищем Троицкого собора. До конца XVII в. использовалась как усыпальница, в конце 50-х гг. XX в. превращена в лапидарий музея.

История памятника. Михаил / Нестор Годунов был погребен в усыпальнице Годуновых — каменной палатке, располагавшейся к югу от алтаря собора Рождества Богородицы [Диев 1858: 22]. Палатка была разобрана в 1756 г. по распоряжению епископа Костромского и Галицкого Геннадия (Андреевского). Извлеченный материал был использован для строительства нового, более просторного, храма Рождества Богородицы в 1760–1764 гг. (снесен в 1860 г.) [Павел Подлипский 1832: 29]. В 2012 г. плита с эпитафией Михаилу / Нестору была обнаружена во

время раскопок С. И. Алексеева к югу от Троицкого собора, у фундамента церкви Рождества Богородицы, построенной К. А. Тоном в 1852 г. (разрушена в 1934 г., воссоздана в 2008–2013 гг.).

Описание носителя. Средняя часть белокаменной плиты трапециевидной формы, окаймленная справа и слева плетеным узором. В нижней части плиты сохранилась розетка, окаймленная плетеным узором в 6 перевивов. В центре розетки вырезано «сегнерово колесо» с лучами, повернутыми по часовой стрелке. К верхней части розетки подходят две боковые тяги, оформляющие нижнюю часть эпиграфического поля. Они составлены из плетеного орнамента в 5 перевивов. К нижней части розетки примыкает центральная тяга (частично сохранились 3 перевива). Эпиграфическое поле отделено от декоративного узора полосой глубокой графии. Боковые грани декоративного оформления не имеют.

Описание надписи. В верхней части плиты сохранились 2 строки эпитафии, сделанные в технике прямой резьбы.

Транскрипция:

[Лета 70—году мая в 4 день]
 [преставися раб Божий Нестор]
 [Осипович vel Иосифович Году]
 но^[в] . а про^звѣ^{ти} ми^ха^йл
 (боковая тяга) ло (боковая тяга)

Ил. 3. CIR0102. Эпитафия Нестору Иосифовичу Годунову по прозвищу Михайло. **А.** Визуализации модели памятника по схеме Х. **Б.** Поверхность модели с наложенной фотографической текстурой (схема Т). **В.** Улучшение читаемости надписи инструментами математической визуализации рельефа поверхности памятника относительно условной «нулевой» плоскости (схема Г).

Датировка. Между 1584–1594 г.

Палеографический комментарий. Эпиграфический полуустав высокого качества. Разделение на слова отсутствует. Диакритика нерегулярная. Интерпунктационный знак в виде точки перед словом «**про^звѣщие**». Средняя мачта буквы **М** (стк. 4) украшена овальным утолщением. «Вензельные» написания букв: в слове «**про^звѣщие**» (стк. 4) буква **Е** вписана в корпус буквы **Щ**.

Лигатуры: стк. 1 — **лпф** в словосочетании «**л про^звѣщие**», «**мн**» в слове «**михан**(ло)».

Просопографический комментарий. Михаил / Нестор Иосифович (Осипович) Годунов, сын Осипа / Асана Дмитриевича Годунова. В Дворовой тетради 1550 г. Михаил Асанов сын Годунов вместе с братом Василием записан по Костроме [Зимин 1950: 148]. Согласно Боярской книге 1556/56 г., оба брата с конца 1549 по 6 декабря 1552 г. были волостями Брашевской черной волости в Костромском уезде. В 1555/56 г. им дано «на подмогу для казанские службы по 12 рублей (ч). Вотчины за ними треть сохи, а поместья по 60 чети за (ч). Прежняя людская дача не бывала. В Серпухове ему смотр не был — годует в Казани. Лета 7064 <1555/56> в Нижнем Новгороде поместья за собою сказали по 150 чети; сами на конех, в доспехах; людей их 4 (ч) на конех в саадацах и в саблях, с копьи, 2 коня прости, 6 (ч) пеших в саадацах и в саблях. И не додали з земли 2 (ч) в доспехах. А по новому окладу дати было им на их головы в 20 статье по 12 рублей (ч). И ныне давати им по 10 рублей (ч), а не додати им по 2 рубля (ч), да на люди з земли не дати им 4-х рублей, и всего им не додати 8 рублей» [Антонов 2004: 97 <л. 69>].

У Михаила / Нестора Осиповича Годунова были «сын Матвей — у царя Бориса и у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии был боярин, да Иван, да дочь Марья — была за боярином за Михаилом Борисовичем Шеиным» [Антонов 2011: 78–79].

После смерти Михаила / Нестора и Василия Осиповичей Годуновых их вдовы — старицы Марфа и Елена — владели двумя половинами села Юрьевское с 4 деревнями в Дуплексове стане Костромского уезда [Антонов et al. 2010: 1054].

Полевое документирование. Документировано 18.08.201, код документирования OG0130, код надписи CIR0102.

Операторы документирования: Сергей Пешков, Александр Пешков, Татьяна Колотий, Екатерина Романенко, Дарья Анисимова, Евгений Юшин.

Авторы описания: Александр Авдеев, Анна Литвина, Ольга Радеева, Федор Успенский, Глеб Донской, Ирина Кордан.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

КГИАХМЗ – Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Кострома)

КМЗ – Костромской музей-заповедник (Кострома)

КОК – Костромская объединенная коллекция (Кострома)

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

ЦИАМ – Церковный историко-археологический музей Костромской епархии Русской Православной церкви (Кострома)

Библиография

Источники

Рукописи

Книга вкладная... 1728

КГИАХМЗ, КОК 24010, № 91, Книга вкладная кто что по обещанию дал вкладу в вечный поминок в дом Живоначальные Троицы в Іпацкий монастырь, 1728.

ЦИАМ КМЗ КОК 24534

ЦИАМ, КМЗ КОК 24534, Синодик костромского Ипатьевского монастыря, XVII в. с поздними дополнениями.

Литература

Авдеев, Станюкович 2005

Авдеев А. Г., Станюкович А. К., Эпиграфическое наследие Новоспасской усыпальницы рода Романовых, *Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре*, А. К. Станюкович, В. Н. Звягин, ред., Кострома, 2005, 115–137.

Алексеев 2006

Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря, А. И. Алексеев, подгот. текста, вступ. ст., сост. comment. и словаря терминов, А. И. Алексеев, А. В. Маштафаров, сост. именного указателя, *Вестник церковной истории*, 3, 2006, 5–184.

Антонов 2004

Антонов А. В., «Боярская книга» 1556/57 года, *Русский дипломатарий*, 10, Москва, 2004, 8–118.

— 2011

Памятники русского служилого сословия, А. В. Антонов, сост., Москва, 2011.

Антонов et al. 2010

Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг., А. В. Антонов, А. Берелович, В. Д. Назаров, ред., Москва, 2010.

АСЗ, 1–4

Акты служилых землевладельцев XV–XVII века, 1–4, Москва, 1997–2008.

Баженов 1909

Баженов И., *Костромской Ипатьевский монастырь. Историко-археологический очерк*, Кострома, 1909.

Барсуков 1902

Барсуков А. [П.], *Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия*, С.-Петербург, 1902.

Беляев 1996

Беляев Л. А., *Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв.*, Москва, 1996.

——— 2009

Беляев Л. А., О датах смерти Е. Ф. Пожарской и В. П. Пожарского: эпиграфические заметки, *Российская археология*, 1, 2009, 162–165.

——— 2013

Беляев Л. А., *Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Ефимьевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения*, Н. А. Макаров, ред., Москва, 2013.

Беляев et al. 2021

Беляев Л. А., Шокарев С. Ю., Шуляев С. Г., Погребальные памятники рода князей Кубенских в подклете собора Новодевичьего монастыря, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 4 (86): Декабрь, 2021, 88–110.

Березин, Добронравов, 1–5

Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии, В. Березин, В. Добронравов, сост., 1–5, Владимир, 1893–1898.

Беркович, Егоров 2017

Беркович В. А., Егоров К. А., *Московское белокаменное надгробие: Каталог*, В. В. Генинг, отв. ред., Москва, 2017.

Васильев, Грязнов 1998

Синодик князей Шелешпальских, Ю. С. Васильев, А. Л. Грязнов, публ., *Белозерье: Краеведческий альманах*, 2, Вологда, 1998, 118–127.

Вахрамеев 1896

Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, И. А. Вахрамеев, изд., 3: *Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая*, Москва, 1896.

Вишневский 2004

Вишневский В. И., Некрополь бояр Плещеевых в Троице-Сергиевом монастыре, *Археология Подмосковья*, [1], Москва, 2004, 375–386.

Воскобойникова 1997

Воскобойникова Н. П., Список яренских воевод XVII в., *Очерки феодальной России*, 1, Москва, 1997, 108–118.

Гиршберг 1960

Гиршберг В. Б., Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв., 1: Надписи XIV–XVI вв., *Нумизматика и эпиграфика*, 1, 1960, 3–77.

——— 1962

Гиршберг В. Б., Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв., 2: Надписи первой половины XVII в., *Нумизматика и эпиграфика*, 3, 1962, 212–287.

Диев 1858

Диев М. Я., *Историческое описание Костромского Ипатского монастыря*, Москва, 1858.

ДРВ, 1–20

Древняя российская вивлиография... изданная Николаем Новиковым, изд. 2-е, вновь испр., 1–20, Москва, 1788–1791.

Ельчанинов 1913

Ельчанинов И. Н., *Материалы для генеалогии ярославского дворянства*, 2, Ярославль, 1913.

Зимин 1950

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь, А. А. Зимин, подгот. к печати, Москва, Ленинград, 1950.

Иванов 1853

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях, П. Иванов, сост., Москва, 1853.

Курганова 1994

Курганова Н. М., Надгробные плиты из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля, *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник*, 1993, Москва, 1994, 396–404.

Леонид Кавелин 1870

Историческое описание Мещевского Георгиевского мужского общежительного монастыря, 1864 года, А[рхимандрит] Леонид, сост., Москва, 1870.

— 1879

Леонид (Кавелин), арх., Приложения к Историческому описанию Свято-Троицкого Сергиевы лавры, Горский А. В., Историческое описание Свято-Троицкого Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам в 1841 г. с приложениями архимандрита Леонида, 2, *Чтения в императорском обществе истории и древностей российских*, 2, 1879, 1–112.

— 1907

Леонид (Кавелин), арх., *Историко-археологическое и статистическое описание Боровского Пафнутьева монастыря (Калужской губернии)*, изд. 3-е, [Калуга], 1907.

Литвина, Успенский 2018

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси, А. А. Горский, отв. ред., *Средневековая Русь*, 13, Москва, 2018, 241–280.

— 2020

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «Се яз раб Божий...» *Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры*, С.-Петербург, 2020.

— 2021

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Из наблюдений над ковчегом князя Ивана Хворостинина (1601–1621 гг.), *Slověne = Словене. International Journal of Slavic Studies*, 10/1, 2021, 94–112.

— 2022

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Годунов в кругу родни (Биографические разыскания)*, С.-Петербург, 2022.

— 2022a

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Браки царей Ивана и Петра Алексеевичей и русская многоименность на пороге Нового времени, *Die Welt der Slaven*, 67/1, 2022, 68–90.

Макарий Миролюбов 1863

Макарий (Миролюбов), арх., Сборник церковно-исторических сведений и статистических о Рязанской епархии. 4: Монастыри в Рязанской епархии, *Чтения в императорском обществе истории и древностей российских*, 4, Октябрь–декабрь, 1863, 219–322.

Мартынов 1895

[Мартынов А. А.], Надгробная летопись Москвы. Уцелевшие надгробные надписи в московских церквях, собранные А. А. Мартыновым, *Русский архив*, 2–8, 1895, 279–284, 408–413, 549–554, 97–109, 219–240, 383–395, 521–528.

МН, 1–3

Великий Князь Николай Михайлович, изд., *Московский некрополь*, В. И. Сайтов, Б. Л. Модзалевский, сост., 1–3, С.-Петербург, 1907–1908.

Николаева 1958

Николаева Т. В., Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора,
Загорский государственный историко-художественный музей заповедник. Сообщения, 2,
 Загорск, 1958, 92–106.

— 1960

Николаева Т. В., К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры, *Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника*, 3, Загорск, 1960, 181–195.

Опись городов 1998

Опись городов 1678 г., *Русские летописи*, 3: *Воскресенская летопись*, Рязань, 1998.

Павел Подлипский 1832

Павел (Подлипский), арх., Описание Костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Феодорович Романов умолен знаменитым посольством Московским на Царство Русское, Москва, 1832.

Павлов-Сильванский 1985

Источники по социальному-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря, В. И. Корецкий, ред.; В. Б. Павлов-Сильванский, подгот. текста и вступ. ст., Москва, 1985.

Панова 2003

Панова Т. Д., *Некрополи Московского Кремля*, 2-е изд., испр. и доп., Москва, 2003.

Пискарев 1856

Пискарев А. И., Собрание надписей на памятниках Рязанской старины, *Записки императорского археологического общества*, 8/1, С.-Петербург, 1856, 271–324.

РПН

Великий Князь Николай Михайлович, изд., *Русский провинциальный некрополь, 1: Губернии Архангельская, Владимирская, Вологодская Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгской губернии монастыри Валаамский и Коневский*, В. В. Шереметевский, сост., Москва, 1914. [Издание продолжено не было.]

Снегирев 1864

Снегирев И. [М.], *Богоявленский монастырь в Москве, на Никольской улице*, Москва, 1864.

С-ов 1882

С-ов И. П., *Описание Богословского общежительного монастыря, находящегося в Рязанской епархии*, Москва, 1882.

Соколов 1890

Соколов М. И., Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года, *Чтения в императорском обществе истории и древностей российских*, 1890, 3 (154), I–XII, 1–60.

Сырцов 1902

Сырцов И. Я., *Усыпальницы бояр Годуновых в Костромском Ипатьевском монастыре*, Москва, 1902.

Тимошина 2007

Архив гостей Панкратьевых XVII – начала XVIII в., Л. А. Тимошина, сост. и предисл., 2, Москва, С.-Петербург, 2007.

Трейтер 1898

Трейтер П., Список дворян, бывших на воеводстве в гг. Мещовске и Мосальске с 1623 по 1702 г., И. Д. Четыркин, В. М. Кашкаров, ред., *Известия Калужской ученой архивной комиссии*, 7–8, Калуга, 1898, 15–18.

Троицкий 2002

Троицкий Н. И., прот., *Тульские древности*, Тула, 2002.

Хитрово 1867

Приложение к родословной книге рода Хитрова, Ф. Н. Хитрово, сост., С.-Петербург, 1867.

Шокарев 1998

Шокарев С. Ю., Источники по истории некрополя Симонова монастыря, *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)*, Москва, 1998, 30–53.

Ювеналий Войков 1802

Ювеналий (Войков), игум., *Краткое историческое описание ставропигиального первоклассного Новоспасского монастыря, из разных исторических, церковных и гражданских, печатных и рукописных книг и документов, во время правления оным монастырем Иакинфа Карпинского собранное, и им разсмотренное и одобренное, любителям же древностей ныне на свет изданное*, Москва, 1802.

CIR

Corpus Inscriptionum Rossicarum, Свод русских надписей (<http://cir.rssda.su>).

References

- Alekseev A. I., Mashrafarov A. V., eds., *Vkladnaya i Kormovaya Kniga (A Donations Book) of the Moscow Simonov Monastery, Vestnik tserkovnoi istorii*, 3, 2006, 5–184.
- Antonov A. V., «Boiarskaia kniga» 1556/57 goda, *Russkii diplomatarii*, 10, Moscow, 2004, 8–118.
- Antonov A. V., Berelowitch A., Nazarov V. D., eds., *Zapisnye votchinnyye knigi Pomestnogo prikaza 1626–1657 gg.*, Moscow, 2010.
- Antonov A. V., ed., *Pamiatniki russkogo sluzhilogo soslovia*, Moscow, 2011.
- Avdeev A. G., Stanyukovich A. K., Epigraficheskoe nasledie Novospasskoi usypal'nitsy roda Romanovykh, *Usypal'nitsa doma Romanovykh v Moskovskom Novospasskom monastyre*, A. K. Stanyukovich, V. N. Zvyagin, eds., Kostroma, 2005, 115–137.
- Belyaev L. A., *Medieval Russian Tombs: Their place in Christian Art*, Moscow, 1996.
- Belyaev L. A., On the history of the Prince Dmitry Pozharsky Family: epigraphic notes, *Russian Archaeology*, 1, 2009, 162–165.
- Belyaev L. A., *Rodovaia usypal'nitsa kniazei Pozharskikh i Khovanskikh v Spaso-Efimievom monastyre Suzdalia: 150 let izucheniiia*, N. A. Makarov, ed., Moscow, 2013.
- Belyaev L. A., Shokarev S. Yu., Shulyaev S. G., Funerary Monuments of the Kubensky Princes in the Burial Vault of the Main Church of the Novodevichiy Convent, 4 (86), *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2021, 88–110.
- Berkovich V. A., Egorov K. A., *Moskovskoe belokamennoe nadgrobie. Katalog*, V. V. Gening, ed., Moscow, 2017.
- Girshberg V. B., Materialy dlja svoda nadpisei na kamennyykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ya XIV–XVII vv., 1: Nadpisi XIV–XVI vv., *Numizmatika i epigrafika*, 1, 1960, 3–77.
- Girshberg V. B., Materialy dlja svoda nadpisei na kamennyykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ya XIV–XVII vv., 2: Nadpisi pervoi poloviny XVII v., *Numizmatika i epigrafika*, 3, 1962, 212–287.
- Kurganova N. M., New discoveries on the tombstones from the burial-vault of the Prices Bojarski and Chovansky in the Spaso-Efimievsky cloister of Suzdal, *Monuments of culture. New discoveries. Yearbook 1993*, Moscow, 1994, 396–404.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., «Se iaz rab Bozhii...». *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury*, St. Petersburg, 2020.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Godunov v krugu rodni (Biograficheskie razyskaniiia)*, St. Petersburg, 2022.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Monasheskoe imia i fenomen svetskoi khristianskoi duymennosti v doppetrovskoi Rusi, A. A. Gorsky, ed., *Srednevekovaya Rus'*, 13, Moscow, 2018, 241–280.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Some Observations on the Reliquary of Prince Ivan Khvorostinin (1605–1621), *Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies*, 10/1, 2021, 94–112.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., The marriages of Tsars Ivan V and Peter the Great in the context of Russian multinominality at the dawn of the Modern Era, *Die Welt der Slaven*, 67/1, 2022, 68–90.
- Nikolaeva T. V., K izucheniiu nekropolia Troitsko-Sergievoi lavry, *Soobshcheniya Zagorskogo gosudarstvennogo istoriko-khudozhestvennogo muzeia-zapovednika*, 3, Zagorsk, 1960, 181–195.
- Nikolaeva T. V., Nadgrobnye plity pod zapadnym pritvorem Troitskogo sobora, *Zagorskii gosudarstvennyi istoriko-khudozhestvennyi muzei zapovednik. Soobshcheniya*, 2, Zagorsk, 1958, 92–106.

- Panova T. D., *Nekropoli Moskovskogo Kremlia*, 2nd ed., Moscow, 2003.
- Pavlov-Sil'vanskii V. B., ed., *Istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii XVI–XVIII vv. Iz arkhiva Moskovskogo Novodevich'ego monastyrja*, Moscow, 1985.
- Shokarev S. Yu., *Istochniki po istorii nekropolja Simonova monastyrja, Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii Rossii (do 1917 g.)*, Moscow, 1998, 30–53.
- Timoshina L. A., ed., *Arkhiv gostei Pankrat'evykh XVII – nachala XVIII v.*, 2, Moscow, St. Petersburg, 2007.
- Troitskii N. I., prot., *Tul'skie drevnosti*, Tula, 2002.
- Vasiliev Yu. S., Gryaznov A. L., eds., Death Bill of Dukes Sheleshpanskys, *Belozeriye. Regional Almanac*, 2, Vologda, 1998, 118–127.
- Vishnevsky V. I., Nekropol' boiar Pleshcheevykh v Troitse-Sergievom monastyr'e, *The Archaeology of the Moscow region. Proceedings of scientific seminar*, [1], Moscow, 2004, 375–386.
- Voskoboinikova N. P., *Spisok iarenskikh voevod XVII v. Ocherki feudal'noi Rossii*, 1, Moscow, 1997, 108–118.
- Zimin A. A., ed., *Tysiachnaia kniga 1550 g. i Dvoryovai tetrad'*, Moscow, Leningrad, 1950.

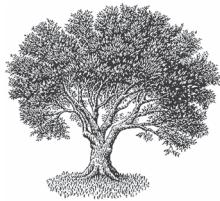
Александр Григорьевич Авдеев, доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
исторического факультета
Православного Свято-тихоновского гуманитарного университета
115184, Москва, ул. Новокузнецкая, 23 Б
Россия / Russia
avdey57@mail.ru

Анна Феликовна Литвина, кандидат филологических наук,
доцент школы филологии
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, г. Москва, Старая Басманская, 21/4
Россия / Russia
annalitvina@gmail.com

Ольга Николаевна Радеева, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
отдела рукописей Российской государственной библиотеки
119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5
Россия / Russia
o.radeeva@mail.ru

Федор Борисович Успенский, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института русского языка имени В. В. Виноградова
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
Россия / Russia
fjodor.uspenskij@gmail.com

Received August 21, 2022

The Origins of the *Byliny*: a Working Hypothesis*

Susana Torres Prieto

IE University
Segovia, Spain

Истоки былины: рабочая гипотеза

Сусана Торрес Прието

Университет «IE»
Сеговия, Испания

Abstract

The oral heroic poems found in the Northern province of Olonets in the late nineteenth century, usually known as *byliny*, present a unique case of oral preservation of medieval literature within European context. For decades, due to the lack of manuscript copies of those texts, theories about their origin have been highly conjectural and subject to many ideological demands. While any definitive conclusion on their authorship, place and time of composition has to remain necessarily speculative, the present article, analysing the internal evidence of the poems and what can be concluded from studies on orality in other literary traditions, proposes that they were originally composed in written form in a clerical environment in the Northern area of Kyivan Rus'.

Keywords

byliny, Kyivan Rus', heroic poetry, monastic culture, orality

* I would like to thank the two anonymous peer-reviewers as well as Donald Ostrowski (Harvard University) for their attentive reading of this article and their generous, wonderful suggestions to improve it. The responsibility for any subsequent shortcomings remains solely mine.

Резюме

Устные героические поэмы, найденные в северной Олонецкой губернии в конце девятнадцатого века, обычно известные как былины, представляют собой уникальный случай устного сохранения средневековой литературы в европейском контексте. На протяжении десятилетий из-за отсутствия рукописных копий этих текстов теории об их происхождении были весьма предположительными и подчинялись многим идеологическим требованиям. В то время как любой окончательный вывод об их авторстве, месте и времени составления должен обязательно оставаться спекулятивным, настоящая статья, анализируя внутренние свидетельства стихотворений и то, что можно сделать из исследований устной речи в других литературных традициях, предполагает, что они были первоначально составлены в письменной форме в церковной среде на севере Киевской Руси.

Ключевые слова

былины, Киевская Русь, героическая поэзия, монастырская культура, устность

Entia non sunt multiplicanda sine necessitate.

William of Ockham (1285–1347)

The first thing to clarify in the present article is that it does not negate, or contradict, as many things as it seems to. It does not deny that there were oral compositions preserved for centuries in an epic verse similar to the epic verses of other Slavic peoples². It does not negate the existence of a courtly culture, maybe oral or one whose written forms have not survived, that flourished around the '*druzhiny*' of ruling princes, whether in Kyiv or in any other principalities³. It does not negate that the *byliny* constitute a very important part of the national heritage of at least one, if not two, modern countries. In fact, it does not affirm or deny any historical fact because it focuses on literary analysis of several literary works. It is not an assessment of sources that could endorse or question any historical evidence otherwise obtained by means of archaeological endeavour or historiographic examination. Moreover, being much later written collections of very late oral expressions, *byliny* should not be evaluated using the methods and principles traditionally employed in literary analysis of medieval literary texts: we have no manuscripts, no colophons, no possible diachronic linguistic analysis, no authors, no scribes, no watermarks, no palaeographic evidence, no patronage, no entry in any known

² Particularly relevant were the studies of Roman Jakobson collected in volume IV of his *Selected Writings* [Jakobson 1966] as well as his previous work, with J. Simmons, *Russian Epic Studies* [Jakobson, Simmons 1949].

³ As indeed has been recently described by P. S. Stefanovich [Степанович 2012: 185–262; 480–540].

record, no purchase of paper, no use of inks. Immediately after their purported time of composition, no excerpts in other literary works, no paraphrasing, no quotations in other non-literary works (except maybe of some proper names), no evidence of any secondary use has been preserved. We have nothing of that, so attempting an approach using any of those parameters is doomed to fail. Miserably.

What we have is an echo, a reverberation, a resonance, the trail of something that certainly was there, but the study of which has to be done taking into account possible approaches different from the ones traditionally used for medieval literature or history. Does that mean that we can only analyse them from the folkloristic point of view, from their existential iterations (typology of singers, use of accompanying music, verse variation, role and function in peasant communities, popular beliefs)? Not necessarily. Between the folkloristic existential approach and metaphysical angst of being deprived of material support that can be subjected to scientific analysis, there are many shades of grey.

By focusing on what we have, rather than on what we do not have, we might be able to obtain a better idea of why the *byliny* existed at all, and how is it that they came to survive all those centuries, until they were finally collected mostly in the second half of the nineteenth century. That is the miracle, and where our study should focus, and not the lack of manuscripts. Furthermore, the study of their production at the time of collection, superbly conducted for decades by the school of Russian and Soviet folklorists, tells us a lot about their survival and about oral culture *at the time they were collected*, but maybe not that much about oral culture at the time they were composed, unless one assumes that nothing had changed in the region of Novgorod in at least five hundred years⁴.

The aspects that could potentially interest medieval scholars on perceiving this distant echo, or at least the questions that interest me, are mainly two: why and who, which could be further subdivided into by whom and for whom. These, in turn, are necessarily linked to when and where, but I believe the last two will be automatically answered if the analysis of the first two is correct. So what this article questions are only two aspects of the traditional and accepted understanding of what *byliny* were: namely, that the same social group which preserved them was the one who composed them, and that they originated in Kyiv, whose capital city and prince figure prominently in a substantial part of them.

---

⁴ I would like to underline that, while the aspects of preservation and transmission are indeed extremely relevant in the study of the genre of *byliny*, they are, unfortunately, beyond the scope of the present article, whose focus is mainly on the first composition and creation of the poems. Therefore, the role of singers, of any type, that is so paramount in the study of orality is, regrettably, left aside at present.

The *byliny* survived orally at least until the nineteenth century⁵, when they started to be collected, and enjoyed afterwards a dual existence, oral and written, which contributed to their oral survival by means of a process that Zumthor has called of *archéocivilisation*⁶. This process conferred on the *byliny* certain characteristics, among which should be noted their limited degree of improvisation by comparison, for example, to South Slavic epos⁷, and the focalisation of the action at a certain court. In the case of the majority of the *byliny*, this is typically the Kyivan court, which becomes the physical and spiritual headquarters of a group of heroes (the most important being Ilya Muromets, Dobrynia Nikitich and Alesha Popovich) in permanent campaign against a foreign invader, or in defence of Christianity, or against a mythical creature. Many of these elements constitute the semiotic universe of the *byliny*, which consists mainly of four elements: namely, the hero, the antagonist, the prince and the court, all grouped around a dominant (in Jakobson's functional terminology), which is the trip [Torres Prieto 2005: 195–217]⁸. All five are constant throughout the five phases into which Zumthor divided the existence of an oral poem: production, transmission, reception, preservation and repetition [Zumthor 1983: 32–33]. These five elements, whose characterisation is constant, fulfilled Jauss' concept of the 'horizon of expectations' of the audience [Jauss 1982: 94–97] in terms of defining *byliny* as an identifiable genre. Even in the case of a *bylina* like the one narrating the misdeeds of the anti-hero Mikhailo Potyk, for whom everything goes wrong precisely for pursuing a lady, the five elements are clearly recognisable. For the purpose of the present article, I will focus on the two elements that more often have been used to show a Kyivan origin of the *byliny*: that is, the prince and the court.

---

⁵ Interestingly, prose versions of the tales described in some *byliny* had already been published in written form or included in written sources, such as *lubki* and others. The study carried out in 1960 by Astakhova, Mitrofanova and Skripil' [Астахова, Митрофанова, Скрипиль 1960] offers a survey of these prose versions published before the first collections of oral poems were carried out, and poses very interesting questions on the interaction between orality and the written word or, as discussed below, secondary orality.

⁶ On the mutual influences of this process, see [Zumthor 1983: 35–37]. In the case of Russian *byliny*, this process has been masterfully studied by Novikov [Новиков 1995].

⁷ This different degree of improvisation was already noted by Vesterholt [Vesterholt 1973] and further confirmed by Novikov's research [Новиков 2000].

⁸ While my analysis focuses on the functionality of the hero's trip, understood as dominant in the narrative structure of the *byliny* (number and typology of trips, achievement of objectives, points of departure and return), A. S. Mironov has conducted a cultural and philosophical analysis on what he has labelled 'aksiosfera' of the *byliny* with very profitable results [Миронов 2021].

General overview

The first time we hear about the living tradition of the *byliny*⁹ is the famous anecdote of peasants singing them by the fire at night in the province of Olonets in the 1860s. In 1859, Pavel Nikolaevich Rybnikov (1831–1885) was sent into exile to the province of Olonets for belonging to Revolutionary circles. There, one night while he was seeking shelter in a hut from a ferocious storm, he found by accident that *byliny* were still being sung. Rybnikov had studied in the Historic-Philological Faculty of Moscow University and applied his theoretical knowledge to his compilation of texts. In his notes, he already puts forward the relation between epic tradition and the poem sung by each individual singer. Between 1861 and 1867, he published the poems he had gathered in two volumes [Рыбников 1909]. There were 224 in total.

In 1871, Alexander Fedorovich Gil'ferding (1831–1872) made a trip to the same region in order to collect more texts. This Russian civil servant had studied in the same faculty as Rybnikov and was as enthusiastic as the latter about the recent discovery. Unfortunately, in the following year, on his second trip to the area, Gil'ferding contracted typhus and died. His collection of poems, published posthumously, contained 318 texts [Гильфердинг 1949–1951]¹⁰.

In 1804, almost sixty years before the discovery by Rybnikov that *byliny* were being performed and the first intensive collections of texts made by these two researchers, a collection of 25 texts had been published under the name *Drevniia russkii stikotvoreniia, sobrannye Kirsheiu Danilovym* (*Ancient Russian Poems collected by Kirsha Danilov*) [Евгеньева, Путилов 1977], comprising songs from Western Siberia, from the province of Perm¹¹. Another collection of poems, including *byliny*, gathered by P.V. Kireevsky had been published after his death in 1856 by P.A. Bezsonov in ten volumes [Киреевский, Безсонов 1860–1874].

⁹ The term *bylina* was introduced in folklore studies first in 1841 by I. P. Sakharov in the third edition of his work *Tales of the Russian nation* (*Skazaniia ruskogo naroda*), one of whose sections was entitled “*Byliny* of the Russian people” [Сахаров, 1], for which he drew extensively from the first collection of Kirsha Danilov (see further below). V. F. Miller pointed out in 1897 [Миллер 1897] that Sakharov had taken it from the opening lines of the *Tale of Igor's Campaign*: Начати же ся тый пѣсни / по былинамъ сего времени, / а не по замышлению Бояню. (vv. 5–7), pointing out at the same time the artificial character of the term [Миллер 1897: 29]. It is now widely accepted that Sakharov made a mistake in interpreting the lines of the *Slovo*, but the term gained popularity and since the 1860s has been accepted also as an academic term. The same compositions had been previously known as ‘*bylevaia pesnia*’ or ‘*bylevaia poezia*’, and at the time of their collection probably as ‘*stariny*’.

¹⁰ Among later phonographic recordings, the first ones were made by A. D. Grigor'ev [Григорьев 1904–1939] who between 1899 and 1901 recorded the opening lines of 150 songs.

¹¹ Recent studies have proven that Kirsha Danilov did exist and that he was in the service of the Demidov family. His are the most archaic texts and the melodies included seem to have been arranged for violin [Bailey, Ivanova 1999: xxix–xxx].

Despite having at least 3,000 transcriptions of poems, these do not represent 3,000 different poems, since many are fragmentary or correspond to different variants of the same poem, transcribed from different singers, or from the same singer at different times. Their collection continued well into the 1930s in Northern Russia, especially in the area around Lake Ladoga, in areas under the rulership of Novgorod at the time in which the poems were supposedly composed. The *byliny* are poems, usually of between 200 and 400 verses or lines, although some of them can reach a thousand lines. They have no rhyme or stanza patterns, but rather follow a stress pattern (long epic line) usually finishing with a two-syllable ending or “clausula” at the end of each verse. From the time of their collection until today, the bibliography produced on their many interesting aspects is immense and, as expected, different agendas have been pursued in the last two centuries¹².

From all the *byliny*, the ones that interest me the most for the current discussion are those whose action revolves around the city of Kyiv¹³, which is the place where the majority of *byliny* take place. The poems of the so-called Kyivan cycle narrate mainly the adventures of different heroes (*bogatyry*) who travel to the court of Kyiv, the historical capital of Kyivan Rus', to prove or narrate their deeds. Among the most famous heroes, who are the protagonists of the greatest number of versions and variants overall, are Ilya Muromets, Dobrynia Nikitich and Alesha Popovich. Among other minor heroes of the Kyivan cycle we could count Mikhailo Potyk, Dunai and Diuk Stepanovich. The Kyivan *byliny*, nevertheless, present certain constant characteristics that differentiate them from other *byliny*. Their protagonists are lonely heroes – except for Alesha Popovich, who travels with his squire, Ekim – whose trips always have the Kyivan court as departure or arrival point. This court is presided over by Prince Vladimir, a character not necessarily representing any historical figure, before whom they have to prove their honour and their prowess. This is usually achieved by defeating foreign invaders (Ilya Muromets), or fighting a dragon (Dobrynia Nikitich), or other mythical creatures (Alesha Popovich). The theme of the abduction of a bride is also present (Diuk Stepanovich), as is the fight of a hero against a sorceress who had bewitched him (Mikhailo Potyk, Dobrynia Nikitich). The heroes, despite having extraordinary characteristics, receive help from other characters, particularly from other brothers in arms

¹² In recent years, one of the most remarkable synthesis of current knowledge on the topic is Nikita Petrov's *Russian Folk Epics* [Петров 2017].

¹³ In traditional classifications, and many older anthologies, these are grouped under the heading of “the Kyivan Cycle”. This classification, based on a merely geographical indicator of the place where action happened (as opposed to “the Novgorod Cycle”, for example), left aside the many complex questions of generic classification of the corpus of *byliny* and was really devoid of any content with respect to their literary aspects or functionality, among others. It has been challenged for some decades now, and an updated *status questionis* can be found in [Петров 2017: 28–35].

or their own mothers. The mother of the hero has a prominent role in the *byliny*, sometimes taken by another female family figure, such as an aunt or a sister. More often than has been so far willingly acknowledged, they also receive help from God, either by direct intervention or, more commonly, by the intervention of St Nicholas, who advises the hero on what is the right decision to make. Notwithstanding the extensive role of the defence of the land and of Christianity in the Kyivan *byliny*, particularly in those whose protagonist is Ilya Muromets, other subjects — such as the search for, or abduction of, a bride, the loyalty of friends and the betrayal of enemies, the incompetence of the ruler and the danger posed by women who are not kin by blood — contribute to the repertory of literary themes addressed overall in the *byliny*¹⁴.

Composition versus survival

It has been traditionally taken for granted that the *byliny* were composed orally, as they were found mostly in oral form and subsequently collected (equating composition with survival), that they were composed at the zenith of Kyiv's political power, and in Kyiv. Regarding composition, the proposition has been firmly defended that the *byliny* had no such thing as an *Urtext* — an original text that could be reconstructed — and that they were composed anew each time. However, the *byliny* had no social function as songs accompanying any social ritual, as do other forms of Russian or Ukrainian popular literature (laments, harvesting songs), and the individualistic and aristocratic mentality of the hero, who seeks recognition for himself before a princely court, clearly points out to a courtly audience. Although it is true that the court of Kyiv, and its ruler, are often depicted as weak and mischievous, unable to defend the Rus' land properly from foreign enemies, they are still the entities from which the hero seeks recognition and which he obeys. The Kyivan court seems to represent a mythical place of the past, duly acknowledged, rather than a real political and economic power. Furthermore, foreign invasion, though a constant since its foundation, became much more of a social and literary issue in Kyivan Rus' over the centuries, as other peripheral principalities were also challenging Kyiv's prominence.

Finally, although trying to reconstruct an original text is impossible, and indeed inane in a case of secondary orality as this one, the distribution and combination of episodes in the *bylina* is not as free as in the fairy tale, for example¹⁵. It is always Dobrynia who fights the dragon, and always with the help of

¹⁴ See: [Torres Prieto 2005].

¹⁵ Secondary orality is a term coined by Walter J. Ong in his groundbreaking study *Orality and Literacy* (1982). Ong differentiates societies that have not been exposed to literacy, or the written word ("a culture totally untouched by any knowledge of writing or print" [Ong 1982: 11]), which he calls primary orality, from those in which literacy existed,

his mother, just as it is always Mikhailo Potyk who marries a sorceress and has to go to the underworld to rescue her from death. So, if there is no *Urtext* for the words themselves that can be reconstructed given the evidence available, which the singers adapt to their style every time, there is certainly a fixation of plots and themes which allows very little space for individual originality in the composition of narrative lines. The particular wording of each *bylina* seems to be directly linked to the language of the singer or the area, and sometimes this wording is easily traced back to published versions.

As with other works of Russian and Ukrainian medieval literature, many studies concerning the origin of the *byliny* and the reality described in them have provoked attempted answers from historians. In the main, however, these were more concerned with trying to find evidence for their use as historical documents, in order to prove a particular point, rather than seeing the whole tradition as a social and cultural reality. This tendency has not contributed greatly to their study as literary works. Beyond the Historical School inaugurated by Vsevolod F. Miller (1848–1913), who believed that a *bylina* was the result of a combination of a migratory plot and a historical fact, giving rise to the process of Kyivitisation of the *bylina*¹⁶, one of the interesting proposals of the beginning of last century was put forward in the 1920s by A. P. Skaftymov (1890–1968), who refuted the thesis of the Historical School stating that *byliny* had to be analysed as a form of oral literature, with its particular aesthetic characteristics rather than as a reflection of a historical moment. Skaftymov argued that the main aim of this form of oral literature was to describe the position of the hero within the story, and that all the other characters and circumstances were only what he called the “resonating background”. His was the first attempt to study all the oral and folklore features of the *byliny*, rather than just their contents as a historical document [Скафтымов 1924].

---

even if it was limited to a minority, and coexisted with a type of orality he calls secondary orality. In more recent terms, what Simon Franklin has called a society with or without a graphosphere [Franklin 2019]. For Ong, real oral creation can only be possible in cases of primary orality: once societies have been exposed to literacy, in whatever degree, the psychodynamics of orality, and therefore of oral composition, are altered. What is present in secondary orality societies is oral preservation of compositions whose origin may have been oral or written; it does not matter, because it only focuses on transmission for preservation, not in original creation. In the case of the *byliny*, from the time of composition, whenever that might have been, the society is already immersed in secondary orality, and exposed to a graphosphere, regardless of their level of engagement with it, whether it was only visual through icons, or being read out loud to them, or dictated by them. This is a possible scenario for the transmission of the *byliny*. The structure and combination of the fairy tale was masterfully explained by V. Propp in his classic *Morfologija skazki* [1969]. The stability of the *byliny* by comparison to the fairy-tale, for example, is based on the attachment of certain plots only and exclusively to certain heroes.

¹⁶ That is, old epic themes (migratory plots) were further developed in Kyiv, creating Kyivan heroes and adjusting them to the characteristics of Kyivan life, within the poetics and language of the *byliny*.

In 1955, V. Propp published one of the most important studies on *byliny* ever. In his *Russkii Geroicheskii Epos* [Пропп 1955], written under the influence of the functionalist literary theories, Propp defended the hypothesis that *byliny*, as an artistic reality, had emerged not from the chronicles, but as a historically conditioned artistic invention¹⁷. Propp does not condemn the historical study of the *byliny*, but denies that the *byliny* reflect historical facts. Rather the *byliny* are created by means of reinterpreting and transforming a former tradition, in a process of reinterpretation and transformation carried out, nevertheless, by the people, who project onto the poems their ideals and their struggles. According to Propp's theory, the Kyivan epos was the result of the development of an earlier epos existing among Eastern Slav tribes long before the establishment of the Kyivan state.

After the publication of Propp's *Russian heroic epos*, a new method was formulated to study the *byliny*: historic-typological analysis. In 1958, V. M. Zhirmunskii formulated its principles in his book *Epic creations of the Slavic Peoples and problems of the Comparative study of the Epic* [Жирмунский 1958]. This was the last attempt to reconcile the methodologies of the Historical School with the migratory and borrowing theories, always defending the importance of the texts as artistic creations. Its aim is, using the enormous amount of materials compiled by the supporters of the Historical School and the borrowing and migratory theories, to try to recreate and explain the different phases of the historical-folkloristic process on the basis of typological parallels obtained from the analysis of the traditions of many different peoples. On the one hand, it tries to explain the emergence of a motif, a plot or a character in a given tradition by means of synchronic analysis (whether they appear before or after). On the other hand, by developing a diachronic analysis in all different traditions, this methodology would enable us to establish different development stages of a motif, a plot or a character. From this point of view, the Russian epos does not have an *Urtext* and is not fixed, since *byliny* are subject to continuous processes of adaptation and reinterpretation as they undergo different historical times. The two most prominent followers of this method are B. N. Putilov and Iu. I. Smirnov. Putilov has applied this method underlining the *byliny*'s artistic and ethnographic qualities and has enunciated concepts as important as epic subtext, epic knowledge, epic memory and epic milieu¹⁸.

Different scholars since the 1970s have put forward different theories concerning the transmission and textology of the *byliny*: V. M. Gatsak and F. M. Selivanov have studied the aesthetics and poetics, the historian

¹⁷ Propp thought that the *byliny*, contrary to the historical song, reflect not reality, but an idealization of reality [Пропп 1955: 9].

¹⁸ See: [Путилов 1988; Idem 1997].

I. Ia. Froianov and the folklorist Iu. Iudin have focused on alleged pre-Kyivan elements and, following Astakhova's line of research [Астахова 1966], Novikov has studied how the publication of cheap editions of the poems (*lubki*) changed the way the singers learned their songs, the transmission of which was then made both in written and oral form¹⁹. The fact that many singers knew certain texts from reading them, or having them read aloud, from earlier written collections might invalidate some of the previous conclusions regarding the geographical distribution of songs and themes, and also the survival of certain songs. One of the clearest examples is posed by the *bylina* of Volkh Vseslavevich, all variants of which derive ultimately from the song included in the so-called collection of Kirsha Danilov²⁰, published in 1804, before the collection of sung or recited *byliny* was undertaken. If there were singers continuing the purely oral transmission before the first collections were published, we cannot know. The fact that the first collections of poems postdate the first publications makes the argument even more complex. If Rybnikov had found the poems being sung *before* the publication of Kirsha Danilov's collection or the poems gathered by Kireevsky, the idea of a purely oral transmission will be beyond doubt. The fact that these publications, as well as the prose versions printed in chapbooks or *lubki* [Астахова et al. 1960] predate the first oral collections poses doubts about the form of transmission. Moreover, the jump from a written source, in verse or in prose (someone reading from a published volume, chapbook, or a *lubok*) to oral transmission could have happened at any time during the many centuries between their purported composition and their collection in the mid-nineteenth century. This transfer of the medium of transmission would have originated what Walter Ong calls "secondary orality", which is the oral preservation of a text, unlike "primary orality" which is the oral composition of a text.

Byliny are not an epic tradition in the sense that other European traditions are. We do not have a long written poem, from which *byliny* could represent individual unwritten poems lost in the transmission of the tradition (some form of *membra disiecta*); and the heroes of the *byliny* are not in the strictest sense national heroes, although they have been regarded as such. The *bylina* is, in many respects, closer to romance than to a national epic, a phenomenon necessarily expected after the long period of oral preservation, during which

¹⁹ See: [Гацак 1988; Селиванов 1977; Фроянов, Юдин 1997; Юдин 1975; Новиков 1995].

²⁰ Kirsha Danilov is indeed a fascinating character about whom our knowledge is really limited. His collection sometimes raises more questions than answers. Did he write the songs himself or dictate them? The same with the accompanying melodies. And if so, how had he learnt the songs and from whom? Or had he read them, or had them read to him, somehow? Was he only another Ossian, or was he fully responsible for the collection that carries his name? The fact that this is the first collection published of these texts only complicates matters further.

plots could have been modified, usually incorporating folktale details. The hero fights to defend his personal honour, which sometimes coincides with national defence (though very often it does not), and when national defence is at stake, he is usually forced or requested to put on a fight. Very often we find the heroes in the middle of quests that have a completely different aim, and they stray into adventures as they go along, rather than having sought them out specifically. The hero is often an outcast of the society he defends, and before which he has to — and wants to — defend his personal name. This is represented by the efforts he has to go through to gain fame; at the same time, the Kyivan court where he often returns despises him and calls on him in times of trouble.

If we agree with Felix J. Oinas, and I do, that the universe represented in the *byliny* portrays a courtly environment (banquets, hunting, princes, princesses, merchants, the ‘resonating background’, as Skaftymov called it) rather than a peasant one [Oinas, Soudakoff 1975; Oinas 1978; Idem 1984], then we have to think that those who composed the original episodes were familiar with such a *milieu*, and here there are two options: courtiers or clerics. It has very often been pointed out that members of the prince’s retinue, the *druzhina*, were depicted as singing songs, or at least their Viking ancestors did. That is very well, but we have no direct evidence of such activity except for the mention of a certain Bojan in the *Slovo o polku Igoreve*. Regardless of how problematical the relation of the *Slovo* to the *byliny* might be, and it is in more than one sense, we have little evidence of literary courtly culture undertaken directly by lay members of the court. We do of course have plenty of evidence of lay members of any of the princely courts or prominent cities sponsoring or directly founding the construction of churches and monasteries, the creation or transport of icons or the commissioning of books, but we have no evidence that, once Kyiv was established as a relevant court (and there is hardly any *bylina* in which this is not obvious) courtiers or members of *druzhiny* got involved in the creative literary process *themselves*. That is not to say that there were no *druzhiny*, or that their members did not contribute decisively to the flourishing of culture, or that their Scandinavian ancestors did not play instruments and compose songs by the time they arrived at Lake Ladoga for the first time; it is just that, more than a century after their arrival, we have no evidence in the sources of any courtly, lay culture directly undertaken by the members of *druzhiny*.

If we also analyse many of the plots of any of the cycles, there are very few that do not have a biblical or bookish antecedent. If we rule out the possibility of courtiers actually writing the poems, as indeed they did in other European courts (for example, in Bohemia), the other possibility of anybody involved in literary activities in Kyivan Rus’ from its dawn is the clergy. In fact, the

monks working at the scriptoria were responsible, for example, for inserting biblical and non-biblical models of princes in the works of historiography that have survived. They also had access, of course, to courtly life, at least before the cenobitic reform. It would make more sense that these monks had composed popular retellings of biblically or literary inspired episodes as part of the Christianising endeavour amidst the hardships of defending the land of the Rus' from foreign invasions, a topic quite amply discussed in medieval Rus' literature. It should not be forgotten that the hero becomes victorious, in a surprising number of cases, with the direct help of God, or a saint, or a mother (a reflection of the Virgin Mary?). Even episodes obscured in our understanding become clear when analysed under the light of the Bible: there is a *bylina* in which Dobrynia Nikitich kills the dragon, the wording of which is reminiscent of Revelations 12:15–16. Likewise, Sviatogor, a character who seems to appear only together with Ilya/Elijah, might be a personification of the Holy Mountain, the Mount Horab where he only returned after Moses had been given the Commandments. The encounter between the two, at least in some versions, is reminiscent of the story of Joseph and Potiphar's wife (Genesis 39: 7–23). Like Elijah confronting Ahab and his wife Jezabel for having abandoned the true faith in favour of Jezabel, and suffering the terrible consequences of it, Ilya Muromets will endure endless adventures to try to save Kyiv both from infidel invaders and its own inadequate rulers²¹. One of the most remarkable examples of literary importations is probably the case of the *bylina* about Volkh Vseslavevich, whose birth from a serpent and trips to India make him remarkably similar to Alexander of Macedon, whose life was well known in monastic circles from early times. This is, moreover, one of those *byliny* included in Kirsha Danilov's collection whose variants present remarkable similarity with one another.

Popular piety is not the same as popular religion. Popular piety, from Easter processions to mystery plays, is one of the most common ways of trying to transmit to non-literate people, though not necessarily pagan or recently converted, the stories of the Bible. If the plots have mostly a biblical or bookish parallel, if the monastic environment had an almost exclusive monopoly of literature (not of writing, of course), if the milieu described is courtly, then maybe they were not composed by peasants, but received by peasants at the end of the above-mentioned survival process described by Zumthor (production, transmission, reception, preservation and repetition). Maybe the first intended

²¹ Since only a vague date can be proposed for the composition of the *byliny* (see below), the precise knowledge of which books were at that purported time available in Slavonic translation is maybe not that relevant. It should also be taken into account that many of these stories were also transmitted in apocryphal books, whose precise moment of translation is often even more difficult to pin down.

audience were precisely the people inside the court who had to be Christianised and attracted to Christian heroes, just like the deeds of Lancelot and Perceval were composed by Chrétien de Troyes for the entertainment and modelling of future knights, or the battles of El Cid were sung in the Spanish Romancero to encourage Spanish nobles to pursue the Reconquista. As in the latter case, it is only during their preservation and repetition when the peasantry become their primary recipients, as well as their custodians.

Of course in the process of appropriation, whether this was made via the famous *skomorochi* or not, some folktale details could have migrated, even the versification could have changed, but the stable episodes so many times repeated, attached to specific characters (real or not) and places and plots, should have been composed by those sufficiently aware of the compositional models they seem to use, and that points directly to the clergy.

There is yet another argument to support clerical authorship: the absolute lack of romantic involvement of the hero, or the bad luck and misery that the hero would find should he attempt to have a romantic *liaison*. The extreme misogynistic tone of the poems, combined with praise for women only in their role of mothers or sisters, detaches *byliny* from any other European heroic tradition where the hero could not only have very happy adulterous relations, but also be happily married, at the same time. The absolute absence of happiness brought by love between a man and a woman (as I mentioned, when it existed, like in the case of Dunaj, it only brings bad luck to the hero) is quite symptomatic of a world where intimacy with women was shunned, if not clearly punished.

Why?

The composition of something, certainly before the arrival of modern authorship, was made with a purpose, with a public in mind, for a reason. The idea of someone composing something out of an unquenchable wish to share his thoughts and feelings with the public is something only someone like Catullus could afford. The problem of course, and it is not negligible, was the access to the material support necessary to transmit one's thoughts or feelings. It could be stone, birchbark, parchment, papyrus or paper, but availability as well as adequacy of the material support were both necessary.

It is of course arguable in the case of the *byliny* that, since we have no material support that has survived with the poems, there was none. Composition, therefore, was understood to be as oral as preservation. Moreover, oral composition does not necessarily mean peasant composition, so the question of the popular origin, this is, peasant origin, could be easily surpassed if we rely on the existence, clearly attested, of *skomorochi*, or some other minstrels, or even wandering monks. This is of course possible, but then we have another

problem. The closeness of all variants is such after a such a long time, that either they all descended from nineteenth century written collections, such as Kirsha Danilov's or others similar, currently lost, or they relied on written accounts for longer immediately after their time of composition until the plots became sufficiently stable. The long centuries of silence between composition and collection make all these possibilities highly speculative. We were simply not there. But we can try to tackle the question from another angle.

Who benefited from transmitting allegorical biblical stories under the form of heroic poetry, with antagonists and princes and dragons? Who was interested in transmitting, for example, the pilgrimage of Vasilii Buslaev to Jerusalem? Or to stress the relevance of God's intervention? Or to denounce the impiety of the Kyivan prince, if need be? Even to denounce the invasion of the dog-headed and infidel Mamai to Kyivan Rus'? Who else was familiar with all these topics and had enough literary resources and images in the written repertoire to compose the poems but the clergy? Whether they decided to write them down or not in durable parchment, which they clearly used for other more official uses, is by the bye. In our case, clearly the problem was not the access to material means but rather the understanding on the part of those who had access, of what should it be used for, and popular piety was clearly not a priority. The traditional theory of popular origin also relied on persistent illiteracy of the non-elites, the reason why, according to such a theory, they had had to keep them orally, because nobody wanted or cared for writing them down, like all the folklore tales. The birchbark findings in the last decades have shown that some lay people were perfectly well aware of literacy and used it, directly or indirectly, when the situation arose for the purpose they deemed important. Folktales and *byliny* were simply not one of those scenarios. Orality is a fascinating phenomenon, particularly among societies that are not, as Walter Ong would put it, primarily oral, meaning societies where literacy was not widespread, even radically reduced, but where, nevertheless, the uses of literacy were known [Ong 2002: 10–12]. This would support the above-mentioned theory of Novikov that many of the nineteenth-century attested singers had learnt the poems from written collections, either Kirsha Danilov's or others. Whether earlier singers, professional or not, had learnt their trade otherwise, purely orally or also from written sources they learnt by heart at some point, is something that, due to the flimsy evidence available, remains necessarily unknown.

So we might have a who and we might have a why, namely, a courtly and monastic environment maybe with the intention of transmitting biblically inspired stories about the defence of the Motherland, but we still need to answer the two final questions.

When?

While the *byliny* are, due to their literary heroic nature, intrinsically unreliable as historiographic sources, there are, nevertheless, certain constant features that could help us at least to propose a range of possible dates where their composition took place. First of all, they speak certainly from a Christian point of view to listeners who have at least a rudimentary understanding of the Christian religion: the intervention of God (or Saint Nicholas) in the salvation of the hero, the relevance of churches, the portrayal of the antagonist as non-Christian; all these point to a Christianised society, in full or in the process of becoming so. The relevance of Kyiv in the compositions is undeniable, but, curiously, most heroes come not from Kyiv but from the North. Only Dobrynia Nikitch might be Kyivan. Most importantly, the authority represented by the prince of Kyiv is not really on the side of the hero, being often his antagonist. So, while Kyiv is relevant, it does not seem to be the model to follow for Ilya Muromets, Dobrynia Nikitich or Alesha Popovich, but rather the place, and the palace, where they have to give an account of their deeds.

The recurring anxiety caused by foreign invasions (one of the main reasons Kyivan heroes have to intervene), is difficult to pinpoint temporally. It could be the Pechenegs of the mid-twelfth century or the Mongols of the mid-thirteenth, but the relevance of Kyiv makes it more plausible to place them before the complete loss of political and cultural relevance of the Rus' capital, but once foreign enemies had started to be a real threat *ad portas*. Since the fall of Kyiv did not happen until the mid-thirteenth century, I would argue that 1240 and the decades immediately after is certainly a *terminus ante quem*. It would need to be a time when the preeminence of Kyiv as the political and cultural centre was still perceived as relevant, otherwise the heroes would not seek recognition at the Kyivan court; they would go elsewhere for their necessary social sanction. After the first quarter of the fourteenth century, the battle of Kyiv was waged between the Lithuanians and the Tatars, so the relevance to the Northern Russians of the ancient capital of Kyiv must have been greatly diminished by then. The *terminus post quem* is probably after the threats to Kyivan Rus' were felt as sufficiently real and imminent, either by the Pechenegs or subsequently by the Mongols. This leaves us with a range of about one hundred years each side of the turn of the thirteenth century where the point of view of poems, their functionality and their rhetoric made any sense, at least to their first intended audience.

Where?

Since the beginning of the study of the *byliny*, the presence of the city and the prince of Kyiv in a substantial part of them moved scholars to bend towards Kyiv as their place of origin. Some attempts were even made to match the de-

scription of buildings with archaeological evidence. A few things should be pointed out, though. The fact that Kyiv figures prominently does not make the *byliny* pro-Kyivan in any sense at all. Kyiv is the reference point from which some of the heroes depart or return to, but the court of Kyiv is cruel to the hero, the prince of Kyiv is less heroic than the heroes, to the point that sometimes he or his wife are his antagonists, and Kyiv is the city from which the defence of the Motherland, carried out by the heroes, has to be done in order to save Christianity. So it is not really pro-Kyivan at all. Kyiv, rather than being the Ithaca of the hero, is the Troy, the place that has to be fought for, but from which nothing good would come out, unless one is Aeneas escaping the city in order to found a new civilisation.

The fact that the *byliny* were first collected in the North of Russia, near Lake Ladoga and in the province of Olonets, but referred to a medieval court in Kyiv, has traditionally spurred all sorts of theories as to how the compositions would have travelled north and when. And this might have been the question if the rationale behind the compositions was to defend the Kyivan agenda, or to defend the position of the Kyivan court, or prince, which they don't. There is no reason to suppose that the anti-Kyivan rhetoric of the compositions had to originate in Kyiv, no reason at all. The most logical thing would be to suppose that they were composed by anybody but Kyivans. Kyivans would not laugh about their prince and princess, certainly not if they were members of the clergy; Kyivans would not need Northern heroes to come and rescue them from infidels; Kyivans would not make a point of having a court of useless knights among which only three, with the help of God, will deliver the entire nation. So, if they were found in the North and they do not display a pro-Kyivan point of view, the most likely scenario is that they were composed more or less where they were found, that is, the region of Novgorod. Even more so if one bears in mind that the only other place mentioned is actually Novgorod, and this one in much reliable detail. The descriptions of the streets and markets of Novgorod, the dealings of Vasilii Buslaev and Sadko in the *veche* and in the ports, and the very important fact that these are the only two heroes not involved in the salvation of Kyiv, but only involved in their own journeys and adventures could help us understand the rationale for the composition of the *byliny*. It is, after all, the same Novgorod that was never conquered by the accursed Mongols depicted in the poems, the same Novgorod that has a cathedral to St. Nicholas, the only saint intervening in the poems to save the heroes. Of course this does not mean that the *skomorochi*, the wandering minstrels did not have the *byliny* in their repertoires [Zguta 1978]; it only means that 1) maybe they had not necessarily composed the episodes originally, though they might be partially responsible for their later recombination; and 2) that even if they were part of their repertoires, they did not have to travel about a thousand kilometres north.

It is always tempting, of course, to try to trace back the origin to the city of one of its greatest heroes, Murom, but the attempt is inane: we cannot know if the Murom in the patronymic of Ilya represented really Murom, or any city in the north, or any of the principalities to which the city belonged during the possible time frame. The only thing we can know is that the name of the great hero was not Ilya the Kyivan. Likewise, there are several mentions in fifteenth and sixteenth century chronicles to characters who might have inspired or paralleled the heroes of the *byliny*. The earliest reference is probably made in the Novg. IV — Sof. I to a certain Aleksander Popovich who died alongside other '*hrabry*' in the Battle on the Kalka against the Tatars in 1223. Aleksander Popovich and Dobrynia (or sometimes Timonya) Zolotoy Poyas are mentioned in several chronicles in the account of the Lipitsa Battle (1216), maybe based on a Rostov source, according to Ia. S. Luria. And another Dobrynia Mikitich is mentioned in the inscription on the wall of the St. Saviour Cathedral in Pereyaslavl'-Zalesky among the murderers of Andrei Bogoliubskii, who, in turn, might be the same person mentioned in the Laurentian chronicle on accounts of the war waged in Vladimir Suzdal in the 1170s²².

All of this might be true, but identifying a possible real person behind a literary character does not add or take anything from the literary endeavour. It is not going to make it more or less relevant, or more or less true, because the parameters of analysis should not be — should never be — the historical accuracy of the poems. Those who composed them for the first time most likely used long-lasting material writing supports, whether these were parchment, paper or walls, to transmit the facts they thought were relevant to be transmitted, and conveyed the literary endeavours to more perishable supports, either books that were not kept or a collective memory that could transmit them. It is irrelevant to trace back Dobrynia because we are not going to trace back the dragon either, and the moment they become antagonists in a fight described in literature, they belong to the same realm for the receiver, and maybe for the singer, which is neither history nor necessarily unreal fantasy — it is only literature.

So what do we have? We have an old repository of heroic episodes and trips, kept orally for at least five hundred years, in a verse form that could have been either the one in which they were originally composed or adopted later at any stage of their long survival history; that seem to represent, at least partially, popular forms of biblical and bookish plots intended initially for an audience who could relate to the courtly, martial, or trading settings described in the poems. What further characterises all the existing *byliny* is a clear anti-Kyivan agenda, comprehensively explicit in the characterisation of the Kyivan prince

²² On the assassins of Bogoliubskii, see: [Гиппиус, Михеев 2020].

as cowardly and morally flawed and the city of Kyiv not as victorious (unless the *byliny* heroes intervene), but as the place where the ruin of the Motherland and Christianity are about to be unleashed. This alone would have been enough reason for not having any written record of them, no quotation, no paraphrasing, no reference, no allusion elsewhere. Their subversiveness at the time of their initial composition, together with their social and political redundancy during the long centuries of preservation, could explain why they were not committed to writing earlier. At any rate, the *byliny* are, together with the Serbo-Croatian epics and the Spanish *Romancero*, the only European examples of a remarkable and extraordinarily long epic tradition, of an uninterrupted survival from medieval to modern times.

Many of the questions posed by the very existence of this epic tradition necessarily remain unanswered and, as such, any hypothesis, such as the present one, does have to remain speculative, in absence of any hard core facts that could be provided. Much more is known about the oral environment in which they survived than about the environment in which they were composed. My hypothesis only addresses the literary environment where I think they were created taking into account the point of view of the narrative, the typology of the plots, the characterisation of the heroes, the possible audience, the studies on secondary orality, and the ideological environment where literary activity was being conducted before Kyiv lost relevance as a medieval capital. It is not much to get by, but it is a possible answer, the most straight-forward, I think, to many of the questions that remain unanswered.

Bibliography

Collections

Астахова 1948

Астахова А. М., *Русский былинный эпос на Севере*, Петрозаводск, 1948.

Астахова et al. 1960

Астахова А. М., Митрофанова В. В., Скрипиль М. О., *Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков*, Москва, 1960.

Гильфердинг 1949–1951

Гильфердинг А. Ф., *Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года*, Москва, 1949–1951.

Григорьев 1904–1939

Григорьев А. Д., *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа*, Москва, Прага, С.-Петербург, 1904–1939.

Евгеньева, Путилов 1977

Евгеньева А. П., Путилов В. Н., сост., *Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым*, Москва, 1977.

Киреевский, Безсонов 1860–1874

Киреевский П. В., Безсонов П., *Песни, собранные П. В. Киреевским*, Москва, 1860–1874.

Рыбников 1909

Рыбников П. Н., *Песни, собранные П. Н. Рыбниковым*, Москва, 1909.

Translations

Bailey, Ivanova 1999

Bailey J., Ivanova T., *An Anthology of Russian Folk Epics*, New York, 1999.

Studies

Franklin 2019

Franklin S., *The Russian Graphosphere, 1450–1850*, Cambridge, 2019.

Jakobson, Simmons 1949

Jakobson R., Simmons J., *Russian Epic Studies* (= Memoirs of the American Folklore Society), Philadelphia, 1949.

Jakobson 1966

Jakobson R., *Selected Writings, 4: Slavic Epic Studies*, The Hague, 1966.

Jauss 1982

Jauss H. R., *Toward an Aesthetic of Reception, Theory and History of Literature*, Minneapolis, 1982.

Oinas 1978

Oinas F. J., ed., *Heroic Epic and Saga*, Bloomington, London, 1978.

——— 1984

Oinas F. J., *Essays on Russian Folklore and Mythology*, Columbus, 1984.

Oinas, Soudakoff 1975

Oinas F. J., Soudakoff S., eds., *The study of Russian Folklore*, The Hague, 1975.

Ong 2002

Ong W. J., *Orality and Literacy*, London, New York, 2002.

Torres Prieto 2005

Torres Prieto S., Travelling in the Russian byliny: The hero and his trips (PhD. dissertation, Madrid, 2005).

Vesterholt 1973

Vesterholt O., *Tradition and individuality. A study in Slavonic Oral Epic Poetry*, Copenhagen, 1973.

Zguta 1978

Zguta R., *Russian Minstrels. A history of the Skomorokhi*, Philadelphia, 1978.

Zumthor 1983

Zumthor P., *Introduction à la poésie orale*, Paris, 1983.

Астахова 1966

Астахова А. М., *Былины: Итоги и проблемы изучения*, Москва, 1966.

Гацак 1988

Гацак В. М., *Фольклор. Проблемы историзма*, Москва, 1988.

Гиппиус, Михеев 2020

Гиппиус А. А., Михеев С. М., «Убийцы великого князя Андрея»: Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского, *Slověne*, 9/2. 2020, 63–102.

Жирмунский 1958

Жирмунский В. М., *Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса*, Москва, 1958.

Миллер 1897

Миллер В. Ф., *Очерки русской народной словесности*, 1: *Былины*, Москва, 1897.

Миронов 2021

Миронов А. С., Аксиосфера русского эпоса и ценностный выбор его героев (культурно-философский анализ) (докторская диссертация, Волгоград, 2021).

Новиков 1995

Новиков Ю. А., *Былина и книга: указатель зависимых от книги былинных текстов*, Вильнюс, 1995.

— 2000

Новиков Ю. А., *Сказитель и былинная традиция*, С.-Петербург, 2000.

Петров 2017

Петров Н. В., *Русский Эпос: Герои и Сюжеты*, Москва, 2017.

Пропп 1955

Пропп В. Я., *Русский героический эпос*, Ленинград, 1955.

— 1969

Пропп В. Я., *Морфология сказки*, Москва, 1969.

Путилов 1988

Путилов Б. Н., *Героический эпос и действительность*, Ленинград, 1988.

— 1997

Путилов Б. Н., *Эпическое сказительство*, Москва, 1997.

Сахаров, 1–2

Сахаров И. П., *Сказания русского народа*, 3-е изд., 1–2, С.-Петербург, 1841–1849.

Селиванов 1977

Селиванов Ф. М., *Поэтика былин*, Москва, 1977.

Скафтымов 1924

Скафтымов А. П., *Поэтика и генезис былин: Очерки*, Москва, 1924.

Степанович 2012

Степанович П. С., *Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI веках*, Москва, 2012.

Фроянов, Юдин 1997

Фроянов И. Я., Юдин Ю. И., *Былинная история*, С.-Петербург, 1997.

Юдин 1975

Юдин Ю. И., *Героические былины. (Поэтическое искусство)*, Москва, 1975.

References

-
- Astafieva L. A., *Siuzhet i stil' russkikh bylin*, Moscow, 1993.
- Astakhova A. M., *Byliny: Itogi i problemy izuchenija*, Moscow, 1966.
- Astakhova A. M., Mitrofanova V. V., Skripil M. O., *Byliny v zapisikh i pereskazakh XVII–XVIII vekov*, Moscow, 1960.
- Bailey J., Ivanova T., *An Anthology of Russian Folk Epics*, New York, 1999.
- Franklin S., *The Russian Graphosphere, 1450–1850*, Cambridge, 2019.
- Froyanov I. Ya., Iudin Yu. I., *Bylinnaia istoriia*, St. Petersburg, 1997.
- Gatsak V. M., *Fol'klor. Problemy istorizma*, Moscow, 1988.
- Gippius A. A., Mikheev S. M., “Assassins of the Great Prince Andrey”: an inscription about the murder of Andrey Bogolyubsky from Pereslavl-Zalesky, *Slověne*, 9/2. 2020, 63–102.
- Iudin Iu. I., *Geroicheskie byliny. (Poeticheskoe iskusstvo)*, Moscow, 1975.
- Jakobson R., *Selected Writings, 4: Slavic Epic Studies*, Hague, 1966.
- Jakobson R., Simmons J., *Russian Epic Studies* (= Memoirs of the American Folklore Society), Philadelphia, 1949.

- Jauss H. R., *Toward an Aesthetic of Reception, Theory and History of Literature*, Minneapolis, 1982.
- Novikov Yu. A., *Bylina i kniga: ukazatel' zavisi-mykh ot knigi bylinnykh tekstov*, Vilnius, 1995.
- Novikov Yu. A., *Skazitel' i bylinnaia traditsiia*, St. Petersburg, 2000.
- Oinas F. J., ed., *Heroic Epic and Saga*, Bloomington, London, 1978.
- Oinas F. J., *Essays on Russian Folklore and Mythology*, Columbus, 1984.
- Oinas F. J., Soudakoff S., eds., *The study of Russian Folklore*, Hague, 1975.
- Ong W. J., *Orality and Literacy*, London, New York, 2002.
- Petrov N. V., *Russian Folk Epics: Characters and Storylines*, Moscow, 2017.
- Propp V. Ya., *Morphology of the Folk Tale*, Moscow, 1969.
- Propp V. Ya., *Russkii geroicheskii epos*, Leningrad, 1955.
- Putilov B. N., *Epic skazitel'stvo: typology and specificity*, Moscow, 1997.
- Putilov B. N., *Geroicheskii epos i deistvitel'nost'*, Leningrad, 1988.
- Selivanov F. S., *Poetika bylin*, Moscow, 1977.
- Skaftymov A. P., *Poetika i genezis bylin: Ocherki*, Moscow, 1924.
- Stefanovich P. S., *Boyare, otroki, družiny: The Military and Political Elite in the 10th and 11th Centuries Rus'*, Moscow, 2012.
- Torres Prieto S., *Cantos épicos rusos*, Madrid, 2003.
- Vesterholt O., *Tradition and individuality. A study in Slavonic Oral Epic Poetry*, Copenhagen, 1973.
- Zguta R., *Russian Minstrels. A history of the Skomorokhi*, Philadelphia, 1978.
- Zhirmunsky V. M., *Epicheskoe tvorchestvo slavianskikh narodov i problemy sravnitel'nogo izucheniiia eposa*, Moscow, 1958.
- Zumthor P., *Introduction à la poésie orale*, Paris, 1983.

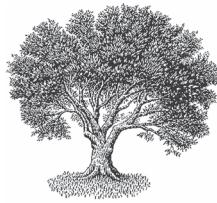

Susana Torres Prieto, Ph.D.

Profesora Titular de Humanidades y Relaciones Internacionales,
IE University

C/ Cardenal Zuñiga, 12. 40003 Segovia, Spain
Susana.Torres@ie.edu

Received July 22, 2021

**«Надо, чтоб каждый
в Союзе читал...»:
Читатель как институция
советской культуры**

[Рец.: *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*. Volume 3. Edited by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Milano: Università degli Studi di Milano, 2020]

**Дмитрий Михайлович
Цыганов**

Московский университет
имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

**“In the Union,
Everyone Should Read”:
Reader as an Institution
of the Soviet Culture**

[Rev. of: *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*. Volume 3. Edited by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Milano: Università degli Studi di Milano, 2020]

Dmitry M. Tsyganov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Резюме

Предлагаемый обзор посвящен третьему тому коллективного исследования «*Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*» и имеет своей задачей анализ предложенных в издании методов изучения читательских практик. Вoshедшие в рецензируемый том статьи подробно рассматриваются как на фоне ранее вышедшей научной литературы по истории чтения, так и в связи с архивными и ранее (не)опубликованными материалами, которые оказались вне поля зрения исследователей. На широком историко-литературном материале показывается, что предложенные в рецензируемом томе «сюжеты» не образуют полноценной истории читательских практик, но описывают лишь частные

Цитирование: Цыганов Д. М. «Надо, чтоб каждый в Союзе читал...»: Читатель как институция советской культуры // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1-2. С. 368–389.

Citation: Tsyganov D. M. (2022) “In the Union, Everyone Should Read”: Reader as an Institution of the Soviet Culture. *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 368–389.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.16

разрозненные стратегии чтения типологически разных читателей. Оставленные без внимания формы институализации чтения в СССР подчас оказываются куда весомее в контексте трансформаций читательских практик, чем вся совокупность предложенных в сборнике «кейсов». Вместе с тем обзор конкретного исследования становится поводом к разговору о читателе прошлого столетия как об особой институции советской культуры. Именно поэтому большая часть обзора представляет собой попытку поиска иных принципов и стратегий анализа, на которых может быть основана история чтения в «малом двадцатом веке». В статье предлагается социологический портрет усредненного реципиента, основные черты которого сформировались в эпоху сталинизма и остались неизменными на протяжении всего прошлого столетия и в прежнем виде продолжают существовать уже почти четверть нынешнего века. Не вошедший в исследование материал условно подразделяется на три группы: факты, характеризующие собственно советское положение дел; сведения о важнейших для культурной ситуации СССР формах институционализации чтения; данные об эстетическом и экономическом аспектах бытования книги. Подробный комментарий к каждой из этих групп призван дополнить и детализировать предложенную авторами концепцию. Наряду с анализом архивных документов, нами привлекаются материалы фондов различных общественных организаций и органов, а также периодика, опубликованные воспоминания, дневниковые/мемуарные свидетельства и другие доступные нам материалы.

Ключевые слова

сталинская культура, советская многонациональная литература, институциональная история, история чтения, массовый читатель, формовка читателя, *Reading Russia*

Abstract

The present review focuses on the third volume of the collective study *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia* and aims at analyzing the methods of studying reading practices proposed in the aforementioned publication. The articles included in the peer-reviewed volume are studied in detail against the background of previously published scholarly literature on the history of reading, as well as in relation to archival and previously (un)published materials that have so escaped researchers' attention. The broad historical and literary material shows that the «narratives» proposed in the reviewed volume do not present a full-fledged history of reading practices, but describe only individual disparate reading strategies of typologically different readers. The forms of institutionalization of reading in the USSR that were left out are sometimes much more important in the context of transformations in reading practices than the total collection of the «cases» offered in the volume. At the same time, the case study review offers an opportunity to talk about ‘the reader of the 20th century’ as a special institution of Soviet culture. This is why much of the review presents an attempt to find other principles and strategies of analysis on which the history of reading in the «small twentieth century» can be based. The article offers a sociological portrait of the average reader, whose main features were formed during the Stalinist era and remained unchanged throughout the previous century. These features have existed in the same form for almost a quarter of the present century. The material that has been excluded from the present research can be divided into three groups: facts that characterize the Soviet state of affairs; information about the most important forms of institutionalized reading in the USSR-specific cultural environment; information concerning

aesthetic and economic aspects of the book. A detailed commentary on each of these groups is intended to supplement and elaborate on the authors' concept. Along with the analysis of archival documents, we draw on materials from the funds of various public organizations and bodies, as well as periodicals, published memoirs, diaries and other materials available to us.

Keywords

Stalinist culture, Soviet multinational literature, institutional history, history of reading, mass reader, making of reader, Reading Russia

Вышедший в 2020–2021 гг. в издательстве Миланского университета трехтомный коллективный труд «Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia»¹ стал результатом работы двух международных конференций (5–8 мая 2013 г.; 3–6 мая 2017 г.), в ходе которых и была сформулирована концепция работы с материалом, состоящая в «отсутствии общей теоретической базы или единого методологического принципа» [Rebecchini, Vassena 2020a: 13–14; здесь и далее перевод наш, если не указано иное. — Д. Ц.]. Появление этого издания стало исключительным по своей значимости событием в контексте не только западноевропейской, но и мировой русистики, так как наименее разработанная² ее сфера — социология чтения — окончательно утвердилась в качестве отдельного самостоятельного направления гуманитарных исследований. Чередование «панорамных» авторских глав с более локальными по своему предмету монографическими статьями призвано создать относительно полный и последовательный исторический нарратив о традиции чтения в России. Однако уже на этапе ознакомления с трехтомником внимательный читатель сталкивается с явной диспропорцией между объемом фактического материала, потенциально способного стать объектом анализа, и уделенным ему текстовым пространством: если наименее исследованным в виду скучности источников читательским практикам раннемодерного периода XVIII в. закономерно посвящен самый малый по листажу том, то применительно к двум другим этот показатель оказывается симптоматическим, так как тома, охватывающие примерно равные в хронологическом, но не в источниковом отношении временные промежутки, отличаются в объеме почти на 130 страниц. Уже в редакторском предисловии именно имперский

¹ Этому изданию предшествовал двухязычный том, вышедший в том же издательстве шестью годами ранее [см.: Rebecchini, Vassena 2014].

² Несмотря на довольно обширную библиографию работ, посвященных проблеме чтения в позднеимперский, советский и постсоветский периоды, сколько-нибудь целостного представления о ней мы до сих пор не имеем. Множество исследований последних десятилетий [см., например: Добренко 1997; Дубин 2010; Рейтблат 2009; Brooks 1982; Lovell 2000] хотя и вводят в научный оборот большое число ценных источников, но, как бы минуя стадию «настройки» исследовательской «оптики» на довольно специфический советский материал, сосредотачиваются на попытке как-то концептуализировать историю читательских практик в России, во многом экстраполируя на него методологические принципы и приемы анализа, выработанные в результате рассмотрения принципиально иных культурных и социальных условий взаимодействия читателя и литературного текста.

период российской истории («долгий девятнадцатый век») обозначен в качестве центрального: именно тогда наступил расцвет романа как литературного жанра и «толстого» журнала как институциональной формы организации литературного производства, так как именно «журналы продвигали новые способы чтения и формировали новые поколения читателей» [Rebecchini, Vassena 2020a: 22]. Между тем самый информативно насыщенный период после 1917 г., выделенный в заключительный том, уступает второму не только в количественном (меньший листаж, меньшее число статей), но и в качественном отношении, о чем стоит сказать особо.

По структуре третий том [см.: Rebecchini, Vassena 2020b] мало чем отличается от двух предыдущих: он состоит из одной коллективной и десяти монографических статей, поделенных между двумя разделами («After the Bolshevik Revolution» и «Towards the Digital Revolution»), которые в контексте общей хронологии трехтомника призваны описать финальные этапы эволюции читательских практик в период с конца XVII и до начала XXI в. Разделы эти, помимо очевидного хронологического принципа, организуются еще и в соответствии с общей установкой создателей книги на изучение смены «режимов» бытования и, как следствие, восприятия широко трактуемого литературного текста. Не выходит за круг ранее намеченных гуманитарной теорией направлений анализа чтения и тематика предложенных в третьем томе статей: наравне с социальными и политическими стимулами к трансформации читательских практик, в томе исследуется своеобразие «школьного чтения» в 1922–1941 гг. (при этом акцент в статье О. Малиновской делается на классике XIX в.³, а не на художественных текстах советского времени, что в очередной раз недвусмысленно говорит о приоритетах участников проекта), отдельно рассматривается производство и потребление неподцензурной литературы, а также намечается интермедиальная перспектива исследования, проблематизирующая взаимодействие чтения и различных визуальных искусств. Вполне традиционно организован и «сюжет» тома. Подробный и обстоятельный разговор о ситуации 1920-х – начала 1930-х гг. в статьях Дж. Брукса, Е. Добренко и А. Рейтблата сменяется скромной обрисовкой позднесталинской обстановки, которой не посвящено отдельной статьи, более того, об обстоятельствах культурной жизни в послевоенную эпоху бегло сказано лишь в работе Т. Лахузена. Шестидесятистраничной статьей Д. Козлова, сосредоточенной на специфике чтения в хрущевскую «оттепель», и почти такого же объема текстом Ж. фон Цитцевитц по смежной проблематике бытования самиздатских текстов в 1960–1970-е гг. представлен в томе позднесоветский период. Сопровождают исследование и две тематические статьи, посвященные частным вопросам литературной жизни первой половины XX в., – текст О. Лекманова о дневниках трех «нейдеальных»

³ Малиновскую интересует практика «направленного чтения» (guided reading), легшая в основу пересоздания канона «классической русской литературы» и обусловившая характер «программирования умов молодых читателей» [Malinovskaya 2020: 107]. Отметим, что исследовательница ссылается на вполне традиционный круг исследований по проблемам чтения в советской школе: упоминает Малиновскую статью М. Павловца 2016 г. [2016a], игнорируя продолжающую его исследование работу, вышедшую несколькими месяцами позже [Павловец 2016b]; ссылка дается и на опубликованную по-немецки книгу Е. Малыгина [2012].

советских читателей (А. В. Орешникова, М. В. Нечкиной и А. Ф. Стародубова) и работа К. Келли об адаптации русской классики в позднесоветском кинематографе. Вторая часть тома посвящена длящемуся и сегодня постсоветскому/российскому периоду и представлена всего тремя обзорными статьями, где содержится попытка определить адекватный ситуации понятийный аппарат, который бы позволил говорить о чтении в современной России, не подменяя этот разговор разысканиями в области литературного процесса последних лет. Прежде чем перейти к предметному обсуждению содержания текстов, составивших этот том, стоит заметить, что большинство из них зачастую являются либо авторскими резюме уже вышедших монографий, либо — реже — перепечатками целых фрагментов из ранее опубликованных книг. Это замечание по поводу конструктивного принципа издания оказывается важным уже потому, что в известной мере корректирует нашу читательскую стратегию, типологически сближая рассматриваемый научный труд с хрестоматией по определенной тематике.

Первый раздел, по словам редакторов, хронологически ограничивается «малым двадцатым веком» — т. е. собственно советским периодом с 1917 и вплоть до 1991 г. — и составляет основу третьего тома, занимая три четверти его объема. Открывается раздел обзорной статьей двух авторов о читательской среде в период с 1917 г. и до конца 1920-х гг. Первая часть статьи, помимо очередного повторения общеизвестных фактов об изменении социокультурных условий (политизация масс, ликвидация безграмотности, приход «нового читателя», социальная обусловленность читательских практик, навязывание читателю пристрастия к чтению социально-политической литературы и прессы⁴, приоретизация интеллектуального знания и проч.), содержит ряд ценных выдержек из ранее не публиковавшихся архивных источников из фондов ГА РФ, а также статистические данные, позволяющие сформировать представление о характере и количественных показателях читательской «инфраструктуры», вкусах и предпочтениях (в том числе об отношении к классическим текстам XIX в.) читательской аудитории тех лет. Примечательно, что приводимые данные имеют и довольно широкий географический охват, между тем не выходящий за пределы Советской России. Несколько иначе дело обстоит с второй частью коллективной работы, где представлена характеристика читательской публики второй половины 1920-х гг. На презентации трехтомника, проходившей в рамках семинара Школы филологических наук НИУ ВШЭ в июне 2021 г., Е. Добренко отметил «серезные и глубокие изменения [в изучении читательских практик и фигуры читателя. — Д. Ц.] и на уровне методологии, и на уровне материала», что не помешало ему в сокращенном виде републиковать в совместной с А. Рейтблатором статье [Dobrenko, Reitblat 2020: 26–40] фрагмент собственной ранее переведенной на английский язык книжки [Dobrenko 1997] четвертьвековой давности. Этим, по всей видимости, и должен иллюстрироваться «методологический прогресс» в изучении чтения, о котором так выразительно рассуждает Добренко. Позволим себе не комментировать этот шаг исследователя и ограничиться указанием на фундаментальный статус републикуемого труда.

⁴ Подробнее о раннесоветской прессе как инструменте пропаганды в этом же томе пишет Дж. Брукс [см.: Brooks 2020].

Статья Дж. Брукса «The Press and the Public Adjust to a New Normal, 1918–1935» [2020] во многом ориентирована на опыт западных исследований 1980-х гг. и посвящена анализу преимущественно социологического аспекта чтения широкой общественностью раннесоветской новой прессы: автора интересуют вопросы динамики аппаратной номенклатуры, кадрового состава специфически советских общественных структур, становление института печати и формирование самостоятельной читательской аудитории. Брукс пишет о том, что в условиях перехода к индустриализации и коллективизации «пресса стала инструментом формирования веры [государственной власти. – Д. Ц.]; отсюда и переход к пропаганде» [Brooks 2020: 45]. Попытка проследить стратегию «вербовки» читателя посредством прессы приводит ученого к обобщениям антропологического толка. Например, Брукс указывает на почти религиозный подтекст «преданности», «самопожертвования» со стороны редакторов и «услужливых журналистов» этой газетной индустрии [Ibid.: 48]. Ключевым паттерном исследования оказывается движение прессы от функции информирования к функции пропаганды. Статья эта ценна и экскурсами в более ранний период истории книгоиздания эпохи Первой русской революции 1905–1907 гг., а также рассмотрением качественных параметров (тираж, иллюстрации, полиграфия) самой печатной продукции: не только газет или брошюр, но и плакатов, агиток и др. Вместе с тем то значение в вопросе влияния на массы, которым Брукс наделяет раннесоветскую прессу и книгоиздание не вполне соотносится с оценкой их пропагандистского потенциала современниками. В частности, В. Ходасевич в 1931 г. писал о том, что «правительству [в 1920-е гг. – Д. Ц.] было безразлично – продавать книги или раздавать их даром», а печатная продукция, обильно поступавшая в сельские библиотеки «оценивалась населением в соответствии с качеством бумаги [...] книги курились, а не читались» [Ходасевич 1996: 237]. Изложенные в этой статье выводы довольно предсказуемы для избранных автором хронологических рамок рассмотрения, однако распространение эксплицированной Бруксом логики на более поздние стадии развития сталинского режима оказалось бы в высшей степени показательными, но в рассматриваемом томе это не предпринимается.

Исследование Т. Лахузена «Is There a Class in This Text? Reading in the Age of Stalin» [2020] связано с анализом парадоксов в истории чтения сталинской эпохи. По сути, эта статья – единственная работа, интегрированная в материал тома и корреспондирующая с исследованиями Е. Добренко, Д. Козлова и О. Лекманова. Однако Лахузен, по-видимому,ставил своей целью все же создание популярного очерка, который обобщил и кратко изложил бы информацию о специфических практиках организации чтения в те годы, а не ввел бы в научный оборот новые материалы. Ученый сосредотачивается на «общих местах», не углубляя сформировавшуюся до него проблематику [см.: Lahusen 2020: 85–91]: Лахузен пишет о читательских конференциях, подробно рассмотренных Добренко, о письмах Ажаеву, во многом резюмируя собственную книгу 1997 г. [Idem 1997], о ситуации после смерти Сталина, опираясь на книгу Д. Козлова 2013 г. [Kozlov 2013] или о состоянии читательского поля в 1960-е гг., адресуя нас к общеизвестным мемуарам М. Туровской [2015]. Бегло рассмотрены опубликованные еще в 1990-е гг. фрагменты дневника О. Берггольц [Lahusen 2020: 93], книга Л. Чуковской «Записки об Анне Ахматовой» [Ibid.: 94] и ряд других

менее известных в нефилологических кругах текстов. Однако и в этом случае анализ Лахузена не вполне самостоятелен и базируется на работе И. Паперно [Paperno 2009] и коллективном труде о советских дневниках в 1930-е гг. [Garros et al. 1995]. Если попытаться обобщить наблюдения над этим текстом, то можно сказать, что он воплотил в себе известный формалистский принцип «обнажения приема», показав, каким образом организован весь том целиком и какими принципами руководствовались авторы при создании, а вернее сказать, *пересоздании* текстов для сборника.

О. Малиновская представила в качестве статьи выборочный конспект своей докторской диссертации 2015 г. [Malinovskaya 2015], Д. Козлов предложил рецензию уже упомянутой выше книги 2013 г. [Kozlov 2013]. Не стала исключением и Ж. фон Цитцевитц, в 2021 г. выпустившая монографию [Zitzewitz 2021], тема которой в точности совпадает с темой предложенной для сборника статьи. Продолжать этот ряд не имеет смысла, потому как мы будем вынуждены упомянуть каждого из авторов рецензируемого тома. В этих обстоятельствах теряет смысл и дальнейшее рассмотрение помещенных в рецензируемый том текстов: на все послужившие «протографами» монографии уже написаны многочисленные критические рецензии, в которых тщательно проанализированы достоинства и упущения этих исследований.

Куда важнее констатировать ключевой принцип издания, заключающийся в ориентации не на профессионального читателя — специалиста в области литературы и культуры России прошлого столетия, а на более массового читателя, который после ознакомления с этим сборником смог бы составить более-менее целостное представление о специфике трансформаций читательских практик в «малом двадцатом веке». Однако и этот принцип реализован в издании лишь отчасти.

* * *

Во многом предупреждая возможную критику и упреки в неминуемой фрагментарности и неполноте тома, редакторы уже предисловии к изданию определили круг вопросов и возможных направлений дальнейших разысканий в области истории чтения в России, по тем или иным причинам оказавшихся за пределами рассмотрения [Reading Russia 2020, 1: 15–17]. Более того, разговор о том, чего не хватает в издании, предваряет краткий обзор вошедших в трехтомник статей. Уже это обстоятельство заставляет пристальное приглядываться к принципам отбора локальных сюжетов, образующих структуру исследования, подробное ознакомление с которым подтверждает изначально появляющуюся у внимательного читателя мысль: исторический нарратив о чтении в модерной России оформляется не совокупностью предложенных «кейсов», а тем самым «невошедшими», на фоне которого и возникают частные фрагменты и эпизоды, рассмотренные авторами. Попросту говоря, ряд предложенных в трехтомнике материалов не образует логически выверенную и относительно полную историю эволюции читательских практик в России XX в., а, напротив, предъявляет лишь некоторое количество хронологически организованных развернутых высказываний по поводу. Отчетливее всего это видно по третьему тому «Reading Russia», который вполне отвечает логике, сформулированной М. О. Чудаковой в известной статье 1998 г. В ней

Чудакова указывает на то, что «анализы [отдельных текстов. — Д. Ц.] предельно — вернее, беспредельно — детализировались; они бывают очень интересны (как и совсем неинтересны), попадаются доказательные и убедительные, но они не отвечают на основные вопросы — хотя бы потому, что их не ставят» [1998: 193]. Между тем одним из этих «основных вопросов» является вопрос о методе исследования подвижной культурной ситуации «малого двадцатого века», о той теоретической логике, благодаря которой отдельные сюжеты смогут преодолеть рубеж иллюстративности и сами по себе приобретут качество объясняющих специфику культурной динамики 1920-х — 1980-х гг. Важность этого вопроса первостепенна еще и потому, что наблюдаемое сегодня «растекание» научного знания в подавляющем большинстве случаев имеет произвольный характер, когда каждая новая работа все больше усложняет, декомпозирует и все меньше проясняет картину литературного процесса XX в. Именно в этом, на наш взгляд, и состоит основной недостаток коллективного труда, авторы которого не до конца определились с объектом исследования, взамен сославшись на уже ставшую классической книгу Е. А. Добренко «Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы»⁵, вышедшую в 1997 г. При всех достоинствах пионерского исследования Добренко, этой книгой не может полностью исчерпываться заявленная в названии тема: советский читатель был разным в разные периоды советской истории, а сама специфика читательских практик не может быть сведена исключительно к опыту массового чтения. Между тем диахронический подход, избранный в качестве ведущего принципа организации коллективного тома, в действительности не может быть реализован в нем, потому как каждый автор исследует «своего» читателя. Отсутствие внятно сформулированных принципов массового чтения в советский период (одним из первых о них заговорил еще А. М. Топоров в шестикратно переизданной книге «Крестьяне о писателях» [1930], единожды упомянутой в рецензируемом томе) определяет невозможность следить за их эволюцией, хотя именно в этом и состояла первоначальная цель этой книги.

Появление «массового реципиента» как полноценного участника литературного производства советской метрополии, следя теоретической логике, принимаемой авторами тома, — принадлежность именно сталинской эпохи (в этом обнаруживается преемственность с концепцией, сформулированной в «Формовке»). Если попытаться суммировать основные признаки этого *усредненного реципиента*, то мы получим следующий социологический портрет. «Массовый читатель» периода сталинизма, вопреки сложившимся в науке представлениям о структуре литературного процесса 1930-х — 1950-х гг. [Богомолов 2004], осваивал печатную литературу не по остаточному принципу. Он не воспринимал современный ему литературную ситуацию как ущербную или неполноценную в

⁵ Опора на книгу Добренко вошедших в том статьях не всегда носит эксплицитный характер: в самом сборнике «Формовка советского читателя» цитируется лишь в статье Т. Лахузена, тогда как в других текстах книга несколько раз упоминается в качестве отсылки к фоновому знанию. Вместе с тем сформулированные в «Формовке» идеи то и дело возникают на страницах «Reading Russia», но подаются при этом не как точка зрения на проблему чтения и читателя в эпоху сталинизма, а как априорное знание.

силу нескольких весомых обстоятельств. Во-первых, он попросту не мог даже приблизительно представить тот объем написанных, но по какой-либо причине не изданных (или изданных в сокращенном виде⁶) текстов, которые и составили, по выражению М. Чудаковой, альтернативные «соцреалистической доктрине» потоки, «ушедшие под землю — в русло литературы, уже не выходившей на “дневную поверхность” (Д. Лихачев) печатной жизни» [1988: 241]. Во-вторых, активно функционировала индустрия литературного производства: работал ССП СССР и его региональные отделения; как в Советском Союзе, так и за его пределами огромными тиражами издавались советские «классики» — лауреаты Сталинской премии⁷, на язык «великорусского пролетариата» (В. И. Ульянов-Ленин) делались многочисленные переводы с национальных языков советских республик⁸, авторам вручались всевозможные награды и премии, главной из которых, несомненно, была именно Сталинская [Цыганов 2021]. Иллюзия полноценности поддерживалась и деятельностью института профессиональной литературной критики, возбуждавшего многочисленные споры, дискуссии и полемики по поводу тех или иных литературных и окололитературных событий. С этим фактом связано еще одно, возможно, самое значительное среди названных обстоятельство: сам «массовый читатель» становился непосредственным участником литературного процесса, наравне с критиком, ощущал определенные привилегии как бы занимаемого им «экспертного» положения. Свидетельством этому становились многочисленные письма, адресуемые как писателям непосредственно, так и направляемые в редакции, а затем публиковавшиеся в периодике, повсеместно

⁶ Например, «Педагогическая поэма» (впервые опубл. в 1933–1935 гг.) А. С. Макаренко вышла отдельным изданием в 1937 году (М.: Художественная литература) со значительной редакторской правкой и цензурными купюрами жены писателя, а полный текст произведения оставался неизвестным для читателей до 2003 г. [см. об этом: Хиллиг 1984; Idem 2014; Hillig 1981].

⁷ Публикация за рубежом соцреалистической «классики» (в абсолютном большинстве случаев текстов, отмеченных Сталинской премией) была массовой, но сосредотачивалась в основном в странах так называемой «народной демократии»: «Произведения советской литературы получают все более широкое признание в зарубежных странах. Только за несколько послевоенных лет, по далеко не полным данным, там вышли произведения более 900 советских писателей в переводах на 44 иностранных языка, более чем в девяти тысячах изданий. За период с 1951 по 1953 г. за рубежом было издано 94 196 тысяч экземпляров произведений советской художественной литературы» [Очерк 1955, 2: 316].

⁸ Разветвленный институциональный комплекс, обеспечивавший полноценное функционирование проекта «многонациональной советской литературы» в специфических условиях сталинской «культурной стройки», включал не только множество республиканских писательских организаций, подчиненных московскому центру, но и объемный переводческий ресурс, формировавшийся по большей части из «неблагонадежных» писательских кадров, по тем или иным причинам лишившихся возможности прямо участвовать в литературном производстве. В основном переводами с языков национальных республик занимались не профессиональные филологи, а опальные или «молчавшие» поэты [Witt 2011; Земскова 2016]. Отметим, что вопрос о художественном переводе как особом типе чтения в рецензируемом томе также не рассматривается. Кроме того, отметим, что и проблема перевода на национальные языки текстов, написанных на по-русски, авторами статей даже не ставится.

организуемые читательские конференции и т. д. Стоит отметить, что подобная ситуация была характерна только для сферы культурного производства, потому как лишь в ней реципиент ощущал свою компетентность, осознавал, что его мнение обладает весом⁹. Так, М. Шагинян в 1952 г. в статье «О критике и самокритике в литературной работе» писала:

Миллионы наших читателей не пассивны. Они строят ту самую жизнь, которую мы описываем, и понятно их горячее стремление принять какую-то долю участия в нашей работе. Отсюда огромное количество писем в адрес писателей с желанием указать ошибки и неточности; письма читателей в редакции газет, иной раз содержащие очень ценную критику; выступление читателей на многочисленных конференциях при библиотеках, в вузах, в избах-читальнях с деловыми замечаниями. Народ дает нам понять, показывает нам то последующее творческое действие книги, какое происходит по окончании нашей работы над ней [Шагинян 1952].

Вместе с тем фигура читателя как важнейшая пресуппозиция создания эстетического канона оказывалась «выключенной» из производственной системы сталинского литературного проекта. Иначе говоря, читательский спрос или его отсутствие не влияли на издательскую практику, а реципиент выступал не как стимул культурного производства, но лишь как вынужденный потребитель итогов этого производства.

Все эти черты, сформировавшие облик читателя сталинской эпохи и определившие специфику читательских практик, оказались намного устойчивее и долговечнее тех условий, в которых они возникли. Во многих современных исследованиях в области социологии чтения в России отмечается наследование современным читательским сообществом тех стратегий чтения и — шире — восприятия литературных текстов, которые оформились еще в первой половине прошлого столетия. В частности, исследовательница современных читательских практик А. Герасимова, обращаясь к анализу уже упомянутой книги Добренко 1997 г., небезосновательно указывает на то, что характерные для периода середины 1920-х — начала 1930-х гг. «эстетические требования неподготовленного читателя [...] остались почти совершенно неизменными, за вычетом лишь одной пресуппозиции: права выносить негативное суждение» [Герасимова 2020: 82]. При всей сомнительности довода об отсутствии у современного читателя права на негативные оценки¹⁰, обоснованность главного тезиса Герасимовой не может

⁹ Ощущение этого усердно навязывалось решениями властной «верхушки»: важным обстоятельством, например, оказывается то, что одним из главных поводов ликвидации литературно-художественного журнала «Ленинград» стало отсутствие «интереса для читателей»; эта претензия уже в докладной записке Агитпропа ЦК А. Жданову от 7 августа 1946 г. предваряет упреки в публикации «малохудожественных и идеино порочных произведений» [см.: Артизов, Наумов 1999: 563]

¹⁰ Герасимова аргументирует его так: «Читатель 20-х годов был почти всегда уверен: то, что ему непонятно, то дурно. Нынешний читатель склонен утверждать: мне это непонятно, я не смог прочесть, но это великая книга» [Герасимова 2020: 82]. Сомнительно само основание, на котором базируется

вызывать сомнений. В этой перспективе не возникает сомнения в том, что многочисленные просьбы к Шолохову о прояснении дальнейшей судьбы персонажей «Тихого Дона» середины 1930-х гг. [Корниенко 2020: 104–105], травля Пастернака за «клеветнический роман» в разделе «Гнев и возмущение: Советские люди осуждают действия Б. Пастернака» «Литературной газеты» (№ 131 (3942) от 1 ноября 1958 г.) и «антисорокинская манифестация», проведенная общественной организацией «Идущие вместе» перед зданием Большого театра в конце июня 2002 г. и сопровождавшаяся почти ритуальным уничтожением книг Сорокина, — явления, в основе которых лежат одни и те же принципы организации и структурирования читательского сообщества.

* * *

Выше мы уже касались содержания рецензируемого тома, а теперь стоит подробнее остановиться на тех вопросах, которые по каким-то причинам оказались за пределами рассмотрения. Формально не вошедший в издание материал может быть разграничен на три группы: 1) факты, характеризующие собственно советское положение дел и прямо связанные со спецификой организации художественной жизни в рамках тоталитарной системы; 2) сведения о важнейших для культурной ситуации СССР формах институционализации чтения; 3) данные об эстетическом и экономическом аспектах бытования книги как артефакта в «малом двадцатом веке», а также исследовательская литература и источники, необходимые для создания научной истории чтения в России XX–XXI вв.

Если обращаться к первой группе фактов, то следует принимать во внимание одно важное обстоятельство: в 1920–1950-е гг. национальному вопросу в кругах высшего партийного руководства Советского Союза придавалось колоссальное значение, о чемнятно свидетельствуют многочисленные труды самого И. Сталина, написанные по большей части еще в дореволюционные годы и посвященные проблемам национального строительства. Интерес к подобной проблематике мотивирован сугубо pragматически: сама форма государственного устройства определяла приоритетность этого направления политической работы. Идея союза советских республик подразумевала не только формальное (территориальное и административное) единство, но и общность социальных и культурных практик, делавших этически разобщенное население СССР «советскими людьми», «классово однородными» читателями соцреалистической продукции [Горький 1953b: 578]. Центральный для Сталина вопрос национального строительства, неизбежно предполагавший консолидацию социума (до середины 1930-х гг.,

---

противопоставление читателей 1920-х и 2000-х гг., потому как современное читательское сообщество по большей части состоит из людей, в силу своей поколенческой принадлежности усвоивших советскую (т. е. оформленвшуюся в те же 1920-е гг.) модель рецепции и оценки литературных текстов. Поэтому исследователь, специализирующийся на культурной истории СССР сталинского периода, может обнаружить в постсоветской ситуации реликты практик, характерных, например, для довоенного периода (ср. хотя бы приведенный здесь случай с выступлениями против творчества В. Сорокина или неприятие и открытое осуждение публикой не понятой ею балетной постановки К. Серебренникова «Нуреев» в 2017 г.).

согласно официальной риторике, остававшегося жестко стратифицированным¹¹), закономерно определял направления культурной политики и, вероятно, рассматривался как один из ключевых путей формирования единого пространства сталинской соцреалистической культуры. Одним из способов осуществления этой консолидации «социального пространства», о которых достаточно убедительно пишет Н. Скаков [2020], и оказывалось чтение: не случайно М. Горький еще в 1930 г. писал о том, что именно «литература объединяет все племена Союза Советов [...] энергично служит делу объединения всего трудового народа» [Горький 1953а: 409]. Идея эта была принята на вооружение Сталиным, и уже в конце 1920-х – начале 1930-х гг. был взят уверенный курс на создание проекта «многонациональной советской литературы»¹². По мысли С. Франк, советский проект многонациональной литературы не соответствовал традиционным западным моделям мировой литературы именно установкой на «программное доминирование русского языка». Гегемония русской культуры, если следовать за ходом мысли исследователя, выражалась сразу на трех уровнях: на уровне канона; на уровне посредничества; на уровне языка [Франк 2019: 242]. Иначе говоря, специфика проекта «многонациональной советской литературы» во многом была обусловлена тем, что он, по мысли его устроителей, должен был существовать исключительно в русском языковом пространстве: не случайно Д. Бранденбергер, исследуя массовую культуру эпохи сталинизма, употребляет выражение «сталинский руссоцентризм» [2017]. Именно этим определяется положение, по сути, центрального для «малого двадцатого века» вопроса не только о чтении, но и о создании, прежде всего, русскоязычных текстов в союзных республиках как в эпоху сталинизма, так и в постсталинский период советской культурной истории. В рецензируемом томе он не освещается вовсе. Ничего не сказано и о чтении на национальных языках, хотя авторы могли бы обратиться к повсеместно организованной во второй половине 1940-х библиотечной статистике (эта практика существовала и раньше, но должным образом отложена была лишь в послевоенный период). Эта неполнота авторами статей определяется как «вымнужденная» и оправдывается отсутствием источников и исследовательской литературы по этому вопросу, что попросту не соответствует действительности¹³.

¹¹ Лишь 25 ноября 1936 г. в докладе «О проекте Конституции Союза ССР» на VIII Всесоюзном съезде Советов Stalin провозгласил, что «границы между рабочим классом и крестьянством, равно как между этими классами и интеллигенцией, стираются, а старая классовая исключительность исчезает» [Сталин 1997: 125].

¹² Е. Добренко, говоря о сталинском литературном проекте, делает принципиально важное замечание: «Советская многонациональная литература не была проектом сложения различных национальных литератур, но ровно наоборот: советские национальные литературы смогли развиться (а большинство и возникнуть) только благодаря тому, что являлись важнейшей частью общесоветского национального строительства». Создание же самого «проекта» Добренко относит к маю 1924 г. [Добренко 2021].

¹³ На уже упомянутой презентации Е. Добренко также отметил и тот факт, что к настоящему моменту не появилось исследований, посвященных чтению национальных меньшинств СССР («Мы ничего об этом не знаем»). Вместе с тем вопрос этот активно исследуется в последние годы, о чем свидетельствует, например, защищенная в 2022 г. диссертация Ю. Козицкой «Казахская литература как часть проекта “многонациональной советской литературы”

Вторая группа фактов связана с проблемой институциализации чтения в разные периоды русского XX в. В этой связи прежде всего стоит сказать о разнообразии форм взаимодействия воспринимающего субъекта с литературным текстом, о чем убедительно писала еще С. Сонтаг в эссе «Против интерпретации» (1964), разграничивая две центральные стратегии восприятия текста — интерпретацию, опирающуюся на содержание, и формальный анализ. Выше мы уже касались вопроса о художественном переводе как о специфической практике, совмещающей в собственных границах как писательскую, так и читательскую активности. Не нашлось в сборнике места даже для беглой заметки об особенностях чтения в среде реципиентов, прямо связанных с производством текстов — писателей, критиков и литературоведов. Между тем попытка разобраться в сети сложных взаимодействий авторов и текстов значительно расширила и уточнила бы наше представление как о мутациях культурного канона в XX в., так и о механизмах его трансляции, позволила бы реконструировать стратегии канонизации и деканонизации отдельных произведений и/или литераторов, пролить свет на тему так называемого «творческого диалога», заключающегося в сознательной или ненамеренной рецепции элементов «чужой» поэтики. Литературоиздание и художественная критика как особые типы чтения непосредственно связаны с расширением семантического поля художественного текста, приращением смыслов и существованием этого текста внутри социума, поэтому особую значимость обретает изучение процесса создания интерпретационных моделей, «вчитывания» в произведение изначально не свойственных ему смыслов. Этот ракурс исследования обнажил бы специфику инструментов, посредством которых высшее партийное руководство регулировало и уточняло конфигурацию сил на культурном поле, прямо влияло на литературное производство.

Обойден вниманием авторов и период первой половины 1940-х гг., до сих пор слабо изученный с точки зрения трансформации культурных практик. К моменту сталинского 60-летия реципиент нового типа в известной степени уже был сформирован, а диапазон его притязаний, «горизонт ожидания» подвергся максимальной редукции¹⁴. Однако его «формовка» все еще продолжалась, и военные годы не только не характеризуются перерывом в данном процессе, но даже могут быть восприняты как своеобразный «плацдарм» для стремительного изменения параметров мышления «массового читателя» и реорганизации самой читательской аудитории (потенциальных потребителей соцреализма) уже в послевоенный период. 22 апреля 1943 г. СНК СССР было принято постановление № 422 «О государственном централизованном фонде литературы для восстановления библиотек, разрушенных фашистами» за подпись В. М. Молотова, организовавшее «добровольный сбор книг от населения для комплектации библиотек, разрушенных фашистами» [ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 213. Л. 140.]. Этот на первый взгляд ничем не примечательный документ на деле решал сразу две ключевые

в 1930-е годы» [2021], на защиту которой Добренко выступал оппонентом.
Весьма подробно о чтении населения советского Узбекистана в первые послереволюционные годы пишет А. Халид в книге «Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR» [Khalid 2015: 178–218].

¹⁴ Об этом реципиенте в контексте иных культурных практик см. работы Г. Янковской [2006; 2018].

задачи: наполнение областных и краевых библиотек из фонда литературы при Наркомпросе РСФСР и опустошение домашних библиотек отнюдь не многих, но еще уцелевших «бывших людей». Тем самым провоцировался закономерный спрос лишившейся личных книжных собраний интеллигенции на услуги библиотек и на выпускаемую книжную продукцию, львиную долю которой составляли соцреалистические тексты. По всей видимости, Сталин стремился уйти от нарочитой стратификации общества, «слить» так называемую интеллигенцию с номинально деклассированной массой, уравняв их читательский репертуар. Об этом свидетельствуют и наблюдения приближенного к вождю Симонова, писавшего, что Сталин «раз в год пробовал прощупать пульс интеллигенции через нас самих и через разговор с нами о тех книгах, которые пишутся и издаются» [Симонов 1989: 182]. Другой вопрос, насколько ему это удавалось.

Другой формой институционализации чтения в СССР в 1940–1950-е гг. становился процесс отбора и присуждения художественным и научно-критическим тестам Сталинской премии: мы имеем дело с ситуацией, когда один и тот же опубликованный текст по-разному прочитывался на разных этапах его «включения» в соцреалистический канон. Условно эта траектория может быть определена как постепенный отход от индивидуально-авторского аспекта в вопросе принятия решений о присуждении наград. Если на первоначальном рассмотрении кандидатур в ССП акцент делался именно на репутации писателя, чей текст становился претендентом на премию, то на заключительной стадии обсуждений в Политбюро ЦК рассматривалось именно литературное произведение, о чем свидетельствуют характерные реплики Сталина, нашедшие отражение в воспоминаниях Симонова [1989: 167]. Этот эпизод истории чтения вскользь упоминается лишь в статье Т. Лахузена в связи с премированием главного героя множества его работ — Василия Ажаева. К этой теме примыкает и вопрос о читательских предпочтениях самого Сталина¹⁵, довольно подробно рассмотренный в литературе [Медведев 2005; Илизаров 2013; Вайскопф 2020], но до сих пор не осмысленный в контексте рассмотрения эволюции читательских практик первой половины прошлого столетия. Ничего об этом не сказано и в рецензируемом томе.

Вовсе не обсуждается в томе и важнейший в контексте истории чтения сюжет «редактирования» и переработки/переписывания текстов¹⁶, ранее опубли-

¹⁵ Д. Шепилов в воспоминаниях отмечает, что Сталин «всегда пытливо следил за выходящей социально-экономической и художественной литературой и находил время просматривать все, имеющее сколько-нибудь существенное значение. [...] „Голстые“ литературно-художественные журналы „Новый мир“, „Октябрь“, „Знамя“, „Звезда“ и др., научные, гуманитарные „Вопросы философии“, „Вопросы экономики“, „Вопросы истории“, „Большевик“ и прочие он успевал прочитывать в самых первых, сигнальных экземплярах» [Шепилов 2017: 129]. Об этом же пишет и В. Кирпотин, вспоминая о подготовке Фадеева к заседаниям Комитета по Сталинским премиям [см.: Кирпотин 2006: 647].

¹⁶ Эта тенденция характеризует не только сталинскую эпоху, но и период так называемой «десталинизации», когда из кинолент («Человек с ружьем» Юткевича, «Великое зарево» и «Клятва» Чиаурели, «Валерий Чкалов» Калатозова, «Ленин в Октябре» Ромма и др.) вырезались сцены, в которых фигурировал Сталин, а некоторые фильмы и вовсе снимались с проката («Падение Берлина»). То же происходило и с книжной продукцией: при переиздании из произведений «вычищались» все упоминания покойного вождя.

кованных как на газетных страницах, так и в составе «толстых» литературных журналов или альманахов. Дело в том, что именно «толстые» литературные журналы были непосредственно задействованы в производстве соцреалистической продукции, определяли стратегии ее первичной рецепции¹⁷, закрепляя за отдельными литературными образцами определенную оценку и формируя тем самым репутации их авторов. Эти институции, таким образом, должны восприниматься как инструменты создания *протолитературы*: на этом этапе еще возможна работа многочисленных механизмов культурной «секции», позволявших исключить «вредные» или эстетически выбивающиеся вещи из пространства официальной культуры, предотвратив их проникновение в сферу собственно «советской литературы» уже на стадии появления. Так, 12 мая 1950 г. Политбюро ЦК приняло постановление № 74 «О порядке издания произведений художественной литературы, опубликованных в журналах» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1081. Л. 37), в котором прямо утверждалось:

Считать неправильным, что издательства механически перепечатывают из журналов художественные произведения, независимо от их идейной и художественной ценности и без всякой дополнительной редакционной работы над ними [цит. по: Артизов, Наумов 1999: 662].

Следовало организовать работу таким образом, чтобы в скорейшей перспективе отменить эту неправильную практику и установить такой порядок, при котором произведения, опубликованные в литературно-художественных журналах и намечаемые к изданию отдельными книгами, предварительно рассматривались бы по существу на заседаниях редакционных советов указанных выше издательств и подвергались квалифицированному рецензированию [Ibid.: 663].

Это означало, что одно и то же произведение могло изменять свои качественные параметры (вплоть до количества и взаиморасположения текстовых фрагментов) в зависимости от того контекста, в котором оно существовало. По логике партфункционеров от искусства, опубликованный в журнале и, следовательно, прочитанный литературный текст не должен в точности воспроизводиться в книжном издании (метод так называемой доработки текста «в правильном направлении» [см.: Цыганов 2022]). В этой связи вопрос о читательской рецепции встает особенно остро, так как впечатление от прочтения журнального варианта текста могло весьма сильно отличаться от полученного при ознакомлении с книжной публикацией того же текста. Это наблюдение проблематизирует использование библиотечной статистики (столь широко привлекаемой в той же

¹⁷ В послевоенный период советское политическое руководство посредством вмешательства в издательскую практику «толстых» журналов пыталось влиять на круг чтения потенциального реципиента соцреалистической литературной продукции. Так, в сентябре 1946 г. было принято постановление Политбюро ЦК «О выписке и использовании иностранной литературы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1062. Л. 8–10), в котором запрещалась индивидуальная выписка иностранной литературы и тем самым пресекалось «распространение среди населения антисоветской пропаганды, содержавшейся в зарубежных газетах, журналах и книгах».

«Формовке советского читателя») уже потому, что она попросту не учитывала указанных нюансов знакомства читателя с литературным произведением. Также не обрела решения на страницах обсуждаемого издания и важная для XX столетия проблема нетождественности художественного текста самому себе в разные промежутки времени (ср. хотя бы текст «Тихого Дона» в изданиях 1941, 1953 и 1957 гг.). Десятилетиями переписывавшиеся и от раза к разу «поновлявшиеся» романы¹⁸, как и неопубликованные по политическим и идеологическим соображениям произведения, по-особенному читались людьми нового поколения: объема культурной памяти «массового читателя» попросту не было достаточно для восприятия всех вложенных в текст смыслов уже в силу того, что такой читатель не жил в ту эпоху, которая описывается в том или ином литературном тексте («задержанная» в спецхранилищах и наводнившая журнальные страницы в конце 1980-х гг. литература лишилась своего читателя).

Подытоживая обзор заключительного тома «Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia», отметим несколько серьезных упущений по части привлекаемого материала. Ничего в тексте не сказано о характере издательской политики в СССР, а в редких случаях отмечен лишь тираж отдельных текстов. Такое невнимание к производственной стороне вопроса выглядит по меньшей мере странным на фоне внушительного корпуса обойденных вниманием источников, которые начали появляться уже в 1950-е годы: не упоминаются в рецензируемом томе ни книга А. И. Назарова «Очерки истории советского книгоиздательства» [1952], ни даже сборник документов «О партийной и советской печати» [ЦК КПСС 1954], позднее дополнявшийся и неоднократно переиздававшийся. Современные опыты публикации архивных источников (например, том документов «Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг.: Путеводитель по Фонду Госиздата» [см.: Кресина, Динерштейн 2009]), также оказались вне поля зрения специалистов. Вместе с тем привлечение широко издававшихся в разные годы библиографических справочников (ни разу не упомянуты ни многотомный указатель Н. И. Мацуева [1936; 1940; 1952; 1953; 1954; 1957; 1959; 1962], ни библиографический справочник А. К. Тарасенкова [1966], дополненный и переизданный в 2004 г. [см.: Тарасенков, Турчинский 2004]) заметно разнообразило и дополнило бы предложенные в статьях тезисы. Ни одной ссылки не дано и на фундаментальные работы А. В. Блюма, активно занимавшегося проблемой запрещенных в Советском Союзе книг [2000; 2003]. Перечень проигнорированных материалов мог бы растянуться на многие страницы, многократно превысив объем самого сборника. Все приведенные выше соображения отнюдь не указывают на вероятный путь решения проблемы истории чтения в русском XX в., но внятно обнаруживают необходимость поиска иных принципов и стратегий анализа, на которых эта история может быть основана.

¹⁸ Среди переписанных произведений особенно выделяются тексты советских «классиков». Так, переработке были подвергнуты: «Цемент» (1925) Ф. Гладкова (роман переписан сперва в середине 1930-х, а затем и в 1940 г.), «Вор» (1927) Л. Леонова (роман переписан сперва в 1959 г., а затем и в 1982 г.), «Гидроцентраль» (1928) М. Шагинян (роман переписан в 1949 г.), «Молодая гвардия» (1946) А. Фадеева (роман переписан в 1951 г.), «За власть Советов» (1949) В. Катаева (роман переписан в 1951 г.) и др.

Сокращенные названия архивов

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Библиография

Источники

Сборники архивных документов

Артизов, Наумов 1999

Артизов А., Наумов О., сост., *Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953*, Москва, 1999.

Корниенко 2020

Корниенко Н. В., ред., «Очень прошу ответить мне по существу...». *Письма читателей М. А. Шолохову. 1929–1955*, Москва, 2020.

Кресина, Динерштейн 2009

Кресина Л., Динерштейн Е., сост., *Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг.: Путеводитель по Фонду Госиздата: Сборник документов*, Москва, 2009.

ЦК КПСС 1954

О партийной и советской печати: Сборник документов, Москва, 1954.

Библиографические издания

Мацуев 1936

Мацуев Н. И., *Художественная литература русская и переводная. 1928–1932 гг.. Указатель статей, рецензий и аннотаций*, Москва, 1936.

— 1940

Мацуев Н. И., *Художественная литература, русская и переводная, в оценке критики. 1933–1937 гг. Библиографический указатель*, Москва, 1940.

— 1952

Мацуев Н. И., *Советская художественная литература и критика. 1938–1948. Библиография*, Москва, 1952.

— 1953

Мацуев Н. И., *Советская художественная литература и критика. 1949–1951. Библиография*, Москва, 1953.

— 1954

Мацуев Н. И., *Советская художественная литература и критика. 1952–1953. Библиография*, Москва, 1954.

— 1957

Мацуев Н. И., *Советская художественная литература и критика. 1954–1955. Библиография*, Москва, 1957.

— 1959

Мацуев Н. И., *Советская художественная литература и критика. 1956–1957. Библиография*, Москва, 1959.

— 1962

Мацуев Н. И., *Советская художественная литература и критика. 1958–1959. Библиография*, Москва, 1962.

Тарасенков 1966

Тарасенков А. К., *Русские поэты XX века. 1900–1955. Библиография*, Москва, 1966.

Тарасенков, Турчинский 2004

Тарасенков А. К., Турчинский Л. М., сост., *Русские поэты XX века. 1900–1955. Материалы для библиографии*, Москва, 2004.

Мемуары, воспоминания

Кирпотин 2006

Кирпотин В. Я., *Ровесник железного века: Мемуарная книга*, Москва, 2006.

Симонов 1989

Симонов К. М., *Глазами человека моего поколения: Размышления о Сталине*, Москва, 1989.

Туровская 2015

Туровская М. И., *Зубы дракона. Мои 30-е годы*, Москва, 2015.

Шепилов 2017

Шепилов Д. Т., *Непримкнувший. Воспоминания*, Москва, 2017.

Публицистические статьи

Горький 1953а

Горький М., О профиле [1933], Idem, *О литературе. Литературно-критические статьи*, Москва, 1953, 574–592.

Горький 1953б

Горький М., О литературе [1930], Idem, *О литературе. Литературно-критические статьи*, Москва, 1953, 406–417.

Сталин 1997

Сталин И. В., О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. 25 ноября 1936 г., Idem, *Сочинения*, 14, Москва, 1997, 119–147.

Ходасевич 1996

Ходасевич В. Ф., *Литература и власть в сов. России*, Idem, *Некрополь: Воспоминания. Литература и власть. Письма Б. А. Садовскому*, Москва, 1996, 227–249.

Литература

Богомолов 2004

Богомолов Н. А., Несколько размышлений по поводу двух дат в истории русской литературы советского периода, Idem, *От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии*, Москва, 2004, 257–266.

Блюм 2000

Блюм А. В., *Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953*, С.-Петербург, 2000.

— 2003

Блюм А. В., *Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями*, С.-Петербург, 2003.

Бранденбергер 2017

Бранденбергер Д. Л., *Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.)*, Москва, 2017.

Вайскопф 2020

Вайскопф М. Я., *Писатель Сталин: Язык, приемы, сюжеты*, Москва, 2020.

Герасимова 2020

Герасимова А. В., *Проблема реального реципиента художественного текста: Анализ современных читательских практик (= Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuensis, 43)*, Tartu, 2020.

Добренко 1997

Добренко Е. А., *Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы*, С.-Петербург, 1997.

— 2021

Добренко Е. А., Рождение советской многонациональной литературы: от истории литературных институций к институциональной истории литературы. Доклад на конференции «Эстетика коммунизма: Теории и институции» в октябре 2021 г. (Москва, Россия) (<http://stenogramma.imli.ru/events/konferenciya-estetika-kommunizma-teorii-i-institucii-1-3-oktyabrya-2021-smotret-zapis-zasedaniy/>).

Дубин 2010

Дубин Б. В., *Классика, после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре*, Москва, 2010.

Земскова 2016

Земскова Е. Е., Переводчики с языков национальных республик в советской литературной критике середины 1930-х гг., *Новый филологический вестник*, 4 (39), 2016, 167–177.

Илизаров 2013

Илизаров Б. С., *Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма*, Москва, 2013.

Козицкая 2021

Козицкая Ю. М., Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы (Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук, Москва, 2021).

Медведев 2005

Медведев Р. А., *Что читал Stalin? Люди и книги. Писатель и книга в тоталитарном обществе*, Москва, 2005.

Назаров 1952

Назаров А. И., *Очерки истории советского книгоиздательства*, Москва, 1952.

Очерк, 1–2

Очерк истории русской советской литературы, под ред. В. А. Ковалева et al., С. А. Петров, отв. ред., Москва, 1954–1955.

Рейтблат 2009

Рейтблат А. И., «От Бовы к Бальмонту» и другие работы по исторической социологии русской литературы, Москва, 2009.

Скаков 2020

Скаков Н., Культура Полтора, *Новое литературное обозрение*, 1 (161), 2020, 104–123.

Топоров 1930

Топоров А. М., *Крестьяне о писателях*, Москва, 1930.

Франк 2019

Франк С., Проект многонациональной советской литературы как нормативный проект мировой литературы (с имперскими импликациями), *Имагология и компаративистика*, 11, 2019, 230–247.

Хиллиг 1984

Хиллиг Г., 50-летие публикации «Педагогической поэмы», *Svantevit. Dansk tidsskrift for slavistik (Århus)*, 1–2, 1984, 181–188.

— 2014

Хиллиг Г., *В поисках истинного Макаренко: Русскоязычные публикации (1976–2014)*, Полтава, 2014.

Цыганов 2021

Цыганов Д. М., Сталинская премия в системе литературного производства 1940-х – начала 1950-х гг.: Институциональный контекст формирования соцреалистического канона, *Летняя школа по русской литературе*, 17/3–4, 2021, 347–370.

— 2022

Цыганов Д. М., От самокритики к самоуничтожению: Реорганизация советского эстетического канона в эпоху позднего сталинизма, *Новое литературное обозрение*, 5 (177), 2022, 135–148.

Чудакова 1988

Чудакова М. О., Без гнева и пристрастия: Формы и деформации в литературе 20–30-х годов, *Новый мир*, 9, 1988, 240–260.

— 1998

Чудакова М. О., Русская литература XX века: Проблема границ предмета изучения, *Проблемы границы в культуре* (= *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, 6), Тарту, 1998, 193–205.

Янковская 2006

Янковская Г. А., Художественное просвещение и провинциальный зритель советского искусства в годы позднего сталинизма, *Проблемы истории, филологии, культуры*, 16/3, 2006, 334–342.

— 2018

Янковская Г. А., Советское искусство в годы позднего сталинизма и « рядовой зритель », *Magistra Vitae*, 1, 2018, 39–45.

Brooks 1982

Brooks J., Studies of the Reader in the 1920s, *Russian History*, 9/2–3, 1982, 187–202.

— 2020

Brooks J., The Press and the Public Adjust to a New Normal, 1918–1935, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020, 43–82.

Dobrenko 1997

Dobrenko E., *The Making of the State Reader: Social and Aesthetic Contexts of the Reception of Soviet Literature*, Stanford, 1997.

Dobrenko, Reitblat 2020

Dobrenko E., Reitblat A., The Readers' Milieu, 1917–1920s, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020, 15–42.

Garros et al. 1995

Garros V., Korenevskaya N., Lahusen Th., eds., *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930's*, New York, 1995.

Hillig 1981

Hillig G., A. S. Makarenko, "Pedagogičeskaja poëma", 1: Eine textologische Untersuchung, *Studia Slavica. Beiträge zum VIII. Internationalen Slawistenkongress in Zagreb 1978*, Giessen, 1981, 267–315.

Khalid 2015

Khalid A. *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*, Ithaca, New York, London, 2015.

Kozlov 2013

Kozlov D., *The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past*, Cambridge, Mass., London, 2013.

Lahusen 1997

Lahusen T., *How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia*. Ithaca, New York, London, 1997.

— 2020

Lahusen T., Is There a Class in This Text? Reading in the Age of Stalin, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020, 83–106.

Lovell 2000

Lovell S., *The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras*, New York, 2000.

Malinovskaya 2015

Malinovskaya O., *Teaching Russian classics in secondary school under Stalin (1936–1941)*, Oxford, 2015.

— 2020

Malinovskaya O., Reading Russian Classics in Soviet Schools under Stalin: Analyzing Normative Material, 1922–1941, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, Milan, 3, 2020, 107–158.

Paperno 2009

Paperno I., *Stories of the Soviet experience: Memoirs, diaries, dreams*, Ithaca, London, 2009.

Rebecchini, Vassena 2014

Rebecchini D., Vassena R., eds., *Reading in Russia: Practices of Reading and Literary Communication, 1760–1930*, Milan, 2014.

— 2020a

Rebecchini D., Vassena R., eds., *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 1, Milan, 2020.

— 2020b

Rebecchini D., Vassena R., eds., *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020.

Witt 2011

Witt S., Between the Lines: Totalitarianism and Translation in the USSR, *Contexts, Subtexts and Pretexts: Literary Translation in Eastern Europe and Russia*, Amsterdam, Philadelphia, 2011, 149–170.

Zitzewitz 2021

Zitzewitz J., von, *The Culture of Samizdat: Literature and Underground Networks in the Late Soviet Union*, London, 2021.

References

- Blum A. V., *Sovetskaia tsenzura v epokhu total'nogo terrora. 1929–1953*, St. Petersburg, 2000.
- Blum A. V., *Zapreshchennye knigi russkikh pisatelei i literaturovedov. 1917–1991: Indeks sovetskoi tsenzury s kommentariiami*, St. Petersburg, 2003.
- Bogomolov N. A., Neskol'ko razmyshlenii po povodu dvukh dat v istorii russkoi literatury sovetskogo perioda, Idem, *Ot Pushkina do Kibirova: Stat'i o russkoi literature, preimushchestvenno o poezii*, Moscow, 2004, 257–266.
- Brandenberger D. L., *Stalinskii russotsentrizm. Sovetskaia massovaia kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniia 1931–1956 gg.*, Moscow, 2017.
- Brooks J., Studies of the Reader in the 1920s, *Russian History*, 9/2–3, 1982, 187–202.
- Brooks J., The Press and the Public Adjust to a New Normal, 1918–1935, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020, 43–82.
- Chudakova M. O., Bez gneva i pristrastiia: Formy i deformatsii v literature 20–30-kh godov, *Novy Mir*, 9, 1988, 240–260.
- Chudakova M. O., Russian literature of the 20th century: the problem of borders of the researching object, *Concept of Frontier in Culture* (= *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensis*, 6), Tartu, 1998, 193–205.
- Dobrenko E., Reitblat A., The Readers' Milieu, 1917–1920s, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020, 15–42.
- Dobrenko E., *The making of the state reader: social and aesthetic contexts of the reception of Soviet literature*, Stanford, St. Petersburg, 1997.
- Dubin B. V., *Klassika posle i riadom. Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture*, Moscow, 2010.
- Frank S. K., Project of Multi-National Soviet Literature as a Normative Project of World Literature (with Imperial Implications), *Imagology and Comparative Studies*, 11, 2019, 230–247.
- Garros V., Korenevskaya N., Lahusen Th., eds., *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930's*, New York, 1995.
- Gerasimova A. V., *The Issue of Real Recipient of a Fiction: Contemporary Reader Practices' Analysis*

- (= *Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuensis*, 43), Tartu, 2020.
- Hillig G., 50-letie publikatsii «Pedagogicheskoi poemy», *Svantevit. Dansk tidsskrift for slavistik* (Århus), 1–2, 1984, 181–188.
- Hillig G., A. S. Makarenko, “Pedagogičeskaja poëma”, 1: Eine textologische Untersuchun, *Studia Slavica. Beiträge zum VIII. Internationlen Slawistenkongress in Zagreb 1978*, Giessen, 1981, 267–315.
- Hillig G., Unterwegs zum Wahren Makarenko, *Russischsprachige Publikationen (1976–2014)*, Poltava, 2014.
- Ilizarov B. S., *Tainaia zhizn' Stalina. Po materiam ego biblioteki i arkhiva. K istoriosofii stalinizma*, Moscow, 2013.
- Khalid A. *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*, Ithaca, New York, London, 2015.
- Kozlov D., *The Readers of Noyyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past*, Cambridge, Mass, London, 2013.
- Lahusen T., *How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia*. Ithaca, New York, London, 1997.
- Lahusen T., Is There a Class in This Text? Reading in the Age of Stalin, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020, 83–106.
- Lovell S., *The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras*, New York, 2000.
- Malinovskaya O., Reading Russian Classics in Soviet Schools under Stalin. Analyzing Normative Material, 1922–1941, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, Milan, 3, 2020, 107–158.
- Malinovskaya O., *Teaching Russian classics in secondary school under Stalin (1936–1941)*, Oxford, 2015.
- Medvedev R. A., *Chto chital Stalin? Liudi i knigi. Pisatel'i kniga v totalitarnom obshchestve*, Moscow, 2005.
- Nazarov A. I., *Ocherki istorii sovetskogo knigoizdatel'stva*, Moscow, 1952.
- Paperino I., *Stories of the Soviet experience: Memoirs, diaries, dreams*, Ithaca, London, 2009.
- Rebecchini D., Vassena R., eds., *Reading in Russia: Practices of Reading and Literary Communication, 1760–1930*, Milan, 2014.
- Rebecchini D., Vassena R., eds., *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 1, Milan, 2020.
- Rebecchini D., Vassena R., eds., *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020.
- Rejtblat A. I., *«Ot Bovy k Bal'montu» i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury*, Moscow, 2009.
- Skakov N., Culture One and a Half, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1 (161), 2020, 104–123.
- Toporov A. M., *Krest'iane o pisateliakh*, Moscow, 1930.
- Tsyganov D. M., From Self-Criticism to Self-Destruction: The Reorganization of the Canon of Soviet Aesthetics During the Period of Late Stalinism, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 5 (177), 2022, 135–148.
- Tsyganov D. M., Stalin's Prize in the System of the Literary Process in 1940s–early 1950s. The Formation of the Socialist Realist Canon in the Institutional Context, *Summer school on Russian literature*, 17/3–4, 2021, 347–370.
- Weisskopf M., *Pisatel' Stalin: Iazyk, priemy, siuzhetы*, Moscow, 2020.
- Witt S., Between the Lines: Totalitarianism and Translation in the USSR, *Contexts, Subtexts and Pretexts: Literary Translation in Eastern Europe and Russia*, Amsterdam, Philadelphia, 2011, 149–170.
- Yankovskaya G. A., Art Education and Provincial Spectator of Soviet Art at Stalin's Regime, *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 16/3, 2006, 334–342.
- Yankovskaya G. A., Soviet Art of the Late Stalinism and “Ordinary Spectator”, *Magistra Vitae*, 1, 2018, 39–45.
- Zemskova E. E., Translators from the Languages of the National Republics in Soviet Literary Criticism in Early 1930s., *The New Philological Bulletin*, 4 (39), 2016, 167–177.
- Zitzewitz J., von, *The Culture of Samizdat: Literature and Underground Networks in the Late Soviet Union*, London, 2021.

Дмитрий Михайлович Цыганов, магистрант
кафедры новейшей русской литературы
и современного литературного процесса
филологического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1,
1-й корпус гуманитарных факультетов
Россия / Russia
tztyganoff.mitia@yandex.ru

Received March 21, 2022

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВЪНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 11. № 2
Институт славяноведения РАН, 2022

Подписано в печать 19 • XII • 2022 г. Формат 70×100/16.
Объем 24,5 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119991, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А. Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.